

СТРАНЫ
И
НАРОДЫ
ВОСТОКА

ВЫПУСК

U S S R ACADEMY OF SCIENCES
GEOGRAPHICAL SOCIETY OF THE USSR
ORIENTAL COMMISSION

COUNTRIES AND PEOPLES OF THE EAST

VOL. XV

AFRICA AND ASIA

EDITORS

Y. V. MARETIN, I. V. SAKHAROV

Editorial Board:

*B. A. VALSKAYA, Y. D. DMITREVSKY, V. A. ROMODIN,
T. K. SHAFRANOVSKAYA, A. G. SHPRINZYN*

NAUKA PUBLISHING HOUSE
Central Department of Oriental Literature
Moscow 1973

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

ВЫП. XV

АФРИКА И АЗИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1973

Ответственные редакторы
Ю. В. МАРЕТИН, И. В. САХАРОВ

Члены редакционной коллегии
Б. А. ВАЛЬСКАЯ, Ю. Д. ДМИТРЕВСКИЙ, В. А. РОМОДИН,
Т. К. ШАФРАНОВСКАЯ, А. Г. ШПРИНЦИН

Сборник подготовлен Восточной комиссией Географического общества СССР. Содержит статьи, посвященные исследованию природной среды, хозяйственной структуры и перспектив развития освободившихся стран Африки и Азии, их истории, археологии, этнографии и историографии, языкознания и истории культуры.

ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР в 1965—1972 гг.

В декабре 1955 г. в Географическом обществе СССР, имеющем давние и славные традиции в изучении стран Азии и Африки, была создана Восточная комиссия, во главе которой встал академик В. В. Струве.

В соответствии с общими задачами Географического общества Восточная комиссия поставила своей целью способствовать развитию советской географической науки и других смежных наук, изучающих страны и народы Азии и Африки; популяризировать достижения советской науки, распространять и углублять знания о странах Азии и Африки среди широких масс населения; участвовать в мероприятиях по культурным и научным связям с народами этих стран; бороться против реакционной идеологии империализма и колониализма, вносить свой вклад в дело освобождения угнетенных народов и полной ликвидации колониализма, способствовать укреплению дружбы между народами.

За годы своего существования Восточная комиссия превратилась в крупное междуведомственное комплексное объединение востоковедов.

Это — добровольная организация, строящая свою работу целиком на общественных началах. В соответствии с уставом Географического общества двери Восточной комиссии широко открыты для всех занимающихся изучением Азии и Африки — их географии, этнографии, истории, культуры и т. д. Среди участников ее работы — сотрудники самых различных научных учреждений Ленинграда, Москвы и других городов нашей страны, а также прогрессивные зарубежные ученые.

Будучи создана при Географическом обществе, Восточная комиссия с самого начала была задумана как организация комплексного характера, призванная объединить усилия ученых, работающих в разных областях науки. Участие в работе комиссии ученых разных специальностей, знакомящих друг друга с методами и результатами своих научных исследований, и всестороннее обсуждение этих исследований создают творческую обстановку плодотворных, взаимно обогащающих научных контактов, позволяющих успешно решать разнообразные научные проблемы.

В течение первого десятилетия существования Восточной комиссии (вплоть до своей кончины 15 сентября 1965 г.) ее руководящий орган — бюро — бессменно возглавлял академик Василий Васильевич Струве.

1 декабря 1965 г. на заседании Восточной комиссии было избрано новое бюро в составе А. В. Королева (почетный член бюро), Б. А. Валь-

ской (заместитель председателя), Ю. Д. Дмитриевского, Ю. В. Маретина, В. А. Ромодина, И. В. Сахарова (заместитель председателя), Т. К. Шафрановской (секретарь) и А. Г. Шпринцина.

Новое бюро возглавил один из старейших членов Географического общества, член-корреспондент Академии наук СССР, профессор Дмитрий Алексеевич Ольдерогге — крупный советский ученый-африканист с мировым именем. Лауреат Золотой медали имени П. П. Семенова, присужденной ему Географическим обществом СССР в 1966 г., лауреат Международной премии имени Хайле Селассие I (1968 г.), Д. А. Ольдерогге широко известен как исследователь многих проблем истории, этнографии, филологии Африки, как автор важных теоретических работ по этнографии народов Азии. Он является также одним из наиболее видных советских и мировых специалистов по общим вопросам этнографии.

Возглавив Восточную комиссию, Д. А. Ольдерогге активно и целеустремленно руководит ее работой, осуществляет научное редактирование публикуемых ею трудов, постоянно выступает с докладами и сообщениями на ее заседаниях. На V съезде Географического общества (декабрь 1970 г.) Д. А. Ольдерогге был избран членом его Ученого совета.

Отдавая дань уважения своему председателю, в связи с его 70-летием, исполняющимся 6 мая 1973 г., Восточная комиссия подготовила в его честь настоящий сборник трудов членов комиссии.

Ниже следует летопись работы Восточной комиссии за семь лет — 1965—1972 гг.¹ Хронику работы комиссии за предшествующее десятилетие см. в ст.: Б. А. Вальская, Летопись Восточной комиссии Географического общества СССР за десять лет (1955—1965), — в сб.: «Страны и народы Востока», вып. VIII, М., 1969; И. В. Сахаров, Десять лет работы Восточной комиссии Географического общества Союза ССР, — «Народы Азии и Африки», 1967, № 2.

Хроника работы за 1965—1972 гг.

1 декабря 1965 г. состоялось заседание Восточной комиссии, на котором были заслушаны доклад Д. А. Ольдерогге «Архитектурные памятники Томбукту» и отчет о работе комиссии за 1965 г. (сообщение Б. А. Вальской). На этом заседании было избрано бюро Восточной комиссии.

На заседании 3 декабря были прочитаны доклады И. В. Сахарова «Миграция населения между Восточным Пакистаном и Индией после раздела Бенгалии в 1947 г.», С. А. Маретиной «Малые народы Ассама и Нагаленда», М. К. Кудрявцева «Антропологическая служба Индии (по личным впечатлениям)» и Р. И. Баранниковой «О работе ленинградской школы-интерната с преподаванием ряда предметов на языке хинди».

15 декабря были заслушаны доклады П. П. Бушева (Москва) «Путешествие Мухаммед-Хосейн-бека в Москву в 1690—1691 гг.» и В. Б. Блэк «Некоторые памятники искусства Закавказья эпохи ранней и развитой бронзы (III—I тыс. до н. э.)».

На последнем в 1965 г. заседании Восточной комиссии состоялся доклад А. Н. Зелинского (Москва) и Б. И. Кузнецова «Тибетские надписи Иссык-куля (о некоторых буддийских памятниках Киргизии)».

В 1965 г. вышли в свет сборники «Доклады Восточной комиссии»,

¹ Составила Б. А. Вальская при участии И. В. Сахарова.

вып. 1 (2), Л., 1965 (сборник посвящен 80-летию А. В. Королева) и «Страны и народы Востока. География, этнография, история», вып. IV, М., 1965 (сборник посвящен десятилетию Восточной комиссии).

1966

6 января состоялись доклады Г. П. Куриленко «Некоторые забытые русские путешественники в Индию в XVII в.» и Ю. В. Маретина «О характере индо-балийской культуры».

24 января на заседании Комиссии географии населения совместно с Восточной комиссией с докладами выступили А. Д. Юров («Особенности урбанизации Южной Африки») и И. В. Сахаров [«Проблемы Калькутты (по книге Ашока Митры: Asok Mitra, Calcutta India's City, Calcutta, 1963)»].

2 февраля обсуждались доклады А. И. Собченко «Влияние рабства на этнические процессы в Конго в конце XIX — начале XX в.» и М. Н. Серебряковой «О некоторых пережитках матриархата и ранних форм семейно-брачных отношений у туток Малой Азии».

23 февраля 1966 г. состоялось заседание Ученого совета Географического общества СССР, на котором председателю Восточной комиссии Д. А. Ольдерогге была присуждена Золотая медаль имени П. П. Семенова за книгу «Западный Судан в XVI—XIX веках» (М., 1960).

28 февраля заседание Восточной комиссии было посвящено Индии, заслушано три доклада: С. А. Маретиной «Ранние государственные образования у народов бодо (Ассам)», М. К. Кудрявцева «Проблема языка племен Индии» и Б. П. Супруновича (Москва) «Малые народности и племена Индии».

2 марта заседание Восточной комиссии совместно с Отделением этнографии и Отделением учебной географии было посвящено 50-летию со дня смерти выдающегося этнографа, путешественника и революционного деятеля Павла Аполлоновича Ровинского. Были заслушаны следующие доклады: Е. В. Михайлов «Жизнь и деятельность П. А. Ровинского», Б. А. Вальская «П. А. Ровинский и Географическое общество», И. И. Приходько «Музей памяти П. А. Ровинского», Т. А. Ровинская «Воспоминания о П. А. Ровинском». К заседанию была подготовлена интересная выставка трудов П. А. Ровинского, его рукописей и других документов.

30 марта состоялось совместное заседание Восточной комиссии с Комиссией географии населения и городов. С докладом «Расовая дискриминация и ее влияние на демографические процессы в Южно-Африканской Республике» выступил А. Д. Юров.

6 апреля были заслушаны доклады В. П. Курьлева «Орошение в Турции» и Т. К. Шафрановской «Сведения о Сибири в дневниках Лоренца Ланга».

20 апреля состоялись доклады И. П. Труфанова «К вопросу о внешних миграциях населения Индии» и В. В. Перцмахера «Мореходные традиции в Индии».

4 мая обсуждались проекты новых программ по истории и географии для средней школы. Выступали Б. А. Вальская, В. А. Ромодин, Д. А. Ольдерогге и др. На этом же заседании был заслушан доклад И. Ю. Перской «Записки путешественников как источник по древней и средневековой истории Индонезии».

10 мая Д. А. Ольдерогге поделился своими впечатлениями о поездке в Сенегал — на Первый всемирный фестиваль негритянского искусства.

11 мая на совместном заседании Восточной комиссии, Отделения математической географии и Комиссии географии населения Г. Н. Озерова познакомила собравшихся с составленной ею картой плотности населения Африки.

18 мая заседание Восточной комиссии было посвящено индийцам, живущим за пределами Индии. Были прочитаны следующие доклады: Ю. В. Маретин «Индийцы в Индонезии», А. Д. Юров «Индийцы Южно-Африканской Республики» и А. Д. Дридзо «Новые книги об индийцах на острове Тринидад».

24 мая на совместном заседании с Отделением экономической географии, Отделением этнографии, Отделением истории географических знаний и с Государственной Публичной библиотекой им. М. Е. Салтыкова-Щедрина И. В. Сахаров прочитал доклад на тему «О комплектовании библиотек Москвы и Ленинграда иностранной литературой по географии, экономике, истории и этнографии стран Азии и Африки».

27 октября состоялся доклад Ф. Х. Бахтеева на тему «Путешествия русских и советских ботаников по странам Африки».

2 ноября Восточная комиссия отмечала 800-летие со дня рождения Шота Руставели. Т. А. Шумовский сделал доклад на тему «Географический ареал поэмы Шота Руставели „Витязь в тигровой шкуре“». На этом же заседании были заслушаны доклады В. В. Перцмахера «Неизвестные архивные материалы о плавании мичмана Федора Дубасова в Индию, Аравию и Китай в 1763—1766 гг.» и О. А. Белобровой «Индия в древнерусском изобразительном искусстве».

С 24 по 26 ноября в Москве прошла научная конференция на тему «Проблемы экономического районирования в развивающихся странах». Она была организована Московским филиалом Географического общества СССР, Восточной комиссией и Институтом географии АН СССР. С докладами на конференции выступил ряд членов Восточной комиссии (Ю. Д. Дмитриевский, В. А. Пуляркин, Н. З. Волчек, Л. И. Бонифатьева, Г. В. Сдасюк, И. В. Сахаров, А. С. Донде, В. Л. Шейнис и др.). Работа конференции нашла свое отражение в ряде публикаций: «Тезисы докладов на тему „Проблемы экономического районирования в развивающихся странах“», М., 1966; «Экономическое районирование развивающихся стран», М., 1968 («Вопросы географии», сб. 76); «Problems of Economic Regionalisation in the Developing Countries», Moscow, 1968.

30 ноября заслушан доклад Д. А. Ольдерогге «Этно-лингвистическое и политическое деление Африки».

7 декабря состоялось заседание, посвященное семидесятилетию со дня рождения профессора В. С. Колоколова. Вступительное слово произнес Д. А. Ольдерогге. Затем были прочитаны следующие доклады: Л. Н. Меньшиков «О системах расположения иероглифов в современных словарях китайского языка», М. Ф. Хван «Принцип кодирования иероглифов по В. С. Колоколову», А. Г. Шпринцин «Современные представления о путях развития китайской письменности». В заключение заседания выступил сам юбиляр с интересным докладом на тему «Некоторые новые изыскания в композиции первых двух книг китайского классического канона „Четверокнижие“».

16 декабря состоялось заседание совместно с Отделением этнографии. Л. Н. Гумилев прочитал доклад на тему: «Этнос как явление (опыт моделирования)».

21 декабря заседание Восточной комиссии и Отделения этнографии было посвящено 100-летию со дня рождения Ф. И. Щербатского (1866—1942). С докладами выступили: А. Н. Зелинский (Москва)

«Академик Ф. И. Щербатской и некоторые вопросы культурной истории кушан» и Б. И. Кузнецов «Проблемы гносеологии в трактате Дхармакирти „Обоснование чужой одушевленности“».

1967

4 января состоялся доклад Б. В. Вахтина «Китайская Народная Республика (по личным впечатлениям — сентябрь — октябрь 1966 г.)».

11 января на совместном заседании с Отделением экономической географии Ю. Д. Дмитриевский, А. С. Донде, И. В. Сахаров и В. Л. Шейнис поделились впечатлениями о конференции по проблемам экономического районирования в развивающихся странах, состоявшейся в Москве в ноябре 1966 г.

18 января В. В. Матвеев прочитал доклад на тему: «Сведения арабских авторов X—XII веков об этнографии Восточной Африки», а Г. П. Куриленко выступил с сообщением «Забывший русский путешественник в Африку А. Куропаткин».

25 января совместное заседание Восточной комиссии с Отделением истории географических знаний и Отделением этнографии было посвящено национальному празднику Индии — Дню Республики. На заседании были прочитаны два доклада: В. В. Перцмакер «Ю. Ф. Лисянский в Индии в 1799 г. (по архивным материалам)» и И. В. Сахаров «Особенности этнического состава и социальной структуры населения Западной Бенгалии (Материалы к докладу для II Всесоюзного научного совещания по географии населения, Москва, январь — февраль 1967 г.)».

15 марта состоялся доклад Д. А. Ольдерогге «Неизвестный русский путешественник в Томбукту» и заслушан отчет бюро о работе Восточной комиссии за 1966 г. (сообщение Б. А. Вальской).

5 апреля заседание Восточной комиссии было посвящено 75-летию со дня рождения Бориса Ивановича Панкратова. Заседание кратким вступительным словом открыл В. А. Ромодин. С докладами выступили: В. С. Стариков «Научная деятельность Б. И. Панкратова», В. С. Колоколов «Мой друг Борис Иванович Панкратов», В. А. Ромодин «Борис Иванович Панкратов — наставник и учитель», А. Г. Шпринцин «Аффиксные слова в языке китайской научной литературы», В. А. Вельгус «Сообщение о древнем мореходстве в Индийском океане».

26 апреля были заслушаны доклады Г. И. Семенюка «Дневник Джона Кестля как источник по истории и этнографии казахов XVIII века» и Г. П. Куриленко «Необычайные приключения Василия Полозова в Африке и на Востоке в XVII веке».

10 мая с докладами выступили Т. К. Шафрановская «Б. А. Дорн об изучении восточных языков в России», В. С. Стариков «Каталог киданьских графем по системе Васильева — Розенберга — Колоколова» и В. Т. Дашкевич «Впечатления о поездке в Японию (осень 1966 г.)».

24 мая Т. В. Грек прочитала доклад на тему «Торжественные приемы (дарбары) могольских шахов (по изобразительным материалам Эрмитажа)», а В. И. Казаков (Москва) — на тему «Национальные движения народов Индии».

31 мая на совместном заседании Восточной комиссии, Отделения экономической географии и Комиссии географии населения и городов был заслушан доклад известного индийского географа и картографа, руководителя отдела географии и картографии Ведомства Генерального регистратора Индии д-ра Фулрани Сенгупты (Нью-Дели) «Региональный подход к демографическим проблемам и развитию ресурсов Индии».

2 июня д-р Ф. Сенгупта вновь выступила с докладом на тему «Ведомство Генерального регистратора Индии (Служба переписи населения) и его работа в области географии и картографии» на совместном заседании Восточной комиссии, Отделения экономической географии, Отделения картографии и Комиссии географии населения и городов.

17 и 18 октября состоялась организованная Восточной комиссией двухдневная научная сессия, посвященная 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Сессию вступительным словом открыл Д. А. Ольдерогге. С докладами выступили: Б. А. Вальская «Вклад Географического общества в изучение стран Востока», Д. Е. Бертельс «О деятельности востоковедных научных обществ в Ленинграде (по архивным материалам)», А. Г. Шпринцин «О деятельности востоковедных научных обществ Москвы», Е. Я. Люстерник «Изучение Индии в Ленинграде за 50 лет», В. В. Кушев «О работе семинара ленинградских иранистов», Д. А. Ольдерогге «Африканистика в СССР», В. А. Ромодин «Афганистика в СССР».

22 ноября заслушаны доклады С. Е. Яхонтова «Общие тенденции развития синитических языков», К. В. Васильева «Из истории древнекитайских письменных памятников» и В. В. Перцмахера «Неизвестные письма Г. С. Лебедева И. Ф. Крузенштерну (1797—1802 гг.)».

13 декабря происходило обсуждение рукописи книги Н. С. Бабинцевой «Политико-экономические очерки современной Африки». После обсуждения выступил И. В. Сахаров с докладом «Изучение Индии в Русском Географическом обществе — Географическом Обществе СССР (1845—1967 гг.)». (Материалы к докладу, подготовленному для XXI Международного географического конгресса, Дели, декабрь 1968 г.)».

На заключительном заседании комиссии 27 декабря 1967 г. состоялось обсуждение статьи Н. А. Петрова «Неизвестный вариант китайского словаря акад. В. П. Васильева».

В 1967 г. вышел в свет сборник «Индия — страна и народ», М., 1967 («Страны и народы Востока», вып. V).

1968

10 января на заседании комиссии были прочитаны доклады Ю. Л. Кроля «К вопросу о том, что в „Записках историка“ написал Сыма Цянь (? 110 г. до н. э.)», А. М. Мартынова «Несколько замечаний о туземной тибетской администрации в эпоху Мин» и М. М. Голубчика (Новосибирск) «География хозяйства Камеруна (основные этапы развития)».

24 января на совместном заседании Восточной комиссии с Отделением этнографии выступил югославский ученый Нико С. Мартинович с докладом на тему: «П. А. Ровинский как критик географических сочинений о Черногории».

7 февраля были заслушаны доклады Л. Л. Гуревича «Некоторые вопросы архитектуры жилища горных таджиков (по материалам поездки 1966 г.)» и Т. А. Шумовского «„Великие острова“ в Морской энциклопедии Ахмада ибн Маджида (XV в.)».

12 февраля 1968 г. состоялось заседание, на котором с докладами выступили К. Б. Кепинг («Перевод на тангутский язык китайского военного трактата Сунь Цзы»), Л. К. Павловская («Пинхуа по истории пяти династий — о композиционных особенностях и месте среди других пинхуа»), И. Э. Циперович («Характеристика и история изучения жанра изречений цзацуань») и С. Х. Иоффе («О грамматической тенденции в лексикографии китайского языка»).

25 марта совместное заседание Восточной комиссии с Отделением экономической географии и Комиссией географии населения и городов было посвящено Индии. Был заслушан доклад Л. А. Княжинской (Москва) «Рост населения и продовольственная проблема в Индии».

27 марта происходило обсуждение пятого выпуска сборника «Страны и народы Востока» (М., 1967), посвященного Индии. Выступали О. Б. Осколкова (Москва), Л. А. Княжинская (Москва), В. Л. Афанасьев, А. М. Решетов, П. М. Долуханов, Н. Г. Краснодарская, В. А. Ромодин, В. В. Перцмакер, И. В. Сахаров, Д. А. Ольдерогге.

3 апреля А. Л. Грюнберг рассказал о своем путешествии по Восточному Гиндукушу (Нуристан, Мунджан) в 1963—1967 гг.

26 апреля на совместном заседании Восточной комиссии и Отделения этнографии югославский ученый Нико С. Мартинович прочел доклад на тему «П. А. Ровинский как этнограф».

14 мая В. Н. Горегляд выступил с докладом «По Японии в 1962—1967 гг.» (с демонстрацией диапозитивов).

22 мая Восточная комиссия совместно с Отделением этнографии и Институтом русской литературы отметили столетие со дня смерти выдающегося русского путешественника и географа Егора Петровича Ковалевского. С докладами выступили: Ю. Д. Дмитриевский «Вклад Е. П. Ковалевского в изучение Африки», Б. А. Вальская «Новые материалы о пребывании Е. П. Ковалевского на Балканах» и Нико С. Мартинович «Значение трудов Е. П. Ковалевского для Черногории».

29 мая заседание Восточной комиссии было посвящено Индии. С докладами выступили: С. А. Маретина «О так называемых кастах на острове Бали (Индонезия)» и Т. В. Грек «Поездка в Индию в январе — феврале 1968 г.» (с демонстрацией диапозитивов).

30 октября Е. И. Лубо-Лесниченко рассказал о своей поездке в Индонезию в 1968 г.

2 ноября в Аддис-Абебе состоялась торжественная церемония вручения императором Эфиопии международной премии Хайле Селассие I за 1968 г. и Золотой медали председателю Восточной комиссии Географического общества СССР Дмитрию Алексеевичу Ольдерогге, который был удостоен этой награды за выдающиеся достижения в области африканистики.

13 ноября на заседании Восточной комиссии с докладами выступили П. А. Баранников «Языковая проблема в Индии на современном этапе» и Н. Г. Краснодарская «Русские этнографы на Цейлоне».

25 декабря на совместном заседании Восточной комиссии и Комиссии топонимики и транскрипции географических названий заслушаны доклады В. А. Ромодина «Данные по исторической географии Нуристана (Восточный Афганистан)» и А. Л. Грюнберга «К вопросу о топонимике современного Нуристана».

В 1968 г. вышли в свет сборник «Страны и народы бассейна Тихого океана», М., 1968 («Страны и народы Востока», вып. VI) и сборник (на русском и английском языках), посвященный проблемам экономического районирования развивающихся стран (описание см. в разделе настоящей хроники, относящемся к 24—26 ноября 1966 г.).

1969

8 января на заседании комиссии выступил Д. А. Ольдерогге. Он рассказал о Восьмом международном конгрессе антропологических и этнографических наук (Токио — Киото, 1968 г.).

С 3 по 6 февраля в Географическом обществе прошла научная конференция на тему «Современные проблемы развития и размещения производительных сил в Африке», в организации и проведении которой активное участие приняла Восточная комиссия. Многие ее члены (Н. С. Бабинцева, Л. Ф. Блохин, Б. А. Вальская, М. М. Голубчик, Ю. Д. Дмитриевский, А. С. Донде, М. П. Забродская, С. Д. Зак, Л. Р. Клецкий, Ю. Г. Липец, Г. Н. Озерова, И. Н. Олейников, Д. А. Ольдерогге, М. С. Розин, К. А. Шахнович, В. Л. Шейнис, В. С. Ягья и др.) выступили с докладами и сообщениями. Работа конференции нашла свое отражение в ряде публикаций: «Современные проблемы развития и размещения производительных сил в Африке. Материалы научной конференции (февраль 1969 г.)», Л., 1969; «Современные проблемы развития и размещения производительных сил в Африке. Сб. докладов и выступлений на научной конференции, состоявшейся 3—6 февраля 1969 г. в г. Ленинграде (сокращенная стенограмма)», ч. I—II, М., 1969; «Современные проблемы развития и размещения производительных сил в Африке», М., 1971.

19 марта Д. А. Ольдерогге рассказал о своей поездке в Эфиопию в ноябре 1968 г.

24 марта И. В. Сахаров рассказал о своей поездке в Индию и Непал в феврале 1969 г. (с показом цветных диапозитивов).

14 апреля на совместном заседании Восточной комиссии, Отделения экономической географии и Комиссии географии населения и городов был заслушан доклад Л. И. Бонифатьевой (Москва) «Проблемы регулирования развития городов в Индии».

16 апреля Т. К. Шафрановская прочитала доклад на тему: «Почетный член Академии наук Ф. П. Аделунг (к 200-летию со дня рождения)». На этом же заседании члены комиссии обсудили отчет о работе Восточной комиссии за 1968 г. и избрали бюро комиссии в следующем составе: Д. А. Ольдерогге (председатель), Б. А. Вальская (зам. председателя), Ю. Д. Дмитриевский, А. Н. Зелинский (Москва), Ю. В. Маретин, В. А. Ромодин, И. В. Сахаров (зам. председателя), Т. К. Шафрановская (секретарь) и А. Г. Шпринцин.

28 мая состоялось совместное заседание Восточной комиссии с Отделением истории географических знаний. Обсуждался вопрос о переиздании книги акад. М. П. Алексева «Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей». В обсуждении приняли участие: И. С. Вдовин, Б. П. Полевой, А. И. Попов и др.

8 октября на заседании Восточной комиссии с докладами выступили А. Я. Щетенко «Роль географической среды в развитии экономики древнего Индостана» и Ю. А. Заднепровский «Культура Ахар в Южном Раджастанхоне (ее происхождение и место в истории Индии послехараппского периода)».

22 октября М. В. Воробьев прочел доклад «Торговля чжурчженей», Е. И. Лубо-Лесниченко рассказал о дальневосточных монетах Минусинского музея, а В. Кочетков — о шахматах у монголов.

12 ноября заседание Восточной комиссии было посвящено симпозиуму по искусству эпохи тимуридов, который состоялся в Самарканде в сентябре 1969 г. С сообщениями выступили В. И. Пилявский и В. А. Ромодин.

26 ноября на заседании Восточной комиссии было прочитано два доклада: «Новые материалы о путешествии Е. П. Ковалевского в Западный Казахстан в 1839—1840 гг.» (Б. А. Вальская), «„Сибирский вестник“ и „Азиатский вестник“ и их издатель Г. И. Спасский» (Т. К. Шафрановская).

10 декабря заседание Восточной комиссии было посвящено Н. К. Рериху. П. Ф. Беликов (Таллин) прочел доклад «Н. К. Рерих и Индия», а В. П. Князева рассказала о датировке картин Н. К. Рериха индийского периода.

На заключительном заседании Восточной комиссии — 24 декабря 1969 г. — с докладами выступили В. В. Анненков (Москва) «Этапы формирования хозяйства Сенегала» и В. А. Ромодин «Первые афганские путешественники в Европу».

В 1969 г. вышли в свет следующие сборники Восточной комиссии: «Страны и народы Африки», М., 1969 («Страны и народы Востока», вып. VII); «Страны и народы Востока», вып. VIII, М., 1969 (Сборник посвящен памяти В. В. Струве); «Страны и народы Африки», кн. 2, М., 1969 («Страны и народы Востока», вып. IX).

1970

7 января состоялось заседание, на котором участники Всесоюзной конференции африканистов (Москва, октябрь 1969 г.) рассказали о работе этой конференции.

19 января на совместном заседании с Отделением медицинской географии было заслушано сообщение В. А. Елизарова «Некоторые материалы по медицинской географии Эфиопии».

21 января было намечено посвятить заседание 70-летию со дня рождения доктора исторических наук А. П. Ковалевского. Но оно оказалось посвященным его памяти: А. П. Ковалевский неожиданно скончался 29 ноября 1969 г. Заседание вступительным словом открыл Д. А. Ольдерогге. Т. А. Шумовский охарактеризовал научный путь А. П. Ковалевского, а М. А. Салахетдинова выступила с сообщением: «Об одном мусульманском обряде у волжских болгар (дополнение к комментарию Ибн Фадлана)».

26 января заседание, посвященное Дню Республики Индии, вступительным словом открыл И. В. Сахаров. В. В. Перцмакер сообщил об изменениях географических названий в Индии за годы независимости, а В. П. Князева выступила с докладом «Индия в картинах Н. К. Рериха» (с демонстрацией диапозитивов).

27 января состоялось заседание Восточной комиссии совместно с Отделением экономической географии, Отделением этнографии и Комиссией географии населения и городов. На нем с докладом выступил известный индийский этнограф и социолог, заместитель Генерального регистратора Индии д-р Б. К. Рой Бёрман (Нью-Дели). Тема доклада — «Некоторые проблемы изучения населения Индии».

18 февраля М. Ф. Чигринский прочитал доклад «Из истории открытия Тайваня европейцами», а А. П. Терентьев-Катанский выступил с сообщением «Отражение расовых и социальных типов в искусстве Востока».

24 февраля Ученый совет Географического общества СССР присудил Золотую медаль имени П. П. Семенова члену бюро Восточной комиссии Ю. Д. Дмитревскому за книгу «Внутренние воды Африки и их использование» (Ленинград, 1967).

16 марта заседание, проведенное совместно Восточной комиссией и Комиссией географии населения и городов, было посвящено Дню независимости Маврикия. С докладом «Этнические проблемы населения острова Маврикия» выступил И. В. Сахаров.

18 марта был заслушан доклад И. М. Андронниковой «Закономерности расселения русских цыган в связи с их миграциями».

Заседание бюро Восточной комиссии 25 июня 1970 г.

10 апреля на совместном заседании Восточной комиссии и Ленинградского филиала Института Африки В. Л. Шейнис выступил с докладом: «Ленинское учение об империализме и „малые империализмы“ в Африке (ЮАР, Родезия, Португалия)».

27 апреля состоялось совместное заседание Восточной комиссии и Комиссии по организации музеев в природе. Г. В. Пионтек рассказал о Тбилисском историко-этнографическом музее Грузинской ССР под открытым небом.

6 мая на совместном заседании Восточной комиссии с общегородским индологическим семинаром сотрудник Отдела языков службы переписи населения Индии д-р М. Р. Ранганатха (Калькутта) выступил с докладом о языковой ситуации в современной Индии.

15 мая состоялось еще одно совместное заседание Восточной комиссии с Ленинградским филиалом Института Африки. Ю. В. Маретин прочел доклад «Внутренний рынок в многонациональных развивающихся странах: проблемы и перспективы».

20 мая происходили выборы делегата на V съезд Географического общества. Делегатом единогласно был избран председатель Восточной комиссии Д. А. Ольдерогге. На этом же заседании члены Восточной комиссии заслушали доклад Д. А. Ольдерогге на тему: «Род и община (к проблеме типологии общины по материалам Африки и Востока)».

21 октября на заседании, посвященном 100-летию со дня рождения А. К. Булатовича, было заслушано два доклада: Д. А. Ольдерогге «А. К. Булатович как исследователь Африки» и Б. А. Вальской «А. К. Булатович и Географическое общество».

28 октября члены Восточной комиссии заслушали доклады А. П. Раскина «Выходцы из Индии в США» и М. Ф. Чигринского «Тайвань глазами голландцев».

10 ноября на заседании Восточной комиссии обсуждались итоги двух международных конгрессов: V конгресса по экономической истории, состоявшегося в августе 1970 г. в Ленинграде, и XIII конгресса исторических наук, который происходил в августе 1970 г. в Москве. С сообщениями выступили Ю. В. Маретин, Б. А. Вальская, М. К. Кудрявцев, И. В. Сахаров.

На заседании Восточной комиссии 1 декабря 1970 г. был заслушан доклад Д. А. Ольдерогге «Матрилинейный род и община (на примере Западной Африки)».

7—11 декабря в Москве прошла I Всесоюзная конференция индологов, на которой с докладами выступили члены Восточной комиссии Е. Я. Люстерник, В. В. Перцмакер, Г. В. Сдасюк, В. А. Пуляркин, Б. П. Супрунович, Л. А. Княжинская, Л. И. Бонифатьева, А. Н. Зелинский, Ю. В. Маретин, И. В. Сахаров, М. К. Кудрявцев, С. А. Маретина и др.

1971

11 января состоялось совместное заседание Восточной комиссии, кафедры китайской филологии Восточного факультета Ленинградского университета, Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР и Отдела Востока Государственного Эрмитажа, посвященное 90-летию со дня рождения академика В. М. Алексеева. С докладами выступили: Е. И. Лубо-Лесниченко, Л. Н. Меньшиков, В. В. Петров, М. Л. Рудова, Н. А. Спешнев, О. Л. Фишман и А. Г. Шпринцин.

26 января заседание Восточной комиссии было посвящено Дню Республики Индии. Его открыла вступительным словом Е. Я. Люстерник. С докладами выступили И. В. Сахаров («Новейшие административно-территориальные преобразования в Индии») и С. А. Маретина («Мегхалая — новый штат Индии»).

29 января — 3 февраля в Москве проходила научная конференция «География и развивающиеся страны (проблемы использования природных и трудовых ресурсов)», созданная Центральной организацией, Восточной комиссией и Московским филиалом Географического общества СССР совместно с другими учреждениями и организациями. На конференции с докладами и сообщениями выступили члены Восточной комиссии Д. А. Ольдерогге, Ю. Д. Дмитриевский, Н. С. Бабинцева, Г. В. Сдасюк, Л. И. Бонифатьева, И. В. Сахаров, В. А. Пуляркин, Ю. В. Маретин и др.

17 февраля с докладом «Исследователь Эфиопии А. К. Булатович, его жизнь и деятельность» выступил И. С. Качнельсон (Москва).

24 февраля состоялось заседание, посвященное 15-летию Восточной комиссии. Его открыл Д. А. Ольдерогге. С докладом о работе Комиссии за 15 лет выступила Б. А. Вальская. К заседанию была открыта выставка изданий комиссии и других материалов, связанных с ее деятельностью.

24 марта Л. Б. Алаев (Москва) рассказал о результатах своей годичной командировки в Индию в 1968 г.

26 марта Л. Б. Алаев вновь выступил с докладом «Индийская сельская община каст и ее место в типологии сельских общин» на заседании, проведенном совместно Восточной комиссией, группой общей этнографии Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР и Ленинградским общегородским индологическим семинаром.

31 марта были заслушаны доклады Л. Ф. Блохина (Москва) «Географические аспекты понятия развивающейся страны» и М. Б. Горнунга (Москва) «К истории денежного обращения и монетной системы Эфиопии».

13 апреля на заседании комиссии выступили С. И. Авербух (Харьков) «Значение древнегреческих источников для изучения истории Северо-Западной Индии в конце IV в. до н. э.» и В. В. Матвеев «Гардайя и Герара — города мзабитов».

20 апреля обсуждались доклады Б. И. Панкратова «К вопросу об идентификации одного титула у хунну» и М. Ф. Хвана «По поводу некоторых ошибок, допущенных китайскими писцами при записи древнетюркских имен».

5 мая были заслушаны доклады Л. Л. Викторовой «К вопросу о религиозных представлениях у древних монголов» и Ю. В. Ионовой «Культы гор и деревьев у корейцев».

19 мая с докладами выступили Г. А. Зограф «По университетам Индии (ноябрь 1970 — февраль 1971 г.)» и Е. И. Лубо-Лесниченко «Поездка в Индию в феврале — марте 1971 г. Впечатления искусствоведа». Оба доклада сопровождалась показом цветных диапозитивов.

26 мая Восточная комиссия обсудила и одобрила проект памятника воинам-тарбагатайцам — участникам Великой Отечественной войны, представленный Г. В. Пионтеком.

22 июня состоялось заседание Восточной комиссии, проведенное совместно с Ленинградским отделением Института этнографии АН СССР и Ленинградским общегородским индологическим семинаром. С докладом «Некоторые вопросы языковой политики в Индии» на нем выступил руководитель Департамента социологии Бомбейского университета крупный индийский историк и социолог А. Р. Десаи (Бомбей).

Заседание Восточной комиссии после летнего перерыва 6 октября было открыто докладом Д. А. Ольдерогге «Сидди — африканцы в Индии». Затем выступила С. А. Маретина с сообщением «Монографии по малым народам в „Переписи населения Индии 1961 г.“». После этого участники XIII Международного конгресса по истории науки (Москва, август 1971 г.) Б. А. Вальская и Ю. В. Маретин поделились своими впечатлениями о заседаниях этого конгресса.

15 октября состоялось совместное заседание Восточной комиссии с Отделением экономгеографии. С докладом «Условия и направления развития хозяйства Республики Мали» выступил бывший эксперт ЮНЕСКО Ю. Н. Новиков.

20 октября на заседании Восточной комиссии был заслушан доклад П. А. Грязневича об итогах его путешествия по Йемену в 1970—1971 гг.

3 ноября с докладами выступили Г. А. Лашова («Современные экономико-географические сдвиги в Тунисе») и В. И. Плоткин («Торговые пути Восточной Африки в XVIII—XIX вв.»).

17 ноября Г. В. Пионтек прочел доклад «По Тарбагатаю: некоторые наблюдения в Восточном Казахстане в сезон 1971 г.» (с демонстрацией диапозитивов). М. Ф. Чигринский рассказал о религии аборигенов Тайваня пинпу (по свидетельствам голландцев XVII в.).

В 1971 г. вышли следующие сборники Восточной комиссии: «Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история», М., 1971 («Страны и народы Востока», вып. X). Сборник посвящен 2500-летию Самарканда; «Страны и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии», М. 1971 («Страны и народы Востока», вып. XI). Сборник

посвящен 75-летию Б. И. Панкратова; «Countries and Peoples of the Pacific Basin», Moscow, 1971 (Сборник издан к XII Тихоокеанскому международному конгрессу, август 1971 г., Канберра).

1972

12 января на заседании Восточной комиссии В. А. Ромодин прочитал доклад «Первые советские миссии в Кабуле».

27 января состоялось заседание, посвященное национальному празднику Индии — Дню Республики. После вступительного слова Е. Я. Люстерник с докладами выступили И. В. Сахаров («Обзор предварительных данных переписи населения Индии 1971 г.») и А. М. Сенков («Проект кратчайшего водного пути, соединяющего СССР и Индию»).

На заседании 9 февраля были прочитаны доклады «Принципы китайской латинизированной письменности. К сорокалетию первой конференции по латинизации, Владивосток, 1931» (докладчик А. Г. Шпринцин) и «Новые данные о Я. В. Виткевиче и его путешествиях в Бухару и Афганистан» (докладчик В. П. Грицкевич).

21 марта состоялось совместное заседание Отделения этнографии и Восточной комиссии, на котором был заслушан доклад Ю. В. Маретина «Опыт объяснения некоторых индонезийских обрядов в аспекте этнографии и семиотики».

На заседании Восточной комиссии 12 апреля было проведено обсуждение проспекта серии монографий «Страны и народы», намеченной к выпуску в издательстве «Мысль». В обсуждении приняли участие Б. В. Козлов, Ю. Д. Дмитриевский, Ю. В. Маретин, В. А. Ромодин, И. В. Сахаров, Д. А. Ольдерогге и др.

26 апреля состоялось заседание, на котором был заслушан доклад Д. А. Ольдерогге «Новые исследования по истории и археологии Африки».

10 мая на заседании Восточной комиссии состоялось обсуждение рукописи аннотированного рекомендательного библиографического указателя «Индия» (автор И. В. Сахаров). В обсуждении приняли участие Е. Я. Люстерник, М. К. Кудрявцев, В. А. Ромодин, Ю. В. Маретин, В. В. Перцмакер, А. П. Раскин, И. В. Сахаров, Д. А. Ольдерогге.

25 октября состоялось заседание, посвященное 100-летию со дня рождения В. К. Арсеньева. Доклад «Жизнь и деятельность В. К. Арсеньева» сделал Б. П. Полевой, доклад «О поездке к тамам Приморья в 1928 году» прочитал А. Г. Шпринцин. На заседании также выступили Е. П. Орлова, В. С. Стариков и др.

1 ноября на заседании Восточной комиссии выступил С. Е. Яхонтов с докладом о поездке в Сингапур в 1971—1972 гг.

27 декабря состоялось заседание, посвященное 50-летию образования СССР. Вступительное слово произнес Д. А. Ольдерогге. Были прочитаны доклады о культурном строительстве у народов Советского Севера (Е. П. Орлова), об ученых-востоковедах советских республик Средней Азии (В. А. Ромодин), о международной конференции в Ташкенте, посвященной 50-летию образования СССР (Ю. Д. Дмитриевский) и о работе Комитета нового алфавита по реформе и созданию письменности для народов СССР в 1922—1937 гг. (А. Г. Шпринцин).

В 1972 г. вышли в свет сборники: «Индия — страна и народ», книги 2 и 3, М., 1972 («Страны и народы Востока», вып. XII, XIV), «Страны и народы бассейна Тихого океана», кн. 2, М., 1972 («Страны и народы Востока», вып. XIII).

Общие проблемы развивающихся стран

М. С. Розин

К ВОПРОСУ О РОЛИ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН В ГЕОГРАФИИ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

В резолюции XXIV съезда КПСС по Отчетному докладу Центрального Комитета указано, что съезд придает важное значение развитию внешних экономических и научно-технических связей; в ней подчеркнуто, что совершенствование системы этих связей должно способствовать дальнейшему повышению экономической эффективности народного хозяйства [2, стр. 200]. В свете сказанного исследование проблем географии мирового хозяйства в целом и по отдельным группам стран приобретает особенную актуальность.

Изучение трудов В. И. Ленина показывает, какое огромное внимание он уделял исследованию сдвигов в мировом хозяйстве. С какой тщательностью В. И. Ленин изучал работы по мировому хозяйству Б. Гармса, З. Шильдера, Р. Кальвера, по империализму — Гобсона, по монополиям — Р. Лифмана, Г. Леви, Шульце-Геверница и др., по колониальным захватам — А. Супана, Г. Морриса, всевозможные статистические источники и т. д., видно из труда «Империализм, как высшая стадия капитализма». Вопросам мирового хозяйства В. И. Ленин отводил видное место и на высоком посту главы Советского правительства. Хорошо известно, что сразу после победы Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин настойчиво ставил вопрос об организации и развитии экономических отношений с капиталистическими странами. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал неизбежность развития всемирных экономических отношений. В докладе IX Всероссийскому съезду Советов В. И. Ленин заявил: «Есть сила бо́льшая, чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств или классов, эта сила — общие экономические всемирные отношения, которые заставляют их вступить на этот путь сношения с нами» [1, стр. 304—305]. Эти ленинские прогнозы были сделаны в 1920—1921 гг. на заре развития наших внешнеэкономических отношений с зарубежными странами, когда Советской стране приходилось преодолевать объявленную капиталистическим Западом «золотую» и экономическую блокаду, когда заключение отдельных сделок было большим событием.

А ныне мы торгуем более чем со 100 странами — социалистическими, капиталистическими и развивающимися. В 1970 г. внешнеторговый оборот СССР превысил 22 млрд. рублей против 181 млн. руб. в 1921 г.,

который В. И. Ленин назвал «первым годом в деле торгового оборота с заграницей».

Роль развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки во внешней торговле СССР до второй мировой войны была незначительной. Колониальные державы всячески тормозили и часто не допускали развития экономических связей между СССР и колониальными странами. Положение существенно изменилось в результате крушения колониальной системы империализма и образования более 70 суверенных государств. Наш внешнеторговый оборот с развивающимися странами увеличился с 0,3 млрд. руб. в 1955 г. и 0,8 млрд. руб. в 1960 г. до 2,51 млрд. в 1969 г. и 2,98 млрд. в 1970 г.; в 1970 г. удельный вес развивающихся стран достиг 13,5% [3, стр. 16]. Наиболее крупных размеров достиг внешнеторговый оборот СССР с Египтом (доля его в 1970 г. составила 2,7%), Индией (1,7%), Ираном (1%). Значительными величинами измеряется внешнеторговый оборот СССР с Алжиром, Малайзией, Турцией, Афганистаном, Ираком, Сирией и другими развивающимися странами. Однако велики потенциальные возможности дальнейшего расширения с ними внешнеторговых связей.

Среди экспортируемых Советским Союзом товаров видное место занимают машины и оборудование, в которых развивающиеся страны ощущают острую нужду в связи со строительством национальной экономики.

Экспорт из СССР в развивающиеся страны оборудования и материалов комплектных предприятий характеризуют следующие данные (в млн. руб.) [5, стр. 3—5]:

	1955 г.	1960 г.	1965 г.	1969 г.
Все развивающиеся страны	0,98	63,56	255,69	352,82
В том числе:				
Страны Африки	—	14,29	108,38	86,36
Азии	0,98	49,27	147,31	266,46

Внешней торговлей отнюдь не ограничиваются наши экономические связи. Все более весомое значение приобретает экономическое и научно-техническое сотрудничество. По состоянию на начало 1970 г. число промышленных предприятий и других объектов, построенных, строящихся и намеченных к строительству в развивающихся странах при техническом содействии СССР, достигло 714 (в том числе в промышленности — 275, сельском хозяйстве — 151, транспорте и связи — 74, в геологоразведке — 55, просвещении, культуре, здравоохранении и спорте — 144, в жилищном и коммунальном хозяйстве — 8). Важно подчеркнуть, что около 70% средств, предусмотренных соглашениями об экономическом и техническом сотрудничестве Советского Союза с освободившимися странами, направляется на развитие промышленности, особенно для строительства предприятий тяжелой промышленности [5].

Укрепление экономических связей с Советским Союзом и другими социалистическими странами представляет для развивающихся стран тем больший интерес, что положение их на мировом рынке в связи с практикуемым империалистическими государствами неэквивалентным обменом за последние два десятилетия не только не улучшилось, но, наоборот, заметно ухудшилось, как это видно из данных табл. 1.

Приведенные данные по указанному важному показателю позволяют прийти к выводу, что развивающиеся страны после обретения ими независимости продолжают эксплуатироваться промышленно развитыми

Таблица 1

Удельный вес развивающихся и развитых капиталистических стран в мировой торговле

	Экспорт		Импорт	
	1969 г.	1969 г.	1960 г.	1969 г.
Все страны мира, млрд. долл.	128,6	273,3	135,0	284,1
Доля развивающихся стран, %	21,0	18,0	22,2	17,3
Доля развитых капиталистических стран, %	65,9	70,0	65,1	71,2

капиталистическими государствами. Поскольку экспорт освободившихся стран состоит из минерального и сельскохозяйственного сырья и большая часть его размещается в капиталистических странах, на состояние экономики развивающихся стран оказывают немалое влияние условия реализации на мировом капиталистическом рынке, что используется в своих интересах империалистическими монополиями.

Роль развивающихся стран в мировом хозяйстве можно проследить на примере горнодобывающей и горнообрабатывающей промышленности, которая занимает в их экономике виднейшее место. Большие изменения в роли этих стран в горнодобывающей промышленности произошли после второй мировой войны. Так, доля стран Ближнего и Среднего Востока в суммарной добыче нефти в капиталистическом мире возросла с 6% в 1937 г. до 35,7% в 1970 г., стран Африки — с 0,1% в 1937 г. до 15% в 1970 г.; доля же всех развивающихся стран в 1970 г. достигла 67,5%. В то же время удельный вес США за тот же период упал с 71% в 1937 г. до 27,5% в 1970 г.

Серьезные сдвиги отмечены и в железорудной промышленности, доля в которой развивающихся стран накануне второй мировой войны была весьма скромной. После войны в число значительных железодобывающих стран вошли Либерия, Мавритания, Венесуэла, Перу. Резко увеличили добычу железной руды Индия, Малайзия, Бразилия, Чили. Ныне около $\frac{1}{3}$ суммарной добычи железных руд в капиталистическом мире сосредоточено в развивающихся странах.

Весьма существенно изменилась сырьевая база алюминиевой промышленности. Первое место в добыче бокситов в капиталистическом мире заняла Ямайка, которая до второй мировой войны совершенно не фигурировала среди стран, обладающих запасами и добывающих бокситы. В число бокситодобывающих стран вступили также Гвинейская Республика, Сьерра-Леоне, Гана, Доминиканская Республика, Гаити. Сильно расширена добыча бокситов в Суринаме, Гайане, Индии, Индонезии, Малайзии. В результате доля развивающихся стран в суммарной добыче бокситов возросла с 37,4% в 1937 г. до 68,4% в 1968 г.; однако не исключена возможность некоторого уменьшения доли развивающихся стран в связи с быстрым развитием добычи в Австралии.

Заметные сдвиги в сторону повышения доли развивающихся стран произошли и по другим видам минерального сырья (табл. 2).

Удельный вес развивающихся стран в продукции обрабатывающих отраслей промышленности, базирующихся в основном на минеральном сырье, весьма невысок, составляя по выплавке стали 5%, рафинированной меди — 25, свинцу — 12, цинку — 6—7, первичному алюминию 5—6, продукции химической промышленности — 5—7%.

Сопоставление величин удельного веса в продукции отраслей гор-

Доля развивающихся стран в добыче ведущих видов минерального сырья в капиталистическом мире *

Вид минерального сырья	Год	Доля, %	Основные добывающие (развивающиеся) страны
Нефть	1970	67,5	Венесуэла, Иран, Саудовская Аравия, Кувейт, Ирак, Ливия, Алжир, Нигерия, Индонезия, Египет, Абу-Даби, Мексика, Аргентина
Железные руды	1968	32,4	Бразилия, Венесуэла, Чили, Перу, Индия, Либерия, Мавритания, Алжир, Сьерра-Леоне, Малайзия
Хромиты	1968	57,2	Турция, Филиппины, Иран, Индия
Марганцевые руды	1968	64,7	Индия, Бразилия, Габон, Гана, Заир, Марокко, Египет, Берег Слоновой Кости
Бокситы	1968	68,4	Ямайка, Суринам, Гайана, Доминиканская Республика, Гаити, Индия, Индонезия, Малайзия, Гвинейская Республика, Сьерра-Леоне, Гана, Бразилия
Медь	1968	52,0	Замбия, Чили, Перу, Заир, Филиппины, Мексика
Свинец	1968	31,5	Мексика, Перу, Марокко
Цинк	1968	23,6	Перу, Мексика, Заир
Фосфаты	1968	37	Марокко, Тунис, Сенегал, Того, Алжир, Египет, Науру
Алмазы	1969	72,5	Заир, Гана, Сьерра-Леоне, Танзания, Того, ЦАР, Бразилия

* [4. стр. 41—89].

нодобывающей и обрабатывающей промышленности показывает, что подавляющая часть добываемого в развивающихся странах минерального сырья экспортируется в необработанном или полуобработанном (как, например, глинозем и черновая медь) виде. Таким образом, весьма существенно сокращаются валютные поступления развивающихся стран. В виде примера можно указать, что, в то время как в странах Ближнего и Среднего Востока в 1970 г. было добыто 702 млн. т нефти, годовая мощность нефтеперерабатывающих заводов, размещенных на территории этих стран, исчислялась всего 159 млн. т, что составляет менее 23% количества добытой нефти.

Основными импортерами нефти, добываемой в странах Ближнего Востока, Африки, в Венесуэле и других развивающихся странах, являются промышленно развитые капиталистические страны. Так, в 1970 г. импорт нефти составил в Японию 160 млн. т, Италию — 108 млн., Великобританию — 102 млн., ФРГ — 96 млн., Францию — 95 млн., Нидерланды — 68 млн., Испанию — 31 млн., Бельгию — 30 млн. т. США, являясь крупным продуцентом нефти, ввозят значительные ее количества (75 млн. т) [6].

Весьма показательны примеры по алюминиевой промышленности. Так, в развивающихся странах Северной и Южной Америки сосредоточено около 55% суммарной добычи бокситов в капиталистическом мире, доля же этих стран в суммарном производстве первичного алюминия составляет менее 2%. При этом небольшие алюминиевые заводы имеются лишь в Бразилии, Мексике и Суринаме. В Ямайке и Гайане по-

строены лишь заводы по производству полуфабриката (глинозема). Сооружение глиноземных заводов вблизи мест добычи дает значительную экономию в транспортных расходах. Однако вывозимые бокситы и глинозем используются капиталистическими монополиями, эксплуатирующими месторождения в развивающихся странах Америки, для выплавки алюминия на заводах, размещенных в основном на территории США и Канады. В Африке положено начало строительству алюминиевых заводов; так, в 1957—1958 гг. вошел в строй первый в Африке алюминиевый завод в Эдеа годовой мощностью 48 тыс. т; он базируется на энергии р. Санаги и на глиноземе, привозимом из Гвинеи; в перспективе завод сможет использовать бокситы камерунского месторождения Миним-Мартап. Более значительный завод первичного алюминия построен в Гане, в порту Тема, на базе энергии р. Вольты и собственных месторождений бокситов; годовая мощность завода, введенного в строй в 1970 г., превышает 100 тыс. т. Важно отметить, что алюминиевый завод в Камеруне эксплуатируется французской компанией, а завод в Гане — смешанной компанией с участием правительства Республики Гана и капитала США.

Показательно, что, в то время как в развивающихся странах, обладающих крупными запасами бокситов, алюминиевая промышленность находится в зародышевом состоянии, в промышленно развитых капиталистических странах, где ресурсы бокситов не разведаны, алюминиевая промышленность быстро развивается. Так, например, Япония, базирующая свою алюминиевую промышленность полностью на привозных бокситах, за короткий срок вышла на третье место в капиталистическом мире по производству первичного алюминия, уступая лишь США и Канаде. На импортном сырье работают также алюминиевые заводы других развитых капиталистических стран (ФРГ, Швейцарии, Англии, Канады и др.).

Необходимо подчеркнуть, что в условиях крушения колониальной системы империализма капиталистические монополии США, Западной Европы и Японии в целях сохранения своих позиций вынуждены идти на некоторое изменение политики в отношении строительства в развивающихся странах предприятий отдельных отраслей обрабатывающей промышленности. С другой стороны, ряд развивающихся стран осуществляет мероприятия, способствующие созданию новых и расширению существующих отраслей обрабатывающей промышленности; в частности, они обуславливают предоставление концессий на разработку месторождений минерального сырья обязательствами концессионера по строительству в данной стране предприятий по переработке этого сырья.

Предстоит трудная и упорная борьба развивающихся стран за улучшение своих позиций в мировом хозяйстве и преодоление при поддержке своих правительств препятствий, воздвигаемых на этом пути капиталистическими монополиями. Опыт показывает, что при проведении согласованной политики заинтересованных развивающихся стран возможно достижение значительных успехов в этой борьбе. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что в результате решительной позиции стран, объединяемых Организацией экспортеров нефти (ОПЕК), нефтяные монополии в 1971 г. были вынуждены принять требования этих стран о повышении их доли в поступлениях от операций с нефтью. Больших успехов в 1971 г. добилось правительство Народного единства в Чили, возглавляемое Сальвадором Альенде, в национализации ключевой отрасли хозяйства — медной промышленности, находившейся в руках монополий США. По предложению правительства парламентом Чили в 1971 г. принят закон о конституционной реформе, по которому

устанавливается исключительное право государства распоряжаться природными ресурсами страны.

Естественно, что подобные прогрессивные мероприятия развивающихся стран встречаются в штыки империалистическими государствами и их монополиями. Комментируя прогрессивные шаги правительства Чили и Перу, автор влиятельного буржуазного журнала, отражая точку зрения монополистических кругов, пишет: «Политическая неопределенность во многих развивающихся странах, усиление волны национализма и настороженное отношение к контролю иностранного капитала над добывающими отраслями промышленности приводят к ограничению прилива капитала в названные отрасли этих стран. А без вложения иностранного капитала реализацию запланированных обширных программ расширения добывающих отраслей, очевидно, придется отложить, что поставит под угрозу снабжение медью развитых капиталистических стран» [7]. Оставляя в стороне буржуазную трактовку усиления национально-освободительной борьбы развивающихся стран, автор говорит об обычной для практики монополий политике угроз по адресу государств, осуществляющих прогрессивные преобразования, идущие вразрез с эгоистическими интересами монополий.

Мероприятия, проводимые в Чили, Перу, Алжире, Египте, Гвинее, Народной Республике Конго и других развивающихся странах, являются яркой иллюстрацией следующей закономерности, отмеченной в резолюции XXIV съезда КПСС по Отчетному докладу Центрального Комитета «Главное состоит в том, что борьба за национальное освобождение во многих странах стала практически перерастать в борьбу против эксплуататорских отношений как феодальных, так и капиталистических» [2, стр. 194].

Радикальные преобразования, проводимые в тех из развивающихся стран, которые избрали некапиталистический путь развития, свидетельствуют, что в этих странах начинают действовать отдельные закономерности, характерные для социалистических стран.

Борьба развивающихся государств за право распоряжаться своими ресурсами, за право выступления в качестве полноправного субъекта на мировом рынке, за строительство национальной экономики облегчается благодаря эффективной помощи, оказываемой им Советским Союзом и другими социалистическими странами.

Разрешению трудных задач, стоящих перед развивающимися странами в завоевании подлинной экономической независимости, могут способствовать, во-первых, дальнейшее расширение и углубление экономических связей с социалистическими странами, во-вторых, проведение согласованной политики в отношении капиталистических монополий в защиту своих национальных интересов, в-третьих, экономическое интегрирование с другими развивающимися странами на демократической и прогрессивной основе.

1. Ленин В. И., IX Всероссийский съезд Советов, — Полное собрание сочинений, т. 44.

2. «Материалы XXIV съезда КПСС», М., 1971.

3. «Внешняя торговля СССР за 1970 год», Справочник, М., 1971.

4. Розин М. С., Василевский Л. И., Вольф М. Б., География мирового хозяйства, М., 1971.

5. Скачков С. А., Экономическое и техническое сотрудничество Советского Союза с развивающимися странами, — сб. «География и развивающиеся страны», М., 1970.

6. «Petroleum Press Service», 1971.

7. «Eastern Economist», 1971, № 9.

Н. С. Бабинцева

О ЗНАЧЕНИИ МЕЛКОГО ПРОИЗВОДСТВА В ХОДЕ ИНДУСТИАЛИЗАЦИИ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН

Мелкое производство всегда занимало значительное место в процессе индустриализации. Так, например, в Японии даже в 1930 г. треть населения составляли мелкие предприниматели, а мелкое производство (предприятия с числом занятых до 5 человек) давало 30% всей промышленной продукции и поглощало около 60% всей рабочей силы японской промышленности [27, стр. 111, 202, 207].

В современных развивающихся странах удельный вес и экономическое значение мелких хозяйств, несомненно, еще больше. Большинство крестьянских хозяйств являются мелкотоварными, а крестьянство составляет подавляющую часть населения. Например, в середине 60-х годов доля сельского населения Тропической Африки в общем населении страны оценивалась: Берег Слоновой Кости — 86%, Мали — 90, Нигерия — 80, Дагомея — 84, Нигер — 96% и т. д. [29, 1966, стр. 20]. С точки зрения товарного производства подавляющая часть африканских крестьянских хозяйств является, безусловно, мелкими и средними, что отнюдь не исключает значительной дифференциации внутри африканской деревни.

Довольно высок удельный вес мелкого производства и в промышленной продукции. В Нигере, например, в 1961—1962 гг. стоимость последней оценивалась более чем в 10 млрд. афр. фр., а продукции мелкого ремесленного производства — примерно в 2,5 млрд. афр. фр. [31, т. 1, стр. 25; т. 2, стр. 482], т. е. составляла около $\frac{1}{4}$ всей промышленной продукции. В середине 60-х годов в Нигере только ремесленников было 22 тыс. человек. Это цифра небольшая, если учесть, что общая численность самодеятельного населения страны 800 тыс. человек, а в несельскохозяйственной сфере занято не более 4% его [31, т. 2, стр. 481]. В Камеруне в 1962 г. насчитывалось около 100 мелких промышленных (с числом занятых до 40 человек на каждом) и 22 тыс. ремесленных предприятий (с общим числом занятых на них около 100 тыс. человек) [18, стр. 109, 111].

В планах развития молодых государств мелкому производству уделяется большое внимание. В Танзании, например, по второму пятилетнему плану $\frac{3}{5}$ новых запроектированных заводов должны быть сравнительно мелкими предприятиями (от 10 до 70 рабочих мест), которые поглотят 15% запланированных инвестиций и дадут 10% прироста выработки промышленной продукции. Помимо этого мелкие предприни-

матели и ремесленники создадут целый ряд мелких и мельчайших промышленных точек, не включенных в план [32, т. 1, стр. 76—77].

Государство оказывает помощь и осуществляет руководство развитием мелкого производства. Так, в Танзании для этого создана Национальная корпорация мелкой промышленности, в Мавритании — Служба ремесел и Национальное управление коврового производства, в Габоне — Фонд помощи ремеслу и т. д. Создаются особые программы развития мелкого ремесленного производства. Такая программа была, например, составлена в Сенегале на 1962—1966 гг. Она предусматривала значительные инвестиции на оснащение ремесленных центров и покрытие других расходов по подъему ремесленного производства [15, стр. 50]. В Нигере по 10-летнему плану предусмотрены государственные расходы в размере 100—175 млн. афр. фр. на развитие ремесел. Сюда входят как покрытие расходов на обучение, так и инвестиции в основной капитал, в частности в строительство зданий для мастерских [30, т. 2, стр. 504].

Таким образом, даже приведенные примеры показывают, что мелкое производство, в том числе ремесло, занимает в развивающихся странах довольно значительное место. В большой степени это связано с недостатком промышленных изделий, спрос на которые со стороны населения растет по мере индустриализации. Рассмотрим, однако, нельзя ли было бы удовлетворить этот спрос другими способами. Первый и самый простой, казалось бы, — импорт недостающих товаров. Но этот путь неприемлем для развивающихся стран, потому что, как показала практика колониального периода, он ведет к увековечению отсталости, а значит, и к экономической зависимости. Второй путь, имевший и имеющий сейчас приверженцев среди экономистов и государственных деятелей, — концентрация основных усилий на создании крупной промышленности в импортзамещающих отраслях для снабжения внутреннего рынка. Примером является повсеместное и быстрое развитие в африканских странах хлопчатобумажной промышленности, порой оснащенной по последнему слову современной техники, в том числе в таких странах, где до последнего времени практически не существовало никакой промышленности (текстильный комбинат в Центральноафриканской Республике).

Такое направление промышленного развития, безусловно, в известной степени необходимо, но вряд ли целесообразно делать его ведущим в индустриализации, которая, как известно, получает завершение лишь тогда, когда создается материально-техническая база крупной промышленности, т. е. производство машин, оборудования, средств производства. Концентрация основных средств и ресурсов в импортзамещающих отраслях может сильно замедлить ход индустриализации, направить ее по английскому образцу, что в условиях современности равнозначно сохранению и углублению экономической отсталости, так как разрыв в уровнях техники между передовыми и отсталыми в техническом отношении странами будет не сокращаться, а увеличиваться. Поэтому основная масса средств и ресурсов должна быть направлена на создание отраслей, гарантирующих техническое переоснащение производства и ускорение индустриализации, т. е. в первую очередь на развитие машиностроения и других отраслей I подразделения. При такой постановке проблемы наиболее рациональным решением вопроса о снабжении внутреннего рынка потребителями товарами является развитие мелкого производства, что не требует значительных затрат из фондов, аккумулированных в национальном масштабе и (или) полученных извне.

Необходимо отметить, что такой вывод не является новым. В извест-

ных нам исторических примерах ускоренной индустриализации мелкое производство всегда выполняло эту роль. Например, в Германии до середины XIX в. основным видом потребляемых тканей были льняные, а в льнопрядение и льноткачество машинное производство почти не проникло. К 1867 г. по всей территории Таможенного союза едва насчитывалось 1800 машинных ткацких станков [23, стр. 224]. Ремесленное производство различных металлических потребительских товаров не было вытеснено в Германии до самого конца XIX — начала XX в. Интенсивный рост мелкого ремесленного производства, связанный с ростом рыночного спроса на потребительские товары, наблюдался в Германии на протяжении всей первой половины XIX в. вплоть до 60-х годов, особенно в сапожном и швейном деле. В некоторых отраслях рост мелкого производства, причем быстрыми темпами, шел и в последней четверти XIX — начале XX в. С 1895 по 1907 г., например, при общем росте населения Германии на 19% число занятых в мелком производстве в хлебопекарном и булочном деле увеличилось на 29%, а в мясном — на 32% [23, стр. 290].

Не менее показателен пример Японии, где уже в XX в. весьма значительная часть личного потребления покрывалась за счет мелкого производства. Как свидетельствует американский исследователь Р. Орчард, в 20-х годах изготовление одежды в большинстве мастерских производилось вручную, даже без использования швейной машины, а крупнейшие швейные предприятия Японии тех лет насчитывали не более 80 занятых. В гончарном деле так называемые фабрики насчитывали по 10—15 рабочих, а $\frac{1}{3}$ продукции производилась в домашних мастерских с числом занятых 3—5 человек, главным образом семейных работников. Даже в хлопкоткачестве к 1928 г. более 90% всех предприятий имели менее 10 станков [28, стр. 187—190]. Практически в Японии эпохи Мэйдзи и в последующие десятилетия из отраслей, производивших потребительские товары, лишь хлопкопрядение быстро превращалось в промышленность в собственном смысле этого слова. В остальных же отраслях долгое время сохранялись ремесленная техника и организация производства, простая кооперация, мануфактура. До сих пор в Японии на полуремесленных предприятиях изготавливается значительная часть потребительских товаров: продукты питания (сушеная рыба, водоросли, соусы, лапша и пр.), деревянная обувь, циновки, ширмы, раздвижные стенки, зонтики, японская бумага и т. п. [см. подробнее, например: 10, гл. IX].

В Советской России 20-х годов мелкое производство (и в промышленности, и в земледелии) развивалось довольно широко именно в целях обеспечения города продовольствием, а деревни — простейшими промышленными товарами (мыло, керосин, спички, соль, гвозди и др.). В. И. Ленин говорил о необходимости развивать «ремесло, на местном сырье дающее некоторые, хотя бы не очень важные, но необходимые и полезные для крестьянина, продукты...» [7, стр. 232—233]. Ранее В. И. Ленин также отмечал: «Наша основная задача — восстановление крупной промышленности. А для того, чтобы нам сколько-нибудь серьезно и систематически перейти к восстановлению этой крупной промышленности, нам нужно восстановление мелкой промышленности» [6, стр. 306].

И такое восстановление мелкой промышленности, развитие мелкого производства началось в годы Советской власти. В Донбассе, например, в 1926 г. мелкие крестьянские шахты, арендованные у государства частниками, дали 30 млн. пудов угля. Подобное же положение было с арендой соляных месторождений [см. 12, стр. 70]. Значительное

число мелких предприятий в промышленности сохранялось довольно долгое время и в других европейских социалистических странах. В 1956 г., например, в ГДР на частные предприятия, которые были в большинстве своем мелкими (в среднем 24,4 занятого на одно предприятие), приходилось 11,1% выпуска промышленной продукции [22, стр. 211—212]. В сельском хозяйстве СССР в 20-е годы мелкое производство поставляло подавляющую часть продукции. Число крестьянских хозяйств к 1927/28 г. выросло с 16 млн. до 25 млн. [14, стр. 352], а совхозы и колхозы в 1927 г. дали лишь 6% товарного хлеба [21, стр. 362].

Использование мелкого производства для обеспечения внутреннего рынка потребительскими товарами широко распространено в развивающихся странах. В начале 60-х годов кустарное производство покрывало 30% внутреннего спроса на промышленные товары в Индии, около 29% в Пакистане, примерно 34% на Филиппинах [13, стр. 62]. В 1959/60 г. в Пакистане ручное ткачество дало 335 млн. м хлопчатобумажных тканей, а фабрично-заводское — 564 млн. м [16, стр. 27]. В Ливии основными поставщиками тканей являются мелкие ремесленные мастерские, ткачи, работающие на дому, имеющие до 20 тыс. примитивных ткацких станков [26, 1969, № 6, стр. 53]. Особенно велико значение мелкого производства в удовлетворении спроса населения в глубинных районах. Там ремесла довольно разнообразны (ткачество, кузнечное дело, изготовление продуктов питания и т. д.).

В Нигере, например, широко развито кустарное ткачество, шорное и кузнечное ремесла, изготовление сладостей, растительного масла из арахиса, помол зерна и т. п.

Кроме традиционных потребительских товаров мелкое производство (но уже не ремесленное) выпускает и некоторые бытовые товары длительного пользования (электроприборы, радиотехнические товары, электрооборудование и т. п.), производство которых является трудоемким и требует сравнительно небольших капиталовложений, что делает их выгодной сферой приложения мелкого капитала. Журнал «Ориентал Экономист» писал по этому поводу: «С небольшой долей преувеличения можно сказать, что выпуск бытовых электроприборов можно начать, если есть нужное число рабочих и крыша над головой» [цит. по: 10, стр. 171]. Действительно, уже в Японии эпохи Мэйдзи было широко распространено производство электроламп в мелких мастерских. В современной Индии мелкая, «нецензовая» промышленность развита в таких отраслях, как химическая, стекольная, керамическая, производство металлоизделий, электротоваров, пластмасс, металлургическая, общее и легкое машиностроение [см. 16, стр. 58—59].

Этот процесс начинается и в Африке, где в 60-е годы распространилась сборка (а кое-где и производство отдельных деталей) транзисторных радиоприемников, производство аккумуляторов, сухих батареек, электроламп, сантехники, грампластинок, газовых плит, огнетушителей, алюминиевых изделий и утвари, металлической тары и т. п.

Мелкое производство составляет также основу товарного производства в земледелии развивающихся стран. Как правило, в Африке из-за примитивности орудий труда семья может обрабатывать не более 1,5—2 га. Так, например, в Сьерра-Леоне средний размер участка обрабатываемой земли (пахотная, под многолетними культурами, годная к непосредственному использованию) в одном африканском хозяйстве в середине 60-х годов был 0,5 га [рассчитано по: 29, 1968, стр. 3—9, 53].

Таким образом, в период индустриализации, во всяком случае на начальных ее этапах, мелкое производство играет важнейшую роль в

воспроизводстве рабочей силы. Значение мелкого производства, однако, этим не исчерпывается. Оно может помочь решить так называемую проблему рынка и усилить конкурентоспособность национальных товаров на национальном рынке.

«Проблема рынка» возникает тогда, когда сталкивается крупное высококонцентрированное серийное производство с не соответствующими ему уровнем и стандартами потребления. Несоответствие может быть обусловлено слабым развитием товарно-денежных отношений, слабой покупательной способностью трудящихся масс, низкой стоимостью рабочей силы, малой абсолютной величиной населения или, как во многих развивающихся странах, особенно африканских, сочетанием всех этих факторов, что порождает невозможность во многих случаях становления на данном этапе современных форм производства потребительских товаров.

Мелкое же производство гораздо более приспособлено к сравнительно низкому уровню потребления и узкому рынку. Оно относительно безболезненно (безболезненно, конечно, по отношению к общественному производству, а не к личности мелкого производителя) умирает и легко возрождается вновь, гибко перестраивается для удовлетворения определенных потребностей, чем, видимо, и определяются длительность существования мелкого производства, его относительная конкурентоспособность. Весьма важное значение в этом аспекте имеет приспособляемость мелкого производства к разнообразию индивидуализированных вкусов (в том числе к национальным особенностям!) потребителей. Некоторые авторы, например, считают причиной устойчивости мелкого производства в Японии именно отсутствие у японских потребителей склонности к однообразной продукции, в связи с чем в Японии не возникло такого стандартизированного производства товаров широкого потребления, как, например, в США [27, стр. 187]. Разумеется, причинно-следственная связь здесь иная и гораздо более сложная, но такой фактор, как разнообразие склонностей и вкусов потребителей, несомненно, способствует укреплению мелкого производства. Недаром в развитых капиталистических странах так называемыми зонами свободной конкуренции являются отрасли легкой промышленности, главным образом швейная и обувная, т. е. производящие такую продукцию, которую потребитель стремится максимально индивидуализировать.

Такое положение порождает и обратную связь, а именно: разнообразное предложение товаров способствует формированию вкусов и склонностей. Тем самым укрепляется национальное мелкое производство против стандартизированного и в значительной мере безликого импорта.

Это обстоятельство в развивающихся странах усиливается дополнительным фактором — сохранением традиционных национальных запросов и потребностей. Специфика потребительского спроса может оградить национальные рынки от иностранной конкуренции лучше любых протекционистских таможенных тарифов. Если обратиться опять к чрезвычайно показательному в этом отношении примеру Японии, то оказывается, что мелкое производство связано именно с традиционными товарами, которые в 1955 г. составляли 70% всей продукции мелкого производства Японии (предприятия с числом занятых от 4 до 29) [10, стр. 255]. Американские авторы Буа де Мانت и Фред Томас Перри говорят даже о несовместимости традиционного потребления с системой массового производства [см. 10, стр. 253]. Можно спорить по поводу того, что важнее и лучше для общества — удешевление ли продукции посредством ее стандартизации и унификации или улучшение ее каче-

ства за счет индивидуализации (очевидно, и тот и другой путь используются в современной промышленности). Можно вспомнить при этом, что сейчас то же самое японское производство (а за ним и потребление) удивительно быстро стандартизируется и унифицируется, но несомненно, что для индустриализации, особенно на ее начальных этапах, сохранение и даже усиление традиционности потребления на базе мелкого производства является одним из средств борьбы за становление независимой национальной экономики, одним из средств решения проблемы рынка.

В связи с этим увеличивается и экономическое значение традиционных ремесел. Представляется, что кроме выпуска потребительских товаров довольно большими партиями ремесла могут давать образцы изделий, своего рода шедевры. Ремесленники, носители традиционной материальной культуры и постоянно живущие в гуще народа, легко реагируя на изменение и появление потребностей, создают изделия, сочетающие чисто утилитарные функции с элементами традиционной культуры. После того как данный продукт получает одобрение рынка, он может быть пущен в более массовое производство в какой-нибудь мастерской мануфактурного типа или в кооперативе. В этом плане определенное экономическое значение приобретают выставки национальных ремесленных изделий, национальные музеи и пр. В Ниамее (Нигер), например, в Национальном музее создан центр ремесленного производства. Центр ремесленного производства с упором на изготовление предметов национального сенегальского искусства предполагалось создать близ Дакара в деревне Сумбедьон. В Мавритании за 60-е годы были проведены две национальные выставки, где были широко представлены образцы ремесленных изделий.

То же самое можно сказать и об идеологической работе, которая сейчас в целях борьбы с наследием колониализма во многом направлена на то, чтобы привить массам новую оценку традиционной африканской культуры, национальной одежды, утвари. Если такой призыв не используется крайне правыми реакционными партиями в негативных целях (как, например, это делает Джан Сангх в Индии), то его можно считать прогрессивным и важным с чисто экономической точки зрения, как одно из средств, приемов конкурентной борьбы с иностранными товарами.

Неизбежность и необходимость достаточно широкого использования мелкого производства в ходе индустриализации связаны и с вопросом о выборе техники, который столь длительное время обсуждался и обсуждается во всей мировой экономической литературе по развивающимся странам. Полностью признавая необходимость применения и воспроизводства современной передовой техники, нельзя вместе с тем не учитывать, что, только опираясь на нее, невозможно осуществить более или менее равномерный подъем экономики. Недостаток ресурсов ограничивает распространение современной техники, и ориентирование только на последние достижения научно-технического прогресса может дать явление, аналогичное тому, что имело место при колониализме,— очаги очень высоко оснащенной промышленности, связанные почти исключительно с мировым рынком, и рядом с ними крайне отсталую экономику, находящуюся в состоянии стагнации. Обеспечить динамизм всей экономике при ограниченных ресурсах можно, лишь используя все технические средства, прогрессивные по отношению к существующему уровню развития производительных сил в этих странах.

Эту характерную черту индустриализации, протекающей на фоне уже достигнутого мирового уровня машинной организации производст-

ва, отмечали еще К. Маркс и Ф. Энгельс, говоря о Германии. Они писали: «Характерно, что полотняная мануфактура, т. е. промышленность, имевшая своей основой самопрялку и ручной ткацкий станок, приобрела в Германии некоторое значение как раз к тому времени, когда в Англии эти неуклюжие инструменты уже вытеснялись машинами» [1, стр. 183]. В. И. Ленин применительно к советской экономике 20-х годов говорил о необходимости использовать любые усовершенствования для развития производительных сил. На IX Всероссийском съезде Советов в декабре 1921 г. он говорил: «Мы должны и можем добиться подъема производительных сил хотя бы на ступени мелкого крестьянского хозяйства и пока на основе мелкой промышленности, если так трудно восстановление крупной» [8, стр. 311]. Использование всех возможных технических усовершенствований, а не обязательно самых совершенных дает хотя незначительное, но повышение производительности труда, дает толчок всему развитию экономики.

В Японии периода Мэйдзи, например, даже такой варварский способ транспортировки, как рикши, был прогрессом с точки зрения чисто технической, так как Япония Токугавских времен не знала иного способа передвижения как пешком или в носилках, а переноски грузов иначе как вручную. Рикши быстро начинают распространяться в Японии после 1870 г., и число их растет до 1900 г. Тогда же начали использовать скот как тягловую силу, что явилось значительным усовершенствованием в транспорте, особенно местном, хотя отнюдь не было последним словом техники того времени. Таким образом, применение машинной техники, представляющей различные ступени развития машинного производства (а порой и домашней), сопутствует индустриализации.

Но такая техника требует и соответствующих форм ее организации, т. е. мелкого и среднего производства, которое создает также возможность до конца использовать все оборудование, даже после его значительного морального устаревания, и одновременно осуществлять его постоянную модернизацию на крупных предприятиях. Последние после наступления морального износа могут продавать первым устаревшее оборудование по доступной для них цене. Тем самым значительно расширяются возможности усвоения развивающимися странами научно-технического прогресса на основе сокращения сроков использования и обновления основного капитала при продолжении его функционирования в народном хозяйстве и удлинении сроков его физического использования.

Разумеется, мелкое производство тоже в определенной мере приобщается к современной технике, например посредством подключения к электроэнергосистемам, использования железнодорожного транспорта и т. п. Имеется и еще один довольно важный для мелкого производства канал такой связи: поставки сырья для него из крупной промышленности. В Эфиопии, например, кустари получают железные листы для изготовления своих изделий, а в Верхней Вольте первое промышленное предприятие, текстильная фабрика, пушенная в ход в 1970 г., специально предусматривает производство определенного количества окрашенной и скрученной пряжи для ремесленников.

Применение в мелком производстве устаревшей техники понижает его капиталоемкость. Например, по американским данным, капиталовложения на одного занятого в мелкой и крупной металлургической промышленности резко разнятся между собой (соответственно 1 тыс. и 35 тыс. долл.) [13, стр. 61]. Это создает возможность участвовать в производстве сравнительно мелким частным накоплениям, что чрезвы-

чайно важно, так как при ориентации только на крупное производство мелкие частные накопления неизбежно идут в торговлю, ростовщичество, владение недвижимостью. Развитие мелкого производства является, таким образом, довольно важным каналом аккумуляции накопленный внутри страны, который дополняет деятельность банков, кредита, государственных финансов, потому что никаким налогообложением невозможно заставить мелкого и мельчайшего собственника отдать все накопленные им сбережения.

Многие национальные правительства всячески стимулируют развитие мелкого предпринимательства в целях концентрации, насколько это возможно, внутренних накоплений в сфере производства. Так, например, в Алжире после 1965 г. начала проводиться политика поощрения частного предпринимательства, влекущая за собой перемещение частных накоплений из торговли в область производства. На это же направлена и деятельность Национальной (и региональных) комиссии по инвестициям, санкции которой подлежат все капиталовложения; специального технико-экономического бюро при Торгово-промышленной палате Алжира, оказывающего консультации и помощь в расчетах частному капиталу; Народного кредита Алжира, предназначенного обеспечивать средне- и краткосрочное кредитование мелкого производства и ремесел. При этом правительство всячески противодействует насаждению новых частных предприятий в коммерческой области, даже если они замаскированы «под производственные». Например, иностранному капиталу, участие которого допускается и в целом приветствуется, запрещается строить такие предприятия, которые будут осуществлять простой монтаж изделий. Такие предприятия приравниваются не к промышленным, а к коммерческим [24, стр. 41—45; 17, стр. 25—26; 25, 1969, № 471, стр. 14].

Безусловно, мелкое производство является в известной мере и определенным источником накоплений, хотя в этом отношении значение его меньше, чем крупного. Зато оно дает большую занятость в связи с более низким органическим строением капитала — факт, постоянно привлекающий внимание к мелкому производству, и, пожалуй, трудно сейчас найти книгу или брошюру по развивающимся странам, в которой не затрагивался бы этот вопрос в той или иной форме. Поэтому подробнее на нем мы не останавливаемся.

Мелкое производство может служить источником экспортных поступлений. В случае, если страна не обладает богатыми минеральными ресурсами, именно мелкое производство составляет материальную базу торговли и связей с мировым рынком. Пример этого дает уже Япония второй половины XIX — первой трети XX в., когда большая часть инвалютных поступлений обеспечивалась за счет шелка-сырца, более $\frac{2}{3}$ производства которого шло на экспорт, в связи с чем с 1868 по 1893 г. производство его в Японии увеличилось примерно в 4,5 раза (с 2,3 млн. фунтов до 10,2 млн.) [27, стр. 15, 95, 338]. В результате в общих поступлениях от экспорта товаров за границу шелк-сырец давал в XIX в. примерно 40%, в XX в. — 30% [28, стр. 424—427]. Рост производства и экспорта шелка-сырца обеспечивался прежде всего расширением производства коконов, составлявших 70—80% стоимости шелка-сырца, в мелких крестьянских хозяйствах. В 20-х годах коконы в Японии выращивали 2 млн. крестьян-надомников главным образом на основе использования семейного труда [28, стр. 211].

Значение мелкого производства как источника валюты для закупки за границей машинного оборудования в индустриализации Японии было, таким образом, достаточно велико. В наши дни в развивающихся

ся странах значение мелкого экспортного производства, главным образом сельскохозяйственного, примерно таково же. Так, в Камеруне в 1969 г. из общих экспортных поступлений около 60 млрд. афр. фр. кофе и какао-бобы, продукты мелкого крестьянского производства дали 34,5 млрд. афр. фр. В Береге Слоновой Кости в 1968 г. картина была аналогичная: из общей стоимости экспорта примерно 105 млрд. афр. фр. стоимость вывезенного кофе и какао составила свыше 55 млрд.

За годы независимости наблюдается увеличение экспортного производства. В Камеруне, например, производство какао с 1959/60 по 1968/69 г. возросло с 69,8 тыс. т до 115 тыс., кофе — с 42,58 тыс. т в 1962/63 г. до 64,51 тыс. в 1968/69 г. В Береге Слоновой Кости в 1959/60 г. было произведено 105 тыс. т кофе, а в 1968/69 г. — 210 тыс., какао — соответственно 62 тыс. и 142 тыс. т [25, 1970; № 485 спец., стр. 50, 52, 95, 98].

Таким образом, совершенно очевидно, что, несмотря на трудности, вытекающие из монокультурной специализации сельского хозяйства, отказаться сейчас от экспортного производства африканские страны не могут и даже расширяют его, причем расширение идет за счет именно мелкого производства. В Береге Слоновой Кости, например, выращиванием кофе и какао-бобов занята примерно половина самодеятельного населения страны, причем в обследованных округах, на которые падает до четверти производства этих продуктов, 60% хозяйств оценивались как мелкие семейные даже по африканским понятиям [9а, стр. 238—240]. В Камеруне европейские плантации к началу 60-х годов давали лишь 5% сбора какао-бобов. Удельный вес их за годы независимости, естественно, не увеличился. Средние размеры крестьянских хозяйств, производящих какао-бобы в Камеруне, составляют 1 га, т. е. это в основной массе мелкие хозяйства. Примерно то же можно сказать и о производстве кофе в Камеруне [18, стр. 38—39; 11, стр. 178].

Наконец, мелкое производство в период индустриализации в развивающихся странах может играть роль, в определенных аспектах аналогичную той, какую оно играет в странах развитого капитализма, — дополнять крупное производство, специализируясь на выпуске отдельных частей, узлов и деталей. Примеры такого использования мелкого производства имеются в Азии. Мелкое производство сохраняется также в торговле и в сфере услуг. Оно расширяется за счет ремонтных и наладочных мастерских, по мере индустриализации, развития крупной промышленности и призвано обслуживать ее. Переход ремесленников, ювелиров, оптиков, точных механиков от производства к ремонту и наладке инструментов — явление, хорошо известное из истории, например, Германии. Однако эти направления мелкого производства в молодых национальных государствах составляют скорее перспективу для будущего, чем реальное состояние мелкого производства, что объясняется как слабым развитием крупной промышленности, так и неприспособленностью африканских традиционных ремесел к переходу на ремонт и обслуживание довольно сложных современных бытовых механизмов, а также отсутствием среди африканских ремесленников людей с высокой квалификацией и знаниями.

Наконец, мелкое производство (главным образом традиционные ремесла и предприятия в сфере услуг) непосредственно включается в так называемую индустрию туризма. Пожалуй, мало или совсем не найдется планов развития, которые не уделяли бы ей значительного места. В Танзании, например, создана специальная автономная государственная организация — Туристическая корпорация Танзании, которая должна осуществлять всю государственную деятельность по туризму, поощ-

рять и координировать туризм в стране. Инвестиции этой корпорации по второму пятилетнему плану предусмотрены в объеме 10,2% всех инвестиций автономных государственных корпораций [32, стр. 18]. Обслуживание многочисленных туристов, прибывающих в основном из Европы и Северной Америки, способствует развитию традиционных африканских ремесел, правда довольно узкой их группы: производства предметов экзотики и искусства, специфических национальных вещей, уникальных предметов ручной работы и т. п. Развитие их определяется почти целиком спросом мирового рынка, и ремесленники часто приспособляют свои изделия к вкусам иностранных покупателей. Таковы медные и золотые украшения, изготавливаемые повсеместно в Африке, и особенно в Северной, деревянные маски и скульптура Тропической Африки, мавританские ковры, изделия из кожи, шкур диких зверей и т. п. Значение этих ремесел в хозяйственной жизни сводится к получению валюты.

Все изложенное позволяет сделать вывод, что значение мелкого производства в процессе индустриализации достаточно велико. Промышленное развитие, внедрение машинной техники осуществляются как бы на разных уровнях, взаимодополняющих друг друга. Образно говоря, мелкое производство выполняет функции подсобной силы, временного вспомогательного помещения, заменяющего основное здание до его возведения. Но роль мелкого производства уменьшается по мере становления машинной организации производства, крупной фабрично-заводской промышленности. Таким образом, можно говорить о двойственной структуре индустриализующейся экономики развивающихся стран, так же как и экономики современных развитых капиталистических стран [см. 19, стр. 254]. Однако двойственность структуры в развивающихся странах отличается от двойственности в странах монополистического капитализма.

В странах «третьего мира» речь идет скорее о многоступенчатой структуре, так как в ходе ускоренной индустриализации различные последовательные стадии техники и организации производства сочетаются во времени, как бы накладываются друг на друга, а не следуют одна за другой, как это было, например, в Англии. Принцип ускорения заключается в том, чтобы перепрыгивать через определенные стадии развития (например, через мануфактуру), и прогресс техники делает это принципиально возможным. Миновать стадию мануфактуры — значит не допустить того, чтобы она стала господствующей на какое-то время формой организации производства, но это не исключает ее существования. Перепрыгивание сводится к сосуществованию различных стадий техники и организации производства при преобладании одной, высшей — фабрики в ее современных формах. Таким образом, организационная и техническая многоступенчатость структуры индустриализующейся экономики — явление, характерное для ускоренной индустриализации.

Другое отличие двойственности структур экономики современных капиталистических государств и развивающихся стран заключается в том, что в первых мелкое производство, «зоны свободной конкуренции», немонополизированный сектор целиком подчинены монополистическому финансовому капиталу. Разумеется, это не исключает определенных противоречий между монополиями и мелким производством, между головными фирмами и субподрядчиками, но в целом все мелкое и среднее производство из-за установившихся производственных отношений монополистического капитализма подавлено монополиями, не может выражать в этой системе собственные классовые интересы.

В развивающихся странах положение иное. Там нет неизбежности подчинения мелкого производства крупному монополистическому капиталу, там интересы мелкой буржуазии могут быть противопоставлены интересам монополий, так как крупный монополистический капитал представлен главным образом (а в африканских странах исключительно) иностранным капиталом, иностранными монополиями. Поэтому мелкое производство и мелкая буржуазия противостоят ему как национальное иностранному и представляют самостоятельную классовую силу. Мелкая и средняя национальная буржуазия еще несет в себе революционный заряд, что и может служить социально-классовой основой проведения прогрессивной антиимпериалистической политики даже в странах капиталистического пути развития.

Основа этой революционности чисто классовая — противоречие между мелким собственником и крупным капиталом, которое усиливается и приобретает очень острые формы как противоречие между колониализмом — империализмом и национальным обществом бывших колоний. В. И. Ленин, указывая на эти революционные потенции мелкой буржуазии, на возможность использования ее для революционных преобразований и одновременно критикуя за псевдореволюционность, отмечал ее стремление «разорить, добить крупных помещиков, крупных эксплуататоров. И в этом мелкий собственник охотно поддерживает нас.

Тут он революционен больше, чем рабочие, потому что у него больше озлобления, возмущения, и потому на то, чтобы добить буржуазию, он идет охотно...» [4, стр. 255]. В. И. Ленин говорил о массе мелкой буржуазии, «которая сочувствует уничтожению крупной буржуазии всех стран...» [4, стр. 256].

На основе экономической значимости мелкого производства в индустриализации мелкая буржуазия обретает классовую и политическую самостоятельность и в условиях протекающей в развивающихся странах борьбы с неоколониализмом (читай: крупным монополистическим капиталом) может выражать свои классовые интересы и цели через национальные партии и национальное государство. Поэтому сохранение мелкого производства практически весь период индустриализации обеспечивает политическое господство (в качестве правящей партии или в блоке с другими партиями) именно мелкой и средней радикальной национальной буржуазии, представляющей мощный социальный слой.

Разумеется, мелкая буржуазия все время меняет свой состав в силу дифференциации, которая происходит в ее рядах. Часть ее разоряется и вступает в ряды пролетариата, часть вырастает в крупных капиталистов. Говоря о мелких собственниках, В. И. Ленин подчеркивал, что «каждый из них является источником нового поколения буржуев» [4, стр. 262]. Их революционность, разумеется, резко падает, так как мелкий собственник революционен до тех пор, пока речь идет о добывании, ломке и пр., как говорил В. И. Ленин [5, стр. 294]. Но революционный заряд «мелкого собственника, взбесившегося против крупного» [5, стр. 294], пропадает после того, как он, «урвав себе побольше», использовал «для себя и в своих целях плоды победы» [4, стр. 255]. «Здесь, — говорил В. И. Ленин, — отходит революция от мелкой буржуазии» [4, стр. 264]. Таким образом, по мере роста и развития национальный капитал становится реакционным, эволюционирует вправо. Пример этого — раскол в Индийском национальном конгрессе, выделение правой фракции, выражающей интересы собственников, сумевших «урвать побольше» и заинтересованных в том, чтобы у них не вырвали захваченного.

Но в то же время сохранение и расширение мелкого производства,

законы развития товарного хозяйства постоянно рожают новых мелких собственников, настроенных радикально, жаждущих приобщиться к благам крупного капитала путем его экспроприации. Таким образом, стихия товарного производства постоянно рождает новые и новые волны радикально настроенной мелкой буржуазии, которая составляет достаточно постоянный социальный слой, хотя в его составе, несомненно, могут происходить и происходят изменения, иногда довольно значительные. Этот слой есть социальная опора антиимпериалистического и даже до определенной степени антикапиталистического (поскольку речь идет о борьбе с крупным иностранным капиталом) курса.

Режимы, при которых власть находится в руках радикальной мелкой и средней буржуазии, при всех их колебаниях являются прогрессивными, хотя они и не означают еще вступления данной страны на некапиталистический путь. Это было отмечено Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду: «Не во всех бывших колониях и зависимых странах прогрессивные общественные изменения продвинулись так далеко. Но борьба против сил реакции, против ставленников империализма идет повсюду, и в некоторых странах прогрессивные силы уже добились серьезных завоеваний» [9, стр. 19].

Прогрессивность этих режимов заключается также и в том, что они стихийно начинают путь социалистической ориентации. В своей борьбе с крупным иностранным капиталом (а порой и национальным, как, например, в Индии) мелкое производство, мелкая буржуазия экономически и организационно неизмеримо слабее своего противника. Сила монополий — это сила организации крупного производства, его обобществления, в современных условиях слившаяся с силой буржуазного государства, и, чтобы противостоять иностранным монополиям, национальная буржуазия должна опираться на такую же мощную организацию. Революционная национальная буржуазия должна обеспечить (или хотя бы действовать в этом направлении) такое же обобществление своего производства (должна подчиниться государственному регулированию, учету, должна пойти, таким образом, на государственный капитализм), т. е. фактически отказаться, хотя бы частично, от своего «я», сама до известной степени подавить в себе мелкособственническую основу, ибо природа мелкого собственника, который боится всякого государственного контроля, «прежде всего боится государственного капитализма...» [4, стр. 255], стихийно ведет его к отрицанию государственной организации и контроля. Перед ним только два пути: подчиниться либо крупному капиталу, с которым у него громадные противоречия, либо, сохранив определенную независимость от иностранного капитала, подчиниться национальному государству, уступив ему значительную долю самостоятельности, развиваться в русле государственного капитализма. Такая узость выбора обусловлена тем, что на современном уровне развития производительных сил мелкое производство, представляя прошлый день техники и организации производства, может служить лишь дополнением (хотя и весьма важным) и придатком крупного. Мелкое производство нуждается в организующей его силе. Поэтому либо крупный капитал, либо национальное государство должны его организовать и обобществить.

В последнем случае победа мелкого собственника над самим собой объективно приближает переход страны к социалистической ориентации, так как важнейшая задача в переходный период от капитализма к социализму — победа над мелкобуржуазной стихией. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал опасность, проистекающую из неорганизованности

мелкобуржуазной стихии. На заседании ВЦИК 29 апреля 1918 г. он прямо указал, что «наш главный враг — это мелкая буржуазия» [4, стр. 255]. Поэтому, считал В. И. Ленин, подчинение мелкой буржуазии государственному контролю даже при условии, что власть находится в руках непролетарских элементов, есть шаг к социализму. Он указывал, что «государственный капитализм при демократии Керенского был бы шагом к социализму...» [4, стр. 257].

Природа государственного капитализма в развивающихся странах, где у власти (полностью или преимущественно) находится мелкая буржуазия, очень интересна. В. И. Ленин создал учение о двух типах государственного капитализма: 1) у власти крупный капитал, 2) у власти пролетариат. Сущность того и другого вскрыта В. И. Лениным и получила широкое освещение в нашей экономической литературе.

В развивающихся же странах, где власть принадлежит революционно настроенной мелкой буржуазии, природа государственного капитализма, безусловно, отличается от двух упомянутых. Национальное государство выступает прежде всего против интересов крупного капитала, борется с ним. Мелкое производство, мелкая буржуазия еще настолько слабы экономически, что не могут подчинить себе государство и, более того, вынуждены подчиняться ему. Таким образом, государство здесь выступает как институт, организующий мелкобуржуазную стихию и в определенной степени стоящий над ней в классовом отношении, так как сила организации есть уже отрицание классовых интересов мелкого собственника.

Не ставя перед собой задачу построения социализма, такое государство имеет лишь цели антиимпериалистической борьбы и максимального удовлетворения интересов мелких собственников, насколько это возможно в рамках государственного капитализма. Но необходимо отметить, что у «мелкобуржуазного государственного капитализма» имеются предпосылки для дальнейшей эволюции в сторону социалистической ориентации. Радикальные антиимпериалистические позиции создают непримиримые противоречия с империализмом, и у таких стран нет иного выхода, кроме ориентации на социализм, так как третьего не дано.

Современный уровень развития производительных сил и крупного машинного производства делает невозможным для мелкой буржуазии выдвинуть такие классовые цели, которые были бы действительно прогрессивны и обеспечивали бы подъем экономики страны. Идеалы мелкой и средней буржуазии направлены в прошлое, на укрепление, увековечение мелкого производства. Но подобная программа в наши дни утопична и с технической точки зрения реакционна. Поэтому мелкая буржуазия не может выработать собственной программы, определить собственные цели, соответствующие эре крупной машинной промышленности. Она находится в положении, аналогичном положению мелкого производителя, крестьянина, о котором В. И. Ленин писал: «Распыленного мелкого производителя, крестьянина, объединяет экономически и политически либо буржуазия... либо пролетариат... О „третьем“ пути, о „третьей силе“ могут болтать и мечтать только самовлюбленные Нарциссы» [7, стр. 239—240]. И далее: «Организуем ли мы мелкое крестьянство на основе развития его производительных сил, поддерживая это развитие пролетарской властью, или подчинят его капиталисты, — от этого зависит исход борьбы» [8а, стр. 164].

При радикальных антиимпериалистических преобразованиях необходимость противопоставлять неокOLONиализму все более мощные экономические средства вызывает укрепление национального государства

как силы, организующей мелкобуржуазную стихию, но в конечном счете в противовес ей. А это означает поворот к социалистической ориентации. По-видимому, такова была эволюция в некоторых странах, как, например, в АРЕ, где революция, начавшись как чисто антиколониальная и антифеодалная, постепенно перерастала в антикапиталистическую именно на основе радикальности антиимпериалистической борьбы. Каждое новое антиимпериалистическое усилие требовало укрепления государства в противовес стихии. Поэтому вполне логично, что порой имеет место такое явление, что, чем сильнее давит иностранный капитал, чем яростнее выступает против национально-освободительного движения империализм, тем быстрее происходит перерастание антиимпериалистических преобразований в антикапиталистические, хотя эволюция в сторону социалистической ориентации может протекать также весьма медленно.

Таким образом, последовательная антиимпериалистическая борьба может приводить к переходу развивающихся стран на некапиталистический путь развития. Это обстоятельство также было отмечено на XXIV съезде КПСС. Л. И. Брежнев подчеркнул, что сейчас в развивающихся странах **«борьба за национальное освобождение во многих странах стала практически перерастать в борьбу против эксплуататорских отношений, как феодальных, так и капиталистических»** [9, стр. 18].

Революционные потенции мелкой и средней национальной буржуазии могут быть использованы и в условиях сделанного выбора в пользу социалистической ориентации, что отмечают советские авторы [см., например: 20, стр. 107]. В этом случае мелкое производство в условиях низкого уровня развития производительных сил является одним из факторов, порождающих государственный капитализм, в рамках которого происходит подчинение мелкобуржуазной стихии государству. Но вследствие классовых целей государства степень подчинения им мелкого производства значительно больше, чем в странах капиталистического пути развития.

Главная задача государства в странах социалистической ориентации — подготовка условий для возможности перехода к такой системе производственных отношений, которая основана на общественной собственности на средства производства. В странах же с прогрессивными мелкобуржуазными режимами вопрос о собственности решается в рамках частной собственности. В этом принципиальное различие этих двух подвидов государственного капитализма в развивающихся странах. Однако, учитывая возможность перерастания антиимпериалистических преобразований в антикапиталистические, можно отметить, что порой грани между ними весьма условны, расплывчаты и один подвид государственного капитализма может постепенно перерастать в другой, т. е. между «чистыми» подвидами может лежать еще множество переходных форм.

Вместе с тем особое внимание к подлинному обобществлению в качестве подготовительной меры к появлению общественной формы собственности как господствующего производственного отношения сближает государственный капитализм в странах некапиталистического пути развития с государственным капитализмом в условиях пролетарской государственной власти.

Однако, говоря о революционности мелкой буржуазии в развивающихся странах, нельзя не отметить, что ее двойственность, мелко-собственническая природа создают значительную опасность для национально-освободительного движения, в том числе опасность контрреволюционных переворотов. Если национальное государство в рамках

государственного капитализма недостаточно учитывает мелкособственническую природу национальной буржуазии, не удовлетворяет ее экономические интересы как мелкого собственника, она идет на соглашение с крупным монополистическим капиталом, т. е. с империализмом. Эту опасность нельзя недоучитывать, так как одна из основных целей неокOLONиализма сейчас — подчинение национальной мелкой и средней буржуазии своему влиянию. Такое подчинение, которое потом приводит к постепенному слиянию экономических интересов национального и иностранного капитала, имеет место в ряде развивающихся стран, и, может быть, особенно ярко проявляется в торговле. Национальный капитал еще настолько слаб, что постоянно испытывает острую нужду в свободных средствах для скупки урожая, в долгосрочных кредитах для вложений в основной капитал (складские помещения, торговые конторы и пр.), не может сам выходить на мировые рынки и т. п. Иностранные торговые монополии охотно помогают ему в этом, сохраняя, разумеется, свое господствующее по существу, хотя и не всегда по форме положение и изымая значительную часть прибыли. Из всех методов сохранения влияния иностранных монополий наиболее действенным является кредит. В Нигерии, например, в 1963 г. «Юнайтед Африка Компани» (ЮАК) кредитовала четыре крупнейших национальных кооператива по скупке какао, на которые падали четверть закупок этого продукта по всей стране. Старые колониальные фирмы создают также филиалы, специализирующиеся на управлении национальными торговыми фирмами. Так, например, нигерийский филиал английской компании «Джон Голт» в середине 60-х годов выполнял функции управляющего агента для двух нигерийских торговых фирм. В результате такого симбиоза деятельность иностранных торговых монополий в Африке продолжается весьма успешно. Например, ЮАК, несмотря на широко проведенную африканизацию (сейчас примерно половина менеджеров ЮАК в Африке — африканцы), объявила о значительном увеличении своего капитала по сравнению с 1962 г. [33, 1971, № 2814, стр. 574].

Разумеется, противоречие между национальной буржуазией и иностранным капиталом сохраняется, но при гибкой политике неокOLONиализма, который порой идет на значительные уступки национальной буржуазии, и при недостаточно внимательном отношении к ней со стороны национального государства буржуазия может наилучшим образом удовлетворять свои интересы как мелкий собственник в союзе и под эгидой иностранного капитала, а это означает в конечном счете сохранение экономической зависимости, укрепление неокOLONиализма. Тенденция национальной буржуазии к сговору с иностранным капиталом усиливается тем, что в эпоху империализма буржуазия как класс является не прогрессивной, а реакционной силой, смотрит не вперед, а назад, склонна к сговору с любой реакцией из страха перед пролетариатом, из страха, что радикальные преобразования могут обернуться против нее самой. Это отметил еще Ф. Энгельс, говоря о немецкой буржуазии и ее пресмыкательстве перед юнкерством. В работе «Роль насилия в истории» Ф. Энгельс писал: «Апеллировать к массам буржуазия отучилась в 1848 году; она боялась их еще больше, чем абсолютизма». И далее: «На божьих полях сражений была разбита не только Австрия, но и немецкая буржуазия. Бисмарк доказал ей, что он лучше ее самой знает, что для нее выгоднее» [2, стр. 447, 450]. Реакционность буржуазии усилилась в наши дни, в условиях общего кризиса капитализма, его последнего этапа. Национальная крупная буржуазия, как правило, однозначно выступает в союзе с иностранными монополиями и феодалами против прогрессивных сил. Она готова жертвовать нацио-

нальными интересами, в империализме она видит не только и не столько врага, сколько прежде всего брата по классу. Политическая борьба современности дает немало примеров реакционности крупной национальной буржуазии. Один из наиболее показательных — борьба правых сил Индии против прогрессивных преобразований, осуществляемых правительством Индиры Ганди. Мелкая буржуазия также сохраняет свою двойственность, что представляет значительную опасность для революции.

В заключение можно отметить, что мелкое производство играет весьма существенную роль в ускоренной индустриализации. В условиях слабого развития производительных сил, недостатка средств максимальная мобилизация всех внутренних, а частично и внешних ресурсов, материальное обеспечение воспроизводства рабочей силы — задачи практически невыполнимые без привлечения и развития мелкого производства.

Его большая экономическая роль налагает отпечаток и на ход социально-экономических процессов. Прежде всего огромное значение приобретают мелкая и средняя буржуазия, в том числе крестьянство, несущие значительный революционный заряд, и это может составить социальную базу антиимпериалистической борьбы и даже ее перерастания в антикапиталистическую. Подобный ход развития возможен только в русле государственного капитализма. В противном случае мелкая буржуазия оказывается подчиненной иностранному капиталу и превращается в реакционную силу.

1. К. Маркс, Ф. Энгельс, *Немецкая идеология*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, изд. 2, т. 3.
2. Ф. Энгельс, *Роль насилия в истории*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, изд. 2, т. 21.
3. Ленин В. И., *Грозящая катастрофа и как с ней бороться*, — Полное собрание сочинений, т. 34.
4. Ленин В. И., *Заседание ВЦИК 29 апреля 1918 г.*, — Полное собрание сочинений, т. 36.
5. Ленин В. И., *О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности*, — Полное собрание сочинений, т. 36.
6. Ленин В. И., *X Всероссийская конференция РКП(б), 26—28 мая 1921 г.*, — Полное собрание сочинений, т. 43.
7. Ленин В. И., *О продовольственном налоге (Значение новой политики и ее условия)*, — Полное собрание сочинений, т. 43.
8. Ленин В. И., *IX Всероссийский съезд Советов 23—28 декабря 1921 г.*, — Полное собрание сочинений, т. 44.
- 8а. Ленин В. И., *Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г.*, — Полное собрание сочинений, т. 44.
9. Брежнев Л. И., *Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза*, — *Материалы XXIV съезда КПСС*, М., 1971.
- 9а. Блохин Л. Ф., *Берег Слоновой Кости. Экономико-географическая характеристика*, М., 1967.
10. *«Воспроизводство общественного продукта в Японии»*, М., 1970.
11. Голубчик М. М., *Федеративная Республика Камерун. Экономико-географический очерк*, М., 1968.
12. Захарова М. В., *Использование переходных экономических форм в строительстве социализма*, Л., 1971.
13. *«Проблемы индустриализации развивающихся стран»*, М., 1971.
14. *«История СССР. Эпоха социализма»*, М., 1958.
15. Кашин Ю., *Сенегал*, М., 1965.
16. Кузьмин С., *Развивающиеся страны: занятость и капиталовложения*, М., 1965.
17. Ланда Р. Г., *Новая экономическая политика Алжира (1965—1969 гг.)*, — *«Народы Азии и Африки»*, 1970, № 1.

18. Логинова В. П., Федеративная Республика Камерун (Проблемы социально-экономического развития), М., 1968.
19. «Политическая экономия современного монополистического капитализма», т. 1, М., 1970.
20. Ульяновский Р., Некоторые вопросы некапиталистического развития,— «Коммунист», 1971, № 4.
21. «Экономическая история СССР», изд. 2, М., 1967.
22. Юферева Е. В., Ленинское учение о госкапитализме в переходный период к социализму,— «Экономика», М., 1969.
23. Bechtel H., Wirtschaftsgeschichte Deutschlands in 19. und 20. Jahrhundert, München, 1956.
24. «Les économies Maghrébines», Paris, 1971.
25. «Europe — France — Outremer».
26. «Industries et Travaux d'Outremer», Paris.
27. Lockwood W. W., The Economic Development of Japan. Growth and Structural Change. 1868—1938, London, 1955.
28. Orchard J. E., Japan's Economic Position. The Progress of Industrialization, New York, 1930.
29. «Production Yearbook», New York.
30. «République du Niger. Perspectives décennales de développement. 1965—1974», Niamey.
31. «République du Niger. Plan quadriennal de développement. 1965—1968», Niamey.
32. «The United Republic of Tanzania. Tanzania Second Five—Year Plan for Economic and Social Development. 1st July 1969—30th June 1974», Dar-es-Salam, 1969, vol. I, II.
33. «West Africa», London.

Ю. Д. Дмитриевский

ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ АФРИКИ, ИХ РАЗМЕЩЕНИЕ И ОЦЕНКА

(Общая характеристика проблемы)

Нет нужды доказывать, что экономика — это процесс освоения человеческим обществом, человеческими коллективами природы, природных ресурсов в определенных социальных условиях. Поэтому оценка природных условий и ресурсов должна представлять собой начальную точку, казалось бы, любого конструктивного экономического исследования. Приходится с сожалением отметить, что в большинстве экономических исследований, посвященных Африке, оценка природных ресурсов отсутствует или дается в самом общем плане. От «чисто» экономических исследований в этом отношении выгодно отличаются работы экономико-географические. Нельзя не упомянуть здесь добрым словом опубликованные в СССР монографии об отдельных африканских странах [2; 4; 8; 9; 19; 20; 24 и др.], работы М. С. Розина о минеральных ресурсах Африки [21; 22; 23 и др.], изданные в СССР и за рубежом работы М. Б. Горнунга, посвященные всей проблеме природных ресурсов Африки [7; 26; 27 и др.]. Здесь не упоминаются книги и статьи зарубежных авторов. Разные по содержанию и качеству, они многочисленны, и ссылки на них в большинстве случаев можно найти в названных советских работах. Нельзя, однако, не отметить, что советские ученые, вооруженные хорошим методологическим и методическим «оружием», выкованным десятилетиями нашей наукой, глубже и правильнее рассматривают названную проблему, стараются подойти к ней с разных сторон, комплексно. Быть может, нигде это не играет столь большой роли, как при исследовании природно-ресурсных проблем.

Советские исследования проблем природных ресурсов Африки отличаются и еще одной позитивной стороной — историзмом, без которого невозможно не только правильно оценить прошлое и настоящее, но и дать верный прогноз на будущее. А прогнозирование — необходимый, и быть может важнейший, элемент всякой конструктивной науки.

Советские географы-африкановеды стремятся картографически отобразить природно-ресурсную проблематику, хотя, на наш взгляд, здесь сделаны только первые шаги [1; 3; 18; 25 и др.].

Анализ тех материалов, которые опубликованы советскими и зарубежными учеными, позволяет сделать некоторые обобщения относительно величины и размещения важнейших природных ресурсов Африки.

Но прежде — необходимая оговорка, предварительное условие. В географической (и не только в географической) литературе существуют понятия «природные условия» и «природные ресурсы». Кажется, никто не пытался дать определение первого из названных понятий и отграничить его от второго. Да и есть ли сколько-нибудь ощутимая граница между ними? Приморское положение страны — это, казалось бы, условие, но море, омывающее страну, — источник ресурсов; климатическая составляющая природы — это условие жизни и производства, это и весьма важный (в первую очередь для сельского хозяйства) ресурс. То же можно сказать о пресной воде и ряде других природных компонентов.

Поэтому представляется целесообразным говорить о природных ресурсах в широком понимании этого термина, включая в него и то, что часто относят к категории природных условий.

Довольно трудно дать общую оценку *географического положения* Африки, поскольку отдельные ее регионы очень сильно отличаются друг от друга по этому показателю, как, впрочем, и по многим другим.

Общими чертами географического положения большинства регионов Африки являются:

1) положение их в тех широтах (приэкваториальных, субэкваториальных, тропических, субтропических), которые обуславливают поступление на материк большого количества тепла, что имеет огромное значение для сельскохозяйственного производства;

2) значительная удаленность большинства регионов Африки от моря¹ (в связи с малой макроизрезанностью береговой линии); эта особенность в сочетании с малым числом естественных бухт и гаваней (малой мезо- и микроизрезанностью береговой линии) делает Африку «от природы» континентом сравнительно малой мористости в физико- и экономико-географическом понимании этого термина;

3) примерно одинаковое с хозяйственной точки зрения «качество» омывающих различные части Африки океанов и морей; все они — в общем теплые части Мирового океана, отличающиеся большим количеством видов морских животных, но относительно небольшой численностью каждого вида; в связи с этим с промысловой (в первую очередь рыбопромысловой) точки зрения омывающие Африку воды менее ценны, чем воды умеренных широт.

По другим показателям географического положения разные части Африки существенно отличаются друг от друга.

Так, важной особенностью географического положения Северной Африки является ее близость к Европе и Азии. Отсюда очень давние связи этого региона Африки с соседними частями света, что нашло свое отражение в политической и экономической истории, развитии и размещении производства в Северной Африке.

Лежащий к югу от средиземноморской Африки пояс пустынь издавна служил серьезным барьером, препятствовавшим связям Европы и Северной Африки с остальной частью последней. Не случайно знакомство европейцев с Африкой южнее Сахары и последующая колони-

¹ Вероятно, представит интерес определить для различных регионов и стран Африки предложенный Л. А. Бриллиантом коэффициент приморского потенциала (К), вычисляемый по формуле $K = \frac{L}{\sqrt{SN}}$, где L — протяженность береговой линии в км,

S — площадь страны в тыс. кв. км, N — численность населения страны в десятках тыс. жителей. «Чем выше коэффициент, — пишет Л. А. Бриллиант, — тем удобнее географическое положение страны по отношению к Мировому океану, тем лучше ее обеспеченность морским побережьем, тем выше потенциальное значение моря для экономики страны» [5, стр. 17].

зация этих районов происходили со стороны моря — от побережий Атлантического и Индийского океанов. В настоящее время пояс североафриканских пустынь не представляет собой такого серьезного препятствия, как прежде, — современные виды транспорта все более тесно связывают Северную Африку с другими частями континента; однако и во второй половине XX в. этот фактор не потерял своего значения.

Расположение Африки по обе стороны от экватора, а также в Западном и Восточном полушариях обуславливает важное транспортно-географическое положение ее отдельных регионов в современном мире: у западных берегов Африки и через порты Западной и Южной Африки проходят мировые морские пути, связывающие Европу с Антарктикой; вдоль северных и восточных берегов Африки проходит морской путь из Европы в Азию. Постоянно возрастает роль Африки в международных воздушных сообщениях.

Когда мы говорим о географическом положении как одном из составляющих природных ресурсов, мы, естественно, элиминируем те особенности экономико-географического положения, которые связаны с вмешательством человека, хотя это практически довольно трудно сделать.

В связи с этим сложно провести типологию, районирование, общую оценку географического положения отдельных регионов Африки. По-видимому, в первом приближении можно предложить следующую классификацию регионов Африки по их географическому положению.

I. Прибрежные регионы:

1. Средиземноморские:

- а) с естественными бухтами,
- б) без естественных бухт.

2. Приатлантические:

- а) с естественными бухтами,
- б) без естественных бухт.

3. Прииндийские:

- а) с естественными бухтами,
- б) без естественных бухт.

II. Внутриконтинентальные регионы:

- 1. С естественными внутренними водными путями (реками, озерами).
- 2. Без естественных водных путей.

III. Прибрежно-континентальные регионы (переходная группа типов):

- 1. С естественными водными путями.
- 2. Без естественных водных путей.

Пользуясь такой (или, еще лучше, более развернутой) классификацией, можно произвести районирование Африки по географическому положению. Можно дать и примерную оценку каждого из типов, определить, так сказать, природный потенциал географического положения (проще всего в баллах). В соответствии с его величиной все регионы Африки будут подразделяться на территории с очень высоким показателем (пользуясь общепринятой терминологией, очень благоприятное, очень выгодное географическое положение), высоким (благоприятное, выгодное), средним (удовлетворительное), низким (малоблагоприятное, маловыгодное) и, наконец, очень низким (неблагоприятное, невыгодное положение).

Например, очень высоким показателем отличаются районы Средиземноморского побережья с естественными бухтами, очень низким — внутренние районы Сахары и Калахари.

В той же мере, как географическое положение, к категории природных ресурсов относится и *рельеф*. Не говоря о том, что рельеф влияет на хозяйство косвенно — через свое воздействие на климатические, водные, земельные и другие ресурсы, — он оказывает и непосредственное влияние на экономическое развитие своими особенностями.

Хорошо известно, что большая часть Африки представляет собой плато, различные участки которого лежат на высоте от 500 до 1500 м над уровнем моря. В одних районах плато постепенно опускается в сторону моря и переходит в обширные низменности (Сенегамбия, Ливийская, Сомалийская, Мозамбикская), в других, наоборот, поднимается к окраинам материка и обрывается к морю, образуя крутые, сильно расчлененные эрозией уступы, имеющие с моря вид гор и с хозяйственной точки зрения аналогичные последним (Драконовы, Красноморские горы и др.).

Плато и низменные равнины Африки с точки зрения рельефа в целом удобны для хозяйственного освоения — строительства дорог, промышленных предприятий, городов и поселков, аэродромов, обработки полей, выпаса скота. Иное дело — горные районы и аналогичные им сильно расчлененные сбросами и эрозией плато (Атлас, Абиссинское нагорье, многие районы Восточной Африки, упомянутые выше Драконовы горы и некоторые другие сбросово-эрозионные районы).

Во многих районах материка освоение территории и строительство предприятий и коммуникаций затруднено не столько самим рельефом, сколько характером грунтов (песчаных, галечниковых, каменистых, щебнистых, глинистых — в пустынях; сезонно-размокаемых и затем растрескивающихся — в переменено-влажных областях).

Все сказанное позволяет предложить следующие основные макротипы регионов Африки по особенностям рельефа, связанным с возможностями хозяйственного освоения территории:

1. Равнинные регионы (плато и низменности):

- а) с грунтами, удобными для строительства в течение всего года,
- б) с грунтами, удобными для строительства в течение части года,
- в) с грунтами, неудобными для строительства в течение всего года.

2. Горные регионы (внутри их встречается обычно сложная мозаика возможностей освоения).

Пользуясь приведенной классификацией, можно дать количественную хозяйственную оценку (в баллах) поверхности тех или иных регионов. Естественно, что равнинные районы с грунтами, удобными для освоения и строительства в течение всего года, получают высший балл. Наиболее низкий балл должны получить горные районы (взятые в целом) и равнинные районы с грунтами, неудобными для строительства в течение всего года.

Сложная геологическая история Африки привела к тому, что в недрах материка сформировалось много разнообразных *полезных ископаемых*.

Минеральные ресурсы, как и многие другие природные богатства Африки, изучены еще недостаточно и односторонне. Дело в том, что в колониальный период империалистические державы, владевшие странами Африки, были заинтересованы в разведке и последующей добыче лишь отдельных полезных ископаемых, в подавляющей части идущих на экспорт. Ископаемые же, которые должны были бы использоваться только для местных нужд или могли представить конкуренцию ввози-

мым товарам, или вовсе не разведывались, или, после ограниченных поисков, причислялись к числу «не представляющих интереса» и относительно их публиковались заведомо заниженные показатели, обрекавшие то или иное месторождение на консервацию.

Имеющиеся к настоящему времени данные показывают, что Африка особенно богата металлическими полезными ископаемыми, в первую очередь рудами цветных, редких, драгоценных металлов, а также алмазами. В послевоенные годы все возрастает роль Африки в разведанных запасах энергетического минерального сырья.

Суммарные данные о ресурсах полезных ископаемых Африки показывают, что в капиталистическом мире она занимает первое место по запасам хромитов, руд кобальта, титана, тантала, алмазов, золота, фосфоритов, видное место по запасам руд меди, урана, ниобия, лития, олова, сурьмы, бокситов, марганца, берилла, а также асбеста, нефти, природного газа. Важную роль в ряде районов Африки играют месторождения железной руды; нельзя забывать о месторождениях каменного угля, графита и ряда других полезных ископаемых.

Как и в других частях света, минеральные богатства в Африке размещены неравномерно. Важнейшими узлами разведанных к настоящему времени минеральных ресурсов являются районы очень высокого минерально-сырьевого потенциала: юго-восток Республики Заир с примыкающими районами Замбии, восточная половина ЮАР, гвинейская часть Западной Африки, Северо-Западная Африка. Наряду с ними есть районы с высоким, средним, низким и очень низким минерально-сырьевым потенциалом.

Нельзя не отметить, что по мере расширения разведок недр (в чем немалую помощь оказывают СССР и другие социалистические страны) на геологической карте Африки стираются «белые пятна», появляются новые (крупные и мелкие) значки важных и ценных полезных ископаемых [18]. В связи с этим постепенно меняется оценка минерально-сырьевых богатств различных регионов — и потенциал их может заметно увеличиваться. Значительно реже происходит обратный процесс — понижение минерально-сырьевого потенциала в связи с выработкой месторождений.

Исключительно велики *климатические ресурсы* Африки, в первую очередь агроклиматические. Особенно значительна их термическая составляющая: Африка получает огромное количество тепла, и в большинстве ее районов сумма активных температур составляет 6000—10000°; при этом велики и сезонные суммы температур. Лишь в субтропических и горных районах в отдельные месяцы сумма температур относительно мала и не позволяет выращивать культуры жаркого пояса.

Значительно разнообразнее картина распределения влаги (общее количество и сезонное распределение осадков). Ее дефицит во многих районах приводит к тому, что сумма температур, обеспеченная осадками, не превышает там 2000—3000°, а на обширных пустынных территориях этот показатель вообще равен нулю. Поэтому, несмотря на благоприятную для большей части Африки термическую составляющую климатических ресурсов, общий агроклиматический потенциал очень сильно варьирует от района к району.

По термическому режиму все районы Африки с агроклиматической точки зрения могут быть разбиты на четыре категории:

1. Районы, где весь год могут выращиваться культуры жаркого пояса.
2. Районы, где в теплую часть года могут выращиваться культуры жаркого пояса, в холодную — культуры умеренного пояса.

3. Районы, где весь год могут выращиваться культуры только умеренного пояса (к этой категории относятся некоторые окраинные, северные и южные, и горные районы).
4. Высокогорные районы, где земледелие по термическим условиям возможно лишь часть года.

Еще реже встречаются районы, где земледелие по термическим условиям вообще невозможно. Такие районы столь немногочисленны и относительно малы по площади, что ими в данном обзоре можно пренебречь.

По условиям увлажнения с агроклиматической точки зрения все районы Африки могут быть классифицированы следующим образом:

1. Постоянно-влажные, где земледелие и выращивание нескольких урожаев без искусственного орошения возможно весь год.
2. Сезонно-влажные (переменно-влажные), где без искусственного орошения возможно выращивание только одного урожая.
3. Постоянно-сухие, где земледелие невозможно без искусственного орошения.

Соединяя две приведенные классификации (по термическому режиму и увлажнению), можем прийти к единой агроклиматической классификации африканских регионов:

1. Районы, где весь год могут выращиваться культуры жаркого пояса:
 - а) постоянно-влажные, где земледелие и выращивание нескольких урожаев без искусственного орошения возможно весь год,
 - б) сезонно-влажные, где без искусственного орошения возможно выращивание только одного урожая,
 - в) постоянно-сухие, где земледелие невозможно без искусственного орошения.
2. Районы, где в теплую часть года могут выращиваться культуры жаркого пояса, а в холодную — культуры умеренного пояса:
 - а) постоянно-влажные, где земледелие и выращивание нескольких урожаев без искусственного орошения возможно весь год,
 - б) сезонно-влажные, где без искусственного орошения возможно выращивание только одного урожая,
 - в) постоянно-сухие, где земледелие невозможно без искусственного орошения.
3. Районы, где весь год могут выращиваться культуры только умеренного пояса:
 - а) постоянно-влажные, где земледелие и выращивание нескольких урожаев без искусственного орошения возможно весь год,
 - б) сезонно-влажные, где без искусственного орошения возможно выращивание только одного урожая,
 - в) постоянно-сухие, где земледелие невозможно без искусственного орошения.
4. Районы, где только часть года могут выращиваться культуры умеренного пояса:
 - а) постоянно- или сезонно-влажные, где возможно выращивание одного урожая без искусственного орошения,
 - б) сезонно-влажные или постоянно-сухие, где земледелие невозможно без искусственного орошения.

Очевидно, что агроклиматический потенциал разных типов районов:

различен и может быть оценен в баллах. По-видимому, наиболее высоким баллом следует оценить постоянно-влажные районы, где земледелие без искусственного орошения возможно весь год и может выращиваться несколько урожаев культур только жаркого или жаркого и умеренного пояса (т. е. районы типов 1а и 2а). Наиболее низкий балл должны получить районы, где возможно выращивание одного урожая культур умеренного пояса при условии искусственного орошения (тип 4б).

Конечно, хозяйственная оценка климатических ресурсов не может ограничиться их агроклиматической характеристикой, однако дать промышленно-климатическую, транспортно-климатическую, строительно-климатическую и иную оценку климата пока довольно трудно, так как здесь возникают весьма специфические проблемы влияния климата на металлические конструкции и сооружения, волокнистые и иные материалы, условия строительства и пр. По-видимому, здесь должны особенно учитываться влажность воздуха, его запыленность в целом и в периоды пыльных бурь, скорость ветра и многие другие показатели.

Трудно переоценить роль в Африке *водных ресурсов*. Вода нужна для ирригации, водоснабжения, получения электроэнергии; реки и озера играют крупную роль в транспорте, рыболовстве и т. д.

Водные ресурсы Африки, взятой в целом, весьма велики. Особенно богат материк поверхностными водами — реками, среди которых Нил, Конго (Заир), Нигер, Замбези, Оранжевая, Сенегал, Гамбия, Шари, и озерами [Виктория, Танганьика, Ньяса (Малави), Чад, Альберт, Тана, Эдуард, Киву, Мверу и др.]. В недрах Африки таятся крупные запасы подземных вод, в том числе пресных.

На долю Африки приходится примерно $\frac{1}{5}$ часть всех запасов гидроэнергии земного шара.

Водные ресурсы размещены на территории Африки крайне неравномерно. Лучше всего обеспечены водой приэкваториальные области с их обильными осадками и многоводными в течение всего года реками. С удалением от экватора обеспеченность влагой и поверхностными водными ресурсами в целом уменьшается, достигая минимальных показателей в пустынях и полупустынях Северного и Южного полушарий. В этих засушливых областях основными источниками воды могут стать подземные воды, в частности артезианские, извлекаемые путем бурения специальных скважин, «транзитные» реки (такие, как Нил и Оранжевая в нижнем течении, Нигер — в среднем) или реки и озера соседних, более влажных областей (в случае переброски воды).

В связи с неравномерностью размещения по территории Африки водных ресурсов различны и частные природные водные (гидроэнергетический, рыбохозяйственный, ирригационный, воднотранспортный, водно-химический, водно-ботанический, промышленного и бытового водоснабжения) потенциалы и общий природный водный потенциал отдельных регионов материка [11; 12 и др.].

По величине общего природного водного потенциала в Африке можно выделить:

1. Районы очень высокого общего водного потенциала (бассейн Конго, характеризующийся чрезвычайно высоким гидроэнергетическим потенциалом, высоким воднотранспортным и рыбохозяйственным потенциалом, весьма высоким потенциалом промышленного и бытового водоснабжения).
2. Районы высокого общего водного потенциала (бассейн Нила, отличающийся высоким гидроэнергетическим, весьма высоким ирригационным и рыбохозяйственным потенциалом, высоким

потенциалом промышленного и бытового водоснабжения; бассейн Нигера, характеризующийся высоким гидроэнергетическим, весьма высоким ирригационным, значительным воднотранспортным потенциалом).

3. Районы среднего общего водного потенциала (бассейн Замбези, характеризующийся очень высоким гидроэнергетическим, значительным рыбохозяйственным и воднотранспортным потенциалом; Гвинейская Африка, отличающаяся высоким гидроэнергетическим, средним воднотранспортным и ирригационным потенциалом; Мадагаскар, обладающий весьма высоким гидроэнергетическим, заметным ирригационным потенциалом; Ангола, характеризующаяся значительным гидроэнергетическим, заметным ирригационным потенциалом; бассейн оз. Чад, обладающий значительным ирригационным и рыбохозяйственным, заметным воднотранспортным потенциалом).
4. Районы низкого общего водного потенциала (Атлас, Южная Африка, Восточная Эфиопия и Сомали).
5. Районы очень низкого общего водного потенциала (Сахара в широком смысле слова, Намиб, большая часть Калахари, Данакиль и некоторые другие районы).

Огромны земельный фонд Африки, ее *земельные ресурсы*. В земледелии и животноводстве (без сведения лесов и орошения пустынь и полупустынь) здесь может использоваться по крайней мере 40% территории², т. е. 1200 млн. га, что лишь немногим уступает всей площади, которая сейчас используется в земледелии на земном шаре.

Большая часть пригодных для сельскохозяйственного использования земель Африки — это районы распространения красноцветных почв с большим содержанием окислов железа, отсутствием четко выраженного гумусового горизонта (так как перегной находится здесь обычно в подвижном состоянии). Почвы эти (красные высокотравных саванн, красно-бурые сухих саванн, красновато-бурые опустыненных саванн, а также формирующиеся под влажными экваториальными лесами красно-желтые почвы постоянно влажных тропических лесов) в своем естественном состоянии достаточно (или весьма) плодородны, но после сведения естественной растительности, которая обеспечивает постоянное пополнение почв питательными веществами, быстро теряют свое плодородие, которое может поддерживаться либо традиционной залежной системой земледелия, либо большим количеством вносимых удобрений. Эти почвы, как правило, легко подвергаются эрозии и поэтому требуют особой обработки и весьма бережного к ним отношения. Известно, что эрозия почв в Тропической Африке достигла огромных масштабов³.

В ряде районов Африки встречаются и черные тропические почвы саванн — тяжелые, глинистые, благоприятные для выращивания хлопка (за что получили название «черных хлопковых»). Нередко темноцветные тропические почвы формируются на продуктах разрушения базальтов (например, на Абиссинском нагорье).

Темноцветные почвы черноземного ряда встречаются в субтропических районах Африки (в частности, на плато ЮАР). В субтропиках распространены и коричневые почвы.

² Вся площадь Африки, за вычетом лесопокрывных, полупустынных и пустынных территорий [28].

³ Не случайно в 50-х годах появилась книга Ж. П. Гарруа под сенсационным заголовком «Африка — умирающая земля. Разрушение африканских почв под влиянием колонизации» [6].

Весьма плодородны аллювиальные почвы, распространенные в долинах рек (дельта и долина нижнего Нила, внутренняя дельта на среднем Нигере и многие другие районы); при этом особую ценность представляют почвы на современном аллювии, пополняющиеся ежегодно во время разливов рек питательными веществами.

При орошении достаточно плодородны и некоторые почвы засушливых (полупустынных и пустынных) областей (например, сероземы). Однако земледельца здесь всегда подстерегает опасность вторичного засоления почв (за счет подъема солей по капиллярам при соединении поверхностных ирригационных и засоленных подземных вод). Поэтому сеть дренажных каналов должна обязательно сопровождать сеть оросительных каналов.

Хорошо известно, что оценка качества тех или иных земель — дело весьма сложное, требующее и широких полевых почвенных исследований и многочисленных химических анализов. В конечном счете оценка земель приводит к их бонитировке. Можно полагать, что при этой оценке высшие баллы могут получить почвы на современном аллювии, а низшие — различные типы пустынных и полупустынных почв. Можно также предполагать, что почвы, формирующиеся под различного типа саваннами, должны получить более высокий балл, чем почвы постоянно влажных тропических лесов, так как эти последние в случае сведения естественной растительности и последующего использования в полеводстве должны потребовать для восстановления своего плодородия значительно большего, чем почвы саванн, количества различных удобрений (картина, аналогичная той, которая наблюдается в лесах и степях умеренного пояса).

Африканский материк богат *естественными растительными ресурсами*. Около $\frac{1}{10}$ площади Африки занимают леса — влажные экваториальные и тропические, сухие тропические, субтропические. Если последние вследствие вмешательства человека, сохранились сравнительно мало, то массивы тропических и экваториальных лесов еще очень внушительны. Особенно велики массивы влажных экваториальных и тропических лесов в северной половине бассейна Конго, Гвинейской Африке, на востоке Мадагаскара.

Многие африканские леса отличаются очень богатым видовым составом. В них можно встретить породы красного дерева, черное (эбеновое) дерево, дающие ценную поделочную древесину, виды окуме и тика, важные в строительстве. Многие виды деревьев ценны своими плодами. К ним относятся масличная (гвинейская) пальма — в Западной Африке, кокосовая пальма, растущая на побережье, главным образом в Восточной Африке и на прилегающих островах, дикорастущие кофейные деревья, бананы, кола и многие другие.

Прекрасные естественные пастбища представляют собой различного типа саванны (высокотравные, типичные, сухие или опустыненные), которые вместе с субтропическими степями занимают более 40% площади Африки. Может использоваться в качестве пастбищ и значительная часть полупустынь, на долю которых приходится около $\frac{1}{10}$ территории материка.

Как известно, в зоне саванн есть и деревья, представляющие нередко большую ценность своими плодами или смолами (например, гуммиарабик, получаемый из некоторых видов акаций).

Некоторые африканские растения стали широко известны за пределами материка (сорго, африканское просо, арбуз, кофейное дерево, клещевина, алоэ, отчасти финиковая пальма, пробковый дуб).

Под влиянием человеческого общества растительный покров под-

вергся значительным изменениям. Если даже отбросить тезис о вторичном характере саванны, ее антропогенном происхождении, тезис, который находит все больше адептов, можно говорить о сведении в исторически обозримое время большей части субтропических лесов и замене их культурными ландшафтами или вторичными кустарниковыми ассоциациями, о сведении части тропических лесов, земледельческом освоении многих участков саванны, субтропических степей, орошении и освоении части пустынных и полупустынных районов. Все же (если, повторяем, не касаться тезиса об антропогенном происхождении саванны) можно, по-видимому, утверждать, что девственные или почти девственные ландшафты сохранились в Африке относительно лучше, чем в большинстве других частей света. Объясняется это рядом причин, среди которых очаговый характер земледелия в большинстве районов материка (особенно в тропическом поясе), слабое развитие промышленности и относительно небольшая урбанизация, низкая средняя плотность населения (11—12 человек на 1 кв. км).

Сравнительный анализ различных типов растительности Африки может помочь в оценке ее хозяйственной ценности, определении потенциала естественной растительности (ботанического потенциала) того или иного региона. При этой оценке высший балл должны, по-видимому, получить влажные экваториальные и тропические леса, затем сухие тропические леса, саванны (высокотравные и типичные), субтропические леса. Более низким баллом могут быть оценены опустыненные саванны, субтропические степи. Ниже стоят полупустыни и районы распространения различных типов кустарниковых ассоциаций. Наиболее низкий балл остается за пустынями.

К числу природных ресурсов Африки относятся и ее *дикие животные*, которые, несмотря на то что они подверглись сильному истреблению, в ряде районов континента имеют важное хозяйственное значение. В частности, большие стада крупных млекопитающих (антилоп, зебр и др.) еще встречаются в странах Восточной Африки (и некоторых других районах), где регламентированная охота может дать продукцию, по меньшей мере сопоставимую с продукцией животноводства.

В ряде районов (Тропическая Африка, дельта Нила) сохранилась значительная орнитофауна.

Велика роль и ихтиофауны внутренних водоемов, особенно озер, в первую очередь крупных. В этом отношении выделяется Восточная Африка, страна Великих озер. Важную роль в рыбных ресурсах играют также оз. Чад, реки бассейнов Конго, Нила, реки Западной Африки. О хозяйственном значении фауны морей, омывающих Африку, говорилось выше, при рассмотрении географического положения. Для прибрежных пустынь это, по существу, единственный источник фауны (в континентальных пустынях отсутствует и таковой).

При классификации, оценке регионов Африки по зоопотенциалу и соответствующем районировании необходимо учитывать и негативное влияние на экономику некоторых животных. В частности, следует снижать балл зоопотенциала в районах распространения мухи цеце (*Glossina*), являющейся разносчиком трипаносомозов. Почти все виды и породы домашнего скота при ее укусах гибнут от болезни нагана. Поэтому районы распространения цеце в большинстве случаев не могут (без соответствующих систематических прививок скота) использоваться для животноводства. Косвенным образом цеце влияет и на земледелие, препятствуя использованию скота в качестве тягловой силы, лишая земли органических удобрений.

Негативную роль в хозяйстве играют и термиты, уничтожающие

деревянные конструкции, сооружения, шпалы и т. п., наносящие ущерб земледелию. Ареал их распространения также отличается пониженным зоопотенциалом.

*

Выше дана краткая общая характеристика природных ресурсов Африки и показаны возможности их оценки в единых показателях (баллах). Нетрудно убедиться, что каждый большой или малый регион имеет «набор» природных ресурсов, которые могут быть оценены в баллах (согласно принятой шкале). Более того, может быть определен общий природный (природно-ресурсный) потенциал региона — путем суммирования потенциалов отдельных видов ресурсов [13; 14; 15 и др.], о которых говорилось выше.

Для оценки потенциала каждого вида ресурсов в качестве примера можно принять пятибалльную систему и считать все ресурсы равными по значению. Тогда максимально возможная оценка общего природно-ресурсного потенциала окажется равной 40 баллам (8 потенциалов по 5 максимальных баллов каждый).

Например, общий природно-ресурсный потенциал внутренних районов Восточной Африки будет составлять: 3 (потенциал географического положения) + 3 (потенциал рельефа) + 2 (минерально-сырьевой потенциал) + 4 (агроклиматический потенциал) + 4 (водный потенциал) + 4 (земельный потенциал) + 4 (ботанический потенциал) + 4 (зоопотенциал), т. е. 28 баллов.

Общий природно-ресурсный потенциал Шаба (Катанги) будет составлять: 3 (потенциал географического положения) + 4 (потенциал рельефа) + 5 (минерально-сырьевой потенциал) + 4 (агроклиматический потенциал) + 5 (водный потенциал) + 4 (земельный потенциал) + 4 (ботанический потенциал) + 3 (зоопотенциал), т. е. всего 32 балла (на 4 больше, чем потенциал Восточной Африки).

Подобным образом может быть определен природно-ресурсный потенциал любого района Африки. Более точным будет результат при:

а) большем числе баллов (хотя бы 10),

б) введении «весов» для разных природных ресурсов (взвешенные потенциалы дадут более отчетливую, более точную картину величины природных ресурсов региона, так как, очевидно, например, что значение зоопотенциала и минерально-сырьевого потенциала для современной экономики далеко не одинаково).

Определение общего природно-ресурсного потенциала территории дает возможность оценить совокупность ее природных ресурсов, независимо от их вида, позволяет тем самым сравнить различные территории с природно-ресурсной точки зрения и в случае необходимости выбрать наиболее «богатую» для первоочередного освоения.

Но практически очень важно представлять не только общий природно-ресурсный потенциал, дающий представление об общей величине совокупности природных ресурсов, но и его структуру (соотношение между составляющими общий потенциал потенциалами отдельных ресурсов).

В приведенных выше примерах структура общего природного потенциала Восточной Африки будет выглядеть так⁴:

⁴ Практически очень важно знать эту структуру более детально; для этого необходимо определить структуру каждого из обозначенных здесь потенциалов (водного, минерально-сырьевого и др.).

Зг: Зр: 2м: 4а: 4в: 4з: 4б: 4ж; потенциал Катанги: Зг: 4р: 5м:
4а: 5в: 4з: 4б: 3ж,
где

- г — потенциал географического положения,
- р — потенциал рельефа,
- м — минерально-сырьевой потенциал,
- а — агроклиматический потенциал,
- в — водный потенциал,
- з — земельный потенциал,
- б — ботанический потенциал,
- ж — зоопотенциал.

Определение величины и структуры природного потенциала возможно для любых территорий (будь то политическая, административная или физико-географическая территориальная единица) в зависимости от конкретных задач и потребностей. Однако нам кажется, что наиболее объективным было бы определение природного (природно-ресурсного) потенциала для природно-ресурсного (природного) района — территории, все части которой при современной степени ее изученности обладают примерно одинаковыми (в своей совокупности отличными от смежных территорий) ресурсами для хозяйственной деятельности человека [10; 16; 17].

В свете приведенных здесь и ранее [13; 14; 15] рассуждений о природном (природно-ресурсном) потенциале ясно, что природный (природно-ресурсный) район — это территория, все части которой обладают примерно одинаковой величиной и структурой природного (природно-ресурсного) потенциала, отличающейся от величины и структуры потенциала смежных территорий.

При районировании, при определении границ природных (природно-ресурсных) регионов может помочь картографический метод. Последовательность операций здесь мыслится следующей:

1. На одну и ту же карту последовательно наносятся границы регионов, выделенных по величине общего потенциала каждого вида ресурсов. В результате на карте образуется сложная сетка комплексных (природно-ресурсных) регионов.

2. Для каждого из выявленных (картографически) комплексных (природно-ресурсных) регионов вычисляются величина и структура общего природно-ресурсного потенциала территории.

3. Если у каких-то смежных регионов величина и структура общего природного потенциала совпадают, то они объединяются, естественно, в единые природно-ресурсные регионы. Последние вместе с оставшимися необъединенными районами и составляют итоговую сетку природно-ресурсных регионов.

Совершенно очевидно, что число регионов, точность их выделения будут зависеть от масштаба исследования, степени генерализации. Очевидно, что при районировании для практических целей степень детализации и число районов резко возрастают. При общей оценке допустима достаточно большая генерализация [13, 15].

1. Алейнер А. З., Снятков А. А., Новые карты Африки, — «Страны и народы Востока», вып. 7, М., 1969.
2. Асоян Н. С., Нигерия, М., 1963.
3. «Атлас Африки», ГУГК, М., 1968.
4. Блохин Л. Ф., Берег Слоновой Кости, М., 1967.
5. Бриллиант Л. А., География морского транспорта Западной Африки, автореферат диссертации на соискание уч. степени канд. географ. наук, Л., 1971.

6. Гарруа Ж. П., Африка — умирающая земля. Разрушение африканских почв под влиянием колонизации, М., 1954.
7. Горнунг М. Б., Состояние изученности природы и естественных ресурсов Африки (по материалам ЮНЕСКО), — «Известия АН СССР», серия географ., 1961, № 5.
8. Горнунг М. Б., Уткин Г. Н., Марокко, М., 1966.
9. Длин Н. А., Объединенная Арабская Республика (Египет), М., 1962.
10. Дмитриевский Ю. Д., Англо-Египетский Судан, М., 1951.
11. Дмитриевский Ю. Д., Внутренние воды Африки и их использование, Л., 1967.
12. Дмитриевский Ю. Д., Внутренние воды Африки. Опыт экономико-географической характеристики, автореферат диссертации на соискание уч. степени доктора географ. наук, М., 1963.
13. Дмитриевский Ю. Д., Вопросы оценки природного потенциала Африки, ее отдельных стран и районов, — сб. «Современные проблемы развития и размещения производительных сил в Африке», М., 1971.
14. Дмитриевский Ю. Д., Природный потенциал и его количественная оценка, — сб. «Советские географы XXI Международному географическому конгрессу», М., 1968.
15. Дмитриевский Ю. Д., Природный потенциал и его количественная оценка, — «Известия Всесоюзного географического общества», 1971, № 1.
16. Дмитриевский Ю. Д., О физико-географическом районировании и районировании природных ресурсов, — «Известия Всесоюзного географического общества», 1962, № 2.
17. Дмитриевский Ю. Д., Судан, М., 1959.
18. «Карта полезных ископаемых Африки», Масштаб 1 : 10 000 000, Л., 1969.
19. Моисеева Г. М., Южно-Африканская Республика, М., 1966.
20. Радченко Г. Ф., Республика Мали, М., 1969.
21. Розин М. С., География полезных ископаемых Африки, М., 1957.
22. Розин М. С., Значение проблемы развития и размещения минерально-сырьевой базы в развивающихся странах (на примере стран Африки), — «Известия Всесоюзного географического общества», 1968, № 5.
23. Розин М. С., Минерально-сырьевые ресурсы как важная предпосылка индустриализации независимых стран Африки, — сб. «Современные проблемы развития и размещения производительных сил в Африке», М., 1971.
24. Сергеева И. С., Сомалийская Республика, М., 1965.
25. «Études géobotaniques des pâturages du secteur ouest du département de Médie de la République Algérienne Démocratique et populaire», Leningrad, 1970.
26. Gornung M. B., 'Natural Resources and Economic Development in Africa, — «Developing Countries of the World», 21st International Geographical Congress, 1968.
27. Gornung M. B., Some Problems of Natural Resources Research for Development in Africa, ICA, Addis Ababa, 1969.
28. Shantz H. L., Agricultural Regions of Africa, pt II, — «Economic Geography», 1940, vol. 16, № 4.

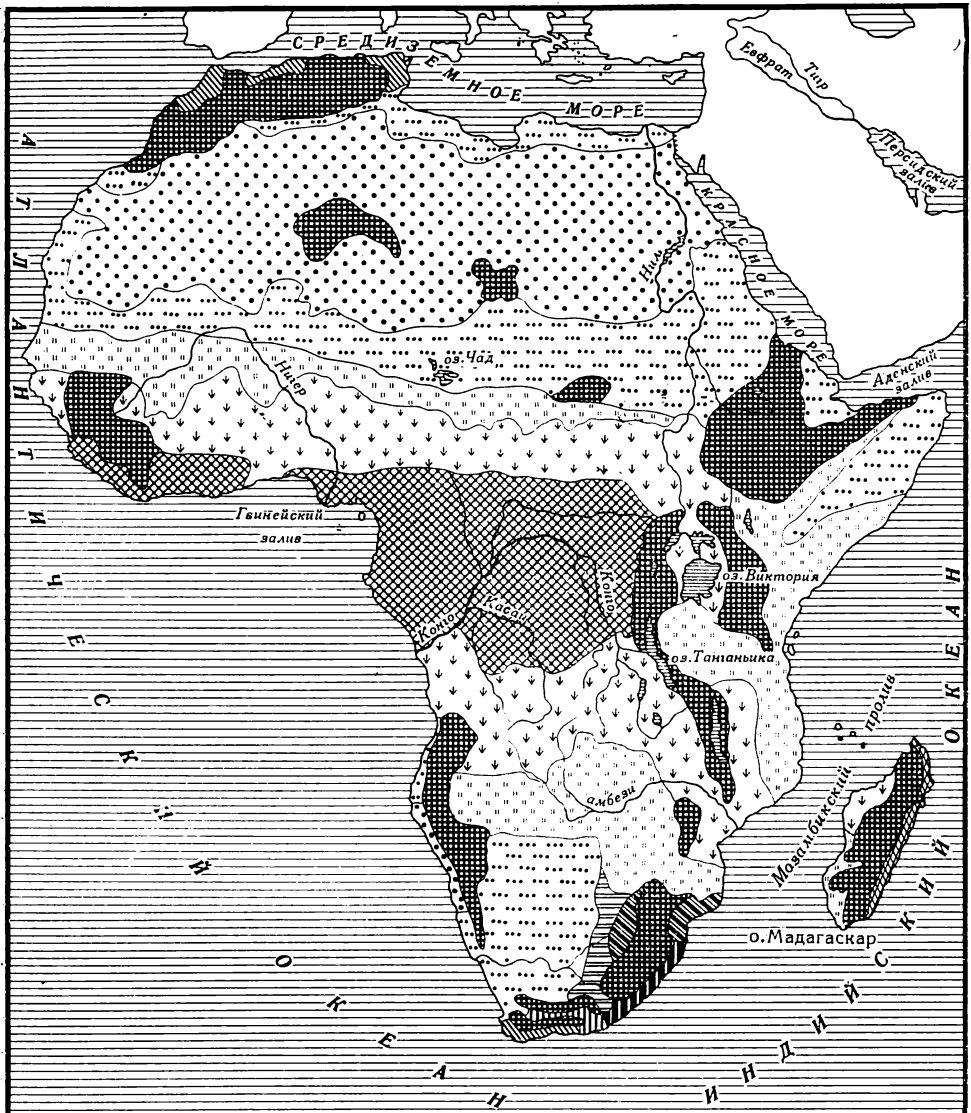
А. Д. Гожев

КАРТА ПРИРОДНЫХ ОБЛАСТЕЙ АФРИКИ

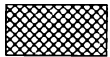
Начиная с 1934 г. нами были составлены карты природных зон и областей земного шара, в том числе Африки [1; 2; 3]. В последние годы появились многочисленные новые материалы, которые позволили автору подготовить предлагаемый вниманию новый, четвертый вариант природных областей Африканского материка.

Автору представляется, что приложенная карта (см. стр. 55) может быть основой районирования Африки по природным предпосылкам для сельскохозяйственного производства.

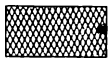
1. Гожев А. Д., К методологии физической географии,— «Известия Государственного географического общества», 1934, вып. IV.
2. Гожев А. Д., О зонах и областях природы,— «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена», 1948.
3. Гожев А. Д., Зонально-провинциальная природа поверхности суши,— «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена», 1956, т. 116.

ПРИРОДНЫЕ ОБЛАСТИ

Гвинеяская экваториальная гилея
Экваториальная гилея Среднего Конго

Тропическая гилея Мадагаскара

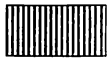
Влажная саванна Ньясы
Влажная саванна Нигера
Влажная саванна Бахр-эль-Джебели
Влажная саванна Конго-Насаи

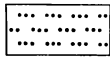
Сенегальская сухая саванна
Суданская сухая саванна
Присомалийская сухая саванна
Сухая саванна Вост.-Африк. плоскогорья
Сухая саванна Кунене-Замбези

Приатласская обл. средиземноморской природы
Кейптаунская обл. средиземноморской природы

Сухие субтропики Большого Карру

Северо-Африканская полупустыня
Суданская полупустыня
Сомалийская полупустыня
Полупустыня Калахари

Пустыня Сахара
Пустыня Намиб

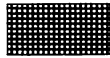
Южно-Африканская сухая степь

Трансваальская пампа
Пампа низовьев Лимполо

Субтропический лес Ю-В.Африки

Горные области Африки

И. Н. Олейников

О ДРЕВНОСТИ И МОЛОДОСТИ ЛАНДШАФТОВ ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКИ

Общеизвестна глубокая древность африканской суши и ее рельефа, в котором господствуют обширные ярусно расположенные поверхности выравнивания, унаследованные почти в неизменном виде от более или менее отдаленных эпох геологического прошлого. В Тропической Африке (к югу от Сахары) наибольшим пространственным развитием, согласно обобщениям Л. Кинга [2], пользуются поверхности позднекайнозойской (позднетретичной, неогеновой) планации, но наряду с ними на значительных площадях сохранились и более древние геоморфологические уровни. Не мешает заметить, что по мере углубления знаний о геоморфологии Африки возраст ряда поверхностей подвергается пересмотру в сторону его увеличения. Такая ревизия недавно произведена, например, в Уганде, территория которой издавна служит своего рода эталоном при изучении поверхностей выравнивания Восточной Африки. Доказано, что так называемая «поверхность Кьога», которую принято было интерпретировать как позднетретичную, в действительности является среднетретичной (донижнемиоценовой); соответственно возраст вышележащей «поверхности Буганда», ранее считавшийся среднетретичным, оказался сдвинутым вниз по геохронологической шкале сначала на раннетретичное время, а затем на мезозой [см. 5; 9 и др.].

Заслуживает внимания то обстоятельство, что речь обычно идет не о погребенном под толщей более молодых отложений и откопанном последующей эрозией древнем рельефе (хотя подобные случаи тоже нередки), а о поверхностях, субаэральное развитие которых продолжалось непрерывно со времени первоначального выравнивания до наших дней, но ввиду их выровненности происходило столь замедленными темпами, что не могло привести к сколько-нибудь существенной их модификации; это и дает нам право говорить о практической «законсервированности» древних геоморфологических уровней, наследуемых современным рельефом непосредственно от создавших их фаз планации.

Высокая степень сохранности древних поверхностей объясняется в первую очередь общими особенностями тектонического развития Африканской платформы. Благодаря более или менее устойчивой тенденции к поднятию этого огромного платформенного блока, наметившейся еще в докембрии и усилившейся на неотектоническом этапе,

большая часть Тропической Африки не захватывалась морскими трансгрессиями начиная по крайней мере с середины кайнозоя (многие же районы — с гораздо более раннего времени); тем самым воздействие одного из важнейших факторов обновления рельефа было исключено. С другой стороны, интенсивность общего поднятия материка и, что особенно важно, дробность и контрастность проявлявшихся на его фоне дифференцированных вертикальных движений были недостаточны для единовременного и повсеместного тектонико-эрозийного омоложения рельефа: оторванные от главного базиса эрозии — уровня океана, поднятые древние поверхности выравнивания подвергались расчленению по периферии и постепенно уменьшались по площади, но в целом продолжали развиваться унаследованно, опираясь на местные базисы эрозии. Даже неотектоническая активизация вертикальных движений, имевшая результатом общее усиление дифференциации рельефа, не привела, как уже говорилось, к полному замещению мезозойских и палеогеновых геоморфологических уровней неогеновыми, последующее же (четвертичное) расчленение неогеновых поверхностей свелось в основном лишь к более или менее значительному врезанию главных речных долин, практически не затронув междуречья. О более коренном обновлении рельефа можно говорить только применительно к отдельным районам особенно активных новейших движений, прежде всего к области Восточноафриканской рифтовой системы; однако и здесь это обновление носило скорее локальный характер, проявившись непосредственно вдоль линий разломов и в связанных с ними районах вулканизма, тогда как на обширных пространствах между рифтами сохранился все тот же древний выровненный рельеф (что видно хотя бы из приведенного выше примера Уганды).

Наряду с относительной тектонической стабильностью сохранению древнего рельефа Тропической Африки способствовало, по-видимому, относительное постоянство климатических условий на последних этапах ее геологической истории. Колебания климата в кайнозое, и в частности в четвертичное время, несомненно, имели здесь место, но даже в эпохи наибольших похолоданий рассматриваемая территория оставалась в пределах жаркого теплового пояса. Более значительны были колебания атмосферного увлажнения, однако ландшафтообразующий, и в том числе рельефообразующий, эффект их, достигая максимума вблизи тропиков (плювиальные эпохи в Сахаре), должен был, судя по всему, ослабевать по мере приближения к экватору; имеются основания полагать, что в большинстве районов Тропической Африки количественные изменения годовой суммы осадков и продолжительности сезона дождей не приводили к качественному переходу от одного типа климата к другому и, следовательно, не вызывали принципиальной смены климато-морфогенетических систем. Тропическая специфика природных процессов не нарушалась, и общий «стиль» экзогенного рельефообразования (по крайней мере в первом приближении) мало изменялся во времени. Особенно важное значение имело отсутствие такого мощного фактора омоложения рельефа, как материковое оледенение.

До сих пор мы говорили о рельефе, но нетрудно понять, сколь важен двойной консерватизм Тропической Африки — морфотектонический и климатический — и для других компонентов природного ландшафта. Так, процессы химического (биохимического) выветривания горных пород имели здесь возможность развиваться — на одних и тех же выровненных поверхностях — в течение многих сотен тысяч и

миллионов лет, лишь временами ослабевая и затем снова активизируясь в зависимости от колебаний климата, не изменявших их общей направленности. С ними сочетались — также не нарушая общего хода их развития — процессы медленного сноса и перераспределения продуктов выветривания текучими водами, ветром и другими экзогенными агентами. Результатом этой длительной эволюции явилось наблюдаемое в настоящее время почти универсальное распространение мощных ферраллитных кор выветривания (остаточных и аккумулятивных), соответствующих крайним стадиям развития процессов химического разложения исходных пород. Широко распространены в Тропической Африке и такие побочные продукты ферраллитного выветривания, как латериты (в узком смысле слова) — массивные железистые панцири, формирующиеся в ходе перераспределения полуторных окислов грунтовыми водами; возраст некоторых латеритов изменяется десятилетиями миллионов лет, соответствуя возрасту поверхностей выравнивания, которые они бронируют, дополнительно способствуя их консервации.

Коры выветривания в Тропической Африке несут, таким образом, тот же отпечаток глубокой древности, что и рельеф. Этот отпечаток сообщается и развитым на них современным почвам, отличающимся, как правило, высокой степенью ферраллитизации (нередко даже в случае молодого абсолютного возраста конкретного почвенного профиля). Разумеется, ферраллитные почвы свойственны не только Африке, однако можно предполагать, что на этом древнем материке они в массе своей должны быть более глубоко ферраллитизированы, чем почвы большинства других экваториальных и тропических областей, лишь недавно (в геологическом масштабе времени) ставших сушей или переживших коренное обновление рельефа — а соответственно и почвенного покрова — за счет новейших горообразовательных и вулканических процессов. Ж. Д'Оор подчеркивает важнейшую роль Анд как огромного резервуара маловыветрелого материала, непрерывное поступление которого на южноамериканские низменности препятствует обеднению химико-минералогического состава развитых здесь почв, т. е. фактически тормозит процесс ферраллитизации [6]. То же относится, очевидно, к молодым или омоложенным горным сооружениям Индокитая, Малайского архипелага, Новой Гвинеи. В Африке такими геохимическими резервуарами в определенной мере служат область Восточноафриканской рифтовой системы и некоторые другие, весьма немногочисленные районы интенсивных новейших поднятий. Однако активно эродируемые горные массивы занимают здесь гораздо меньшую площадь, проявления новейшего и особенно современного вулканизма отличаются меньшими масштабами; к тому же в Восточной Африке значительная часть свежего матерала разрушения горных пород переносится, по-видимому, лишь на относительно небольшие расстояния и отлагается на дне замкнутых тектонических впадин (чему наряду с орографическими особенностями этой области способствует слабое развитие речной сети ввиду засушливости климата).

Весьма древнее происхождение имеет растительный и животный мир Тропической Африки. Так, гвинейская гигрофильная лесная флора является целиком третичной; ксерофильная судано-замбезийская флора также сформировалась в основных своих чертах уже к концу третичного времени [7 и др.]. То же относится и к соответствующим фаунистическим комплексам. Высокая степень архаичности, как известно, присуща тропическим флорам и фаунам вообще, однако и в этом отношении Тропическая Африка обнаруживает определенную специфику, заключающуюся в отсутствии у нее прямых миграционных

связей с гумидными (лесными) областями умеренных широт, от которых она, начиная с плиоцена, была отделена широким аридным поясом и, в отличие от азиатских и американских тропиков, не имела возможности обмениваться с ними флористическими и фаунистическими элементами по горным «мостам». Отсюда следует, например, что третичный флористический фонд влажнотропических (экваториальных) лесов в Африке должен быть представлен в более «чистом» виде, чем в тропических областях Азии и Африки. Можно думать, что именно в этом заключается по крайней мере одна из причин неоднократно отмечавшейся в литературе относительной обедненности флоры африканских дождевых лесов¹: «растратив» часть древнего фонда в ходе климатических колебаний четвертичного времени, она не смогла компенсировать эту убыль за счет новых мигрантов.

Черты древности, архаичности, унаследованности мы находим, таким образом, во всем ландшафтном комплексе Тропической Африки.

Констатируя эту особенность природной среды рассматриваемого региона, нельзя вместе с тем упускать из виду и прямо противоположный ее аспект, а именно весьма молодой в большинстве случаев возраст конкретных, индивидуальных природно-территориальных комплексов. Соотношение «молодости» и «древности» ландшафтов Тропической Африки можно было бы до известной степени уподобить соотношению онтогенеза и филогенеза в биологии, однако здесь есть и существенные различия. Главное из них состоит в том, что ландшафтный «онтогенез» протекает под воздействием принципиально нового (по сравнению с «филогенетическими» условиями геологического прошлого) фактора — деятельности человека. Масштабы этого воздействия настолько велики, что долгое время затрудняли — как это ни парадоксально — выявление антропогенных изменений природных ландшафтов Тропической Африки, правильную оценку колоссальной природопреобразовательной роли антропогенного фактора. Только в последнее десятилетие, особенно после появления фундаментальной работы А. Обревиля [4], значение этого фактора было осознано достаточно полно (хотя известную недооценку масштабов антропогенного преобразования африканских ландшафтов можно встретить в литературе и сейчас).

Особенностью антропогенного преобразования природы Тропической Африки является то, что это преобразование — результат многовековой практики переложного земледелия и пастбищного скотоводства — лишь в редких случаях (и в основном только в самое последнее время) приводило к формированию стабильных культурных ландшафтов в собственном смысле слова — сравнимых, например, с огромными массивами рисовых полей муссонной Азии. Оно проявилось главным образом в глубоком изменении изначальных природных ландшафтов и замещении их новыми, вторичными, природно-антропогенными ландшафтами, внешне сохраняющими «естественный» облик, — отсюда и трудность их опознания, выявления, отделения от первичных ландшафтов. Речь идет в первую очередь о саваннизации Тропической Африки.

Сейчас можно считать общепризнанным, что в доагрикультурный период широкий переходный пояс между влажнотропическими лесами

¹ Согласно расчетам Ж. Лебрена, среднее число видов семенных растений на 10 тыс. кв. км площади в Гвинейской флористической области равно 1787, тогда как в экваториальных областях Америки и Азии тот же показатель колеблется от 2400 до 5500 [8].

и тропическими пустынями был занят в основном древесно-кустарниковыми формациями, физиономия, структура и флористический состав которых закономерно изменялись по мере удаления от экватора и соответствующего увеличения засушливости климата. Открытые травянистые формации существовали, по-видимому, лишь вдоль границы пустынь и отдельными очагами в местах, неблагоприятных для древесной растительности по эдафическим и гидро-геоморфологическим причинам (например, на затопляемых аллювиальных равнинах с тяжелыми черными гидроморфными почвами). Практика переложного земледелия, включающая в качестве важнейшего элемента периодическое выжигание естественной растительности, привела к постепенному уничтожению первичных лесных формаций на огромных пространствах и замещению их вторичными травянистыми и древесно-травянистыми сообществами, видовой состав которых пополнялся, с одной стороны, за счет широчайшей экспансии древней саванновой флоры (ранее концентрировавшейся в упоминавшихся выше очагах), с другой — за счет приспособления некоторых элементов древесно-кустарниковой флоры первичных ценозов к новым условиям. Преобразование растительного покрова приводило к более или менее коренным изменениям локального климата и микроклимата, водного баланса, экзогенных геоморфологических процессов, водного и теплового режима почв, животного мира — короче, к изменению всего природного комплекса. В этом плане и представляется возможным говорить о молодости современных ландшафтов большинства районов Тропической Африки. Молодые природно-антропогенные комплексы представлены здесь не только саванновыми типами (широко распространены, например, вторичные влажнотропические леса), но все же саванны с этой точки зрения особенно характерны. Возраст индивидуальных саванновых ландшафтов в большинстве случаев измеряется лишь сотнями и даже десятками лет, от силы же несколькими тысячелетиями; он, точнее, его нижняя граница определяется временем заселения и освоения данной территории земледельческими и скотоводческими народами — как правило, относительно недавним (существовавшее здесь до того население, занимавшееся охотой и собирательством, было, по-видимому, не в силах сколько-нибудь серьезно изменить естественные ландшафты).

Никак нельзя согласиться с М. П. Забродской, которая, оценивая степень влияния человека на «естественные ландшафты саванн» в историческом прошлом, утверждает, что пожары в саваннах, первые сведения о которых относятся еще ко времени путешествия Ганнона почти 2500 лет назад, «изменили отчасти флористический состав растительного покрова, но существенно не повлияли на структуру геоккомплексов, не нарушили естественного соотношения их морфологических частей» [1, стр. 225]. Фактически именно подсечно-огневое земледелие если и не создало саванны как тип ландшафта, то, во всяком случае, раздвинуло их границы поистине безбрежно, превратив первоначально лесную Тропическую Африку в классический край саванн.

В последнее время появляется все больше свидетельств того, что антропогенное происхождение имеют не только разнообразные саванновые ландшафты, но и ландшафты сухих тропических редколесий (саванновых лесов, лесов «миомбо») [10]. Как и многие типы саванн, редколесья возникли, по-видимому, на месте деградировавших под воздействием пожаров сомкнутых тропических сухих листопадных или полулистопадных лесов (типа так называемых «муулу», сохранившихся отдельными небольшими островками в Катанге).

На современных обзорных картах растительности Африки, например на известной карте коллектива авторов, опубликованной издательством Оксфордского университета в 1959 г. [11], или на соответствующей карте советского «Физико-географического атласа мира» [3], вторичные формации саванн и редколесий показываются в одном ряду с первичными типами растительности; здесь налицо отступление от принятого для карт такого рода принципа изображения коренного (восстановленного) растительного покрова (хотя, скажем, на карте растительности Азии в том же «Физико-географическом атласе мира» этот принцип выдержан: растительность азиатских тропиков, несмотря на высокую степень их окультуренности, представлена на ней первичными лесными типами). Причина такого отхода от обычной методики заключается попросту в отсутствии точной информации о коренном растительном покрове обширных территорий Тропической Африки. Этот факт, однако, не всегда должным образом учитывается при последующем использовании геоботанических карт в целях физико-географического синтеза, что может приводить к недоразумениям.

Резко выраженные в современных ландшафтах Тропической Африки черты наследия далекого прошлого, с одной стороны, и высокая степень новейшего антропогенного преобразования ландшафтов — с другой, создают в соединении с недостаточной физико-географической изученностью этого огромного региона большие трудности для типологической классификации природно-территориальных комплексов и природного районирования. Весьма сложным, в частности, является вопрос о соотношении зональных и азональных элементов ландшафта. Не вдаваясь в него сколько-нибудь подробно, отметим лишь, что, представляя собой конечный результат очень длительной эволюции, современные геокомплексы Тропической Африки далеко не во всем отражают климатическую обстановку данного момента — именно момента в геологическом масштабе времени; особенно показателен тот факт, что, как свидетельствуют многочисленные данные, региональные различия почв — этого «зеркала ландшафта» — обнаруживают здесь большую зависимость от геолого-геоморфологических, чем от биоклиматических факторов. Вместе с тем, констатируя глубокую антропогенизацию природной среды Тропической Африки, уместно поставить вопрос: правомерно ли вообще говорить, как это обычно принято, о природных зонах «тропических саванн» или «саванн и редколесий», коль скоро соответствующие зонообразующие ландшафты в массе своей являются не природными в собственном смысле слова, а природно-антропогенными?

Не пытаясь разрешить в настоящей статье обширный круг проблем, связанных с «древностью» и «молодостью» ландшафтов Тропической Африки, мы хотели в ней лишь обратить внимание на эти небезынтересные их особенности, еще недостаточно, на наш взгляд, освещенные в советской географической литературе.

1. Забродская М. П., Антропогенная эволюция ландшафтов саванн Африки, — «Известия Всесоюзного географического общества», 1968, № 3.
2. Кинг Л., Морфология Земли, М., 1967 (пер. с англ.).
3. «Физико-географический атлас мира», М., 1964.
4. Aubréville A., Climats, forêts et désertification de l'Afrique tropicale, Paris, 1949.
5. Bishop W. W., Trendall A. F., Erosion-surfaces, Tectonics and Volcanic Activity in Uganda, — «Quarterly Journal of the Geological Society of London», 1966 (1967), № 4.

6. D'Hoore J., Pedological Comparisons between South America and Tropical Africa,—«Sols africains», 1960, № 3.
7. Lebrun J., La végétation de la plaine alluviale au Sud du Lac Edouard, Bruxelles, 1947.
8. Lebrun J., Sur la richesse de la flore de divers territoires africains,—«Bulletin des séances. Académie royale des sciences d'outre-mer», 1960, № 4.
9. McFarlane M. J., Lateritization and Landscape Development in Kyagwe, Uganda,—«Quarterly Journal of the Geological Society of London», 1970 (1971), № 4.
10. Morris B., The Nature and Origin of Brachystegia Woodland,—«Commonwealth Forestry Review», 1970, № 2.
11. «Vegetation Map of Africa South of the Tropic of Cancer», Oxford, 1959.

М. П. Забродская

ОСНОВНЫЕ ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛАНДШАФТОВ САВАНН ЗАПАДНОЙ АФРИКИ

Общие замечания. Экстрааридные области тропического пояса или его внешнетропические части заняты зоной тропических пустынь. В связи с четким обособлением ландшафтов этой зоны установилась почти нерушимая традиция в определении места зоны пустынь на территории любого материка. Дискуссии возникают лишь о границах пустынь, но в конечном счете спор идет нередко о долях градусов или десятках километров, которые характеризуются чертами переходности и размытыми природными рубежами зоны тропических пустынь.

Между полосой аридного климата тропического пояса, занятой зоной тропических пустынь, и постоянно влажными тропиками или зоной влажных тропических (экваториальных) лесов простирается достаточно обширная территория субэкваториальной части пояса с переменнo-влажным тропическим климатом.

Ландшафтно-климатическое, биогеографическое и другое региональное расчленение этой территории исключительно запутанно; до сих пор отсутствует четкость в определении ландшафтов регионов.

Прежде всего в климатическом отношении субэкваториальная полоса — совершенно своеобразная территория, с четкой сменой сухих и влажных сезонов года, продолжительность и выраженность которых зависят от ряда географических факторов.

Указанные черты климата — мощный ландшафтообразующий фактор, обуславливающий характер остальных природных компонентов. Другими словами, субэкваториальная часть тропического пояса характеризуется своей особой направленностью ландшафтообразующих процессов, определяющихся сезонной ритмикой естественного увлажнения и высоким термическим режимом круглый год.

Несколько слов об опытах природного расчленения этой части тропического пояса.

Во французских и английских работах по Западной Африке укоренились ботанические зоны О. Шевалье [28], Р. Шнеля [37] и др. Эти зоны показаны на карте Р. Чёрча, труд которого «Западная Африка» издан на русском языке в 1959 г. Они суть следующие: южно-сахарская, сахельская, суданская, гвинейская (северная и южная).

Это ботанико-географическое расчленение Западной Африки стало опять-таки традиционным. Однако еще В. Коопс [32] говорил о том, что оно не может претендовать на ландшафтное районирование Судана. Критические замечания в адрес этого районирования можно

Таблица

Шевалье, 1911 г.	Шанц, 1923 г.	Вайбель, 1922 г.	Троль, 1941 г.	Кей, 1949—1953 гг.	Егер, 1945 г.
Суданская зона	Акациевотра- вянистая саван- на, сухой лес	Сухой лес	Мезофитный лес, листо- падный лес	Суданская зона	Сухая саванна
Гвинейская зо- на (сублесная саванна)	Высокотравная лесная саванна	Саванна	Влажная саванна	Северо-Гвиней- ская зона, Южно-Гвиней- ская зона	Влажная саванна

найти в работах Ф. Егера [30] и В. Лауера [34], которые тоже указы-
вают на односторонний его характер.

В. Коопс предложил следующие ландшафтные «пояса» в Запад-
ном Судане: дождевых лесов, влажных степей, сухих степей и соле-
ных степей [32]. Ф. Егер, а позднее В. Лауер, возражая против ис-
пользования термина «степь для тропического пояса», обосновывают
несколько иную сетку «поясов»: тропические дождевые леса, влажная
саванна, сухая саванна, колючекустарниковая саванна, полупустыня
и пустыня. Безусловно, эти растительные пояса не являются ландшафт-
ными зонами, да и сами авторы не называли их таковыми.

По предложению В. Лауера их стали называть «климато-расти-
тельными типами», или экосистемами. При определении каждого
«пояса» совершенно игнорируются морфогенетические особенности
рельефа, гидрографической сети и т. д. Но положительной стороной
работ Ф. Егера, В. Лауера и других являются установление корреля-
тивных связей между изогетамии, изогигроменами и типами расти-
тельного покрова и определение экосистем. Но, по Д. Стоддару, по-
следнее является задачей экологии, и в отличие от нее география долж-
на изучать пространственные взаимоотношения экосистем [40].

Приведенные примеры попыток общего районирования Западной
Африки показывают большую дискуссионность проблемы районирова-
ния тропического пояса вообще, а Западной Африки в частности. Твер-
до установлено пока лишь одно положение: большую часть этой терри-
тории занимают ландшафты саванн.

Дефиниции саванн. Впервые термин savana для травяни-
стых равнин Ориноко использовался Овьедо в 1545 г. [см. 36]. Но
особенно широко этот термин стал использоваться в ботанической и
географической литературе в последней четверти XIX в. Все многочис-
ленные определения саванны можно разделить на несколько групп:

- 1) определения саванны как растительной формации,
- 2) более комплексные определения саванны как климато-эколо-
гических типов переменного-влажных тропиков,
- 3) дефиниции саванн как зонального типа ландшафта тропиков.

Однако относительно того, что такое саванна, нет твердо установ-
ленного мнения ни в ботаническом, ни в географическом плане.

Обзор всех определений саванн в основном как растительной фор-
мации сделан Д. Филлипсом [36] и В. Мансхардом [35]. Последняя
работа вышла в связи с конференцией в Янгамби (Конго, 1956), на
которой был согласован вопрос (впрочем, не окончательно) в отноше-
нии терминологии (табл. 1).

ТИПОЛОГИИ САВАНН

Лауер, 1951 г.	Конференция в 1956 г. в Янгамби	Барков, 1953 г.	Белозеров, 1957 г.	Михайлов, 1963 г.
Сухая саванна	Травянистая саванна, кустарниковая саванна, древесная саванна	Акациево-колючие полусаванны	Злаковая саванна	Сухие саванны, опустыненные саванны
Влажная саванна	Лесистая саванна	Злаковая саванна	Парковая саванна	Влажные саванны и саванновые леса

По различной степени соотношения древесно-кустарниковой и травянистой растительности, связанного нередко с эдафическими и биотическими факторами, геоботаники дают очень дробную типологию саванн. Например, К. Тролль по характеру гигрофильных полос леса выделяет галерейно-лесную саванну, овражную саванну, саванну с лесами по береговым валам, галерейно-термитную саванну и т. д. [41]. Д. Филлипс по увлажнению выделяет субгумидную, семисубгумидную, среднесубаридную, субаридную, аридную и субпустынную саванны, а в работе 1961 г. («Развитие земледелия и лесоводства в тропиках») он выделяет 14 типов саванн [36].

Комплексным, географическим подходом к данному вопросу выделяются работы Ф. Егера [30 и др.]. По Ф. Егеру, саванны — это области переменного влажного климата, где находятся в различном соотношении травянистые пространства с деревьями и группами их. Термин «саванна», говорит далее Егер, можно использовать для всех типов растительного покрова в пределах этой полосы: саванновые леса, саванны в узком смысле слова и травянистые пространства (Gräßflügen). Остается неясным, почему это комплексное определение саванны встретило возражение крупного эколога Г. Вальтера [42], который к саванне относит только колючекустарниковую саванну Егера, распространенную в областях с количеством осадков менее 600 мм. По Г. Вальтеру, саванна как экосистема обусловлена в основном эдафическими факторами и может встречаться в соответствующих местобитаниях как в областях с количеством осадков до 2500 мм, так и в областях, где количество осадков едва достигает 200 мм. Понятно, что в таком случае саванна не представляет собой зональный ландшафтный комплекс.

В отечественной географической литературе встречаются как чисто ботанические представления о саванне [1; 5; 9; 17], так и ландшафтно-типологические определения ее [2; 7; 19]. Саванны, по Л. А. Михайловой, — это «открытые злаковые равнины с рощами или отдельными деревьями, с галерейными густыми лесами или редколесьями в речных долинах» [19, стр. 424]. Нам кажется, однако, что при этом не учтена важная сторона ландшафтов саванн — их климатическое своеобразие. При любом определении саванн необходимо подчеркивать важнейшую основополагающую особенность — положение в полосе переменного влажного тропического климата с достаточным увлажнением (ГТК более 0,5) в течение не менее четырех месяцев в году.

Итак, ландшафт саванны — это зональный комплекс полосы пере-

менно-влажного тропического климата, с четко выраженным гумидным временем года, с отчетливой сезонной ритмикой всех ландшафтообразующих процессов, со сложным соотношением травянистых ассоциаций, с деревьями и группами их.

Дефиниция зоны саванны предполагает необходимость решения еще и таких важных проблем географии тропического пояса:

1. Являются ли саванны самобытными, своеобразными ландшафтами тропического пояса или же переходными от тропических лесов к пустыням.

2. Представляют ли саванны исконные, первичные ландшафты, или они в большинстве случаев являются антропогенными, производными образованиями.

Эти тесно связанные проблемы решаются разными исследователями по-разному. Так, П. Б. Виппер, излагая все точки зрения на принципы классификации саванны Западной Африки, приходит к выводу, что гвинейская и суданская зоны являются производными образованиями, а редколесья сахельской зоны — коренной тип растительности и «с точки зрения зонального распределения растительности занимают промежуточное положение между лесом и пустыней в южных широтах северного полушария» [5, стр. 42].

Представление о саваннах как о зональном типе растительности, образующем переход между лесом и пустыней, говорит далее П. Виппер, исключает возможность существования в этих условиях зоны степей.

Подобным образом решает эту проблему и Г. Вальтер [42]. В статье «Злаковники (Grassländer) и саванны в тропиках» [42] он вновь возвращается к дефиниции саванн, считая их переходными образованиями от леса к пустыне в полосе, где количество осадков составляет от 250 до 800 мм, причем коренными являются только саванны областей с суммой годовых осадков от 250 до 500 мм.

Нам подобный взгляд представляется малоосновательным.

Специфичные черты переменного-влажного тропического климата, определяющиеся планетарными условиями циркуляции атмосферы, обуславливают, по крайней мере уже с палеогена, такую генетическую структуру, которая неповторима как на территории тропического пояса, так и за пределами его. В связи с этим нельзя согласиться с А. Д. Гожевым [7], который зоны саванн понимает слишком широко, включая в нее кустарниково-древесные редколесья и субтропических широт.

Одновременно всесторонний анализ природы саванн, приведенный А. Д. Гожевым, показал исконность, консервативность «определенной целостной единицы саванны как одной из стадий развития природы суши» [7, стр. 42].

В результате длительного антропогенного воздействия изменился естественный ландшафт саванн, нарушилось закономерное соотношение его морфологических частей [3, 13]. Антропогенная эволюция в саваннах достигает такой же большой степени, как в зоне степей умеренного пояса. Каждый тип производного ландшафта как степей, так и саванн не перестает быть природным ландшафтным образованием, соответствующим данному комплексу ландшафтообразующих факторов и относящимся к той или иной ландшафтной зоне.

Вопросы типологии саванн тесно связаны с исходными позициями по дефиниции саванн. Как уже подчеркивалось, геоботаники и экологи дают очень детальные типологические классификации саванн, но в связи с неопределенностью классификационных признаков саванн

у разных авторов использование установленных ими типов саванн в ландшафтных исследованиях крайне затруднительно.

Упомянувшееся ранее разделение саванн О. Шевалье относится лишь к территории Западной Африки.

Из табл. 1 видно, что зонам О. Шевалье соответствуют, по В. Лауреу, Л. А. Михайловой и другим, влажная и сухая саванна. Типологические комплексы влажной саванны особенно разнообразны, и нередко все типы саванн по характеру гигрофильных полос (К. Тролль), по характеру редкостойных лесов и другим признакам парковых ландшафтов (Г. Вальтер) в ландшафтном отношении очень близки и объединяются в тип влажной саванны. Шире распространена сухая саванна, но тем не менее она включает гораздо меньше эдафических и биотических типов. Так, например, к ним относятся саванны с преобладанием низкорослых травянистых ассоциаций, сухие тропические редколесья и заросли кустарников. С уменьшением количества осадков степень покрытия почвы становится не выше 50%, «большой конкурентной мощностью» [4] отличаются кустарники. Это уже колючекустарниковая саванна Ф. Егера или опустыненная саванна Л. А. Михайловой, которые составляют переход к пустыне и относятся к зоне тропических полупустынь.

Итак, ландшафтная зона саванн является не переходной, а самобытной зоной, характеризующейся определенным типом генетической структуры, обусловленной комплексом черт переменного-влажного климата тропического пояса.

Очевидно, следует полагать, что о границах зоны тропических саванн, о месте ее на Африканском континенте достаточно детально говорилось в наших работах [11; 13].

Зона тропических саванн, занимая более 40% территории Африки, простирается в различных долготно-климатических секторах материка, на плато и равнинах разных типов морфоструктуры и самой разнообразной гипсометрии, что обуславливает различные варианты генетической структуры зоны. Поэтому, говоря о тропических саваннах в Африке в региональном плане, необходимо обособлять провинции зоны саванн — Суданскую, Восточно-Африканскую, Анголо-Замбезийскую¹.

Ведущая роль в формировании генетической структуры этой зоны принадлежит своеобразному соотношению тепла и влаги, тем или иным условиям перераспределения естественного увлажнения по территории. Это в свою очередь приводит к различным пространственным взаимоотношениям типов саванн в каждой выше названной провинции, что будет далее указано на примере Суданской провинции зоны тропических саванн Северного субконтинента Африки².

Зональные черты климата саванн Судана. Зона саванн характеризуется высокой суммарной солнечной радиацией (свыше 160 ккал в год) с небольшими изменениями радиационного баланса в течение года. Сумма температур воздуха выше 10° составляет от 8 тыс. до 10 тыс. градусов. Такие суммы температур возможны при устойчивых месячных температурах выше 20—25°. Но в связи с выровненным, платообразным рельефом и незначительным протяжением зоны саванн в Судане по широте термический режим мало изменя-

¹ Идея о зонально-провинциальной природе суши впервые поднята А. Д. Гожевым [6] и детально разработана в работах Ф. Н. Милькова [18]. Провинции или области саванн, по А. Д. Гожеву [7]: Суданская, Конго, Верхней Замбези, Великих озер, Мадагаскарская, Трансваальская.

² Особенности ландшафтов Восточно-Африканской провинции показаны в нашей статье [12].

ется и характеризуется средними показателями для всей зоны, поэтому решающее ландшафтное значение имеет характер естественного увлажнения, а именно такие его показатели: а) изменение годовой суммы осадков от 400—500 до 1400—1500 мм, б) резко выраженная периодичность в выпадении осадков, отчетливое выделение сухих и влажных периодов.

Эти общезональные черты своеобразно проявляются в Суданской провинции. Региональной особенностью климата ее является исключительно плавное, хотя и быстрое нарастание интенсивности естественного увлажнения с приближением к экватору. Особенно велик градиент вдоль меридиана 20° в. д.: он составляет 250—400 мм на 100 км [16].

На большей части Судана выделяется один сухой и один влажный периоды года. Но на Гвинейском побережье наблюдается еще второй, хотя и кратковременный, сухой период (граница между двойным и одинарным максимумами осадков проходит примерно по нижнему течению р. Бенуэ). Известный интерес с ландшафтной точки зрения представляют карты Н. Н. Иванова [14], где показана концентрация осадков по четвертям года. Из них следует, что в саваннах Судана от 60 до 80% годовой суммы осадков выпадает в самую влажную четверть года, а в самую сухую — не более 5%. Остальные черты сухого периода показаны в табл. 2.

Таблица 2

Характеристика сухого периода на территории Суданской провинции

Станция и ее широты	Начало и конец сухого периода, (осадки менее 50 мм)	Продолжительность сухого периода, дни	Сумма осадков за сухой период, мм	Коэффициент увлажнения сухих месяцев	ГТК сухих месяцев
Ниамей, 13°31' с.ш.	октябрь—май	250	85	0—11	0,3
Уагадугу, 12°15' с.ш.	октябрь—апрель	200	75	0—10	0,3
Бобо-Диуласо, 11°10' с.ш.	ноябрь—март	175	50	0—6	0,3

Из этой таблицы видно, что с изменением широты сухой период становится менее продолжительным, но все таким же резко выраженным. Если в сублесной части продолжительность сухого периода около 150 дней, то с приближением к зоне полупустынь он увеличивается до 250 и более дней (количество осадков за сухой период изменяется от 5 до 20% годовой суммы).

Соответственно сокращается число влажных месяцев — с 7 в Бобо-Диуласо до 4 в Ниамее (самый влажный месяц на всех станциях — август — с осадками 240—250 мм).

Важно также подчеркнуть, что на территории зоны проходит изогигромена 6 аридных (гумидных) месяцев, которая примерно соответствует 1000 мм осадков. В полосе названных изолиний испарение соответствует осадкам, т. е. увлажнение становится нормальным.

Строго зональное изменение условий естественного увлажнения на территории Суданской провинции имеет первостепенное ландшафтное значение.

Морфоклиматические особенности саванн Судана. Зона тропических саванн отличается от соседних зон своеобразными морфогенетическими системами. Она относится к зонам с максимальным количеством рельефообразующих экзогенных процессов — 24 из 26 процессов [8].

Такой «полноте» проявления геодинамики способствует климат.

Разделение года на влажный и сухой периоды определяет сезонный режим всех геоморфологических процессов. Влияние температуры и большое увлажнение гумидного времени года обуславливают необыкновенно интенсивное химическое выветривание, наиболее энергичный геоморфологический процесс в тропиках. В сухое время года химическое выветривание уступает первенствующее место физическому (механическому) выветриванию. Благодаря растрескиванию почвы и шелушению горных пород накапливается большое количество щебня, который уносится или разлагается до глинистой фракции в следующий дождливый сезон, или по-иному подготавливаются условия для еще более интенсивного химического выветривания в течение гумидного периода года.

В связи с этим для зоны саванн характерна мощная латеритная кора выветривания (по Ю. Бюделю [27], до 50—75 м, но в среднем мощность равна 30 м), в которой и проявляются все геоморфологические процессы, поэтому роль подстилающей поверхности (литолого-петрографических особенностей горных пород) в рельефообразовании тропиков менее значительна по сравнению с внетропическими областями [27]³. Чем теплее и влажнее климат, тем интенсивнее химическое выветривание, что в свою очередь благоприятствует проявлению своеобразных для зоны саванн геодинамических процессов — плоскостного смыва, водно-эрозионной и аккумулятивной деятельности, оползневых и солюфлюкционных явлений и т. д.

Отсутствие выходов коренных пород в связи с мощным плащом коры выветривания способствует интенсивному плоскостному смыву и эрозии.

Ю. Бюдель [27], К. Коттон [29] и другие подчеркивают, что в периодически увлажняемых субэкваториальных областях плоскостной смыв имеет большее значение, чем в постоянно-влажных тропиках, ибо там отсутствуют глубокое просыхание и растрескивание почвы в сухой период. Там, где продолжительность влажного времени года больше сухого, кора выветривания может находиться в состоянии пльвуна, что особенно свойственно зоне влажного тропического леса. Это приводит к оползневым и солюфлюкционным явлениям и образованию ступенчатообразных склонов. Медленное оплывание коры выветривания, кроме того, округляет все формы рельефа. Для зоны саванн не характерны резкие очертания или резкие перегибы склонов. Округлость форм рельефа — особенность рельефа сублесной части саванн. Реки пересекают зону саванн в сравнительно широких, но маловрезанных долинах. По И. С. Щукину, речные долины зоны саванн отличаются от таковых зон влажных тропических лесов большей выровненностью продольного профиля [25]. В сухой период реки мелеют, и на уровне вреза предыдущих дождливых периодов формируются широкие террасы. Вдоль русла рек нагромождаются большие валы, быстро растут дельты. Все это — следствие аккумулятивной деятельности реки в период половодий.

³ Новые геоморфологические концепции Л. Кинга, Ю. Бюделя, К. Коттона и других основаны на фактическом материале, собранном в семиаридных и семигумидных тропиках Африки. Параллельное отступление склонов и образование ледиментов, а при их слиянии и педиленов, по Л. Кингу [15], особенно типично происходит в областях семиаридного климата. Процесс выполаживания склонов и образования поверхностей выравнивания тоже очень активен и в условиях семигумидного климата. Это свидетельствует о своеобразии геоморфологии тропиков.

Междуречья в зоне саванн Судана имеют, как правило, пологоволнистый характер, что объясняется обилием водотоков и интенсивным плоскостным смывом. Однако развитые овражные системы отсутствуют, что тоже свидетельствует о доминирующей роли плоскостной, а не линейной эрозии.

Итак, зона саванн в отличие от соседних зон является зоной эрозионно-долинного рельефа. Но наиболее специфическая особенность рельефа заключается в широком распространении так называемых островных гор. Хотя последние встречаются и в других зонах тропиков и субтропиков Африки, но там они не являются столь типичными. Термин «островные горы» впервые был использован Г. Борнгардтом в 1900 г. для обозначения невысоких изолированных горных поднятий Восточной Африки.

Большинство авторов считает островные горы денудационными останцами в районах резкой периодичности тропического климата. Н. Кребс пишет: «Лучшими условиями для образования этих тропических островных гор является не только высокая температура, но и смена сухих и влажных периодов» [33, стр. 711]. И далее Н. Кребс развивает свою мысль: «Что в сухой период механически образуется, то во влажный период легко смывается. Чем больше осадков концентрируется на короткое время, тем активнее этот процесс» [33, стр. 713]. Интересен вывод Н. Кребса, что в Южной Индии островные горы особенно типичны в областях с количеством осадков от 600 до 1250 мм. В свете современной теории педипланыции Л. Кинга, К. Коттона, Ю. Бюделя и других образование островных гор ставится в зависимость от интенсивности процесса плоскостного смыва в условиях семигумидных тропиков. По Ю. Бюделю [27] и К. Кайзеру [31], островные горы делятся на зональные, т. е. сформировавшиеся у крупных обрывов педипленов, и аональные (Schildinselberge Ю. Бюделя), поднимающиеся над нижней поверхностью выравнивания при преимущественном воздействии химического выветривания. Первые — круче и выше, вторые — куполообразные и небольшой высоты.

Равнины Судана изобилуют островными горами. Размеры, формы, сочетания их — самые разнообразные, но всем им свойственны: а) общность геологического строения с прилегающими равнинами, б) резкие переходы от равнин (нередко под острым углом); в) значительная относительная высота, но в связи с равнинностью рельефа они отчетливо выделяются на горизонте.

Перечисленный набор зональных микроформ рельефа создает специфичность пластовых и цокольных равнин и столовых плато Судана.

Пластовые равнины и столовые плато Судана приурочены к осадочной толще согласно залегающим палеозойским песчаникам и располагаются на высоте до 500 м. Что же касается цокольных равнин, то они гипсометрически простираются более высоко, имеют расчлененный рельеф и нередко представляют участки древних поверхностей выравнивания, испытавших несколько циклов эрозии [20; 22].

Плато, сложенные кристаллическими породами цоколя или более плотными слоями палеозойского песчаника, оканчиваются обрывистыми уступами (горы Мандинг, Банфора в бассейне Верхней Вольты). На территории Ганы с северо-востока на юго-запад простирается уступ песчаниковых плато Конкори. Часто цепи холмов (например, Бауле и Кохого) приурочены к выходам метаморфических сланцев. В южной части саванн Западной Африки простираются горные массивы Того-Атакора, плато Баучи-Джос и северо-западные и северные ча-

сти плато Камерун-Адамауа. Все они образуют крутые уступы. По Ю. Селиверстову, амплитуды высот уступов на территории Гвинеи составляют от 50—100 до 300—500 м [22]. Большею частью эти песчаниковые уступы, цепи холмов, обрывы плато тоже являются своеобразными эрозионно-денудационными останцами, генетически тесно связанными с теми или иными особенностями зональных черт климата саванн.

Региональные связи в ряду климат—биокомпоненты. Типологические связи между названными компонентами в перемененно-влажных тропиках тоже обусловлены резкой сезонностью естественного увлажнения. От продолжительности сухого сезона и величины годовой суммы осадков зависят, согласно И. А. Денисову: а) выраженность гумусового горизонта и его насыщенность основаниями (в условиях четырехмесячного сухого сезона эти особенности почв достигают своего оптимума); б) характер выветривания минеральной части; в) степень «латеризованности» почв, которую некоторые авторы выражают коэффициентом Гаррасовица [10]. По И. А. Денисову, «латеритообразование наиболее интенсивно происходит в условиях резкого различия между сухим и дождливым сезоном» [10, стр. 258]. Именно благодаря чередованию указанных сезонов образуется особый тип коры выветривания, на которой формируются различные красноцветные почвы.

Наблюдается также тесная связь типов почв и растительности с показателями естественного увлажнения. Региональной особенностью Суданской провинции саванн является, как уже говорилось, строго широтное, равномерное, но очень быстрое изменение количества осадков с удалением от экватора. Отсюда второй тип—региональных связей в ряду климат—биокомпоненты проявляется в строго широтном простирании типов почв и растительности.

Зональный ряд почв, сменяющихся с юга на север в зависимости от осадков (по Розову): красно-желтые ферраллитные, красные ферраллитные, коричнево-красные ферраллитные, красно-бурые аллитные, красновато-бурые сиаллитные [21]. Типы растительного покрова саванн тоже простираются в виде полос с юга на север: антропогенная влажная саванна, возникшая на месте листопадных тропических лесов, парковая, или лесосаванна (количество осадков свыше 1000 мм), злаковая саванна (800—1200 мм) и кустарниковая в условиях еще меньшего увлажнения (от 900 до 500 мм). Важно подчеркнуть здесь, что, по данным Г. Вальтера, переход различных типов лесов друг в друга больше зависит от продолжительности сухого периода, чем от величины осадков, и, наоборот, последние имеют большее значение в формировании различных типов саванн [4].

Одновременно Г. Вальтер подчеркивает, что за счет каждых 100 мм осадков продуцируется 1 т сухого вещества. Иными словами, годовая продуктивность саванн снижается за счет более или менее продолжительного сухого сезона.

О биологической продуктивности каждого типа саванн не имеется надежных количественных показателей. Ясно одно: годовичная продуктивность сухих саванн и редколесий близка к продуктивности степей, а влажная саванна, так же как гумидные леса, относится к высокопродуктивным типам растительного покрова. Указанные региональные связи имеют первостепенное значение при обособлении внутризональных регионов.

Вопросы внутризонального районирования тропических саванн Западной Африки. Опыты ланд-

шафтного расчленения территории в большой степени проводят с учетом специального, прежде всего климатического, районирования, о чем уже говорилось в начале статьи.

Региональное ландшафтное расчленение Западной Африки основывается на: а) климато-почвенно-ботанических различиях, обусловленных влиянием зональных факторов. Выше подчеркивалось, что разделенные территории на две климато-растительные зоны — суданскую и гвинейскую — прочно вошло в литературу со времени работ О. Шевалье (начало XX в.); б) региональных различиях, формирующихся под влиянием аazonальных факторов.

В зарубежной литературе можно указать опыт ландшафтного деления Западной Африки (от Черной Вольты до Логоне) [38]. Производит внушительное впечатление ландшафтное описание и районирование небольшой территории саванн Шари-Убанги в монографии Р. Силанса [39]. В отечественной литературе отметим карту физико-географического районирования Африки Л. А. Михайловой [19].

Равномерность изменения с севера на юг естественного увлажнения, которое так последовательно учитывается при разделении территории на суданскую и гвинейскую зоны, послужит и нам основанием для деления зоны тропических саванн на две подзоны — влажной и сухой саванны. Названное деление хорошо прослеживается на картах специального районирования.

Критические климатические изолинии, которые соответствовали бы границам названных подзон, найти нетрудно. Прежде всего между изогиями 1000—1100 мм проходит изолиния коэффициентов увлажнения, равная единице. Суданская и гвинейская зоны, по разным авторам, то несколько суживаются, то расширяются, но опять-таки граница между ними не выходит за пределы полосы, заключенной между изолиниями 1000—1250 мм.

Севернее изогия 1000—1100 мм ландшафты саванн формируются в условиях преимущественно аридного периода (продолжительность его до 7—8 месяцев в году), а южнее — в условиях такого же количества гумидных месяцев.

Отсюда следует, что изогия 1000—1100 мм проходит в полосе важного зонального рубежа — границы между подзонами влажной и сухой саванны.

Несмотря на огромное протяжение зоны тропических саванн Судана от Атлантики до Абиссинского нагорья, долготно-климатические различия на ее территории нечетко выявляются, так как неустойчиво-статифицированные воздушные массы поступают на территорию зоны из приэкваториальной полосы в потоке юго-западного экваториального муссона.

Однообразие морфотектонических особенностей Судана также не позволяет выявить внутризональные регионы саванн. Традиционное деление Судана на Западный, Центральный и Восточный отражает лишь незначительные морфологические различия и в основном базируется на гидрографических особенностях. Тем не менее саванны южных частей древнезаложенных котловин Чада и верхнего Нила, развивающиеся в условиях большей равнинности рельефа, нерасчлененности его, меньшего дренажа, отличаются от саванн столовых плато и массивов Западного Судана. Видимо, сказывается и внутриконтинентальное положение этих котловин.

В Восточном Судане меньшее распространение имеют парковые ландшафты влажной саванны, уступая первое место пространствам, занятым ландшафтами сухой саванны [26]. Степень деградации естест-

венного ландшафта в Восточном Судане тоже меньше; выявляются некоторые различия в агроклиматическом режиме. Поэтому в пределах подзон зоны тропических саванн северного полушария Африки возможно провести условное обособление физико-географических областей: 1) Западноафриканских областей сухой и влажной саванны до водораздела Бенуэ—Шари—Логоне и 2) Центральноеафриканских областей названных подзон, лежащих восточнее указанного водораздела до Абиссинского нагорья.

Таким образом, как типологические, так и региональные особенности саванн как основного типа ландшафта стран Западной Африки определяются тесными связями с величиной и характером осадков, или, иными словами, естественное увлажнение — ведущий фактор ландшафтообразования в тропиках.

1. Баранов П. А., В Тропической Африке, М., 1956.
2. Барков А. С., Африка, М., 1953.
3. Бессарабов Г. Д. и Рябчиков А. М., Измененные природные ландшафты муссонных тропиков Азии и опыт их классификации,— «Вестник МГУ», серия географ., 1966, № 5.
4. Вальтер Г., Растительность земного шара. Эколого-физиологическая характеристика, М., 1968.
5. Виппер П. Б., Принципы классификации саванн Западной Африки и основные направления хозяйства в них,— «Бюллетень МОИП», отд. биологии, 1963, т. LXVIII, вып. 5.
6. Гожев А. Д., Зонально-провинциальная природа поверхности суши,— «Ученые записки ЛГПИ им. Герцена», 1956, т. 116.
7. Гожев А. Д., Саванна как одна из стадий развития зонально-провинциальной природы суши,— «Ученые записки ЛГПИ им. Герцена», 1966, т. 289.
8. Горнунг М. Б. и Тимофеев Д. А., О зональных особенностях проявления экзогенных рельефообразующих процессов,— «Вопросы физической географии. К 70-летию со дня рождения академика А. А. Григорьева», М., 1958.
9. Гулисашили В. З., Некоторые наблюдения в приэкваториальных лесах и саваннах Африки,— «Бюллетень МОИП», отд. биологии, 1961, т. LXVI, вып. 1.
10. Денисов И. А., О генезисе «латеритов» и «латеритных» почв Центрального Конго,— «Проблемы почвоведения», М., 1962.
11. Забродская М. П., Опыт физико-географического районирования Африки,— «Известия Всесоюзного географического общества», 1966, вып. 5.
12. Забродская М. П., Особенности физико-географического районирования Восточной Африки,— «Научные записки Воронежского отдела Географического общества СССР», 1967.
13. Забродская М. П., Антропогенная эволюция ландшафтов саванн Африки,— «Известия Всесоюзного географического общества», 1968, вып. 3.
14. Иванов Н. Н., Атмосферное увлажнение тропических и сопредельных стран земного шара, М.—Л., 1958.
15. Кинг Л., Морфология Земли. Учение и синтез сведений о рельефе Земли, М., 1967 (пер. с англ.).
16. «Климаты Африки», под ред. А. Н. Лебедева и О. Г. Сорочан, Л., 1967.
17. Лавренко Е. М., Ботанико-географические наблюдения во Французской Гвинеи,— «Известия АН СССР», серия географ., 1955, № 2.
18. Мильков Ф. Н., Ландшафтная география и вопросы практики, М., 1966.
19. Михайлова Л. А., Африка,— в кн.: Александровская Н. В., Ерамов Р. А. и др., Физическая география частей света, М., 1963.
20. Олейников И. Н., О происхождении основных черт рельефа и гидрографической сети бассейна Конго,— «Вопросы географии», сб. 40, М., 1957.
21. Розов Н. Н., Почвенный покров мира,— в кн.: «Почвоведение», М., 1969.
22. Селиверстов Ю. И., Геоморфология Гвинеи и ее основные вопросы,— «Известия АН СССР», серия географ., 1965, № 1.
23. «Физико-географический атлас мира», М., 1964.
24. Чёрч Р. Дж., Западная Африка, М., 1959.
25. Щукин И. С., Главнейшие особенности геоморфологических процессов и форм рельефа в различных ландшафтных зонах, М., 1959.
26. Юнкер В. В., Путешествия по Африке, М., 1949.
27. Büdel J., Die flächenbildung in den Feuchten Tropen,— «Deutscher Geographentag. Würzburg», Wiesbaden, 1958.

28. Chevalier A., Carte botanique, forestière et pastorale,—«Geography», 1912, vol. 26, № 1.
29. Cotton C. A., The Theory of Savanne Planation,—«Geography», 1961, vol. 46, № 2.
30. Jaeger Fr., Zur Gliederung und Benennung des tropischen Graslandgürtels,—«Verhandlungen der Naturforschungen Gesellschaft in Basel», 1945, Bd LVI, 2 Teil.
31. Kayser K., Zur Flächenbildung Stufen und Inselberg—Entwicklung in den Wechselfeuchten Tropen auf der ostseite Süd-Rhodesiens,—«Deutscher Geographentag, Würzburg», Wiesbaden, 1958.
32. Koops W., Die Landschaftsgürtel des Westlichen Sudan, Hamburg, 1935.
33. Krebs N., Über Wesen und Verbreitung der tropischen Inselberge,—«Abhandlungen d. Preussische Akademie d. Wissenschaft», 1942, № 6.
34. Lauer W., Humide und aride Jahreszeiten in Afrika und Südamerika und ihre Berichung zu der Vegetationsgürteln,—«Bonner Geographische Abhandlungen», H. 9, 1952.
35. Manshard W., Ein Vorschlag zur Gliederung und Benennung von Vegetationsvornation in Afrika südlich Sahara,—«Geographische Taschenbuch», Wiesbaden, 1960.
36. Phillips J., Agriculture and Ecology in Africa, London, 1959.
37. Schnell R., La forêt dense Menuels Quest-Africains, vol. I, Paris, 1950.
38. Schultze J., Beiträge zur Geographie Tropisch—Afrikas,—«Wissenschaftliche Veröffentlichungen des Deutschen Instituts für Länderkunde», Neue Folge, Leipzig, 1955, 13/14.
39. Sillans R., Les savanes de l'Afrique centrale, Paris, 1958.
40. Stoddart D. K., Geography and the Ecological Approach. The Ecosystem as a Geographic Principle and Method,—«Geography», 1965, vol. 50, № 3.
41. Troll C., Savanntypen und das Problem d. Primärsavannen «Proceedings of the International botanical Congress», Stockholm, 1950.
42. Walter H., Grassländer und Savannen in den Tropen,—«Scientia», 1965, vol. 100, № 78.

Ю. Д. Дмитриевский

РОЛЬ ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА В ИЗУЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН АФРИКИ

Вероятно, не будет ошибочным утверждение, что в последнее десятилетие наблюдался быстрый взлет советского африкановедения. При этом расширялись традиционные исследования языков, историко-этнических проблем Африки (обычно их принято относить к африканистике), и, что, пожалуй, особенно важно, в африкановедении развилось важное социально-экономическое направление. Особенно много сделали советские экономисты, подготовившие и издавшие многочисленные работы, посвященные развивающимся странам Африки, отдельным государствам этого континента.

Вместе с тем нельзя не признать, что сейчас, когда изучены *основные* социально-экономические особенности развивающихся стран (африканских, в частности), все большее значение приобретают конкретно-экономические исследования, имеющие не столько общетеоретическое, сколько практическое, прикладное значение.

Вряд ли можно сомневаться в том, что любое исследование, которое носит практический, прикладной характер, имеет точно обозначенные временные и пространственные составляющие, временные и пространственные «координаты». Отсюда значение экономической географии, рассматривающей размещение производства в конкретных временных, общественно-исторических условиях.

Роль экономико-географического анализа возрастает и потому, что все большее значение приобретают (или должны приобрести!) мезо- и микроэкономические исследования, которые немислимы без анализа совершенно определенной обстановки, без конкретного и по возможности точного экономико-географического подхода.

Иногда экономгеографов склонны «обвинять» в «фактологическом» подходе к тем или иным экономическим явлениям, забывая об очень простой и никем не опровергнутой формуле: истина всегда конкретна!

Ученого-экономиста всегда подстерегают две опасности: остаться на уровне собирателя фактов, своего рода «архивариуса сегодняшнего дня», приземленного фактолога, или «взмыть вверх, поднявшись над вульгарным фактом», заняться созданием умозрительных концепций.

Представляется, что обе эти опасности можно обойти, преодолеть, овладев сложным аппаратом все более совершенствуемого и получающего четкие логические и математические формы экономико-географического анализа.

Следует признать, что советские экономисты, идущие во главе экономической науки, сознательно или стихийно пришли к пониманию этого неоспоримого положения и добились не только теоретических, но и практических успехов, важных результатов.

За время своего становления и развития советская экономическая география определила основные подходы к экономико-географическому анализу. Советскими учеными и научными учреждениями созданы программы экономико-географического изучения территорий. В связи с прогрессом науки и внедрением новых методов они совершенствуются. Содержание, детальность программ в значительной мере зависят от масштабов исследования, степени генерализации.

В послевоенные годы отечественные географы-африкановеды создали ряд интересных работ по экономической географии Африки, ее отдельных регионов, стран (подробнее см.: 2). В лучших из них не только приводится и анализируется важный фактический материал, но и ставятся общие и частные африкановедческие проблемы — общеконтинентальные, межгосударственные региональные, страноведческие, внутригосударственные региональные, теоретические и практические (равновесия между человеком и природой и последствий ее нарушения, оценки природных ресурсов и природного районирования, экономического районирования и др.). При их освещении экономгеографы далеко выходят за рамки эмпирических исследований и создают предпосылки для практического экономического анализа (проблемы трудовых ресурсов и их использования, отраслевого и регионального экономического развития и соответствующего планирования и пр.). Вероятно, точнее было бы сказать, что действенный, конструктивный экономический анализ и соответствующий экономико-географический анализ не могут существовать раздельно.

Продемонстрируем этот тезис на примерах, быть может, внешне разнокачественных, но очень важных проблем, стоящих перед отдельными африканскими странами или их группами¹:

Назовем некоторые из них:

1. *Египет*: а) развитие промышленности и сельского хозяйства на базе Асуанского гидротехнического комплекса, формирование Асуанского промышленного узла и развитие Верхне-Египетского экономического района; б) энергетическое использование Средиземного моря путем сброса его вод в лежащую ниже уровня моря впадину Каттара (Средиземное море и Каттара — своеобразный энергетический резерв АРЕ).

2. *Судан*: а) социальные преобразования в главном хлопководческом районе страны — Северной Гезире и его развитие; б) освоение Южной Гезиры в связи с созданием Росейресского гидротехнического (энергоиригационного) комплекса, увеличение на его основе роли восточных районов страны; в) Юг как одна из самых сложных и острых экономических, социальных и национальных проблем страны; необходимость комплексного ее решения на демократической основе.

3. *Республика Заир*: а) расширение использования минеральных ресурсов провинции Шаба (б. Катанга); увеличение валютных поступлений от их эксплуатации в бюджет страны, расширение использования богатств провинции в интересах национальной экономики, развития обрабатывающей промышленности; б) использование природных богатств (в первую очередь гидроэнергоресурсов) нижнего течения

¹ Многие проблемы, названные для конкретной страны, могут быть отнесены к ряду других африканских государств.

р. Конго для создания крупного энергопромышленного комплекса международного значения; в) интернациональная проблема использования (переброски) вод Конго для орошения Сахары; г) общегосударственные и международные проблемы использования рек для развития инфраструктуры, создания единого водного пути в бассейне Конго, соединения великих африканских рек и превращения их в интернациональную водную магистраль.

4. *Гана*: а) использование гидротехнического комплекса р. Вольты в интересах страны — для развития и укрепления ее экономики; б) диверсификация хозяйства и экспорта, борьба за ослабление зависимости экономики страны от капиталистических монополий, мировой конъюнктуры на рынках отдельных видов сельскохозяйственного и минерального сырья; в) западноафриканская экономическая интеграция и возможность вклада страны в ее осуществление.

5. *Мали*: а) дальнейшее освоение «внутренней дельты» Нигера и формирование района многоотраслевого сельскохозяйственного производства мирового значения; развитие в связи с этим инфраструктуры (ирригационное, энергетическое строительство); обеспечение района кадрами; б) участие в интеграционных процессах группы стран бассейна р. Сенегал и государств Западной Африки.

6. *Нигерия*: а) проблемы этногеографические и формирования наций и экономических районов; б) диверсификация хозяйства в связи с развитием новых отраслей горнодобывающей промышленности (особенно нефти) и товарного сельского хозяйства; в) развитие обрабатывающей, особенно тяжелой, промышленности; роль интеграции западноафриканских стран.

7. *Сенегал*: а) диверсификация сельскохозяйственного производства и ослабление зависимости экономики страны от мировой конъюнктуры рынка арахиса; б) освоение р. Сенегал и участие страны в решении этой проблемы.

8. *Берег Слоновой Кости*: а) развитие отраслей хозяйства, предназначенных для удовлетворения внутренних потребностей страны, и уменьшение ее зависимости от внешнего рынка и иностранного капитала; б) преобразование земледелия в районах натурального и полунатурального сельского хозяйства; в) модернизация и изменение традиционных методов земледелия при сохранении необходимого равновесия в системе человек — почва, человек — земля; г) развитие отраслей хозяйства в системе возможной экономической интеграции государств Западной Африки.

9. *Габон*: а) дальнейшее развитие сырьевых отраслей хозяйства (на базе минерального сырья и леса) и частичное «обращение» этих отраслей внутрь страны (для развития местной обрабатывающей промышленности); б) проблема экономической интеграции страны, имеющей (в связи с малым населением) крайне ограниченные трудовые ресурсы, с другими, в частности соседними, африканскими странами.

10. *Эфиопия*: а) проблемы этногеографические и формирования эфиопской нации; б) расширение производства важнейшей экспортной культуры — кофе; в) диверсификация сельскохозяйственного производства и экспорта; г) расширение производства продуктов сельского хозяйства для местного потребления и экспорта в условиях необходимых преобразований в области аграрных отношений; д) оптимальное использование в сельскохозяйственном производстве разнообразных агроклиматических условий страны, обусловленных высотной климатической поясностью и различным увлажнением разных районов; проблемы значительного расширения искусственного орошения и иррига-

ционного строительства; е) комплексное освоение вод бассейна Голубого Нила; ж) активизация изучения недр и использования их богатств в интересах национальной экономики.

11. *Танзания*: а) углубление внутригосударственной экономической интеграции (Танганьики и Занзибара); б) расширение и углубление межгосударственной экономической интеграции стран Восточной Африки; в) увеличение использования дикорастущей растительности и диких животных в условиях строгой регламентации; г) развитие инфраструктуры как необходимой предпосылки освоения новых районов.

12. *Замбия*: а) значительное расширение старых и развитие новых отраслей обрабатывающей (преимущественно тяжелой) промышленности на основе всестороннего использования минеральных богатств страны; частичное «обращение внутрь страны и Африки» важнейших отраслей хозяйства; б) развитие энергетики и комплексного использования вод бассейна р. Замбези; в) хозяйственное (особенно промышленное) освоение новых районов и уменьшение неравномерности размещения производительных сил; г) экономическая интеграция с соседними развивающимися странами:

13. *Алжир*: а) дальнейшее расширение сельскохозяйственного производства, особенно продовольствия, для удовлетворения внутренних потребностей на основе социальных аграрных преобразований и освоения новых земель; б) расширение промышленного производства в новых районах и изменение тем самым размещения промышленности; в) увеличение использования минеральных богатств (особенно нефти и газа) внутри страны; развитие на их основе энергетики и обрабатывающей промышленности; г) образование новых хозяйственных очагов и центров в центральных и южных районах страны. в том числе в Сахаре; значительное расширение в этой связи разведки и использования подземных вод.

14. *Тунис*: а) относительное сокращение роли столицы в промышленном производстве страны за счет его увеличения в других городах; б) сдвиг хозяйства, особенно промышленности, в глубь страны и на юг — в значительной мере за счет освоения новых территорий и новых природных ресурсов; в) экономическая интеграция с другими странами Магриба.

15. *Ливия*: а) развитие национальной обрабатывающей промышленности за счет использования нефти и газа и доходов от их добычи и продажи; б) освоение Сахары.

Даже этот весьма примерный перечень *некоторых* проблем отдельных стран и регионов подтверждает, нам кажется, тезис о неразделимости экономико-географического и экономического анализа, когда речь идет об исследовании конкретных проблем, решении практических задач.

Весьма говорилось об определенном вкладе, который внесли в изучение проблем Африки советские экономгеографы-африкановеды. Нельзя, однако, не признать, что вклад этот в общем весьма скромный. Еще не созданы экономико-географические исследования по многим африканским странам, большинству отраслей хозяйства Африки, важнейшим экономико-географическим проблемам всего материка, пока не разработаны детальные программы макро-, мезо- и микромасштабных экономико-географических исследований африканских стран, которые учитывали бы специфику соответствующей группы государств, отдельных стран и районов.

Составление таких программ, по-видимому, невозможно без хорошей научной и в то же время рабочей типологии (классификации) аф-

риканских стран и районов. И здесь — в вопросах экономико-территориальной типологии — лежит еще одна линия самого тесного соприкосновения и сотрудничества экономистов и экономгеографов. Вероятно, трудно себе представить практически значимую типологию стран и районов, которая не отражала бы и их социально-экономические и их экономико-географические особенности. Быть может, экономико-географическая классификация районов, в отличие от социально-экономической, особенно на нижних ступенях таксономической лестницы, должна быть более детальной, учитывающей иногда даже небольшие территориальные нюансы экономико-географической триады (природа — население — хозяйство).

По-видимому, среди развивающихся стран Африки можно выделить:

I. Страны, избравшие некапиталистический путь развития (страны социалистической ориентации)²:

1) аграрно-промышленные;

2) аграрные.

II. Страны, развивающиеся по капиталистическому пути:

1) в экономике которых роль капиталистических отношений достаточно велика: а) с аграрно-минерально-сырьевой специализацией; б) с аграрно-сырьевой специализацией; в) с минерально-сырьевой специализацией;

2) в которых имеются лишь элементы капиталистических отношений.

Приведенную классификацию следует, конечно, развить, детализировать. Важно разработать для стран Африки подробную экономико-географическую классификацию территорий — прежде освоенных и нового освоения [1]. Тогда можно будет создать и программы детальных экономико-географических исследований для стран и районов различных типов.

Очень важно, чтобы экономико-географический аспект стал необходимым элементом экономических исследований теоретической и (особенно!) практической направленности.

В большинстве наших современных экономических работ, посвященных Африке, анализ ведется в общем социальном плане, в итоге чего нередко теряется специфика отдельных стран, регионов, происходит своеобразная нивелировка, в результате которой исчезает возможность конкретных экономических рекомендаций. Нет сомнения в том, что только конкретный экономический и экономико-географический анализ позволит нашим ученым перейти от высказывания общих положений о путях развития африканских стран к конкретным рекомендациям — для каждой региональной группы и каждого типа стран, отдельных государств, межгосударственных и внутригосударственных регионов, городов, поселков, сельских населенных пунктов, хозяйственных объектов. Для того чтобы современный экономист-африкановед мог давать такие рекомендации, он должен быть экономико-географически подготовлен. Отсюда актуальность постановки на экономических факультетах университетов и в экономических вузах глубоких курсов теоретической и практической, конструктивной экономической географии, в которых освещалась бы современная теория и практика размещения

² В странах этой группы различна глубина и широта проведенных социально-экономических преобразований, в результате чего отдельные типы стран различаются уровнем развития общественных форм собственности, ролью государственного и кооперативного сектора. Этот уровень в большой мере обуславливает и специализацию хозяйства.

производства. Отсутствие во многих вузах подобных курсов выглядит каким-то досадным недоразумением.

Нельзя забывать и об улучшении подготовки экономгеографов. Ведь экономико-географический анализ — анализ многофакторный, качественный и количественный; экономгеографу приходится постоянно соприкасаться с данными других научных дисциплин и использовать их. Отсюда необходимость широкой экономической, исторической, физико-географической эрудиции экономгеографа, необходимость разносторонней, в том числе математической и языковой, подготовки.

Очевидно, что хорошо подготовленных специалистов-экономгеографов следует значительно шире, чем ныне, привлекать к работам научных и практических учреждений и их отдельных подразделений; при этом важно расширить и улучшить подготовку экономгеографов-африкановедов. То же относится и к подготовке экономистов-африкановедов.

Представляется желательным в ближайшие годы:

1) завершить издание серии экономико-географических монографий по странам Африки;

2) подготовить и издать общие и отраслевые экономико-географические монографии, посвященные всей Африке;

3) уделить внимание мезо- и микроэкономико-географическим исследованиям, в том числе полевым, организовать экономико-географические и комплексные экспедиции в страны Африки;

4) разработать подробные программы экономико-географических исследований для Африки, групп и отдельных типов африканских стран, отдельных государств, типичных регионов, городов, сельских населенных пунктов, отдельных хозяйственных объектов;

5) географизировать экономические исследования (особенно микро- и мезомасштабов);

6) расширить и улучшить подготовку экономгеографов и экономистов-африкановедов; обучение последних вести на достаточно широкой и глубокой экономико-географической основе.

1. Дмитриевский Ю. Д., К вопросу об экономико-географической типологии вновь осваиваемых районов в странах Африки,— «География и развивающиеся страны», М., 1970.
2. Дмитриевский Ю. Д., Олейников И. Н., Советские книги послевоенных лет по географии Африки,— «География в школе», 1968, № 6.

М. Б. Горнунг

**ЗНАЧЕНИЕ СОВЕТСКОГО ОПЫТА
ИЗУЧЕНИЯ И ОСВОЕНИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ
ДЛЯ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН АФРИКИ**

Роль организации рационального использования естественных ресурсов для успешного развития национальной экономики достаточно хорошо понята в последние годы во многих молодых независимых странах Африки. В определенной степени правильной оценке прямой связи между борьбой за преодоление экономической отсталости и рациональным использованием национальных природных ресурсов способствовала деятельность ряда международных организаций, таких, как ЮНЕСКО, Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций (ФАО), Экономическая комиссия ООН для Африки и др. Так, например, Секретариат ООН в 1969—1970 гг. завершил подготовку обширного и полезного труда «Природные ресурсы развивающихся стран: изучение, освоение и рациональное использование». Аналогичную работу, в частности по вопросам охраны природы, проводят теперь и экономические и научно-технические комиссии Организации Африканского Единства (ОАЕ). В деятельности международных организаций и непосредственно в некоторых африканских странах активное участие в определении конкретных путей и задач изучения и освоения природных ресурсов Африки принимают и советские специалисты.

Между тем наметившийся положительный сдвиг в понимании значения данной проблемы далеко не во всех странах Африки находит соответствующие практические решения. И дело здесь не только в крайней нехватке национальных кадров, в отсутствии зачастую необходимых финансовых и материально-технических ресурсов. Эти факторы наряду с острыми социально-политическими ситуациями в борьбе за экономическую независимость безусловно определяют общую картину сегодняшнего экономического положения большинства развивающихся стран Африки. Но в вопросе организации рационального использования природных богатств в прямых интересах народов африканских стран часто заметны отсутствие перспективного видения, смешение главного и второстепенного, фундаментального и дающего быстрый, но кратковременный экономический эффект.

Фактическое состояние использования, а тем более охраны и воспроизводства природных ресурсов во многих африканских странах, а в Тропической Африке особенно, остается и в начале 70-х годов до-

вольно грустной картиной. Продолжается сведение ценнейших лесов, трудно поддающихся восстановлению. По-прежнему горят обширные пространства саванн, мелеют реки, катастрофически деградируют пастбища, истощаются и эродируют почвы, истребляется дикий животный мир. Почти не ослабевает пагубное воздействие многочисленных сельскохозяйственных вредителей и возбудителей болезней. Конечно, сейчас уже можно привести немало примеров борьбы с вредителями, с эрозией почв, сослаться на законы об охране природы, принятые в африканских странах, и т. п. Но, во-первых, большинство таких мероприятий проводится именно как мероприятия, а не как часть целенаправленной долгосрочной программы. Во-вторых, научная сторона главной проблемы — исследование, освоение и рациональное использование природы тропиков и ее ресурсов — остается еще недостаточно разработанной.

Африканские страны безусловно нуждаются и в практическом примере широкого, научно обоснованного подхода ко всей проблеме природных ресурсов — от организации их изучения до современных методов освоения, охраны, воспроизводства. При этом стоит вспомнить, что многие природные богатства Африканского континента еще не только не тронуты, но подчас и вовсе не познаны. Опыт Советского Союза в изучении и освоении природных ресурсов, освещенный на многих научных и иных конференциях, в ходе работы наших специалистов в Африке, при знакомстве африканцев с достижениями народного хозяйства в СССР и т. д. не привлек еще, на наш взгляд, в ряде африканских стран того внимания, которое он заслуживает. Мы не всегда задумывались над причинами такого положения, хотя не подвергается сомнению бескорыстность стремления советских специалистов оказать помощь в изучении и освоении природных богатств развивающихся стран в их национальных интересах.

В чем же дело? По-видимому, здесь проявился своеобразный психологический фактор. Советский Союз наших дней — это могущественная, высокоразвитая во всех отношениях держава с крупнейшим в мире отрядом ученых и других специалистов; всему миру и африканцам известны ее огромные научно-технические возможности и достижения, нередко поэтому в молодых развивающихся странах Африки опыт СССР воспринимается только как выражение его современных возможностей. С долгим и трудным путем, пройденным Советским государством во всех областях общественной и экономической жизни, специалисты и практические работники в этих странах знакомы куда меньше. Но именно то, как преодолевались трудности, и составляет основу советского опыта и может быть особенно ценным для развивающихся стран.

В какой-то степени, как и эти страны, Советское государство сразу же после своего возникновения встало перед необходимостью всестороннего изучения природы и ее ресурсов для обоснованного планирования глубоких преобразований социально-экономической структуры и развития производительных сил в масштабе всей страны. Более полувека тому назад потребность в разработке широких планов социалистического строительства и в решении сложных текущих экономических задач вошла в острое противоречие с недостаточностью знаний о природе и естественных ресурсах нашей огромной страны. Поэтому даже в трудные годы гражданской войны и разрухи были заложены принципиальные основы системы научного комплексного изучения природы страны и использования естественных ресурсов, возникли первые организационные звенья этой системы, лишь значительно позже развив-

шиеся в крупные исследовательские учреждения. Начальные шаги в этой области связаны прежде всего со знаменитым ленинским «Наброском плана научно-технических работ»¹. Так, с первых лет Советской власти в борьбе за экономический прогресс в нашей стране исследование особенностей природы и выявление размещения, объемов и источников естественных ресурсов стали важнейшей государственной задачей.

Безусловно, многое в отношении изучения территории СССР было сделано и до Октябрьской революции (кстати, и развивающиеся страны Африки приступают к проблеме изучения и освоения природных ресурсов не на голом месте). Однако к 1917 г., например, топографическими картами было покрыто менее 20% площади нашей страны. Лишь при Советской власти в ряде районов (и не только в Арктике) были впервые открыты крупнейшие географические объекты — горные хребты и вершины, реки и т. д. Так что даже в отношении общей картографической изученности территории СССР положение было аналогично тому, с которым столкнулись многие африканские страны после достижения политической независимости.

Советская наука 50 лет назад остро ощущала серьезную нехватку кадров и еще больше — слабость научно-технической базы для полевых исследований. В последнем нам было, пожалуй, труднее, чем сегодня отдельным развивающимся странам, получающим значительную помощь на многосторонней и двусторонней основе. Что же касается кадров, то можно вспомнить, что накануне революции в Геологическом комитете России было лишь 50 научных сотрудников. Правда, имелись специалисты в частных предприятиях, в университетах, но нельзя забывать и об огромных масштабах нашей страны, об удаленности ее окраин и их почти полной неосвоенности. Даже при наших больших потенциальных людских и материальных ресурсах и плановом развитии страны потребовалось около 15 лет, чтобы в полной мере развернуть исследовательские работы по изучению и освоению всего комплекса производительных сил страны. Этот пример также поучителен для тех в Африке, кто наивно верил в возможность скоропалительного освоения еще не изученных национальных ресурсов и столь же быстрого экономического прогресса.

Успешность экономического развития африканских стран во многом зависит от того, насколько правильны будут исходные позиции в изучении и освоении естественных ресурсов. Возможно, самым важным аспектом советского опыта является то, что для всех малоизученных районов нашей страны с самого начала их исследования был принят преимущественно не специализированный, а комплексный природоведческий подход. Осуществление замысла разностороннего изучения естественных производительных сил шло по двум линиям: создание специализированных научных ячеек (будущие центральные и периферийные институты и научно-практические организации) и проведение комплексных научных экспедиций (в том числе в связи с проблемами, связанными с ближайшими народнохозяйственными задачами). Но и исследования природы на первый взгляд сугубо «академического» характера почти всегда приобретали ресурсную и практическую направленность. Так, например, для претворения в жизнь ленинского плана электрификации России (ГОЭЛРО) потребовалось развитие частных научных исследований, в первую очередь гидрологических. Необходимость ликвидации исторически сложившейся экономической отсталости

¹ В. И. Ленин Полное собрание сочинений, т. 36.

национальных окраин Советского государства стимулировала организацию крупнейших комплексных региональных экспедиций. Быстрое развитие производительных сил разных районов нашей страны в свою очередь стимулировало работы по научным основам экономического районирования. Последнее не только помогло выявлять все местные естественные ресурсы, но и определяло их роль и очередность использования в реконструкции хозяйства в масштабах всей страны.

Представляется, что ознакомление специалистов научных, хозяйственных и плановых организаций как африканских, так и других развивающихся стран, стремящихся к укреплению подлинно независимой национальной экономики, именно с исходными этапами развития исследований природы СССР и ее ресурсов вызвало бы повышение интереса к нашему опыту как вполне применимому и к специфическим условиям этих стран. Вместе с тем это дало бы возможность лучше оценить и особенности советского опыта изучения и освоения природных ресурсов в последующие годы, по мере изменения экономических задач и возможностей. Так, например, закономерное стремление ряда африканских стран к индустриализации могло бы в ряде случаев стать на более реальную основу, если бы внимательнее изучался беспрецедентный опыт Советского Союза по многолетней подготовке сырьевой и энергетической базы для индустриализации, отвечающей задачам, поставленным государством.

Опыт Советского Союза может подсказать развивающимся странам Африки и других регионов методику инвентаризации и систематизации всех имеющихся данных о природе стран и ее ресурсах с самых начальных шагов комплексных исследований. В первую очередь речь идет о методах специального картирования, подготовке серий взаимосогласованных карт отдельных компонентов природы, о создании национальных атласов с показом естественных ресурсов и путей или перспектив их рационального хозяйственного освоения. При этом развивающиеся страны могут теперь взять на вооружение не только те методы, которые определились на начальных стадиях комплексного изучения природы и ее ресурсов в нашей стране. Эти методы можно сочетать, например, с современными исследованиями прямых и обратных связей, возникающих между природными комплексами и воздействующими на них объектами хозяйственной деятельности. Если для таких индустриальных и высокоразвитых стран, как СССР, необходимость подобных исследований возникла более всего из-за резко выросшего хозяйственного использования природы, то для тропической природы такие исследования важны и при относительно малых масштабах хозяйственного развития в силу особой уязвимости многих взаимосвязанных звеньев тропических природных комплексов.

Остановимся кратко на некоторых вопросах изучения и освоения естественных ресурсов Африки под углом зрения не только нашего научно-организационного, но и научно-технического опыта. Если обратиться к минеральным ресурсам, то надо сразу подчеркнуть, что определенное внимание к их изучению в Африке и довольно широкая эксплуатация, как правило, были вызваны не прямой национальной заинтересованностью африканских стран в развитии прежде всего именно горнодобывающей промышленности. Причины, как известно, лежат в особых исторических условиях бывших колониальных стран, в которых метрополии нередко проявляли к горнорудному и особенно к минеральному топливному сырью больше внимания, чем к другим видам естественных ресурсов (в том числе и к таким, которые жизненно необходимы для народов этих стран, например к отдельным видам продоволь-

ственных ресурсов). Но и в материалах по минеральным ресурсам стран Африки до сих пор заметны такие пробелы, как слабая изученность нерудных ископаемых (строительные материалы, стекольное и керамическое сырье, некоторые «агрономические руды» и т. д.), имеющих первостепенное значение для внутригосударственных нужд, а не для экспорта.

Часто повторяемое утверждение о пользе горнорудной промышленности как одного из главных источников поступления валютных средств, которые могут идти на разные нужды развития, не всегда, на наш взгляд, убедительно. Это утверждение может быть достаточно справедливым, когда ясны ответы на вопросы: почему добывается то, а не иное сырье, в чьих интересах в первую очередь идет эта добыча, в какой зависимости находится от мировых рынков данное сырье и т. п. Поступатом стало утверждение об исключительных богатствах африканских недр.

Но фактические знания о составе минеральных ресурсов многих африканских стран, запасах, территориальном размещении промышленных месторождений и т. д. далеки от той полноты, которая необходима для эффективного экономического планирования на перспективу.

Задача восполнения пробелов в изученности недр стоит сейчас почти перед всеми африканскими государствами. Однако нынешнее положение вряд ли может быть коренным образом изменено путем организации отдельных геологоразведочных (преимущественно поисковых) работ, проводимых обычно с участием иностранных специалистов. Такие работы, как правило, имеют очень ограниченные практические цели, например многие исследования последних лет с помощью экспертов ООН, в том числе и при участии советских специалистов. Основой всестороннего учета и оценки минеральных ресурсов на перспективу должно стать систематическое изучение геологического строения территорий отдельных стран и крупных природных регионов Африки, особенностей их стратиграфии, литологии, тектоники, металлогении и т. д. При таком подходе возникнет подлинно научная база для прогноза размещения месторождений важнейших полезных ископаемых и параллельно будет выполняться задача инвентаризации минеральных ресурсов стран Африки. И с этой точки зрения для африканских государств был бы полезен богатейший советский опыт проведения комплексных геологических исследований (включающих съемку, поисковые и разведочные работы), уже не раз применявшийся нашими специалистами на территории некоторых развивающихся стран.

В области изучения гидроклиматических ресурсов Африки следует прежде всего подчеркнуть необходимость развития аэрологических наблюдений, которые позволили бы уточнить картину атмосферной циркуляции в тропических областях, известную пока в слишком общих чертах для должного практического использования этих знаний. Внимание к изучению циркуляционных факторов климатообразования является как раз одной из сильных сторон советской климатологии. Применение многих наших методов для познания циркуляционных процессов может помочь создать основу для прогнозирования погодных условий в тропиках, пока что находящегося почти в зачаточном состоянии. А отсутствие долгосрочных прогнозов становится серьезной помехой для развития сельского хозяйства во многих частях Африки. То же самое можно сказать и о проблеме изучения многолетних колебаний климата, водности рек, уровней озер в Африке. Насущная потребность в такого рода исследованиях и прогнозах может быть проиллюстрирована при-

мером огромного материального ущерба, который причинили хозяйству ряда стран Центральной и Восточной Африки катастрофические наводнения начала 60-х годов. Эти наводнения были связаны с непредвиденным повышением количества осадков, вызвавшим исключительные паводки на р. Конго и резкое повышение уровня Великих озер, особенно Танганьики. Вообще проблема воды и водных ресурсов в ее различных аспектах остается одной из наиболее важных научных и хозяйственных проблем современной Африки. Трудности водообеспечения сельского хозяйства проявляются с большей или меньшей остротой на всем материке (за исключением узкого экваториального пояса, где в свою очередь стоит проблема избыточного увлажнения). Они существуют не только в пределах аридных и семиаридных зон, но и в зонах семигумидного субэкваториального климата, где вегетационный период растений, в том числе и сельскохозяйственных культур, ограничен более или менее продолжительным сухим сезоном, тогда как термический режим не создает препятствий для круглогодичной вегетации.

Для организации рационального использования всех водных ресурсов почти повсеместно в Африке необходима организация их учета на научной основе. В то же время правильное количественное представление о водных ресурсах можно составить, располагая данными по структуре природного круговорота воды и оценив соотношение отдельных его элементов в конкретных условиях разных частей Африканского континента. Для этого весьма слабо изученного в гидрологическом отношении континента на данном этапе особенно большую пользу, на наш взгляд, может принести использование разработанной в СССР в последние годы методики оценки водного баланса специально для территорий с малым числом гидрологических наблюдений. Широкие перспективы открываются и в использовании огромного опыта СССР молодыми африканскими государствами при решении практических задач освоения водных ресурсов: ирригационного строительства и связанных с ним изысканий, обеспечения водой неорошаемого земледелия за счет уменьшения поверхностного стока и непродуктивного испарения с полей и т. д.

Во многих африканских странах, как известно, пока выявлены или незначительные ресурсы минерального топлива, или только их признаки. Поэтому решение энергетической проблемы для таких стран сводится преимущественно к необходимости развития гидроэнергетики. Гидроэнергетический потенциал Африки, по имеющимся оценкам, составляет до 20—25% мировых гидроэнергетических ресурсов, а бассейн Конго, например, по этому показателю стоит на первом месте среди речных бассейнов земного шара. Однако существующие оценки гидроэнергоресурсов Африки в целом и отдельных стран основаны на весьма недостаточных гидрологических данных и по этой причине обычно должны рассматриваться только как приближенные. Перед африканскими государствами, таким образом, все еще стоит задача более точной оценки гидроэнергетического потенциала, для скорейшего решения которой также немало полезного дает опыт проведения подобных работ в СССР, в частности на реках Средней Азии и Сибири. Что касается советской помощи развивающимся странам в научном обеспечении и проектировании работ в области гидроэнергетического строительства, то такая помощь уже оказывается весьма широко и ее эффективность достаточно известна в Африке. Особенно важен советский опыт в осуществлении гидротехнических мероприятий комплексного характера, преследующих цели всестороннего использования водных ресурсов (гидроэнергетика, ирригация, водоснабжение, транспорт и т. д.) в ма-

лых и крупных масштабах. Примером последнего прежде всего служит Асуанский гидроузел на Ниле, одно из крупнейших сооружений нашего века.

В числе вопросов, связанных с использованием водных ресурсов, упомянем также вопросы изучения гидрологии и гидробиологии естественных водоемов и созданных человеком водохранилищ, в частности, для рационального их использования (ведение рыбного хозяйства, борьба с зарастанием, особенно бурным и потому опасным в тропиках, с заиливанием, разрушением берегов и т. п.). Речь идет о необходимости организации систематического изучения гидрологического режима крупных водоемов, которых немало в Африке, их микроклимата, химизма вод, биологии организмов — промысловых и наносящих вред хозяйству. Опыт комплексного изучения естественных и искусственных водоемов, которыми так богата наша страна, во многом является уникальным в мировом масштабе.

Возможности использования в интересах стран Африки достижений советского почвоведения, издавна занимающего ведущее положение в мировой науке, представляются весьма многообразными. Речь может идти о более широком применении теоретических принципов советской школы почвоведения к изучению и классификации почв Африки, а также об использовании применительно к территории этого континента накопленного в СССР опыта почвенного картирования. Последнее для стран Африки является актуальной задачей. Особо следует упомянуть значение советского опыта по мелиорации почв аридных и семиаридных территорий, борьбе с засолением, характерным и для почв многих районов Африки.

Что касается постоянно и переменно-влажных тропических областей Африки с весьма специфическими и малоизученными почвами, то здесь еще предстоит большая работа по изучению генезиса и плодородия почв. Органическая часть этих тропических почв в прошлом не привлекала большого внимания исследователей. Ныне же можно считать почти общепризнанным, что в ферралитных почвах тропиков естественное плодородие зависит в первую очередь от биогенной аккумуляции питательных элементов в гумусовом горизонте. Это делает очень важным изучение почвенного гумуса в тропиках не только с теоретической, но и с сугубо практической точки зрения. Именно советское почвоведение, имеющее давние традиции фундаментального изучения органического вещества почв, располагает всеми возможностями, чтобы помочь внести существенный вклад в решение упомянутой научной и практической проблемы на Африканском континенте.

В числе проблем, связанных с изучением и использованием растительных ресурсов Африки, на передний план выступают вопросы сохранения лесных и естественных кормовых ресурсов. Во многом эти проблемы имеют в Африке весьма специфический характер. Мы уже упоминали, что за последние десятилетия уничтожение растительности, в первую очередь лесов, приобрело в Африке угрожающие размеры. Общеизвестно и то, что со сведением естественной растительности связаны усиление почвенной эрозии, ухудшение водного баланса и т. д. Сведение африканских лесов, между прочим, сопровождается также неосознанным уничтожением громадного фонда потенциально полезных растений, в том числе исключительно ценных для фармакологии и для других целей. Охрана и восстановление тропических лесов смогут оказаться результативными только при проведении серьезных комплексных исследований, включающих помимо изучения флористического состава и фитоценологической структуры исследование типологии, естественных

и искусственных сукцессий (например, проблемы смены лесов саваннами и иными вторичными типами растительности) и т. д. Эти исследования предусматривают также изучение водного и микроклиматического режима, изменений почвенного покрова. Необходимо повсеместное проведение классификации африканских лесов по природнохозяйственным свойствам, определение систем рубок, путей естественного и искусственного возобновления. Довольно значительные работы в этом направлении, а также по проблемам естественных кормовых угодий в Африке проводятся силами экспертов ФАО и частично ЮНЕСКО. Но можно думать, что многолетний опыт советских геоботаников, экологов, лесоведов с учетом территориальных масштабов их исследований и разнообразия природных условий нашей страны был бы также весьма полезен в разработке научных основ рационального использования лесных и пастбищных угодий в Африке.

В круге проблем, связанных с изучением африканского животного мира, по крайней мере три имеют первоочередное народнохозяйственное значение: охрана диких животных и развитие системы заповедников, имеющих наряду с научным и чисто практический интерес — крупные валютные поступления за счет развития туризма; изучение возможностей широкого использования африканского животного мира (в данном случае в основном копытных) как дополнительного источника белкового питания населения; борьба с сельскохозяйственными и иными вредителями (например, термиты) и переносчиками заболеваний. В этих вопросах в Африке также проводится довольно значительная работа рядом международных организаций и национальных учреждений. Не вызывает сомнения, однако, что более детальное знакомство с советским опытом, особенно в организации заповедников, изучении экологии диких животных, использовании биологических методов для борьбы с вредителями и переносчиками болезней, было бы весьма ценным.

Изложенное здесь само по себе можно считать постановкой проблемы о путях более широкого использования советского опыта комплексного изучения и использования природы и ее ресурсов применительно к условиям и первоочередным потребностям африканских стран. В то же время нельзя не подчеркнуть, что советские географы и другие ученые, занимающиеся непосредственно исследованием природы и естественных ресурсов Африки, в последние годы уже внесли немалый вклад в систематизацию, научный анализ и обобщение ранее накопленных данных по этим вопросам. Достаточно вспомнить монографии М. С. Розина по полезным ископаемым, Ю. Д. Дмитревского по водным ресурсам Африки, серию оригинальных карт по природным компонентам этого континента в «Физико-географическом атласе мира» и в «Атласе Африки», африканский раздел в монографии «Рельеф Земли», сборник «Климаты Африки» и двухтомный «Климатический справочник Африки», ряд геологических, тектонических, почвенных карт и сводок и многое другое. К сожалению, на издателях и частично на авторах этих ценных трудов лежит доля ответственности за то, что их полезная работа практически малодоступна для использования в африканских странах. Зачастую ценнейший опыт СССР по отдельным проблемам, связанным с природными ресурсами, почти или вообще неизвестен в Африке. Поэтому сегодня нужны дополнительные усилия и организационные меры, чтобы опыт Советского Союза в этой области, как и во многих других, был бы больше известен и мог практически использоваться в тех развивающихся странах, которые стремятся найти верные и эффективные пути для преодоления своей экономической, науч-

ной и научно-технической отсталости. А из изложенного здесь даже в очень краткой форме достаточно отчетливо видно, что возможности использования опыта советской науки для изучения природных ресурсов Африки в национальных интересах африканских государств велики. Ученые нашей страны искренне готовы помочь своими знаниями и опытом молодым независимым африканским странам, отношение к которым со стороны советских людей определяется не своекорыстными интересами, свойственными капиталистическому миру, а чувствами дружбы и солидарности, вытекающими из идей интернационализма, являющегося одним из краеугольных камней советского социалистического общества.

Ю. Н. Гладкий

**К ВОПРОСУ О ДИНАМИКЕ РАЗВИТИЯ,
СТРУКТУРЕ И ОСОБЕННОСТЯХ РАЗМЕЩЕНИЯ
АФРИКАНСКОЙ МЕТАЛЛООБРАБАТЫВАЮЩЕЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ¹**

По темпам роста продукции машиностроения и металлообработки — этих тесно связанных с производственным базисом отраслей хозяйства — страны Африки заметно уступают государствам Латинской Америки и отстают от большинства азиатских стран. Причины столь слабого прогресса в темпах роста этих отраслей кроются в самой природе африканской экономики с ее архаичными формами производства, с крайне примитивной структурой, с одним из самых низких в мире уровнем национального дохода на душу населения (около 100 долл.).

В странах Африки до сих пор 50—60% национального дохода производится в сельском хозяйстве или экспортных отраслях, продукт которых не подлежит дальнейшей переработке на месте. Удельный вес обрабатывающей промышленности в производстве национального дохода здесь составляет 10—12%, причем в этой так называемой обрабатывающей промышленности около 50% приходится на продукты питания и текстиль [1, стр. 12].

Поэтому не удивительно, что межотраслевые связи в Африке находятся на крайне низкой ступени развития, а машиностроение и металлообработка — этот индикатор состояния производительных сил в высокоиндустриальных странах — слабо развиты и малодинамичны.

Из всех отраслей африканской промышленности именно на металлообработку и машиностроение приходятся самые низкие среднегодовые темпы развития, которые к тому же периодически имеют тенденцию к замедлению. Так, если в 1950—1955 гг. ежегодный прирост продукции этих отраслей составлял 5,7%, то в 1956—1960 гг. он понизился до 1,9% (в обрабатывающей промышленности соответственно с 6,7 до 4,7%). Замедлением производства характеризуются и некоторые последующие годы, в частности 1961, 1964 и др. [2, Приложение, стр. 14; 3, стр. 34].

Таким образом, создается положение, при котором разрыв в уровне развития машиностроительной и металлообработывающей промыш-

¹ Круг рассматриваемых стран не включает ЮАР — сравнительно развитое в промышленном отношении государство.

ленности высокоразвитых государств и стран Африки не только не сокращается, а, наоборот, продолжает увеличиваться.

Отсутствие в статистических отчетах африканских государств надежных данных о среднегодовых темпах развития металлообработки и других макроэкономических показателей не позволяет нарисовать достаточно четкую картину динамики этой отрасли по странам и регионам. О ней можно судить лишь из отрывочных данных, публикующихся крайне нерегулярно и изобилующих существенными погрешностями (разнобой в разграничении машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности, смешение изделий металлургии и металлообработки, путаница с учетом продукции сборочных предприятий, принадлежащих иностранному монополистическому капиталу, и пр.).

Несколько более интенсивно металлообработка и машиностроение развиваются в странах Магриба и АРЕ, на карте которых в последние годы появились сравнительно крупные металлопроизводящие и металлообрабатывающие центры (Хелуан, Мензель-Бургиба, Аннаба) и где развитие тяжелой индустрии положено в основу экономической политики государств. Во всех странах африканского Средиземноморья (за исключением Ливии) среднегодовые темпы прироста продукции металлообрабатывающей промышленности составляют от 5 до 10%, а в АРЕ — более 10% (см. таблицу).

Индекс производства машиностроительной продукции АРЕ *
1958=100

Группы машиностроения (МСХК) **	1953 г.	1960 г.	1961 г.	1962 г.	1963 г.	1964 г.	1965 г.
35	48	61	79	108	108	103	121
36	31	391	586	1094	1991	2090	1983
37	36	159	307	393	721	911	846
38	66	164	249	433	692	843	734

* [4, стр. 127].

** МСХК — Международная стандартная хозяйственная классификация. В соответствии с последней машиностроение и металлообработка подразделены на: «Металлообрабатывающую промышленность, за исключением производства машин и транспортного оборудования» (группа 35), «Машиностроение, за исключением электромашиностроения» (группа 36), «Электромашиностроение и производство электрических аппаратов и приборов» (группа 37), а также «Производство транспортных машин и оборудования» (группа 38).

Успехи североафриканских государств особенно заметны на фоне отставания стран Тропической Африки. Крупные центры металлообработки, соответствующие по величине североафриканским (например, Хелуану), там полностью отсутствуют, а имеющиеся (г. Тема в Гане, г. Энугу в Нигерии, г. Акаки в Эфиопии и др.) крайне незначительны.

Говоря о динамике развития металлообработки и машиностроения развивающихся стран в целом, нельзя не отметить, что почти везде увеличение производственных мощностей происходит главным образом за счет строительства новых предприятий группы 35 МСХК — «Металлообрабатывающая промышленность за исключением производства машин и транспортного оборудования». Только в Арабской Республике Египет ускорение темпов развития машиностроения в значительной мере обусловлено вводом в строй новых мощностей в других группах, составляющих производственную основу промышленности (см. табли-

пу). В их числе станкостроительный завод, завод стальных поковок, вагоностроительное предприятие, судостроительная верфь и другие объекты.

В соответствии с диверсификацией отраслевой структуры в машиностроении АРЕ произошло изменение соотношения числа занятых в пользу групп, специализирующихся на выпуске технологически более сложного оборудования, хотя ведущей отраслью по числу занятых по-прежнему остается «производство металлических изделий» (группа 35 МСХК), где работает свыше 13 тыс. человек [4, стр. 452].

В странах с наиболее низким уровнем производительных сил (Ботсвана, Нигер, Чад, ЦАР, Экваториальная Гвинея и др.) существенных сдвигов в развитии металлообработки не произошло, и главной производительной силой там по-прежнему является кузнечно-ремесленное и мелкое промышленное производство. В этих странах частично уже проведена инвентаризация национальных средств и намечена программа перспективного развития с учетом требований в области международной помощи и сотрудничества в создании металлообрабатывающей промышленности.

Столь медленное развитие африканской металлообрабатывающей промышленности сочетается с крайне примитивной ее структурой, отличающейся чрезвычайно низкой долей предприятий по выпуску механических орудий труда. В странах Африки еще не выпускаются (или выпускаются очень мало) машины для оснащения основных отраслей их экономики. Слабостью структуры металлообрабатывающего производства африканских стран можно считать и большой удельный вес сборочных предприятий, приносящих, как известно, минимальный экономический эффект. (Метод сборки особенно широко практикуется в автомобильной и электротехнической промышленности, где на месте изготавливаются только простые детали, а более сложные импортируются.) Такие предприятия являются, по существу, не самостоятельными производственными единицами, а своего рода цехами иностранных фирм. Естественно, что и национальные сборочные предприятия в такой же мере зависят от поставок из-за границы запасных частей, документации, а часто и полуфабрикатов.

Все это очень осложняет задачу классификации африканской металлообрабатывающей промышленности и требует тщательного изучения специфики имеющихся производств.

Наличие в номенклатуре изделий металлообрабатывающей промышленности развивающихся стран автомобилей и других моторизованных средств, двигателей внутреннего сгорания, велосипедов, телевизоров, радиоприемников, холодильников, стиральных машин, воднотранспортных средств, несложного сельскохозяйственного инвентаря позволяет с известной степенью условности выделить в составе африканского машиностроения и металлообработки по крайней мере следующие группы производств:

- 1) автосборочную промышленность (производство грузовых и легковых автомобилей и автомобилей специального назначения, двигателей внутреннего сгорания и других комплектующих изделий);
- 2) велосипедную промышленность и монтаж мотосредств (производство велосипедов, мотоциклов, мотороллеров);
- 3) электротехническую промышленность (выпуск радиотелеаппаратуры, электробытовых товаров, аккумуляторов и т. д.);
- 4) судостроение (промышленное производство металлических воднотранспортных средств различной емкости, включая рыболовецкие, грузовые и пассажирские);

5) производство сельскохозяйственного инвентаря и сборку тракторов;

6) мелкую металлопромышленность.

В числе металлообрабатывающих предприятий развивающихся стран, разумеется, есть и такие, которые занимают вполне определенное место в отраслевой классификации, однако выделение их в качестве самостоятельных отраслей в общеафриканском масштабе было бы, на наш взгляд, преждевременным. К их числу относятся, например, довольно маломощные заводы по производству металлообрабатывающих станков, железнодорожных вагонов, ткацких машин в АРЕ. Эти предприятия представлены пока в единственном числе.

Особого внимания заслуживают сотни мелких металлообрабатывающих предприятий, разбросанных по всему континенту и специализирующихся на производстве скобяных изделий, гвоздей, шурупов и болтов, посуды, мебели, изделий из цветных металлов, проволоки, тросов и пружин, водопроводных труб, металлической тары и консервных банок, бритвенных лезвий, сейфов, рессор, металлоконструкций и т. п. Они работают преимущественно на импортном сырье и редко обеспечивают национальные потребности в выпускаемой продукции. Весьма многочисленны ремонтные мастерские — их насчитывается несколько тысяч. Большинство из них расположено в крупных городских центрах и занимаются ремонтом посуды, домашней утвари, автомобилей и т. п.

Говоря о структуре металлообрабатывающей промышленности стран Африки, важно учитывать роль ремесленного кузнечного производства, которое, несколько удалившись от сферы традиционных отношений ремесла и земледелия, становится важным фактором роста металлообработки в целом.

Нынешняя структура этой промышленности не есть нечто застывшее. Опыт экономической деятельности стран Африки показывает, что при мобилизации всех материальных и природных ресурсов можно достичь определенных сдвигов в развитии машиностроения и его отраслевой диверсификации. Так, имеющиеся статистические данные свидетельствуют о том, что в 1971 г. в Арабской Республике Египет насчитывалось 18, а в Марокко — всего 4 отрасли металлообрабатывающей промышленности. Спустя пять лет, в 1966 г., число отраслей в АРЕ возросло до 31, а в Марокко — до 16, что является результатом государственной экономической политики, направленной на ликвидацию отсталости этих важнейших отраслей производства.

В 70-х годах дальнейшая диверсификация отраслевой структуры металлообработки ожидается и в других странах, в частности в Алжире, Тунисе, Гане, Нигерии, Эфиопии, Республике Заир, в каждой из которых планируется создание от четырех до девяти новых отраслей [2, стр. 170]. Есть основания предполагать, что ввод в эксплуатацию строящихся там металлургических заводов, а также рост национальных технических кадров, платежных балансов окажут стимулирующее влияние на развитие металлообрабатывающей промышленности.

Металлообрабатывающая промышленность развивающихся стран Африки размещена крайне неравномерно: большая часть ее мощностей сосредоточена в АРЕ и странах Магриба, в то время как на остальной территории огромного континента имеются лишь отдельные очаги, чаще всего представленные единичными предприятиями и, как правило, расположенные на значительных расстояниях друг от друга.

Причины такой неравномерности следует искать прежде всего в различном уровне социально-экономического развития отдельных частей континента, что является результатом длительного колониального

господства. За многие десятилетия, предшествовавшие независимости, лишь в немногих странах Африки иностранным капиталом совместно с национальной буржуазией были построены предприятия обрабатывающей промышленности преимущественно по переработке сельскохозяйственного сырья и производству тканей, обуви, муки, растительного масла, консервов и т. п. В других странах создание даже таких предприятий фабрично-заводской промышленности стало возможным лишь после освобождения от колониального гнета.

Неравномерность в размещении африканской металлообрабатывающей промышленности обусловлена также общим низким уровнем ее развития. Однако появление в том или ином районе континента одного или нескольких современных машиностроительных предприятий способно, с одной стороны, резко усугубить, с другой — резко ослабить эту неравномерность.

Как известно, отличительной чертой африканской промышленности, в том числе металлообрабатывающей, является тяготение ее к портовым городам побережья. В Сенегале, например, около 50% всех предприятий (металлообрабатывающих — около 90%) расположено в Дакаре и на полуострове Зеленого Мыса. В Нигерии, по сведениям Национального экономического совета, из 679 промышленных предприятий, имевшихся в федерации в 1962 г., 254, т. е. 37%, приходилось на небольшую федеральную территорию Лагоса, в то время как на всю Северную Нигерию — только 123, т. е. 18% [4, стр. 1], причем в Лагосе и его окрестностях расположены почти все сборочные предприятия республики.

К подобной диспропорции в развитии приморских и внутренних районов развивающихся стран привело длительное воздействие на африканскую экономику иностранного капитала, которое в сочетании с феодальными и родо-племенными пережитками надолго затормозило хозяйственное освоение глубинных территорий.

Выгодное географическое положение прибрежных районов, расположенных наиболее удачно по отношению к внешним рынкам сбыта, наличие удобных морских гаваней — все это способствовало первоочередной колонизации окраинных частей Африки и сосредоточению здесь основной массы европейского населения. Преимущественно для его обслуживания в крупнейших по численности населения городах побережья (Алжире, Александрии, Тунисе, Касабланке, Дакаре, Абиджане, Аккре, Лагосе и др.) и создавались первые очаги строительной индустрии, энергетики, текстильной промышленности, а также простейшие металлообрабатывающие предприятия. Последние специализировались на выпуске узкого круга металлоизделий: строительных конструкций, фурнитуры, метизов, посуды и других товаров первой необходимости.

Несколько более благоприятные условия для развития металлопромышленности сложились в странах африканского Средиземноморья, что объясняется их относительной близостью к Европе. Однако, несмотря ни на выгодное географическое положение, ни на появление здесь первых заводов передельной металлургии (в Ороне, Касабланке, Александрии), металлообрабатывающая промышленность стран Северной Африки не получила должного развития за долгие годы колониального господства. Ее отдельные островки были приурочены также к портовым центрам.

С завоеванием национальной независимости проблеме расширения металлообрабатывающего производства в странах Африки стало уделяться несколько большее внимание. Быстрая урбанизация континента и формирование местных городских рынков оказали заметное влия-

ние на экономическую политику многих государств, предусмотревших планами национального развития выпуск простейших орудий труда и металлоизделий бытового назначения. Правда, недостаток финансовых средств ограничивает возможности развивающихся стран и вынуждает их по-прежнему широко открывать двери иностранному монополистическому капиталу.

Из целого комплекса факторов, непосредственно влияющих на развитие и размещение металлообрабатывающего производства в Африке, порой весьма затруднительно выделить главные и второстепенные. В каждом конкретном случае доминирующих факторов бывает сразу несколько.

Так, продолжающуюся концентрацию металлопромышленности в прибрежных районах нельзя объяснить только тем, что многие виды импортных товаров, используемых в промышленном производстве (дизельное топливо, металл, оборудование, детали и узлы для сборочных предприятий), в портовых городах дешевле, чем в глубинных районах, где цена этих товаров возрастает за счет дополнительных транспортных издержек. Не менее важную роль играют и другие факторы, как-то: потребительский, энергетический, наличие в портовых центрах профессионально обученной рабочей силы и т. д.

В странах, несколько удаленных от морского побережья или имеющих слишком узкий выход к морю, металлообрабатывающие очаги крайне редки и приурочены в основном к столичным и крупным городам (Бамако в Мали, Кампала и Джинджа в Уганде, Киншаса и Лубумбаши в Республике Заир, Лусака в Замбии), что также связано со множеством очевидных преимуществ, вытекающих из самой хозяйственной роли этих городских поселений.

К сожалению, при оценке экспертами Экономической комиссии ООН для Африки размещения промышленности в Африке интересы внутриконтинентальных сторон учитываются далеко не всегда, а часто и полностью игнорируются. На это обстоятельство, в частности, указывали делегаты западноафриканских стран (Мали, Нигера, Сенегала) на ежегодной сессии Комитета ЭКА по вопросам развития промышленности, транспорта и освоения естественных ресурсов (1963 г., Аддис-Абеба), которые подвергли резкой критике один из докладов комитета, рекомендовавший строить современные предприятия исключительно в прибрежной зоне. Составители доклада исходили из необходимости понижения издержек производства путем уменьшения транспортных затрат.

Позиция в этом вопросе, занятая делегатами упомянутых африканских стран, вполне справедлива, ибо если исходить только из сравнительных величин авансированного капитала на сооружение предприятий в различных странах, то индустриальное развитие стран, отрезанных от морского побережья, практически невозможно будет когда-либо сдвинуть с мертвой точки. Особенно пагубно подобная экономическая политика отразилась бы на создании во внутренних районах металлоемких отраслей машиностроения, составляющих производственную базу промышленности.

Правда, в последние годы иностранный капитал шел на создание промышленных предприятий и в глубинных районах, что связано опять-таки с необходимостью минимизации транспортных расходов при переработке сельскохозяйственного или ископаемого сырья, а не с учетом потребности развивающихся стран в металлообрабатывающей и других жизненно важных для них отраслей обрабатывающей промышленности. В числе иностранных предприятий подобного типа достаточно

назвать заводы по переработке арахиса в Северной Нигерии (перевозка по железной дороге арахисового масла обходится дешевле, чем перевозка большого количества арахиса), лесопромышленный комплекс во внутренней Гане (в связи с малопригодностью речной системы для сплава леса), многочисленные предприятия по производству малотранспортабельных продуктов или продуктов, предназначенных для продажи на местном рынке (заводы по производству пальмового масла, фруктовых соков, газированных вод и т. п.).

Количество же предприятий металлургии и металлообработки, построенных иностранным капиталом во внутренних районах Африки, исчисляется единицами.

Что касается различий в размещении отдельных отраслей и подразделений металлообработки, то они незначительны и сводятся главным образом к большей или меньшей удаленности предприятий от побережья в зависимости от абсолютного веса и размеров используемых импортных деталей и реже — от степени самостоятельности производства. Так, для электротехнической и велосипедной промышленности (выпуск радиоаппаратуры, аккумуляторов, сборка велосипедов) характерно проникновение во внутренние районы, в то время как наличие автосборочных предприятий вдали от моря является скорее исключением из общего правила.

Во многих странах Африки отчетливо прослеживается территориальная неустойчивость металлообрабатывающих предприятий (преимущественно сборочных заводов). Это явление объясняется временным характером многих предприятий отрасли, появляющихся и исчезающих (или меняющих свой профиль) по мере выполнения торговых сделок. В качестве примера можно привести автосборочные мастерские в городах Момбаса (Кения) и Порт-Харкорт (Нигерия), где до недавнего времени сборка автомобилей носила эпизодический характер. Подобной неустойчивостью характеризуются и многочисленные предприятия, относящиеся к сфере мелкого кустарно-ремесленного производства, владельцы которых либо разоряются, либо переключаются на выпуск других товаров (не металлоизделий) в результате конкуренции более дешевых импортных товаров. Это обстоятельство затрудняет территориальный анализ металлообрабатывающей промышленности африканских стран и одновременно свидетельствует о крайне низком уровне ее развития.

1. Алешина И. В., Проблемы управления экономикой развивающихся стран и вопросы теории, — в кн.: «Проблемы развития и управления экономикой развивающихся стран» (Материалы научной конференции, Л., 1968), М., 1970.
2. «ООН. Европейская Экономическая Комиссия. Машиностроение и индустриализация», Нью-Йорк, 1968.
3. «ООН по промышленному развитию. Обзор промышленного развития» (Материалы международного симпозиума по промышленному развитию, Афины, 1967), Нью-Йорк, 1969.
4. «The Growth of World Industry 1953—1965», New York, 1967.
5. «Nachrichten der Aussenhandel», Berlin, 1962, № 197.

М. М. Голубчик

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛЕСНЫХ РЕСУРСОВ СТРАН АФРИКИ

Многие страны Африки располагают значительными лесными ресурсами, которые, однако, используются явно недостаточно и весьма нерационально. Характерными чертами хозяйственного освоения африканских лесов (как и лесных ресурсов других развивающихся стран) являются хищническое истребление легко доступных для эксплуатации лесных массивов (при наличии больших запасов перестойной древесины в лесах, отдаленных от морского побережья, в глубинных районах), низкий уровень развития лесной промышленности и лесного экспорта, чрезвычайно слабое развитие глубокой — химической и физико-механической — переработки древесины.

I

По имеющимся оценкам, доступные леса Африки составляют только около 50% общей площади лесов (т. е. примерно 380 млн. га). Однако в хозяйственном отношении используется еще меньше — лишь 31% доступных лесов (менее 120 млн. га), тогда как в целом по земному шару этот показатель достигает 55%, в зарубежной Азии — 73, а в зарубежной Европе — 97% [16, стр. 9]¹.

Но так или иначе заготовки круглого леса в Африке растут: с 1948 по 1967 г. они увеличились в 2,5 раза, в то время как мировой объем лесозаготовок за этот же период вырос только в 1,5 раза. Удельный вес Африки в мировых заготовках древесины (всех видов) проявляет тенденцию к росту, но остается еще низким, не соответствующим большим возможностям рационального хозяйственного освоения богатых лесных ресурсов этого континента (табл. 1)².

Как видно из табл. 1, доля Африки в мировом объеме лесозаготовок достигла в 1967 г. 11,5% (в 1937 г. она составляла 6,0%). Значи-

¹ По данным известного специалиста по мировой лесной экономике И. Векка, площадь освоенных (в транспортном отношении) лесов Африки составляет 34,5% (284 млн. га), а эксплуатируемых лесов — 13,0% (108 млн. га) общей лесной площади; по последнему показателю Африка среди крупных регионов земного шара «превосходит» лишь Латинскую Америку (9%) [32, стр. 6, 9].

² Все виды лесорастительных тропических формаций Африки (346,7 млн. га) могут давать, по оценке некоторых специалистов, 857,6 млн. т (в пересчете на сухой вес), или 1,2 млрд. м³, древесины в год. В 1967 г. заготовки составили 242 млн. м³ [19, стр. 635; 30, стр. 154].

Таблица 1

**Удельный вес Африки в мировом объеме
лесозаготовок***

Год	Мировой объем заготовок круглого леса, млн. м ³	Заготовки круглого леса в Африке	
		млн. м ³	процент к мировому объему
1948	1380	95,9	6,9
1953	1670	165,4	9,9
1963	1960	222,0	11,3
1964	2030	225,3	11,1
1965	2060	232,9	11,3
1966	2070	137,4	11,5
1967	2100	241,8	11,5
В том числе:			
древесина хвойных пород	1010	6,9	0,7
древесина лиственных пород	1090	234,9	21,6

* [29, стр. 152; 30, стр. 154—155].

тельно выше (21,6%) удельный вес Африки в мировых заготовках древесины лиственных пород, и одновременно ничтожно мала (0,7%) роль континента в общемировых заготовках хвойных пород (характерно, что в мировом объеме заготовок крупного леса хвойные породы немногим уступают лиственным: в 1967 г. соответственно 48,1 и 51,9%).

В размещении заготовок круглого леса, как и в размещении лесных ресурсов, в Африке проявляется большая неравномерность: в 1965—1967 гг. примерно 50% всех заготовок приходилось на крупный регион Западная Африка, включающий собственно Западную и Центральную Африку (вместе с Анголой, Руандой и Бурунди); 35% — такая примерно доля Восточной Африки и 15% — Северной и Южной Африки. Среди отдельных стран по размерам лесозаготовок выделяются Нигерия (50,8 млн. м³ в 1966 г.), Эфиопия (26,1 млн. м³ в 1967 г.), Судан (20,4 млн. м³ в 1966 г.), а также Заир, Танзания и Уганда, заготавливающие по 10—12 млн. м³ древесины всех видов — топливной и деловой.

Важной характеристикой уровня развития лесной промышленности Африки является не столько общий объем лесозаготовок, сколько объем и удельный вес заготовок деловой древесины. И здесь ярко проявляется низкий уровень экономического развития африканских стран:

в структуре лесозаготовок резко преобладает топливная древесина при небольшой доле деловой древесины;

роль Африки в мировых заготовках деловой древесины невелика.

В 1968 г. 86,6% всех лесозаготовок в странах Африки составила топливная древесина (во всем мире — 43,8%), причем ее удельный вес хотя и сокращается, но очень медленно (в 1948 г. — 93%)³. Вместе с тем возросла доля Африки в мировых заготовках топливной древесины — с 12,7% в 1954 г. до 23,0% в 1968 г., и остается чрезвычайно низким ее удельный вес в мировых заготовках деловой древесины — 2,8%

³ Ни один из крупных регионов земного шара не имеет такой нерациональной структуры лесозаготовок; доля деловой древесины в общем объеме заготовок круглого леса в Африке наиболее низкая в мире.

в 1968 г. (в 1954 г.—1,3%) [см. 16, стр. 9; 27а, № 3, стр. 391]. При этом $\frac{3}{4}$ заготовленной деловой древесины без какой-либо обработки экспортируется.

Еще более незначительна роль Африки в мировой лесоперерабатывающей промышленности: так, например, по данным на 1969 г., удельный вес Африки в мировых мощностях по производству пиломатериалов, клееной фанеры, древесноволокнистых и древесностружечных плит составлял 0,8—1,4% [13, 1969, № 2, стр. 4—5]⁴.

Продукция лесной и целлюлозно-бумажной промышленности является важной статьёй импорта африканских (в том числе и «лесных») стран, причем ввоз этой продукции в Африку превосходит ее вывоз (в 1960 г.—268,8 млн. и 148,4 млн. ам. долл.; в 1966 г.—381,6 млн. и 311,4 млн. ам. долл.) [5, стр. 21]. Более половины импорта лесной продукции приходится на бумагу и картон; многие страны Африки ввозят топливную древесину, хвойный круглый лес и хвойные пиломатериалы, крепежный лес и другие виды лесной продукции.

В общем для африканских стран характерен самый низкий уровень душевого потребления пиломатериалов, фанеры, бумаги⁵ и других видов продукции деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности (табл. 2).

Таблица 2

Потребление пиломатериалов и фанеры*,
м³ на 1 тыс. жителей,

	Пиломатериалы			Фанера		
	1955 г.	1960 г.	1965 г.	1955 г.	1960 г.	1965 г.
Африка	10	9,7	9,4	0,3	0,4	0,7
Мир в целом	110	112	111	3,3	5,1	7,1
В том числе:						
экономически развитые страны	302	317	327	11	15	22
развивающиеся страны	18	17	17	0,3	0,4	0,6
Северная Америка	576	487	492	34	48	69
Латинская Америка	72	57	55	1,4	1,1	2,1
Европа (без СССР)	169	176	188	4,9	6,5	8,3

* [28, стр. 643—644].

Вместе с тем необходимо отметить сдвиги в развитии лесной промышленности Африки: возрастает хозяйственное освоение лесных ресурсов и потребление древесины как сырья для предприятий лесопильной, мебельной, фанерной, целлюлозно-бумажной, лесохимической промыш-

⁴ В производстве лиственных пиломатериалов — 2,3%.

⁵ Одним из показателей экономической (и культурной) отсталости развивающихся стран Африки, одним из последствий колониального прошлого является ничтожно малое потребление газетной бумаги на душу населения. В 1965—1967 гг. оно составило (в кг): в Алжире — 0,7, Кении — 0,3, Марокко — 0,2, Нигерии — 0,1, Танзании — 0,1 (для сравнения: во Франции — 11,1, ФРГ — 12,4, Бельгии и Люксембурге — 14,0) [30, стр. 518—519]. Среднедушевое потребление бумаги и картона в 25 странах Африки, в которых отсутствует собственное производство бумаги и картона, составляет всего лишь 450 г в год (т. е. в 180—260 раз (!) меньше, чем во Франции, ФРГ и Великобритании). В 1968 г. общий объем импорта бумаги и картона этими странами составил 116,5 тыс. т, причем крупнейшими импортерами были Берег Слоновой Кости — 27,3 тыс. т, Замбия — 22,6 тыс., Танзания — 16,6 тыс. и Сенегал — 11,8 тыс. т [13, 1969, № 3, стр. 8—9; 27, № 7, стр. 183—184]. Характерно, что импортируемые африканскими странами бумага и картон используются в основном для упаковки экспортных товаров.

ленности, в строительстве и в других отраслях хозяйства. Особенно быстрый рост промышленного потребления наблюдается примерно с 1960 г.

Постепенно развиваются такие сложные отрасли переработки древесины, как производство клееной фанеры, древесностружечных и древесноволокнистых плит, целлюлозно-бумажная промышленность.

Наблюдаются значительные сдвиги в размещении лесоперерабатывающей промышленности, связанные с истощением запасов наиболее ценных древесных пород, имеющих экспортное значение, в прибрежных районах стран Западной и Центральной Африки; формируются новые центры и районы лесозаготовки и деревообработки.

Кратко рассмотрим эти процессы на примере некоторых развивающихся стран Африки, являющихся крупными поставщиками тропической древесины и продуктов ее переработки.

Первое место по заготовкам и экспорту круглого делового леса в Африке занимает *Республика Берег Слоновой Кости*. Общая лесная площадь этой страны составляет почти 24 млн. га [1, стр. 74].

В результате работ по учету запасов древесины на корню в большей части лесной зоны, которые провел в 1966 г. французский Центр тропического лесоводства, с высокой степенью точности была установлена площадь сомкнутого леса (для 1966 года!) — 7 млн. га [23]. Более 6 млн. га лесов к концу 1967 г. находилось в концессионном владении лесозаготовительных предприятий [18, стр. 20; 24, стр. 80]. Промышленная лесозаготовка развивается здесь с начала XX в., первоначально на востоке побережья Гвинейского залива, в районе Гран-Басама, постепенно продвигаясь вдоль железной дороги на север от Абиджана. В настоящее время выделяются три основных района лесозаготовки:

- 1) западный (между Ганьоа, Далоа, Маном и р. Сасандрой), дающий 60% лесной продукции,
- 2) центральный (западнее р. Бандама; между Уме, Диво, Ганьоа и Бвафле) — 20% продукции,
- 3) восточный прибрежный (между Абиджаном, Агбовилем, Абенгуру и Абоисо) — 15% продукции.

Формируется еще один лесопромышленный район — на западе страны, между р. Сасандрой и либерийской границей; развитие лесозаготовок в этом районе связано с сооружением нового морского порта — Сан-Педро, через который будет осуществляться вывоз древесины (лесозаготовительным портом для трех основных лесопромышленных районов является сейчас Абиджан).

Из примерно 200 древесных пород, насчитывающихся в лесах страны, эксплуатируется только около 30, в том числе сипо, обече, ироко, акажу, макоре и другие ценные породы. Несмотря на постоянное увеличение числа экспортируемых пород, преобладающее место в вывозе продолжают занимать всего лишь несколько пород (так, например, в 1967 г. сипо и обече составили 60% всего физического объема вывезенной древесины).

С 1959 по 1969 г. лесозаготовки выросли почти в восемь раз — с 545 тыс. до 4277 тыс. м³ [15а, стр. 8; 17, 1971, № 495, стр. 25]⁶.

⁶ Опередив в 1962 г. Габон, Берег Слоновой Кости вышел на первое место в Африке по экспорту делового круглого леса (в 1969 г. — свыше 3,3 млн. м³, т. е. почти 78% общего объема лесозаготовок) и занимает третье место в мире по вывозу тропической древесины.

При этом из года в год в общем объеме лесозаготовок увеличивается доля древесины, идущей на дальнейшую переработку на предприятиях страны: так, если в 1964 г. удельный вес переработанной древесины составил 17,7% общего объема заготовок, то в 1965 г. он возрос до 27%, а в 1966 г. — до 31%.

В развитии лесоперерабатывающей промышленности Берега Слоновой Кости проявляется тенденция как к увеличению переработки леса на месте, так и к росту экспорта готовой продукции и полуфабрикатов.

Число лесопильных предприятий в 1967 г. достигло 73 (в 1962 г. их было 31), однако большинство этих предприятий мелкие (так, 40 лесопильных заводов вырабатывают в год менее 5 тыс. м³ пиломатериалов каждый и лишь три крупнейших предприятия производят каждое более 30 тыс. м³ пиломатериалов в год) [17, 1967, № 445, стр. 45; 2, 1967, № 75].

Переработка древесины на предприятиях страны выросла (в тыс. м³) с 300 в 1963 г. до 695 в 1965 г., 790 в 1966 г. и 950 в 1969 г. Значительная часть вырабатываемых пиломатериалов экспортируется, причем экспорт возрастает более высокими темпами, чем производство; так, например, в 1966 г. из 285 тыс. м³ произведенных в стране пиломатериалов 185 тыс. м³ (или 65%) было вывезено (в 1960 г. экспорт пиломатериалов составлял лишь 29 тыс. м³).

Постепенно развивается фанерная промышленность, представленная в основном пятью предприятиями, которые вырабатывают облицовочную (шпон), ножевую и клееную фанеру. Кроме того, деревообрабатывающая промышленность страны производит ящичную тару, мебель, судовую дощечку, спички, сборно-щитовые дома, наборный паркет и некоторую другую продукцию.

Деревообрабатывающие предприятия страны размещены в районах лесозаготовок, вблизи морских портов и крупных центров потребления — главным образом вокруг Абиджана, на побережье Гвинейского залива — от Гран-Лаху до Береби и вдоль железной дороги Абиджан — Димбокро.

По мере истощения прибрежных лесных массивов, истощения путем снятия «сливок» — эксплуатации наиболее ценных экспортных пород — лесосеки продвигаются в глубь страны, и поэтому новые предприятия создаются к востоку (в направлении к Абенгуру) и к западу от названной выше железной дороги (по обе стороны автодороги Ганьоа — Далоа — Двекве — Гигло), т. е. протекает процесс деконцентрации лесоперерабатывающей промышленности. Это, несомненно, создает дополнительные трудности, связанные с транспортировкой древесины к морским портам.

Дальнейшее развитие лесной промышленности упирается также в проблему расширения рынка сбыта лесоматериалов как внутри страны, так и за ее пределами.

Спрос на пиломатериалы на внутреннем рынке ограничен, узок⁷, к тому же в некоторые годы цены на круглый лес на внешнем рынке вдвое превышают внутренние цены, что стимулирует вывоз необработанной древесины в ущерб снабжению местной деревообрабатывающей промышленности. Чтобы обеспечить последнюю сырьем, правительство Берега Слоновой Кости обязало лесозаготовителей сбывать на местном

⁷ В 1967 г. потребности внутреннего рынка составляли примерно 100 тыс. м³ пиломатериалов, 5 тыс. — окоренного круглого леса и 3,5 тыс. м³ — фанеры [2, 1967, № 75].

рынке определенную часть продукции: 10% — непосредственно промышленным предприятиям, 15% — потребителям, связанным с промышленностью, и 20% — прочим потребителям. Кроме того, крупные лесозаготовительные компании сами обзавелись деревообрабатывающими предприятиями.

Развитие потребления лесоматериалов внутри страны зависит и от расширения ассортимента выпускаемой продукции, но в конечном итоге оно определяется общим подъемом экономики страны, развитием строительства, всех отраслей хозяйства, потребляющих древесину.

Как уже было отмечено, вывоз древесины из Берега Слоновой Кости приобрел большие размеры, но, несмотря на значительное увеличение экспорта пиломатериалов, в лесном экспорте по-прежнему резко преобладает круглый лес. В 1950—1960 гг. наблюдался постоянный рост удельного веса древесины в экспорте страны, в результате чего она заняла третье место (после кофе и какао). С 1963 г. древесина выдвинулась на второе место (после кофе), а к 1970 г. впервые заняла ведущее место в экспорте страны — около 30% в стоимостном выражении [14а, стр. 151; 15а, стр. 8].

По производству и вывозу пиломатериалов первенство среди развивающихся стран Африки принадлежит Гане. Сомкнутые высокоствольные леса занимают 34,5% территории страны (8,22 млн. га, из них 1,52 млн. га резервировано в качестве постоянных лесонасаждений и 1,12 млн. га — продуктивные леса).

Здесь, как и в Береге Слоновой Кости, очень ограничен круг экспортируемых древесных пород. Из 190 видов древесной растительности экономическое значение имеют только 26, причем на долю лишь пяти пород (обече, акажу, макоре, сипо и ее разновидность — сапелли) приходится более 80% стоимости всего лесного экспорта Ганы.

Лесоперерабатывающая промышленность Ганы — одна из самых современных и высокопроизводительных среди отраслей лесной промышленности Западной и Центральной Африки. На 43 лесопильных заводах и 4 фанерных предприятиях перерабатывается около 40% всего заготовляемого круглого делового леса (всего заготавливается деловой древесины примерно 2 млн. м³, в том числе пиловочника и фанерных кражей — 1,5 млн. м³). 32 из 36 лесопильных предприятий, работающих на внешний рынок, сосредоточены в районе Кумаси.

Не случайно, что в основном в этом районе в значительной степени уже вырублены наиболее доступные для эксплуатации лесные массивы, вследствие чего экспорт деловой древесины в 1960—1965 гг. сократился почти в 1,5 раза.

Очень «перспективной лесной» страной Центральной Африки является Габон. Считается, что эта страна занимает прочные позиции на международном рынке древесины, несмотря на острую конкуренцию со стороны других стран — экспортеров лесоматериалов, и имеет благоприятные возможности для расширения сбыта [см. 2, 1970, № 11].

Общая площадь лесов Габона составляет 225 тыс. км², т. е. свыше 84% территории страны [17, 1966, № 443, стр. 28]. Главной экспортной породой здесь выступает окуме, порода, пользующаяся большим спросом на западноевропейском рынке и занимающая поистине господствующее положение в общем объеме лесозаготовок (в 1968 г. ее удельный вес составил 82%). Кроме того, эксплуатируется еще около 40 пород, в том числе озиге, акажу, сипо, иломба, лимба и др.

В Габоне, как и в соседней Народной Республике Конго, выделяют две зоны лесозаготовки:

а) первая, приморская, ограниченная на востоке порогами на ре-

ках, впадающих в Атлантический океан (реки используются для сплава леса к побережью),

б) вторая, внутренняя, расположенная восточнее цепи порогов, труднодоступная и удаленная от побережья.

Общая площадь лесоэксплуатационных концессий и резервированных лесных угодий в 1969 г. превысила 3 млн. га, причем 96% площади концессий сосредоточено сейчас во внутренней зоне, куда переместились лесоразработки в связи с тем, что ресурсы товарной древесины в приморской зоне почти повсюду истощены. С 1963 г. ведутся дорожно-строительные работы с целью расширения выхода из второй зоны к побережью.

Транспортировка древесины к портам вывоза является главной проблемой лесной промышленности Габона; при этом необходимо подчеркнуть, что создание системы инфраструктуры, необходимой для развития лесоэксплуатации, требует больших капиталовложений.

Заготовки древесины ограничены по существу лишь узкой полосой вдоль западной окраины экваториального массива влажнотропических лесов. Внутренняя же часть этого массива, обладающая огромными ресурсами древесины, располагает менее благоприятными возможностями для их эксплуатации (глубинные районы расположены вне зоны произрастания окуме, на обширных пространствах заболочены и слишком удалены от побережья).

Лесоперерабатывающая промышленность Габона представлена примерно 20 лесопильными заводами, несколькими предприятиями однослойной фанеры (два из них — в Ндоле и Порт-Жантале — введены в эксплуатацию в 1966 г.) и фабрикой многослойной фанеры в Порт-Жантале, одной из крупнейших в мире, принадлежащей «Компани франсэз дю Габон». О размерах лесозаготовок, деревообработки и экспорта древесины из Габона дает представление таблица 3.

Таблица 3

Продукция лесной промышленности Габона и ее экспорт *

	1967 г.**	1968 г.
1. Объем заготовок деловой древесины, тыс. м ³	1684	2163
В том числе:		
окуме	1462	1773***
прочие породы	222	390
2. Поставки древесины на местные заводы, тыс. т	134 (1966 г.)	108
3. Производство пиломатериалов, тыс. м ³	...	53
4. Производство однослойной фанеры, тыс. м ³	20	8
5. Производство клееной (многослойной) фанеры, тыс. м ³	...	69****
6. Экспорт необработанной древесины, тыс. т	786,8	873,6
В том числе окуме	643,8	678,8

* [17, 1969, № 477; 2, 1970, № 11].

** Общий объем заготовок всех видов древесины в 1967 г. составил 2,6 млн. м³.

*** Товарная продукция древесины окуме в 1968 г. составила 842,6 тыс. т.

**** Почти вся производимая в стране многослойная фанера экспортируется.

Большие возможности для дальнейшего расширения лесоэксплуатации в Габоне откроются в связи с намечаемым строительством железной дороги от нового морского порта — Овендо (близ Либревилья) в направлении Белинга, на северо-восток страны, в район крупных железнодорожных месторождений. Речь идет прежде всего об участке Овендо — Бове (протяженность 332 км), который соединит морское побережье с центром страны и позволит значительно снизить стоимость транспортировки древесины из района Бове, где в 1968—1972 гг. осуществляется программа расширения лесозаготовок, финансируемая ФАО. Железная дорога Овендо — Бове⁸ приведет к существенному росту заготовок древесины в центре страны; кроме того, на ее строительство потребуется 1,2 млн. шпал, которые будут изготовлены на предприятиях Габона.

Благоприятные перспективы для развития лесной и деревообрабатывающей промышленности имеются также и в соседних с Габоном странах — в Федеративной Республике Камерун и Народной Республике Конго (НРК).

Общая лесная площадь *Камеруна* составляет 24,1 млн. га (50% территории страны), в том числе в Восточном Камеруне — 22,9 млн. га. Эксплуатируется 3,5 млн. га лесов; важнейшими товарными древесными породами являются азобе, обече, иломба, дусье, сипо, ироко, лимба.

Объем заготовок древесины в 60-е годы значительно вырос (с 365 тыс. м³ в 1961 г. до 600 тыс. в 1967 г.). Увеличился и экспорт древесины, в котором главную роль играет круглый лес⁹.

В географии лесозаготовительной и деревообрабатывающей промышленности Камеруна происходят существенные сдвиги. До недавнего времени лесоразработки были сосредоточены в прибрежных районах, вблизи крупных городов и в узкой полосе вдоль железных дорог Двала — Яунде (с веткой на Мбалмайю) и Двала — Нконсамба; здесь же сосредоточены (и до сих пор) почти все лесопромышленные предприятия: в юго-восточном районе было лишь три предприятия, в восточном — одно.

В связи с истощением ресурсов товарной древесины в «старых» лесозаготовительных районах (на западе и частично в центре страны), а также благодаря введению (в 1969 г.) в эксплуатацию первого участка Транскамерунской железной дороги (Яунде — Белабо) наблюдается тенденция к перемещению лесозаготовок в восточные районы страны.

Необходимым условием освоения лесных ресурсов этих районов (как и в Габоне) является создание и развитие инфраструктуры (сооружение новых и улучшение существующих лесовозных дорог, связывающих районы лесозаготовок с железными дорогами, оборудование складских помещений в пунктах перевалки леса с автотранспорта на железную дорогу, расширение локомотивного и вагонного парков и т. п.).

Решению вопросов инфраструктуры на востоке Камеруна способствует строительство Транскамерунской железной дороги, которую к 1974 г. намечено довести до Нгаундере [17, 1970, № 483, стр. 9—11].

⁸ Считается, что этот проект экономически оправдан независимо от последующего продолжения железной дороги до Белинга или Мванды (месторождение марганцевой руды), ибо он рассчитан в первую очередь на то, чтобы дать расположенным в глубине страны районам лесоразработок удобный выход к морю [17, 1969, № 477; 2, 1970, № 11].

⁹ В 1968 г. вывоз круглого леса (329 тыс. м³) почти в 13 раз превосходил экспорт пиломатериалов (26 тыс. м³) [25, 1970, № 1306, стр. 346].

С освоением лесных ресурсов восточных и юго-восточных департаментов Восточного Камеруна площадь используемых лесов во всей республике возрастает до 5,2 млн. га. Предполагается, что к 1973—1974 гг. вывоз леса из Камеруна достигнет 1,3 млн. м³ кругляка (в 1969 г. было вывезено немногим более 0,2 млн. м³) и 120 тыс. м³ пиломатериалов (в 1969 г.—около 17 тыс. м³) [18, стр. 22; 1969, № 189, стр. 689].

Современная деревообрабатывающая промышленность Камеруна обеспечивает в основном внутренние потребности страны. Эта отрасль представлена примерно 30 лесопильными заводами, двумя фанерными предприятиями, 10 мебельными фабриками и крупными механизированными столярными мастерскими; кроме того, в стране насчитывается большое количество мелких кустарных деревообрабатывающих предприятий.

Значительны и лесные ресурсы *Народной Республики Конго*, общая лесная площадь которой составляет 16,25 млн. га, или 47,5% территории страны [1, стр. 75]. Как и в странах, рассмотренных выше, эксплуатация лесных ресурсов до последних лет ограничивалась здесь прибрежными районами — лесным массивом Майомбе.

С 1964—1966 гг. происходят сдвиги в размещении лесозаготовок: с введением в эксплуатацию железной дороги «Комилог» (Мбинда — Бела)¹⁰, главным назначением которой является вывоз габонской марганцевой руды из района Франсвиля, появилась возможность развития эксплуатации лесного массива на юге гор Шайю, богатого окуме.

В связи с этим произошли изменения и в составе эксплуатируемых пород: если до 1964 г. экспортировалась в основном древесная порода лимба, то затем ее вытеснила древесина окуме, экспорт которой увеличился с 34 тыс. т в 1960 г. до 178 тыс. т в 1966 г., тогда как вывоз древесины лимба сократился — соответственно со 180,6 тыс. до 163,0 тыс. т¹¹. За тот же период стоимость всей реализуемой древесины более чем удвоилась — с 2,4 млрд. до 5,6 млрд. афр. фр. Деревообрабатывающие предприятия страны в 1967 г. выработали 39 тыс. м³ пиломатериалов, 53,9 тыс. м³ шпона и 49,9 тыс. м³ фанеры [12, стр. 141; 25, 1968, № 369, стр. 12].

Хозяйственное освоение лесных ресурсов занимает чрезвычайно важное место в экономике НРК. Так, в 1967 г. (без учета реэкспорта алмазов) на лесозаготовительную промышленность падало 52,4%, а на деревообрабатывающую — 11,2% всего экспорта страны [12, стр. 141].

Краткий обзор некоторых сторон освоения лесных ресурсов в пяти странах Западной и Центральной Африки показывает определенные положительные сдвиги в развитии заготовок, переработки и экспорта древесины «лесных» африканских стран, но одновременно вскрывает существенные недостатки и трудности этой сферы африканской экономики, прежде всего:

нерациональность выборочного использования чрезвычайно узкого круга товарных древесных пород, имеющих экспортное значение, в легкодоступных лесных массивах, тяготеющих к морским портам, что привело к хищническому уничтожению лесных ресурсов в приморских районах;

¹⁰ Эта железная дорога (строительство завершено в 1962 г.) является ответвлением железнодорожной магистрали Конго — Океан (Браззавиль — Пуэнт-Нуар) и часто называется «дорогой Комилог» по имени ее владельца — международной «Компани миньер де л'Огове».

¹¹ В 1968 г. заготовки этих двух пород составили: окуме — 265 тыс. м³ и лимба — 160 тыс. м³ [17, 1970, № 480—481, стр. 40—41], а по общему экспорту круглого леса НРК выдвинулась на третье место в Африке [25, 1970, № 1306, стр. 346].

невозможность рационального размещения лесозаготовок по территории отдельных стран ввиду слабого развития инфраструктуры и большая зависимость заготовок и экспорта древесины от строительства новых железных и автомобильных дорог; вывоз древесины к центрам лесопереработки и лесоэкспортным портам остается одной из важнейших проблем развития лесной промышленности Африки.

II

Экспорт древесины из «лесных» африканских стран, несмотря на его существенные недостатки (преобладание необработанной древесины, весьма ограниченный набор экспортируемых пород и др.), занимает значительное место в экономике целого ряда молодых государств (особенно рассмотренных выше) и служит важным источником инвалютных поступлений.

В структуре всего африканского экспорта, по итогам 1965 г., лес и лесоматериалы занимают седьмое место (2,7% по стоимости) после арахиса [12, стр. 43]¹².

В 1967 г. экспорт кряжей лиственных пород из Африки достиг 5,4 млн. м³ (22% мирового экспорта этого товара), из них 4 млн. м³ (74%) поставили Берег Слоновой Кости, Габон, Народная Республика Конго и Камерун. Вывоз пиломатериалов в том же году составил 684 тыс., а ножевой и клееной фанеры — 120 тыс. м³ (15,6% мирового экспорта) [27, стр. 1513].

Основными потребителями африканской древесины являются развитые капиталистические страны Западной Европы.

Европейский рынок лесных материалов лиственных пород в 50-х и 60-х годах XX в. характеризовался значительным увеличением импорта тропической, преимущественно африканской, древесины. При этом объем импорта из Африки круглого леса остается неизмеримо большим, чем пиломатериалов (в то же время в импорте лесоматериалов из стран Юго-Восточной Азии преобладают пиломатериалы).

В 1966 г. в европейском импорте кругляка лиственных пород удельный вес тропической древесины достиг 78% (против 54% в 1937 г.), в том числе доля Африки составила 73%; в импорте пиломатериалов доля тропической древесины — 43% (в 1937 г. — 12%), из них 21% приходился на африканскую продукцию [10].

Основными странами — импортерами африканской древесины являются ФРГ, Великобритания, Франция, Нидерланды, Бельгия (с Люксембургом), Дания и Италия.

В качестве же главных поставщиков тропической древесины из стран Африки выступают Берег Слоновой Кости¹³, Габон, Гана, НРК, Нигерия, Камерун и Республика Заир, т. е. ведущие «лесные» страны Западной и Центральной Африки.

Половина общего экспорта бревен из этих районов Африки в Европу составляет древесина двух пород — обече и окуме; на долю пяти других важных экспортных пород (сипо, лимба, акажу, сапелли и ма-

¹² Возможно, теперь речь идет уже о восьмом месте, так как после 1965 г. значительно вырос экспорт железной руды из африканских стран, но так или иначе древесина занимает место в первой десятке товаров, экспортируемых Африкой.

¹³ По экспорту бревен тропических лиственных пород в европейские страны Берег Слоновой Кости в 1967 г. прочно занимал первое место (в названные выше западноевропейские государства было вывезено 1,8 млн. м³; вывоз Габона, занимавшего второе место, — около 1 млн. м³); по экспорту тропических лиственных пиломатериалов Берег Слоновой Кости уступал только Малайзии [7, стр. 8—9, 20].

коре) приходится еще 25%, т. е. $\frac{3}{4}$ всего вывоза круглого леса составляет древесина лишь семи пород. В будущем предполагается расширение этого ассортимента за счет других пород, еще мало известных на европейском рынке, но имеющих в достаточном количестве в африканских странах и обладающих качествами, которые делают их пригодными для промышленной обработки.

В предварительном обзоре перспектив развития европейского рынка лесоматериалов, подготовленном ФАО и Европейской экономической комиссией ООН (ЕЭК) в 1969 г., отмечено, что лесные ресурсы Западной и Центральной Африки, удовлетворяющие «большую часть потребностей Европы в твердой древесине тропических пород, все еще обширны, но в более доступных районах к настоящему времени уже в основном „сняты сливки“ с основных коммерческих пород... С европейской точки зрения твердая древесина тропических пород восполняет пробел в поставках декоративной и высококачественной древесины для строительства и изготовления мебели, которые становится все труднее и труднее удовлетворять за счет внутренних источников. В последние годы пиломатериалы тропических пород... также стали заменять мягкую и твердую древесину европейских пород для столярных работ. Поэтому представляется, что в Европе обеспечен в будущем рынок для твердой древесины тропических пород, однако быстрый рост импорта, наблюдавшийся в послевоенный период, по-видимому, уступает место более медленному расширению торговли» [8, стр. 282—283].

Кроме того, в обзоре указано на стремление тропических стран в ближайшем будущем внести положительные структурные изменения в состав экспортируемых лесоматериалов: «заменить доминирующий сейчас строевой материал (бревна) большей долей переработанных продуктов и полуфабрикатов (пиломатериалы, фанера и т. д.)» [8, стр. 250].

Эта тенденция, неразрывно связанная с развитием деревообрабатывающей промышленности, уже начинает проявляться в африканских лесозэкспортирующих странах.

III

Дальнейшее рациональное и эффективное хозяйственное использование лесных ресурсов стран Африки невозможно без кардинального решения проблем лесовосстановления, создания искусственных лесопосадок.

Значение этих проблем очень велико, и актуальность их не случайна.

Подсечно-огневая система земледелия и колонизация Африки капиталистическими державами с ее экономическими последствиями (развитие плантационного хозяйства, хищническая эксплуатация немногих товарных древесных пород и др.) явились важнейшими социально-экономическими факторами, приведшими к сведению огромных лесных массивов.

Известный французский биолог Ж. Дорст приводит мнение Шантца (Shantz H. C.) о том, что площадь тропических лесов Африки уменьшилась на $\frac{2}{3}$ [см. 4, стр. 142]. Ж. Дорст подчеркивает, что «в Африке уничтожение растительности, несомненно, усилилось после проникновения европейцев на этот континент и включения его в сферу мирового производства...» [4, стр. 32]. «Помимо участков местных жителей, занятых под посадками и посевами, большие пространства были разделаны европейцами под плантации, продукция которых шла на экспорт. Стремление же получить с них максимальные прибыли в минимальные

сроки привело к массовому сведению лесов и одновременно к обеднению почв (курсив наш. — М. Г.)» [4, стр. 141—142]. Далее Дорст отмечает, что африканским лесам также угрожает хищническая эксплуатация ценных древесных пород. На о-ве Мадагаскар, например, за 50 лет французского господства было истреблено свыше 3 млн. га лесов [14, стр. 104]. В Гане сведено 5,5 млн. га лесов и на их месте либо созданы плантации какао, либо местное население занимается подсечно-огневым земледелием [31, стр. 1481].

О тяжелом состоянии лесного хозяйства Африки в результате массовой хищнической вырубке ценных древесных пород, что причиняло ущерб целым лесным массивам, свидетельствуют сравнительные данные по континентам о среднегодовом приросте древесины на корню в эксплуатируемых лесах (в млн. м³, с корой): Европа (без СССР) — 330, Северная Америка — 820, Южная Америка — 195, Азия (без СССР) — 429, Африка — 105 (в том числе 100 — прирост за счет лиственных пород) [22, стр. 5].

Таким образом, в 1967 г. заготовки круглого леса в Африке в 2,3 раза превысили среднегодовой валовой прирост древесины.

Прирост древесины лиственных пород эксплуатируемых лесов Африки в расчете на 1 га составляет всего лишь 0,8 м³ против 2,0 м³ в среднем по лиственным лесам земного шара; 2,3 м³ — в Европе (без СССР), 2,2 — в Северной Америке, 2,6 — в Южной Америке и 2,6 м³ в Азии (без СССР) [22, стр. 5].

Огромный ущерб нанесен и продолжает наносить лесным ресурсам Африки система подсечно-огневого земледелия. Господство этой системы явилось главной причиной сокращения лесных площадей, например, в Камеруне, где за последние сто лет северная граница влажнотропических лесов отступила на юг примерно на 200 км.

Ярким примером массового сведения лесов в результате подсечно-огневой системы земледелия и хищнических методов лесозаготовки может служить Берег Слоновой Кости, где за внешним благополучием развития лесной промышленности и экспорта лесоматериалов скрываются многие острейшие проблемы ускоренного обезлесения, крайняя необходимость срочных больших работ по лесовосстановлению.

В отчете Экономической комиссии ООН для Африки (ЭКА) о тенденциях и перспективах развития африканского рынка древесины (1964 г.) было отмечено, что каждый земледelec в Республике Берег Слоновой Кости в течение своей активной жизни выкорчевывает в зоне густых лесов в среднем 4 га леса [см. 19, стр. 8]. По имеющейся оценке, в этой стране при огневой расчистке леса для нужд земледелия погибает не менее 1 млн. м³ коммерчески ценной древесины. По этой же причине за 1956—1966 гг. площадь сомкнутого леса сократилась почти на 30% — с 9,8 млн. до 7 млн. га. Установлено, что степень обезлесения наибольшая в районах, пограничных с саванной, где велико демографическое давление, — от 35 до 45% ¹⁴; наименьшая степень (менее 10% по сравнению с 1956 г.) — к северу от Далоа и на приморской низменности [23].

¹⁴ Наиболее угрожаемые зоны находятся в Центральном департаменте (доля деградированных лесов — 55% в восточной и 39% — в западной частях департамента) и в северных районах Южного департамента, где деградировано 34% лесного массива [17, 1969, № 469, стр. 49—50].

Деградация лесного массива на границе с саванной создает опасность изменения климата и, как следствие, ухудшение условий для возделывания создаваемых здесь крупных насаждений масличной пальмы.

Увеличение площадей расчистки для нужд африканского земледелия косвенно связано с лесозаготовкой и происходит в первую очередь на территориях лесопромышленных концессий.

Лесозаготовительные предприятия оказывают непосредственное влияние главным образом на видовой состав леса, но сомкнутый лес, как таковой, остается, так как на 1 га срубается обычно одно-два крупных дерева коммерчески ценных пород. Эта относительная «бедность» влажнотропических лесов товарными (в настоящее время!) породами приводит к непрерывному перемещению лесозаготовок.

Лесные дороги, создаваемые в процессе эксплуатации лесных ресурсов, делают легко доступной для заселения и сельскохозяйственного освоения территорию первичного сомкнутого леса.

Расчистив участок леса для возделывания сельскохозяйственных культур, африканские земледельцы забрасывают вновь освоенную землю уже через три-четыре года вследствие ее истощения, а их поля перемещаются вслед за лесосеками.

В результате все более и более расширяется зона расчистки.

Такая практика приводит к тому, что, по имеющимся оценкам, заготовка 10 м³ древесины влечет за собой сведение 2 га леса с запасами пригодной для эксплуатации древесины не менее 100 м³. Предполагают, что в результате значительного роста лесозаготовок с середины 1963 до середины 1966 г. сведено столько же леса, сколько за предыдущие 7 лет [23].

Вследствие увеличения объема заготовок и расширения сельскохозяйственных площадей в лесной зоне в ближайшие 10 лет ожидается истощение запасов таких ценных древесных пород, как сипо, кокроду, макоре.

Известный исследователь флоры влажных тропиков П. У. Ричардс в постскрипуме к своему фундаментальному труду о формациях влажнотропического леса подчеркивает, что если не будут приняты решительные меры, чтобы остановить истребление леса, «то весь тропический лес в целом может исчезнуть уже при нынешнем поколении, за исключением некоторых недоступных мест и маленьких „резервированных лесных массивов“, искусственно поддерживаемых главным образом для производства древесины. В лучшем случае сохранится только небольшая часть первоначального леса, а основная масса лесной формации, покрывавшей огромную часть земной поверхности в течение миллионов лет, обречена на гибель» [9, стр. 426].

Ричардс предупреждает о возможности больших отрицательных последствий истребления влажнотропического леса на ход эволюции растительности всего земного шара. Он считает, что экономическая ценность этого леса, выявленная и потенциальная, «сама по себе достаточна, чтобы стремиться сохранить оставшиеся площади первичного леса с гораздо большим рвением, чем это делалось до сих пор...» [9, стр. 428].

В некоторых молодых африканских государствах уже начал осуществляться ряд мер по охране лесных ресурсов, упорядочению их использования; создаются искусственные лесонасаждения, которые призваны не просто восстановить потери, но и обеспечить прочную сырьевую базу для растущей деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности.

По оценке ФАО и ЭКА, на середину 60-х годов общая площадь искусственных древесных насаждений в Африке составляла 2 млн. га, в том числе в Западной и Центральной Африке — 0,2 млн.; в Восточной — 0,6 млн.; Северной — 0,2 млн. и в Южной Африке — 1,0 млн. га

[25, стр. 58]; во второй половине 60-х годов продолжались работы по созданию новых массивов ценных древесных пород.

Значительная программа лесовосстановительных работ намечена в той же Республике Берег Слоновой Кости. В 1965 г. здесь был издан лесной кодекс, устанавливающий концессионный порядок лесоразработок, запрещающий огневую расчистку леса и предусматривающий создание национального фонда для финансирования лесовосстановительных работ. В 1967 г. начала работу государственная компания «Содефор», на которую возложена задача создавать ежегодно 2,5 тыс. га высокопродуктивных насаждений древесных пород (программа работ первой очереди предусматривает лесовосстановление на площади 60 тыс. га). В посадки включаются как местные (акажу, ниангон, сипо, самба и фрамуре), так и интродуцированные породы (окуме, тик и др.).

Продуктивность новых насаждений по достижении ими зрелого возраста (через 30—40 лет) составит 200—300 м³ товарной древесины с 1 га (в естественных же насаждениях она находится на уровне 5—7 м³/га). Таким образом, может быть обеспечен ежегодный прирост коммерческой древесины в объеме 500—750 тыс. м³ (примерно 1/6 заготовок 1967 г.) [17, 1969, № 469, стр. 50].

Большое значение придается искусственным лесонасаждениям как эффективной сырьевой базе для целлюлозно-бумажной промышленности; причем с этой целью широко используются посадки как африканских наиболее ценных пород (например, окуме), так и неафриканских (эвкалипт, американская сосна, тик и др.). Так, в Габоне, в районах Эстуарий и Среднее Огове, в качестве сырьевой базы целлюлозной промышленности создаются высокопродуктивные насаждения окуме (1 га насаждений в будущем будет давать около 250 т ценной древесины вместо 5—6 т, которые заготавливаются в настоящее время в естественных зарослях): до 1965 г. таких насаждений было создано 10,8 тыс. га, в 1965—1969 гг. — 11,2 тыс. и в 1970 г. было предусмотрено засадить еще 3 тыс. га [19, стр. 21; 17, 1969, № 477, стр. 35—36].

Вот уже более 10 лет лесная служба Народной Республики Конго производит опытные посадки (в районах городов Пуэнт-Нуар, Лудима и Браззавиль) с целью отбора ассортимента пород для производства сырья, используемого в целлюлозно-бумажной промышленности. Считается экономически более выгодным специально выращивать сырье в непосредственной близости от перерабатывающих предприятий. Основное внимание здесь уделяется созданию посадок различных видов эвкалиптов¹⁵ и тропических сосен.

* * *

По всей вероятности, роль лесных ресурсов Африки в мировой промышленности по переработке древесины в перспективе будет возрастать. Это связано с общей тенденцией увеличения значения лесных ресурсов развивающихся стран, обладающих большими площадями тропических лесов.

По прогнозу экспертов ФАС, за каждые 10 лет потребность всех стран мира в древесине увеличивается на 1/3; считается, что к 2000 г. она достигнет 5,4 млрд. т и ее никак нельзя будет покрыть приростом стволовой древесины в лесах, ныне относимых к промышленным [см. 6,

¹⁵ Уже к пяти годам деревья эвкалипта могут достигать высоты 20—22 м и диаметра 18—20 см (при запасах древесины 100—150 м³ на 1 га лесопосадок) [6, 1968, № 1, стр. 91]. На базе лесных посадок быстрорастущих пород уже работают целлюлозные предприятия в Анголе и Свазиленде.

1969, № 2, стр. 87]. В связи с этим международная конференция, созданная ЮНЕСКО для обсуждения научных основ использования и сохранения биосферы (Париж, сентябрь 1968 г.), подчеркнула, что мир стоит перед необходимостью широкого освоения лесов тропической зоны.

Американский журнал [15] считает, что проблема нехватки древесного сырья для производства бумаги и картона будет решаться после 1975 г. по трем основным направлениям: 1) более интенсивное использование имеющихся лесных ресурсов; 2) расширение существующих лесов; 3) создание новых лесных массивов. Причем последнее направление будет иметь особенно важное значение после 1975 г. Журнал отмечает, что, поскольку возраст спелости древостоев в странах тропического и субтропического климата в пять-десять раз ниже, чем в районах с умеренным климатом, имеется возможность быстро и с малыми затратами создавать в жарких странах лесные посадки, обеспечивающие при относительно малых площадях и расстояниях поставки дешевого древесного сырья.

Создание лесных культур всего на 5% территории Латинской Америки и Африки означало бы, по свидетельству этого журнала, появление новых лесов площадью 150 млн. га, что могло бы обеспечить поступление древесины в пять-десять раз больше, чем из всей Европы.

Кратко резюмируя изложенное выше, можно отметить, что к числу актуальных проблем лесного хозяйства и лесной промышленности стран Африки относятся:

— предотвращение дальнейшего истощения существующих лесных ресурсов, принятие мер по решительной борьбе с хищнической эксплуатацией африканских лесов, осуществляемой капиталистическими компаниями; организация тщательного изучения, инвентаризации лесных ресурсов и их действенной охраны,

— осуществление в широких масштабах лесовосстановительных работ; создание новых высокопродуктивных лесных массивов, состоящих из ценных древесных пород;

— развитие отраслей деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности с целью обеспечения стран Африки бумагой, картоном и другой продукцией и увеличения вывоза продуктов переработки древесины.

Решение этих проблем в национальных интересах развивающихся стран Африки возможно лишь в условиях благоприятного «политического» и «социально-экономического» климата, при высвобождении хозяйственного освоения лесных ресурсов из-под контроля иностранного капитала, интересами которого до сих пор в основном определяются характер, динамика и география эксплуатации наиболее ценных влажнотропических лесов в странах Западной и Центральной Африки.

В связи с этим знаменательным является декрет президента Народной Республики Конго, изданный в феврале 1971 г., по которому аннулированы лесные концессии, предоставленные трем крупным французским компаниям еще в годы колониального господства. В соответствии с этим декретом свыше 80 тыс. га конголезских лесов, расположенных в областях Квилу и Ниари, полностью изъяты из ведения французских компаний и переданы в собственность конголезского государства. «Новый декрет является еще одним шагом на пути к освобождению страны из-под власти иностранного капитала, к достижению экономической независимости» [8а, 17.II.1971, стр. 5].

Правительство НРК приступило к изучению потенциальных возможностей лесных ресурсов страны с целью более широкого и рационального

нального их использования. Результаты оценки лесных ресурсов должны оказать серьезное воздействие на экономическое развитие Конго, в особенности на развитие государственного сектора экономики, ибо лес — основное богатство страны и на долю продукции лесозаготовительной и деревообрабатывающей промышленности приходится более 50% общей стоимости экспорта НРК [8, 17.II.1971, стр. 5, 12.III.1971, стр. 5].

1. «Африка. Статистический сборник», М., 1969.
2. «Бюллетень иностранной коммерческой информации», М.
3. Васильев П. В., Земля лесная. Очерки о советских и зарубежных лесах, М., 1967.
4. Дорст Ж., До того как умрет природа, пер. с франц., М., 1968.
5. Костолевский М. М., Мировое производство, потребление и внешняя торговля лесными и целлюлозно-бумажными товарами (Обзорная информация), М., 1969.
6. «Лесное хозяйство», М.
7. «ООН. ФАО, ЕЭК. Ежегодный обзор лесных товаров», ч. II, Женева, 1968, ноябрь.
8. «ООН. ФАО, ЕЭК. Тенденции и перспективы европейской лесопромышленности и лесоторговли. 1950—1980 гг. Предварительный обзор», т. 1. Женева, 1969, май.
- 8а. «Правда».
9. Ричардс П. У., Тропический дождевой лес, пер. с англ., М., 1961.
10. Сенчуров К. Т., Африканская древесина на европейских рынках, — «Бюллетень иностранной коммерческой информации», 1967, № 9б.
11. Сенчуров К. Т., Лесные ресурсы развивающихся стран и их использование, — сб. «География и развивающиеся страны (Проблемы использования природных и трудовых ресурсов)», М., 1970.
12. «Страны Африки. Политико-экономический справочник», М., 1969.
13. «ЦНИИТЭИ лесной промышленности. Зарубежная информация», М.
14. Шпирт А. Ю., Экономика стран Африки. Краткий очерк, М., 1963.
- 14а. «Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. Обзор за 1970 г. и начало 1971 г.». Приложение к журналу «Мировая экономика и международные отношения», 1971, № 8.
15. «American Paper Industry», 1969, № 1.
- 15а. «Le bois en Côte-d'Ivoire. Problèmes et perspectives d'avenir», — «Revue du bois et de ses applications», Paris, 1966, № 9.
16. «Entwicklungsstand der Forstwirtschaft in Afrika», — «Marktinformationen für Industrie und Aussenhandel der DDR», Berlin, 1968, № 16.
17. «Europe-France outremer», Paris.
18. «Forêts et bois tropicaux d'Afrique», — «Notes et études documentaires», Paris, 1967, № 3447.
19. «Die Forst- und Holzwirtschaft Afrikas», — «Holz-Zentralblatt», Stuttgart, 1967, № 41.
20. «Holzindustrie», Leipzig, 1969.
21. «Industrie et travaux d'outremer», Paris.
22. Kasprzyk S., Zasoby lesne swiata i ich uzytkowanie, — «Les polski», Warszawa, 1968, № 13—14.
23. Lanly J. P., Regression de la forêt dence en Côte-d'Ivoire, — «Bois et Forêts des Tropiques», Paris, 1969, № 127.
24. Legras A., L'économie du bois en Côte-d'Ivoire: situation actuelle et perspectives, — «Afrique magazin», Paris, 1968, juin.
25. «Marchés tropicaux et méditerranéens», Paris.
26. «Pulp and Paper», New York, 1969.
27. Py M., Tropenholzproduktion im französisch sprechenden Afrika, — «Holz-Zentralblatt», Stuttgart, 1969, № 100.
- 27а. «Revue forestière française», Nancy, 1970.
28. «Steigender Holzverbrauch pro Kopf der Weltbevölkerung», — «Holz-Zentralblatt», Stuttgart, 1969, № 44.
29. «U. N. Statistical Yearbook 1965», New York, 1966.
30. «U. N. Statistical Yearbook 1968», New York, 1969.
31. Wagner H., Die Forst- und Holzwirtschaft in Ghana, — «Holz-Zentralblatt», Stuttgart, 1968, № 103.
32. Weck J., Die Wälder der Erde, Berlin — Göttingen — Heilderberg, 1957.

М. Б. Рабинович

ВТОРЖЕНИЕ ДЖЕМСОНА В ТРАНСВААЛЬ В 1895 г.

Колониальный инцидент конца XIX в., связанный с известным «набегом Джемсона», несмотря на свой, казалось бы, локальный характер, имел последствия, вышедшие далеко за пределы Южной Африки.

Вторжение в Трансвааль вооруженных сил Южноафриканской привилегированной компании, возглавляемой всесильным тогда премьер-министром Капской колонии Сесилем Родсом, произошло при полной осведомленности лондонского правительства. Ближайшей целью «рейда Джемсона» была поддержка заранее инспирированного выступления пришлого населения Йоганнесбурга (ойтландеров) против бурского правительства, а последующей — установление контроля над золотыми месторождениями Ранда, что в конечном счете привело бы к британскому господству над Трансваалем.

Провал авантюры Джемсона не только повлек за собой обострение отношений между Южно-Африканской Республикой и Великобританией, приведшее четыре года спустя к войне, но и вызвал первый серьезный дипломатический конфликт между Англией и Германией.

Все это привлекло внимание к событиям, разыгравшимся в Южной Африке на рубеже 1895 и 1896 гг., и уже тогда породило довольно большую литературу, правда большей частью популярную. Позднее вышли в свет и труды исследовательского характера.

Еще в период кризиса, порожденного джемсоновской авантюрой, появился ряд документов, к которым можно отнести, например, парламентские материалы, опубликованные в Хэнсардовских отчетах [7], различные сборники документов, подобных приведенным в английской «Синей книге» или «Зеленой книге» трансваальского правительства, а также отчеты комитетов, созданных в Англии и Южной Африке для расследования обстоятельств набега Джемсона [25].

В период кризиса или вскоре после него был издан ряд книг, непосредственно посвященных рейду Джемсона или же частично тематически связанных с ним [11; 15].

В то же время появились работы, освещающие обстоятельства, предшествовавшие рейду, а также и самый набег с точки зрения йоганнесбургских лидеров [10; 22].

Большинство изданий, вышедших в конце XIX — начале XX в., носит явственные следы пробурской или англофильской тенденции,

Южноафриканский кризис 1895—1896 гг. привлекал и позднейших авторов, рассматривавших его специально или попутно в связи с дру-

гими вопросами. Мы не говорим о многочисленных общих работах по истории Южной Африки, в которых также уделяется место набегу Джемсона [5; 23а; 28]. Некоторые исследования, посвященные общим или специальным проблемам и ограниченные более узкими хронологическими рамками, как правило, также касаются подготовки, осуществления и последствий набега Джемсона [1; 2; 19; 21; 27].

За последние двадцать-тридцать лет вышло несколько отдельных трудов, а также статей в журналах, в которых непосредственно изучается южноафриканский кризис конца XIX в. [8; 16; 24].

Характерную группу источников составляют биографии и воспоминания лиц, игравших видную роль в южноафриканских событиях. Это прежде всего многочисленные биографии Сесилия Родса [18; 20; 23 и др.], Джозефа Чемберлена [12] и самого героя событий — Джемсона [6].

Ограничимся пока этими общими сведениями о литературе и дополнительно отметим, что опубликованные работы, как правило, более или менее подробно затрагивают историю подготовки набега и останавливаются главным образом на его последствиях (преимущественно дипломатических, международных) [3, стр. 81—123; 4, стр. 561—590]. Подробности же самого набега оставались в стороне или же о них говорилось походя¹. Однако детальное рассмотрение всех обстоятельств и фактов, непосредственно связанных с самим набегом, представляет безусловный интерес. Во-первых, это делает более рельефной картину конфликта в целом. Во-вторых, наглядными становятся методы британского колониализма и те силы, которыми он пользовался для достижения своих целей и, можно добавить, зачастую пользуется и ныне, в условиях краха колониальной системы империализма.

Не все еще раскрыто в той грязной, запутанной игре, завершившейся джемсоновской авантюрой. Конечно, сейчас уже нет той поляризации оценок, какая была обычной для литературы первых лет, когда каждая из сторон пользовалась только черной или белой краской. Пробурские авторы, резко (и справедливо, добавим мы) осуждая попытку британских колонизаторов и связывая рейд Джемсона с Родсом и с британским правительством, вместе с тем безудержно восхваляли буров, их честь, героизм, любовь к свободе, оставляя в стороне их расизм, враждебность коренному населению, кулацкую ограниченность и т. д.²

Английская же литература представляла Джемсона героем, идеалистом, потерпевшим неудачу, и всячески стремилась опровергнуть утверждение в причастности к набегу лондонского кабинета, признавая лишь соучастие Родса, да и то скорее невольное, чем преднамеренное. Подобная тенденция видна и в более поздних работах английских историков и мемуаристов, но не в таком откровенном обличье. Сейчас уже не отрицается причастность к набегу Родса и даже министра колоний Чемберлена, но эта акция преподносится как случайная, вынужденная обстоятельствами, продиктованная патриотическими или иными добрыми мотивами, а не как заранее задуманное, разработанное провокационное вооруженное вторжение в мирное время в соседнее государство.

¹ Исключением были некоторые сочинения, вышедшие тогда же, по горячим следам, как, например [10], и соответствующие главы биографии Джемсона, написанной Колвингом.

² В этом отношении типичен Хофмейер, достаточно привести названия глав его книги: глава II. Свободомыслие буров; глава III. Храбрость буров и т. д. [15].

В современной литературе встречается далекий от науки прием, ставящий своей целью косвенно оправдать Джемсона и тех, кто за ним стоял. В конечном счете все сводится к формуле: ты сам такой! Аналогичная попытка, например, сделана в работе, посвященной последнему этапу существования Южно-Африканской Республики. Рейд Джемсона сопоставляется с неудачным вторжением, совершенным в 1857 г. на территорию Оранжевой республики Преториусом и Крюгером. Последние надеялись, что в Блумфонтейне их поддержат, как сорок лет спустя надеялись Родс и Джемсон на содействие ойтландеров в Йоганнесбурге [13, стр. 46, 69]. При этом автор умалчивает, что набег Джемсона — попытка захвата Трансвааля с целью последующей ликвидации его независимости, а вторжение в 1857 г. — эпизод из гражданской войны, являвшийся внутренним делом независимых бурских республик. Представление о подлинном характере и значении рейда может дать только изучение всех обстоятельств — экономических, политических и дипломатических. Однако подробное знакомство непосредственно с самим набегом может пролить свет на истинное значение события, взволновавшего тогда мировую общественность.

Попытаемся вспомнить обстановку, сложившуюся в Южной Африке в канун рейда Джемсона. В ноябре — декабре 1895 г. положение в Южной Африке было сложным, особенно в золотом районе Трансвааля. Налоговая, тарифная политика правительства Крюгера раздражала ойтландеров и способствовала подготовке вооруженного выступления, организованного Национальным союзом в Йоганнесбурге, выступления, которое должен был поддержать отряд Джемсона. Сесиль Родс и Альфред Бейт финансировали этот заговор.

Напомним, что в октябре 1895 г. Британская южноафриканская компания получила небольшую часть земли бечуанов у трансваальской границы, представлявшую исходный плацдарм. Примерно в то же время численность пограничной полиции Бечуаналенда была сокращена, и компания могла зачислить уволенных полицейских в свои вооруженные силы, во главе которых стал Джемсон, назначенный резидент-комиссаром только что отторгнутой бечуаналендской территории.

Колониальное министерство было осведомлено о приготовлениях в Йоганнесбурге и, возможно, о намерении компании ввести в действие свои вооруженные силы. Правда, позиция самого Чемберлена была достаточно двусмысленной, для того чтобы осталась неизвестной степень его осведомленности. Но Верховный комиссар Южной Африки был предупрежден о том, что вскоре произойдет, и согласился действовать в контакте с премьер-министром Капской колонии С. Родсом.

Родс был уверен в успехе и рассматривал осуществление своего плана как шаг на пути к конфедерации южноафриканских колоний Англии и бурских республик. Эта уверенность была настолько твердой, что, не дожидаясь официальной передачи части Бечуаналенда вдоль границы Трансвааля, представители компании начали переговоры с резидентом протектората Бечуаналенд Шиппардом, вождем племени бамалите Иканенгом и вождем баролонгов Монтсиоа о месте для будущего лагеря. Ведущий переговоры Уайт записал в дневнике (30 октября 1895 г.), что он уверил вождя «в доброй воле Британской южноафриканской компании и сообщил, что мы хотим создать небольшое поселение в Питсани Потлуго и направить туда немного полиции, чтобы навести порядок» [цит. по: 27, стр. 208].

В Питсани Потлуго (Питцани) стали стягивать силы компании. 29 декабря 1895 г. все было готово к выступлению (другой отряд готовился выступать из Мафекинга).

В Питсани прибыл сам глава экспедиции Джемсон. Чисто военное руководство фактически было вверено молодому офицеру Джону Уиллоуби, участвовавшему ранее в нескольких колониальных авантюрах. Небольшой штаб Уиллоуби почти весь состоял из молодых офицеров английской армии или же лиц, находившихся на службе компании. Многие из них — младшие отпрыски родовитых английских фамилий, которые не могли надеяться на получение своих наследственных титулов. Блестящий и слишком многочисленный для столь небольшой армии штаб можно объяснить только предположением, что он был рассчитан на более крупные силы, костяком которых должны были стать люди, пришедшие из Бечуаналенда. Отряд состоял из рядовых конной милиции Машоналенда с артиллерией (одно орудие и шесть пушек «Максима», как тогда назывались пулеметы) и небольшого обоза.

Около пяти часов вечера 29 декабря 1895 г. был устроен смотр отряда. Джемсон произнес речь, в которой говорил о необходимости перейти границу Трансвааля, чтобы защитить иоганнесбургских женщин и детей от расправы, якобы угрожавшей им со стороны буров. Была ли эта фраза (о женщинах и детях) взята из недатированного письма, заранее полученного от иоганнесбургских лидеров, или же Джемсон прочел телеграммы агентства Рейтер, говорящие о том же, не так уж существенно.

Затем несколько слов сказал Уиллоуби. Это, по-видимому, было более откровенное заявление о том, что экспедиция одобрена властями Англии³.

В 6 час. 30 мин. 29 декабря 1895 г. колонна двинулась для соединения с отрядом из Мафекинга. Последний отправился в путь несколько позднее, так как офицерам пришлось уговаривать наемников выступить, уверять их, что они идут сражаться за королеву, «за господство британского флага в Южной Африке» [6, т. II, стр. 62].

На другой день, в понедельник 30 декабря, около пяти часов утра оба отряда соединились. В нем оказалось 494 человека, не считая 75 африканцев при обозе и проводников. Перестроившись в походный порядок, отряд Джемсона вскоре пересек границу. Через два часа пути достигли первого продовольственного склада из числа заранее созданных по дороге к Иоганнесбургу, и после короткого привала отряд с максимальной быстротой двинулся на восток. Перед выступлением Джемсон приказал перерезать провода, связывающие его с Капской колонией и Трансваалем. Связь с Кейптауном была прервана, но более важная связь с Преторией сохранилась, так как два «защитника иоганнесбургских женщин и детей», посланные для того, чтобы перерезать провода, оказались нетрезвыми и не смогли выполнить такое поручение⁴. В Претории узнали о переходе границы, и трансваальское правительство могло принять меры. В ночь на понедельник 30 декабря отряд встретил двух гонцов, посланных бурским главнокомандующим Жубером, кото-

³ Позднее Уиллоуби писал Буллеру из тюрьмы Галлоуэй (18 сентября 1896 г.), что Джемсон говорил о том, что имперские власти в курсе дела и поддерживают предприятие [12, стр. 86]. Сам Джемсон это отрицал: «Я никогда не говорил офицерам, что имперское правительство одобряет мои действия» [27, стр. 222].

⁴ Об этом сообщает даже такой небеспристрастный источник, как «История англо-бурской войны» («The Times History of the War in South Africa») [26, стр. 166]. Впоследствии это обстоятельство было использовано, чтобы снять ответственность за вторжение в Родса, который якобы не подозревал о намерении Джемсона немедленно выступить, а когда узнал о выступлении последнего, то оказалось слишком поздно и телеграммы, отправленные Родсом, чтобы остановить Джемсона, не были им получены, так как связь с Кейптауном была прервана. Эта версия, например, проводится другом и биографом Родса Макдональдом [20, стр. 28].

рые заявили, что бурам известно о движении отряда и вряд ли ему удастся пройти к Йоганнесбургу без борьбы. Джемсон игнорировал сделанное посланцами Жубера предупреждение, и колонна продолжала путь. Когда она достигла Дорнпорта, ее догнал сержант Уайт, мафекингский полицейский, посланный сэром Ньютоном — губернатором протектората Бечуаналенд, — с письмами к Джемсону и его штабу. Уиллоуби вскрыл пакет. В нем были адресованные Джемсону, Уиллоуби и трем другим офицерам копии телеграммы Верховного комиссара Южной Африки — Ньютоном. Вот текст этой телеграммы:

«Здесь циркулируют слухи, что доктор Джемсон вторгся с вооруженным отрядом на территорию Трансвааля. Так ли это? Если слух верен — пошлите Джемсону курьера на хорошей лошади с приказом возвратиться. Копию этой телеграммы пошлите его офицерам с разъяснением, что правительство ее величества осуждает их насильственное вторжение на территорию дружественного государства и что им грозит суровая кара» [6, т. II, стр. 68]⁵.

Обсуждение этого письма заняло не более получаса, и решено было двигаться дальше. Позднее Уиллоуби объяснял неподчинение приказу Верховного комиссара тем, что большая часть пути уже сделана, отступление привело бы к столкновению с бурами, а кроме того, «по дороге, которую... проделали, нет ни крошки для людей и лошадей... Для наших слабых сил был один лишь путь к спасению — идти вперед и как можно быстрее» [6, т. II, стр. 69]. Уиллоуби при этом не добавляет, что Джемсон и его ближайшие соратники были уверены в поддержке капского правительства, в поддержке Родса, Верховного комиссара и кое-кого из высокопоставленных лиц. У них были основания, чтобы расценить предупредительную телеграмму как маневр, необходимый для оправдания английского правительства в случае неудачи. Но кто начинает что-либо, думая о неудаче? Джемсон и его люди верили в успех, в то, что они исполнят миссию, возложенную на них британскими империалистами, и в то, что победителей не судят. Ответ был предрешен. Слишком длительной была подготовка, и слишком сильна была убежденность в поддержке правительства, чтобы всерьез принять первое же письмо, привезенное бечуаналендским полицейским в момент, когда значительная часть пути была позади, за отказ от разработанных с такой тщательностью планов.

Колонна Джемсона оставила Дорнпорт в восемь часов утра и к часу дня проделала около двадцати миль. В пути были видны одинокие фигуры бородатых буров, высоко и прямо сидевших в седлах на своих выносливых лошадях. Буры спешили к пунктам сбора. Все это были достаточно грозные признаки, но пока отряд продвигался спокойно. В седьмом часу вечера задержали слишком близко подъехавшего всадника. Он оказался лейтенантом крюгерсдорпской полиции Элоффом — племянником президента Крюгера. Элофф упрекал Джемсона за вторжение, но, между прочим (по словам Уиллоуби), сообщил о восстании в Йоганнесбурге, вселив еще большую уверенность в успехе [6, т. II, стр. 70]. Надо было спешить к столице Ранда, и отряд почти без остановок продвигался всю ночь. Неподалеку от Леви пришлось

⁵ Ньютон еще 4 декабря был посвящен Джемсоном в тайну и в течение полутора недель хранил секрет, но, прибыв в Кейптаун, открыл его своему ближайшему начальству — помощнику Верховного комиссара Бауэру, который одновременно был доверенным лицом Родса и с октября находился в курсе почти всех дел. Естественно, что после беседы с ним Ньютон успокоенным вернулся обратно и сквозь пальцы смотрел на выступление отряда. Неожиданно, в понедельник 30 декабря, он получил депешу от Верховного комиссара Робинсона с приказом остановить Джемсона. Выполнять это распоряжение Ньютон послал сержанта Уайта.

выдержать первую стычку: небольшой отряд буров обстрелял разведку Джемсона, ранив двух лошадей. Отряд развернулся в боевой порядок, но буры ускакали, не приняв боя, хотя местность им благоприятствовала. Оставив позади опасное место, отряд Джемсона двинулся дальше; в два часа ночи был сделан привал. Неожиданно прозвучал одинокий снайперский выстрел, ранивший одного из участников экспедиции. Отдых был сорван. В напряжении прошла новогодняя ночь.

К шести часам утра 1 января 1896 г. отряд вступил в Ван-Аудсгорн, где предполагался четырехчасовой привал. Здесь Джемсон получил от британского консула в Претории письмо и депешу Верховного комиссара, дезавуирующую действия Джемсона и требующую от последнего покинуть территорию Трансвааля. Джемсон ответил запиской, в которой писал, что «он желал бы подчиниться приказу», но обстоятельства вынуждают его двигаться вперед [27, стр. 226; 15, стр. 111—112].

Люди Джемсона устали, они были в пути два дня и три ночи с очень короткими бивуаками, прерываемыми тревогами. Было уже ясно, что отряд фактически окружен бурами, которые, пользуясь преимуществами холмистой местности, в любой момент могли сомкнуть кольцо. Но через несколько километров холмы остались позади и началась открытая местность, облегчавшая продвижение и наблюдение за бурами.

В пяти милях от Ван-Аудсгорна увидели двух приближавшихся велосипедистов. Это оказались посланцы из Йоганнесбурга, которые сообщили о положении в столице Ранда и привезли письма от йоганнесбургских лидеров.

Молодые люди были волонтерами сформированного в Йоганнесбурге велосипедного отряда — голландец Целльер и англичанин Роуланд. Они благополучно миновали вооруженных буров и доставили три письма Комитета реформ. Два письма были подписаны Фрэнком Родсом, братом капского премьера, одним из руководителей заговора, и одно — Уолффом, организовавшим на пути Джемсона продовольственные базы. Впоследствии в литературе разгорелись горячие споры по поводу содержания этих писем.

Джемсон показал офицерам письма и, по-видимому, бросил их. Четыре месяца спустя бурский чиновник подобрал два письма. Они фигурировали как вещественное доказательство на процессе лидеров йоганнесбургского движения, они упоминались на процессе Джемсона, в комиссии капского парламента и в комитете палаты общин во время расследования обстоятельств, вызвавших набег. Ввиду того что часть слов пострадала от непогоды и прочесть их стало невозможным, текст писем был восстановлен по памяти как авторами, так и теми, кому они были адресованы. Но если относительно содержания ненайденного письма Уолффа не было серьезных разногласий — все соглашались, что оно было написано 30 декабря и сообщало о позиции буров под Крюгерсдорпом, то о других письмах были даны весьма противоречивые показания.

Очевидцы единодушно утверждают, что Джемсон счел полученные известия хорошими.

Обратимся к письмам и сравним восстановленные разными лицами тексты. Письмо, в котором сообщалось о перемирии на двадцать четыре часа, не вызывало разнотолков⁶. Наиболее спорным и наиболее

⁶ Вот его содержание: «31-го, 11³⁰, Крюгер попросил *некоторых из нас* прибыть для переговоров. *Согласились* о перемирии на 24 часа. Мое мнение, что их запугали в Претории и они, соглашаясь, допустили ошибку. Ф. Р.» (т. е. Фрэнк Родс). [6, т. II, стр. 75]. Слова, выделенные курсивом, восстановлены позднее.

важным является третье, последнее письмо, восстановленный текст которого мы приводим.

Вот как прочитал письмо Уиллоуби, заполнив по памяти размытые дождем места:

«Дорогой доктор. Слух об убийствах в Иоганнесбурге, вынудивший вас выступить нам на помощь был ложным. У нас все в порядке. Мы вооружили много людей. Я буду очень рад вас видеть. Мы (или буры) не владеем городом. Я пошлю по крайней мере около трехсот людей, чтобы встретить вас у Крюгерсдорпа. Вы смелый парень. Всегда ваш. Ф. Р.»⁷.

Этот текст подтвердили полковник Грей, майор Уайт и сам Джемсон. Но когда письмо, вернее, его обрывки были предъявлены полковнику Фрэнку Родсу, последний прочел его иначе. Вот каким звучит оно в его изложении и в показаниях Филлипса, Джорджа Фаррара и С. Джемсона (брата доктора):

«Дорогой доктор. Слух об убийствах в Иоганнесбурге, вынудивший вас выступить нам на помощь, был ложным. У нас все в порядке. Мы вооружили много людей. Будем очень рады вас видеть. Мы не владеем городом. Мы пошлем нескольких людей встретить вас. Вы хороший парень. Всегда ваш. Ф. Р.»⁸.

Если внимательно сравнить оба варианта, то можно видеть, что основное разночтение касается фразы: «Я пошлю по крайней мере около трехсот людей, чтобы встретить вас у Крюгерсдорпа» — в одном случае и «Мы пошлем нескольких людей встретить вас» — в другом. Иными словами, дело шло или о высылке вспомогательного отряда, на который можно было рассчитывать в связи с предстоящей схваткой, или просто о проводниках, посланных навстречу Джемсону, чтобы довести его людей до места назначения. Оба варианта отстаивались их сторонниками во всех инстанциях⁹.

Филлипс во время парламентского расследования предъявил фотографию клочков письма эксперту-графологу. Последний в своем заключении (от 6 мая 1897 г.) сообщил, что слова, восстановленные по памяти Уиллоуби и его друзьями, «не только не соответствуют пустому месту между сохранившимися словами», но и «не подходят к общему смыслу письма» [14, стр. 66; 10, стр. 350—351]. Но Уиллоуби продолжал уверять комитет, что письмо, полученное им, содержало обещание прислать подкрепление. Это категорически отрицал полковник Родс.

«Я знаю,— сказал Фрэнк Родс,— что некоторые из отряда Джемсона действительно верили, что записка содержала обещание встретить их у Крюгерсдорпа... У меня и мысли подобной не было. Все, что я предполагал, это послать несколько человек, чтобы встретить их по

⁷ «Dear Dr. The rumour of massacre in Iohannesburg that started jou to our relief was not true. We are all right feeling intens. We have armed a lot of men. I shall be very glad to see you. We (or the Boers) are not in possession of the town. I will bring at least or about, 300 men to meet you at Krugersdorp. You are a gallant fellow. Your ever. F. R.» [10, стр. 352; 6, т. II, стр. 75]. Слова и части слов, данные курсивом, восстановлены позднее.

⁸ «Dear Doctor. The rumour of massacre in Johannesburg that started you to our relief was not true. We are all right feeling intense. We have armed a lot a men. Shall be very glad to see you. We are not in possession of the town. We will send out some men to meet you. You are a fine fellow. Yours ever. F. R.» [10, стр. 350—352].

⁹ Я не говорю о менее важных разночтениях, как, например, в первом случае: «я буду очень рад вас видеть», вместо «будем очень рады вас видеть» — во втором варианте, что, конечно, несколько изменяет смысл фразы. Или соответственно: «вы смелый парень» и «вы хороший парень». Кроме того, во втором варианте (Родса и других) фраза «Мы (или буры) не владеем городом» восстановлена без слов в скобках — «или буры».

пути и указать им их лагерь... Я и не думал о посылке подкреплений» [14, стр. 65]¹⁰.

Когда же ему задали вопрос, послал бы он помощь, если бы Джемсон находился в тяжелом положении, он ответил *утвердительно* и добавил, что был уверен, что Джемсон пройдет без труда¹¹. Об этом же в парламентском комитете спросили Филлипса:

«Вопрос 6909: Должна ли была быть послана из Иоганнесбурга доктору Джемсону помощь в район Крюгерсдорпа?»

Ответ: Это не так. У нас никогда не было подобного соглашения. *Мы никогда не думали, что доктору Джемсону понадобится какая-либо помощь»* (курсив наш) [14, стр. 65]¹².

Другими словами, в тот момент, когда отправлялись эти письма, была уверенность в успехе Джемсона. Поэтому весьма вероятно, что о помощи Джемсону не думали и когда писали о встрече, то действительно подразумевали лишь посылку проводников. Ведь лидеры иоганнесбургцев смотрели на отряд Джемсона как на подкрепление, а не как на тех, кто сам нуждается в помощи. Но, как подтвердили Фрэнк Родс и Филлипс, вопрос о посылке подкрепления Джемсону не был исключен, в случае если бы последний оказался в тяжелом положении. Можно предположить, что об этом велись предварительные переговоры. Иначе трудно объяснить, чем руководствовался доктор, когда писал свой ответ иоганнесбуржцам. Нелишним будет заметить, что все споры, все допросы свидетелей и участников в комитетах в Кейптауне и Лондоне, экспертиза почерков и т. д.— все это касалось писем из Иоганнесбурга к Джемсону. Ответ же на эти послания, написанный Уайтом и пересланный с теми же велосипедистами, не возбуждал любопытства. На письме Фрэнку Родсу, в котором сообщалось о положении отряда, Джемсон сделал следующую приписку:

«Как вы можете представить, мы все были рады вашему письму. Мы немного уже постреляли. Надеемся достичь Иоганнесбурга ночью, но все будет зависеть от возможного сражения. Конечно, хорошо, если 200 человек встретят нас у Крюгерсдорпа, так как это очень ободрит людей, которые зверски устали. Привет Сэму¹³, Филлипсу и остальным. Л. С. Д.» [6, т. II, стр. 76—77].

Приписка Джемсона не что иное, как просьба о подкреплении, и она могла быть сделана только в двух случаях: либо как ответ на предложение послать подкрепление (сомнительный вариант), либо — что более вероятно — появилась как результат предварительных переговоров, имевших место в свое время в Иоганнесбурге. Письмо Уайта — Джемсона является, таким образом, извещением Комитета реформ, что положение отряда не такое блестящее, как полагали, и подкрепление необходимо. Джемсон и его штаб были уверены, что их просьба о помощи будет выполнена. Иначе трудно понять дальнейшее поведение военного руководителя отряда Уиллоуби, действия которого против буров

¹⁰ Когда у Сесия Родса спросили его мнение по этому вопросу, он сказал: «Я знаю — мой брат абсолютно искренен, и у меня есть все основания верить, что сэр Джон Уиллоуби тоже говорит правду, но одновременно у меня гораздо больше оснований доверять памяти брата, который писал записку, чем сэра Джона, который ее читал» [14, стр. 65]. Конечно, дело здесь не только в памяти.

¹¹ Показания перед парламентским комитетом, вопросы 5405 и 5406 [цит. по 14, стр. 65].

¹² В докладе комитета палаты общин приводится ответ Уиллоуби Кемпбелл-Баннерману. Последний спросил, предполагал ли он встретить в Крюгерсдорпе помощь, на что Уиллоуби ответил: «Нет, когда мы выходили из Питсани; но после писем, полученных от велосипедистов, — конечно» [10, стр. 331].

¹³ Брат Джемсона.

показывали, что он рассчитывал на удар по бурам как с фронта, так и с тыла (иоганнесбургские подкрепления) [10, стр. 326—336].

Таким образом, письма из Иоганнесбурга были расценены (и не могли быть расценены иначе) Джемсоном как поощрение его действий, как выражение радости по поводу его приближения к столице Ранда. Однако ближайшие часы принесли горькое разочарование предводителям отряда, не получившим не только помощи из Иоганнесбурга, но и, более того, поддержки правительства Британии, во славу которой они начали свой флибустьерский поход.

После отъезда иоганнесбургских велосипедистов отряд Джемсона продолжал двигаться вперед и во втором часу дня достиг Хинда — в семи милях к западу от Крюгерсдорпа.

Уиллоуби знал, какие трудности представляли для атакующих крюгерсдорпские высоты. Была послана разведка, чтобы выяснить, можно ли что-либо предпринять против левого фланга противника.

В три часа дня колонна поднялась на гребень холмов, откуда открывался вид на бурские позиции. Буры весьма искусно использовали преимущества местности.

Пока отряд Джемсона готовился к наступлению, сотня буров, все время преследовавшая арьергард Джемсона, завязала перестрелку. Уиллоуби отдал приказ бомбардировать крюгерсдорпские позиции. В 4 часа 30 мин. раздался первый орудийный выстрел. Обстрел продолжался полчаса. Буры не подавали признаков жизни.

Когда первая группа атакующих спустилась с холма и приблизилась метров на двести к ручью, буры остановили ее сильным огнем. Безуспешными были попытки охватить позиции буров с фланга.

В этот момент было получено донесение о возможности обойти Крюгерсдорп.

Под прикрытием специального отряда основные силы Джемсона произвели необходимые передвижения, не обнаружив себя. Быстрые африканские сумерки облегчили маневр, и колонна прошла не замеченной бурами около двух километров, когда ее нагнал арьергард. В этот момент со стороны Крюгерсдорпа, оставшегося километрах в трех слева, донеслась сильная ружейная и пулеметная стрельба. Уиллоуби полагал, что это подошла помощь из Иоганнесбурга. «Я решил, — писал в своей записной книжке Уиллоуби, — что это (т. е. выстрелы. — М. Р.) может означать прибытие полковника Родса и долгожданных иоганнесбургских сил для помощи нам... Их нельзя было покинуть в беде» [6, т. II, стр. 83]. Отряд Джемсона вновь изменил направление и, перестроившись, поспешил на выстрелы¹⁴. Он прошел около мили, когда стрельба прекратилась. Вскоре впереди показалась буры. Еще через несколько минут донесли, что буры угрожают также и правому флангу. Отряд отошел обратно на только что оставленную дорогу. Залпы в Крюгерсдорпе, принятые за начало сражения между бурами и отрядом полковника Фрэнка Родса, оказались салютом в честь прибывшего к бурам подкрепления [6, т. II, стр. 83]. Надежда достигнуть Иоганнесбурга без боя исчезла. Путь был отрезан, и «ничего не оставалось делать, как расположиться бивуаком на лучшей из возможных позиций» [10, стр. 331].

Ночь прошла беспокойно. Около девяти часов вечера над лагерем

¹⁴ Позднее Джемсона упрекали за изменение плана продвижения, но записная книжка Уиллоуби показывает, что решение было принято им.

разорвался первый снаряд. Стрельба продолжалась минут двадцать, но не причинила потерь. В полночь стрельба вновь возобновилась на несколько минут. По характеру стрельбы, по тому, откуда она велась, Джемсон и его штаб решили, что, вероятно, буры не успели завершить окружение и путь в юго-западном направлении может оказаться свободным. Когда разведка это подтвердила, отряд немедленно вышел из лагеря. Отряд прошел полтора километра без серьезных осложнений. Казалось, вновь появились шансы пробиться к цели, хотя и более окружным путем.

Но в то время как, миновав Крюгерсдорп, Джемсон двигался по дуге сегмента, буры имели возможность сократить расстояние, передвигаясь по прямой линии. Вскоре стало известно, что буры, укрепившись на холме Доорнкоп, перерезали дорогу. «Без штурма бурских позиций нельзя было очистить путь на Йоганнесбург» [10, стр. 333].

Джемсоновцы начали атаку и, потеряв несколько человек убитыми и ранеными, достигли вершины холма, которую они приняли за Доорнкоп. Но за первым гребнем поднималась настоящая вершина Доорнкопа. Буры оказались везде: и на вершине Доорнкопа, и по сторонам дороги, и в долине, где стояли их пушки, и, наконец, на холмах сзади. Умело пользуясь прикрытиями, буры могли перестрелять англичан одного за другим. Люди Джемсона устали. Они были в пути 86 часов, из которых 17 часов сражались. Они уже потеряли 16 человек убитыми и 19 ранеными, не считая самое малое 25 человек, оставленных у Крюгерсдорпа или оставших [10, стр. 333]. Все это побудило Уиллоуби поставить вопрос перед Джемсоном о прекращении борьбы. С согласия Джемсона был выкинут белый флаг и послан парламентер к бурскому командующему Кронье.

В литературе существуют разные мнения по поводу причин, которые заставили Джемсона капитулировать. Одни утверждали, что Джемсон и его люди сражались, как герои, и, когда положение стало безнадежным (из-за значительных потерь, недостатка патронов и т. д.), они сдались, заставив буров сохранить им жизни. Это, конечно, теоретически наиболее желательный вариант для «бескорыстных защитников иоганнесбургских женщин и детей», какими изображали джемсоновцев джингоистские газеты. Но истина и не ночевала в этом описании подвига новых «странствующих рыцарей». Другие доказывают, что Джемсон и его люди не понесли слишком тяжелых потерь, у них были патроны и пища и они могли продолжать борьбу, а сдались потому, что с военной точки зрения их положение стало безнадежным. Этот вариант, принятый солидной прессой (например, газетой «Таймс»), можно считать более достоверным. Правда, последняя точка зрения наводила на размышления о том, что Джемсон вовсе не является таким уж бескорыстным защитником женщин и детей, по зову чувства вторгнувшимся в Трансвааль без разрешения правительства. Джемсон был реальным политиком, надеявшимся на помощь (со стороны Йоганнесбурга) или даже на поддержку Лондона (от чего пришлось отказаться). Недаром такой журнал, как «Экономист», после прибытия Джемсона в Англию выступал против обсуждения причин набега и, главное, капитуляции, так как это обсуждение явится, мол, для Джемсона плохой услугой [9, № 2741, 7.III.1896, стр. 292—293]. Добавим от себя, что оно могло привести к нежелательному дебатированию вопроса об ответственности британского правительства за рейд.

Итак, в 9 час. 15 мин. утра был выкинут белый флаг; вскоре пришел ответ Кронье, в котором наемникам компании гарантировалась жизнь, если они сложат оружие. Условия были приняты.

Пленных отправили в Преторию, куда они прибыли утром 3 января 1896 г. Джемсон и его штаб были помещены в преторийскую тюрьму, где на досуге могли подумать о превратностях судьбы.

Позднее в своем докладе военному министерству Уиллоуби писал, что предприятие не удалось, во-первых, из-за задержки у Крюгерсдорпа, вызванной ожиданием отрядов из Йоганнесбурга, во-вторых, вследствие того, что не прибыли обещанные подкрепления и на последнем участке пути даже проводники, в-третьих, в результате неожиданной остановки из-за выстрелов 1 января, ошибочно принятых за начало сражения буров с йоганнесбургскими подкреплениями [10, стр. 333—334].

Конечно, все это оказало отрицательное влияние на исход набега, но можно продолжить перечень причин. Например, Уиллоуби умолчал о том, что штаб беспечно понадеялся на проводников и не изучил последнего отрезка пути от Крюгерсдорпа, что обязан был сделать. Главнейшая причина провала заключалась не в тех или иных просчетах командования или в позиции Йоганнесбурга. Основными причинами поражения были сопротивление буров, быстрота, с какой они поднялись на защиту своей независимости, единство и сплоченность, которую показали не только трансваальцы, но и буры соседней Оранжевой республики и даже голландцы английской части Южной Африки.

Но ведь в 1896 г. Англия могла сломить сопротивление буров, как это сделала она в 1899—1902 гг., и Джемсон мог сыграть «сараевскую роль». Однако провокация, затеянная Великобританией, не осуществилась. Внешнеполитическое положение империи было сложным. Ряд неудач во внешней политике в течение 1895 г.—обострение отношений с Соединенными Штатами из-за Венесуэлы, назревающие англо-германские противоречия — лишил английское правительство свободы маневрирования. К тому же в разгар южноафриканского инцидента известная депеша германского императора президенту Крюгеру заставила Англию отказаться от своих планов в отношении бурских республик. И британское правительство поступило так, как обычно поступают с неудачливыми агентами: оно дезавуировало Джемсона, отказало ему (и Родсу) в обещанной ранее поддержке и предоставило его собственной участи, смягчения которой, впрочем, впоследствии добилось.

Провал авантюры Джемсона прежде всего вызвал обострение отношений между бурскими республиками, с одной стороны, и Великобританией и Капской колонией — с другой. Инцидент привел также к серьезным разногласиям в Капской колонии, голландское население которой открыто поддержало Трансвааль, и от Родса отвернулись его голландские сотрудники. Более того, скомпрометированный Сесиль Родс вынужден был оставить пост премьер-министра Капской колонии и отойти от политической жизни для спасения своего детища — Британской южноафриканской Привилегированной компании. Окончательно потерпел крах родовский план создания Федерации Южной Африки под эгидой Британии. В целом же, после того как не удалось подчинить Трансвааль косвенным путем, вопрос о насильственном захвате бурских республик стал лишь делом времени.

Этот очередной кризис в англо-бурских отношениях способствовал укреплению национального чувства буров, подобно тому, как это было в 1877 г. Так, газета «Экспресс» (14 февраля 1896 г.) писала, что события, связанные с рейдом, наводят на мысль о «несправедливом захвате алмазных полей, несправедливом вмешательстве в войну с басуто... о несправедливой аннексии Трансвааля в 1877 г. и т. д.» [цит. по: 17, стр. 58].

Рейд Джемсона оказал влияние на другие районы Южной Африки,

прежде всего на территории, управляемые Привилегированной Компанией. Недавно покоренные матабеле сочли благоприятным то обстоятельство, что Джемсон увел из их страны большую часть вооруженных сил Компании. Поражение Джемсона было ударом по престижу Англии, и матабеле уже в начале 1896 г. стали готовиться к новому восстанию, которое вспыхнуло в марте того же года [1, стр. 112—115; 4, стр. 564].

Что касается внешнеполитического аспекта инцидента, то вмешательство Германии — упомянутая телеграмма Вильгельма II Крюгеру — привело к первому острому англо-германскому конфликту. Однако активность Германии в южноафриканских делах вызвала к жизни антигерманские настроения в Англии, что отвлекло внимание от непосредственных виновников набега, в том числе и от Родса¹⁵.

Таким образом, рейд Джемсона привел к серьезному обострению англо-германских противоречий и оказался вехой на пути к первой мировой войне.

1. Давидсон А. Б., Матабеле и машона в борьбе против английской колонизации, М., 1958.
2. Давидсон А. Б., Создание Британской Южно-Африканской Компании, — сб. «Империализм и борьба рабочего класса», М., 1960.
3. Ерусалимский А. С., Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века, М., 1951.
4. Ерусалимский А. С., Германский империализм и возникновение англо-бурской войны 1899 г., — сб. «Из истории общественных движений и международных отношений» (в память акад. Е. В. Тарле), М., 1957.
5. «Cambridge History of British Empire», vol. VIII. South Africa, London, 1963. (1-e ed., 1936).
6. Colvin J., The Life of L. S. Jameson, vol. I, II, London, 1922.
7. «Debate on Address-Transvaal Affairs», 13 February 1896 (4th ser., XXXVII, 282); «Lords. Statements re Krüger», 27 April 1896 (4th ser., XXXIX, 1705); «Lords. Statement re Pretoria Trials» 28 April 1896 (4th ser. XL, I); «Supply — South African Affairs», 8 May 1896 (4th ser., XL, 884), «Lords. Question re Trial of Jameson», 2 July 1896 (4th ser., XLII, 516); «Motion for Select Committee on Jameson Raid», 30 July 1896 (4th ser., XLIII, 1057).
8. Drus E., A Report of the Papers of Joseph Chamberlain Relating to the Jameson Raid and the Inquiry, — «Bulletin of the Institute of Historical Research», vol. I, XXV (May 1952).
9. «Economist», 1896, № 2741.
10. Fitzpatrick J. P., The Transvaal From Within, London, 1900.
11. Garret F. E. and Edwards E. Y., The Story of African Crisis; Being the Truth about the Jameson Raid, London, 1897.
12. Garvin J. L., The Life of Joseph Chamberlain, vol. I—III, London, 1932—1934.
13. Gibbs P., The Death of the Last Republic. The Story of the Anglo-Boer War, London, 1957.
14. Hillier Alfred P., Raid and Reform (by a Pretoria Prisoner), London, 1898.
15. Hofmeyr N. Y., Die Buren und Jameson Einfall, Bremen, 1897.
16. Hole H. Marshal, The Jameson Raid, [б. м.], 1930.
17. Jaarsveld van J. A., The Africaner's Interpretation of South African History.. Capetown, 1964.
18. Lockart J. G., Cecil Rhodes. Great Lives, London, 1946.
19. Lovell R. J., The Struggle for South Africa 1875—1899, New York, 1934.
20. Mackdonald J. G., Rhodes. A Heritage, London, 1943.
21. Marais J. S., The Fall of Krüger's Republic, Oxford, 1961.
22. «Mermeix», (G. Trrerail), Le Transvaal et la Chartered, Paris, 1897.
23. Mishell L., The Life of the R't Hon. Cecil John Rhodes, London, 1910.

¹⁵ Три года спустя в беседе с Вильгельмом II Сесиль Родс сказал об этом в свойственной ему манере: «Вы видели, я был скверный мальчик и все хотели меня высечь. И мой народ тоже хотел высечь меня за то, что я скверный мальчик, но неожиданно вы сделали это (т. е. послали телеграмму, — М. Р.) и они тогда сказали: нет, если это кого-либо касается, то только нас! В результате, ваше величество очень понравилось английскому народу и он разлюбил вас, а я, в конце концов, никогда не был высечен» [18, стр. 114].

- 23a. «The Oxford History of South Africa», ed. by M. Wilson and L. Thompson, Oxford, vol. I, 1969, vol. II, 1971.
24. Van der Poel J., The Jameson Raid, London, 1951.
25. «Select Committee on British South Africa», 21, 28, 29 January, 5 February 1897 (4th ser., XLV, 171, 801, 1417); «Report from Select Committee on South Africa (Jameson Raid)», 1897; «Report of Select Committee of Cape Assamble on Jameson Raid», 29 May — 17 July 1896.
26. «The Times History of the War in South Africa», vol. I, London, 1900.
27. Vulliamy C. E., Outlanders. A Study of Expansion in South Africa 1877—1902, London, 1938.
28. Walker E. A., A History of South Africa, London — New York — Toronto, 1947.

Б. А. Вальская

**Е. П. КОВАЛЕВСКИЙ И ЕГИПЕТСКИЕ ИНЖЕНЕРЫ
НА УРАЛЕ И В ВОСТОЧНОМ СУДАНЕ**

(Неопубликованные материалы)

Для изучения истории связей между Россией и Африкой в 40-х годах XIX в. важное значение имеют архивные материалы выдающегося русского путешественника, писателя и дипломата Егора Петровича Ковалевского, широко известного своими выступлениями в защиту полного равноправия негров, против реакционных расовых теорий.

В дополнение к ранее изданным работам о Е. П. Ковалевском [1; 3; 4; 5] мы публикуем здесь ряд интересных документов, связанных с путешествием Е. П. Ковалевского в Египет, Восточный Судан и Западную Эфиопию, хранящихся в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и в Центральном государственном историческом архиве СССР.

О многих событиях и людях, упоминаемых в публикуемых документах, можно найти более подробные сведения в указанной литературе.

Первый раздел публикации включает материалы, связанные с пребыванием в России египетских инженеров Али Мухаммеда (Магомеда) Ибрахима и Иссы ад-Дашури, отправленных по просьбе паши Египта Мухаммеда Али на Урал под руководством Е. П. Ковалевского для изучения способов разведки и добычи золота. Здесь же публикуется отчет этих инженеров о своих самостоятельных исследованиях и открытиях в Восточном Судане, куда они были направлены сразу по возвращении из России для разведки месторождений золота в предгорьях Хабеша, на границе Судана и Эфиопии.

Второй раздел публикации включает рапорты и письма Е. П. Ковалевского в Штаб корпуса горных инженеров, написанные во время его трудного путешествия по Восточному Судану в январе — июле 1848 г.

Третий раздел представлен записками Ковалевского сыну Мухаммед Али — Ибрахим-паше. В них русский путешественник высказывает свои соображения о развитии золотопромышленности в Восточном Судане.

Документы четвертого раздела характеризуют завершающий этап экспедиции. Они включают записку Е. П. Ковалевского о выдаче по указанию паши Египта денежных наград участникам экспедиции — штейгеру И. Т. Бородину, горному мастеру А. М. Фомину и ранее не-

известному участнику этой экспедиции — золотопромывальщику Сухареву, а также рапорты Ковалевского в Штаб корпуса горных инженеров, написанные по прибытии в Петербург в октябре 1848 г.

В заключение мы публикуем письма к Е. П. Ковалевскому русско-го посла в Египте А. М. Фока¹.

История поездки Ковалевского с египетскими инженерами на Урал тесно связана с его путешествием в Африку. Еще в ноябре 1843 г. паша Египта Мухаммед Али обратился к русскому правительству с просьбой «прислать к нему нескольких горных инженеров для исследования золотоносных россыпей, открытых в Судане и южных частях Нила, и для введения усовершенствованных способов, употребляемых при разработке оных в России» [11, л. 1].

В 1822 г. Мухаммед Али завоевал Судан. В какой-то рукописи он прочел, что в бассейне Голубого Нила, на границе Эфиопии и Судана, имеются крупные месторождения золота. Приглашенные им европейские ученые не могли наладить промывку золотоносных песков для получения золота, и Мухаммед Али обратился за технической помощью в Россию, которая в 40-х годах XIX в. по добыче золота занимала первое место в мире [11, л. 1].

Просьба паши Египта была отклонена «по особенно быстрому развитию в то время золотоносного промысла в России и неимению свободных опытных людей», а также по причине, изложенной несколько позднее исполняющим обязанности начальника Штаба корпуса горных инженеров В. Е. Самарским, в ответ на просьбу Ковалевского отправить его в Африку: «Вызов к нам египтян был сделан единственно в том внимании, чтобы избежать посылки в Египет нашего офицера: полагали, что посылка будет — на смерть» [6, д. 322, л. 1]. Мухаммеду Али было предложено прислать в Россию своих людей для изучения опыта разведки и добычи золота.

Египетские инженеры Али Мухаммед Ибрахим и Исса ад-Дашури прибыли в Петербург 14 августа 1846 г. Расходы на их содержание были приняты на счет государственного казначейства. Самарский предлагал в течение недели или двух ознакомить египтян с музеем Горного института, затем отправить их в сопровождении Ковалевского на Урал «прямо в г. Екатеринбург, в окрестностях коего осмотреть Березовские и главнейшие частные золотые промыслы, предпочтительно принадлежащие гг. Демидовым (Тагильские) и Яковлеву, потом изучить способы разработки золотоносных песков, употребляемые на Горноблагодатских заводах, и оттуда проехать через Екатеринбург в Златоустовские заводы на Миасские промыслы.

На это путешествие употребить до 8 месяцев, с тем, чтобы в начале июня будущего 1846 года египтяне были отправлены из Златоустовских заводов прямо в Одессу для удобнейшего возвращения их в отечество» [11, л. 97].

14 сентября 1845 г. через Москву, Нижний Новгород и Казань Ковалевский отправился с египетскими инженерами на Урал. Накануне отъезда друзья Ковалевского — петрашевцы А. И. Пальм и С. Ф. Дуров устроили прощальный вечер, на котором присутствовали Али Мухаммед Ибрахим и Исса ад-Дашури, хорошо знакомые с петрашевцами.

Через два дня после «горестных прощаний» с Ковалевским и египтянами Пальм написал «импровизацию», которую послал своим друзьям на Урал. Вот ее начало:

¹ Документы публикуются с незначительными сокращениями; имена даются в современной транскрипции.

«И одного еще мы проводили...
И молча долго мы сидим, и очи
Потупили с каким-то страхом тайным...
И головы печальные поникли...
Как будто мы боимся перечесть
Оставшихся!.. Как будто мы зарань
Перебираем ряд, прощаний горьких!..»

[6, д. 299, л. 7]².

В «импровизации» ощущается предчувствие событий, которые произошли в апреле 1849 г., когда по доносу предателя Антонелли началась жестокая расправа царского правительства с петрашевцами.

Из публикуемых рапортов Ковалевского можно узнать подробности пребывания египтян на Урале, методы их обучения разведке и добыче золота. В июне 1846 г. Али и Дашури отправились на родину, увозя с собой модели золотопромывальных машин, сконструированных Ковалевским.

По возвращении на родину египетские инженеры успешно применили полученные знания и навыки на практике, и уже в конце 1847 г. в Россию был прислан их отчет вместе с образцами добытого золота, которое, как показал анализ, оказалось высокого качества и сразу было помещено на хранение в Музей Горного института [12, л. 31].

В ноябре 1847 г. после вторичной просьбы Мухаммеда Али русское правительство командировало в Восточный Судан для разведки золота Е. П. Ковалевского. Ковалевского сопровождал ботаник Л. С. Ценковский. Большой интерес представляют письма Ковалевского, написанные на пути из Каира в Кассан (Гейсеан), расположенный на границе Восточного Судана и Эфиопии, где Ковалевский открыл крупное месторождение золота и где под его руководством была построена золотопромывальная фабрика.

Связь с родиной во время путешествия в Африку Ковалевский поддерживал через русского посла в Египте А. М. Фока, письма которого мы публикуем полностью. В них можно найти много интересных подробностей, связанных с экспедицией Ковалевского, а также отклики на важные события, происходившие в Европе в 1848 г. Революцию во Франции Фок воспринял как «удивительное известие», которое последовало «по случаю воспрещения министерством какого-то публичного обеда». Это и другие сообщения Фока о событиях величайшей важности, определивших на длительный период времени развитие Европы, характеризуют ограниченность Фока в понимании революционных событий.

В письмах Фока встречаются интересные сведения о последних годах жизни Мухаммеда Али и его сына Ибрахим-паши. Когда Ковалевский в начале июля 1848 г. прибыл в Александрию, Мухаммед Али находился в больнице в тяжелом состоянии, страной управлял его сын Ибрахим-паша. Последний, пишет Фок, «горячо принялся за золотопромышленность, требовал сведения и посылал инструкции и мастеровых» в Восточный Судан. Именно в это время по просьбе Ибрахим-паши Ковалевский составил публикуемые ниже записки о развитии золотопромышленности в Восточном Судане и о перспективах развития горного дела в Египте и Судане, о системе подготовки в России горных инженеров.

² В. Л. Комарович неправильно считал, что это стихотворение Пальм написал в 1847 г. на смерть Валериана Майкова [10, стр. 258].

Уже в октябре 1848 г. Фок писал Ковалевскому, что по случаю болезни Ибрахим-паши «все приутихло, и я крайне опасюсь, что все Ваши труды, старания и работы будут вничто». Эти опасения оправдались. После смерти Ибрахим-паши, которая последовала 10 ноября 1848 г., и вступления на престол внука Мухаммеда Али — Аббас-паши Фок писал: «О золоте покуда ни духу ни слуху. Теперь думают только как играть, а не как добывать».

Публикуемые документы характеризуют большой вклад Ковалевского в изучение малоисследованных районов Африки и в развитие научно-технических связей между Россией и Африкой.

Достижения Ковалевского в изучении Африки были использованы и приумножены членами Русского географического общества [см. 2], которое много сделало для исследования этого континента. Имя Егора Петровича Ковалевского, одного из пионеров — исследователей Африки, навсегда останется в истории отечественной науки.

1. Рапорты Е. П. Ковалевского в Штаб корпуса горных инженеров о поездке на Урал с египетскими инженерами Али Мухаммедом Ибрахимом и Исса ад-Дашури и их отчет об исследованиях золота в Восточном Судане

1

11 сентября 1845 г., С.-Петербург

Горные инженеры паши египетского, которых я должен, по распоряжению Штаба, сопровождать на Уральские горные заводы, нашлись вынужденными пробыть еще некоторое время в Петербурге, по случаю болезни одного из них. Болезнь эта была очень опасна вначале, но ныне г. Дашури, страдавший ею, чувствует себя лучше. Докладывая о сем Штабу корпуса горных инженеров, честь имею присовокупить, что большого пользует доктор департамента Штаба корпуса горных инженеров Нурик.

2

13 сентября 1845 г., С.-Петербург

Горные инженеры Дашури и Али Мухаммед согласно распоряжению Штаба корпуса горных инженеров, в бытность свою в Петербурге осмотрели Институт корпуса горных инженеров, Технологический институт, Монетный двор, Академию наук, многие замечательные постройки, как-то: мост через Неву, устройство железной дороги и прочее. Причем они употребили несколько дней на изучение некоторых химических производств на Монетном дворе и на рассмотрение моделей, особенно машин для промывки золота в Горном институте. Г. Дашури и Али Мухаммед ведут подробный журнал своих занятий, который и поручают мне на рассмотрение.

3

6 октября 1845 г., Казань

Из рапорта моего, поданного в С.-Петербурге, Штабу известно, что один из сопутствуемых мною горных инженеров, Дашури, заболел еще в С.-Петербурге. Хотя он несколько и оправился от болезни на

месте, но дорогою боль в груди и лихорадочное состояние его возобновились и были причиною частых остановок; кроме того, и другой из путешествующих, Али Мухаммед, также подвержен частым болезненным припадкам, происходящим, по уверению врачей, от простуды. Во время дороги я должен был прибегать к частым медицинским пособиям для г.г. египетских инженеров, не смея, однако, останавливаться долго на одном месте. Таким образом, в Москве их пользовал известный доктор Корш, в Нижнем Новгороде — штабс-лекарь Бажанов, здесь — ординарный профессор, доктор медицины Вагнер.

К сему честь имею присовокупить, что, несмотря на болезненное состояние Дашури ад-Шерифа и Али Мухаммеда, они осмотрели все достойное внимания путешествующих иностранцев в Москве и в Казани и сего, нижепоименованного числа мы отправляемся отсюда к месту назначения.

4

1 ноября 1845 г., Екатеринбург

Согласно данной мне от Штаба инструкции, честь имею донести, что по прибытии моем в Екатеринбург, 16-го прошедшего октября месяца, вместе с сопровождаемыми мной инженерами паши египетского я немедленно приступил с одним из них, Дашури, к обозрению технических устройств в Екатеринбурге, и именно к амальгамирному производству и к механической мастерской, столь достойной изучения во многих местах, и по окончании занятий здесь, 24-го тоже октября, перевел его, Дашури, для изучения во всей подробности добычи и промывки песков в Березовский завод, где он ныне и занимается ежедневно до четырех часов промывкой песков на особо отведенном ему вашгерде. Так же точно он будет работать сам в шахте и в разрезе. Что касается до Али Мухаммеда, то он все еще болен и находится в пользовании доктора Вульфа как искуснейшего здешнего врача.

5

1 декабря [1845 г., Екатеринбург]

Согласно выданной мне от Штаба инструкции, честь имею донести, что горные инженеры паши египетского Дашури ад-Шериф и Мухаммед Али занимались в течение ноября месяца на Березовских промыслах, промыли собственноручно более 500 пудов золотосодержащего песку на ручных вашгердах, сверх того они ежедневно находились при деле моделей золотопромывальных машин, которые изготовляются для них, для того чтобы могли сами собрать их на месте и подробней изучить части их на случай постройки машины под их руководством в Египте. К этому долгом поставляю присовокупить, что занятия их прерываются часто болезнью одного или другого; нынче болен Дашури — простудою.

6

2 января 1846 г. [Екатеринбург]

Горные инженеры паши египетского окончили занятия свои на Березовских золотых промыслах, изучив во всей подробности промывку и добычу золотосодержащих песков. Ныне занимаются приведением в порядок сделанных для них моделей золотопромывальных машин и по-

том приступят к осмотру окрестных заводов, по окончании которого, 10-го текущего месяца, мы отправимся на Горноблагодатские заводы. Донося о сем, согласно данной мне инструкции Штаба корпуса горных инженеров, я долгом поставляю присовокупить, что по случаю громоздкости означенных моделей я хочу отправить их в Одессу с вольными возчиками, потому покорно прошу почтить меня предписанием, на чье имя адресовать их туда, а равно уведомить о том, кому они будут адресованы. Я со своей стороны полагал бы, что удобнее всего послать означенные модели на имя чиновника Министерства иностранных дел, пребывающего постоянно в Одессе.

7

1 марта 1846 г., Екатеринбург

По осмотре Горноблагодатских заводов, лежащих на пути к ним Невьянских, Тагильских, Верхненевьянских и окрестных им золотых промыслов, с целию изучения их, сопровождаемые мною горные инженеры Дашури ад-Шериф и Али Мухаммед возвратились в Екатеринбург. После чего осмотрели Каменский и Нижнеисетские заводы, и 2-го текущего марта мы отправляемся в Златоустовский округ.

8

1 апреля [1846 г.], Златоуст

Инженеры паши египетского Дашури ад-Шериф и Али Мухаммед в течение прошлого месяца осмотрели заводы Сысертский, Каслинский, Кыштымский, Соймановские золотые промыслы, Златоустовский завод, Златоустовскую оружейную фабрику, Миасские золотые промыслы и нынче работают на Атлянском прииске. При первой возможности они отправятся вместе со мною в поисковую партию для шурфовки и разведки золотосодержащих россыпей, где пробудут до начала мая месяца, т. е. до отправления своего в Одессу [11, лл. 131, 133, 137, 142, 145, 148, 169, 172].

9

*Отчет египетских инженеров Али Мухаммеда Ибрахима
и Исса ад-Дашури о золотосодержащих россыпях
Восточного Судана*

Негры, занимающиеся добычей золота, извлекают его исключительно промывкою; металл этот находится в горных долинах (хорах), на гладких равнинах и по отклинам кряжей или у самой поверхности, иногда уже на некоторой глубине, изменяющейся в Кордофанах, от одного до десяти венских футов.

В золотосодержащем округе Шейбун, находящемся в стране нубийских негров, производили мы разведку в пяти различных местах. Первое, именуемое Тире Щаро,— золото встречается там в хорах, но в весьма убогом количестве, вид его до крайности тонкозернистый. Второе место составляют горы Мавари; они удалены на два дня караванного пути от первой местности к западу; золото также найдено в хорах; здесь встречаются, но весьма редко крупнейшие зерна его. Во время бездождия, т. е. большую часть года, воды здесь очень мало.

Золотосодержащие пески вообще весьма убоги, и обработка их не окупится извлекаемым металлом.

Третье место называется Габаль эль Мауди, оно отстоит на один день пути на юг от Шаро; золото находится в хорах, равнинах и по отклонам гор; количество его весьма незначительно; недостаток в воде не замечается.

В Тире Мауди находится кроме золота, из числа полезных металлов, месторождение превосходного качества магнитной железной руды.

Четвертое место, именуемое Тире Корандо, отстоит на три дня пути от Мауди, рассчитывая переезд этот на верблюжьем ходу. Золото встречается здесь, точно так же как и в предыдущих местностях, в несколько большем количестве и на равнинах, представляющих большее простираие. Недостаток в воде не ощущается.

Пятое место называется Тире Тамбро.

По соседственному положению этих мест не заметно никакого различия ни в свойствах нахождения золота, ни в количественном содержании его. Господствующий характер окрестных гор наводит на мысль, что они заключать могут много разных руд. Вся страна эта лесами весьма изобильна.

Вторая главная разведка золотых россыпей предпринята была около Фассоглу и в стране негров Партас. Около Фассоглу исследование золотоносности произведено было в пяти различных местах.

Первое называется Газирет эль Дамм; это есть остров посреди Голубой реки, обнажающейся только при низком стоянии вод речных. Золото находится в виде зерен и пластинок, но в чрезвычайно малом количестве и с выгодой извлекаемо быть не может. Весьма вероятно, что золото, попадающееся на этом острове, приносится издалека, смываемое водою из неизвестных еще донныне местностей.

Вторая разведка была произведена около селения Амалир, лежащего на три часа пути к востоку от Мадинет — Магомед Али; в расстоянии около одного часа пути по прямому направлению находится хор, имеющий такое же название; на нем была заложена разведка.

Как в самом хоре, так и по обеим сторонам его в гору произведены были разыскания; последствия их более благоприятнее, нежели в Газирет эль Дамм, но не могут, однако ж, удовлетворить требованиям правительства. Вода и леса находятся здесь в изобилии.

Третье место называется хор Эль Дагеб, или Арендо, — лежит на три часа пути к ю.-з. от Фассоглу. Золото встречается в таком же виде, как в Амалире, но вода имеется только в дождевое время.

Фезаукаро было четвертым разведочным местом. Мы нашли там благонадежнейшие признаки золота, сравнительно с другими местами, где производили поиски.

Золото, встречаемое здесь, залегает на глубине 8 или 9 метров. По прорытию золотоносного песчаного слоя, песчаный же слой от 8—9 метров толщиной, представляющий слабую связь, должны быть заложены подземные работы для выема пласта металлоносного. Мощность последнего простирается от $\frac{1}{2}$ — $\frac{2}{3}$ метра. Во время бездождья можно пользоваться водою, скопляющейся на глубине 9—10 метров, золото может быть извлекаемо с некоторою прибылью.

Пятым разведанным местом был Фалагуд, находящийся в 4-х часах на юг от Фезаукаро. Золото в стране этой довольно распространено, но в весьма убогом содержании; вид его столь мелкозернистый, что походит на пыль. Нет надежды к прибыльному извлечению его.

Золотосодержащие россыпи в стране негров Партас, лежащие далее на юго-восток от Фассоглу.

Нам остается еще изложить последствия разведки на золото в четырех местах: Сода, Фахарно, Кассан и Дуль — в них золото добывается с незапамятных времен и доныне.

Сода есть высокая гора, около тамошнего главного хора и в нем самом добывают негры золото. Металл этот встречается весьма скудно, вода находится в изобилии, равно и горючий материал; горные жители до крайности грубы и невежественны.

Фахарно, второй разведанный пункт, лежит в расстоянии $4\frac{1}{2}$ часов караванного пути восточнее Соды; там производится также добыча золота. Негры сказывали нам, что они извлекают его только из хора, но мы убедились в металлоносности равнин, далее тянующихся; однако золото попадает в них убоже, нежели в самом хоре. Говоря вообще, золото разъеденно здесь на небольшие пространства, но гораздо благонадежнее, нежели около Фассоглу.

Третье разведанное место, Кассан, есть гора, обитаемая неграми Паргас; она лежит от Фассоглу на ю.-в. на два дня караванного пути.

На восточном отклоне гор находится один из огромнейших хор; по окраинам его господствует великолепнейшая растительность. Хор этот именуется туземцами Томмат.

Хор этот имеет значительную ширину и во многих местах по длине своей представляет низменные отклоны. Нигде не удавалось нам видеть такой живописной местности и такой большой площади, какая здесь, у Кассана. Все видоизменения дерев прозябают там в огромном количестве.

Обширные, покрытые растительностью равнины около Кассана богаты также пажитями и лугами.

Почвы удобны к водворению земледелия; можно делать засевы бобов, дурра, развести огороды, сады. Во время сильных засух пользуются в хоре Томмат водою, собирающейся на глубине одного или двух венских [дюймов].

В расстоянии 50 или 60 минут восточнее хор Томмат открывается обширная площадь, на которой золото находится в изрядном количестве. Золото попадает здесь также в обломках горных пород, окрашенных красноватым цветом, окислом железа. По обширности и благонадежности золотоносности этой местности поиски произведены были во многих точках в присутствии Халид-паши, губернатора Судана³. Золото встречается вблизи самой поверхности на глубине одного метра. Величина золотых зерен в окрестностях Кассана (называемых дули) весьма удовлетворительна. Самые тончайшие из количества шлиха, добытого при разведках, имели величину семян дятлина или трилистника; водяная струя не сносила их с промывного стана; тонких чешуек и пластинок золота вовсе не найдено, крупнейшие зерна равнялись величиною с бобами и свыше. Золотосодержащий пласт был обнаружен в различных местах на глубине одного метра или немного более.

По сделанным испытаниям работник может извлекать ежедневно золота ценностью на четыре пиастра с пособием весьма грубых орудий.

А как при употреблении машины или вашгерда, служащего на Урале для промывки песков, смело рассчитывать можно удешевления производительности на одного рабочего, то при таком пособии каждый промывальщик может добывать ежедневно золота на 40 пиастров.

Окрестности Кассана представляют самые благоприятные условия для учреждения промывальни; на первый раз можно дать работу 2000-м, а со временем усилить число рабочих.

³ Халид Хусрав-паша генерал губернатор Судана с 1845 по 1850 г.

Если место это будет избрано центральным пунктом для устройства золотопромывален, представится возможность исследовать определительнее золотоносность других округов и гораздо легче, нежели как это могло быть произведено доньше.

Четвертое место, Дуль, находится в стране негров Бурен. Дуль есть гора, отстоящая на семь дней по ю.-з.-з. направлению от Фассоглу. Гора эта также заселена неграми; на восточном отклоне ее проходит огромный хор, по ложу которого белеет всегда вода.

С незапамятных времен обитатели горы этой извлекали золото, впрочем в небольших количествах, из хора и с отклонов горы. Уже три года тому назад правительство наше отправило туда солдат для промывки золота; они и доньше там находятся. Разведка золота в Габель эль Дуль предпринята была нами в сообществе гагумдара (генерал-губернатора.— *Б. В.*) Белад эль Судана. Последствия 11-дневных работ привели к малозначительным заключениям, и устройство золотопромывален в Дуле считаем мы для правительства невыгодным. Во многих местах оказывается ощутительный недостаток в воде и климат нехорош.

Вообще не должно увлекаться промывкою золота, которая производится неграми, не испытав предварительного содержания золотосов, в тех странах, где добычей металла занимаются грубые туземцы; нельзя думать о заведении больших устройств без соображения расходов и ожидаемой прибыли. Негр с женою своею и детьми, вымывающий по-своему в сутки золота на 20 пара, остается весьма доволен, потому что не имеет прибыльной работы.

Разведки на золото около Шейбуны произведены были в декабре 1846-го и в январе 1847-го годов. Работы около Фассоглу, в стране негров племени Паргас и в Дуле предприняты в продолжение марта, апреля и мая 1847 г.

В декабре и январе 1846—1847 годов температура воздуха на солнце равнялась в полдень $36—37\frac{1}{2}^{\circ}$ по Реомюру, пред восходом солнца [температур]а воздуха понижалась до $13—14\frac{1}{2}^{\circ}$ выше 0. Около Фассоглу, Кассана и Дуля в апреле и мае температура воздуха на солнце в полдень доходила до $50—52^{\circ}$ по стоградусному термометру.

При всех поисках на золото находился с нами Халид-паша, губернатор Белад эль Судана. Его превосходительство оказывал необыкновенное усердие и ревность к достижению цели, предположенной милостивым и высоким повелителем нашим вице-королем египетским Мухаммед Али.

Составили донесение это суть горные люди Али Мухаммед Ибрахим и Исса ад-Дашури.

Александрия, 9 августа 1847 г.
[12, лл. 70—73].

II. Рапорты и письма Е. П. Ковалевского в Штаб корпуса горных инженеров

1

3 января 1848 г., Каир

По случаю продолжительных карантин, устроенных в Леванте от холеры, мы прибыли в Каир 27 декабря ст. ст. и ныне занимаемся изготовлением к экспедиции в Фазоглу. Хотя уже часть экспедиции отправлена до нашего приезда, но так как неизвестно Штабу, что из 2000 человек, участвовавших в последней экспедиции, воротилось 65, то

необходимо принять хотя некоторые меры против разрушительности климата; впрочем, мы надеемся в январе отправиться. Не лишним считаю присовокупить, что путешествие от Каира до Фазоглу, при благоприятных обстоятельствах и сократив путь тем, что из Короско мы отправимся прямо через Нубийскую песчаную пустыню, можно совершить в два месяца с небольшим и что в настоящее время я не могу располагать временем выезда своего из Фазоглу, потому что в этих странах все зависит от обстоятельств, непрерывно изменяющихся от более или менее спокойного положения Сеннара.

2

8/20 марта 1848 г., Кассан

Чсть имею представить на обороте копию письма своего к вице-королю Египта, которую покорнейше прошу сообщить к сведению Азиатского департамента. Из письма этого корпусный Штаб благоволит усмотреть об открытии золотоносной россыпи. Что же касается до количества песков в ней заключающихся, и качества их, то о сем я буду иметь честь сообщить Штабу в общем отчете. Для самого паши предмет этот послужил бы только к недоумениям. Отряд наш следует беспрестанно до сих пор. Нападение, сделанное им на негров племени Фуги, не имело неблагоприятных последствий.

3

Копия письма Е. П. Ковалевского Мухаммеду Али [без даты]

Съехавшись с генерал-губернатором Судана в Кассане, мы приступили немедленно к поискам золотосодержащих песков и достигли весьма благоприятного вывода. Халид-паша имел, вероятно, честь донести Вашему Высочеству, что один из моих рабочих намыл в течение пяти часов на простом русском вашгерде 69 габа (1 золотн., 60 долей) золота, в дополнение к сему долгом считаю присовокупить, что было бы преждевременно увлекаться таким прекрасным результатом. По строгому вычислению и соображая содержание прииска, может быть прибыльно возведение приличной фабрики, и я приступил уже к работам по этому предмету.

Составивши чертеж предполагаемой фабрики и распорядившись постройкою, имею в виду оставить одного из моих людей для надзора за сооружением ее, а сам отправлюсь в Гебель Дауб и другие места; потом ворочусь в Кассан для пущения фабрики в ход и за действием ее наблюдать буду до десяти дней, чтобы приучить туземцев к работам. Фабрика эта может со временем служить образцом, по которому Ваше Высочество может приказать возводить другие, по мере надобности.

По возвращении в Каир буду иметь честь представить соображения о плане, которому можно бы следовать при развитии работ, а равно проект колонизации рудоносных местностей. Было бы необходимо обеспечить колонии всеми удобствами жизни, сообразно отдаленности положений их, трудности работ, но соответственно выгодам, которые они принести будут, и великодушным видам Вашего Высочества.

Ваше Высочество изволили показать образец терпения, добившись этого результата, теперь предстоит поддержать эту новую и важную промышленность.

В. Е. Самарскому, 4/16 апреля 1848 г., Кассан

Милостивый государь Василий Евграфович!

Из донесений моих вы увидите успехи экспедиции и то, что я про- ник дальше всех внутрь Африки с этой стороны; но непрерывные тру- ды изнурили меня: я заболел лихорадкой, которая здесь довольно опасна. К тому же периодические дожди, во время которых здесь не остается ни один верблюд, ни одна лошадь, угрожают нам пресечь все пути. Вследствие чего я решился отправлять коллекции без себя, убедительно прося вас не раскупоривать их до моего приезда, потому что тут в моем собрании, например, птицы и [неразборчиво] в малом формате.

Если болезнь позволит путешествовать, то недели через три, окон- чивши здесь совершенно все, я выеду. В лагере большая половина больных. Это тяжелое время перед дождями, термометр на солнце по- казывает постоянно 35° по Реомюру, доходит до 39°. Едва можно дви- гаться. Я просил через брата исходатайствовать мне позволение ехать в Париж, нужно ли повторять еще. Это усерднейшая моя просьба к Вам. Если есть ко мне какие распоряжения, то здесь я могу получить их. С чувством глубокого уважения и совершенной преданности...

Е. Ковалевский

6/18 июня 1848 г., колодец Мутуэн

По выходе своем из гор я не доносил Штабу в том предположении, что приеду в Каир ранее своего донесения, но около Сеннара я забо- дел, а также из 26 человек, сопутствовавших мне из Каира, заболел 21 человек. С тех пор я пользуюсь только временным облегчением от болезни для дальнейшего путешествия. Таким образом, застигнутый желчной лихорадкой в пустыне, между Митеме и Мэрое, я едва мог прийти до колодца Мутуэн, где провел 10 дней под открытым небом, между тем как каждый день жар доходил до 40° по Реомюру. Завтра я решился следовать далее. Из сего корпусный Штаб заключить мо- жет, что дальнейшее путешествие мое не зависит более от меня (12, лл. 140, 142, 144, 152—153, 156).

III. Записки Е. П. Ковалевского Ибрахим-паше

14/26 июля 1848 г., Александрия

Имею честь представить Вашему Высочеству чертежи различных машин для промывки золотоносных песков, тех, которые я сконструир- овал, а также журнал работ и исследований золота на этой золото- промывальной фабрике, утвержденные Халид-пашой, главным прави- телем Судана, мною и другими офицерами, прикрепленными к горным разработкам.

По этому журналу паша будет иметь удовольствие убедиться, что золото, которое я ему представил, является продуктом 7 дней работы, потому что остальные три дня работ, проведенных в мое отсутствие, были употреблены Халид-пашой для различных опытов, которые дали слабые результаты, несмотря на инструкции, которые я ему оставил.

Е[го] В[ысочество] соизволит разрешить мне лично объяснить ему различные чертежи машин, употребляемых для промывки золота. Что касается журнала, то я буду просить Е. В. дать мне копию.

2

14/26 июля 1848 г., Александрия

Е. В. соизволило послать в Россию пять молодых людей, чтобы изучить горное дело. Видя желание Е. В. иметь практиков горного дела как можно раньше, я предлагаю послать трех молодых людей прямо на горные разработки Урала, чтобы они своими собственными руками работали в рудниках и на золотопромывальных фабриках, а также принимали участие в изготовлении машин, чтобы впоследствии самим управлять золотопромывальными фабриками. Таким образом, Е. В. за два или три года будет иметь достаточно сведущих людей.

Что касается двух других, то их можно устроить в Горный институт в Петербурге, чтобы они там основательно изучили горное дело, а через 7 лет они поедут на рудники Урала и Алтая, пополнят там свои теоретические знания и станут искусными и сведущими горными инженерами.

3

15/27 июля 1848 г., Александрия

Вслед за предпринятыми Е. В. мудрыми мерами по отношению к горному делу страны по последовательной подготовке молодых людей для этой цели я осмеливаюсь высказать свое мнение по этому вопросу.

1. В течение этого года необходимо соорудить фабрику на шесть машин и сделать все приготовления для строительства фабрики возле золотых приисков, которые я также открыл на Тумате. Эта фабрика должна быть закончена в следующем году, и управление ее должно быть поручено одному из двух молодых инженеров, а если это будет невозможно, то майору артиллерии Ахмеду Эфенди, также прикрепленному к горным рудникам. Третья фабрика будет построена на реке Тумате, выше этой.

2. Все предметы из дерева или железа, необходимые для строительства фабрики, должны быть изготовлены на месте. За исключением предметов наиболее деликатных, которые должны быть изготовлены здесь по моделям, которые я буду иметь честь представить. Поэтому для этого дела нужно направить 5 кузнецов и 10 мастеров, людей способных, а не таких, какие были присланы в прошлом году.

3. Рабочие должны быть организованы в колонию и образовать укрепленную линию под названием военных горняков. Таким образом, страна В. В. не будет подвергаться нападениям со стороны галла. Негры, которые там обитают, не будут бунтовать каждый год против могущества В. В. и владений Судана и постепенно уйдут в глубину Африки.

Батальоны, которые сейчас находятся в Хартуме и других городах Судана, не будут вынуждены каждый год на протяжении пяти месяцев совершать экспедиции в горы, где они теряют много людей и лишены необходимых средств существования.

4. Таким образом, в Сеннаре образуется новая область, которая охватит всех колонистов — военных горняков, эти маленькие укрепления, и всех негров в округности. Эта незначительная в настоящее время область в будущем приобретет большое значение. Начальник ее должен быть инженером.

5. Законы горного дела в Европе должны быть частично приняты в горном деле Египта. В данный момент я просил бы принять все меры предосторожности, чтобы помешать краже золота. С этой целью надо было бы запретить продажу золота в местах, где есть золотопромывальные фабрики, и если у рабочего будет найдено золото, то он должен рассматриваться как вор и быть наказан не только за кражу, но и как за святотатство.

6. Преступники не должны высылаться в места золотых приисков, а должны быть использованы в колониях на Белой реке или на рудниках по добыче железной руды.

7. Что касается до разработок в Кордофане, то я думаю, что доменная печь, которую там хотят в настоящее время построить, не может быть использована в Куронне по следующим обстоятельствам: во-первых, она слишком дорога и требует много угля и минералов, тогда как в Кордофане мало одного и еще меньше другого. С другой стороны, рубя акацию, чтобы получить уголь, правительство лишит себя гуммиарабика, отсюда вытекает более приемлемое — построить маленькие доменные печи вроде тех, которые употребляют в России, Швеции и Испании, когда не хотят вести производство в больших масштабах [6, д. 55, лл. 36—38].

IV. Записки и рапорты Е. П. Ковалевского в Штаб корпуса горных инженеров после окончания экспедиции в Египет и Восточный Судан

1

14 сентября 1848 г., Константинополь

Министр иностранных дел и торговли вице-короля Египта при письме от 6 августа 1848 г. препроводил мне две тысячи франков для выдачи их бывшим со мною людям. Согласно такого письма, личного объяснения с его превосходительством Артим-Беем⁴ и последовавшего за тем разрешения чрезвычайного посланника и полномочного министра при Порте, господина Титова, я выдал сию сумму по следующему распределению: штейгеру Бородину тысячу франков, горному мастерскому Фомину 800 франков, бывшему на частных золотых промыслах золотопромывальщику мещанину Сухареву двести франков.

Всем трем за деятельное участие в открытии золотопромывочных россыпей, а первым двум за устройство самой золотопромывальной фабрики [6, д. 54].

2

1 ноября 1848 г., С.-Петербург

Имею честь донести Штабу корпуса горных инженеров, что я из возложенной на меня по высочайшему повелению командировки в Египет прибыл в С.-Петербург 31 минувшего октября.

3

Осень 1848 г., С.-Петербург

Его превосходительство г. министр финансов предписанием своим от 20 октября 1848 г. (№ 5313), между прочим, приказать изволил

⁴ Артим-бей — министр иностранных дел и торговли Египта.

представить в корпусный Штаб счет денег, выданных мне по эксординарным издержкам. Вследствие чего имею честь донести, что 250 голландских червонцев, отпущенных мне на этот предмет, израсходованы следующим образом.

Издержано корпусным Штабом на покупку инструментов — 15 червонцев. Издержано мною на приобретение новых инструментов и поверку в каирской обсерватории — 30 черв. На пересылку в Константинополь коллекций, на изготовление для них ящиков — 30 черв. На плату во время переходов по Египту, Нубии и Земле Негров, за баржи, верблюдов и [неразборчиво] там, где не имелось таковых, — 175 червонцев.

Само собою разумеется, что денег этих весьма недостало бы, если бы правительство Египта нам не отпускало бы своих барж, верблюдов или не брало бы их с арабов, если имелись такие, которые зависели от Египта [6, д. 55, л. 4].

4

28 февраля 1849 г., С.-Петербург

Согласно данных Штабом корпуса горных инженеров, при отправлении моем во Внутреннюю Африку, инструкций, честь имею представить в Штаб: 1) Геологическое описание всего Нильского бассейна⁵. 2) Коллекцию горнокаменных пород, собранных на всем пройденном мною в Африке пространстве⁶. 3) Описание и различные соображения по золотому производству Руссигера⁷, Бореани⁸, Ламберта⁹, Лефевра¹⁰, выданных Штабом при отправлении моем. 4) Барометрические, термометрические и психрометрические наблюдения, произведенные мною во время путешествия и приложенные к описанию¹¹.

Что же касается до карты земель, снятых мною на месте, из которых многие еще никем не были посещены, то она будет отпечатана, и тогда я буду иметь честь представить в Штаб один экземпляр печатной карты, с тем что не благоугодно ли Штабу поручить мне отпечатать и все число карт, нужное для приложения к Горному журналу, буде моя статья предназначается для печати. Карта, как благоволит усмотреть Штаб, сделана лучшим художником на французской веленовой бумаге в большой лист [12, л. 277].

*V. Письма русского генерального консула в Египте А. М. Фока
Е. П. Ковалевскому.*

1

21 января 1848 г., Каир

Милостивый государь Егор Петрович!

С возвращением г. Давыдова я с удовольствием узнал о благоприятном доплытии Вашем до Асуана, хотя, правда, и не без неприятностей, увы, слишком неизбежных в такой стране. Мне жаль, что Вы не

⁵ Опубликовано в «Горном журнале» [9].

⁶ Эта геологическая коллекция хранится в Музее горного института [5, стр. 200].

⁷ Руссигер Иосиф (1802—1863) — австрийский путешественник и горный инженер.

⁸ Бореани — итальянский горный инженер.

⁹ Ламберт-бей Чарльз (1804—1864) — французский инженер. По поручению Мухаммеда Али занимался гидротехническими работами и разведкой золота в Восточном Судане.

¹⁰ Лефевр — французский горный инженер; вместе с Ламбертом занимался разведкой золота. Умер в Фазогли в 1839 г.

¹¹ Карта и наблюдения опубликованы [7].

поладили с английским генер[альным] консулом. Он человек учтивый и хороший, и все произошло от недоразумения или, лучше сказать, от ошибки Хозрев-бея, который забыл Вас предупредить, что по просьбе английского консула было дано здесь же от паши приказание Вашему пароходу буксировать лодку его, в случае встречи и надобности.

Писем ни для Вас, ни для г-на Ценковского я по сию пору не получил. Но получил «Северную пчелу», которую посылаю Вам при сем. В ней Вы найдете мало нового и любопытного, но все же в глуши, где Вы находитесь, будет для Вас служить поминою об отчизне.

Мухаммед Али все нездоров и слаб. Однако ж нет причины особенно беспокоиться; а впрочем, чтобы здесь ни случилось, на Вас и на путешествие Ваше не будет иметь никакого особого влияния.

Преданный Вам Фок

2

17 февраля 1847 г., Каир

Милостивый государь Егор Петрович,

Поспешаю доставить Вам письмецо, полученное мною на днях на Ваше имя. Более ничего ни для Вас, ни для г-на Ценковского я не получил.

От себя посылаю с сим вместе («*pour charmer vos loirciezs*») последние номера «Северной пчелы» до нового года и ноябрьскую книжку «Современника».

Мухаммеду Али все было хуже да хуже, и он отправился в море для перемены воздуха. По последним известиям, он находился в Мальте, и ему было вовсе не легче, так что мы ежедневно ожидали дурных известий.

Здесь, впрочем, все тихо. Только беспокоятся одни итальянцы, и то по случаю конституции, дарованной королем Неополитанским и Сардинским.

Из России ничего особенного не слыхать. Государь император был нездоров, страдал простудой и желчною лихорадкой, но уже ему было лучше.

Преданный Вам Фок

3

5 марта 1848 г., Каир

Милостивый государь Егор Петрович,

Вот Вам снова два письма, полученные мною из России на Ваше имя по последней почте. При сем также последние номера «Северной пчелы».

Паши наш все болен, но еще не приказал долго жить. Он выдержал карантин в Мальте, был там принят по-царски и отправлен оттуда в Неаполь 2 марта н. с., т. е. по-нашему 19 февраля.

Между тем мы получаем из Европы все более и более удивительные известия. Во Франции *республика*. Людовик-Филипп и все его семейство бежало в Англию. И все это в один день, 12/24 февраля, по случаю воспрещения какого-то публичного обеда (*Banquet reformé*). Гизо и К^о все отданы под суд. Чем все это кончится, один бог знает.

В России покуда все обстоит благополучно и нового ничего нет. Дай бог Вам доброго здоровья, успеха в предприятии и скорого и благополучного возвращения.

Преданный Вам Фок

4

2 июня 1848 г., Александрия

Милостивый государь Егор Петрович,

Поздравляю от души с блистательным успехом Вашей дальней и многотрудной экспедиции и благодарю за Ваши два письма. Донесения Ваши в Штаб горных инженеров за открытою печатью были отправлены к г. посланнику в Константинополь, а от него через Азиатский департамент по принадлежности. Согласно с желанием Вашим я распорядился, чтобы по прибытии Вашем в Асуан Вы нашли две баржи, а также карту Египта и сведения метеорологические и гидрологические. Но не знаю, удастся ли, что касается до сих двух последних статей. При сем посылаю все письма и пакеты, полученные на имя Ваше и г-на Ценковского. Я Вам не писал и не посылал их в Сеннар, опасаясь, чтобы они с Вами не разъехались. Лучше подождать немного и отправить наверное, я полагаю и надеюсь, что Вы за то на меня пенять не будете.

Как Вам, конечно, уже известно, многоуважаемый Мухаммед Али, вследствие тяжелой своей болезни, совершенно сошел с ума и управляет Египтом Ибрахим-паша. Сей последний гораздо поблагоразумнее, и я полагаю, Вы останетесь им более довольны.

Во Франции, в Италии, Германии все сильно волнуются, только у нас, слава богу, все тихо, но крепко готовятся к войне.

Все вещи Ваши вы найдете у господина Бокота в Каире, бумаги же у меня в Александрии. Преданный Вам Фок.

Р. S. Я сей час воротился от Ибрахим-паши, и он сказал, что пошлет пароход вас водить в Асуане. Следовательно, надеюсь увидеть Вас в скором времени.

5

24 июня 1848 г., Александрия

Милостивый государь Егор Петрович,

Я надеюсь, что проездом через Асуан Вы получили исправно письмо мое и приобретенные при нем пакеты и для Вас и для г. Ценковского. Я надеюсь также, что Вы нашли там желанный пароход для переезда в Каир.

В Каире же теперь жарко, и никого там нет; а потому Ибрахим-паша и я, мы оба, желаем, чтобы, не останавливаясь там понапрасну, Вы постарались скорее прибыть в Александрию. Полагая, что Вы не найдете никакого неудобства исполнить сие желание, я Вам ничего более не пишу, предпочитая переговорить обо всем на словах, при личном свидании. Я Вам по сей причине и не посылаю денег, поручив, однако ж, г. вице-консулу Бокоте снабжать Вас на случай надобности всем тем, что нужно будет. Я посоветовал Ибрахим-паше предоставить Вам жить в Отеле. Он, кажется, на это согласился, и я думаю, что Вы этим не будете недовольны. На всякий случай посылаю письмецо на Ваше имя из С.-Петербурга. Это все, что я имею для Вас. Какую-

то книгу я оставлю при себе до Вашего приезда, как равно книгу и кипу какой-то простой бумаги для г-на Ценковского.

Преданный Вам Фок.

6

24 октября 1848 г., Каир

Милостивый государь Егор Петрович,
Получил письмо Ваше и возвращаемые книги и приношу Вам всю мою благодарность за добрую Вашу память.

Я не оставил снова намекнуть Артиму-Бею о Вашем Нишане, и он отвечал мне письменно, что непременно будет о том говорить с Ибрахим-пашой. К несчастью, паша наш весьма болен и слаб; врачи запрещают ему заниматься делами и даже говорить, и потому нельзя пенять ни на меня, ни на Артим-Бея, если произойдет какое-нибудь замедление. Сначала новый Вице-Король горячо принялся за золото-промышленность, требовал сведения и посылал инструкции и мастеровых. Но теперь, по случаю болезни, все приутихло, и я крайне опасуюсь, что все Ваши труды, старания и работы будут вничто, и, как говорят французы, «nous avions fait un trou dans l'eau».

Благодарю Вас также за все сказанное в пользу Мастроса. Его назначили теперь 2-м драгоманом при консульстве, и я уверен, что слова Ваши не остались без внимания.

Табакерка Ваша отправлена уже прямо через Маслум-Бея в миссию¹², я надеюсь, что Вы получите ее в скором времени. Находясь в Каире, я ее не видел, но не сомневаюсь, что должна быть хороша, и Вам понравится. На ней должно быть бриллиантовое изображение вензеля Мухаммеда Али.

Рафалович был в Испании, Алжире и Турции и намеревался возвратиться в П[етер]бург чрез Париж в Берлин. Вы, может быть, с ним встретитесь. Если вспомните об Египте, то поклонитесь ему и от меня.

С чувством совершенного почтения и преданности честь имею быть Ваш покорный слуга Фок.

P. S. От Ценковского ни духу ни слуху. Мне он не пишет, но я получил и отправил с месяц тому назад письмо на имя Ваше. А потому Вы более меня знаете об его странствованиях и намерениях.

7

30 января 1849 г., Каир

Почтеннейший Егор Петрович,

Благодарю Вас сердечно за добрую память и за известия о себе и П[етер]бурге. Табакерка Ваша отправлена давно прямо из Александрии в Китай, так что я ее и не видел. Вероятно, карантинные очищения ее задержали; и я надеюсь, что Вы ее получили вскоре по отсылке Вашего письма и остались ею довольны, хотя и, может быть, цену поуменишили. Дело о Нишане должно быть также приведено к успешному окончанию по случаю пребывания Аббас-паши в Константиноп[оле], обще с Артим-Беем, который, как кажется, исправно возвраща-

¹² В это время Ковалевский уже готовился к новому путешествию в Китай с русской духовной миссией [8].

ется и взялся при отъезде все устроить к лучшему. Впрочем, если, па-че чаяния, будет неудача, так помните, я постараюсь, по крайней мере, доставить Вам бриллиантовое украшение Египетского Бей. О золоте покуда ни духу ни слуху. Теперь думают только как играть, а не как добывать. Увидим, что будет дальше. Ваш друг Халид-Паша написал было покойному Ибрахиму, что все было открыто и прежде Вас и что арабские их машины гораздо лучше наших; но Ибрахим ему ответил по-своему, что он, Халид-Паша, неуч и дурак, не полагался лучше знать человека, проведшего свою жизнь на заводах и присланного государем императором, и чтобы он делал, как приказано, если не хочет быть вызванным и оставить кости в Абукире. Чего будет ныне, я, право, не знаю, но уже голова и руки, управляющие советом, не те, и Халид-Паша *jusqu'a nouvel ordre se moquera de tout le monde*.

О Ценковском я также не имею никакой вести и весьма не доволен, что он мне не пишет. От одного путешественника я узнал, что он в прошлом сентябре намеревался отправиться в Кордофан. Что с ним с тех пор сделалось, не знаю и больно опасаясь, чтобы что-либо не приключилось. Письмо Ваше до времени оставляю при себе. Может быть, вдруг явится.

Из «Северной пчелы» я узнал, что Вам пожаловали Анну — 2-й степени, с чем и поздравляю. Однако для получения такой награды, кажется, так далеко съездить было не к чему. Преданный Вам от души Фок.

Клодт-бей¹³ и Д'Арно¹⁴ весьма благодарили за память [6, д. 356, лл. 1—12].

1. Вальская Б. А., Академик К. М. Бэр о путешествиях Е. П. Ковалевского в Египет и Китай в 40-х годах XIX в.,— «Страны и народы Востока», М., 1959, вып. 1.
2. Вальская Б. А., Вклад Русского географического общества в изучение Африки,— «Страны и народы Востока», М., 1969, вып. IX.
3. Вальская Б. А., Е. П. Ковалевский и русские востоковеды,— «Доклады Восточной комиссии Географического общества СССР», 1965, вып. 1 (2).
4. Вальская Б. А., Новые материалы о путешествии Е. П. Ковалевского в Египет, Восточный Судан и Западную Эфиопию,— «Страны и народы Востока», М., 1965, вып. IV.
5. Вальская Б. А., Путешествия Егора Петровича Ковалевского, М., 1956.
6. Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 356, оп. 1.
7. Ковалевский Е. П., Нильский бассейн в геологическом отношении,— «Горный журнал», 1849, ч. II.
8. Ковалевский Е. П., Путешествие в Китай, СПб., 1853.
9. Ковалевский Е. П., Путешествие во Внутреннюю Африку, СПб., 1849.
10. Комарович В. Л., Поэты-петрашевцы, М., 1940.
11. Центральный государственный исторический архив СССР, ф. 44, оп. 2, № 835, 1843 г.
12. Там же, оп. 1, № 953, 1847 г.

¹³ Клодт-бей (1796—1868) — французский врач на египетской службе, автор книги о Египте.

¹⁴ Арно-бей (1812—1884) — французский инженер, участвовал в трех экспедициях на истоки Белого Нила в 1838—1843 гг.

В. С. Ягья

СДВИГИ В СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВОЙ СТРУКТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ ЭФИОПИИ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

В литературе еще нет специальной работы, посвященной анализу социально-экономической структуры населения Эфиопии. В данной статье предпринимается попытка рассмотреть сдвиги в классовом строении Эфиопии в новейшее время¹.

Общественно-экономическая структура современной Эфиопии, характеризующаяся господством феодальных производственных отношений, а также наличием капиталистического уклада и сохранившихся местами остаточных явлений родо-племенных отношений, обуславливает многообразие существующих в стране классов, слоев и прослоек.

По сравнению с исходным годом рассматриваемого периода истории (1917/18 г.) в классовом строении Эфиопии произошли определенные изменения, вызванные развитием капиталистических отношений (к 1918 г. в хозяйстве страны возникли лишь отдельные элементы капитализма), но по-прежнему основные классы общества — феодалы и крестьянство (хотя они и претерпели некоторую модификацию), отношения между которыми определяют природу феодального способа производства. Вместе с тем в Эфиопии формируются социальные группировки буржуазного общества. Что касается дофеодальных объединений, то они постоянно испытывают воздействие новых общественно-исторических тенденций: связи внутри их слабеют, усиливается имущественное неравенство между их членами и т. д.

Главным эксплуатируемым классом и поныне продолжает оставаться крестьянство. Оно количественно преобладает над всеми другими классами и слоями: по официальной оценке, в Эфиопии насчитывается 4 млн. крестьянских семей [1], или около 90% населения. Для него свойственна социальная многослойность, что объясняется, во-первых, существованием в рамках феодальной общественно-экономической формации различных укладов и, во-вторых, разнообразием практиковавшихся и практикующихся форм феодальной эксплуатации.

Самый многочисленный слой крестьянства — свободные (большой частью формально) крестьяне-арендаторы. За аренду они выплачивают землевладельцу до $\frac{2}{3}$ урожая (но, как правило, не менее $\frac{1}{3}$, в очень

¹ Статья не претендует на полноту изложения материала. В ней лишь определяются основные социально-классовые изменения в эфиопском обществе.

редких случаях— $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{5}$)². Кроме того, до 1944 г. существовала барщина, но отработочная рента сохранилась и по настоящее время, правда зачастую в модифицированном виде, а именно: оказание крестьянином бесплатных трудовых услуг становится своеобразной платой помещику за увеличивающиеся ежегодно долги. До сих пор крестьяне обязаны подносить помещику различные подарки (например, в пасху — одну овцу от деревни). С крестьян землевладельцы стремятся взыскать в свою пользу те налоги (преимущественно в натуральной форме), которые им приходится выплачивать государству. К таковым относятся налог вместо десятины, поземельный налог, налог на образование и налог на здравоохранение. Особенно помещики преуспели в сборе с крестьян-арендаторов десятины. По-видимому, в данном случае на руку помещикам играет в значительной мере традиция, связанная с тем, что до 1944 г. десятина с крестьянских дворов ежегодно шла в обязательном порядке в государственную казну. Кроме того, крестьяне-арендаторы выплачивают государству налог на скот, ставки которого колеблются в расчете на одну голову скота от 0,1 до 1 эф. долл. [см. 9, стр. 261]. Словом, арендаторское крестьянство подвергается жестокой эксплуатации, испытывая двойной гнет со стороны помещиков и государства. Монопольное положение крупных земельных собственников позволяет им использовать самые жестокие методы феодальной эксплуатации, полностью присваивая земельную ренту и лишая крестьян средств, необходимых не только для расширения хозяйства, но и для поддержания нормального уровня потребления. Издольщик обречен на постепенную пауперизацию, поскольку у него изымают даже часть необходимого продукта.

Еще тяжелее, чем у крестьян-арендаторов, было положение так называемых гэббарных крестьян. Существование этого слоя феодального крестьянства было связано с наличием в общей структуре поземельных отношений Эфиопии так называемой гэббарной системы, которая, думается, являлась одной из форм крепостного права. Она широко применялась в южных, юго-восточных и юго-западных районах, присоединенных к Эфиопской империи в конце XIX в. В 1935 г. гэббарная система не практиковалась только в центральных районах современной Эфиопии и примыкающих к ним (небольших по площади) областях.

Суть ее состояла в том, что земля, жалуемая императором военным и гражданским чиновникам для прокормления, предоставлялась вместе с жившими на ней крестьянами (гэббарами), которые должны были полностью содержать этих представителей власти. Число гэббаров у того или иного чиновника или военнослужащего зависело от его заслуг и должности: солдату, например, выделялась одна крестьянская семья. В тех случаях, когда гэббары не могли рассчитаться со своим хозяином, они отдавали ему в рабство своих детей [см. 6, стр. 108]. Гэббары также платили налоги государству (императору). В связи с тем что непосредственное управление на местах было возложено на традиционных родовых старейшин и племенных вождей, гэббарные крестьяне по-

² В гражданском кодексе Эфиопии зафиксирован предельный размер арендной платы, а именно: $\frac{3}{4}$ урожая. Как отмечалось на состоявшемся в 1965 г. в Университете им. Хайле Селассие I семинаре юридического факультета, натуральная феодальная рента подобных размеров в Эфиопии не практикуется. Было высказано предположение, что введение ее призвано стимулировать увеличение производства сельскохозяйственной продукции на полях крестьян-арендаторов [13, стр. 156]. В проекте аграрной реформы, представленном в апреле 1971 г. на рассмотрение парламента, предусматривалось установить максимум арендной платы в размере $\frac{1}{3}$ урожая [см. 7].

пали еще и под гнет своей верхушки (постепенно феодализирующей-ся). Таким образом, гэббары испытывали тройную эксплуатацию: со стороны феодального государства, пришлого военно-чиновничьего персонала и своей традиционной родо-племенной верхушки. Гэббарная система, сдерживавшая экономическое развитие Эфиопии, была упразднена сразу же после ее освобождения от итало-фашистской оккупации. Тем самым исчезла прослойка гэббарных крестьян в среде эфиопского крестьянства. Подавляющее большинство из них стало арендаторами.

Среди арендаторского крестьянства в настоящее время выделяются своим особенно тяжким положением крестьяне, сидящие на церковно-монастырских землях и арендующие эти земли. Законы страны, запрещавшие взимание различных податей и повинностей с крестьян, кроме налогов, установленных государством, официально не распространялись на «церковно-монастырских крестьян». Наоборот, им вменялось в обязанность оказание различных бесплатных трудовых услуг церквам и монастырям, вплоть до обработки земель, оставленных церковнослужителями для ведения собственного хозяйства. Эти крестьяне отдают в качестве арендной платы часть их урожая, обычно одну треть. Выплачиваемые ими также поземельный налог и налог вместо десятины идут в церковную (или монастырскую) казну. Сверх того, с них причитаются различные подношения священнослужителям.

Немногочисленной прослойкой является общинное крестьянство. Общинных земель в Эфиопии мало; они расположены главным образом в провинциях Шоа, Тигре и Эритрея. Ответственность за выполнение феодальных повинностей в общине возлагается на выборного старосту — *чыкка шума*, который постепенно превращается в пожизненного управителя. В 60-х годах ускорился процесс распада общины, из нее выделяются собственники, нередко использующие наемный труд.

На долю общины и частнокрестьянского землевладения приходится около 10% пригодной для обработки земли. Крестьяне — собственники земли составляют особый слой в среде земледельческого населения Эфиопии. Крестьяне-собственники выплачивают государству единый земельный налог, состоящий из поземельного налога и налога вместо десятины. Кроме того, на них распространены налоги на образование и здравоохранение. Размеры всех этих налогов довольно высоки (от 15 до 50 эф. долл.), поэтому-то они часто не могут выплатить его в срок. Государство прибегает к штрафам, чтобы заставить вовремя вносить налоговые платежи, увеличивая тем самым задолженность крестьян — собственников земли и ухудшая их материальное положение. Но, хотя крестьяне — земельные собственники терпят значительные лишения, они в социально-экономическом отношении выгодно отличаются от остальной крестьянской массы.

В начальный период новейшей истории в Эфиопии было немного частнособственнических крестьянских хозяйств. С 40-х годов и по настоящее время число их резко увеличилось. В этом сказывается одно из направлений аграрной политики эфиопского правительства, предусматривающего постепенный перевод феодального хозяйства на рельсы капиталистического развития путем расширения аренды государственных и частных земель и передачи части государственных земель в индивидуальное владение. Часть крестьян — собственников земли начинает организовывать свое хозяйство на предпринимательской основе, при этом некоторые из них приарендовывают земли у помещиков (арендуют часть земли у помещиков нередко и те крестьяне-собственники, которые по-прежнему ведут хозяйство на докапиталистических началах). Тем самым они пополняют ряды аграрной буржуазии Эфиопии.

В целом, однако, крестьянское хозяйство носит натуральный и полунатуральный характер. Большинство крестьянского населения составляют бедняки; кулацких и середняцких хозяйств немного. Основная масса крестьян имеет обрабатываемые земельные участки, не превышающие по своим размерам 1 га; есть крестьянские наделы, площадь которых выше 1 га, но обычно не более 3 га [8, стр. 23—25; 19, стр. 496]³. При этом следует учитывать изолированность друг от друга отдельных участков обрабатываемой крестьянином земли, что, естественно, снижает экономическую эффективность их использования и возможности применения современной агротехники.

В довершение ко всем тяготам, испытываемым крестьянами, будь то арендаторы или собственники, следует указать на их эксплуатацию со стороны торгово-ростовщического капитала. Газета «Аддис Зэмэн» в редакционной статье писала, что скупщики сельскохозяйственной продукции продают ее затем по ценам, превышающим в два-три раза цену, по которой она была приобретена у крестьян. Газета прямо называет подобное явление грабежом [2].

Развитие торгово-ростовщического капитала, действующего в эфиопской деревне, свидетельствует о росте еще одной стороны капитализации в сельском хозяйстве. В прошлом (имеется в виду начало новейшего периода в истории) в Эфиопии сфера действия торгово-ростовщического капитала была крайне узкой.

В целях противодействия жестокой эксплуатации со стороны торговцев и ростовщиков, а также увеличения производства в 60-е годы в стране стали возникать сельскохозяйственные снабженческо-сбытовые кооперативы. Сейчас их около 20. Правительство стремится оказать им финансовую поддержку [14, стр. 320; 16, стр. 231]. Становление кооперированного крестьянства — новое явление в эфиопской действительности.

Говоря о сельском населении Эфиопии, нельзя не упомянуть о прослойке служилых людей, получивших за несение определенного вида службы в пользу государства (императора) землю в пожизненное, но не наследственное владение — так называемые гультывые земли. Система подобных пожалований, именуемая гультом, стала практиковаться в Эфиопии задолго до новейшего периода ее истории. Строго говоря, жаловалась не земля, а право собирать все или некоторые подати и налоги. Лишь служилые люди самых низших рангов, как правило, лично обрабатывают полученную в пользование землю, хотя некоторые из них стали все чаще прибегать к услугам батраков. Имеются различные виды (или типы) гультывых пожалований, что связано с выполнением различных обязанностей. Одним из самых распространенных является *мадэрья мэрет* — земля, которая предоставлялась, как правило, солдатам пехоты. Гультывые пожалования предоставлены территориальной армии, которая в ряде мест выполняет полицейский надзор. Положение низших гультэннья (так называется по-амхарски тот, кому пожалован гульт) намного лучше крестьян-арендаторов и даже в известной мере крестьян — мелких земельных собственников. Гультэннья низших рангов располагают к тому же сравнительно большими земельными

³ Согласно официальному заявлению в июле 1967 г. заместителя министра земельной реформы Баллетэ Гэбрэ Цадька, одна крестьянская семья в стране обрабатывает немногим более 3 га [см. 1]. Но уже в третьем пятилетнем плане было отмечено, что из 4 млн. крестьянских хозяйств 90% имеет менее 5 га каждый, причем $\frac{2}{3}$ из них — менее 1,5 га [14, стр. 319]. По мнению Б. Уинид и Тайе Рета, лишь 5% крестьянских хозяйств располагают наделами в 3 га. Они полагают, что участки большинства из них едва достигают 0,5 га [20, стр. 192].

участками, достигающими часто 40 га и даже более. Гультэннья выплачивают, как правило, только налог вместо десятины. Они никогда не несли барщины и многочисленных поборов и повинностей. Лишь некоторые виды гультовых земель облагались дополнительными налогами. Поскольку тот или иной вид службы продолжал исполняться из поколения в поколение членами семьи первого гультэннья, то и пожалованная земля оставалась за ними и их потомками. Таким образом, земля превращается в наследственное, но все-таки условное держание — пользование.

Налоговые льготы, предоставляемые государством, земельные наделы относительно больших размеров, наследственно-условное закрепление земли, обладание определенными государственно-служебными функциями — все это выгодно отличает служилых людей низших рангов (гультэннья) от крестьянской массы, и в силу этих же причин их можно считать полуфеодальным слоем в структуре эфиопского сельского населения⁴.

Значительные по площади гультовые наделы получали феодалы, находившиеся на службе императора (государства), или те из престолюдинов, кто наиболее отличился, выполняя волю монарха. Крупные гультэннья по своему положению в обществе или социальному происхождению относятся к феодальному классу.

В 50—60-е годы правительство приняло несколько постановлений, в соответствии с которыми часть гультэннья становилась собственниками земли, прежде им данной в виде гульга. Тем самым они лишались налоговых привилегий, что вело к увеличению доходов государства. Кроме того, это означало сокращение численности гультэннья как социального слоя в классовой структуре Эфиопии и одновременно рост частного феодального либо крестьянского землевладения.

Земледельческий строй Эфиопии определял и поныне определяет экономическое и политическое господство феодалов. Крупное помещичье землевладение составляет общественно-хозяйственную основу эфиопского государства. На долю царствующего дома и светских феодалов приходится 60% пригодной к обработке земли, но не вся она включена в сельскохозяйственный оборот. Феодальный класс не был однороден в социальном отношении ни в начале новейшего периода истории Эфиопии, ни тем более сейчас. Высшую ступень занимают император, которому формально принадлежит вся земля, и члены его семьи (причем земли, находящиеся в собственности членов императорской фамилии, освобождены от налогов [16, стр. 226]), затем следует военно-феодальная знать, располагающая огромной земельной собственностью (владения отдельных ее представителей достигают нескольких тысяч гектаров).

Военно-феодальная знать, составляющая категорию крупных феодалов, обладает значительной экономической и политической силой. Выступив вкупе со средними и мелкопоместными феодалами, а также духовенством, они практически сорвали проведение аграрной реформы в середине 60-х годов. В 1967 г. феодалы воспротивились введению прогрессивного налога, устанавливаемого не в соответствии с размерами земельного участка (как было прежде, по закону 1944 г.), а с учетом дохода (урожая), полученного с этой земли. Дело дошло даже до открытого неповиновения правительству в провинции Годжам. [16,

⁴ Служилые люди до некоторой степени все-таки зависимы от феодального государства. Эта зависимость проистекает прежде всего из того, что земля за ними закрепляется до тех пор, пока они исполняют определенную службу. Отказ от нее влечет за собой изъятие пожалованного земельного участка.

стр. 229]. Представители военно-феодальной знати занимают, как правило, высшие посты в государственно-административном и военно-полицейском аппарате. На высокие государственные должности допускаются также феодалы средней руки и даже мелкопоместные, но они чаще всего служат в провинциальной, областной, окружной или районной администрации⁵. Хотя существуют определенные социальные различия между тремя указанными категориями феодалов (крупные — военно-феодальная знать, средние и мелкопоместные), все же в Эфиопии нет резкой сословной грани между ними, наблюдавшейся в европейских странах в эпоху феодализма. Это частично подтверждается отсутствием права наследования титула отца: сын должен заслужить военно-феодальный или феодальный (феодално-гражданский) титул отца своим служением государству (императору), начиная продвижение к нему от нуля через серию промежуточных титулов; довольно часты случаи, когда сын либо не достигает отцовского титула, либо вообще остается нетитулованным⁶.

Военно-феодальная знать в современной Эфиопии распадается на две основные группы. Одна состоит из представителей старой родовой аристократии, которые большей частью не занимаются непосредственно управлением государственными делами, хотя нередко имеют весьма почетные должности. Другая группа, возникшая в новейшее время в результате специальной политики императора как противовес первой в его стратегии модернизации страны, объединяет, как правило, выходцев из средних и мелкопоместных слоев феодального класса, которые (выходцы) допущены на высшие посты эфиопской администрации. В эту новую элиту вошли также некоторые члены родовых аристократических семей.

Обе группы военно-феодальной знати соперничают друг с другом, но и внутри каждой из них тоже немало разногласий, конкурентной борьбы и т. д. [подробнее см.: 17, стр. 150 и сл.]. Новая элита в отличие от старой быстрее приспособилась к капиталистическому развитию страны, включившись в предпринимательскую деятельность в наиболее прибыльных отраслях хозяйства.

Помещичье хозяйство лишь в наши дни все более приобретает черты товарного производства: в недалеком прошлом оно носило преимущественно либо натуральный, либо полунатуральный характер. Уже немало феодалов ведет свое хозяйство на капиталистической основе, что свидетельствует о процессе обуржуазивания помещиков.

Крупнейшим землевладельцем в Эфиопии является христианская церковь монофизитского толка. Обширные земельные угодья (около 30% пригодной для обработки земли)⁷ принадлежат не институту

⁵ До 40-х годов через феодалов (на основе института военно-феодальных ленов) осуществлялось управление страной. После целого ряда административных реформ структура государственного управления изменилась, сохранив, однако, немало элементов недавнего прошлого.

⁶ Классовые и сословные барьеры в Эфиопии менее податливы, чем в других странах Тропической Африки, хотя в ней (в Эфиопии) также нередки случаи перехода из одной социальной группы в другую. Вес человека в эфиопском обществе определяется наличием у него земельной собственности. Известный эфиопский ученый Мэсфин Уольдэ Марьям пишет следующее по этому поводу: «Собственность на землю рассматривается не просто с точки зрения извлечения из нее доходов, а как социальный статус индивидуума и [его.— В. Я.] семьи. Владение землей есть символ уважения, человеческого достоинства и гордости. Деление, таким образом, между теми, у кого есть право на землю... и у кого его нет, имеет более чем обычное экономическое значение» [цит. по: 18, стр. 147].

⁷ По иным оценкам, эфиопской церкви принадлежит до 40% земельного фонда страны [см. 19, стр. 460].

церкви в целом, а отдельным церквям и монастырям: многие из этих земель фактически присвоены различными церковнослужителями, и прежде всего верхушкой духовенства. Эфиопское духовенство, располагающее огромной экономической мощью и имеющее значительное влияние на общественно-политическую жизнь страны, представляет собой особый социальный слой в структуре феодального класса страны, причем сравнительно многочисленный. Предполагают, что в Эфиопии 200 тыс. священнослужителей, служащих приблизительно в 18 тыс. церквях и монастырях [15, стр. 110]. Духовенство в целом является одной из самых реакционных сил в стране⁸.

Своеобразной прослойкой в структуре феодального класса Эфиопии можно считать офеодализованную родо-племенную знать (о ней уже немного говорилось в связи с гэббарной системой), представители которой по-прежнему играют большую роль в сохранении политической стабильности государства. Своеобразие этой категории феодалов, представленной ныне в стране в значительной степени скотоводами-кочевниками, состоит в том, что она, в большинстве случаев не располагая непосредственно собственной землей и (или) скотом (земля и скот продолжают оставаться в коллективном владении и пользовании), присваивает производимый соплеменниками прибавочный продукт. В ее среду проникли и предпринимательские тенденции. Вот как описывает В. Иванов подобное явление, с которым ему пришлось столкнуться во время строительства при помощи Советского Союза нефтеперерабатывающего завода в Ассабе: «Вторым подрядчиком, с которым Твердохлебов (один из ведущих советских инженеров на стройке.— В. Я.) имел дело, был Баене. Ему исполнилось только тридцать, но он был уже главою рода, кочующего в пустыне... Прежде чем стать подрядчиком, Баене работал на стройке простым маляром. Получив заказ на окраску оборудования, он продолжал работать сам. На работу он приглашал людей из своего рода. Многим не платил ничего, исходя из каких-то своих внутриродовых расчетов, другим платил один эфиопский доллар в день при минимуме зарплаты 2,4 доллара (считая надбавку за жаркий климат в Ассабе)» [5, стр. 50]. Предпринимательство среди части офеодализованной родо-племенной знати и участие их соплеменников в работах по найму, свидетельствующее о социально-классовой дифференциации в дофеодальных объединениях, стали возможны лишь в результате общего капиталистического развития Эфиопии — процесса, который усилился в последние два десятилетия.

Переход от феодализма к капитализму, протекающий в стране эволюционно и при известном содействии со стороны государства, накладывает определенный отпечаток на классы и слои феодальной формации, медленно трансформирует их.

Феодальное по своей природе государство вследствие определенных конкретных исторических условий само занимается предпринимательской деятельностью, стимулируя тем самым рост частного предпринимательства. Возникшая государственная капиталистическая собственность способствует утверждению капиталистического способа производства, расширенному воспроизводству капиталистических отношений, но вместе с тем закрепляет политическую власть за феодальным классом.

Возможность использовать государственную собственность, при-

⁸ Например, церковь противится реформе эфиопской письменности, осуществление которой заметно бы облегчило усвоение населением грамоты и упростило бы типографское дело.

носящую прибыль, как-то обособляет правящую прослойку эфиопского общества, состоящую частично из обуржуазившихся феодалов, но не отделяет ее от феодального класса, ибо она направляет эту прибыль так или иначе на сохранение и укрепление власти породившего ее класса.

Становление капиталистической экономики в современной Эфиопии, ускорившееся в 60-е годы, сопровождается формированием классов и прослоек буржуазного общества, а именно: а) буржуазии, б) промышленного и сельскохозяйственного пролетариата, в) средних слоев (интеллигенции, офицерства, чиновничества, служащих, студенчества). Переход от докапиталистических отношений к капитализму отмечен в Эфиопии и появлением так называемых промежуточных слоев: а) городских низов (полупролетарские элементы, люмпен-пролетариат и др.), б) крестьян, чье хозяйство основано на принципах простого товарного производства, в) мелкой городской буржуазии (ремесленники, кустари, мелкие предприниматели и торговцы). Экономической основой двух последних промежуточных прослоек служит мелкотоварный уклад. Рост мелкой буржуазии, особенно числа ремесленников, стимулируется государством. Еще в середине 40-х годов правительство открыло «Трудовой центр» по обучению старинным ремеслам, а также две профессионально-технические школы, где детей учат навыкам местного ремесленного производства. Государство предусматривает капиталовложения в домашнюю и кустарную промышленность (так официально называется ремесленное производство): по третьему пятилетнему плану (1968/69—1972/73 гг.) предполагается инвестировать 50 млн. эф. долл., причем преимущественно за счет самих ремесленников. В этом секторе эфиопской промышленности в 1962/63 г. было занято 186 тыс. человек [12], а в 1967/68 г.— уже 337 тыс. [14, стр. 334]. Его продукция в 1962/63 г. составила почти $\frac{2}{3}$ доли всей промышленности страны в валовом национальном продукте, а в 1967/68 г.— чуть меньше $\frac{1}{2}$. Предполагается, что в 1973 г., когда завершится третий пятилетний план, в домашней и кустарной промышленности будет работать 391 тыс. человек [14, стр. 334], но ее доля в валовом выпуске промышленной продукции составит только около 38%. Это сокращение произойдет в результате увеличения продукции фабрично-заводской промышленности. Чаще всего ремесленники используют только свой труд или труд членов своей семьи, но нередко нанимают и рабочую силу, продолжая по-прежнему участвовать в производстве. (Число рабочих у ремесленников, применяющих наемный труд, не превышает пяти.) Для большей эффективности кустарно-домашнего производства правительство предполагает создать в 1968/69—1972/73 гг. кооперативы из числа ремесленников.

Ремесленники подчас выступают одновременно в роли продавцов (торговцев) произведенной ими продукции. Немало в стране и самостоятельных мелких торговцев, не участвующих непосредственно в производстве продаваемых ими товаров. Так, по сообщению местных властей Аддис-Абебы, на столичном рынке Аддис-Кэтэма (иное название, более распространенное,— Маркато) в отдельные дни собирается до 150 тыс. торговцев, подавляющее большинство из них, по нашим наблюдениям, мелкие. В 1963 г. требовалась 1 тыс. эф. долл. для приобретения в столице небольшой торговой лавки по продаже галантерейных, скобяных и продовольственных товаров. Мне приходилось в Аддис-Абебе сталкиваться с несостоятельными людьми, которые копили буквально по грошам деньги для открытия такого дела.

В состав мелкой буржуазии входят также владельцы крошечных

баров, кофеен, ресторанчиков (подобных заведений только в Аддис-Абебе — около тысячи) и содержатели нелегальных публичных домов. В среде городской мелкой буржуазии идет процесс расслоения — превращения части ее в наемных рабочих. Лишь немногим удается собрать средства для организации крупного капиталистического предприятия. Выходцы из мелкой буржуазии города, попав в иную социальную среду, привносят в нее дух и интересы породившего их общественного слоя. Немало их можно встретить в составе средних слоев эфиопского общества.

Средние слои страны в целом, за исключением, пожалуй, левого крыла студенчества и некоторых представителей интеллигенции, являются социальной опорой существующего режима. Объясняется это в известной мере тем, что они экономически и политически зависимы от государственной власти. Однако отнюдь нельзя упускать из виду их относительную автономность от породившего общества (находящуюся еще в потенции, в имманентном состоянии), и прежде всего чиновничества и офицерства (свыше 3 тыс. человек, более 2 тыс. из них обучались в США), которые выделяются сравнительно высокой организованностью, уровнем образования и выполнением определенных экономических, политических (чиновничество) и военно-оборонительных (офицерство) функций. Проявление определенной самостоятельности обнаруживается, например, в том, что в ряде случаев чиновничество препятствует полной и быстрой реализации принятых правительством решений, в выступлениях части офицерского корпуса и возглавляемых ими воинских подразделений против императорского режима, в неоднократных попытках офицерства взять власть в стране в свои руки (например, декабрь 1960 г., сентябрь 1964 г., ноябрь 1966 г., декабрь 1969 г.).

Пожалуй, наиболее оппозиционно настроено студенчество, ядром которого можно считать молодежь из Университетского колледжа Аддис-Абебы (входит в состав Университета им. Хайле Селассие I). Оно основало свою организацию Национальный союз студентов Эфиопии. Хотя число студентов в Эфиопии не превышает 5 тыс. человек (высшие учебные заведения в стране возникли только в 50—60-х годах), они довольно активно воздействуют на внутривнутриполитическую жизнь страны (например, в результате демонстраций и стачек студентов весной 1969 г., одним из требований которых было запрещение деятельности американского «Корпуса мира», эфиопское правительство вынуждено было рассмотреть вопрос о сокращении в новом учебном году числа «корпусменов», занимавшихся педагогической деятельностью).

Особенно сильными были выступления студентов в конце 60-х годов. Начало 70-х годов также ознаменовалось новыми волнениями в студенческой среде. В 1970 г. студенты университета забастовали. На их усмирение были брошены части императорской гвардии, в итоге, по неофициальным данным, 10 студентов погибло, 100 ранено [10, стр. 502]. Внимание студентов обращено не только на внутренние проблемы своей родины. Они живо откликаются также на все важнейшие международные события (например, 15 октября 1969 г. 2 тыс. университетов устроили митинг протеста против войны во Вьетнаме). Часто к студентам присоединяются учащиеся старших классов школ 2-й ступени.

Прогрессивные взгляды распространены и среди эфиопских студентов, обучающихся за границей. В 1968 г. в зарубежных странах училось 2036 эфиопов, предполагается, что в 1968/69—1972/73 гг. будет направлено в иностранные вузы еще около 1500 человек [14, стр. 349].

Окончив учебные заведения, студенты пополняют ряды чиновничества, интеллигенции, служащих и т. д. и постепенно воспринимают идеалы и принципы принявшей их среды, а также соответствующие обязательства перед государством. (Так, из обучавшихся в 1950 г. за границей 200 студентов впоследствии 11 стали министрами, 5 — послами, 6 — губернаторами, 20 — помощниками министров, 65 — руководителями в хозяйственных и юридических организациях.)

Многие эфиопские студенты заражены мелкобуржуазной идеологией, что указывает отчасти на их социальное происхождение; в студенческой среде встречаются сторонники и противники капиталистического развития страны (например, студенты старших курсов факультета деловой администрации Университета им. Хайле Селассие I высказались против частного предпринимательства), а также те, кто связывает будущее государственное устройство страны с сохранением монархии, но со значительно ограниченными правами императора. Но как бы там ни было, студенты в своей массе видят необходимость радикальных социально-экономических преобразований в стране, требуют их осуществления (например, демократической аграрной реформы, реформы системы просвещения). С конца 60-х годов левое крыло студенчества стало оказывать заметное влияние на рабочее движение страны.

Фабрично-заводской пролетариат (свыше 60 тыс. человек), первые отряды которого появились в 20—30-е годы XX в., сейчас превратился в силу, с которой государство уже не может не считаться. В 1962 г. промышленные рабочие вкуче с рабочими-транспортниками (около 25 тыс. человек)⁹ добились официального признания правительством права создавать профсоюзы и организовывать забастовки [подробнее см.: 21]. Несмотря на правительственные ограничения в области забастовочной борьбы, профсоюзы организовали в 60-е годы несколько крупных выступлений рабочих за улучшение социально-бытовых и экономических условий труда; в результате предприниматели пошли на заметные уступки, увеличив, в частности, заработную плату на некоторых предприятиях. На рост сознательности и организованности рабочего класса негативно воздействует большая текучесть рабочих (особенно в строительной промышленности), так как многие из них еще связаны с деревней. Это обстоятельство для фабрично-заводских рабочих нивелируется в известной мере тем, что для них характерна высокая степень территориальной и производственной концентрации.

В основных районах размещения промышленных предприятий (в Аддис-Абебе, Асмаре, Диредаве и окрестностях этих городов) на долю рабочих приходится заметный процент населения. Но в целом удельный вес рабочих в общей численности населения страны (в 1971 г. — свыше 25 млн. человек) невелик. По подсчетам Э. Гинзберг и Г. А. Смита, сотрудников Управления международного развития США, на долю квалифицированных рабочих и конторских работников приходится менее 0,7% трудоспособного населения страны (по их оценке, приблизительно 7 млн. человек) [11, стр. 57—62]. Однако пролетариат составляет более 1/5 всех лиц наемного труда в Эфиопии (приблизительно 500 тыс. человек), что укрепляет его позиции как крупной социальной силы. Роль рабочего класса должна еще больше повыситься в ходе выполнения наметок третьего пятилетнего плана: предполагается, что в 1973 г. число фабрично-заводских рабочих увеличится на 48 300 человек [14, стр. 331].

⁹ Появление рабочих-транспортников в Эфиопии прежде всего связано с вводом в эксплуатацию в 1914—1917 гг. железной дороги Аддис-Абеба — Джибути.

Что касается сельскохозяйственного пролетариата, то он сравнительно малочислен (свыше 10 тыс. человек), ибо наемный труд в сельском хозяйстве применяется фактически совсем недавно. Использование наемной рабочей силы в деревне стало возможным в результате организации государственных ферм, плантаций и опытных сельскохозяйственных центров (например, овцеводческая ферма в провинции Шоа, полеводческая ферма на оз. Аусса, зерноводческая ферма в Бако, провинция Воллега), создания государственно-частных хозяйств, сдачи государственных земель предпринимателям нередко иностранного происхождения, перевода некоторыми помещиками своих хозяйств на капиталистические рельсы, сдачи в капиталистическую аренду частных земель, а также расширения товарности хозяйств кулаков и других зажиточных крестьян, прибегающих к найму рабочих. Пожалуй, к категории лиц, продающих свою рабочую силу на селе, можно отнести, правда с известными оговорками, бывших рабов, освобожденных по специальному указу 1942 г., но оставшихся у своих прежних хозяев¹⁰, выступающих с тех пор как работодатели, оплачивающие их труд обычно натурой.

Натуральная плата распространена также на многих рабочих, занятых в предпринимательском хозяйстве помещиков; нередко в качестве платы за труд помещики предоставляют земельные наделы рабочим, где те в свободное от работы время ведут свое хозяйство. Практикуется также оплата наемных сельскохозяйственных рабочих частично деньгами, а частично — продуктами (например, сборщики кофе в Лиму, провинция Каффа, за день получают 50 сантимов и на 25 сантимов продуктов). Испытывая недостаток средств, большинство сельскохозяйственных рабочих приарендовывают землю, которая позволяет прокормиться ему самому и его семье¹¹. Натуральная оплата труда сельскохозяйственных рабочих практикуется, как правило, вне зоны влияния крупных городов. Воздействие городских поселений на расширение сфе-

¹⁰ Институт рабства в Эфиопии сохранился до начала 40-х годов XX в. 27 августа 1942 г. был провозглашен «Указ об окончательной отмене рабства», согласно которому рабы освобождались (они становились полноправными гражданами Эфиопской империи). Был введен целый ряд наказаний за воспрепятствование их освобождению, за продажу, захват или передачу в рабство. Поскольку указ не предусматривал никакой помощи освобожденным рабам, немало их предпочло остаться у своих прежних хозяев. В этом случае их социальное положение все же изменилось: они стали юридически свободны. Тем не менее они представляют собой своеобразную прослойку в среде деревенской наемной силы, а в целом в среде сельского населения Эфиопии. Это своеобразие объясняется отчасти психологическими факторами, обусловленными прошлым положением бывших рабов.

¹¹ Труд сельскохозяйственных рабочих оплачивается крайне низко: ежедневная плата в большинстве случаев менее 1 эф. долл. Оплата неквалифицированных рабочих, занятых в промышленности, колеблется в пределах 0,75—1,5 эф. долл. в день, т. е. очень мизерная заработная плата. Ее едва хватает для поддержания нищенского существования самого рабочего и его семьи: в 1963 г. обед в скромной столичной харчевне — в пределах 1 эф. долл., в фешенебельном магазине столицы небольшой батон белого хлеба — 25 сантимов и т. д. Но престые труженики не посещают эти дорогие для них рестораны и магазины; они приобретают продукты в мелких лавочках, где и цены ниже и качество хуже. Некоторые одинокие рабочие столуются у своих родственников или знакомых, но и это обходится им недешево (до 15—20 эф. долл. в месяц). Потребляемая простолюдными пища, как правило, малокалорийна и однообразна. В связи с тем что в отличие от сельской местности прожиточный минимум в городе намного выше, бедственное положение промышленных рабочих еще более усугублено. Следует учитывать также постоянный рост цен, вследствие чего реальная заработная плата рабочих и служащих сокращается. В целом большинство населения страны систематически недоедает. Так, в 1961—1963 гг. в среднем в дневном рационе на душу населения не хватало 205 калорий до нормы потребления [подсчитано по: 3]. Но это средние цифры; следовательно, для основной массы населения данный показатель много выше.

ры товарно-денежных отношений в эфиопской деревне становится все более осязаемым.

Повышение темпов экономического развития в стране (например, за период действия второго пятилетнего плана объем производства ежегодно в среднем возрастал на 4,7% против предусмотренных 4,3%) ускоряет процесс формирования рабочего класса. Вместе с тем происходят консолидация и рост буржуазии как класса. Основной сферой деятельности частного капитала продолжает оставаться сфера обращения, в значительно меньшей степени — промышленность и еще меньшей — сельское хозяйство. Этим сферам деятельности соответствуют и основные слои национальной буржуазии — торговая, промышленная и аграрная. Составная ее часть — предприниматели из числа армян, греков, индийцев, арабов и итальянцев¹². Они преобладают по численности в среде торгово-промышленной буржуазии. В 60-е годы уже немало эфиопов стало вкладывать свои капиталы в торговлю, промышленность и в наименьшей степени в сельское хозяйство.

К торговой буржуазии относятся крупные и средние торговцы города, купцы и посредники, действующие в деревне, а также владельцы отелей, фешенебельных ресторанов, кафе и баров. Некоторые из них начинают вкладывать свои капиталы в сельскохозяйственное производство. Так, владелец отеля в Адиграте Йоханнес Гэбрэ Марьям в 1967 г. инвестировал 25 тыс. эф. долл. на создание животноводческой фермы; немало представителей торговой буржуазии скупило акции сельскохозяйственных компаний и т. д. То же самое можно сказать и в отношении участия торговой буржуазии в промышленном производстве.

Касаясь аграрной буржуазии, следует сказать, что она формируется из обуржуазившихся помещиков, чье хозяйство ведется в целях извлечения капиталистической прибыли, кулаков, зажиточных крестьян, местных предпринимателей и т. д. В целом капитализм в сельском хозяйстве Эфиопии развит очень слабо. Он представлен государственными и государственно-частными капиталистическими фермами и плантациями, предпринимательскими хозяйствами помещиков, хозяйствами местных и иностранных предпринимателей, арендующих у помещиков или государства землю, хозяйствами, организованными акционерными компаниями на землях, арендованных у государства или частных лиц, а также хозяйствами кулаков и зажиточных крестьян, основанных на частной собственности на землю и постоянной эксплуатации наемного труда. Разнообразие типов капиталистических хозяйств в эфиопской деревне порождает социальную неоднородность аграрной буржуазии страны, рассмотрение которой требует дифференцированного подхода.

В среде сельских эксплуататоров заметное место занимают ростовщики, в роли которых нередко выступают помещики. Г. Л. Гальперин сообщает, что один из бахрдарских помещиков имел долговые обязательства от крестьян на огромную для тех мест сумму — 5 тыс. эф. долл. [4, стр. 62]. Согласно утверждению А. Я. Эльянова, стоимость ссуды достигает 120% в год [8, стр. 42]. Довольно часто ссуда погашается натурой, что еще больше увеличивает доходы ростовщиков. Отчасти на базе ростовщического капитала, деятельность которого все глубже проникает в жизнь эфиопской деревни, складывается финансовая буржуазия страны. Этот процесс только наметился, что нашло свое выраже-

¹² Итальянцы, арабы, индийцы, греки и армяне, осевшие в Эфиопии и прочно связанные с ее хозяйственной жизнью, представляют собой так или иначе составной элемент формирующейся эфиопской нации. Вместе с тем в Эфиопии есть немало иностранных предпринимателей, в той или иной мере представляющих интересы крупных зарубежных монополий.

ние, в частности, в создании впервые в стране двух частных банков; значительная часть капитала одного из них принадлежит английскому «Нэйшнэл энд Гриндлэйз Бэнк, лтд», а другого — итальянскому «Банко ди Рома». Финансовая сфера — самое слабое звено в деятельности эфиопской буржуазии, что еще раз подтверждает слабость ее как класса. Вместе с тем это подчеркивает неразвитость капитализма в Эфиопии. Тормозом капиталистического развития страны являются господствующие в общественно-экономическом строе феодальные производственные отношения. Изменения, происшедшие в ее социально-классовой структуре в новейшее время, отражают медленный, эволюционный переход Эфиопии от феодализма к капитализму.

1. «Аддис Зэмэн», Хамле 20, 1959 (по эфиопскому летосчислению) (на амхарском языке).
2. «Аддис Зэмэн», Мэгабит 9, 1959 (по эфиопскому летосчислению) (на амхарском языке).
3. «Бюллетень иностранной коммерческой информации», 1968, 5 ноября.
4. Гальперин Г., Экватор рядом, М., 1968.
5. Иванов В., Далекий и жаркий Ассаб, — «Азия и Африка сегодня», 1969, № 2.
6. Кэббэдэ Микаэль, Эфиопия и западная цивилизация, Аддис-Абеба, 1941 (по эфиопскому летосчислению) (на амхарском языке).
7. «Правда», 12.IV.1971.
8. Эльянов А., Эфиопия, М., 1967.
9. Аһооја Krishna, Development and Legislation in Ethiopia, — «Ethiopia Observer», 1966, vol. X, № 4.
10. Gilkes P. S., Ethiopia in Outline, — «Journal of African History», 1971, vol. XII, № 3.
11. «Ethiopian Journal of Education», 1967, vol. 1, № 1.
12. «Ethiopia Observer», 1964, vol. VII, № 3.
13. «Ethiopia Observer», 1966, vol. X, № 2.
14. «Ethiopia's 3rd Five Year Development Plan», — «Ethiopia Observer», [1970], vol. XIII, № 4.
15. Jandy E. C., Ethiopia Today: A Review of its Changes and Problems, — «The Annals of the American Academy of Political and Social Science», 1956, vol. 306, July.
16. Lambton A. K. S., Ethiopia: an Approach to Land Reform, — «Bulletin of the School of Oriental and African Studies University of London», 1971, vol. XXXIV, pt 2.
17. Levine D. N., Wax and Gold. Tradition and Innovation in Ethiopian Culture, Chicago — London, 1965.
18. Mandefro B., Agricultural Communities and the Civil Code. A Commentary, — «Journal of Ethiopian Law», 1969, vol. VI, № 1.
19. «U. S. Army Area Handbook for Ethiopia», Washington, 1964.
20. Winid B., Reta Taye, Ethiopia, — «Developing Countries of the World», Calcutta, 1968.
21. Zack A. M., Trade Unionism Develops in Ethiopia, — «Boston University Papers on Africa. Transition in Africa», ed. by J. Buttler and A. A. Castagno, New York — Washington — London, 1967.

И. В. Сахаров

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ И ПЕРСПЕКТИВЫ В ОБЛАСТИ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОГЕОГРАФИИ ИНДИИ

Национальный состав населения Индии характеризуется чрезвычайной пестротой. Страну населяет множество разнотипных этнических общностей — наций, народностей, племен, этнических групп, отличающихся друг от друга по численности, языку, происхождению, расовому облику, уровню общественного развития и социальной структуре, экономическому положению, этнопсихологическому складу, культуре, религии, степени этнической консолидации и национального самосознания, характеру расселения и многим другим признакам.

Разнородность национального состава жителей Индии, огромная численность основных этнических компонентов, отсутствие преобладания какого-нибудь одного народа (и языка) или двух-трех народов (и языков) над всеми остальными, вместе взятыми, низкий уровень этнической консолидации и низкий уровень национального самосознания многих (в том числе весьма крупных) народов, специфика размещения различных народов и своеобразие этноязыковой ситуации в отдельных районах страны придают этноязыковой ситуации в Индии поистине уникальный характер и накладывают глубокий отпечаток на все стороны ее политической, экономической и культурной жизни.

Национальный вопрос — одна из самых насущных проблем, стоящих перед этой страной, и изучение сложившейся здесь весьма сложной и своеобразной этноязыковой ситуации во всех ее аспектах представляет исключительно важную задачу не только этнографов и лингвистов, экономистов и демографов, социологов и историков, но и географов.

По этому вопросу имеется обширная научная литература, опубликованная за рубежом, особенно в Индии¹.

Значительный вклад в изучение тех или иных аспектов современных этнических и языковых проблем Индии внесли и советские ученые: М. С. Андронов [1], П. А. Баранников [2; 3], М. Я. Берзина [5; 6; 7; 8], С. И. Брук [10; 11; 12; 13; 14], Б. Я. Волчок [16; 17; 37], Ю. В. Ганковский [20; см. также: 18; 19; 21], Н. Р. Гусева [22; 41], А. М. Дьяков [24; 25; 26; 27; 28], Г. А. Зограф [29; 30], В. И. Казаков [31; 32], М. К. Кудрявцев [35; 36; 37], С. А. Маретина [39; 40], В. В. Петров [46; 47; 48; 49], Б. П. Супрунович [66; 67], Н. Н. Чебоксаров [13; 14],

¹ Общее представление о ней (правда, далеко не полное) дает библиография [84].

В. А. Чернышев [71; 72; 73] и другие (здесь отмечены далеко не все печатные труды указанных ученых). Ряд работ на эту тему был опубликован и автором настоящей статьи [27; 28; 53; 54; 55; 56; 57; 58; 59; 60; 61; 62; 62а; 63; 64; 83].

Однако при изучении литературы (изданной как за пределами Индии, так и в ней самой), трактующей этнолингвистические проблемы Индийского субконтинента, обращает на себя внимание то, что различные аспекты этой большой, сложной и многогранной темы привлекали внимание ученых в неодинаковой степени и в результате получили неравномерное освещение: одни детально разработаны, а другие, в том числе и весьма важные, вплоть до настоящего времени остаются малоизученными.

Так, имеется большая научная и публицистическая литература, посвященная проблеме реорганизации административно-территориального деления этой страны по национальному (языковому) принципу². Обстоятельно разработаны и государственно-правовые аспекты национального вопроса в связи с проблемой индийского федерализма³ и некоторые другие его стороны.

В то же время, как это ни парадоксально, национальный состав населения страны, как таковой (какие именно этнические и языковые общности сложились или складываются в современной Индии, какова их численность, как они расселены по территории страны), в целом исследован совершенно недостаточно.

Исключение составляют так называемые «зарегистрированные племена» (адиваси), которым посвящено множество книг и статей⁴. Что же касается большинства крупных народов Индии, то этнографическая, социоллингвистическая и этнолингвогеографическая литература о них довольно бедна.

Знаменитый монументальный труд Дж. А. Грирсона «Лингвистический обзор Индии» [79], которому до сих пор трудно найти аналогию и замену в мировой лингвистической литературе об Индийском субконтиненте, во многом заметно устарел и к тому же территориально охватывает не всю страну.

На классификации Грирсона неизменно базировались соответствующие разделы текстовых отчетов, сопровождавших лингвостатистические таблицы переписей населения Индии — главного источника сведений о том, на каких языках говорят ее жители. В частности, весьма важным продолжением труда Дж. А. Грирсона служит работа Р. Ч. Нигамат [81; см. также: 42]. Однако и она — при всей своей ценности — представляет собой лишь краткий очерк, дополняющий исследование Дж. А. Грирсона. Кроме того, центральное место в нем (как и в самом «Лингвистическом обзоре Индии») занимают чисто языковедческие, а не этнические и социоллингвистические вопросы.

² Впрочем, индийской литературе на эту тему очень часто недостает беспристрастности суждений и их обоснованности фактическим материалом, территориально-достаточно детализированным. Среди работ советских авторов на эту тему помимо названных выше отметим статьи Л. И. Юревич [75], Л. П. Ульяновой [69], Л. В. Шапошниковой [74].

³ См. библиографию [78]. Среди работ советских ученых следует упомянуть книги Л. П. Ульяновой [68] и Т. Ф. Девяткиной [23].

⁴ Их изучением плодотворно занимаются, в частности, такие индийские ученые, как Н. К. Бош, П. К. Бхоумик, Л. П. Видьяртхи, А. К. Дас, Б. К. Рой Бёрман, Саччидананда и др. См. библиографию [80]; к сожалению, в этой весьма тщательно сделанной библиографии указаны только книги и статьи, опубликованные на западных языках, и, таким образом, не учтены работы советских ученых — Б. Я. Волчок, М. К. Кудрявцева, С. А. Маретиной, И. М. Семашко, Б. П. Супруновича и др.

Иными словами, детального сводного этнолингвостатистического обследования населения Индии, всесторонне излагающего и комментирующего данные официальной статистики и способного заменить и дополнить на современном уровне труд Дж. А. Грирсона, до сих пор не существует.

Оценивая характер имеющейся научной литературы, трактующей национальные проблемы Индии, следует подчеркнуть, что в ней совершенно недостаточное внимание уделялось пространственному анализу этнолингвистического состава населения страны, изучению территориальных взаимоотношений народов, рассмотрению этноязыковой ситуации по отдельным районам, систематическому этноязыковому районированию.

В трудах об Индии, написанных демографами, этнографами, социологами и лингвистами (равно как и историками, экономистами и т. д.), систематический пространственный географический подход, как правило, недооценивается, а то и просто игнорируется.

Примерами могут служить известная монография американского демографа К. Дэвиса [76] и переведенная на русский язык книга индийского демографа Ш. Чандрасекара [70]. Краток и пространственно не ориентирован раздел о национальном составе населения и в книге В. В. Петрова [49].

Что касается известной книги «Народы Южной Азии» [41], представляющей собой в целом важный вклад в этногеографическое познание Индии, то она при всем богатстве содержания содержащегося в ней фактического материала не может быть названа этногеографической работой; она не содержит, в частности, разработанной схемы этнического районирования этой страны.

С другой стороны, в географических сочинениях, посвященных Индии (в том числе и в работах по географии населения), этнолингвистическим вопросам, как правило, отводится очень мало места.

Например, в серии посвященных Индии книг [4; 33; 34; 44; 45; 51], подготовленных в Институте географии АН СССР и в целом заслуживающих самой положительной оценки как важный этап в развитии экономико-географического изучения этой страны (см. рецензию А. Х. Вафы [15]), имеются специальные разделы, посвященные национальному составу рассматриваемых в них районов, однако они очень кратки и мало связаны с общей проблематикой указанных книг. К тому же в некоторых из них недооценивается значение реорганизации штатов Индии, проведенной в целом по национальному (языковому) принципу, и влияние, оказываемое этноязыковым составом населения этой страны на формирование в ней экономических районов [см. 60; 64]. Весьма характерно, что даже в таком капитальном комплексном труде по географии Индии, как известная книга О. Х. К. Спейта [65], этой географической энциклопедии Индии, сведения о национально-языковом составе населения весьма скудны и фрагментарны.

По существу, вплоть до настоящего времени единственной попыткой дать (средствами картографии) законченную сводную этногеографическую картину страны являются весьма интересные и оригинальные карты, составленные М. Я. Берзиной [5; 6; 7; 8]. Однако в распоряжении автора были лишь устаревшие и не очень точные исходные статистические данные, и, кроме того, в указанных картах отражены далеко не все аспекты этнической географии Индии.

В результате ни в советской, ни в зарубежной (в том числе индийской) научной литературе географические аспекты национального вопроса в Индии не нашли достаточного освещения, что можно объяс-

нить, с одной стороны, чрезвычайной сложностью и многообразием самого объекта исследования, а с другой — дефектностью имеющихся в распоряжении ученых статистических источников.

Между тем для правильного уяснения особенностей этноязыковой ситуации в Индии и ее влияния на различные стороны жизни страны ее территориальный аспект не менее существен, чем аспект количественный, и их оба надо учитывать в неразрывном единстве.

Изучение этнической (этнолингвистической) географии Индии имеет большое научное и практическое значение. В частности, необходимость проведения широких этнолингвогеографических исследований в Индии диктуется тем, что нередко именно особенности расселения народов, а не их численность, именно пространственный аспект национального состава населения этой страны оказывают решающее воздействие на характер осуществляемых здесь административно-политических преобразований и влияют (как непосредственно, так и косвенно — через федеративное устройство страны) на размещение производительных сил, на процесс формирования экономических районов.

Итак, несмотря на наличие обширной литературы, в которой рассматриваются различные стороны национального вопроса в Индии и различные аспекты географии населения этой страны, обстоятельный и по возможности количественно точный и подкрепленный фактами систематический региональный анализ этноязыковой ситуации в Индии и составление детальной сводной картины этнолингвистической географии страны (картины, полученной на основе применения единой методики сбора, обработки и презентации данных) остаются для демогеографов, этногеографов и лингвогеографов нерешенной задачей — задачей важной, актуальной, многоаспектной, увлекательной и очень сложной.

В связи с этим представляется полезным наметить в самых общих чертах актуальные и перспективные направления, по которым, с нашей точки зрения, необходимы дальнейшие специальные этногеографические исследования и которые либо принадлежат непосредственно к сфере этногеографии (или этнолингвогеографии), как таковой, либо входят на стыке этногеографии (как отрасли географии населения), с одной стороны, и физической географии, экономической географии, социологии, правоведения и ряда других научных дисциплин — с другой⁵.

Изучение национального состава населения страны. Прежде всего необходимо продолжить и довести до конца работу по изучению национального (этнического) состава жителей Индии, как такового.

Для этого следует проделать в каждом районе страны тщательный анализ лингвостатистических данных переписей с целью определить, в какой мере они могут служить показателем действительной этнической принадлежности.

Особенно большое внимание должно быть уделено анализу сложной и неясной этноязыковой ситуации в обширной и населенной многими десятками миллионов людей зоне распространения «языков» хинди,

⁵ Мы не касаемся здесь вопроса об определении самой этнической географии, или этногеографии, как особой научной дисциплины и о ее месте среди других отраслей географической и этнографической науки. Это вопрос чрезвычайно сложный (достаточно сказать, что в отечественной литературе можно найти разные определения этнической географии, различные понимания ее предмета и методов, причем даже одни и те же авторы в своих работах высказывают неодинаковые точки зрения и дают разные дефиниции; см., в частности [9; 10; 11; 12; 38; 43; 50], и мы намерены рассмотреть его в другой, специально этому посвященной статье.

урду, бихари и раджастхани, для которой характерны, во-первых, явление языковой и этнической территориально непрерывной переходности [63], во-вторых, низкий уровень национальной консолидации населения и слабое развитие его этноязыкового самосознания, отличающегося явно выраженной распылчатостью и неустойчивостью.

Ни одна из переписей населения Индии (включая и перепись 1961 г.), как ни велика ценность этого источника при изучении национального состава страны, пока что не смогла отразить реальное этноязыковое разнообразие, наблюдающееся в Северной и Центральной Индии, но замаскированное почти повсеместным псевдопреобладанием хинди. Как известно, в соответствии с установившимся традиционным принципом во время переписей населения ответы опрашиваемых на вопросы счетчиков фиксируются как они есть, независимо от того, соответствуют ли они действительному положению вещей или нет, что нередко приводит к сильным искажениям реальной картины. Приходится признать, что, в частности, неспособность переписей выявить и зафиксировать действительное положение вещей в ареале распространения хинди, урду, бихари и раджастхани заложена в самом принципе сбора данных и сохранится до тех пор, пока не произойдут какие-либо определенные сдвиги в этноязыковом самосознании местного населения.

Поскольку традиционный «переписной» метод пока что не дает удовлетворительных результатов, путь к выяснению реальной этноязыковой ситуации здесь, с нашей точки зрения, лежит в применении других методов сбора данных. Мы имеем в виду осуществление в рассматриваемой зоне специальной дополнительной переписи или особого выборочного обследования, в ходе которого населению было бы предложено ответить на «наводящие вопросы», побуждающие опрашиваемых дать необходимую полноценную информацию (с целесообразностью и возможностью проведения такого обследования согласился в беседе с автором настоящей статьи главный лингвист Ведомства Генерального регистратора Индии д-р М. Р. Ранганатха). Еще больший эффект, разумеется, могут дать непосредственные полевые экспедиционные обследования на местах.

Хочется надеяться, что со временем такие исследования будут проведены в различных частях страны в рамках намеченной Отделом языков Ведомства Генерального регистратора монументальной программы составления общендийского свода объективных социолингвистических данных.

В связи с необходимостью уточнения национального состава населения Индии заслуживает внимания важный и малоизученный вопрос о региональных и межнациональных различиях в кастовом составе жителей страны (потому что «набор» каст, их иерархия, характер их занятий в разных частях страны и у разных населяющих ее народов неодинаковы, и даже «одни и те же» касты у разных народов нередко заметно отличаются друг от друга) и о соотношении этноса и касты. Анализ кастовой структуры имеет большое значение, в частности, в связи с тем, что иногда именно каста может служить своего рода «определителем» — не менее важным, чем язык — этнической принадлежности (в некоторых случаях — бывшей принадлежности) тех или иных групп населения страны.

Не меньший интерес представляют изучение религиозного состава отдельных народов Индии и исследование соотношения между религиозной и этнической принадлежностью населения различных районов страны. Кстати, именно изучение кастового и религиозного состава населения Индии поможет в ряде случаев разобраться в причинах неоди-

наковой роли, которую играют различные этнические группы в экономике некоторых районов.

Наконец, большое значение для правильного понимания вопроса имеет изучение его в динамике — исследование характера и направления этнических процессов.

Разработка типологии размещения народов Индии. Изучение национального состава населения в структурно-количественном отношении — это база, на которой основываются этногеографические исследования. Дальнейшим, собственно этногеографическим, этапом служит пространственный анализ данных о национальном составе.

Так, на основе изучения этнолингвистической статистики переписей эмпирическим путем можно было бы установить следующие этногеографические факты. Ареалы расселения одних народов образуют целостную, компактную территорию, других — расчлененные, иногда весьма удаленные друг от друга районы. Некоторые этнические группы проживают на весьма обширной территории, другие, напротив, занимают сравнительно незначительную территорию. Одни этнические группы расселены по территории своего обитания более или менее равномерно, другие образуют чередующиеся ареалы то большей, то меньшей концентрации. Наконец, ряд этнических общностей повсюду или почти повсюду в зоне своего распространения составляет меньшинство населения, другие же, напротив, образуют в районах своего расселения (пусть даже и незначительных по площади) большинство или даже подавляющее большинство всех жителей.

В связи с этим задачей этногеографов является подготовка «типовых», составленных по единому плану и единой методике, характеристик территориального размещения всех этнических групп населения Индии — больших и малых. Одним из важнейших аспектов таких характеристик должно быть составление детальных и сопоставимых друг с другом крупномасштабных карт размещения каждого народа страны.

Итогом этой работы должны быть разработка типологии размещения народов Индии и их классификация по типам размещения.

Разработка типологии этнических районов и национальное (этническое) районирование страны. Наложение ареалов расселения различных народов страны друг на друга дает весьма сложную картину. Если бы была составлена крупномасштабная многокрасочная этноязыковая карта Индии, то она представила бы собой чрезвычайно пеструю и причудливую мозаику многочисленных больших и малых пятен разных тонов и самого разного размера и конфигурации.

Анализ такой карты позволил бы обнаружить, что этнические районы Индии отличаются друг от друга по величине территории и численности населения, по плотности населения, уровню урбанизации и другим демографическим параметрам, по степени территориальной компактности и целостности и характеру конфигурации, по набору слагающих их этноязыковых компонентов, по характеру взаимодействия этих компонентов между собой, по степени национальной консолидации населяющих их народов и по ряду других признаков.

Далее на основе анализа этих данных необходимо произвести группировку и классификацию районов по различным признакам и увенчать эти частные классификации разработкой интегральной типологии этнических районов и таксономически многоступенчатой системы этнического районирования всей территории Индии.

Решение указанных задач потребует не только сбора огромного фактического материала, но и выработки специальной методики ана-

лиза и введения в науку целого ряда новых понятий, терминов и показателей.

Исследование связей между этнической географией и пространственной дифференциацией природной среды. Большой научный интерес представляет сопоставление региональных особенностей природных условий Индии и особенностей порайонного национального состава ее населения и расселения различных ее народов.

В предварительном порядке можно отметить, что, хотя такой анализ в целом и не обнаруживает сколько-нибудь выраженной повсеместной корреляции между двумя указанными особенностями, в некоторых районах и для некоторых народов такая корреляция прослеживается. Так, в одних случаях постепенное изменение географической среды сопровождается постепенными же изменениями и этнического состава населения, а резкие различия природной среды обитания — резкими различиями в национальном составе. Некоторые народы и этнические группы как бы приурочены к определенному типу географической среды и почти не встречаются за его пределами. Обширные территории с однородными природными условиями имеют иногда и однородное в национальном отношении население.

Интерпретация всех этих соответствий и несоответствий (в частности, изучение того, где, в какой степени и как природные различия повлияли и влияют на формирование этнических различий и в какой мере и почему некоторые этнические общности приурочены и даже тяготеют к тем или иным определенным природно-экологическим условиям или избегают их) — еще одна важная задача, стоящая перед этногеографами.

Исследование связи между этнической географией и административно-территориальным делением страны. Исключительно важное значение приобрела за последние годы этнолингвогеографическая проблематика в контексте реорганизации административно-политического устройства Индии.

В этой связи весьма актуальным является изучение всех случаев несоответствия административно-территориальной структуры Индии (как на уровне штатов, так и на уровне дистриктов и даже талуков, тхан и т. д.) этнолингвистическому составу населения, расселению тех или иных крупных и малых народов страны.

При этом необходимо разграничить те случаи несоответствия, когда оно объясняется самим характером расселения индийских народов (отсутствием «линейных» этнических рубежей, наличием контактных районов со смешанным или гибридным населением и т. д.), в результате чего четкое национально-территориальное размежевание практически оказывается невозможным, и те случаи, когда причина несоответствия лежит в несовершенстве самой административно-территориальной структуры, как таковой.

Разумеется, делать из такого рода наблюдений те или иные практические выводы по дальнейшему усовершенствованию существующей административно-политической структуры Индии и принимать соответствующие практические решения — суверенное право самого индийского народа. В то же время, как нам представляется, в этом отношении большой интерес для Индии может иметь опыт, накопленный в области решения административно-территориальных аспектов национального вопроса в СССР (в частности, применение принципа автономии различного порядка).

В связи со сказанным выше встает еще один очень интересный и почти неизученный вопрос.

До сих пор рассмотрение проблемы соответствия административно-территориального устройства Индии и этноязыкового состава ее населения шло по линии выяснения того, насколько территориальная структура индийской федерации отвечает характеру расселения индийских народов и как наилучшим образом привести административно-политические границы в соответствие с объективными этническими рубежами. Между тем эта проблема имеет и весьма интересный противоположный аспект: административно-политические границы в ряде случаев сами могут выступать как активный этноформирующий и этнодифференцирующий фактор. Поэтому представляет огромный теоретический и практический интерес вопрос о том, насколько само федеративное государственное устройство влияет на национальный состав населения, на характер этнических процессов, на формирование этноязыковых районов⁶.

Весьма полезным был бы при этом тщательный анализ политической географии Индии в историческом плане с целью установления сводной картины того, где, когда и какие государства и их административные подразделения существовали в Индии, какую точно территорию они охватывали и каково было соотношение между политическими границами и ареалами расселения различных этноязыковых общностей в различные периоды истории страны.

В связи с вопросом о взаимосвязи между политической географией Индии и национальным составом ее населения большой интерес представляет, в частности, концепция «народов-посредников» и «народов-буферов», выдвинутая известным индийским социологом и этнографом Б. К. Роем Бёрманом применительно к анализу размещения народов группы адиваси [см., например: 52; 82]. Нам представляется, что разработка этой концепции (с учетом связи, существовавшей между размещением нынешних «сгустков» адиваси и политическими границами различных индийских княжеств в разные периоды истории) может дать интересные результаты и, быть может, она окажется применимой не только к адиваси, но и к некоторым другим малым пограничным народам.

Исследование связи между этнической и экономической географией. Большой интерес представляет порайонное изучение этноязыковой ситуации в Индии в контексте экономической и экономико-географической проблематики. Перед этногеографами и экономгеографами стоит задача — рассмотреть взаимосвязь между этногеографией и экономической географией не только в масштабе всей страны в целом, но и во всем многообразии этой комплексной проблемы. Так, поистине увлекательной задачей является исследование соотношения между этническим и экономическим районированием на всех таксономических уровнях — от районов первого порядка до микрорайонов.

В частности, чрезвычайно важное теоретическое и практическое значение как для Индии, так и для многих других развивающихся стран имеет изучение вопроса об огромном влиянии, которое оказывает этноязыковой состав населения Индии на процесс становления и развития экономических районов в этой стране через посредство ее административно-территориального деления (в особенности ее федеративного устройства), — проблемы, стоящей на стыке этногеографии, экономической географии и правоведения⁷.

⁶ Этому вопросу специально был посвящен наш устный доклад на Первой всесоюзной конференции индологов, состоявшейся в Москве в декабре 1970 г.

⁷ Этот вопрос специально анализируется нами в статьях [56; 83].

Итак, мы назвали ряд основных направлений этногеографического изучения Индии, которые, с нашей точки зрения, являются наиболее важными, актуальными и перспективными. Проведение исследований в этих направлениях — важная задача советских индологов — географов и этнографов.

Нам представляется, что эффективной формой решения этой задачи могла бы стать серия работ, посвященных этногеографической характеристике отдельных районов и административно-территориальных подразделений Индии. Прежде всего мы имеем в виду тщательные и подробные монографические исследования этнической географии каждого штата страны, так как многие из этих штатов были организованы в целом по национальному принципу и некоторые из них, по существу, представляют собой политико-территориальные образования тех или иных народов. Хотя механическая «сумма» таких региональных характеристик не может сама по себе исчерпать всю проблематику и весь круг вопросов, которые должны быть освещены с целью создания целостной сводной характеристики этнической географии всей Индии, написание этногеографических монографий по отдельным штатам — важный этап организации этногеографического изучения этой огромной и разнообразной страны.

1. Андронов М. С., О языковой ситуации в Тамилнаде, — «Народы Азии и Африки», 1967, № 4.
2. Баранников П. А., Проблемы хинди как национального языка, Л., 1972.
3. Баранников П. А., Хинди и урду: их возникновение, развитие и взаимодействие, — сб. «Вопросы социальной лингвистики», Л., 1969.
4. Баталов А. Л., Княжинская Л. А. и Сдасюк Г. В., Южная Индия. Экономико-географическая характеристика, М., 1966.
5. Берзина М. Я., Карта народов Индостана, М., 1956.
6. Берзина М. Я., Народы Северной Индии и Непала (карта), — «Атлас народов мира», под ред. С. И. Брука и В. С. Апенченко, М., 1964.
7. Берзина М. Я., Народы Южной Азии (карта), — там же.
8. Берзина М. Я., Народы Южной Индии и Цейлона (карта), — там же.
9. Бромлей Ю. В., Шкаратан О. И., О соотношении истории, этнографии и социологии, — «Советская этнография», 1969, № 3.
10. Брук С. И., Основные проблемы этнической географии (Методика определения этнического состава населения, принципы этнического картографирования), М., 1964.
11. Брук С. И., Козлов В. И., Левин М. Г., О предмете и задачах этногеографии, — «Советская этнография», 1963, № 1.
12. Брук С. И., Козлов В. И. и Левин М. Г., Современное состояние исследований по этнической географии в СССР, — в кн. «География населения в СССР. Основные проблемы», М.—Л., 1964.
13. Брук С. И., Чебоксаров Н. Н., Современный этап национального развития народов Азии и Африки, — «Советская этнография», 1961, № 4.
14. Брук С. И., Чебоксаров Н. Н. и Чеснов Я. В., Проблемы этнического развития стран зарубежной Азии, — «Вопросы истории», 1969, № 1.
15. Вафа А. Х., Серия экономико-географических монографий по районам Индии, — сб. «Экономическое районирование развивающихся стран». М., 1968, — «Вопросы географии», сб. 76.
16. Волчок Б. Я., Общественный строй санталов. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Л., 1951.
17. Волчок Б. Я., Племя и каста (на примере народов Центральной Индии), М., 1964 (VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук).
18. Ганковский Ю. В., Народы Пакистана (Основные этапы этнической истории), М., 1964.
19. Ганковский Ю. В., Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане, М., 1967.
20. Ганковский Ю. В., Некоторые проблемы формирования современных наций (на примере Индии), М., 1963 (XXVI Международный конгресс востоковедов Доклады делегации СССР).

21. Ганковский Ю. В., Об автономистских движениях в странах Южной Азии, — «Мировая экономика и международные отношения», 1970, № 8.
22. Гусева Н. Р., Этнический состав населения Южной Индии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Ташкент, 1951.
23. Девяткина Т. Ф., Ликвидация княжеств в современной Индии, М., 1961.
24. Дьяков А. М., К вопросу о национальном составе населения Индии, — «Ученые записки Тихоокеанского института», т. I, М.—Л., 1947.
25. Дьяков А. М., Национальный вопрос в современной Индии, М., 1963.
26. Дьяков А. М., Языковая проблема в Индии, — сб. «Современные литературные языки стран Азии», М., 1965.
27. Дьяков А. М., Сахаров И. В., О характере этнолингвистической статистики в Индии (Обзор языкового тома переписи населения 1961 г.), — сб. «Индия — страна и народ», кн. 2, М., 1972 («Страны и народы Востока», вып. XII).
28. Дьяков А. М., Сахаров И. В., Языковой состав населения Индии (Краткий региональный обзор по данным переписи 1961 г.), — сб. «Индия — страна и народ», кн. 2, М., 1972 («Страны и народы Востока», вып. XII).
29. Зограф Г. А., Хинди, урду и хиндустани, — в кн. «Краткие сообщения Института востоковедения», т. XVIII, М., 1956.
30. Зограф Г. А., Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала, М., 1960.
31. Казаков В. И., Борьба за создание национальных штатов в независимой Индии, М., 1967.
32. Казаков В. И., Борьба народа каннара за создание национального штата, — сб. «Экономика и история Индии и Пакистана», М., 1966.
33. Княжинская Л. А., Западная Индия. Экономико-географическая характеристика, М., 1959.
34. Княжинская Л. А., От древней Раджпутаны к современному Раджастхану, М., 1965.
35. Кудрявцев М. К., Заметки о языках школьного обучения у «зарегистрированных племен» Индии, — сб. «Индия — страна и народ», кн. 2, М., 1972 («Страны и народы Востока», вып. XII).
36. Кудрявцев М. К., Происхождение мусульманского населения Северной Индии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Л., 1952.
37. Кудрявцев М. К., Волчок Б. Я., Хиндиязычные народы (хиндустанцы), — в кн. «Народы Южной Азии», М., 1963.
38. Кушнер П. И., Этнические территории и этнические границы, М., 1951 («Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», новая серия, т. XV).
39. Маретина С. А., Малые народы Ассама (этнический состав), — сб. «Индия — страна и народ», М., 1967 («Страны и народы Востока», вып. V).
40. Маретина С. А., Население Нагаленда (этнический состав), — сб. «Индия — страна и народ», кн. 2, М., 1972 («Страны и народы Востока», вып. XII).
41. «Народы Южной Азии. Индия, Пакистан, Непал, Сикким, Бутан, Цейлон и Мальдивские острова», М., 1963 («Народы мира. Этнографические очерки»).
42. Нигам Р. Ч., Языки Индии и роль переписей населения в изучении языковой ситуации в стране, — сб. «Индия — страна и народ», кн. 2, М., 1972 («Страны и народы Востока», вып. XII).
43. Ольдерогге Д. А., О некоторых этнолингвистических проблемах Африки, — сб. «Вопросы социальной лингвистики», Л., 1969.
44. Осколкова О. Б., Северная Индия. Экономико-географическая характеристика, М., 1958.
45. Осколкова О. Б., Центральная Индия. Экономико-географическая характеристика, М., 1931.
46. Петров В. В., К вопросу об учете численности населения Индии и ее национальностей, — «Индийский этнографический сборник», М., 1961 («Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», новая серия, т. LXV).
47. Петров В. В., Население Индии. Демографический очерк, М., 1965.
48. Петров В. В., О современных изменениях политико-административных границ в Республике Индии, — «Ученые записки кафедр географии и экономики стран Востока», вып. 3, М., 1960 (Ин-т междунар. стношений).
49. Петров В. В., Политико-административное деление Индии и развитие ее национальностей. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук, М., 1961.
50. Покишевский В. В., Содержание и основные задачи географии населения, — в кн. «География населения в СССР. Основные проблемы», М.—Л., 1964.
51. Пуляркин В. А., Кашмир, М., 1956.
52. Рой Бёрман Б. К., Некоторые особенности размещения «зарегистрированных племен» Индии, — сб. «Индия — страна и народ», кн. 2, М., 1972 («Страны и народы Востока», вып. XII).

53. Сахаров И. В., Западная Бенгалия как административно-национально-экономический район,— в кн. «XXIV Герценовские чтения. География и геология. Краткое содержание докладов», Л., 1972.
54. Сахаров И. В., К типологии этнически промежуточных районов (районы смешанные и переходные),— в кн. «Основные проблемы африканистики. Сборник к 70-летию члена-корр. АН СССР Д. А. Ольдерогге» (в печати).
55. Сахаров И. В., Миграции и некоторые особенности национального состава населения Западной Бенгалии,— в кн. «Материалы Второго междуведомственного совещания по географии населения (Москва, 30 января — 4 февраля 1967 г.), вып. II. Симпозиумы четвертый и пятый», М., 1968.
56. Сахаров И. В., Национальный состав населения и федеративное устройство как факторы формирования экономических районов Индии,— сб. «Экономическое районирование развивающихся стран», М., 1968 («Вопросы географии», сб. 76).
57. Сахаров И. В., Некоторые вопросы экономического районирования Индии (на примере Западной Бенгалии).— в кн. «Тезисы докладов на тему „Экономическое районирование в развивающихся странах“», М., 1966.
58. Сахаров И. В., Новое административное деление Индии,— «Страны и народы Востока», вып. I, М., 1959.
59. Сахаров И. В., О специфике национального состава населения Западной Бенгалии,— сб. «Индия — страна и народ», М., 1967 («Страны и народы Востока», вып. V).
60. Сахаров И. В., Об изучении проблемы экономического районирования Индии,— «Проблемы востоковедения», 1959, № 1.
61. Сахаров И. В., Основные особенности этногеографии Индии,— в кн. «География и развивающиеся страны (Проблемы использования природных и трудовых ресурсов). Тезисы докладов (29 января — 3 февраля 1971 г.)», М., 1970.
62. Сахаров И. В., Основные особенности этнолингвогеографии Индии (Доклад на I Всесоюзной конференции индологов, Москва, декабрь 1970 г.), Л., 1970.
- 62а. Сахаров И. В., Проблема совершенствования административно-территориального деления Индии (в свете данных этнической географии). Доклад для совещания на тему «Национальный вопрос и языковая ситуация в Индии», (Москва, июнь 1972 г.), Л., 1972.
63. Сахаров И. В., Явление территориальной непрерывности (гибридности) как проблема этнической географии (на примере Индии). Доклад на симпозиуме «Проблемы географии населения и поселений», 5—10 октября 1971 г. (Варна, Болгария), Л., 1971.
64. Сахаров И. В., Бонифатьева Л. И., [рец. на кн.:] Княжинская Л. А., Западная Индия, М., Географгиз, 1959,— «Проблемы востоковедения», 1960, № 4.
65. Опейт О. Х. К., Индия и Пакистан. Общая и региональная география, М., 1957.
66. Супрунович Б. П., Вопросы географии населения Индии в связи с национальной проблемой. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата географических наук, М., 1964.
67. Супрунович Б. П., Проблема малых народностей и племен (адиваси) в Индии,— сб. «Индия — страна и народ», М., 1967 («Страны и народы Востока», вып. V).
68. Ульянова Л. П., Индия: правовое положение штатов, М., 1970.
69. Ульянова Л. П., Реорганизация штатов в Индии,— «Советское государство и право», 1957, № 9.
70. Чандрасекар Ш., Население Индии, М., 1949.
71. Чернышев В. А., Диалекты и литературный хинди, М., 1969.
72. Чернышев В. А., К вопросу о специфике языковой ситуации в областях распространения хинди,— «Народы Азии и Африки», 1968, № 2.
73. Чернышев В. А., К вопросу о формировании национальных языков в Бихаре (на примере майтхили),— в кн. «Языковая ситуация в странах Азии и Африки», М., 1967.
74. Шапошникова Л. В., Борьба народов Индии за национальное самоопределение и реорганизацию штатов (1950—1956),— сб. «Индия и Афганистан», М., 1958.
75. Юревич Л. И., Борьба народов Индии за реорганизацию штатов на национальной основе (1947—1956 гг.),— «Ученые записки кафедры истории стран Востока» (Ин-т междунар. отношений), вып. I («Вопросы истории стран Востока»), М., 1958.
76. Davis K., The Population of India and Pakistan, Princeton, 1951.
77. F ü g e r-H a i m e n d o r f E. von, An Anthropological Bibliography of South Asia, vol. I, Paris, 1958; vol. II, 1955—1959, Paris, 1964; vol. III (together with H. Kanitkar), 1960—1964, Paris, 1970.
78. Garde D. K. and Vakil M. R., Bibliography of Centre-State Relations in India (1952—1967),— «Journal of the University of Poona», Humanities Section, 1969, № 29.

79. Grierson G. A., Linguistic Survey of India, vols. I—XI, Calcutta, 1902—1929.
80. Harit H. L. (comp.), Bibliography on Scheduled Castes and Scheduled Tribes, and Related Selected Marginal Communities of India, vols. I—VII, New Delhi, 1966.
81. Nigam R. C., Introductory Note on Classification.— «Census of India 1961», vol. I, India, pt II—C(ii), Language Tables, Delhi, 1964.
82. Roy Burman B. K., Pattern of Distribution of the Scheduled Tribes of India and Its Possible Implications,— «A Collection of Papers of Dr. B. K. Roy Burman, Deputy Registrar General (Social Studies)», [6. m.] [6. r.], var. pag. (mimeographed).
83. Sakharov I. V., Ethnic Composition of Population and the Federative Structure as Factors of the Formation of Economic Regions in India,— «Problems of Economic Regionalisation in the Developing Countries», Moscow, 1968.
84. Sen Gupta S., A Bibliography of Indian Folklore and Related Subjects, Calcutta, 1967.

В. А. Ромодин

НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ОБ АФГАНСКОМ (ПАШТУНСКОМ) НАСЕЛЕНИИ АФГАНИСТАНА

Приведенные ниже цифровые данные относятся к середине XX в. Главный письменный источник, к которому они восходят,— «География Афганистана» [5], опубликованная в Кабуле в 20-х годах XX в. Содержащиеся в этом источнике сведения о численности афганских племен были тщательно проверены, откорректированы и дополнены как по имеющимся в литературе данным [7 и др.], так и по этнографическим материалам, полученным ташкентским ученым А. В. Станишевским и другими этнографами в Средней Азии расспросным путем у знатоков быта и генеалогических преданий афганских племен (в частности, у жившего долгое время в Ташкенте Г. М. Рауфа)¹. Вычисленные таким образом сведения более полны по сравнению с другими подсчетами и оценочными данными, используемыми до последнего времени авторами книг об Афганистане². В следующей ниже таблице эти цифровые сведения приводятся с незначительными изменениями и поправками, сделанными на основе работы М. Г. Асланова [2] и справочников 1960 и 1964 гг. [8; 3], а также с учетом ранних сочинений и справочных изданий [4; 9; 12; 13; 14; 15], содержащих данные, относящиеся к XIX и началу XX в. Сведения о гильзаях сверялись с собранным в начале 30-х годов XX в. материалом, опубликованным в книге Робинсона [17]. Написание названий афганских племен и их подразделений устанавливалось в спорных случаях по словарю М. Г. Асланова [1], в основном же мы придерживались традиционного написания [6]. Для сопоставлений учитывались материалы пакистанской переписи 1951 г. [10; 11].

Название племен	Примерная численность (тыс. человек)
	По оценке на середину XX в.
I Сарбани	2300
<i>А. Дурани</i>	1600
Зирак	770
1. Баракзай	320

¹ Приношу глубокую благодарность А. В. Станишевскому, предоставившему мне эти материалы и разрешившему их опубликовать.

² См., например, книгу Грегорьяна [16, стр. 416 и сл.].

Название племен	Примерная численность (тыс. человек)
2. Попальзан	165
3. Алькозай	140
4. Мусазаи	120
5. Ацакзай (Ачакзай)	25
Панджпай	830
6. Нурзай	370
7. Ализай	150
8. Адузай	130
9. Исхакзай	100
10. Маку	50
11. Хугиани	30
12. Тарин	45
13. Займухт	10
14. Шерани	25
15. Уштурани	35
16. Бабар	10
17. Харипал	10
18. Джалвани	5
Б. Горийа-хель	170
19. Моманды	115
20. Даудзай	35
21. Цамкани (Чамкани)	13
22. Халиль	7
В. Хахи	190
23. Хугиани	85
24. Сафи	50
25. Юсуфзай	25
26. Туркалани	15
27. Мандар	15
28. Заманд	20
29. Шинвари	180
II Батани	1860
А. Гильзай (Гильджи)	1550
1. Тохи	185
2. Хотакни	110
3. Шаху-хель	15
4. Тахири	10
5. Ихирзай	10
6. Сулейман-хель	390
7. Андари	200
8. Тараки	190
9. Али-хель	110
10. Исхакзай	80
11. Хароти	75
12. Ака-хель	35
13. Кадозай	35
14. Другие гильзайские племена (гильджи)	105
15. Сарвани	170
16. Лохани	75

Названия племен	Примерная численность (тыс. человек)
17. Битини	25
18. Лоди	12
19. Сур	5
20. Другие племена ба- тани	23
III Гаргушти	340
1. Пани	200
2. Баби (Бабаи)	85
3. Мандо-хель	12
4. Какар	10
5. Парна	10
6. Гадун	10
7. Нагар	8
8. Хуванд	5
IV Карлани (Каррани)	850
1. Вардак	220
2. Мангаль	130
3. Оракзаи	20
4. Мусизаи	10
5. Дилазак	5
6. Макбаль	5
7. Дзадран (Джадран)	125
8. Утман-хель	100
9. Вазирь	55
10. Тури	50
11. Дзадзи (Джаджи)	35
12. Африди	13
13. Дарман	5
14. Шейтак	2
15. Хаттак	40
16. Другие племена карлани	35

1. Асланов М. Г., Афганско-русский словарь (пушту). Под ред. Н. А. Дворянкова, М., 1966.
2. Асланов М. Г., Афганцы, — в кн. «Народы Передней Азии», М., 1957.
3. «Афганистан». Справочник, М., 1964.
4. Бабаходжаев М. А., К вопросу о национальном составе населения Афганистана в конце XIX в., — сб. «Очерки по новой истории Афганистана», Ташкент, 1966.
5. «Джуграфия-йи Афганистан», Кабул, 1301.
6. Массон В. М. и Ромодин В. А., История Афганистана, т. I—II, М., 1964—1965.
7. Рейснер И. М., Афганистан, М., 1929.
8. «Современный Афганистан». Справочник, М., 1960.
9. «Afghanistan and its Inhabitants, Translated from the Hayat-i-Afghan of Muhammad Hayat Khan by Henry Priestley», Lahore, 1874.
10. «Census of Pakistan 1951», vol. I, Pakistan. Report and Tables. By E. H. Slade. Karachi [1951].
11. «Census of Pakistan, 1951», vol. 4, «North-West Frontier Province. Report and Tables. By Sheikh Abdul Hamid, Provincial Superintendent of Census, N. W. F. P.», Karachi [1951].
12. Central Asia. Pt II. A Contribution Towards the Better Knowledge of the Topography, Ethnology, Resources and History of Afghanistan Compiled (from Political and Military Reference) by lieut.-col. Mac Gregor, Assistant Quarter-Master-General, Calcutta, 1871.
13. «A Dictionary of Pathan Tribes», Simla, 1899.

14. Elphinstone M. An Account of the Kingdom of Caubul, and its Dependencies in Persia, Tartary, and India, Comprising a View of the Afghan Nation and a History of the Dooaraunee Monarchy, London, 1815.
15. «Gazetteer of the North-West Frontier Province», Calcutta, 1908.
16. Gregorian V., The Emergence of Modern Afghanistan. Politics of Reform and Modernization, 1880—1946, Stanford, California, 1969.
17. Robinson J. A., Notes on the Nomad Tribes of the Eastern Afghanistan, New Delhi, 1935.

С. А. Маретина

РОЛЬ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ДАЯКОВ КАЛИМАНТАНА

Соотношение естественных условий труда и общества — вечная тема, стоящая перед человечеством на всем протяжении его истории. Существо зависимости между человеческим обществом и природной средой было впервые показано К. Марксом [1, стр. 523; 2, стр. 128] и получило дальнейшее развитие в трудах Г. В. Плеханова (который, правда, допускал в некоторых случаях преувеличение роли географической среды в развитии человека и общества) [8, стр. 608—615 и сл.]. В наши дни эта проблема привлекает внимание многих ученых. В современной географии положения Маркса общеприняты. «Человечество и биогеносферу можно представить себе в виде двух „вечных партнеров“, находящихся в постоянном взаимодействии», — пишет географ И. М. Забелин, который под «биогеносферой» понимает оболочку у поверхности земли, делающую возможным существование человечества [5, стр. 85]. Крупнейший историк современного Запада А. Тойнби ищет движущую силу общественного прогресса в «ответе» на «вызов» природной среды [20, стр. 68, 75; см. также: 4, стр. 26, 28]. Этнограф во главу угла ставит народ или племя как особый экологический тип со своей жизненной проблемой, которую этот народ решает в соответствии с присущим именно ему природным комплексом; на практике это означает, что существует большое количество типов и вариантов проявления подобного взаимодействия. Особенно непосредственно связь с географическим окружением выступает у народов, стоящих на ранних ступенях развития. В этом смысле плодотворный материал дают даяки — коренное население индонезийского острова Калимантан (Борнео).

Это крупнейший остров из Больших Зондских и третий по величине остров в мире (после Гренландии и Новой Гвинеи). Остров перепоясывается экватором, так что около двух третей его территории находится в Северном полушарии, а свыше трети — в Южном. По форме Калимантан представляет собой монолитный массив, слегка вытянутый на северо-восток, со слабоизрезанной береговой линией. Берега острова, топкие и болотистые, доступны только у устьев рек. Вдоль побережий Калимантана тянется низменная полоса, которая превращается на юге в обширную равнину; центр острова в значительной своей части гористый. Древняя горная цепь (средняя высота — 1500 м), разорванная ущельями многочисленных рек, пересекает остров с запада на восток, стеной отделяя северные области, которые в географиче-

ском отношении тяготеют к островам Сулу (Филиппины). На северо-востоке белеет вечными снегами высочайшая вершина острова — гора Кинабалу (свыше 4000 м), овеянная легендами и суевериями [16, стр. 1—4]. В отличие от большинства других островов Малайского архипелага на Калимантане нет ни одного действующего вулкана. Давно потухшие кратеры сглажены и не подают никаких признаков жизни.

С центральных гор стекают все основные реки Калимантана — главные жизненные артерии в этом царстве гор, лесов и болот. Рек на Калимантане много, как нигде, но большая их часть несудоходна. Перегороженные порогами, реки стремительными потоками вырываются из горных стремнин и затем широко разливаются в низменных областях, откладывая в руслах огромные валуны и кучи песка, затрудняющие судоходство. В широтном направлении, с востока на запад, течет Капуас — самая длинная (1143 км) река не только на Калимантане, но и во всей Индонезии. Другими крупными реками острова являются Реджанг, Барам, Барито, Махакам.

Климат на Калимантане экваториальный, влажный, со среднегодовой температурой, редко спускающейся ниже 26°. Как везде в тропиках, ночь наступает мгновенно, сразу после исчезновения сияющего солнечного шара. Наибольшее количество осадков приносит зимний, северо-восточный муссон, годовое их количество почти везде превышает 3 тыс. мм. Огромные пространства на Калимантане заняты непроходимыми топиями и болотами. В горах влажный тропический климат сменяется более умеренным. Избыток тепла и влаги вызывает невиданное богатство растительного мира, превращая остров в гигантскую оранжерею. По существу, свыше 80% территории острова (т. е. за исключением лишь культурных прибрежных районов) покрыто густыми влажными, а на значительной территории и заболоченными джунглями, среди которых только голубые ленты рек могут служить ориентирами и средством сообщения. По богатству флоры Калимантан занимает одно из первых мест в мире. Трудно перечислить даже основные растительные породы, которыми изобилуют калимантанские джунгли [15, стр. 150—151]. Здесь можно встретить до тридцати видов пальм — кокосовая, саговая, бетелевая и многие другие, железное дерево улин, древесина которого ценится исключительно высоко, хлебное дерево, бананы, дуриан, гигантские древовидные папоротники с листьями, превышающими по площади два метра, и множество других пород. Отдельные деревья-гиганты достигают сорока, пятидесяти и даже семидесяти метров высоты. Под уходящими в небо стволами, опутанными мхами, плаунами, орхидеями, стеблями лазящей пальмы ротанг, лианами и другими вьющимися растениями, густой кустарниковый подлесок не оставляет просвета, создавая мрачные, труднопроходимые дебри [17, стр. 74—75]. Здесь всегда темно, всегда влажно. Солнцу нелегко пробиться сквозь многоярусный зеленый покров, поэтому в лесах острова нет травы, нет цветов и ягод. Выше в горах появляются вечнозеленые тропические дубы, различные хвойные породы, а еще выше ослепляют цветочным нарядом пышные альпийские луга. Вдоль морских побережий и по рекам тянутся мангровые заросли — низкорослые деревья и кустарники, у которых при отливах обнажается сеть длинных воздушных корней.

Темные своды леса скрывают многочисленных обитателей. Лесной характер фауны Калимантана сказывается в обилии древесных и летучих зверей, к которым относятся прежде всего многочисленные породы обезьян, а также летучие мыши, ящерицы и др. Как и на Суматре, здесь обитает человекообразный орангутанг. На юге острова живут

двурогие носороги, а на севере еще изредка можно встретить слона [15, стр. 149—150]. Характерны для Калимантана тапиры, дикие буйволы, кабаны. Олени и дикие свиньи держатся поближе к рисовым полям. Из хищников наиболее распространенными являются древесный тигр и короткошерстный малайский медведь. В глухих многоярусных зарослях птицы не живут, и голоса их можно услышать лишь там, где кроны деревьев расступаются, давая доступ солнцу. Змей не слишком много, зато страшным бичом являются пиявки и бесчисленные насекомые (москиты, комары и др.) [12, стр. 56—61]. Реки и озера Калимантана населяют многочисленные породы рыб (среди которых преобладают карповые), часто встречаются крокодилы. В мангровых зарослях живут крабы и морские насекомые. Богаты омывающие остров морские воды, где можно увидеть морских черепах, китов, всевозможных моллюсков.

«Вещественный состав» географической среды, влияющий на конкретные черты материальной культуры, в первую очередь соприкасается с хозяйственной деятельностью человека [4а, стр. 44; 9, стр. 21]. Действительно, характер хозяйственной жизни даяков в значительной степени обусловлен природными возможностями территории их обитания, возможностями, которые они используют с большей или меньшей степенью активности.

Даяки занимают в основном внутренние районы Калимантана, куда они были оттеснены более поздними пришельцами — малайцами, бугами, яванцами и выходцами с других островов Малайского архипелага, а также китайцами. Слово «даяк», малайское по происхождению, обозначает жителей внутренних, высокогорных областей, «язычников» [11, 556]. Сами племена не пользуются этим словом как самоназванием, а обычно называют себя по той реке, бассейн которой они заселяют. Лишь на северной оконечности острова, входящей в Федерацию Малайзии, даяки расселены и на побережье.

Общая численность даяков составляет около 2 млн. человек [7, стр. 538 и 397], которые теряются на огромном пространстве острова (общая площадь острова 734 тыс. кв. км). Представлены они многочисленными народностями и племенами, многие из них изучены крайне слабо. Обычно даяков подразделяют на несколько территориальных групп, характеризующихся общими особенностями культуры и истории. У главных народов Центрального Калимантана — кайянов и кенья — в наибольшей степени проявляются специфические черты даякской культуры. Их деревни можно встретить в среднем течении больших рек острова. По соседству с ними живет множество более мелких племен — моданги, пнихинги, лонгвай и др. В более южных районах внутренней части острова, а также к западу от кайянов живет большая группа племен и народностей, ядро которой составляют нгаджу. К северу от них расселены от-даномы, также представляющие собой совокупность многих племен. Очень слабо изучены южнокалимантанские племена мааньян, лаванган и др. Западную и северо-западную часть острова (кроме побережий) населяют многочисленные мелкие племена, в западной литературе обычно называемые «даяки суши» (в противоположность «морским» — т. е. прибрежным даякам северной части острова). «Морские даяки» — или ибаны — самая многочисленная группа даяков северного побережья, где кроме них живут клемантаны, кадаяны, мелану, муруты, дусуны и многие другие, на жизнь и общественную структуру которых оказало влияние соседство с малайскоязычным населением побережий. Особую группу составляют племена бродячих собирателей и охотников — пунанов, кочующих в

глубинах тропического леса в верховьях рек Центрального Калимантана. Они, по всей вероятности, составляют одну из древнейших групп коренного населения острова [подробнее об этническом составе даяков см.: 7, стр. 538—539]. Одно это краткое перечисление основных групп даяков говорит о большой дробности и пестроте аборигенного населения Калимантана. Живущие в течение сотен поколений на своем острове, органически вписанные в его географические рамки, даяки многими особенностями своей экономики и материальной культуры обязаны воздействию окружающей природной среды.

В условиях влажного тропического леса основу хозяйства даяков (кроме бродячих пунанов) составляет подсечно-огневое земледелие. Даяки с помощью топора и огня расчищают земли, чтобы получить возможность вырастить необходимое количество суходольного риса. Заливные рисовые поля можно встретить лишь у даяков, живущих в прибрежных низинах.

Подсечно-огневое земледелие определяет уровень социального развития даяков, весь их образ жизни; для него характерна интеграция всех составляющих его элементов [19, стр. 79]. Порожденный условиями среды, подсечно-огневой способ в свою очередь оказывает воздействие на другие стороны жизни даяков — на характер поселения, формы распределения земли, на состав экономического обмена.

Рис в зависимости от ландшафта выращивается на склонах гор или на болотистых землях. При этом в каждом хозяйстве отдают предпочтение сухому, так называемому горному рису — из-за его вкусовых качеств и большей питательности [15, стр. 331]. В силу этих причин лучшим местом для пашни считается склон горы, спускающийся к реке: вековой опыт показал, что именно эта земля наиболее удобна, ибо наклонное положение облегчает дренаж и порубку; к тому же выход к реке очень важен в условиях лесного бездорожья. Процесс расчистки занимает около двух месяцев, так как эта трудоемкая операция производится вручную простейшими орудиями — топориками европейского либо местного типа. Начинают обычно с подлеска, который срезают на площади, имеющей вид вытянутого треугольника, причем самые толстые стволы подрезают с двух сторон со специально сооруженных помостов [16, стр. 99—105]. Тогда тяжелые стволы с вершин, падая по склону, увлекают все подрезанные деревья. Вырубка производится не только для расчистки поля, но и для того, чтобы дать доступ солнцу, свет которого заслонен крупными деревьями [18, стр. 78]. Правда, солнце способствует росту не только риса, но и сорняков, которые за самый короткий срок заполняют все поле. Около месяца лес сохнет, затем его сжигают, и зола остается тлеть в течение нескольких дней. Посев производится в эту, даже не смешанную с золой землю. Лунки, куда опускают семена, землей не засыпают — дождь сам прибавляет землю, а пал рассчитан таким образом, что непосредственно предшествует дождям. Планирование срока операций подразумевает точное знание природного календаря; переходя от одного этапа сельскохозяйственного цикла к другому, даяки ориентируются на многочисленные приметы, земные и небесные (так, ибаны строят свой календарь по Плеядам). Постоянство и повторяемость природных циклов облегчают расчет [14, стр. 57—58].

Не надо забывать, что поле находится в чаще леса, поэтому, даже подготовленное и засеянное, оно продолжает оставаться во власти этого леса. На поле налетают птицы, его топчут кабаны, совершают грабительские налеты обезьяны. Против птиц над участком протягивают веревочную сеть, укрепленную на бамбуковых столбах (то же встре-

чается во многих районах Индонезии) [16, стр. 100—101]. Конец веревки держит мальчик-сторож либо его привязывают к молодому деревцу, врытому в дно реки, и тогда сила течения приводит сеть в движение. От зверей поле ограждают с помощью изгородей, трещоток и т. д.

На поле наступают представители не только животного, но и растительного царства. С невероятной стремительностью в этом естественном парнике (открытом доступу солнца) растут дикие травы, которые грозят задушить посадку, так что прополка должна вестись постоянно и регулярно. Наконец, рис собран. На обычном ладанге (суходольном поле) рис может быть выращен один, максимум два года подряд; и дело тут не только в том, что земля, лишенная удобрений, быстро истощается: дольше пользоваться полем не дают сорняки. Но то, с чем не в силах справиться человек, делает природа: брошенное поле быстро зарастает лесом, и этот последний вытесняет расплодившиеся сорняки, которые не могут расти без света, так что через несколько лет поле оказывается пригодным для новой обработки под посев. После трех-четырех таких циклов поле приходится оставлять не менее чем на 15—20 лет, ибо земля окончательно истощается [13, стр. 32].

Земледельцы во многих поколениях, даяки стремятся наиболее рационально использовать отвоеванную у леса землю. Рядом с рисом (а иногда и смешанно с ним) они сажают различные культуры — огурцы, тыквы и др., которые должны служить подспорьем при недостатке или неурожае риса. Даяки заботятся об улучшении сортов риса и при каждой возможности стараются добыть новые сорта семян. Сам характер расчистки поля отражает приспособление к лесным условиям: каждый год к земле прибавляют небольшой участок, забрасывая наиболее старую часть прежнего, ибо семье, где обычно один взрослый мужчина, трудно сразу расчистить всю необходимую землю [13, стр. 30—31].

При всей трудоемкости подсечно-огневого метода в условиях Калимантана он оказывается наиболее целесообразным и доступным (при существующем уровне техники у даяков). Приложение труда при этом исчисляется в основном затраченным временем (расчистка постоянного поля требует более длительных усилий). К тому же налаженный у даяков обмен трудом в значительной мере облегчает работу [13, стр. 74—76; 18, стр. 85—90]. Подсечно-огневое земледелие имеет преимущество: оно не требует дорог — отсутствие рабочего скота и тяжелых орудий труда позволяет обходиться пешеходными тропами [19, стр. 26], т. е. оно дает возможность осваивать земли в условиях различных ландшафтов. Избыток свободного леса и достаточное количество естественной влаги также способствуют сохранению этого традиционного метода на Калимантане. Настоятельная необходимость смены подсечно-огневого земледелия более развитыми формами наступает тогда, когда рост населения приводит к сокращению необходимого количества пригодных под обработку площадей. Необходимо оговориться: возникающий при этом недостаток земли — недостаток условный, ибо при подсечно-огневом земледелии необходимым условием является наличие избыточного в абсолютном смысле количества земли. Соблюдение сроков отдыха земли обеспечивало восстановление плодородия почвы. Поэтому подсечно-огневое земледелие практиковалось в течение столетий, не угрожая целостности ландшафта, и опасность для последнего возникла лишь тогда, когда естественный баланс «человек — среда» в силу тех или иных причин (быстрый рост населения, эксплуатация чужаками и т. д.) оказался нарушенным, т. е. когда эксплуатация природы стала

переходить допустимые грани. Именно такова ситуация в горах Восточной Индии: здесь на протяжении ряда последних десятилетий рост населения интенсифицировал эксплуатацию горных лесов. Сокращение необходимых сроков отдыха земли повлекло за собой ухудшение качества лесов, что в конечном счете вызвало угрозу эрозии почвы и малоземелья [6, стр. 51].

Рассматриваемым районам Калимантана такая опасность пока не грозит. Средняя плотность населения здесь не превышает 10 человек (у ибанов, живущих наиболее плотно, 11—16 человек на милю [13, стр. 320]), в то время как, по подсчету Спенсера, максимальная плотность, не нарушающая ландшафт, составляет 50 человек на милю [19, стр. 15]. Экономические стимулы, которые вызвали бы смену традиционной формы хозяйства, у даяков еще не получили развития. К тому же смена формы земледелия — процесс очень сложный и длительный. Пример народов, которые в результате конкретных условий, как естественногеографических, так и социально-экономических, оказались перед необходимостью смены системы хозяйства, показывает, что это влечет за собой глубокие изменения во всей структуре общества [6, стр. 46—56]. Подсечно-огневое земледелие неизбежно сменяется более развитой производственной системой, т. е. земледелием орошаемым, интенсивным. Это потребует определенных экономических предпосылок: развития дорог, установления торговых связей между отдельными районами, создания условий для развития ремесла, образования, усовершенствования технических навыков и орудий и т. д. Пока же подсечно-огневое земледелие у даяков сохраняет за собой ведущую роль.

В задачи статьи не входит рассмотрение связанных с подсечно-огневым способом аспектов социальной организации и материальной культуры. Отметим лишь «аморфность и недокодифицированность земельного контроля» [19, стр. 77], вызываемые наличием не исчерпанных еще запасов свободных лесных площадей. Необходимость в строгом распределении земель возникает с ростом малоземелья.

Естественные условия труда даяков наложили отпечаток на характер поселений даяков. Селение состоит из одного или нескольких длинных домов, расположенных тесно друг к другу, недалеко от воды. Селения эти не разрастаются выше нормы, стихийно определяемой окружающими лесными площадями, эксплуатация которых не требует чрезмерного удаления от деревни. Даяки, как правило, не перекочевывают за новым полем, что свойственно многим мотыжным земледельцам. У них практикуется постройка временных жилищ на полях, где они проводят часть сельскохозяйственного года, особенно во время прополки и жатвы. Иногда это небольшая хижина, иногда — дома, меньшие, чем основной, но тоже длинные. Своеобразную форму приняла система временных жилищ у ибанов Саравака. У них длинный дом вмещает целую общину. На время сельскохозяйственных работ ибаны строят ряд временных длинных домов — дампа, в которых члены основного дома расселяются по признаку соседства полей. По мере удаления полей строятся дампа. По подсчетам Фримэна, за 15—25-летний цикл, который проходит до возвращения к оставленному на отдых полю, даяки проводят в основном доме не более четверти времени [13, стр. 33—35]. Таким образом, происходит своеобразное обособление (хотя бы частичное) земледельцев — даяков, жителей длинного дома.

Лесные условия Калимантана не дают простора для развития скотоводства: пастбища практически отсутствуют, кормов недостает, травы там, где они есть, очень грубы. У даяков почти нет крупного рогатого скота; они разводят главным образом свиней и коз, которые могут

существовать на подножном корму. Стада буйволов держат лишь даяки северного побережья, имеющие постоянные поля и использующие буйволов в качестве тягловой силы. Эти стада находятся в полудиком состоянии, но каждое животное имеет своего владельца, принадлежность которому отмечается зарубкой на ухе буйвола [12, стр. 202—203].

Особое место в жизни даяков занимает лес — лес, не расчищенный под пашню. Лес — это их мир, в лесу они строят свой дом, сеют рис, хоронят мертвых. Даяки умеют находить дорогу в любой чаще, перебираться через самые непроходимые пропасти, выслеживать зверя и собирать невидимые для других драгоценные дары леса. Лес дает даяку не только дополнительное питание (особенно усердно собираются дикорастущие корнеплоды и корни перед сбором урожая), но и ценные продукты. Это ротанг, даммаровая смола, камфора, мед и воск диких пчел, дикое саго, каучук, гуттаперча, растительное масло, съедобные ласточкины гнезда, ценные сорта древесины, многочисленные сорта дикорастущих фруктов (дуриан, рамбутан, дикое манго и др.).

Обычно в период затишья сельскохозяйственных работ, когда рис зреет на корню, а женщины занимаются прополкой и охраной посева, мужчины, как правило молодые юноши, еще не ставшие главами семей, покидают деревню и отправляются в поисках дополнительных доходов. Иногда такие походы длятся несколько дней, иногда — недели и даже месяцы. Уходят обычно небольшими партиями. Как правило, отправляются на лодках, которые затем, при углублении в лес, прячут у берега. У саравакских ибанов такие поездки приняли своеобразную форму так называемых «беджалай» (букв. «идти») — походов, цель которых не только в добыче, но и в приобретении некоторых социальных привилегий [13, стр. 74—76]. Беджалай — дело чести ибана: считается, что только совершивший беджалай имеет право нанести татуировку. Беджалай означает также поездки на побережья, на табачные и прочие плантации и даже на другие острова, но наиболее традиционная его форма — продолжительные походы в глубины тропического леса.

Продукты леса служат для даяков основным предметом обмена. В прежние времена доходы от их продажи шли в основном на покупку ценного семейного имущества — старинных медных гонгов и китайских фарфоровых сосудов, очень высоко ценящихся у даяков [16, стр. 60]. Теперь доход от обмена чаще всего предназначен на улучшение быта, причем по мере усиления связей даяков с другими народами их потребности стали быстро расти: теперь у даяка появилась потребность в деньгах, на которые можно приобрести товары, еще сравнительно недавно им неведомые. А источником денег являются в первую очередь продукты леса. В последние годы спрос на эти продукты быстро растет, так что через перекупщиков они попадают далеко за пределы Калимантана. Таким образом, эксплуатация леса становится для даяков товарным промыслом.

Даяки прекрасно осведомлены, какие именно продукты леса имеют наибольшую цену на внешнем рынке и кому что выгодно продавать. Ротанг отправляют на китайские базары в низовьях больших рек острова; из плодов этой пальмы добывают высоко ценящийся среди даяков краситель «драконова кровь» [16, стр. 154]. Очень сложен процесс добывания гуттаперчи: ствол дерева и часть ветвей особым образом окольцовывают, чтобы растительное молоко стекало в чаши из листьев [16, стр. 151]. Для добычи камфоры привлекают пунанов — бродячих охотников и собирателей, для которых лесной промысел и сейчас остается главным средством существования. Они умеют определять присутствие камфоры в стволе дерева по запаху [16, стр. 152].

Добыча камфоры — очень древний промысел, в то время как гуттаперча и каучук стали предметом специального собирательства сравнительно недавно — с возникновением спроса на европейском рынке. Мед и воск диких пчел собирают на скалах или, чаще, на высоких, до 30—40 м, гладкоствольных деревьях. Для того, чтобы взобраться на них, в ствол вбивают бамбуковые костыли, которые скрепляют ротанговыми веревками. Одной из важнейших статей лесного промысла является добыча съедобных ласточкиных гнезд, которые собирают в пещерах и по отвесным берегам лесных рек и продают китайцам [16, стр. 156] (вообще китайцы — едва ли не основные скупщики лесных богатств). Сбор гнезд производится обычно четыре раза в год. Права на владение пещерами с гнездами четко определены.

Лес для даяков является огромным заповедником дичи. Крупная дичь представлена кабанами и оленями всех видов — от самого крупного (сервус эквинус) до маленького канчиля (трагулюс напу). Охотятся даяки на носорогов, обезьян, дикобразов, тигровых кошек, медведей, крокодилов, птиц. Способы лова очень разнообразны, хотя в целом не слишком отличаются от приемов других народов Индонезии. На кабанов и оленей охотятся группами, с собаками; кабана бьют копьем, оленей ловят в петли, подвешенные к веревке, которая кольцом окружает местонахождение стада [16, стр. 144—145]. На птиц и обезьян даяки охотятся с помощью духового ружья — сумпитана с отравленными деревянными стрелами. Огнестрельные ружья встречаются редко. Очень широко распространены различные хитроумные ловушки, которых существует бесчисленное множество. Это замаскированные ямы и петли, западни у изгородей, окружающих рисовые поля, и на звериных тропах, ведущих на водопой, и многие другие. Опасные для жизни охотников ловушки со скрытым копьем уже давно находятся под строгим запретом. Любопытно отношение даяков к крокодилам. Специально на них даяки не охотятся. Но если крокодил съест человека, против него организуют карательную экспедицию, и тогда перебивают всех крокодилов подряд, пока не доберутся до преступника, в чем убеждаются, вскрывая жертвы. К пойманному крокодилу обращаются с длинной речью, сперва льстивой, затем издевательской, после чего убивают [15, стр. 57—60]. Однако не все даяки придерживаются этих правил. Крокодилова кожа ценится очень дорого, и некоторые племена специализируются на ловле крокодилов. Бьют их со специальных плотов, стараясь попасть гарпуном в глаз, чтобы не повредить кожу.

Наряду с лесом важнейшую роль в жизни даяков играет река. Как уже отмечалось, это основное средство связи в условиях лесного бездорожья и огромных расстояний острова. С дорогами на Калимантане дело обстоит хуже, чем на всех других островах архипелага: общая протяженность дорог на нем в шесть раз меньше, чем на Яве или Суматре. Обширные территории в центре вообще не имеют других дорог, кроме пешеходных. Узкие долбленные лодки даяков могут развивать удивительную скорость. Широкую известность приобрели лодки кайянов, хотя наиболее бесстрашными мореходами считаются прибрежные меланау. Маленькие семейные лодки изготавливаются из древесной коры за два-три часа [10, стр. 55]. Удивительное зрелище представляют собой длинные военные лодки, достигающие 50 м длины и вмещающие до 60—70 человек. Такие большие лодки принадлежат целой деревне.

Реки служат постоянным источником рыбы, и рыболовство практикуется очень широко. Главный улов дает речная рыба. Орудия лова даяков, как и охотничьи приемы, существенно не отличаются от тех,

которые можно встретить на других островах: это различные сети, ловушки, запруды. Распространена ловля удочкой; дусуны морскую рыбу бьют копьем. Даяки шире, чем другие народы Индонезии, практикуют отравление рек. В качестве яда используют корень растения туба. Обычно жители нескольких деревень проводят лов совместно.

Из ремесел развитие получили в первую очередь те, сырье для которых можно найти на острове. Так, у большинства даяков развито ткачество, причем у ряда групп до сих пор употребляются древесные нити; пунаны изготавливают ткань из тапы — древесной коры. Красители используются исключительно естественные. Все даяки изготавливают плетеные изделия из узких двухмиллиметровых полосок ротанга или бамбука. Постепенно вытесняются покупными изделиями старые глиняные сосуды, которые даяки делали из местного сырья, полировали и глазурировали. Лишь искусство резьбы по дереву, в котором даяки достигли больших высот, не испытывает на себе губительного влияния импорта. Свидетельством тому являются артистически украшенные весла и носы лодок, деревянные военные щиты, рельефные украшения на домах. Многие даяки являются прекрасными резчиками по кости гиббона и сленя, из нее они изготавливают рукоятки ножей и ножны.

Перечисленными видами занятий не исчерпывается все многообразие укладов бесчисленных племен аборигенов Калимантана. Для даяков побережий следует уже говорить об иных формах хозяйства, что имеет своей причиной как природные условия, так и этническое окружение. Например, келабиты Саравака, занимающие самую высокогорную область острова — открытое плоское плато, возделывают влажный рис на постоянном поле [10, стр. 90]. У северных меланау, расселенных по устьям рек, распространена культура заливного риса: рисовые поля устраивают в низменных поймах, где их заливают реки и дожди во время паводка. Некоторые северные даяки по примеру прибрежных соседей пользуются для обработки поля плугом и тягловым скотом (пример дусунов) [16, стр. 97—99].

Итак, даяки, на протяжении столетий замкнутые в труднопроходимых джунглях, выработали свой особый уклад жизни, в наибольшей степени соответствовавший их природному окружению. Хозяйственная деятельность даяков наиболее рациональна в существующих экологических условиях. Мы можем говорить о системе хозяйства у даяков, ибо отдельные стороны хозяйственной деятельности, отдельные элементы этой системы органически связаны и интегрированы. Зависимость хозяйства даяков от природного окружения обусловлена экономической необходимостью, ибо подсечно-огневой способ земледелия не создает избытка урожая, который мог бы быть использован в качестве средства экономического обмена, и тем самым источником для этого обмена, роль которого с каждым годом возрастает, служат дары леса [19, стр. 48, 72]. Со сменой формы хозяйства, с переходом к постоянному орошаемому земледелию эта связь неизбежно окажется нарушенной: не будет возможности регулярно и надолго отлучаться, ибо налаженное орошение требует постоянного контроля. Главное же — теперь само земледелие создает дополнительные ресурсы, которые могут быть использованы для обмена: культивация специализированных товарных посевов на постоянном поле, создавая более надежный и гарантированный фонд обмена, постепенно вытесняет специализированное собирательство. Это подтверждает опыт многих народов, сменивших подсечно-огневое земледелие на орошаемое постоянное земледелие.

Описанная хозяйственная система даяков, функционирование которой связано в первую очередь с максимальным использованием воз-

возможностей природной среды, обеспечивает аборигенам Калимантана определенное место в общей экономике страны: роль эта состоит в освоении недоступных пока для более высокоразвитых хозяйственных операций ландшафтов и введении в рыночный оборот предоставляемых природой даров.

1. Маркс К., Заработная плата, цена и прибыль,—К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 16.
2. Маркс К., Капитал, т. 1,—К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 23.
3. Альбрут М. И., Марксистско-ленинские теоретические основы экономической географии, Челябинск, 1971.
4. Белявский А., Challenge and response или способ производства?—«Природа», 1971, № 12.
- 4а. Гумилев Л. Н., Изменения климата и миграции кочевников,—«Природа», 1972, № 4.
5. Забелин И. М., Физическая география и наука будущего, М., 1970.
6. Маретина С. А., Взаимоотношение естественных условий труда, хозяйства и общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии,—«Народы Азии и Африки», 1971, № 6.
7. «Народы Юго-Восточной Азии», М., 1966.
8. Плеханов Г. В., Избранные философские произведения, т. 1, М., 1956.
9. Покшишевский В. В., Взаимодействие географии и этнографии с древности до наших дней,—«XIII Международный конгресс по истории науки. Секция № 10. История наук о человеке», тезисы, М., 1971.
10. Arnold G., Longhouse and Jungle. An Expedition to Sarawak's-Gravenhage—London, 1959.
11. «Encyclopaedie van Nederlandsch-Indië», 2 druk, d. 1, 1917.
12. Evans L. H. N., Among Primitive People in Borneo, London, 1922.
13. Freeman J. D., Iban Agriculture, London, 1955.
14. Geddes W. R., The Land Dyaks of Sarawak, London, 1954.
15. Gomes E. H., Seventeen Years among the Sea Dayaks of Borneo, London, 1911.
16. Hose Ch. and Mc Dougall W., The Pagan Tribes of Borneo, vol. I, London, 1912.
17. Miller C., Black Borneo, London, 1946.
18. Province J. H., Cooperative Ricefield Cultivation among the Siang Dyaks of Central Borneo,—«American Anthropologist», 1937, vol. 39, № 1.
19. Spencer J. E., Shifting Cultivation in Southeastern Asia. University of California, 1966.
20. Toynbee A. J., A Study of History. Abridgement of volumes I—VI by D. Somervell, London — New York — Toronto, 1946.

Ю. В. Маретин и С. А. Маретина

**ОБЩИНА У РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ
ДОЛИНЫ РЕКИ БАРГУЗИН, ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ**
(Полевые материалы к истории общины)

В последние годы проблема сельской общины вызывает растущий интерес исследователей. Огромная роль, которую она играла у всех народов мира, удивительная стойкость этого института, обеспечившая сохранение общины на протяжении сменяющихся друг друга формаций, видное место, занимаемое ею в развивающихся странах,— таковы основные причины этого повышенного внимания. Будучи категорией исторической, община по мере развития общества проходит ряд последовательных стадий, причем на каждой стадии конкретные локальные формы отличаются большим разнообразием. В наибольшей мере это относится к стадии соседской (сельской) общины, преобладающей в новое время. Эти конкретные формы, как и характер и темпы развития общины, являются результатом воздействия целого комплекса разнообразных факторов — социально-экономических, экологических, историко-культурных, политических. Для истории общины в целом, для разработки ее типологии важно изучить возможно большее число этих разновидностей, особенно тех из них, которые дают что-то новое для понимания процессов ее развития.

Однако в нашей литературе сельская община изучалась довольно односторонне: лишь с точки зрения ее разложения. Применительно к концу XIX — началу XX в. речь шла о капиталистическом расслоении. Так, из почти восьмисот докладов, прочитанных на тринадцати ежегодных симпозиумах по аграрной истории Восточной Европы, общине было посвящено лишь около двух десятков докладов, в основном негативных; подавляющая же масса докладчиков, говоря о социальном положении крестьянства, вообще не упоминали слово «община». «До недавнего времени, — пишет историк Сибири Г. П. Жидков, — община пореформенного периода квалифицировалась только как реакционный феодальный институт, служивший тормозом развитию производительных сил сельского хозяйства и классовых отношений» [80, стр. 124; см., например: 36, 1963, стр. 100, 1964, стр. 101]. В дополнение к взгляду на общину как на «архаический», «пережиточный», «реакционный» институт появились попытки возродить чичеринскую трактовку о позднем, фискально-крепостническом происхождении общины.

Между тем для К. Маркса русская община была «органической, господствующей формой сельской жизни огромной империи» и, по его

выражению, существовала «в национальном масштабе» [1, стр. 419, 401]. Действительно, русская сельская община сохранялась до революции 1917 г., несмотря ни на экономические (естественное развитие капитализма внутри нее), ни на внеэкономические (стольпинская аграрная реформа) воздействия на нее; в ряде районов она просуществовала до коллективизации. В Сибири после революции, в 1921—1922 гг., общинная форма землепользования составляла 92,7%, колебалась по отдельным районам от 86 до 98% [18, стр. 25 и 34; ср. 29, стр. 237].

К. Маркс и Ф. Энгельс возражали против тезиса об искусственном образовании русской общины и обращали также внимание на ее положительные стороны [2, стр. 251; 3, стр. 305; 5, стр. 462]. Об осторожном отношении к общине говорил и В. И. Ленин [6, стр. 515—516; 8, стр. 344—346; 446—447]. В первые годы Советской власти Советское государство, не идеализируя общинные порядки, тем не менее в определенной степени использовало общину как традиционную форму объединения крестьян для регулирования крестьянского землепользования [18, стр. 38—39].

В послевоенные годы ряд исследователей русской аграрной истории пришел к убеждению о необходимости «преодолеть односторонность в оценке социальной роли уравнильно-передельной общины» [80, стр. 125]. Появились настоятельные призывы к сравнительно-историческому изучению истории крестьянства в целом и общины в частности, основанному на широком сопоставлении различных регионов и народов: об этом говорили академик С. Д. Сказкин [96а, стр. 65—92], историки В. К. Яцунский [36, 1970, стр. 26], Л. В. Данилова [32, стр. 41—44] и др. Характеризуя в целом новый подход, можно отметить, что он заключается в более точном фактическом анализе, углубленном прочтении классиков и в стремлении использовать положительные стороны сельской общины [31; 39; 40; 80, стр. 124—132; 96а, стр. 85—86; 107, 1970, стр. 37—40; 1971, стр. 213—218; 1972, 165—221].

Этот новый подход особенно важен сейчас, когда возникла острая необходимость определения путей социально-экономического развития стран «третьего мира»; тем более что среди специалистов по развивающимся странам, нет единого мнения относительно роли общины в этом развитии. Одни авторы признают возможность использования общины и ее вековых традиций [39, стр. 44; 40, стр. 42; 57; 108, стр. 35—36; 112, стр. 225—226; 117, стр. 177]; другие отрицают эту возможность, подчеркивая «развал общины» [43, стр. 109 и сл., ср. стр. 137 и сл.], или попросту не замечают ее [55; 63; 113]. По нашему мнению, подобное положение с изучением общины в развивающихся странах связано в немалой степени с недостатками изучения общины в России.

В этой связи представляются вполне оправданными и своевременными слова В. А. Александрова, специалиста по аграрной истории России, о том, что проблема общины в России «не может считаться исчерпанной ни в методологическом, ни в конкретно-фактологическом отношении. Особенно это относится к истории сельской общины в позднефеодальной России» [107, 1970, стр. 23—24].

Русская община Восточной Сибири представляет особый интерес для изучения общинного развития. Пореформенная Сибирь, по выражению известного знатока русской общины А. А. Кауфмана, представляла собой «живую историю общины в процессе ее зарождения и роста» [цит. по: 80, стр. 126]. У большинства народов, особенно в странах Востока, мы имеем дело с общиной, прошедшей длительный путь

развития. У сибирских же старожилов в силу особенностей их истории имеет место случай регенерации общины, тем более интересный, что регенерация происходила не у первобытного, а у развитого земледельческого народа, в условиях феодального, а позднее и капиталистического государства.

Русское население Сибири формировалось из переселенцев из Европейской России. На протяжении четырех столетий русские осваивали необъятные пространства Сибири, постепенно адаптируясь в условиях нового этнического и географического окружения, оказывая в свою очередь большое и всестороннее влияние на народы Сибири [13, стр. 300]. Будучи выходцами из различных районов Европейской части, русские старожилы Сибири принесли с собой традиции общинной организации, в условиях которых они выросли и в соответствии с которыми они старались строить жизнь на новом месте.

Восточная Сибирь являлась окраинной, но органической частью России [35, стр. 48]. Поэтому она испытывала на себе воздействие все-российской системы, и община ее была низовым звеном государственно-административной надстройки Российской империи. Поначалу община у русских переселенцев функционировала прежде всего как административно-податная единица. По мере увеличения плотности населения и уменьшения фонда свободных земель усложнились поземельные отношения. Во второй половине XIX в., когда был вызван к жизни передельный механизм, эта сторона общинной организации приобрела особо важное значение. Первоначальный заимочный способ землепользования, когда переселенец мог взять под заимку практически любое количество земли и бесконтрольно владеть ею, независимо от степени обработки отдельных участков, — с ростом населения сменяется вольно-захватной системой, при которой земля находится в пользовании лица, поднявшего целину, пока последний обрабатывает эту землю. Далее возникает надельно-долевая, или уравнильно-передельная, система; именно ее можно считать категорией общинного землевладения в полном смысле слова. На первых порах она выступала как противодействие растущему имущественному неравенству.

В данной статье авторы останавливаются на характеристике общины у русского старожильческого населения долины реки Баргузин в последние десятилетия существования общины (конец XIX — начало XX в.). Баргузинский район был выбран потому, что он является одной из контактных областей, где русские встретились и мирно ужились с местным, бурятским и эвенкийским, населением, причем русская культура сыграла большую роль в развитии бурят-монголов и эвенков [44, тт. 2—5; 59; 101].

Особый интерес этот район представляет также и потому, что русские старожилы, населяющие его, никогда не были объектом этнографического изучения, что, между прочим, отражает общую недостаточную изученность этнографии русского населения Сибири [19, стр. 3]. Действительно, на этнографической карте Сибири белых пятен не меньше, чем на географической или геологической. Одним из таких пятен и является район р. Баргузин. Историк Прибайкалья В. П. Гирченко писал: «В социальной истории Сибири вряд ли найдется область, так мало освещенная и изученная, как история Восточно-Сибирского, а в частности прибайкальского крестьянства» [25, стр. 27; ср. 69, стр. 8]. Если за последние два десятилетия в изучении прибайкальского крестьянства в целом произошли значительные сдвиги (что отражает успехи советского сибиреведения вообще), то Баргузинский район еще не привлек должного внимания исследователей. Имеющиеся в литературе по Си-

бири упоминания, относящиеся к этому району, немногочисленны и не-систематичны [см., например: 69а; 90; 94; 95; 96; 123]. Что же касается общих работ, посвященных специально Забайкалью и Прибайкалью, то и в них данные по Баргузинскому району носят преимущественно общестатистический и общен исторический характер [23, вып. I—XVI; 25; 38; 42; 83; 99; 115].

Непосредственно общине у забайкальских русских старожилов были посвящены две интересные работы: К. Михайлова, вышедшая в 1885 г., и В. Солдатова, опубликованная в 1913 г., но обе они не касаются долины р. Баргузин [69; 100]. Не затронута эта территория и в этнографическом исследовании некоторых забайкальских районов, проведенном в конце 1950—60-х годов А. А. Лебедевой [62; 107, 1969, стр. 102—116]. В то же время следует отметить, что все эти работы дают большой и полезный сравнительный материал для изучения общины у русских долины Баргузина.

Работа построена в основном на полевом материале, собранном во время экспедиции 1959 г., и дополнена сравнительными данными по смежным районам и по Сибири в целом, почерпнутыми из литературы¹. Было обследовано 16 поселений, входящих в Баргузинский район Бурятской АССР (по административному делению конца XIX в. — это Читканская волость Баргузинского округа Забайкальской области Приамурского генерал-губернаторства): поселок Усть-Баргузин, деревни Бошарово, Адамово, Зорино, поселок Баргузин², село Большое Уро (здесь же Малое Уро, Большое и Малое Телятниково), бывший волостной центр — село Читкан (здесь же Малый Читкан), Душелан, Алга, Суво, Дворец³, Бодон. Таким образом, был обследован весь район, заселенный русскими, начиная от устья р. Баргузин до поселка Баргузин и далее по долине левого берега реки и ее притокам до территории, заселенной бурятами.

ИЗ ИСТОРИИ ЗАСЕЛЕНИЯ КРАЯ РУССКИМИ И ПОЯВЛЕНИЯ УРАВНИТЕЛЬНО-ПЕРЕДЕЛЬНОЙ ОБЩИНЫ

По своему происхождению русское население Баргузинской долины неоднородно. Население это формировалось на протяжении трех веков из следующих основных пластов: первых пришельцев — казаков и промысловиков, привлеченных пушным богатством края; ссыльнопоселенцев, отправляемых в Забайкалье с конца XVII в.; наконец, свободных переселенцев, поток которых особенно возрос начиная со вто-

¹ Авторы выражают свою искреннюю благодарность всем информаторам, которые не щадили ни времени, ни сил, отвечая на многочисленные и настойчивые вопросы, относящиеся к делам давно минувших дней. Авторы везде называют фамилии и возраст своих информаторов (последний указан на время экспедиции, т. е. на 1959 г.).

Материалы экспедиции — дневники, чертежи построек, отчеты и пр. — хранятся в Архиве Института этнографии АН СССР в Ленинграде (фонд К-1, оп. 2, №№ 618—620, 931—939). Во время работы было сделано свыше 600 снимков (основной объем фотосъемок выполнен Ю. В. Маретиним и А. И. Мухлиновым, некоторые фото принадлежат Л. Е. Куббелю), негативы которых находятся в том же архиве (И-1983 №№ 1—656), а отпечатки в Отделе Европы Института этнографии. В статье использованы некоторые материалы, собранные нашими коллегами по экспедиции — А. И. Мухлиновым, Л. Е. Куббелем и Б. Я. Волчок, за что авторы выражают им свою признательность.

² В дореволюционные годы Баргузин относился к разряду так называемых заштатных городов. В настоящее время это районный центр.

³ «Дворцом» забайкальские русские называют участок пади по его сходству с двором, окруженным горами [75, ч. I, стр. 127]; часто так называют и деревню, основанную на этом месте.

рой половины XIX в. Таким образом, заселение долины Баргузина происходило как естественным, народным переселением, так и путем казенной колонизации. Это находит свое отражение как в хозяйственно-культурных особенностях, так и в антропологических чертах. Физический тип и бытовые особенности забайкальских русских сложились под влиянием экологических и исторических условий [120; ср. 22, стр. 59—60]. Как первые пришельцы, так и, в значительно меньшей степени, поздние переселенцы смешивались с коренным населением — бурятами и эвенками, которых здесь называли и называют ороचनाми, что наложило свой отпечаток на внешний облик забайкальских русских. Это отметил уже академик Паллас [74; см. также 120, № 2 и 5]. Язык забайкальских русских имеет ряд особенностей, например смешение *ж* и *з*, *с* и *ш*, *ц* и *ч*, употребление ударных окончаний на «а» в названиях деревень — Жорина́ вместо Зо́рино, Пашина́ вместо Па́шино и т. д. [ср.: 85, стр. 17—32; 100, стр. 44 и сл.; 120, № 5, стр. 243—274].

Относительно древнего населения края до наших дней сохранились многочисленные легенды, которые заслуживают внимания. Начиная от Усть-Баргузина, в каждом селе многие информаторы сообщали о древних насельниках края — баргутах, причем сообщения эти совпадали в деталях и подкреплялись ссылками на многочисленные находки. Названия реки (Баргузин), долины, ветра, дующего из нее, ряд географических названий («Баргутская канава» в Большом Уро и др.) — все это, по преданию, сохранилось от баргутов. По рассказам, баргуты отличались очень большим ростом, что информаторы подтверждали ссылками на виденные ими находки крупных человеческих костей⁴, темным цветом лица, занимались земледелием, жили в землянках, остатки которых имеются в окрестностях почти всех сел (Адамово, Бошарово, Читкан и др.). Берег Баргузина напротив Бошарова так и называется «ямный берег»⁵. В легенде об исчезновении баргутов рассказывается, что баргуты засыпали себя в своих землянках, когда появились белые люди, приход которых возвестило появление в этом крае берез [ср. 64, стр. 112—113]. Не вдаваясь в рассмотрение баргутской проблемы, отметим, что народами, встретившими первых русских насельников, были эвенки (или тунгусы, ороконы, как тогда называли основных насельников) и многочисленные буряты⁶.

⁴ Учитель Т. М. Малико сообщил нам, что коллекция ископаемых костей имелась в школе Большого Уро, но, по небрежности, была утеряна.

⁵ Сходные легенды о людях, живших в ямах, были записаны в Енисейской губернии в районе р. Тунгуски в XVII в. О таких «диких людях» сообщает в своей «отписке» в Сибирский приказ воевода князь Щербатов [81, стр. 756—757; ср. 73, 66].

⁶ Вопрос о первонасельниках края сложен и не решен окончательно. Есть ряд точек зрения, основными среди которых являются две. Первая, наиболее распространенная, защищаемая главным образом А. П. Окладниковым, сводится к тому, что до появления бурят, т. е. до XIII в., указанный район был заселен тюркскими народами, находившимися в контакте с тунгусо-маньчжурскими, и баргуты относятся к тюркоязычным народам [19, стр. 7 и сл.; 44, т. I; 69а, стр. 83—98; 70]. Вторая точка зрения, наиболее отчетливо представленная в работах Г. П. Румянцева, заключается в утверждении, что Забайкалье, в том числе и долина Баргузина, является исконно бурятской территорией, что здесь существует «этническая бурятская непрерывность» на протяжении по крайней мере трех тысячелетий, что баргуты — предки бурят или, по крайней мере, родственны бурятам [88; 89; ср. 87]. Для нас, однако, важно, что и сторонники второй точки зрения признают, что после перерыва, вызванного различными причинами, буряты появились на Баргузине в середине XVII в., потом откочевали и снова вернулись в 40-е гг. XVIII в. [88, стр. 6, 9—10, 17—18]. Это имеет существенное значение для изучения истории освоения края, в том числе и для социальной истории его населения.

Об археологии, истории и этнографии края до прихода русского населения см. [14; 20, ч. IV, кн. I, отд. IV, стр. 26—27; 23, вып. V и VI; 34, 44, тт. 1 и 2; 51; 54; 84; 105; 106; 122, стр. 68 и сл.].

По словам большинства наших информаторов, их предки появились в долине р. Баргузин во второй половине XVIII в. Несмотря на столь давний срок, потомки первых пришельцев отчетливо сознают, чьих семьи ведут свое происхождение «из России», т. е. из европейской ее части. Исторические материалы говорят, что появление русских в этом районе относится к 40-м годам XVII в. Впервые русские достигли Байкала в 30-х годах XVII в. В 1638 г. отряд казаков атамана Максима Перфильева появился в Забайкалье, в Даурии, а через пять лет якутский пятидесятник Курбат Иванов высадился на Ольхоне. Один из его отрядов достиг Верхней Ангары, обложил тунгусов ясаком, а затем спустился в долину р. Баргузин, заселенную тунгусами, и остался здесь зимовать [14, стр. 18]. Отряд был перебит; однако подобные случаи вооруженных столкновений казаков с местным населением были редки. Старейший житель села Бодон А. Л. Мисюркеев, представитель одной из крайне редких в настоящее время в Баргузинском районе семей казаков-старожилов, сообщил нам рассказ своего деда, что первым казакам был дан строгий приказ «не убивать тунгусов», а стараться привлечь их мирными средствами. С постройкой в 1648 г. Баргузинского острога, заложенного казаками отряда Ивана Галкина, русские окончательно утвердились на Баргузине [см. подробнее: 23, вып. V; 42, стр. 227 и сл.; 50; 73; 81; 98; 120; 121; 122, стр. 121 и сл., а также работы историков освоения Сибири С. В. Бахрушина, В. В. Покшишевского, В. Н. Скалона и др.]. Любопытно, что некоторые информаторы, в частности упомянутый выше А. Л. Мисюркеев, хранят предания о приходе их предков с казаками из отряда Ермака.

После постройки Баргузинского острога первое время русское население увеличивалось медленно. Более быстрый рост его начался, когда через Баргузин пошли грузы из Предбайкалья в Забайкалье, так как в конце XVII в. это был основной путь, связывающий обе области [12, стр. 58—59; 21, стр. 32 и сл.; 27, стр. 10]. К тому же, уже в начальный период русского заселения Забайкалья, оно стало местом политической и религиозной ссылки. Так, в 1656 г. сюда был сослан протопоп Аввакум⁷. Баргузинский район уже в то время был одним из центров пушного промысла. В конце XVII в. государство монополизировало торговлю соболями (Указ 1697 г.).

В восемнадцатом веке Сибирь стала местом массовой ссылки [62, стр. 107—124; 80, стр. 106—117]. Дворцовые перевороты середины XVIII в., гонения на старообрядцев на протяжении всего столетия, крестьянские бунты и восстания, в особенности крестьянская война под предводительством Пугачева, — все это были события, в результате которых тысячи людей принудительно переселялись в Сибирь, в том числе и в Забайкалье. Впервые начинается приписка государственных крестьян к забайкальским заводам, а также ссылка провинившихся крепостных крестьян [83, стр. 22; см. также Указы 1722, 1767, 1799 гг.: 77, т. VI, стр. 648, № 3955, т. XVIII, стр. 394, № 13019, т. XXV, стр. 813—815, № 19157]. В Указе 1799 г., кроме того, говорилось о переселении в Забайкалье 10 тыс. крестьян, причем предусматривалось «при сем отводе не касаться... мест, кому-либо принадлежащих или кочующими народами занимаемых» [стр. 814]. Удалось переселить лишь около 2 тыс. крестьян [41, стр. 78].

Если первые попытки земледелия, предпринятые по приказу ир-

⁷ Известия о прибайкальских районах содержатся в его автобиографическом «Житии» [9]. О росте городов в Забайкалье после появления русских см. [21].

кутского воеводы вскоре после основания острога Баргузин, оказались безрезультатными [50, стр. 238], то с заселением края вольнопоселенцами (из числа бывших казаков, солдат или рекрутов), крестьянами, прибывавшими «по указу» и «по набору», а также ссыльнопоселенцами земледелие здесь постепенно окрепло, ибо крестьяне приносили с собой вековые навыки земледельческой культуры.

Баргузинский район славился как один из центров сибирского пушного промысла, о чем говорит, например, герб Баргузина, утвержденный правительством в 1790 г.: белка на серебряном поле.

С целью упорядочения сельского управления в 1776 г. была издана «Инструкция Удинской провинциальной канцелярии сельским старостам и выборным», являвшаяся по существу первым сельским уставом Прибайкалья. Всего она состояла из 36 параграфов. В § 1 говорилось: «От миру избрать... из крестьян же старост, выборных и соцких людей». Далее определялись обязанности сельской администрации, размеры налогов, сборов, оброков и других повинностей, устанавливались размеры земельных наделов и покосов с тем, «чтоб ни одного крестьянина без земли в лежащих в ведомстве той Приказной Избы [деревнях] быть не могло...» [26; см. также 80, стр. 95—105; 96, вып. 3, стр. 129—144]. Эта Инструкция действовала вплоть до указа от 7 августа 1797 г., по которому селения государственных крестьян, в том числе и сибирских, были разделены на волости и введена система сельского управления, просуществовавшая, с некоторыми изменениями, до реформ 60-х годов.

Первоначально районом сосредоточения русского населения был Баргузинский острог, вокруг которого находились немногочисленные зимки и зимовья. В дальнейшем вокруг острога вырастают обычные поселения, в которых развиваются ремесла и земледелие, постепенно (к концу XVIII в.) вытесняющие охоту. Все большую роль играет торговля (продажа рыбы и пушнины и покупка хлеба). С течением времени острог утрачивает свое военное значение (к XVIII в.) и превращается в торговый центр. В 1681 г. на побережье Байкала недалеко от устья Баргузина был построен Троицкий монастырь, которому принадлежали обширные угодья — пашни, покосы, леса, рыбные ловли. Экономическому развитию Баргузинского района способствовало также то, что через этот район происходило снабжение русских поселений в Даурии (область в Восточном Забайкалье и частично Приамурье) хлебом, доставляемым из Енисейской губернии.

К XIX в. тип баргузинской деревни определился. Если суровые природные условия с самого начала требовали кучного поселения и деревни располагались в основном на равнине, поблизости от реки Баргузин и одного из его притоков, то со временем тип поселений несколько меняется. С постройкой баргузинского тракта (в конце первой четверти XIX в.) первоначальная кучная застройка сменяется линейной двухпорядковой. В дальнейшем новые части села застраиваются кварталами.

В XIX в. население в Забайкалье, включая и Баргузинский район, значительно возросло, в том числе за счет политических ссыльных [62; 118]. Если в середине XVIII в. в долине р. Баргузин, в среднем и верхнем ее течении (до острога Баргузин), было всего пять деревень, насчитывавших по несколько дворов, то в начале XIX в. уже существовали все основные деревни, известные нам сегодня; правда, число дворов в них было значительно меньше. В Забайкалье на поселение была сослана большая группа декабристов [33; 76, стр. 59—116]. В Баргузине еще в 1961 г. можно было видеть дом, в котором, по пре-

данию, жил и умер декабрист Михаил Карлович Кюхельбекер и где бывал у него его брат Вильгельм Кюхельбекер, также с 1835 г. сосланный в Баргузин [фотография дома опубликована: 72, стр. 74; см. также 61].

Промышленная деятельность ссыльных декабристов имела большое значение для хозяйственного и культурного развития края. Так, Михаил Карлович Кюхельбекер познакомил баргузинских жителей со многими новыми приемами земледелия; кроме того, ему принадлежит инициатива введения картофеля в Забайкалье. Одно из полей близ Баргузина до сих пор называется «Карлово поле» (сообщено учителем И. Т. Затеевым) [см. также 122, стр. 227—229].

После польских восстаний 1831 и 1863 гг. число ссыльных увеличилось. В последней трети XIX в. в Баргузин были сосланы видные революционеры-народники: Е. К. Брешковская, Н. С. Тютчев и др. Продолжается и ссылка крестьян на поселение, в особенности после крестьянских волнений 60-х годов. Многие из опрошенных нами информаторов ведут свое происхождение от ссыльнопоселенцев. Так, родители Т. В. Королева (103 года, дер. Адамово) были сосланы из Владимирской губернии «за убийство помещичьего гуся»; от ссыльнопоселенцев же ведут свое происхождение Н. А. Шелковников (70 лет, дер. Адамово), Анна Сизых (79 лет, Баргузин), И. В. Сергеев (87 лет, Большое Телятниково), М. Н. Зубков (62 года, Большое Уро) и др.

Открытие в 40-х годах XIX в. богатых золотых приисков в Баргузинском районе увеличило приток населения. К 60-м годам Баргузин становится основным золотопромышленным центром Забайкалья [58; 114]. На приисках было занято 11,5 тыс. рабочих. Основную же массу переселенцев давала народная стихийная колонизация. С середины XIX в. в район Баргузина начался приток переселенцев из западных областей России, большинство которых составляли великороссы, но среди которых были также малороссы, белорусы, евреи.

Села растут, число домов в некоторых из них достигает нескольких сот (в 1902 г. в комплекс Б. и М. Читкан входило 170 домов, в комплекс Телятниково Уро — 331 дом [102, 1903]). В то же время деревни в низовьях, где земледельческих угодий было меньше, растут медленнее (Адамово — 42 двора, Бошарово и Усть-Баргузин вместе — 47 дворов на 1897 г. [23, вып. I, стр. 2]). Чрезвычайно характерным для Баргузинского уезда второй половины XIX в. стало появление многочисленной прослойки торговцев и скупщиков, вызванных к жизни золотой горячкой и высокими прибылями от пушного промысла [58; 114]. В городе Баргузин вырастают дома богачей, среди которых выделялось семейство Новомейских. Благодаря отдаленности от основных центров местные купцы были полными монополистами как в скупке, так и в продаже.

В связи с ростом населения в конце XIX в. начинает ощущаться недостаток в удобной пахотной земле и возникает необходимость регулирования земельных отношений. Прежнее бесконтрольное захватное землевладение заменяется системой наделного душевого землепользования, а сами душевые наделы постепенно сокращаются⁸. Отсутствие свободных земель привело к значительному замедлению роста населения. Так, если в 1897 г. в Баргузинском уезде было 25 467 человек, то в 1911 г. — 28 236 человек, тогда как за тот же период население Верхнеудинского уезда увеличилось со 167 871 до 216 676 человек, а Читинского со 138 792 до 228 404 человек [10, т. 1, стр. 89]. Когда в начале XX в. интенсивно развернулась государственная колонизация Сибири, в том

⁸ Эволюция земельных отношений подробно рассматривается ниже.

числе и Забайкальской области, о долине нижнего течения Баргузина (и о Читканской волости, в частности) уже не было и речи как о возможных районах колонизации, ибо почти все удобные земли здесь были использованы [110; 115].

ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ

Основным занятием русского населения долины р. Баргузин на рубеже XIX—XX вв. было земледелие. Большую роль играли рыболовство, охота и животноводство (разведение молочного и мясного скота, а также лошадей). Рыболовством занималось главным образом население прибрежных районов (Усть-Баргузин, Бошарово). По мере удаления от Байкала роль рыболовства падала, а значение земледелия возрастало. Например, в Адамово (18 км от Байкала) земледелие и рыболовство занимали равное место в занятиях населения. Выше поселка Баргузин рыболовство имело уже только подсобное значение. С развитием земледелия все больше уменьшалась роль охоты. Аналогичное комплексное хозяйство мы видим и в Приангарье, и в Енисейской губернии, и в других районах со сходными экологическими условиями [13; 19; 22; 30; 53; 56; 91; 92; 116], ибо занятость одним видом хозяйства не могла обеспечить всех потребностей населения⁹.

В соответствии с географическими (и в первую очередь климатическими) особенностями края русские крестьяне выработали особую систему земледелия: свой порядок севооборота, ухода за почвой и др. [36, 1970, стр. 185—194; 67, вып. I, стр. 226—245].

Из сельскохозяйственных культур широкое распространение имели «ярица» (яровая рожь), яровая пшеница, а также овес; озимая рожь, ячмень, гречиха и картофель занимали незначительное место и в отдельные годы даже совсем не высевались. Озимая пшеница распространения не имела, так как сильные зимние ветры сдували не только снежный покров, но нередко и верхний слой почвы, имеющий сыпучую структуру. Известны лишь отдельные случаи ее опытных посадок (подобный опыт, например, успешно проделал дед нашего информатора П. И. Телятникова (84 года, из Б. Телятникова). Материалы официальной статистики показывают, что в 1897 г. в Читканской волости под ярицей было занято 59% площади посевов, под яровой пшеницей — 23,3%, под овсом — 13,9%, под ячменем — 3,5% и под озимой рожью — 0,3% [23, вып. X, стр. 158]. Такое соотношение сохранилось и в 1913 г. [44а, стр. 77]. Овощные культуры играли незначительную роль, хотя опыты, проводимые с 1907 г., показали, что многие овощи могут успешно выращиваться в условиях Баргузинской тайги [115, стр. 17—18]. Слабое развитие огородничества можно отчасти объяснить тем, что здесь не было крупных городских центров — массовых потребителей овощей, как это имело место в Иркутской губернии, где, при сходных природных условиях, огородничество получило значительное развитие и выращивались даже огурцы и арбузы. Фруктовые сады повсеместно отсутствовали¹⁰.

Одной из важнейших проблем земледелия было (и остается теперь) орошение. Главным препятствием к земледелию в Забайкалье

⁹ Очень много сходных черт в хозяйстве обнаруживается с Северо-Восточной Русью, а также с лесными районами Северо-Западной Руси [ср. 68, сб. 3, стр. 5—40, сб. 4, стр. 67—138, и др.].

¹⁰ Лишь с середины 1940-х годов энтузиасты-садоводы пытаются ввести в районе морозостойкие плодовые деревья с низкостелющимися кронами и ягодные кустарники: (И. Т. Затеев в Баргузине, Т. М. Малико в Б. Телятникове и др.).

служат не морозы, как можно было бы думать, а летние засухи, так как район отличается жарким засушливым летом [72, стр. 70; 109, вып. 2, стр. 2]. Обеспечение постоянных и устойчивых урожаев могло быть достигнуто только при помощи развитой системы орошения¹¹. Русские поселенцы создали обширную оросительную сеть. Уже сто лет тому назад существовала разветвленная система оросительных канав, шедших по склонам сопок. От центральных канав вода отводилась на поля. Своё начало канавы брали часто за много километров вверх по течению источника орошения (реки, ручья), от которого вода шла на поля. Приток воды на поля регулировался с помощью запруд. Первое время канавы строили отдельные хозяева; позднее сооружение оросительных канав и поддержание их в порядке стало одной из главных забот общины. Некоторые канавы достигали длины в несколько десятков километров (т. н. Волковская и Зубковская канавы в деревенском комплексе Уро — Телятниково). Любопытно, что в систему, созданную русскими крестьянами, вошли и некоторые из сохранившихся оросительных канав, построенных древнейшим дорусским населением (например, Баргутская канава в Уро). Важно также отметить, что русское земледельческое хозяйство послужило примером для скотоводов-бурят, которые под влиянием русских крестьян перешли к земледелию и к оседлости, что единодушно было подтверждено проведенными нами опросами в Баянголе и на Ольхоне [ср. 101, стр. 5; 109, стр. 66—68].

Животноводство не было ведущей отраслью хозяйства [23, вып. XIII]. Однако в хозяйствах скота было много. Лошади и коровы имелись почти во всех хозяйствах. Наибольшее количество скота на одно хозяйство приходилось на те районы Читканской волости, где было наиболее развито земледелие. Напротив, Низовские общины (в которые входили деревни, расположенные у устья Баргузина), имевшие недостаточно удобной земли, были значительно беднее скотом. Средняцкое хозяйство имело 5—10 лошадей и нередко более десятка коров, зажиточное же — свыше 15 лошадей и более 20 коров. Наряду с этим имелись и безлошадные хозяйства, общее число которых по Читканской волости в 1897 г. составляло 14% [23, вып. III, стр. 7; 66, стр. 345—346]. (Крестьянин С. И. Франтенко отмечал, что в Б. Телятникове на сотню дворов было около десятка безлошадных; сходные цифры называли и другие информаторы.) Такое сравнительно большое количество скота на один двор характерно для Сибири. Правда, животноводческая статистика по Баргузинскому уезду, а особенно по основным земледельческим районам Забайкалья, дает цифры несколько выше средних для земледельческих районов остальной Сибири, где в начале 1890-х годов на среднее русское крестьянское хозяйство приходилось 5—6 рабочих лошадей и столько же коров, а если взять все крестьянство, то соответственно 3—4 лошади и 2—3 коровы [95, стр. 134]. Эти средние данные не намного изменились к 1920-м годам: так, в Енисейской губернии в это время на одно средняцкое хозяйство было зарегистрировано 3—5 лошадей и 6—10 коров [22, стр. 103; см. также материал об ангарских крестьянах: 91, стр. 40]. Следует отметить, что, несмотря на противоречивость многих источников, средние данные сходятся.

¹¹ Это понимали уже древнейшие насельники края, занимавшиеся земледелием (мы не касаемся здесь вопроса об их этнической принадлежности: см. сноску 6 на стр. 187). Первые русские, пришедшие сюда в XVII в., встретились с остатками их оросительных сооружений, которые частично сохранились до наших дней, а их юваные железные и литые чугунные сошники находят не только археологи, но и крестьяне во время полевых работ [17, вып. 2, стр. 35—36; 71, стр. 418—431; 84, стр. 116—117, 134—135].

Молочный скот был мало продуктивен: обычный дневной надой считался хорошим, если корова давала пять-шесть литров молока. Летом скот отгоняли на летние пастбища, где содержали без пастуха [23, вып. XII]. Мелкий скот разводили не везде и в небольшом количестве: в хозяйстве овец было значительно меньше, чем коров и даже лошадей¹². Свиноводство в Баргузинском районе, как и в большинстве районов Сибири, развито не было, как и птицеводство, хотя каждое хозяйство имело некоторое количество домашней птицы (главным образом кур).

Хотя рыболовство лишь для прибрежного населения было основным занятием, но исключительные рыбные богатства Байкала привлекали жителей даже сравнительно удаленных от него сел и деревень. Что касается самой р. Баргузин, то в описываемое время она не имела промыслового значения, хотя, по рассказам и по историческим материалам, в прошлом река была настолько богата рыбой, что вполне обеспечивала население, которому не было нужды прибегать к широкому промыслу на Байкале¹³. В рассматриваемый период часть побережья Байкала у устья Баргузина принадлежала крестьянам (так называемый район Глинка), часть — Троицкому монастырю Иркутского архиепископского дома (информация М. Н. Зубкова из Б. Уро). Основное промысловое значение имела белая рыба — омуль, сиг, хариус, которая добывалась «на море» с помощью сетей и неводов. Рыбаки из дальних селений имели на Байкале сборные невода на паях. В реках, поймах и старицах ловили особыми неводами так называемую шаровую рыбу (не белую). Шаровая рыба рыночного значения не имела, тогда как белая рыба, особенно омуль, была важным предметом обмена на недостающий хлеб. Цена омуля в среднем держалась на уровне 6—10 рублей за сотню [94, стр. 60].

Важное подсобное значение имела охота. Окружающая тайга изобилвала зверем — белкой, соболем, медведями, изюбрями и т. д. На охоту ходили не только в окрестные леса, но и за сотни километров в таежные районы, расположенные на северо-восточном побережье Байкала. В этих местах, где водился особо ценный, «подлеморский», соболь, охотничьи угодья принадлежали либо государству, либо ороочонам. Государство, а также ороочоны сдавали их в аренду купцам¹⁴, нанимавшим в свою очередь охотников-половинщиков или охотников «за четвертый рубль». Охотник-половинщик получал все снаряжение от купца, который доставлял его к месту охоты, за что охотник отдавал купцу половину добычи. Охотник, нанятый «за четвертый рубль», имел свое снаряжение и отдавал четверть добычи лишь за право охотиться в данном месте. (Подробно об этом рассказал 89-летний Г. В. Проскуряков из села Суво.)

По официальным данным, в 1897 г. охотой в Баргузинском округе занималось 261 хозяйство, т. е. 7,3%, из них исключительно охотой было занято 2,9% (второе место по Забайкальской области) [23, вып. XIV, стр. 95]. Однако из материалов, собранных нами, видно, что

¹² В первой половине XIX в. овцеводство играло несравненно большую роль, чем во второй половине, и число овец на отдельное хозяйство было значительно большим [24, ч. II, стр. 297]

¹³ Об исключительных рыбных богатствах Байкала и впадающих в него рек писали уже Аввакум, Спафарий и др. [9; 20, ч. VIII, 1853, отд. 4, стр. 1—42; 24, ч. I, стр. 342—348; 37]. У байкальских старожиллов сохранилось предание, что «в старину рыба шла в Селенге столь густо, что по ней переходили с одного берега на другой».

¹⁴ Во многих районах Сибири лучшие охотничьи угодья находились во владении коренного населения, у которого русские их арендовали.

охотой как вспомогательным промыслом занимались практически все семьи, в которых было несколько мужчин.

На охоту ходили после окончания осенних полевых работ и до весны. Охотники готовили необходимое снаряжение на месяц-два и отвозили его в специальные лесные юрты. На многодневный промысел в далекие леса охотники уходили группами в два-три и более человек. Во время охоты они нередко неделями оставались в лесу, ночуя на снегу, у костра («на пустолясе»). Охотничий сезон начинался обычно с «белкования» (октябрь—ноябрь), затем, с января, охотились на соболей («соболевали»), весной били изюбря. Медведей били во все времена года. Обычно хороший охотник добывал за сезон 100—150 белок, до 6—7 соболей, а иногда и десять [ср. 22, стр. 80]. Известный охотник из села Телятникова А. А. Воронин (90 лет) рассказал нам, что он на своем веку убил около 40 медведей. Меха продавали в уездных центрах — Баргузине и Верхнеудинске купцам; иногда купцы скупали меха и на месте¹⁵.

Важным дополнительным занятием населения в зимние месяцы был извоз (ямщина), которым занимались многие семьи, беря подряды на перевозку продовольствия и иных товаров на таежные промыслы, а также на перевоз зерна, туш скота и прочих грузов. В Баргузинском округе извоз был одним из самых распространенных зимних промыслов, что в значительной степени объясняется необходимостью снабжения золотых приисков, которых на Баргузине было 81 (в том же — 1897 г. — по всем остальным округам Забайкалья число приисков определялось в 111 [23, вып. IV, стр. 86—87]). Достаточно сказать, что в 1897 г. в Баргузинском округе извозом занимались 676 хозяйств, т. е. 16,1% (третье место после Селенгинского и Нерчинского округов [23, вып. XIV, стр. 89]). Перевозки часто были очень дальними, на сотни верст (на удаленные прииски, до Иркутска и даже до Лены — поселка в верховьях реки Лены). Регулярное занятие извозом давало возможность некоторым семьям увеличивать число лошадей, которые летом использовались на сельскохозяйственных работах и позволяли расширить запашку, а зимой, отправляемые в извоз, оправдывали свое содержание за счет доходов от извозного промысла. При этом нередко весь доход от извоза шел на зимнее содержание скота. Многие наши информаторы сами в молодости занимались извозом (А. Н. Телятников и И. В. Сергеев из Телятникова, Е. И. Кокорин из Суво и др.).

Были и другие приработки. Представители бедняцкой прослойки в Душелане, Суво, Алге работали на сульфатном и глиняном «заводах», принадлежавших баргузинскому богачу Новомейскому. На этих заводах, которые точнее было бы именовать мастерскими, были заняты как мужчины, так и женщины: мужчина получал 1 р. 20 к., в день, женщина — 60 коп. (сообщено М. М. Колмаковым, Алга). На «заводах» работали через день, чтобы оставалось время для сельского хозяйства. Подобная организация была возможна, так как заинтересованных в приработке было так много, что производство можно было

¹⁵ В предреволюционные годы обычно стоимость белчьей шкурки равнялась 30—50 коп., соболиной — от 50 до 300 рублей. Баргузинский соболь, имевший рыжеватый мех, ценился не выше ста рублей. Самым ценным был черный «подлеморский» соболь, отдельные экземпляры которого ценились исключительно высоко: до 700, 1000 и даже 1500 рублей. Г. Ф. Колмаков (75 лет, деревня Алга) рассказал, что ему однажды удалось убить соболя, оцененного в 1100 рублей. О двух убитых им полуторатысячных соболях сообщил Г. В. Проскураков. Приведенные нами цифры подтверждаются рассказами многих других старых охотников [ср. данные за 1830 — начало 1850-х годов, приведенные Гагемейстером: 24, стр. 310].

организовать даже в три смены (сообщено Д. М. Козулиным, 82 года, Суво).

Одной из форм приработка был лесной промысел, которым, по официальным данным, в 1897 г. занималось 7% хозяйств Читканской волости [23, вып. III, стр. 17].

В конце XIX — начале XX в. в описываемом районе в значительной степени еще сохранялось замкнутое хозяйство [см. 21; 99, стр. 36 и 65]. Оторванность от европейских экономических центров сдерживала развитие товарно-денежных отношений, консервировала натуральность хозяйства. В связи с этим повсеместно были распространены домашние ремесла. Этого нельзя сказать о кустарном товарном ремесле, которое в Читканской волости, как и в ряде других районов Сибири, не получило большого распространения. Объясняется это повсеместным наличием домашних ремесел, сравнительно малым спросом на ремесленные изделия, недостатком технических навыков. Немаловажное значение имело и то, что земледелие и животноводство в большей или меньшей степени обеспечивали значительную часть населения. Именно поэтому кустарные товарные ремесла были наиболее развиты у новоселов, наименее обеспеченных землей и скотом; наоборот, у крестьян-старожилов, издавна имевших значительно большие наделы и потому преимущественно занятых земледелием и такими традиционными промыслами как охота, рыболовство, извоз, ремесла были менее развиты. Это вполне понятно, так как охота требует хорошего знания местных условий, извоз — известного благосостояния (наличия нескольких лошадей), тогда как ремесленные навыки, принесенные новоселами-переселенцами, могли быть немедленно применены на новом месте и стать, при недостаточной обеспеченности землей, источником существования.

Как и в большинстве дореволюционных русских сел Забайкалья, крестьяне в основном обеспечивали свои потребности собственными силами: сами строили дома, делали мебель, часто художественно украшенную резьбой, посуду, многие сельскохозяйственные и прочие орудия и т. д. Большинство таких промыслов было связано с обработкой дерева, что характерно для всей Сибири, изобилующей лесами. Распространенная глиняная утварь также изготавливалась первоначально почти в каждом хозяйстве, а позднее, с выделением отдельных мастеров-гончаров, ее производством занимались эти мастера и развозили по селам. Посуду делали на неподвижном гончарном круге. В настоящее время это ремесло забывается. Однако и сейчас почти в каждом селе еще можно встретить хозяев, которые сами изготавливают глиняную посуду (Н. Х. Шелковникова, 78 лет, Адамово; М. В. Колмакова, 53 года, Алга). Посуда имеет черный цвет, так как просушенные изделия калят до алого цвета в печи и затем опускают в раствор ржаной муки — «бурдучок». Центром гончарного производства была небольшая деревня Алга (выселок села Суво), окрестности которой славились хорошими глинами. Но и в Алге, хотя эта деревня и снабжала глиняной посудой все окрестные села, гончары работали без подвижного круга¹⁶. Широко распространены в быту самодельные глиняные подойники, кувшины, «конфорки» (подставки), чашки. Муравление глиняной посуды не было распространено.

Кроме глиняной посуды, в хозяйстве использовались «долбежки» — чашки, плоские и тому подобная посуда, выдолбленная из дерева, чаще

¹⁶ Любопытно, что здесь долгое время жил приезжий гончар, работавший с подвижным кругом, изделия которого отличались законченностью форм. Однако этот метод работы никто не перенял.

всего из березового корня или березовых наростов («свалов»); туески — небольшие сосуды из бересты; турсуки — корзины, сплетенные из соломенных жгутов или ивняка, и пр. С конца XIX в. покупная металлическая посуда почти вытеснила глиняную посуду местного производства.

Многие семьи занимались грубой обработкой кож, употребляемых для собственных нужд (на шубы, некоторые виды обуви, на сбрую).

На ручных ткацких станках изготовлялись половики, холсты, грубые сукна. В наши дни домашнее ткачество исчезло почти повсеместно. Нам удалось описать и сфотографировать только один действующий ткацкий станок (у В. Л. Зверьковой из села Б. Уро).

С ростом экономических связей, с расширением торговли натуральный характер хозяйства стал исчезать, все большее количество предметов обихода, орудий труда и пр. покупалось, а не изготовлялось на месте. Развитие в Сибири промысленных центров и установление связей с ними (через посредство купцов и торговцев-разносчиков) привело к тому, что в баргузинские села стали проникать такие предметы, которые до этого изготовлялись местными мастерами и ими же распространялись [ср.: 80, стр. 133—146]. У баргузинских купцов, которые имели лавки не только в самом Баргузине, но и в больших селах, население приобретало необходимые сельскохозяйственные орудия, завезенные часто из районов Европейской России (например, металлические плуги), ткани, одежду, предметы домашнего обихода (металлическую и стеклянную посуду и др.), бакалею, охотничье снаряжение и т. д. Крупные купеческие дома отправляли разносчиков по селам. Торговля нередко шла в кредит: весной разносчик развозил товары, осенью приезжал за деньгами. Кредит мог быть длительным: например, швейные машинки «Зингер» продавались с рассрочкой на три-пять лет.

С увеличением спроса со стороны населения, с приобретением технических навыков выделяются мастера-ремесленники. Появились мастера-тележники, санники и другие, причем в ряде случаев наметилось наследственное сохранение профессии в отдельных семьях. В описываемом районе центрами ремесленного производства были Читкан и Б. Уро. Село Читкан особенно славилось своими мастерами-тележниками; так, по всей округе были известны телеги, изготовленные Бояркиными и Зарубиными. Традиция сохраняется до наших дней: авторы посетили в Читкане мастерскую Ф. М. Зарубина (70 лет) — колхозного мастера — тележника и санника. В больших селах имелись свои кузнецы. В Читкане, например, было пять кузнецов, столько же — в Суво. В каждой деревне были также свои плотники, бондари, столяры и мастера по изготовлению лодок (в селах близ Байкала).

Наряду с ремесленниками, живущими постоянно в одном селе и имеющими свои мастерские (мастерской при этом могла быть часть сарая или просто угол двора, прикрытый навесом), имелись и группы ремесленников — в основном портные, сапожники, столяры, — которые ходили из села в село, оставаясь на месте до тех пор, пока население нуждалось в их услугах. Чаще всего это были новые переселенцы, в том числе и те, которые осели вне пределов Читканской волости¹⁷.

По сообщению Е. И. Жокорина (66 лет, из Суво), в тех случаях, когда мастер получал достаточный доход от ремесла, он отказывался от своего земельного надела или от его части, так как не имел времени

¹⁷ По числу всех видов неземледельческих заработков Баргузинский район стоял на последнем месте в Забайкальской области [23, вып. XIV, стр. 114—115; ср. 116, т. II, стр. 483 и сл.].

обрабатывать землю, за право владения которой он тем не менее должен был нести ряд общинных и государственных налоговых повинностей. Таких мастеров называли «полудушками». По словам нашего информатора, его отец — шорник — был таким полудушкой.

Специфические условия Баргузинского района приводили к тому, что большая часть населения была втянута в торговлю хлебом с деревнями на р. Лене. Некоторые села постоянно нуждались в хлебе из-за отсутствия достаточного количества посевных площадей (например, деревни Низовского общества), в неурожайные же годы нужда в хлебе была всеобщей. При этом цены поднимались до 2,5 рубля за пуд хлеба при обычной цене 40—80 коп. [99, стр. 25]. За хлебом ездили либо на Лену, либо покупали его у приезжих иркутских и верхоленских купцов и крестьян [116, т. II, стр. 248 и сл., 670]. На Лену ездили обычно зимой на лошадях по льду Байкала. Хлеб либо покупали за деньги, либо обменивали на лошадей, мясо, рыбу. Обычно 4—5 пудов ржаной муки или овса давали в обмен за пуд соленого омуля (Н. А. Шелковников, 70 лет, Адамово; Г. В. Проскуряков, 89 лет, Суво). Селения, расположенные вверх по р. Баргузин, покупали хлеб у бурят, которые сами научились земледелию у русских переселенцев. О недостатке хлеба, сена для скота и об общем застойном состоянии экономики в начале XX в. в этом районе свидетельствуют многие авторы [11, стр. 17 и сл.; 16, стр. 27—30 и др.].

Население принимало активное участие и в торговле мехами, которые находили сбыт главным образом в Баргузине, а иногда продавались скупщиками — представителями баргузинских купеческих домов — на местах.

Значительное развитие торговли и вовлечение в нее все более широких масс населения составляло характерную особенность Баргузинского уезда в начале XX в. При этом наличие товарного выхода, как справедливо отмечает Н. А. Горская, исследовавшая товарность крестьянского хозяйства, «не мешала крестьянскому хозяйству оставаться *в своей основе* (курсив наш. — Ю. и С. М.) натуральным» [36, 1964, стр. 140]. Вместе с тем весь ход развития свидетельствовал о начавшемся разложении натурального хозяйства.

НОРМЫ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В ОБЩИНЕ

Читканская волость состояла из восьми сельских «обществ», или, по общепринятой терминологии, общин. Однако слово «община» забайкальскими крестьянами не употреблялось. Вместо него повсеместно были распространены термины «общество» («общество»), «мир» [ср.: 19, стр. 55—56; 69, стр. 9]. Понятие же «община» у них имело несколько иное содержание. Каждое из этих обществ — Сувинское, Бодонское, Телятниковское, Уровское, Большечитканское, Малочитканское, Шелковское и Низовское — имело свои собственные земельные наделы и составляло так называемую пахотную общину. В Низовском сельском обществе деревни Журавлево, Адамово и Пашино имели общие пашни и входили в одну пахотную общину, тогда как деревни Бошарово и Усть-Баргузин, ввиду отсутствия удобных земель, хлебопашеством не занимались и потому не принадлежали к пахотной общине, хотя числились в составе Низовского сельского общества. Земли соседних сел Телятникова, Уро, Читкана были расположены чересполосно. Кроме того, так как эти земли являлись основным пахотным массивом всей

Читканской волости, то некоторые деревни, менее обеспеченные удобными землями (Журавлево, Адамово, Пашино) имели здесь свои пашни. В то же время несколько сельских обществ, владевшие сенокосными угодьями (превосходившими по площади пахотные), составляли покосную общину. Таких общин было четыре; они объединяли Сувинское, Телятниковско-Уровское, Больше- и Малочитканское, Низовское сельские общества.

Таким образом, баргузинские крестьяне, как и крестьяне повсюду в России, где сохранились общинные порядки, существовали как бы в рамках двух структур: макроструктуры в виде волостных и иных официальных учреждений, подчиненных государству и его органам, и микроструктуры в виде сельской общины, развивающейся и существующей в значительной степени самостоятельно; при этом в некоторых своих частях обе структуры накладывались одна на другую [107, 1970, стр. 29]. Следует отметить еще одно обстоятельство, характерное и для других районов Сибири: государственные установления очень часто расходились здесь с реальной практикой крестьянской жизни¹⁸.

В рассматриваемый период в баргузинских селениях община была еще прочна и жизнедеятельна. Следует отметить, что общинное землепользование с характерной для него надельной системой постепенно утвердилось здесь, начиная со второй половины XIX в. До этого в долине Баргузина, как и повсюду в Сибири, земель было достаточно для того, чтобы каждый имел столько пашни, сколько он мог обработать. Этот способ земледелия, известный в литературе как захватный¹⁹ — способ, который, по словам А. А. Кауфмана, виднейшего специалиста по общине в России, «возникает при чрезвычайно редком населении и почти безграничном земельном просторе» [46, стр. 44—45, 59], — сохранялся до тех пор, пока, в связи с ростом населения, не стал ощущаться недостаток удобных земель.

Даже в период «захватного землевладения» для района Баргузина не были характерны обширные земельные владения. Первоначально села — зародыши будущих общин — возникали в виде отдельных хуторов (заимок). Первыми основателями села нередко были одна или две семьи, потомки которых живут там и сегодня. Например, деревня Бошарово населена в основном Бошаровыми и Чирковыми, в Адамово живут почти исключительно Меньшиковы и Шелковниковы, в Большом Уро и Алге — Колмаковы, в Бодоне — Мисюркеевы; широко распространены фамилии Зверковы и Поповы²⁰. Эти заимщики не занимали все окружающие, еще пустующие земли, а обрабатывали только нужную им часть; к ним постепенно приселялись другие семьи, которые со временем образовывали деревню и даже село [ср. 13, стр. 185]. Захватные земли, достигавшие иногда нескольких десятков

¹⁸ Поскольку существование и функционирование общины опиралось на обычное право, а не только на государственные постановления, материалов по собственно общинным делам очень мало [107, 1970, стр. 25]. Отсюда особая ценность полевых материалов.

¹⁹ Термин «захватное» землевладение забайкальскими крестьянами не употреблялся, так как со словом «захватный» они связывали понятие нанесения ущерба [см. 69, стр. 15]. Вместо этого повсюду был распространен термин «росчисть». Впоследствии термин «росчисть» стали применять для обозначения пудобных земель, поднятых своими силами (т. е. силами семьи).

²⁰ Подобную картину мы наблюдаем и в других районах Забайкалья [см., например, 22, стр. 65 и 76; 69, стр. 8]; характерны они и для Сибири в целом. В то же время ряд историков выражает сомнение в том, что для всей Сибири можно говорить о господстве «индивидуалистической захватно-заимочной системы», как на том настаивал А. А. Кауфман и против чего возражали Н. П. Павлов-Сильванский и С. В. Бахрушин [см. об этом 13, стр. 174].

десятин, считались собственностью обрабатывающей их семьи, и передавались по наследству; они не подвергались никаким переделам и находились в бесконтрольном распоряжении своих владельцев. В конце XIX в. заимки как основа будущих поселений в Баргузинском районе уже не встречаются ввиду освоения большей части территории. Теперь заимкой стало называться временное жилье на пашне или покосе, куда хозяева выезжают только на сезон сельскохозяйственных работ. Устройство подобных заимок, т. е. временное выселение в отдаленные сельскохозяйственные угодья, сложилось отчасти под влиянием бурят.

С увеличением населения во второй половине XIX в., как уже отмечалось, количество удобных для пахоты свободных земель начинает постепенно сокращаться. Это связано как с естественным ростом населения и подъемом переселенческого движения, так и с возрастанием роли земледелия. Для обеспечения земель разросшихся и вновь прибывших семей возникает необходимость в «отрезке» части захватных земель, что постепенно приводит к поравнению наделов [100, стр. 249; 64]. Складывается надельное, или долевое, землевладение, «собственная» земля становится общественной. Это поравнение происходило по инициативе тех групп земледельцев, которые чувствовали себя ущемленными неограниченными захватами богатых заимочников, и сталкивалось поначалу с противодействием последних. Однако перед лицом новых масс переселенцев, также претендующих на землю, старожильческое население, при всех имущественных различиях в его среде, составило единую, социально привилегированную прослойку [ср.: 36, 1966, стр. 482—493; 69а, стр. 146—147].

Переход от захватного землевладения к надельному общинному прошел через ряд этапов. Вначале это была отрезка излишков, затем — введение душевых наделов орошаемой пахотной земли и постепенное их уменьшение; далее передел неорошаемых пахотных земель, а также росчистей и, наконец, сокращение усадебных земель при продолжающемся дроблении пахотных наделов. Таким образом, переход к надельному общинному землевладению выражался в первую очередь в возникновении переделов. При этом расширялся и круг общинных повинностей, совершенствовался общинный аппарат управления. Этот процесс был отмечен исследователем сибирской деревни Г. Чиркиным: «Неограниченно захватное пользование пахотными землями, связанное с правом отчуждения и передачей по наследству, прежде всего уступило место ограниченным захватным формам; затем появились так называемые частные поравнения: община в отдельных случаях отбирала *излишек* земли у многоземельных дворов и отводила отрезанную землю в надел дворам, особенно в ней нуждающимся; постепенно учащаяся, такие частные поравнения в конце концов приводили к общему поравнению и переделу, причем наиболее развились и приняли определенные формы уравнивания разнородных пахотных земель» [цит. по: 10, т. 1, стр. 559].

Аналогичная история покосных наделов, которые стали переделывать значительно раньше, чем пахотные.

В литературе о Сибири существовало мнение, что еще в конце XIX в. сибирский крестьянин не знал, что такое недостаток земли. Так, автор ряда этнографических статей о Восточной Сибири Д. Стахеев писал в 1895 г.: «Земля в Сибири принадлежит обществу и пользоваться ею может всякий по произволу... Земля ему (сибирскому крестьянину. — Ю. и С. М.) досталась еще от деда или прадеда по праву первоначального завладения, и он пользуется ею, не имея ни актов, ни крепостей на владение. Захочется увеличить ему свои пашни, — выберет

он удобную землю, очистит ее от леса, выжжет сор, корни и засеет» [103, стр. 195—196]. Однако собранные нами, а также уже опубликованные материалы показывают, что в конце XIX в. в Баргузинском районе начинает ощущаться нехватка удобных земель [69, стр. 11; цифровые данные см. 83, стр. 86—89]. В особенно тяжелом положении оказались крестьяне Читканской волости, так как все наиболее пригодные земли были освоены, а плодородные равнины в верховьях Баргузина принадлежали бурятам и тунгусам, которые не допускали заимок на их территории. Переход к поравнению в Читканской волости произошел в последние годы XIX в. О растущей остроте земельного голода свидетельствует тот факт, что уже в самом начале XX в. (т. е. через 15—20 лет после введения переделов) мы наблюдаем резкое сокращение наделов. 93-летний А. Л. Мисюркеев помнит то время, когда наделы только вводились. На переделах настаивали в первую очередь крестьяне обществ, наименее обеспеченных пахотной землей. Так, крестьяне Низовского общества уже в конце XIX в. выступают за общий передел пахотных земель по всей волости. В то же время более обеспеченные землей крестьяне Сувинского, Телятниковского, Читканского обществ противились такому общему переделу в рамках всей волости. Интересно отметить, что сами крестьяне этих обществ уже в течение 10 лет пользовались системой уравнильного землепользования. Мысль об уравнивании наделов возникла в Телятниковском обществе с проведением оросительной канавы (в 70-х годах), а в течение 1886—1890 гг. уже был произведен первый передел, после которого каждый год проходили частные поравнения. В конце XIX в. в Баргузинском уезде надельные земли составляли 49,3%, захватные — 50,7% [23, вып. IX, стр. 88].

Переделы («отрезки») вызывали много горячих споров и столкновений, о чем свидетельствуют как воспоминания наших информаторов, так и архивные документы. Первые отрезки не могли ликвидировать неравномерности в распределении земли, поэтому за ними последовали новые переделы и отрезки. На первых порах поравнение коснулось только орошаемых земель, отменить же право хозяев на росчисти община не решалась, так как она была заинтересована в подъеме новых земель. Право на росчисти существовало долго после того, как другие земли были неоднократно переделаны. Но так как неограниченное пользование росчистями вело к сосредоточению больших земельных владений в руках отдельных семей, постепенно было введено правило, согласно которому запрещались росчисти без предварительного разрешения общества [23, вып. VII].

Система переделов, принятая по всей Сибири, и в том числе в Забайкалье, отличается от переделов, характерных для общин Европейской России, стремлением избежать дробления участков на мелкие полосы и связанной с этим чересполосицы. Особо пристальное внимание уделялось оценке земли по ее качеству, что объясняется почвенно-географическими условиями. Отсюда — распределение земли «по сортам», т. е. по качеству угодий, введенное повсеместно в Читканской волости начиная с последней четверти XIX в. [ср. 10, т. 1, стр. 559; 22, стр. 24].

Правила землепользования, сложившиеся в конце XIX — начале XX в., практически оставались неизменными и после революции, вплоть до коллективизации. Вся земля находилась в распоряжении общества, которое распределяло ее подушно между всеми членами. Регулярных переделов не было, но по мере роста населения общество отрезало землю у тех, у кого ее было больше, стремясь наделить зем-

лей каждого члена общины. С отсутствием регулярных переделов было связано закрепление надела за определенным лицом.

Душевой надел полагался каждому мужчине, достигшему 18 лет (возраст, когда мужчина считался полнолетним), и сохранялся за ним до 55 лет (возраст, когда мужчина становился полутяглым) [ср. 91, стр. 24]. С 55 лет мужчина получал половинный надел. В тех селах, где не так остро ощущалась нехватка земли, отрезка половины надела происходила по достижению мужчиной 60 (свидетельство Г. Ф. Колмакова, 75 лет, Алга) и даже 65 лет (свидетельство А. Н. Телятникова из Б. Телятникова), а не 55. В связи с этим любопытен «приговор» Уровского общества, в начале 90-х годов наградившего заслуженных стариков прибавкой $\frac{3}{8}$ десятины и лишившего двух стариков наделов из-за того, что они сдавали свои наделы в аренду, а сами жили мирским подаянием [23, вып. X, стр. 98]. Уходившие в солдаты лишались надела, если не имели семьи. Женщины податей не платили и не получали земельного надела, за исключением тех случаев, когда женщина оставалась одна с детьми после смерти мужа.

Как уже отмечалось выше, душевой надел не был постоянным и уменьшался с ростом населения. На его размеры влияло также количество земель лучшего качества (в первую очередь искусственно орошаемых) у данного села. Например, в Адамове, где такой земли было мало, душевой надел равнялся $\frac{3}{4}$ десятины; в Читкане, лучше обеспеченном орошенной землей, в начале нашего века надел составлял 2 десятины (сведения Я. С. Попова, 72 года; И. А. Максимова, 62 года), а уже в 20-е годы, по сообщению бывшего доверенного по земле И. В. Малыгина (55 лет), надел сократился до $\frac{7}{8}$ десятины. В таких селах, как Телятниково, Уро, Суво, где удобных земель было больше, а также в расположенных по соседству с ними деревнях Душелан и Алга в конце XIX — начале XX в. на душу приходилось не менее трех десятин пахотной земли (сообщено С. И. Франтенко, 75 лет, И. В. Сергеевым, 87 лет — из Телятникова; Г. В. Проскуряковым, 89 лет, С. Р. Плехановым, 78 лет, Д. И. Козулиным, 82 года и Е. И. Кокориным, 66 лет — из Суво; П. С. Меншиковым, 83 года — из Душелана; И. Л. Колодиным, 85 лет и Г. Ф. Колмаковым, 75 лет — из Алги).

Но и в это время, несмотря на сравнительно крупный надел, вопрос о земле становится очень острым, о чем говорит тот факт, что все пахотные земли были уже к 1895 г. учтены с точностью до $\frac{1}{8}$ десятины [23, вып. VIII, стр. 15]. Процесс сокращения душевого надела и в сравнительно обеспеченных землях общества шел весьма интенсивно. По сообщению тех же информаторов, уже к началу первой мировой войны наделы сократились до 2,5 (Алга, Душелан) — 2 (Телятниково, Уро, Суво) десятин орошаемой земли. Сокращение происходило постепенно; обычно от первоначального надела отрезали при каждом переделе по одной восьмой десятины. Отметим, что в 20-е годы, последние годы существования общины на Баргузине, душевые наделы сократились до 1,5 — 1 десятины и меньше. О сокращении наделов и уменьшении заинтересованности в них со стороны некоторых категорий местных крестьян уже в начале XX в. говорит тот факт, что солдаты, имевшие право на полный надел по окончании службы, зачастую отказывались от него, чтобы не нести повинностей, связанных с владением землей.

Пахотная земля, распределяемая по душам, делилась на три сорта, в зависимости от качества. Первые два сорта составляли удобные орошаемые земли, третий сорт — плохо орошаемые и неудобные, а также болотистые («калтусные») земли. Земли первого сорта в душевой

надел обычно входило наименьшее количество; что касается земли третьего сорта, то на первых порах в ряде сел она давалась без ограничений, однако в связи с растущим малоземельем, постепенно появилась норма надела и для этих земель. Во второй половине 90-х годов в Телятникове распределение пахотной земли по сортам выглядело следующим образом: все полнотяглые имели земли первого сорта — $2\frac{1}{4}$ десятины, второго — $1\frac{1}{8}$ десятины, третьего — полдесятины и больше [23, вып. X, стр. 98]. В первом десятилетии XX в. в том же Телятникове мы видим уже иную картину: земли первого сорта отводилось $\frac{1}{2}$ десятины, второго сорта — тоже $\frac{1}{2}$ десятины, зато третьего сорта — 2 и более десятин. В Суво в душевой надел входило земли первого сорта $\frac{1}{4}$ десятины, второго сорта — $\frac{3}{4}$ десятины, третьего сорта — 2 десятины и более (по сообщениям информаторов).

Ввиду того, что душевые наделы не удовлетворяли нужды семьи (ведь женщины, старики, дети не получали наделов), население искало дополнительных источников пахотных земель. Каждый житель села (даже пришлый) имел право на росчисть, что характерно для всей Сибири. Росчисти — это либо участки земли, очищенные от леса, либо осушенные болотистые земли, либо неудобные каменистые склоны гор, которые собственным трудом семьи были превращены в пахотные земли. Первоначально размеры росчистей никем не регулировались. Впоследствии захватная форма росчистей сменилась отводом. Сначала отвод означал просто санкционирование уже произведенного захвата. Хозяева сами просили общину отвести им уже расчищенный участок с тем, чтобы оградить его от посягательств других членов общины. Постепенно община взяла на себя регулирование росчистей и отвод их стал обязателен; общество выдавало письменное удостоверение, обеспечивавшее право общинника на росчисть. В течение сорока лет расчищенный участок не облагался податями и оставался в полной собственности того, кто его расчистил. Участок, не засеваемый в засушливые годы, продолжал принадлежать своему владельцу. После сорока лет участок включался в земельный фонд общества, распределяемый по душам.

Росчисти были основным источником пополнения фонда пахотных земель. Длительное (первоначально даже бессрочное) владение росчистями при одновременном существовании передельной системы в отношении удобных пахотных земель являет собой смешанную форму землевладения, при которой община стала хозяином одной части земель, тогда как другая часть еще остается в наследственном владении одной семьи [ср. 91, стр. 24].

Однако такой порядок продолжался недолго. Общество начинает ограничивать размеры отводимых под росчисти площадей и ставит эти размеры в зависимость от состава семьи, платежеспособности, а также качества земли, отводимой под росчисть. Уже накануне первой мировой войны росчисти облагались налогами через десять лет после того, как они приносили первый урожай. Срок пользования иногда бывал сокращен: например, П. И. Телятников, расчистивший полдесятины земли, получил одну половину этого количества на сорок лет, тогда как вторая половина через «два урожая» отошла к обществу. Общество, давая разрешение на росчисть, начинает учитывать количество труда, затраченного на данную росчисть, и в зависимости от этого определяет срок пользования ею. Росчисти, требовавшие максимальных затрат труда, оставались в пользовании дольше, чем те, которые требовали меньше труда. Наименее удобные каменистые склоны в отдельных случаях оставались в пользовании даже бессрочно, тогда как

мягкие таежные земли сохранялись за данным лицом в течение, например, двенадцати лет.

Расчистка тайги или иных неудобных земель под пашню требовала от крестьянина огромных затрат труда, а также и денег, и была под силу лишь более или менее крепким семьям. Затраты на расчистку окупались только через десять-пятнадцать лет. Обычно расчистка производилась непрерывно, по крайней мере, в течение ряда лет с тем, чтобы участки, расчищенные ранее, можно было засеивать. Некоторые большие семьи имели расчистей до 10 десятин (например, семья отца крестьянина Я. С. Попова из Читкана). Семья Ф. М. Зарубина, куда входили также и три его брата, расчистила 6—7 десятин земли, а А. А. Воронин из Телятникова один расчистил две десятины. В среднем же на середняцкую семью приходилось до полутора десятин расчистей.

Помимо пахотных земель, крестьяне имели усадебные земли, которые нельзя было продавать. Можно было продать только постройки. Вместе с ними покупателю переходил и усадебный участок. Продажа построек с прилегающей к ним приусадебной территорией разрешалась только крестьянам своей же волости. Раньше приусадебные участки, как и пашни, были захватные, но в описываемый период община уже распространила свое влияние и на усадьбу, ограничивая, как было указано выше, право продажи, а также право завещания. Здесь вмешательство общины, однако, не было столь активным и обязательным, как в отношении пахотных участков.

В Читканской волости происходили частые уравнивания приусадебных участков путем отводов и отрезок: уравниванию подвергались огороды, это не касалось застроенной части. В большинстве крупных сел Читканской волости приусадебный участок занимал не более полдесятины. Периметр участка мог быть различен: так, в Большом и Малом Читкане усадьбы имели протяженность 18 сажен по улице и 60 сажен вглубь, в других деревнях, при той же площади, линейные измерения могли быть иными. В Уро и Телятникове, где было больше земель, каждый достигший 18 лет, и даже новосел, получал, помимо душевого надела, $\frac{1}{4}$ десятины под усадьбу. Из-за приусадебных участков неоднократно разгорались споры, поскольку некоторые хозяева использовали их не под огород, а под пашни.

Большое значение для крестьян Читканской волости имели сенокосные угодья, ввиду сравнительно большого количества скота. Если пахотные участки закреплялись за семьей, то сенокосные участки ежегодно переделялись [ср. 69, стр. 20; 91, стр. 25]. Это объясняется тем, что участки были неравноценны по качеству и общество стремилось уравнивать долю всех общинников в пользовании покосами. Распределение покосов по качеству возникло раньше, чем наделение пахотной землей по сортам. Существовала система паев, заключающаяся в том, что каждый крестьянин с 18 лет имел право на сенокосный пай (душевой пай). Все сенокосные участки, в соответствии с их качеством, были «застолбованы» и пронумерованы, причем каждый из участков оценивался в определенное минимальное количество паев. Затем устраивались общие торги. В торгах участвовала вся покосная община в лице представителей от всех деревень. Такой представитель, помимо своего пая, имел пай, порученные ему односельчанами, иногда 20-ю, 30-ю и более; соответственно и количество паев у него достигало нескольких десятков. Торг шел по поводу каждого отдельного участка. Участок доставался тому, кто давал за него наибольшее число паев. Представитель стремился распределить свои пай на торгах так, чтобы

получить два участка: один на низком месте (мокрый участок), другой — на высоком (сухой). Делалось это для того, чтобы обеспечить себя сеном и в засушливое и в дождливое лета.

После общинных торгов между односельчанами — владельцами паев происходит раздел участков «по траве», чтобы на каждый пай приходилась доля участка с одинаковым травостоем. Первоначально торги происходили около Петрова дня (конец июня), позднее торги были перенесены на Пасху (т. е. с лета на весну). Дело в том, что в последнем случае хозяин успевал «выпалить» (выжечь) полученный участок и тем самым добиться лучшего травостоя. Кроме того, на Пасху было неясно, каким будет лето — сухим или влажным, и поэтому богатые не могли набивать цены на участки, не зная, какие окажутся лучше — влажные или сухие. (Данные о сенокосах и торгах сообщены И. В. Малыгиным из Читкана и Е. И. Кокориным из Суво.)

По некоторым данным, в Забайкалье сенокосные угодья и сенокосные рощи могли передаваться по наследству или не передавались в течение длительного срока в том случае, если хозяева сами или расчистили, или осушили, или оросили эти участки [23, вып. X, стр. 111—112]. В обследованном районе это зафиксировано не было.

Пастбища находились в нераздельном пользовании всех членов общины (иногда совместно с соседней общиной), и между семьями не делились. Выгонами служили незанятые земли. Между русскими, с одной стороны, и бурятскими и тунгусскими пастбищами, с другой, существовали границы, однако они соблюдались не слишком строго; заключались и договоры о совместном пользовании выгонами. Но и при отсутствии такого договора появление скота на чужой территории не приводило к ссорам (сообщение А. Л. Мисюркеева и др.). Можно отметить, что, когда дело касалось пастбищ, отношения между русскими и бурятами были несравненно более мирными и дружескими, чем в случаях, когда речь шла о пограничных или спорных пахотных землях [ср. 79, стр. 24; 93, стр. 20]. Это объясняется большей обеспеченностью описываемого района пастбищами, чем пахотными землями.

Каждый член общины имел неограниченное право пользования окружающими лесами. Однако с последней четверти XIX в. государство начинает контролировать порубку леса; контроль постепенно становится более строгим, и крестьянам, нуждающимся в лесе, приходилось «выкупать лес у государства» (сообщено П. И. Телятниковым).

Таковы были нормы землевладения и землепользования у баргузинских крестьян на рубеже двух веков.

В среде советских сибироведов нет единства по вопросу о том, как характеризовать социально-экономический строй в Сибири. Ряд исследователей — В. И. Шунков, В. Н. Шерстобоев, П. И. Малахинов и др. — утверждают, что в Сибири существовал феодальный строй — либо в государственно-феодальной, либо в частно-феодальной форме [66; 82; 97; 116; 119]. Обоснованием этому служат, по мнению В. И. Шункова, следующие три положения: признание государства земельным собственником, наличие барского хозяйства, наряду с крестьянским наделом, прикрепление крестьянина к земле [119, стр. 411]. Автор великолепной монографии о крестьянстве района Лены В. Н. Шерстобоев отождествил государственный феодализм с азиатским способом производства и писал, что «этот азиатский способ производства в форме государственного феодализма и утвердился в Сибири» [116, т. I, стр. 594]. Вместе с тем он показал, что уже к концу XVIII в., в силу ряда причин, «оказывается совершенно ненужным вмешательство государства в производственную деятельность сибирского крестьяни-

на и в его земельные дела» [т. II, стр. 671]. П. И. Малахинов, возражающий против тезиса об азиатском способе производства [66, стр. 229—236], настаивает на том, что аграрная эволюция в Сибири имела феодально-крепостнический характер и ее «следует рассматривать не иначе как разновидность прусского пути» ввиду зависимости Сибири от феодально-крепостнического центра [стр. 434; см. также стр. 217 и сл.]. Вместе с тем он отмечает, что в Сибири не было помещиков, и крестьянин «стоял во главе аграрной эволюции, что характерно вообще для американского пути развития...» [стр. 434].

Вторая группа исследователей — Л. М. Горюшкин, В. Г. Тюкавкин и др. — не считают, что в Сибири был частно-феодальный строй, хотя признают наличие феодального уклада [28; 29; 36, 1966, стр. 706—714; 80, 38—73; 110; 111]. Они полагают, что с начала XX в. здесь уже преобладает американский путь развития [35, стр. 60; см. также 104, стр. 510—511]²¹.

Материалы по обследованному нами району безусловно говорят против частно-феодального строя: ни о барской запашке, ни о прикреплении крестьян к земле в Баргузинском районе никаких свидетельств нет. «Государева» же десятина, собираемая в XVII—XVIII вв., и взимаемые в XIX — начале XX в. налоги поступали непосредственно в государственную казну. Это позволяет говорить об элементах государственного феодализма, существовавших довольно длительное время, а с начала XX в. уступивших место капиталистическому развитию по американскому пути, хотя и опутанному феодальными узами — прежде всего в области административной.

По-видимому, при изучении сибирского крестьянства, — как, впрочем, и крестьянства других, территориально обширных, экологически разнообразных, исторически сложных районов, — следует подходить дифференцированно, учитывая не только общую схему исторического развития, но и локальные особенности и варианты (например, для Сибири: наличие земельных просторов, колонизационные процессы, отсутствие помещиков и прикрепления крестьян к земле). На наш взгляд, правы авторы работы «Азиатская Россия»: «...земельные порядки в Азиатской России представляют самый разнообразный и интересный материал для изучения последовательного развития форм земельного обладания. Вместе с тем это — картина постоянного движения. И если изучение формально действующих здесь узаконений о землепользовании не дает еще верного представления о действительности, то и исследования и описания фактического положения вещей должны почитаться верными лишь в отдельных случаях для данной местности и для данного времени, не давая основания к слишком широким и общим заключениям» [10, т. I, стр. 534—535].

УПРАВЛЕНИЕ И НАЛОГИ

Управление деревней было типичным для общины²². Все дела решались на сходке — «на миру». Право голоса имели все мужчины с восемнадцати лет, т. е. начавшие платить налог. Основную роль на

²¹ См. также последние работы советских историков, в которых с разных точек зрения рассмотрена проблема типа развития сибирского крестьянства [13; 15; 30; 36, 1963, стр. 487—492; 44, тт. 2, 3; 53; 66; 80; 96; 104; 107, 1969, стр. 129—135, ср. 107, 1971, стр. 58—60; 1972, вып. II, стр. 54]. При рассмотрении этой проблемы следует учитывать и то положительное, что есть в работах дореволюционных историков общины и, в частности, в работах такого выдающегося знатока сибирской общины, каким был А. А. Кауфман [45—49; ср. 78].

²² 27 апреля 1882 г. была объявлена «Крестьянская реформа в Восточной Сибири»

сходке играли старики, в особенности из зажиточных семей. Сходка выбирала старосту, доверенного по земле, сотского или десятского, трапезника, «поливного старосту» — всех сроком на один год. Голосование было открытым (информация А. Н. Телятникова, Д. Т. Зверкова и др.).

Занятие какой-либо должности в общинном управлении считалось общественной повинностью и не оплачивалось. Лишь доверенный по земле имел право на лишний сенокосный пай. От некоторых наименее ответственных должностей можно было откупиться, нанимая себе «заместителя» (сообщение Г. В. Проскурякова). Что же касается должности старосты, то, хотя, согласно обычному праву, она была строго выборной, фактически она становилась монополией отдельных зажиточных семей. Нередко старосты оставались на своем посту по многу лет подряд, получая вознаграждение от тех лиц, которым подходил срок занимать общественную должность, но которые по тем или иным причинам не стремились ее занять. При этом понятно, что избранный ранее староста сохранял свое положение отнюдь не из-за этого вознаграждения, а ради тех материальных и социальных преимуществ, которые были сопряжены со званием старосты. Когда в общество входила более чем одна деревня, староста имел заместителя (или заместителей), называемого «кандидатом». Например, в Сувинской общине староста находился в Суво, в Алге же, входившей в состав этой общины, был его заместитель.

Всеми вопросами, связанными с земельным устройством, ведал доверенный по земле. Он же обычно участвовал в «торгах» при распределении сенокосных паев (иногда вместе с некоторыми представителями от общества). Доверенный по земле вел специальную «Земельную книгу», где на каждого землевладельца имелся особый лист с указанием фамилии, имени, отчества владельца участка, местонахождения участка, его размера и качества земли, а также с отметкой о передаче земли во временное пользование (аренду).

В большинстве деревень имелись так называемые поливные старосты, которые наблюдали за состоянием оросительных канав и за распределением воды. Как уже говорилось, в Читканской волости орошение играло огромную роль для всех сельских обществ (кроме Низовского). В отдельных общинах искусственно орошалось от 25 до 100% всех пашен, в среднем же около 60% пахотной земли [23, вып. XI, стр. 106]. Сооружение канав и наблюдение за уже имеющимися являлось одной из важнейших общинных трудовых повинностей, которая осуществлялась под наблюдением «поливного старосты» и даже старосты деревни (сообщено И. В. Малыгиным из Читкана). Магистральные каналы проводились и поддерживались в порядке всей общиной, более мелкие каналы — теми лицами, к полям которых они давали воду. Каждый двор в течение пяти дней в году работал на ремонте канав. Сроки эти не были постоянными и зависели от длины оросительной сети и от ее состояния.

Водой пользовались по очереди; очередность устанавливали весной, в апреле, в период ремонтных работ. Когда приходила очередь, каждый хозяин должен был оросить свои поля в отведенный для него срок, поэтому поливка проходила днем и ночью. За сутки удавалось оросить от одной до четырех десятин пашни.

ри», согласно которой крестьянское общественное управление было преобразовано на основании «Положения 19 февраля 1861 г.» [121, стр. 733—734].

Перечисленные должностные лица были лишь исполнителями, выступая от имени общины. Именно общество на своей сходке решало все основные вопросы, такие, как передел, наделение землей новоселов и достигших совершеннолетия, лишение наделов или отрезки, а также другие спорные вопросы, затрагивающие интересы всей общины (а иногда и некоторые частные споры) и т. д.

Уже к концу XVII в. русское население на Баргузине было обложено «государевой податью». Со временем число налогов и натуральных повинностей увеличивалось. Сбор налогов и наблюдение за выполнением повинностей были возложены на общину. На рубеже XIX и XX в. все мужское население Читканской волости в возрасте от 18 до 55 лет платило окладные и волостные сборы, оплачивало сельские расходы, а также исполняло ряд натуральных повинностей. Окладные сборы состояли из губернского и частного земского сборов, подушной и оброчной подати и взносов в «пожарный и межевой капиталы» (для содержания пожарного инвентаря и для проведения работ по размежеванию).

В среднем по Баргузинскому округу приходилось окладных сборов 4 руб. 16 коп. на ревизскую душу [23, вып. XV, стр. 9]. Эти данные, взятые из официальных источников, совпадают с сообщениями наших информаторов. Волостные сборы шли на содержание крестьянского самоуправления, на народное просвещение, медицинскую помощь, поддержание в порядке дорог, мостов и пр., отчасти и на церковь [23, вып. XV, стр. 10—17]. Сельские расходы шли на те нужды, что и волостные, но в пределах села (общины) [23, вып. XV, стр. 10—24]. Натуральные повинности состояли из подводной и дорожной. Первая заключалась в приобретении и содержании так называемых обывательских лошадей для перевозки должностных лиц. Вторая состояла в дорожных работах, не только в селе, но и во всей волости.

Общая стоимость подводной и дорожной повинностей на одну ревизскую душу составляла в Баргузинском округе 4 руб. 68 коп. [23, вып. XV, стр. 32—39].

Налоговые суммы с годами становились больше, достигнув в начале XX в. 10—15 рублей в год на ревизскую душу. Сбором налогов ведал староста. Существовала круговая порука [ср. 36, 1964, стр. 489—505].

СОЦИАЛЬНОЕ РАССЛОЕНИЕ ОБЩИНЫ

Несмотря на отмеченное выше все усиливающееся малоземелье, обращает на себя внимание большее благосостояние крестьян Сибири, чем Европейской России. Основную массу в описываемом районе составляли середняки [ср. 35, стр. 58]. Община в ряде районов Сибири сохранилась лучше, а душевые наделы были более крупными. Так, при исчислении средних цифр размеров «мягкой» (удобной для обработки) пашни по Читканской волости приходится 4 десятины на одно хозяйство [23, вып. III, стр. 13]. Однако эти средние цифры скрывают истинное положение дел. Подробный анализ распределения земли показывает, что за видимым благополучием и равноземельем скрывается (уже в конце прошлого века) отчетливое расслоение.

Из 1095 хозяйств Читканской волости 150, или 13,7% совсем не имели запашки [109, стр. 15]. Пригодная для обработки земля среди остальных хозяйств распределялась следующим образом [23, вып. III, стр. 12—13].

	Число хозяйств	Процент
Не имеют мягкой пашни	167	15,2
Имеют мягкую пашню:		
менее 1 десятины	81	7,35
1—2	213	19
3—4	302	28,4
5—9	261	23,7
10 и более десятин	71	6,35
Итого . . .	1095	100

Приведенные данные показывают, что к началу XX в. среди крестьян волости наметилась существенная дифференциация в отношении земельных наделов.

О степени сохранности и действенности баргузинской общины и общинных порядков говорит тот факт, что вплоть до коллективизации (т. е. до конца существования общины) категорически запрещалась продажа земли.

Тем самым как будто бы обеспечивалось равное распределение основного средства производства между общинниками и делалось невозможным выделение многоземельных хозяев.

Однако фактически от этого правила были многочисленные отклонения, вызываемые социальным расслоением и, в свою очередь, приводящие к дальнейшему его углублению. Этому в значительной степени способствовал получивший сильное развитие в Баргузинском районе институт аренды. Хотя, как уже отмечалось выше, в обследованном районе в целом недостаток земли не ощущался так остро, как, например, в Центральной России, тем не менее уже к концу XIX в. все пригодные для пахоты земли были использованы. Первоначально площадь захваченной каждой семьей земли соответствовала чаще всего потребности в ней (при наличии достаточного количества рабочих рук и рабочего скота). Увеличение нехватки земель и введение наделов привели к тому, что богатые хозяйства лишились значительной части захваченных земель. Отсюда возникла потребность в новых росчистях, а так как делать их стало трудно в местах, где появился передел, ибо именно отсутствием земли и вызывается сам передел, то удовлетворить потребность зажиточных хозяйств в земле мог только институт аренды, который и вошел в жизнь.

Несмотря на жесткие правила, призванные сохранить систему равнотелья в общине, богатые семьи благодаря распространенному обычаю, получившему на Баргузине название «продажа земли на посев», получили возможность обрабатывать гораздо большее количество земли, чем им полагалось согласно подушному распределению. Человек, не имевший средств обработать полагающийся ему надел, мог сдать его (или его часть) в аренду более зажиточному крестьянину. Сам он, занимаясь батрачеством или прирабатывая другим способом, рассчитывал скопить необходимую ему сумму для приобретения рабочего скота, инвентаря и пр. Землю «на посев» брали (или, по выражению, распространенному на Баргузине, — «покупали») как у своих соседей по общине, так и у членов других общин. Аренда у однообщинников, естественно, представлялась более удобной, ввиду близости пашен к селению. С дальнейшим развитием этой формы аренды все больше нарушается соотношение земельных владений у однообщинников: одна часть регулярно сдает землю в аренду, в то время как другая — фактически (но не юридически) увеличивает запашку за счет первых.

В Читканской волости аренда пахотной земли в своей общине достигла наивысшего развития во всем Забайкалье, судя по данным В. Трейдена, занимавшегося исследованием арендных отношений в этой области [23, вып. IX, стр. 70]. К сожалению, из-за отсутствия других сводных данных по этому периоду мы вынуждены обращаться главным образом к этой работе, хотя ее данные нередко противоречивы — как, впрочем, многие в материалах «Куломзинской комиссии» [см. 66, стр. 342 и сл.]. В конце XIX в. число хозяйств, арендовавших землю, достигло 14% к общему числу хозяйств волости [23, вып. IX, стр. 88], а по другим данным — даже 29,9% [23, вып. III, стр. 15]. При этом у однообщинников было арендовано 570,9 десятин пашни, т. е. 11,5% за пашки самих арендаторов [23, вып. IX, стр. 70; в других местах автор дает иные данные: 13, 14,7 и даже 16,9% — см. стр. 88 и 94]. В чужих общинах было арендовано 171,8 десятины, или 3,9% по отношению к собственной пашне [стр. 65 и 94].

При отсутствии сдающихся внаем земель по соседству многие крестьяне Читканской волости, главным образом зажиточные и середняки, арендовали землю у бурят за денежную оплату (например, крестьяне села Бодон перед первой мировой войной платили до 12 рублей за десятину бурятской земли) или исполу (по сообщению И. В. Сергеева, В. И. Зайцева и др.)²³. Так, только из одного села Телятникова ежегодно арендовали землю у бурят около 15 семей. При аренде исполу крестьянин обязывался вспахать и засеять своими семенами землю, снять и обмолотить урожай, а зерно и солому разделить поровну. Это называлось «сеять с половины».

В сообщениях наших информаторов арендные отношения занимали большое место. Многие из них в молодости сдавали свой надел в аренду, а позже, когда «семья становилась крепче» и в ней появлялись новые рабочие руки, нередко сами арендовали участки у своих соседей или в других общинах и даже у бурят. Интересно сравнить цены за аренду десятины земли в 1897 г. (по статистическим материалам) и в период перед первой мировой войной (по единодушному свидетельству наших информаторов и по имеющимся статистическим материалам)²⁴. Быстрый их рост говорит о все возрастающем спросе на землю. Так, по материалам конца XIX в., средняя цена за 1 десятину пашни, арендованной на один год у однообщинников, составляла в Читканской волости 4 руб. 93 коп., а в чужих обществах — 91 коп. [23, вып. IX, стр. 185]. А уже десять-пятнадцать лет спустя средняя плата за десятину земли первого сорта составляла 16—20 рублей, второго сорта — 6—10 рублей (сообщено И. В. Сергеевым, А. Н. Телятниковым). Иногда за аренду платили натурой. Например, Е. И. Кокорин сообщил, что за четверть десятины арендованной пашни нужно было уплатить 30 фунтов муки. Пашня сдавалась обычно в невозделанном виде, поэтому арендные цены показывают исключительно стоимость эксплуатации земли без предварительно произведенных на ее обработку затрат. Своеобразной формой аренды была аренда исполу, но при совместной обработке земли: хозяин земли, не имевший семян на посев, брал их у общинника, у которого они были, землю же обрабатывали и орошали оба, урожай делили пополам. Давший семена выступал в роли арендатора.

Наряду с «продажей земли на посев» была широко распростра-

²³ Аренда у бурят была распространена во всем Забайкалье [см., например, 52, № 123, стр. 19; 93, стр. 9].

²⁴ Индекс цен в период 1897—1914 гг. оставался без существенных изменений.

нена и аренда сенокосных угодий («продажа на покос»). Этот вид аренды из всего Забайкалья также был в наибольшей степени развит в Читканской волости. В 1897 г. покосы, арендованные у членов своей общины, дали 36,8% сена по отношению к накошенному на покосах, полученных на личный пай [23, вып. IX, стр. 67]. 50,4% крестьянских семей Читканской волости арендовали покосы [23, вып. III, стр. 14, 15]. Сенокосные угодья арендовались как в своей общине, так и за ее пределами. Крестьяне Читканской волости широко арендовали покосы и в чужих обществах (главным образом у бурят); так, в 1897 г. сено, собранное на этих землях, составило 42,7% по отношению к собственному сену [23, вып. IX, стр. 62].

Плата за аренду сенокосного пая колебалась от 1,5—2 руб. за десятину (по сообщению Е. И. Кокорина) до 4 рублей (З. С. Волчугов). Цена за пуд сена зависела от того, у кого арендовался покос — у однообщинника или у члена другого «общества». В первом случае плата была ниже (1,6 коп. против 1,9 коп.) [23, вып. IX, стр. 73, 178; 83, стр. 109]. Покосы арендовались чаще всего хозяевами, имевшими много скота; в некоторых случаях они скупали у членов своей общины пай, сосредоточивая их в своих руках (до 50 паев на руки) [23, вып. IX, стр. 68].

Аренда пахотных и сенокосных угодий, интенсивно развивавшаяся в последней четверти XIX в., была одним из главных факторов, способствовавших классовому расслоению общины. Этот процесс ярко показал В. И. Ленин, так писавший о крестьянской аренде: «...когда нам говорят, что „крестьянство“ арендует землю и „крестьянство“ же сдает землю, то мы знаем, что первое относится главным образом к крестьянской буржуазии, второе — к крестьянскому пролетариату» [8, стр. 129; см. также 7, гл. II]. С одной стороны, происходило скрытое обезземливание части общинников, а с другой — сосредоточение земель в руках зажиточных крестьян. Картину этого убедительно рисует В. Трейден: «При появлении спроса на арендную землю со стороны богатых хозяев более бедные арендаторы при борьбе с ними за землю терпят поражение... Если принять во внимание, что возрастание общей площади арендуемой пашни влечет за собой и увеличение аренды пашни у однообщественников, то нельзя не придти к заключению, что чем сильнее развиваются арендные отношения в той или другой административной единице, тем сильнее обездоливается другая часть населения в необходимой ей пашне. Далее, так как напряженность аренды у однообщественников достигает своего максимума там, где особенно трудно арендовать землю за пределами общественной дачи, то высокая степень развития аренды не только не является коррективом по отношению к неправильно сложившемуся землепользованию, но, наоборот, она еще усугубляет неравенство землепользования... Аренда, несомненно, является одним из главнейших факторов, способствующих дальнейшему развитию уже существующего экономического неравенства» [23, вып. IX, стр. 99, 102; ср. 68, вып. 6, стр. 347; 107, 1972, вып. 1, стр. 191—192].

Таким образом, уже в прошлом веке мы не находим в баргузинской общине того идиллического равенства и процветания, которое представлялось некоторым дореволюционным исследователям сибирской деревни [103 и др.]. Тот же безостановочный процесс внутренней дифференциации сельского общества, который был свойствен Европейской части России, наблюдался и в общинах Читканской волости. При этом следует отметить, что сама по себе аренда не является непреходящим признаком только капитализма: она была вполне развита уже при феодальных отношениях [ср.: 96а, стр. 271 и сл.; 107, 1968, стр. 158—163,

1969, стр. 67—68]. Точно так же расслоение крестьянства отнюдь не является только капиталистическим [см. дискуссию об этом: 36, 1962, особо стр. 5, 11—24, 529—567, 575—578]. Определяющее значение здесь имеет тип формации, на стадии которой происходят названные явления.

Злоупотребления, связанные с арендой, вызывали решительный протест со стороны обезземеливавшихся бедняков. Уже в 1897 г. в материалах Куломзинской комиссии отмечаются неоднократно повторяющиеся жалобы на аренду зажиточными у бедных. Иногда крестьяне высказывались даже за запрет аренды «пайков» и требовали, чтобы хозяин, не имевший возможности обработать свой надел, передавал его в распоряжение общества [23, вып. IX, стр. 71—72]. Местная администрация сначала делала попытки ограничить аренду и приостановить процесс обезземеливания части населения. Так, по сообщению В. Трейдена, еще в 1881 г. Читканским волостным правлением был разослан циркуляр, запрещающий сельским старостам утверждать какие-либо документы на аренду земель. Категорически запрещалось сдавать землю в аренду без разрешения волостного правления [23, вып. IX, стр. 68]. С растущим экономическим неравенством пыталась бороться и община. Были введены некоторые ограничения на сдачу в аренду пашни и покосов. Например, было введено правило не сдавать надел в аренду более чем два года подряд, а также правило о том, что сделки на аренду могли быть заключены только с согласия общины, которая объявляла неправомочными все соглашения, подписанные без ее ведома. В забайкальских архивах многочисленны материалы судебных разбирательств, вызванных тем, что сдача земли в аренду не была санкционирована сельским обществом. Однако все эти попытки сохранить равноземелье и внутреннюю целостность общины могли лишь на время отсрочить ее дальнейшее расслоение.

Растущее обезземеливание части крестьянского населения Читканской волости сказалось и в широком развитии батрачества. В 1897 г. 39,5% всех наличных хозяйств Читканской волости давали батраков [23, вып. III, стр. 17]. Батрачеством занимались и женщины. В значительной степени батраков поставляли бедняцкие семьи с одним работником и безлошадные двory. Сдав свой надел в аренду богатому односельчанину, такой хозяин обычно нанимался батрачить, чтобы на скопленные деньги обзавестись необходимым для обработки своей земли инвентарем. Батрачество среди баргузинских старожилы имело возрастной характер. Многие крестьяне в молодости, сдав свой надел в аренду, шли батрачить, пока не вставали крепко на ноги. Лишь немногие (в основном холостяки) оставались в этом положении всю жизнь [ср.: 107, 1970, стр. 32—34].

Одним из источников, дающих батраков, были разделы больших семей, совершенные против воли главы семьи, в результате которых сыновья не получали от отца никакого имущества, кроме полагавшегося им душевого надела, и шли батрачить. Многие ссыльнопоселенцы (как высланные из России, так и отбывшие срок на сибирской каторге), оказавшись в более тяжелых, чем старожилы, условиях, также нередко добывали свой хлеб батрачеством. С. Р. Плеханов из села Суво вспоминает, что богачи, как правило, имели работников, причем обычно нанимали их на год. По истечении этого срока работник должен был наниматься заново. Если батрак хотел уйти раньше срока, хозяин не имел права его удерживать. Свыше 11% хозяйств нанимали батраков [23, вып. III, стр. 3]. Средний годовой заработок работника по Читканской волости составлял 108,76 руб. [23, вып. XIV, стр. 49]. Пла-

та колебалась в зависимости от урожая, от спроса на труд, от удаленности села от центра. По сравнению с другими районами Забайкалья плата годовому работнику в Баргузинском уезде была более низкой.

Нанимали на срок, подневно и издольно. В первую очередь наемный труд использовался на работах, требующих быстрого завершения (таких как сенокос, жатва), тогда как на работах, не требующих выполнения в жесткие сроки (например, пахота), наемный труд применялся значительно реже и главным образом зажиточными и кулацкими хозяйствами.

Растущая потребность в деньгах заставляла бедную и малозажиточную часть крестьянства наниматься, помимо батрачества, в извоз на близлежащие «заводы» и золотые прииски. В семьях была и такая форма приработка: семья брала на полное содержание корову и должна была сдавать хозяину коровы приблизительно 20 фунтов масла и 30 фунтов творога. За это семья получала 6—8 рублей в сезон после сдачи условленного количества хозяину коровы. Это называлось «взять корову на масло» (об этой форме приработка подробно рассказывала С. С. Гаськова из Б. Уро, 106 лет). Девочки из бедных семей жили в няньках.

По мере обострения земельного кризиса продолжалось выделение и усиление прослойки зажиточных крестьян, а также кулаков, к которым их менее обеспеченные односельчане постепенно попадали в зависимости отношения. Эта зависимость, начавшаяся с отдельных злоупотреблений при аренде пахотных и сенокосных угодий, в отдельных случаях принимала форму ростовщической кабалы. Зажиточные семьи сосредоточивали в своих руках, хотя и временно, большие земельные участки, с которых собирали дополнительные количества зерна, пуская это зерно на продажу. Крестьяне-бедняки (а случалось, и середняки) занимали зерно у своего же деревенского богача-кулака, а после урожая должны были возвращать за пуд — полтора-два и больше. В роли ростовщиков оказались также скупщики и лавочники — как местные, так и приезжие (агенты баргузинских торговых домов). За скупленную пшеницу и прочий товар приезжие купцы расплачивались обычными деньгами, а местные лавочники — товарами из своих лавок.

Рост имущественной зависимости от кулацко-ростовщической верушки наблюдается не только в земледелии, но и в промыслах. Так, купцы получали немалые прибыли с охотников-половинщиков и охотников, промышлявших «за четвертый рубль». Аналогичное явление происходит и в рыболовных артелях. Например, в двух Низовских селениях на р. Баргузин на 70 человек общинников-артельщиков приходилось три кулака, причем артельщики находились «в совершенной от них зависимости» [23, вып. XIV, стр. 93; см. также 11, стр. 17]. Эта зависимость была часто скрытой: все рыбаки были пайщиками, имели «собственное заведение» (сети, неводы, лодки и пр.). Однако на деле они находились в долговой кабале от богачей, которые ссужали их солью, снастями и различными товарами под будущий улов. Таким образом, «собственное заведение» фактически оказывалось принадлежащим кулаку, господство которого прикрывалось артельной формой.

Яркую картину кулацко-ростовщической кабалы в рыболовных артелях Баргузинского округа дает известный исследователь Забайкалья и Дальнего Востока Н. В. Кирилов. В связи с тем, что невод для ловли рыбы на Байкале стоил дорого — около 1500 руб., — в статье «Заметки врача о Баргузинском округе» он писал: «Устройство такого морского невода — на паях; богачи обыкновенно не заводят отдельного невода, а участвуют сразу в нескольких, где 5-тью, где 10 и более пайками (весь

невод — 40 паев). Такой способ для богачей представляет важные удобства, как бы страховку от случайностей промысла. Дело в том, что рыбная ловля — лотерея: где сегодня много рыбы, там завтра — ничего. Один и тот же невод в одном году дает по 150 руб. и более на пай, а другой раз — чуть ли не по три рубля! Если богач потерпит убыток на одном неводе, то получит выгоду на другом. Бедняку гораздо тяжелее: он рискует сразу всем, может получить „много“ и „ничего“ (а „много“ бывает один раз в семь лет по их расчету). Конечно, богачи одолжат и хлеба и соли: для них такие пайщики выгоднее наемных рабочих, ибо если годом заработают много, то вернут все кулакам же с процентом»²⁵.

Таким образом, уже к началу XX в. имела место ярко выраженная социальная дифференциация. Выделение зажиточных общинников, закабаление ими своих односельчан, рост ростовщичества, — с одной стороны, батрачество и отходничество — с другой, — все эти процессы, столь характерные для предреволюционной деревни Европейской России, достаточно отчетливо определились в русских селениях долины р. Баргузин [ср. 29, стр. 115]. Однако при этом следует помнить, что социальные категории сибирского крестьянства — кулаки, бедняки, середняки — по имущественному положению, как правило, не равнозначны соответствующим категориям крестьян, существующим в европейской части страны: обычно положение сибирских крестьян лучше, чем крестьян западных районов страны. Это справедливо и в отношении крестьян баргузинских.

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ СЕМЕЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Семейная организация у русского населения долины р. Баргузин представляет собой еще более неисследованную область, чем община. Если имеющиеся материалы, в основном статистические, дают некоторые общие сведения об экономике деревни, то описание семейной жизни в них полностью отсутствует. Изложенный ниже материал, посвященный семейной организации, основывается только на собранных нами данных. При этом авторы отбирали материал, относящийся не столько к собственно семейному укладу, сколько касающийся связи семьи и общины и, главным образом, материал о больших, неразделенных семьях²⁶.

К началу XX в. в изучаемом районе наиболее распространенной формой семьи была малая, состоявшая из мужа, жены и их неженатых детей; иногда в семью входили престарелые родители хозяина дома. В ряде сел Читканской волости в первой трети XX в. еще бытовали большие неразделенные семьи, существовавшие вплоть до начала коллективизации. Семья, где было много сыновей, была обычно наиболее зажиточной; наоборот, недостаток рабочих рук в хозяйстве неизбежно привел к его упадку. Согласно статистике, среднее число членов (мужчин и женщин) бедной семьи составляло 4,7, средней — 6,2, богатой — 9 [23, вып. XIV, стр. 7; ср.: 91, стр. 166]. Вероятно, этот фактор сыграл свою роль в сохранении отдельных больших семей. Как

²⁵ Архив Географического общества СССР, разр. 58, оп. 1, № 14, стр. 83—84; см. также 11, стр. 18—19; 16, стр. 24.

²⁶ Полезный материал для сравнения дают недавно вышедшие работы А. А. Лебедевой [62, стр. 157—168], Л. М. Сабуровой [91, стр. 165—195], В. А. Горелова [19, стр. 96—105]. В целом можно отметить, что неразделенные семьи сохранились у баргузинских старожилов значительно долее, чем в некоторых иных районах Сибири [ср. 80, стр. 81—82].

показывают собранные нами материалы, семьи с большим числом мужских рабочих рук, имевшие возможность увеличивать свой земельный надел за счет рощистей, державшие десятки голов крупного скота, составляли наиболее зажиточную прослойку общины, из которой формировались кулаки.

Не останавливаясь на малой семье дореволюционной баргузинской деревни, поскольку она ничем принципиально не отличалась от обычных русских крестьянских семей, остановимся на большой семье, которая представляет несомненный интерес.

По словам наших информаторов, «в прежние времена» неразделенная семья была господствующей формой. Однако уже в начале XX в. такие семьи были довольно редким явлением, хотя отдельные семьи еще можно было встретить в каждом селе: на большое село (в 150—200 дворов) приходилось не более десятка неразделенных семей. В основном эти семьи встречались в наиболее старых селах (Адамово, Телятниково, Уро, Читкан); их не было в деревнях, образовавшихся сравнительно недавно или являвшихся выселками (например, Алга).

Неразделенная семья имела традиционную структуру. Женатые сыновья оставались жить вместе с родителями, нередко в одном доме. Например, семья Гаськовых (Душелан) в начале нашего века имела до 30 человек, известная во всей волости богатая семья Колмаковых (Б. Уро) включала в себя 22 человека, большая же семья Малыгиных (Читкан) еще в 1928 г. насчитывала 16 человек.

Женились по старшинству (за редкими исключениями), в соответствии с обычаем. Сыновья отделялись чаще всего тогда, когда подрастали их дети. Впрочем, Н. А. Шелковников из Адамова рассказал, что в прошлом в их неразделенной семье жили не только сыновья с невестками, но и женатые внуки. Иногда такая большая семья занимала несколько домов, расположенных близко друг к другу. Например, те же Шелковниковы жили в трех домах. Братья с семьями располагались в этих домах по старшинству: в одном доме жили отец и старший сын, в другом — следующие сыновья, в третьем — младшие. Но и в этом случае семья жила одним котлом. Во главе семьи, как правило, стоял отец, в руках которого находились все денежные средства и который давал распоряжения членам семьи относительно их занятий²⁷. Однако главой семьи мог быть не только отец, но и дед, если он был жив и сохранил ясный ум (семья Малыгиных, Читкан). Главой семьи нередко бывал один из братьев, чаще всего старший (Шелковниковы из Адамова), иногда — второй (так было в семье Малыгиных после смерти деда). Наконец, мать также могла быть главой семьи (Телятниковы из с. Телятникова) [ср. 22, стр. 109]. Глава семьи пользовался не только властью по традиции, но и уважением [ср. 19, стр. 96—105; 62, стр. 157—168].

Порядок распределения обязанностей внутри семьи не был стабильным. В некоторых семьях каждый имел строго определенные обязанности, в другой — обязанности чередовались. Например, в уже упоминавшейся семье Колмаковых из Уро сын Иван (со своим сыном) занимался охотой, Даниил ведал финансами (снабжением, закупкой, про-

²⁷ К. Д. Логиновский отмечает подобную структуру у казаков Восточного Забайкалья; в каждой семье там был старший — дед, или отец, или старший брат, полновластный хозяин и распорядитель [65, 184]. А. М. Полова подчеркивает беспрекословную власть отца в изредка встречавшихся в 20-х годах больших семьях у семейских Забайкалья: без него не начинали работу, не производили покупки [79]; см. также [91, стр. 168—170].

дажей и т. д.), Дмитрий — рыбной ловлей и т. д.²⁸. Но все они в период земледельческих работ работали на поле. Такие обязанности, как заготовка дров, извоз и т. п., исполнялись по очереди. В других же семьях обязанности не были так четко закреплены за отдельными лицами.

В доме обычно была старшая женщина. Чаще всего это была жена главы семьи (отца или старшего брата). Она давала распоряжения всем невесткам. Невестки работали неделю в поле, неделю ухаживали за скотом, неделю в доме и т. д. [ср. 91, стр. 176]. Таким образом, женщина в большой семье была загружена многочисленными обязанностями и несла на себе большую долю забот по хозяйству. Это обеспечивало ей уважаемое положение в семье²⁹. Старшая женщина тяжелыми работами не занималась.

Как уже отмечалось выше, неразделенные семьи были чаще всего зажиточными. Так, в большой семье Г. С. Терентьева (75 лет, Уро), существовавшей до 1930-х годов, было до двадцати лошадей, 10—12 молодых коров, не считая прочего скота. Большая семья Шелковниковых в Адамове держала до 30 коров, 40 лошадей. Семьи Колмаковых, Малыгиных и др. также выделялись своей зажиточностью. Запахивалось, помимо полагавшейся по наделу земли, большое количество росчистей. Наличие достаточного количества рабочих рук позволяло извлекать дополнительный доход из охоты, извоза и тому подобных занятий. Достаток семьи увеличивался также за счет приданого, которое приносила в семью невестка. М. М. Гаськова (88 лет, Душелан) рассказала, что она получила в приданое корову и лошадь. Отметим, что в малых, менее обеспеченных семьях приданое за девушкой давалось более скромное: по словам С. Р. Плеханова из Суво, часто оно состояло из одного теленка и мелких хозяйственных предметов.

Средний денежный расход большой семьи составлял до революции около 500 рублей в год. Эти цифры называли многие информаторы (Я. С. Попов из Читкана, Д. Т. Зверков из Телятникова и др.). В наиболее богатых семьях расходы были значительно больше: например, Е. И. Кокорин из Суво сообщил, что в предреволюционные годы их семья, состоявшая из девяти взрослых людей, тратила в год до полутора тысяч рублей. Эти данные совпадают с теми цифрами, которые дают статистические материалы «Куломзинской комиссии» за 1897 г. по Забайкалью (см. таблицу).

О той роли, которую играло отмечавшееся выше наличие достаточного количества рабочих рук в росте благосостояния семьи, можно судить по тому факту, что нередко старшие невестки должны были идти батрачить; а вскоре семья крепла настолько, что сама пользовалась трудом батраков. Примером тому может служить М. М. Гаськова из Душелана, вышедшая замуж в большую семью. Хотя эта семья имела несколько дойных коров и лошадей, М. М. Гаськовой первое время приходилось батрачить, пока в хозяйстве не появилась еще одна лошадь в приданое за новой невесткой, затем новые невестки с приданным, и семья стала типичной зажиточной большой семьей.

²⁸ О подобного рода разделении труда в большой семье у русских Енисейской губернии говорит Н. И. Воробьев [22, стр. 109].

²⁹ Положение женщины в сибирской семье никак нельзя считать приниженным. П. А. Ровинский, рассказывая о больших семьях старообрядцев-семейских Верхнеудинского округа Забайкалья, отмечал, что в семье порядок поддерживала обычно старшая женщина, которая ведала деньгами, вела счета и т. д. [86, т. IV, № 3, стр. 116]. Н. И. Воробьев отмечает, что нередко во главе большой семьи в Енисейской губернии стояла старуха мать и что женщины вообще могли легко заменять мужчин [22, стр. 109].

Многие неразделенные семьи держались очень крепко, сознавая, что их сила — в сплочении. Интересен рассказ, сообщенный нам в с. Уро о старике Колмакове. Информатор рассказал, что, когда в семье невестки стали ссориться и потребовали раздела, старик созвал их и, дав каждой по полену, предложил растопить печь. Разумеется, печь не разгоралась до тех пор, пока не были уложены все поленья. «Печь горит только, когда в ней лежит охапка дров, и семья может существовать, лишь когда она не разделена», — сказал старик³⁰.

Главные расходы крестьянского хозяйства
(в рублях) [№ 23, вып. XIV, стр. 42]

Тип хозяйства вид расходов	Бедное		Среднее		Богатое	
	натураль- ные	денежные	натураль- ные	денежные	натураль- ные	денежные
На личные потребности . . .						
На хлеб	76,7	19,5	165,7	23,5	455,8	56,4
На мясо и продукты ското- водства	10,0	3,0	32,6	6,5	80,4	19,8
На соль, табак, чай и са- хар	—	18,8	—	30,8	—	63,9
На отопление, освещение и пр.	—	1,7	—	5,5	—	20,8
На церковные нужды и солдатские проводы	—	3,8	—	9,3	—	20,8
На подати	—	10,1	—	18,8	—	33,6
На уплату долгов	—	3,2	—	4,3	—	15,2
На ремонт построек, оде- жду и пр.	—	21,7	—	48,6	—	122,9
Итого	86,7	81,8	198,3	147,3	536,2	353,4
На хозяйственные потреб- ности						
На корм скота	39,8	1,8	108,4	8,3	319,2	55,0
На сельскохозяйственные нужды	—	4,4	—	16,0	—	138,8
На приобретение хозяй- ственного имущества	—	4,5	—	15,9	—	106,3
Итого	39,8	10,7	108,4	40,2	319,2	300,1
Всего	126,5	92,5	306,7	187,5	855,4	653,5

На примере неразделенных семей отчетливо проявляется роль «семейной кооперации» в становлении зажиточных домов и подъеме хозяйств. В то же время под патриархальной формой нередко скрывались отношения эксплуатации, которые и послужили одной из причин выделения малых семей [ср.: 35, стр. 57; 107, 1970, стр. 29—30].

Обычно, как только внуки подрастали, происходил раздел. Отделившиеся малые семьи давали начало новым неразделенным семьям: этот процесс (в дореволюционные годы) был непрерывным. Семья разделялась обычно не сразу, а выделялся сначала один сын, потом со-

³⁰ О том, что большие семьи неохотно шли на раздел, говорят разные авторы. Например, П. А. Ровинский отмечает, что у забайкальских семейских отец редко делил даже скотину. Если теснота вынуждала к разделу, изба сыну строилась рядом с отцовским домом, с которым поддерживалась самая тесная связь [86, т. IV, № 3, стр. 117].

временем — другой и т. д. Например, семья Зверковых (Телятниково) сначала состояла из шести живших вместе братьев, потом два отделились, а четыре еще долго продолжали жить вместе. Из восьми братьев Шелковниковых долгое время жили одной семьей пять. Семнадцать лет не делилась большая семья Гаськовых. Со временем, из-за большой тесноты в доме, два брата вышли в зимовье, но из семьи так и не выделились.

Как и повсюду, обычным поводом к разделу было несогласие среди невесток и теснота. Случалось, что после отбывания военной службы сын не возвращался в свою семью, а заводил новый дом. Отмечаются и случаи примачества. Так, по сообщению М. М. Гаськовой, один из братьев в их большой семье, вернувшись со службы, женился на вдове и перешел жить к ней в дом. Когда раздел производился с согласия старших, отделившийся получал дом, скотину, утварь и т. д. Если же сын выделялся без согласия отца, он, как правило, не получал ничего, кроме своего душевого надела, и должен был идти батрачить. За мужем дочерям можно было ничего не выделять, а незамужним отводилась небольшая доля (сообщено С. Р. Плехановым)³¹.

Если до революции распад неразделенных семей и выделение малых происходил постепенно, то во время революции и после нее последние сохранившиеся большие семьи разделились довольно быстро, а в начале коллективизации исчезли последние. Раздел больших семей в Забайкалье, как и во всем Советском Союзе, связан с двумя периодами: первый период — годы установления советской власти, второй период — начало коллективизации. Так, в начале революции произошел раздел семьи Шелковниковых и Телятниковых; семья Терентьевых разделилась уже после революции; а семья Малыгиных — в 1928 г., в начальный период коллективизации. Причины, вызвавшие в послереволюционный период распад больших семей, те же, что и в других районах нашей страны; они изложены в работе П. И. Кушнера, занимавшегося этим вопросом: «Национализация земли и ее распределение среди крестьян по числу членов семей, но не выше определенного предела, исключавшего полное наделение землей всех членов разросшихся больших семей, — вызвали быстрое, но часто фиктивное разделение больших семей. ...При коллективизации же деление больших семей вызывалось желанием получить новые приусадебные участки и право на содержание большего количества домашнего скота» [60, стр. 19]. Большие налоги на неразделенную семью также способствовали ее ускоренному распаду. И. В. Малыгин из Читкана сообщил, что именно это привело к разделу его семьи в 1928 г. Наконец, старый патриархальный быт, свойственный большой семье, был несовместим с новым, советским строем, при котором правовые и экономические позиции этого быта оказались подрванными. После тридцатых годов в Баргузинском районе не осталось ни одной большой неразделенной семьи.

* * *

Приведенный выше материал по хозяйственной, общинной и семейной жизни русских старожилов долины р. Баргузин свидетельству-

³¹ Причины и формы раздела больших семей в соседних районах имеют много общего с разделом семей баргузинских старожилов. П. А. Ровинский в указанной работе называет главными причинами раздела больших семей рекрутчину и тесноту [86, т. IV, № 3, стр. 117]. А. М. Попова пишет, что при разделе больших семей у забайкальских старообрядцев все происходило «спокойно», если раздел производил сам отец. В тех же случаях, если его затевали сами сыновья, дело нередко доходило до суда [79, стр. 124—125].

ет о том, что здесь в конце XIX — начале XX в. существовала община соседского (сельского) типа, характерная для большинства районов Сибири.

Как уже было отмечено, К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно подчеркивали, что институт традиционной крестьянской общины в России и во всех других странах «возник естественным путем и представлял собой необходимую фазу развития свободных народов» [4, стр. 482]. Можно ли говорить о естественном развитии сибирской общины? Было бы неверным отрицать роль государства в первичном оформлении деревенских коллективов, но основное значение имела естественная эволюция общины при последовательном росте фонда общинных земель за счет личных (бывших заимок и др.). Но поскольку эта эволюция происходила в условиях развития капиталистической экономики России конца XIX в., то одновременно с оформлением чисто общинных норм жизни идет противоположный процесс расслоения общины, а параллельно с ростом общинного землевладения — его разрушение. Нужно отметить, что этот процесс был подготовлен захватным землепользованием, предшествовавшим надельно-долевому, т. е. общинному, и отчасти сохранявшимся и в поземельной общине, ибо оно давало возможность увеличивать личную запашку. А это открывало простор росту сельской буржуазии и выступало как одно из условий, способствовавших классовому расслоению сибирской деревни [ср. 29, стр. 243—244]. В этом — одна из специфических черт сибирской общины.

Развитие форм землевладения и землепользования, характер хозяйственной деятельности, порядок управления, наконец, некоторые черты семейного уклада — все это показывает, что и здесь деревня стала развиваться в капиталистическом направлении, но, как и во многих районах России, аграрно-капиталистическая эволюция была далека от завершения [ср.: 107, 1971, стр. 160—166]. Темп же и характер этого развития имели в Баргузинском районе, как и в других областях Сибири, свои, отличные от Европейской России особенности, отмеченные выше.

Изучение общего и особенного в развитии общины имеет значение как для истории общины в Сибири и в России в целом, так и для тех стран, где община в настоящее время является живым институтом. Видные советские историки-аграрники К. И. Шабуня и В. К. Яцунский пишут: «Изучение сходства и различия в закономерностях аграрного развития в дореволюционной России и в освобождающихся в настоящее время из-под империалистического гнета странах Азии может помочь лучшему пониманию путей развития стран Азии и тем оказать содействие связи исторического исследования с запросами современности» [36, 1964, стр. 19]. При этом следует помнить, что община, для которой характерен дуализм, т. е. единство и борьба двух противоположных начал — коллективного и индивидуального, может явиться переходной формой как к частной собственности, так и к общественной форме собственности. Изучение локальных вариантов форм общинного развития несомненно поможет правильному подходу к определению дальнейшей судьбы общины — там, где она еще сохранилась.

1. Маркс К., наброски ответа на письмо В. И. Засулич, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 19.
2. Маркс К., Письмо В. И. Засулич, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 19.
3. Маркс К. и Энгельс Ф., Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии», — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 19.

4. Маркс — Николаю Францевичу Даниельсону, 22 марта 1873 г., — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 33.
5. Энгельс Ф., Письмо Эдуарду Бернштейну, 9 октября 1886 г., — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 36.
6. Ленин В. И., От каксго наследства мы отказываемся? — Полное собрание сочинений, т. 2.
7. Ленин В. И., Развитие капитализма в России, — Полное собрание сочинений, т. 3.
8. Ленин В. И., Аграрная программа русской социал-демократии, — Полное собрание сочинений, т. 6.
9. Аввакум, Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения, М., 1960.
10. «Азиатская Россия», т. I—III (с «Атласом Азиатской России»), СПб., 1914.
11. Акатуйский С., По Баргузинскому уезду, — «Наше дело», Чита, 1914, № 11—12.
12. Александров В. А., Начало хозяйственного освоения русским населением Забайкалья и Приамурья (вторая половина XVIII в.), — «История СССР», 1968, № 2.
13. Александров В. А., Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край), — «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. 87, М., 1964.
14. Андриевич В. К., Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 года, СПб., 1887.
15. Анфимов А. М., Новые работы по аграрной истории Сибири, — «Вопросы истории», 1964, № 3.
16. Архангельский А., Экономическая жизнь Забайкалья и задачи кооперации, — «Наше дело», 1914, № 15—16 и 17—18.
17. Банщиков А. Н., Искусственное орошение и его значение для области, — «Труды Первого Забайкальского Областного сельскохозяйственного съезда 1—10 марта 1913 г.» (далее «Труды I ЗОСС»), вып. 2, Чита, 1914.
18. Боженко Л. И., Землепользование и землеустройство в крестьянских хозяйствах Сибири (1920—1927 гг.), — «Труды Томского государственного университета» (далее — «Труды ТГУ»), т. 206 («Вопросы истории Сибири», вып. 5), Томск, 1970.
19. «Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. I. Приангарье», Новосибирск, 1971.
20. «Вестник Императорского Русского Географического Общества», СПб., 1852—1853.
21. Воробьев В. В., Города южной части Восточной Сибири (историко-географические очерки), Иркутск, 1959.
22. Воробьев Н. И., Материалы по быту русского старожильческого населения Восточной Сибири. Население Причунского края (Енисейской губ.), — «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском Государственном университете», т. XXXIII, вып. 2—3, Казань, 1926.
23. «Высочайше утвержденная под председательством статс-секретаря Куломзина Комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. Материалы». Вып. I—XVI, СПб., 1898. Содержание отдельных выпусков: вып. I. С. Черемисинов (сост.), Списки населенных мест и дач. С картою дач; вып. II. Статистические данные (Поселенные таблицы); вып. III. Статистические данные (Итоговые таблицы); вып. IV. Г. Винккен и С. Саблер, Географические сведения; вып. V. А. Щербатов (сост.), Исторические сведения; вып. VI. Н. Разумов и И. Сосновский, Население, значение рода у инородцев и ламанизм; вып. VII. С. Рудин, Съёмочные и землеустроительные работы с конца XVIII века по 1897 г.; вып. VIII. А. Калмыков (сост.), Землевладение; вып. IX. В. Трейден, Аренда; вып. X. М. Кроль (сост.), Формы землепользования; вып. XI. Н. Бутович (сост.), Земледелие в связи с характеристикой естественных условий пахотных угодий; вып. XII. Д. Грудинин, Характеристика естественных условий сенокосных, выгонных и лесных угодий; вып. XIII. Н. Разумов, Скотоводство; вып. XIV. Д. Григорьев, К. Миллер, И. Безуглов, Сбыт сельскохозяйственных продуктов, промыслы и неземледельческие заработки в Забайкалье; вып. XV. Г. Цыбиков, Подати и повинности; вып. XVI. Д. Головачев, Бюджеты.
24. Гагемейстер [Ю. А.], Статистическое обозрение Сибири, ч. I—II, СПб., 1854.
25. Гирченко В. П., Прибайкалье (краткий исторический очерк), Верхнеудинск, 1922.
26. [Гирченко В.], Сельский устав Прибайкалья последней четверти XVIII в. (Инструкция Удинской Провинц. Канцелярии сельским старостам и выборным 1776 г.), — «Известия кафедры Прибайкальведения» (далее — ИКП), 1921, вып. 1.

27. Гирченко В., Социально-экономические отношения Прибайкалья в эпоху первоначальной колонизации (Лекция, прочитанная в апреле 1921 г.),— ИКП, вып. 1.
28. Горюшкин Л. М., Об освещении в советской исторической литературе вопроса о путях развития капитализма в сельском хозяйстве Сибири,— «Труды ТГУ», т. 178 («Методологические и историографические вопросы исторической науки. Сборник статей», вып. 3), Томск, 1965.
29. Горюшкин Л. М., Сибирское крестьянство на рубеже двух веков, Новосибирск, 1967.
30. Громыко М. М., Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение, Новосибирск, 1965.
31. Данилов В. П., К вопросу о характере и значении крестьянской поземельной общины в России,— «Проблемы социально-экономической истории России», М., 1971.
32. Данилова Л. В., Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ,— «Проблемы истории докапиталистических обществ», кн. I, М., 1968.
33. «Декабристы в Забайкалье. Неизданные материалы». Под ред. А. В. Харчевникова, Чита, 1925.
34. Добромыслов Н. М., Заметки по этнографии баргузинских орочен,— «Труды Троицкосавско-Кяхтинского Отделения Приамурского Отдела Императорского Русского Географического Общества» (далее — «Труды ТСКО»), т. V, вып. I, 1902.
35. Дулов В. И., Тюкавкин В. Г., О путях развития капитализма в сельском хозяйстве Сибири,— «Вопросы истории», 1964, № 4.
36. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1958», Таллин, 1959; за 1959 г.— М., 1961; за 1960 г.— Киев, 1962; за 1961 г.— Рига, 1963; за 1962 г.— Минск, 1964; за 1963 г.— Вильнюс, 1964; за 1964 г.— Кишинев, 1966; за 1965 г.— М., 1970; за 1966 г.— Таллин, 1971. Прим.: в тексте в ссылках указан не год проведения очередного симпозиума, а год издания его материалов.
37. Елизов Ф. В., Рыбная и звериная промышленность по берегам озера Байкал,— «Известия Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества» (далее — ИСОРГО), т. IV, № 4, 1873.
38. «Забайкалье. Краткий исторический, географический и статистический очерк», Иркутск, 1891.
39. Зак С. Д., Марксизм о природе и судьбах общинной собственности и развивающиеся страны,— «Итоги и перспективы социально-экономического развития молодых суверенных государств. Материалы научной конференции», М., 1965.
40. Зак С. Д., Ф. Энгельс о некоторых аспектах развития «аграрного коммунизма» в России в XIX в. и развивающиеся страны,— «Материалы общеуниверситетской теоретической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Ф. Энгельса», Л., 1971.
41. Залкинд Е. М., Из истории крестьянской колонизации Забайкалья в XVIII—начале XIX века,— «Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института» (далее — «Труды БНИИ»), вып. 10, Улан-Удэ, 1962.
42. Золотухин И. П., Завоевание русскими Забайкалья (Краткий исторический очерк), Владивосток, 1909.
43. В. Б. Иорданский, Тупики и перспективы Тропической Африки, М., 1970.
44. «История Сибири с древнейших времен до наших дней», т. 1—5, Л., 1968—1969.
- 44а. Кабанов Е. И., Сорты разводимых в Забайкальской области хлебов,— «Труды I ЗОСС», вып. 2.
45. Кауфман А. А., Земельные отношения и общинные порядки в Забайкалье по местному исследованию 1897 г., Иркутск, 1900.
46. Кауфман А. А., Крестьянская община в Сибири (По местным исследованиям 1886—1892 гг.), СПб., 1897.
47. Кауфман А. А., Община и успехи сельского хозяйства в Сибири, СПб., 1894.
48. Кауфман А. А., Переселение и колонизация, СПб., 1905.
49. Кауфман А. А., Сложные формы общинного землевладения в Сибири по местным исследованиям 1887—1892 гг.,— «Известия Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества», т. XXVI, вып. 4—5, 1896.
50. Кашик О. И., Из истории заселения Иркутского уезда в XVII—начале XVIII в.,— «Ученые записки Иркутского государственного педагогического института», вып. XVI, Благовещенск, 1958.
51. Кирилов Н. В., К вопросу об аборигенах Забайкалья,— «Приамурские ведомости», 1896, № 121, 122, 123.
52. Кирилов Н. В., Поездка в Нижнеангарск Баргузинского округа на Байкале в 1885 г.,— «Известия Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества», 1886, т. XVII, № 1—2.

53. Кожухов Ю. В., Русское крестьянство Восточной Сибири в первой половине XIX в. (1800—1861). («Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 356), Л., 1967.
54. Козьмин Н. Н., К вопросу о времени расселения бурят около Байкала. (Историко-этнографический очерк),— «Труды Бурято-Монгольского Ученого комитета», Иркутск, 1925.
55. Комаров Э. Н., Бенгальская деревня и крестьянское хозяйство во второй половине XVIII в.,— «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», т. XXVIII, М., 1957.
56. Копылов А. Н., Русские на Енисее в XVII в. Земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда, Новосибирск, 1965.
57. Кудрявцев М. К., Община и каста в Хиндустане (Из жизни индийской деревни), М., 1971.
58. Кудрявцев Ф. А., Золотопромышленность Западного Забайкалья в 60-х—80-х гг. XIX в.,— «Бурятияведение», 1927, № 3—4, 1928, № 1—3.
59. Кудрявцев Ф. А., Роль русской культуры в развитии бурят-монгольского народа в XVIII—XX вв.,— «Вопросы истории», 1946, № 10.
60. Кушнер (Кнышев) П. И., О некоторых процессах, происходящих в современной колхозной семье,— «Советская этнография», 1956, № 3.
61. [Кюхельбекер В. К.], Дневник Вильгельма Карловича Кюхельбекера, часть II,— «Русская старина», 1891, т. 72, октябрь-декабрь.
62. Лебедева А. А., К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственного и семейного быта (XIX—начало XX в.),— «Этнография русского населения Сибири и Средней Азии», М., 1969.
63. Левковский А. И., Третий мир в современном мире, М., 1970.
64. Личков Л. С., Очерк истории развития форм крестьянского и инородческого землепользования в Восточной Сибири,— «Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца», т. IX, Киев, 1895.
65. Логиновский К. Д., О быте казаков Восточного Забайкалья,— «Живая старина», вып. 2, 1902.
66. Малахинов П. И., О двух типах аграрной революции в России, Улан-Удэ, 1962.
67. Мангуттов Н. Р., Об аграрной политике царизма в западной Бурятии в период империализма,— «Труды БНИИ», вып. 10, 1962.
68. «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства в СССР», вып. 1—7, М., 1952—1969 (вып. 1—2 под названием «Материалы по истории земледелия в СССР»).
69. Михайлов К., Общинный быт у крестьян Забайкальской области Восточной Сибири,— «Русская мысль», 1885, декабрь, разд. IX.
- 69а. «Народы Сибири» («Народы мира. Этнографические очерки»), М.—Л., 1956.
70. Окладников А. П., Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование, ч. I—III («Материалы и исследования по археологии СССР», №№ 18 и 43), М., 1950—1955.
71. Окладников А. П., О начале земледелия за Байкалом и в Монголии,— «Древний мир. Сборник статей. Академику В. В. Струве», М., 1962.
72. Оленев А. М., По Баргузину,— «Природа», 1961, № 1.
73. Осокин Г., Материалы для этнографии Западного Забайкалья,— «Труды ТСКО», 1895, вып. 2.
74. Паллас П., Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. III, пол. I (1772—1773), СПб., 1788.
75. [Паршин В.], Поездка в Забайкальский край, ч. 1 и 2, М., 1844.
76. Петряев Е. Д., Исследователи истории и литературы старого Забайкалья. Очерки из истории культуры края, Чита, 1954.
77. «Полное собрание законов Российской империи с 1649 года», т. VI (1720—1722); т. XVIII (1767—1769), т. XXV (1798—1799), СПб., 1830.
78. Полтаранин И. А., Переселенческий вопрос и проблема общины в трудах А. А. Кауфмана. Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук, Новосибирск, 1970.
79. Попова А. М., Семейские (Забайкальские старообрядцы),— «Бурятияведение», 1928, № 1—3.
80. «Проблемы истории советского общества Сибири», вып. II. История крестьянства Сибири досоветского периода, Новосибирск, 1970.
81. Пыпин А. Н., Первые известия о Сибири и русское ее заселение,— «Вестник Европы», 1891, кн. 8.
82. Разгон И. М., Сухотина Л. Г., К вопросу о «государственном феодализме» в Сибири (о книге Л. Ф. Склярова «Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы») — «Труды ТГУ», т. 190 («Вопросы истории Сибири», вып. 3), Томск, 1967.
83. Разумов Н. И., Забайкалье. Свод материалов Высочайше учрежденной комис-

- сии для исследования землевладения и землепользования под председательством статс-секретаря Куломзина, СПб., 1899.
84. Рижский М. И., Из глубины веков. Рассказы археолога о древнем Забайкалье, Чита, 1965.
 85. Ровинский П. А., Замечания об особенностях сибирского наречия и словарь,— ИСОРГО, 1873, т. IV, № 1.
 86. Ровинский П. А., Этнографические исследования в Забайкальской области,— ИСОРГО, 1872, т. III, № 3, 1873, т. IV, № 2 и 3.
 87. Румянцев Г. Н., Баргузинские буряты,— «Труды Кяхтинского краеведческого музея», Улан-Удэ, 1949, т. XVI, вып. I.
 88. Румянцев Г. Н., Баргузинские летописи. I, Улан-Удэ, 1956.
 89. Румянцев Г. Н., Происхождение хоринских бурят, Улан-Удэ, 1962.
 90. Саблер С. В. и Сосновский И. В., Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. Исторический очерк, СПб., 1903.
 91. Сабурова Л. М., Культура и быт русского населения Приангарья. Конец XIX—XX в., Л., 1967.
 92. Сафронов Ф. Г., Русские крестьяне в Якутии, Якутск, 1961.
 93. Селищев А. М., Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск, 1920.
 94. «Сибирский торгово-промышленный календарь», СПб., 1893; Томск, 1894—1914 (в 1913—1915 гг. назывался «Сибирский торгово-промышленный ежегодник»).
 95. «Сибирь и Великая Сибирская железная дорога», СПб., 1893.
 96. «Сибирь периода феодализма» («Материалы по истории Сибири»), вып. 1—3, Новосибирск, 1962—1968.
 - 96а. Сказкин С. Д., Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века, М., 1968.
 97. Скляр Л. Ф., Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы, Л., 1962.
 98. Словцов П. А., Историческое обозрение Сибири, ч. 1 и 2, 2-е изд., СПб., 1886.
 99. Соколов В. Н., Забайкальское хозяйство и рынок. (Проект распределения Забайкальской области на экономические районы), Чита, 1918.
 100. Солдатов В. В., Формы общинного землевладения в Забайкальской области,— «Вестник Европы», 1913, № 5.
 101. «Сорок лет Бурятской АССР», Сборник статей. Улан-Удэ, 1963.
 102. «Список населенных мест Забайкальской области по данным сельскохозяйственной переписи 1902 г.», Чита, 1903; то же — по переписи 1916 г.: Чита, 1918.
 103. Стахеев Д., Байкал,— Забайкальская область,— «Живописная Россия», т. XII, ч. I, СПб.,— М., 1895.
 104. Степынин В. А., Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма, Красноярск, 1962.
 105. Талько-Гринцевич Ю. Д., Народности Центральной Азии (монголо-халхасцы, буряты и тунгусы). Антропологический очерк,— «Труды ТСКО», 1902, т. V, вып. I.
 106. Талько-Гринцевич Ю. Д., Население древних могил и кладбищ Забайкальских,— «Бурятияведение», 1928, № 1—3.
 107. «Тезисы докладов и сообщений Десятой сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Ленинград, 1968)», М., 1968; то же — Одиннадцатой (Одесса, 1969), М., 1969; Двенадцатой (Рига, 1970, М., 1970; Тринадцатой (Вильнюс — Каунас, 1971), М., 1971; Четырнадцатой (Минск — Гродно, 1972), М., 1972.
 108. «Третий мир»: стратегия развития и управление экономикой», М., 1971.
 109. «Труды Первого Забайкальского областного сельскохозяйственного съезда 1—10 марта 1913 г.», вып. 1—5, Чита, 1913—1915.
 110. Тюкавкин В. Г., Переселение крестьян в Восточную Сибирь в период Столыпинской реформы. Автореферат диссертации на соискание уч. степени канд. ист. наук, Иркутск, 1958.
 111. Тюкавкин В. Г., Сибирская деревня накануне Октября (К вопросу о формировании социально-экономических предпосылок социалистической революции), Иркутск, 1966.
 112. Тюльпанов С. И., Очерки политической экономики (Развивающиеся страны), М., 1969.
 113. Тягуненко В. Л., Проблемы современных национально-освободительных революций, изд. 2-е, испр. и доп., М., 1969.
 114. Фризер Я. Д., Золотопромышленность в Баргузинском округе и ее нужды, М., 1901.
 115. Чиркин [Г.], Переселение и землеустройство в Забайкалье, [б. м.], (1909).
 116. Шерстобоев В. Н., Илимская пашня, т. 1—2. Иркутск, 1949—1957.
 117. Шмелев Н. П., Проблемы экономического роста развивающихся стран, М., 1970.

118. Шмудевич М. М., К вопросу о движении населения русского крестьянства в Зап. Забайкалье в 1-й половине XIX в.,— «Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. Этнографический сборник», вып. 4 («Культура и быт народов Бурятии»), Улан-Удэ, 1965.
119. Шунков В. И., Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.), М., 1956.
120. Шапов А. П., Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении,— ИСОРГО, 1872, №№ 3, 4, 5; 1873, № 2.
121. Щеглов И. В., Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири (1032—1881), Иркутск, 1883.
122. Элиасов Л. Е., Байкальские предания. Фольклорные записи, Улан-Удэ, 1966.
123. Ядринцев Н. М., Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении, изд. 2-е, испр. и доп., СПб., 1892.

Е. А. Крейнович

О ПЕРЕЖИТКАХ ГРУППОВОГО БРАКА У НИВХОВ

Ф. Энгельс придавал большое значение пережиткам группового брака, открытым у нивхов (гиляков) Л. Я. Штернбергом [7, стр. 31—35]. Известно, что он откликнулся на это открытие специальной статьей «Вновь открытый пример группового брака», опубликованной в 1893 г. в газете «Die Neue Zeit» [1, стр. 364—367].

Живые явления группового брака так редко встречаются среди народов земного шара, что каждый случай, подтверждающий наличие этой формы брака, заслуживает самого тщательного исследования и описания.

«Исследования Л. Я. Штернберга о нивхском роде,— пишет А. В. Смоляк,— представляют собой большую ценность. Однако он *воссоздал* (курсив мой.— Е. К.) *нивхскую общественную жизнь не конца XIX в., а значительно более глубокой древности*; основным источником для этого ему послужили сообщения информаторов о прошлом, а также данные фольклора. Возможно, этим объясняется некоторая идеализация рода и родовых отношений, что в свое время отмечено в литературе. По существу, Л. Я. Штернберг прошел мимо существовавших в конце XIX — начале XX в. общественных отношений у нивхов» [6, стр. 265].

Хочется спросить автора этой статьи: в чем же может состоять ценность исследования рода у нивхов, произведенного Л. Я. Штернбергом, если он прошел мимо существовавших у них общественных отношений?

Правда, ниже А. В. Смоляк пишет, что Л. Я. Штернберг «открыл у нивхов существование классификационной системы родства, бытующего обычая группового брака, „трехродового“ брачного союза...» [6, стр. 280]. Однако это сообщение трудно увязывается со сказанным ранее, так как остается неясным, что же в общественной жизни нивхов Л. Я. Штернберг воссоздал по данным фольклора, что видел сам, мимо чего прошел.

Как исследователь нивхов, изучающий их начиная с 1926 г., должен заметить, что Л. Я. Штернберг занимался изучением не «бытующего обычая группового брака» у нивхов, как об этом неточно пишет А. В. Смоляк, но всего лишь пережитков этой древней формы брака, которые он впервые у них обнаружил. Эти пережитки настолько живучи, что я сам имел возможность наблюдать их на Сахалине в 20-х, 50-х и 60-х годах. Не следует, однако, думать, что они открыты для взо-

ров каждого постороннего, в том числе и для этнографа, приезжающего к ним на короткий срок и к тому же без знания нивхского языка. Современные нивхи хорошо знают, что нормы их интимных связей между мужчинами и женщинами не соответствуют тем же нормам русских. Поэтому они тщательно скрывают их от нас и отрицают наличие подобных отношений, если их о таковых спрашивают. Лишь при глубоко личном доверии к исследователю они могут рассказать ему об интимных сторонах своей жизни. Не повторяя того, что наблюдал в этой области Л. Я. Штернберг у нивхов, расскажу о том, что узнал от них сам.

Род у нивхов патриархальный. Его основу образуют мужчины, состоящие в кровном родстве друг с другом. По возрастному признаку род можно разделить на четыре поколения: прадедушек и прабабушек, отцов и матерей, сыновей и дочерей, правнуков и правнучек. Браки между поколениями запрещены. По половому признаку род разделяется на две половины — мужскую и женскую. Женская половина в свою очередь подразделяется на две части: к одной относятся женщины, родившиеся в данном роде, к другой — женщины, пришедшие в род извне.

Чтобы понять, какие интимные отношения существуют между мужчинами и женщинами, родившимися в одном роде, надо рассмотреть отношения, сложившиеся внутри него между родственниками, обозначаемыми термином *тувн*''.

Тувн''

поколение братьев и сестер всех степеней родства по роду

тувн'' — братья (всех степеней родства по роду)

Братья составляют основу рода — *к*''*алн*''

тувн'' — сестры (всех степеней родства по роду)

Сестры хотя они и родились в данном роде, но подлежат обязательному удалению из него. С момента своего рождения они считаются *энг'арк*, т. е. чужеродками¹.

Отнесение сестер к категории чужеродцев объясняется тем, что нивхский род экзогамен и браки внутри него воспрещены. В связи с этим мужчины в роде образуют постоянную его часть, а женщины — переменную [7, стр. 355]. Они уходят из рода, и вместо них в род приходят другие женщины. Выделение сестер в роде, в котором они родились, в разряд чужеродцев имеет своей целью отделение их от братьев во избежание установления между ними недозволенной близости. Отделение одних от других достигается двумя общественными

¹ Термин *энг'арк* (чужеродец) этимологизируется так: *эн-* от *энад* — чужой, *-г'ар-* от *-х''ар-* ствол, *-к* — словообразовательный суффикс. Термин *ка''алн''* (род) заимствован нивхами из языков маньчжурских народов [5, стр. 54; 3, стр. 155—156]. Следовательно, можно полагать, что первоначально термин род у нивхов обозначался словом со значением ствол. Для написания нивхских слов используется русский алфавит с добавлением четырех диакритических значков для обозначения звуков, отсутствующих в русском языке: знак (') справа от буквы вверху употребляется для обозначения придыхательных согласных; знаки (') (·) (:) — для обозначения некоторых согласных губного, заднеязычного, увулярного и фарингального рядов. В нивхском языке имеются следующие согласные: губные — *п, п', в, б, ф, в'', м*; переднеязычные — *т, т', р, д, ш, с, з, л, н*; среднеязычные — *ть, ч', дь, й, нь*; заднеязычные — *к, к', г', г, х, н''*; увулярные — *к'', к''', г', г', х''*; фарингальные — *х*. Буква *в''* употребляется для обозначения губно-губного; *ш* — для глухого *р*; *г'* — для звонкого заднеязычного щелевого; *г* — для звонкого увулярного щелевого; *г* — для звонкого увулярного смычного; *х* — для фарингального (*h*). Имеются гласные: *а, э, и, о, у, ы*.

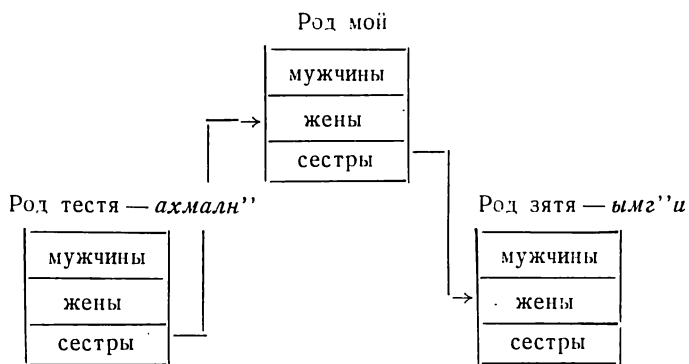
установлениями, именуемыми *ланьд* и *уиг''д*. Первым обозначается избегание, а вторым — табу.

Согласно обычаю избегания братья и сестры должны стесняться друг друга. Согласно же табу, тесно связанному с обычаем избегания, им запрещается разговаривать друг с другом, подходить друг к другу, прикасаться, причесывать волосы, смотреть в глаза, есть за одним столиком, курить из одной трубки и т. д.

Поскольку сестра является чужеродкой, ей запрещается разжигать огонь на очаге в жилище, так как это огонь ее брата, запрещается касаться брата полой своей одежды, переступить через его ногу, касаться или переступить через орудия его промысла и т. д. Если же она нарушит табу, то ей надлежит заплатить штраф в виде отдачи брату собаки — *ч'ох'' к'ан* (дословно кровавой собаки), которую она должна достать в другом роде. Эту собаку брат приносит в жертву. Если же на него попадет капля менструальной крови его сестры, то он должен задушить искупительную собаку, разрезать ее грудь и топтать босыми ногами ее окровавленные внутренности, чем отводит от себя, по представлениям нивхов, свою неминуемую гибель.

Естественно, что подобными запретами братья и сестры в обществе нивхов отдаляются друг от друга. Такова сущность интимных отношений между мужчинами и женщинами, родившимися в одном роде, — им запрещается общаться друг с другом.

В связи с изложенным должно стать ясным, что сестры всех степеней родства из рода удалялись. К оставшимся же в роде братьям поступало поколение чужих сестер, которые в свою очередь удалялись из другого рода. В связи с этим каждый род нивхов по женской линии оказывался связанным с двумя родами — родом тестя — *ахмалн''*, из которого поколение сестер приходило в род в качестве жен, и родом зятя — *ымг''и*, в который уходило в качестве жен все поколение сестер, родившихся в роде. Эти отношения могут быть представлены таблицей:

В чистом виде эта трехсторонняя родовая связь не существовала у нивхов уже при Л. Я. Штернберге (жен теперь берут уже не из одного рода), но и сейчас еще, через десятки лет после его исследований, она отчетливо прослеживается по данным терминологии родства, нормам брака и, что особенно важно, осознанию этой трехсторонней связи самими нивхами. Ошибка Л. Я. Штернберга в этом вопросе состояла в том, что он замкнул трехродовую связь кольцом, считая, что род тестя мог брать жен из рода зятя своего зятя. Такой союз трех родов он назвал фратрией. Между тем образование трехродовой брачной

кольцевой связи могло возникнуть только в результате разложения древних норм брака у нивхов. У восточносахалинских нивхов трехродовой кольцевой связи не существовало.

Уход сестер из одного рода в другой в качестве жен убедительно подтверждается и родственной терминологией нивхов. Все жены в роде называют друг друга сестрами: жены отцов называют жен сыновей младшими сестрами (*ат'ык, аск'*), а жены сыновей называют первых старшими сестрами (*нанк'*, *нанак*). Эта необычная, с нашей точки зрения, терминология может быть объяснена только тем, что жены в любом роде нивхов действительно были сестрами.

Теперь нетрудно понять, что отношения мужчин к женщинам (сестрам), поступающим к ним из другого рода, складываются иначе, чем отношения тех же мужчин к родным сестрам, поскольку приходящие становятся их женами. Примечательно, что у нивхов Сахалина отношения между мужьями и женами носят еще явные следы некогда существовавшего у них группового брака.

Сущность группового брака состоит в том, что группа мужчин (братьев разных степеней родства) состоит в общем браке с группой женщин (сестер разных степеней родства), где каждый для противоположного пола является мужем либо женой. Особенность пережитков группового брака у сахалинских нивхов состоит в том, что из этих брачных групповых отношений исключены старшие братья. Младшие братья могут жить со своими женами и женами своих старших братьев по роду. Старшие же братья могут жить только со своими женами, но с женами младших братьев по роду им жить запрещено.

Трудность исследования пережитков группового брака у нивхов обуславливается тем, что они завуалированы индивидуальной семьей, выступающей в их жизни на первый план. Индивидуальная семья, по видимому, образовалась у нивхов несколько столетий назад под влиянием проникновения в низовья Амура и на Сахалин торгового капитала, вызвавшего значительные изменения в их быту. До этого у них, вероятно, существовал групповой брак.

Сохранение за младшим братом права на жену старшего брата объясняется, вероятно, тем, что последний женился раньше младшего, а женщин, по-видимому, не хватало². Таким образом, сохранение этого права ограждало род от столкновений между братьями. Привожу факты, подтверждающие право младших братьев на жен старших братьев. Их изложение начинаю с рассказа Очи, записанного от него на нивхском языке. Жену сахалинские нивхи называют *аньг'и*.

(1) П'ымк-пандвух аньг'и г''эиньнт х'унт тор урнт. (2) Акандэшк''н' п'ымк-пандвух, п'ахмалгунух аньг'и г''энт. (3) Акандэшк''н' п'аск''шх''ан'гр п'ахмалгунух аньг'и г''эиньнт, п'аньг'и-рув г''эиньнт. (4) П'ахмалгундох'' вир йох'' шаг''д. (5) Ишн''- ахмалгун п'эхлн'' ишн хими-нындг''ун, х'ат т'охтндг''ун. (6) Х'арор п'в''орох'' пшыр, п'аск'' хэrr: «п'ахмалгундох'' вин, чх''ар тараны х'унввэ, х'ан х'унвх''ай уридра». (7) Йаск'' итнт: «Нан''а нафат сик т'ох''тх''арндг''унлэ?» (8) Йаки итнт: «Нафат урлакра, мишн он''ариботьих''арг'ар». (9) Йаск'' итнт: «Х'ымтьибэ, х'ымтьих''ай, ург'ар». (10) Йаки-аньг'и хэrr итнт: «Йанш ч'и х'унвндара? Эг'гур вийа! Нан''фкэ шан''к''ниг''вн''ат пандр наух'ан''а, нан''-

² По данным переписи 1926 г., на Сахалине было 1707 нивхов, из них мужчин — 971, женщин 736. См. также: [7, стр. 40].

фкэ эна-ниг''вгун пшын г'аг'н''а, чин аг''удох'' эг'рн, эна-ниг''вгундох'' т'ох''тинлах'' јэхуйло! Йанд п'ахмалгун к''ог'ол ишн ах''гндара? Эг'гур вир х'унвйа!» (11) Нан''а йаск'' итнт: «њи вииндра, ишн айвун х'унвиндра». (12) Йаск'' п'ахмалгундох'' вир х'унвнт. (13) Х'унвфкэ: п'аньг'и хэrr итнт: «п'орох'' винатэ!». (14) Йаньг'и т'ох''тнт: (15) Йаньг'и итнт: «эхинд х'ах''ай, эг'гун эхнатэ! П'ахмалгун к''ог'ол х'эхурор эхнатэ!». (16) Х'ат эхнт, п'в''орох'' пшыдг''ун. (17) Йаки аньг'и кузр, п'аск'' г''эр, тафтох'' шакнт. (18) Х'ат х'унвдг''ун. (19) Йаки п'аск'' аньг'и кэрин гэрд, тор уиг''инт; йаск'' п'аки аньг'и хэрнт урнт. (20) Йаки п'аск'' аньг'ирох'' «п'йох''» х'ар итнт, йаск'' п'аки аньг'ирох'' «п'аньг'и» х'ар итнт. (21) Йаск'' п'аки аньг'ихин роньт тамх тата, роньт иньта; йаки п'йох''хин роньн тамх таиньнт ыкинт, роньн иньдаг'р кэрта. (22) Х'ат х'унвфкэ:, йаск'' аньг'и к''офкэ: мун''а, шор куст, выкзнт. (23) Йаск'' аньг'и г'аврг'арр, п'аки аньг'ихис п'аньг'и варан''кр хэрд, х'унт урд. (24) Ишн п'акихин мэнн'' п'н''афк''н''афк'' хэрингэрнт, йаки н''а н''анг''инн''а, п'аск'' хэрингэрнт. (25) Палн''а н''анг''инн''а х'ымтын''гр итнт: «э! науг''ат н''а н''а нг''ин вих''ай уридра». (26) Нан''а йаск'' йаймр, п'лислирор, п'аки хрыр н''а н''анг''д. (27) Н''а н''анг''иро тэрт, йаки итнт: «ай! эг''х''ай уридра; нынг''вуру, нунт ншыnguил? тьифтын'' к''аврн''а!» (28) Ах пхыр эхиныр, йаки нуг''ира, йаск'' п'аки арира, уг''рыт пхыт, п'в''орох'' эхдг''ун. (29) П'в''орох'' пшыт, х'унвтот, йаки итнт: «науг''ат ч'о н''анг''г'ай, уридра». (30) Йаск'' йаймр п'лислизд. (31) Йаки мурых'' маг''р, йаск'' йари маг''д, к'э х'от, г'отьт, му сита, к''вэшкуну, мэньхуну, муг''рыр х'ан''кшкуну кэт шота, ч'о н''анхт видг''ун. (32) Ч'о н''анхтот, ах н''ыун''а, йаки итнт: «эг''г'ай, уридра». (33) Х'ан''т эг''дг''ун. (34) П'в''орох'' пшытот, х'унвтот, йаки лаг''д. (35) Йаск'' п'аки аньг'ирох'' п'аньг'и варан''кр урд, йайхур, к''ох''ар урра. (36) П'аки ньэвир х'ан''анан йаск'' п'аки аньг'ирох'' виингэрд. (37) П'аки индынг'аврн''а, нан''кр п'аки аньг'ихин осмудг''ун. (38) Х'ат х'унвфкэ:, йаки к''офкэ: мун''а, йаки наф уихин''а, п'аки аньг'и г''энт тор урнт. (39) Х'ымтын''т п'аки аньг'ихин вавт х'унвдг''ун.

Перевод

(1) Из места рождения своей матери жену брать — это закон хороший. (2) Старший брат из места рождения своей матери от тестей жену взял. (3) Старший брат для своего младшего брата у своих тестей жену взять собирається, сестру своей жены. (4) К своим тестям пошел невестку — йох'' сосватал. (5) Их тести своего ребенка им дать обещали, так согласились. (6) Потом, в свое селение придя, своему младшему брату сказал: «К своим тестям пойдн, дров поколи, поживи, так если поживешь, хорошо будет». (7) Его младший брат сказал: «Значит (тогда) теперь все согласились, что ли?». (8) Его старший брат сказал: «Теперь-то хорошо, нас будто пожалели». (9) Младший брат сказал: «Вот как, если так, то хорошо». (10) Жена его старшего брата, ему говоря, сказала: «Зачем ты сидишь? Быстрее иди! Потому что женщина-то полностью выросла, потому что другие люди придут, просить будут; что вы не хотите, подумают, [тогда] с другими людьми, может быть, согласятся; зачем на ум своих тестей надеешься? Быстрее иди, живи». (11) Тогда младший брат сказал: «Я пойду, у них жить буду». (12) Младший брат к своим тестям пошел, жил. (13) Долго жил, потом, своей жене говоря, сказал: «В свое селение пойдём». (14) Его жена согласилась. (15) Его жена сказала: «Если возвращаться, то быстрее возвратимся».

Со своими тестями (это) согласуй, а потом возвратимся». (16) Вот обратно поехали, в свое селение пришли. (17) Жена его старшего брата вышла, свою младшую сестру взяла, в жилище ввела. (18) Так жили. (19) Старший брат с женой своего младшего брата разговаривать не должен, закона нет; младший брат с женой своего старшего брата разговаривать может. (20) Старший брат на жену своего младшего брата «своя йох''» — так говорит; младший брат на жену своего старшего брата «своя жена» — так говорит. (21) Младший брат с женой своего старшего брата вместе табак курит, вместе ест; его старший брат со своей йох'' вместе курить табак [если будет] — плохо, вместе есть не должен. (22) Так долго жили, а потом жена его младшего брата долго болела, умерла, ее вынесли, похоронили. (23) Младший брат, жены не имея, с женой своего старшего брата как со своей женой разговаривает — это хорошо. (24) Они со своим старшим братом вдвоем друг с другом разговаривать не должны; старший брат, когда зверя промышлять будет, рыбу промышлять будет, своему младшему брату не говорит (т. е. не советуется с ним). (25) Старший брат, лесного зверя когда промышлять собирается, таким образом говорит: «Э-э, сегодня-то если зверя пойти промышлять, хорошо будет». (26) Тогда его младший брат, поняв, приговаривается, а потом вместе со своим старшим братом зверя промышляет. (27) Зверя не будучи в состоянии добыть, его старший брат говорит: «Ай, если воротиться, хорошо будет, хоть и ходить будешь, разве что-либо увидишь, следов и то не видно». (28) Вот обратно собралась идти, его старший брат впереди идет, его младший брат позади своего старшего брата идет, вместе обратно идя, в свое селение вернулись. (29) В свое селение вернувшись, живут, а потом старший брат говорит: «Сегодня-то рыбу если промышлять, хорошо будет». (30) Младший брат, поняв, приговаривается. (31) Старший брат к лодке спускается, младший брат позади него спускается; невод собрав, спустили, в лодку положили и, шесты и рулевое весло и черпак взяв, повезли, рыбу промышлять поехали. (32) Рыбу ловили, а потом вот, когда стемнело, его старший брат сказал: «Если воротиться, хорошо будет». (33) Тогда воротились. (34) В свое селение придя, жили, а потом старший брат в гости на собаках поехал. (35) Младший брат к жене своего старшего брата как к своей жене относится, под одним одеялом с ней лежит, спит, [это] хорошо. (36) При своем старшем брате младший брат к жене своего старшего брата идти не должен. (37) Старший брат когда не видит, тогда [младший брат] с женой своего старшего брата любят-ся. (38) Так жили, а потом старший брат долго болел, умер; когда старшего брата нет, жену своего старшего брата [в жены] взять закон хороший. (39) Таким образом, с женой своего старшего брата в брак вступив, жили.

* * * *

Научное значение приведенного документа о взаимоотношениях братьев между собой и с женами друг друга трудно преувеличить. Эти отношения распространяются не только на единоутробных братьев, но и на всех братьев по роду, поскольку носят групповой характер. Младшие братья имеют узаконенное обычаем право на жен всех своих старших братьев по роду. В этом и заключается сущность пережитков группового брака у нивхов.

Поскольку жена старшего брата молчаливо считается женой и младшего брата, то после смерти первого она, естественно, становится женой последнего. Таким образом, левират у нивхов является закономерным

следствием группового брака. Мне известен ряд случаев, когда младшие братья сохраняли супружеские права на жен умерших старших братьев.

У Паркызина был младший брат Хыдън'ан. У первого родился сын Тамайка, а у второго — сын Алексей. Тамайка был старше, а Алексей — младше. Первый женился на нивхинке Уле, а второй — на русской. Жена Тамайки приходилась Алексею *аньг'и* (женой). В 1953 г. Тамайка погиб, попав под трактор. Алексей на правах мужа, несмотря на то что он имел свою жену, открыто стал посещать жену своего старшего брата по роду Улю, которая родила от него сына. Паркызин и его жена Ляф-кук не дождавшиеся ребенка от Тамайки, ходили к Уле и помогали ей ухаживать за мальчиком, которого она родила от Алексея, словно это был их родной внук.

В 1957 г. мне пришлось быть у нивхов Тыми. Ко мне приехал из селения Агнево (примерно за 200 км от Чирунвда) сказитель Шызн'ьун, с которым я долгое время работал. Когда я спросил его, у кого он остановился, он, ничтоже сумняшеся, ответил: «У жены». Я удивился, так как его семья и жена остались в Агнево. Однако он своим рассказом разрешил мои сомнения. Шызн'ьун является членом рода Крыусфин'. У его отца Вахзывна был родной брат Гунач. У Гунача родился сын Тэфтин, а потом у Вахзывна родился он, Шызн'ьун. Тэфтин был старшим братом по роду, а Шызн'ьун — младшим. Тэфтин женился на нивхинке Товн'ит, которая приходилась Шызн'ьуну как младшему брату *аньг'и* (женой). Тэфтин погиб во время Отечественной войны. Приехав в Чирунвд, Шызн'ьун на законном основании поселился у *аньг'и* как у своей жены, несмотря на то что у него в Агнево осталась жена. Шызн'ьун сказал, что в селение Ванды у него тоже есть еще одна *аньг'и*.

Шызн'ьун продиктовал мне в 1957 г. на нивхском языке рассказ об истории его рода и некоторых его обычаях, в частности о брачных, где говорится: *ахмалгунух нышк аньг'и г'эта; ымг'иг'унух аньг'и г'эндюш уиг'ра, ькира; аньг'и г'эн'ы, п'аки аньг'ихиш п'аньг'ирох'' йушута; п'аск'аньг'и йох'рох'' йушута* — у тестевьев лишь жену берут; у зятьев жену брать закона нет, плохо; когда жену берут, то жену своего старшего брата своей женой (*аньг'и*) считают; жену своего младшего брата *йох''* считают.

После записи всего сообщения и перевода его на русский язык я попросил Шызн'ьуна подробнее рассказать на нивхском языке об отношениях младших братьев к женам старших братьев, но он отказался это сделать, мотивируя свой отказ словами: «Тогда это будет разврат». Он знал, что у русских таких отношений не существует, и боялся, что читатели неправильно поймут их, почему и воздержался от более подробного рассказа.

Обращаясь к мужу, жена называет его *ытьх* — старик, муж, а муж обращается к жене со словом *мам* — старуха, жена, реже — со словом *ньаньх* (буквально: моя самка). Это соответствовало нормам брачных отношений нивхов.

Одна молодая нивхинка из Чирунвда на мой вопрос, как она называет младшего брата мужа, мне сказала *ытьх* — муж, он же обращается к ней со словом *мам*, как и настоящий муж. И тот и другой могут сказать ей: *мамá, тамх тана* — жена, табак дай. Однако старший брат не может говорить жене младшего брата *мамá*, так как она приходит к нему *йох''*.

Убедительным доказательством существования пережитков группового брака у нивхов является письмо от 26 мая 1965 г., в котором одна

Сахалинская нивхинка ответила мне на некоторые вопросы, касающиеся отношений жен к братьям мужа по роду³.

В ответе на второй вопрос она пишет: «Как жена называет братьев мужа? Старшего *атк*, как родных, так и двоюродных, младших — мужьями, тех и других». Итак, жена всех старших братьев мужа по роду относит к категории *атк*, куда отходят и старшие братья отца (*аткытьх*), младших же братьев мужа по роду она именует мужьями. О том, что это название не пустой звук, что с ним связаны реальные супружеские отношения, говорится в ответе на третий вопрос. «С младшим [братом мужа] она [жена старшего брата] может все, если разрешит муж: курить, жить, вообще все». Придаточное условное, введенное в письмо информаторшей, не имеет никакого значения, так как эти отношения законны, однако в присутствии мужа они, естественно, не могут быть осуществлены.

Чтобы понять важность других фактов, сообщаемых в письме, надо знать, что нивх. Н. — муж младшей сестры информаторши. Так как сестра жены также приходится мужу *аньг'и* (если она не находится замужем за младшим братом), то муж сестры информаторши предъявлял на нее права как на жену, но получил отказ. Интересно ее сообщение о том, что приехавшие к ним в гости незнакомые ей нивхи, являвшиеся братьями по роду мужа ее младшей сестры, стали претендовать на нее как на *аньг'и*, каковой по обычаям нивхов она им была. Так как моя информаторша представляет собой нивхинку современную и критически относящуюся к древним обычаям своего народа, то ее потенциальные мужья получили отказ. Как-то, рассказывала она мне, к ней пришел незнакомый нивх, стал называть ее женой, а ее сына — своим ребенком (моя информаторша была замужем за корейцем, с которым она разошлась). Она спросила его, на каком основании он ее так называет. Когда он ей сообщил, что является мужу ее младшей сестры братом по роду, то ей стало понятным, что по обычаю он имеет на нее права как на жену, но она ему по-русски сказала: «Вот тебе бог, а вот порог» — и выгнала его.

Мужчина у нивхов имеет супружеские права не только на жен своих старших братьев по роду, но и на незамужних сестер этих жен, находящихся еще в роде своих родителей, т. е. роде тестя. Вот что мне рассказал об этом на нивхском языке Очи:

(1) П'ахмалгундох'' чмар винт. (2) Чмар вин'а, йахмалн'' уиг''ин'а, йахмалн'' аньг'и вышк х'унвн'а, хэрингэрд. (3) П'атьмамаг'р макыриг''р хэрингэрд, пай экн''айухэ хэрд''урд, п'аткытьхаг'р макыриг''р хэрингэрд, пай экн''айухэ хэрд''урд. (4) П'аньг'и аск''рох'' п'аньг'и варан''кр хэрд''лаира, эхн''авра, х'ымтьыл урд. (5) П'аньг'и аск''рох'' йототнт: «нън''афк'' шактох'' видн''а?» (6) Йаньг'и рувн'' итнт: «чх''ар н''ар винт». (7) Ышк п'аньг'и аск''рох'' вир йайхунт — х'унт тор урнт. (8) Ахмалн'' йэхух''ай напы умг:аврд, т'а п'н''афк'' х'ан'а, х'ымтьин''гр умигэрд. (9) Йахиун'' йэхух''ай, ньэсн''алинт, п'эоранр к'эринт аг''унт.

³ В письме встречается термин *бывк*. Со звонких смычных слова в нивхском языке не начинаются. Вероятно, это слово произносится *пыфк* < *пуйфк* (муженек) от малоупотребительного слова *пу* (муж). Автор письма во время моего пребывания на Сахалине в 1960 г. сообщила мне, что в селении А есть два брата, которые живут с одной женой. Их имена она отказалась мне назвать. О других известных мне случаях сожителства двух братьев с одной женой у нивхов см. в кн.: Е. А. Крейнович, Нивху, М., 1972.

Перевод

(1) К своим тестям в гости идет. (2) В гости приходит, его тесть отсутствует; когда жена его тестя только есть, разговаривать [с ней] не должен. (3) С матерью своего тестя напрямую разговаривать не должен, в сторону глядя, [обиняком] разговаривать хорошо; с отцом своего тестя напрямую разговаривать не должен, в сторону глядя, [обиняком] разговаривать хорошо. (4) С младшей сестрой своей жены как со своей женой разговаривать, смеяться — таким образом хорошо. (5) Младшую сестру своей жены спрашивает: «Мой приятель куда пошел?». (6) Сестра его жены говорит: «За дровами пошел». (7) Ночью к младшей сестре своей жены идет, под одним одеялом с ней лежит — это закон хороший. (8) Тесть, хотя и услышит, не сердится, так как она не свой товарищ [т. е. не принадлежит к их роду. — *Е. К.*], поэтому не сердится. (9) Ее брат, если услышит, стыдиться будет, но своей сестре говорить не зачет.

Незамужние сестры жен, находящиеся еще в роде своих родителей, также относятся сахалинскими нивхами к классу *аньг'и* — жен. Таким образом, у сахалинских нивхов интимные физические связи допускаются не только со своей *аньг'и*, но и со всеми женщинами, которые относятся к категории его *аньг'и*. Этот вывод подтверждается свидетельствами самих нивхов, как мужчин, так и женщин.

Приведенные материалы показывают, что Л. Я. Штернберг раскрыл в конце XIX — начале XX в. самые скрытые и труднодоступные для исследования стороны общественного быта нивхов — пережитки группового брака, которые доныне существуют еще у сахалинских нивхов⁴.

Следует отметить, что нехватка женщин у нивхов и некоторые другие обстоятельства привели к тому, что на материке стали разрушаться древние нормы брака. В селении Коль и у лиманских нивхов мной зарегистрированы единичные случаи, когда мужчины брали себе жен в том роде, куда отдавали в жены своих сестер и дочерей. На основании подобных фактов, приводимых А. В. Смоляк в ее работе, она приходит к выводу, что «взаимный обмен женами широко практиковался нивхами» [6, стр. 285]. Согласиться с таким выводом невозможно, так как нивхи, с которыми я беседовал по поводу таких фактов, осознавали их как результат нарушения древних норм брака.

В заключение хочу еще отметить следующее: А. В. Смоляк не согласна с моей работой, в которой описывается право родовой и семейной собственности на промысловые угодья у нивхов [4, стр. 711—754]. Одним из ее аргументов является то, что это право не отмечалось другими исследователями. Однако родовую и семейную собственность на заездки для лова кеты у нивхов еще в 1900 г. описал В. К. Бражников, изучавший рыболовство в низовьях Амура: «Из года в год, — сообщает он, — заездок городится на одном и том же месте, и это место передается из рода в род по наследству от отца к сыну и есть как бы недвижимая собственность, освященная обычаем» [2, стр. 57—58]. Даже сообщение Л. Я. Штернберга о родовой семейной собственности на речки, где ловили петлями соболей, берется ею под сомнение. Между тем нивхи точно указывали мне географические пункты, приводили их наименование и сообщали, что они являются собственностью такого-то ро-

⁴ В 30-х годах мною были опубликованы аналогичные материалы, собранные от сахалинских нивхов — Сарата из Потова и Ландьорофа из Чайво [4, стр. 748—754].

да, такой-то семьи. Таким образом, мои выводы основаны на неоспоримых показаниях самих нивхов. Наличие у нивхов родовой и семейной собственности на промысловые угодья — неопровержимый факт.

1. Энгельс Ф., Вновь открытый пример группового брака,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 22.
2. Бражников В. К., Осенний промысел в низовьях Амура, СПб., 1900.
3. Крейнович Е. А., Гиляцко-тунгусо-маньчжурские языковые параллели,— «Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР», т. VIII, М.—Л., 1955.
4. Крейнович Е. А., Пережитки родовой собственности и группового брака у гиляков,— «Вопросы истории доклассового общества». Сборник статей к пятидесятилетию книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», М.—Л., 1936.
5. Крейнович Е. А., Фонетика нивхского языка, М.—Л., 1937.
6. Смоляк А. В., Социальная организация народов нижнего Амура и Сахалина в XIX—начале XX в.,— сб. «Общественный строй у народов Северной Сибири», М., 1970.
7. Штернберг Л. Я., Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, Хабаровск, 1933.

Р. Я. Рассудова

**СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА В БАССЕЙНЕ НИЖНЕГО ДАРГОМА
ЗЕРАВШАНСКОЙ ДОЛИНЫ
(КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX в.)**

Задача настоящей статьи — проследить некоторые изменения производственных отношений в бассейне Нижнего Даргома Зеравшанской долины¹ начиная со второй половины XIX в. до второго десятилетия XX в.

Полевые материалы, собранные нами в 1960—1963 гг., освещают производственную жизнь и взаимоотношения различных категорий крестьян в пределах сельской общины, границы которой в описываемый период не совпадали ни с административным делением, ни с селениями.

На Нижнем Даргоме сельская община находилась на поздней стадии разложения. Здесь уже исчезли пределы пахотных земель между ее членами, но еще сохранялись согласованное ведение полеводства, коллективные работы, различные формы взаимной помощи. Крестьяне были частными землевладельцами. Прослеживается усиление дифференциации крестьянства: с одной стороны, обезземеливание бедняков и уход их из общины, с другой — появление новых эксплуататоров, ограничение коллективных работ в их среде.

Население бассейна Даргома XIX в., как и всей долины, сформировалось к XIX в. в результате восстановления ирригации и всей хозяйственной жизни после продолжительных междоусобных войн в Бухарском ханстве XVI—XVIII вв. Как отмечает ряд исследователей края, в оседании племен и родов отразились этапы освоения долины [3, стр. 1—63; 4, стр. 1—109]. Судя по значительности занимаемой территории и компактности расселения, одними из первых пришельцев в долине считаются скотоводы найманы. Они заняли всю нижнюю предгорно-степную часть долины между Самаркандом и Каттакурганом. Как и в других племенах, бедная часть найманов поселилась в орошаемых районах, в бассейне Нижнего Даргома, в предгорных долинах и перешла к земледелию. К западу и востоку от найманов, а также в бассейне магистрального канала Тар арык, следующего к западу от Ертешар арыка, поселились арабы, в основном выходцы из Каршинских районов. На севере найманов окружали селения мангытов. Среди всех этих племен встречались небольшие группы таджиков, ходжа и

¹ Бассейн Нижнего Даргома полностью входит в Пастдаргомский район Самаркандской области. Он расположен к западу от г. Самарканда.

Отдельные семейства русских, впервые появившиеся здесь еще в 1868 г., т. е. вскоре после завоевания края царской Россией.

Независимо от размеров тех или иных этнических групп, от компактности или их разбросанности селения обычно состояли из представителей одного рода. Жители каждого селения разделялись на несколько семейных групп — *туп*². Женщин чаще отдавали в другие тупы своего кишлака или в один из тупов трех соседних селений, составлявших одну сельскую общину.

Бассейн Даргома разделялся на две основные части: *улахат*, *паст*³ — на севере и *чул*, *дашт*⁴ — на юге. В северной, или долинной, части все земледелие было основано на искусственном орошении; в южной же, или предгорно-степной, полосе орошаемых земель было мало, и их занимали в основном под сады, а полеводство велось на неполивных землях.

Система Нижнего Даргома начиналась тремя магистральными каналами — *катта арык*⁵: Хишрау, Димишк, Ертешар (это — восточная граница бассейна, она проходила вблизи г. Самарканда, на западе от него). От каждого из этих каналов отходили второстепенные — *шах арык*⁶; последние разветвлялись на четыре еще более мелких канала — *кишлак арык*⁷. Эта ирригационная система лежала в основе административного деления населения. Так, одним магистральным каналом орошались земли одной низшей административной единицы — сельского общества *даха*, *дум*⁸, объединявшего несколько сельских общин (в последние входило четыре селения). К землям каждой общины вода подводилась шах арыком, а кишлак арык служил водным источником для полива земель одного из четырех селений сельской общины. Таким образом, в бассейне Нижнего Даргома каждая община имела один общий канал и четыре внутренних канала, соответствовавших числу селений⁹. На системе канала Ертешар (начиная от верховьев) кишлаки Валакандоз, Зангуи, Бахшивои и Кальходжа получали воду из шах арыка Валакандоз; кишлаки Бухори, Эскимачит, Сарай и Чала — из шах арыка Сарай; кишлаки Урта, Эски, Катта, Паст Чархин — из шах арыка Чархин; кишлаки Туртхукуз, Синчи, Малакай и Янги — из шах арыка Уклан; наконец, в кишлаках Туркман и Ертешар разбиралась вся вода канала Ертешар. Такое же положение было и на ма-

² Туп — собрание, группа.

³ Улахат (или вилайет) — область; так называли жители предгорий допные орошаемые районы; паст — низина.

⁴ Чул, дашт — степь; местное население чулем называет такие места в степи, где можно только выпасать скот, а в даштах возделывали яровые злаковые, по живнью которых выпасали скот. Значение этих народных географических терминов весьма подробно анализировано Б. Х. Кармышевой, начальником Зеравшанского отряда («Таджикско-узбекский народный географический термин Вилайят», — «Этнография имен», М., 1971, стр. 212—217).

⁵ Катта арык — большой (главный) канал.

⁶ Шах арык — канал с ответвлениями.

⁷ Кишлак — селение; кишлак арык — канал селения.

⁸ Даха — название сельского общества в ханское время. К началу XX в. оно было вытеснено словом «дум», употреблявшимся, однако, только среди населения; значение этого слова пока не удается выяснить.

⁹ В восточной части Мيانкальского междуречья, образованного двумя рукавами Зеравшана и примыкавшего к бассейну Нижнего Даргома с севера, земли каждого кишлака сельской общины орошались из трех каналов, что обуславливалось разделением полевых земель в общине на три вида угодьев, расположенных отдельными массивами. Каждое угодье занимали определенными культурами, которые затем земледельцы данной общины меняли по общему согласию. Расположение наделов крестьян в трех разных местах усложняло им ведение хозяйства и организацию труда в общине. Подобное положение существовало и в верховьях Кашка-Дарьи в Шахриязском оазисе.

гистралы Димишк. Кишлаки Дунг, Кепакул, Милтыкчи и Мирзотупи орошались шах арыком Дунг, известным в верхней части под названием Димишк-боло, а в низовьях — Дам; кишлаки Миянкоу, Баят, Урта и Балталы находились на шах арыке Миянкоу или Кутарма; кишлаки Пустак, Балхиен, Галабатир и Унаки — на шах арыке Балхиён; кишлаки Янги-карасыйрак, Эски-карасыйрак, Мирзотупи и Баймак — на шах арыке Карасыйрак; кишлаки Катта, Равак, Намазго, Ит — на шах арыке Катта. Канал Димишк завершался Чортутской группой кишлаков. На магистральном канале Хишрау находились группы кишлаков Арабхона, Чордара, Бухары и др.

Размеры этих селений в XIX в. были невелики; в 80-х годах XIX в. число хозяев в них колебалось от 9 до 67, в 20-х годах — от 18 до 250 [2, стр. 76 и сл.; 9; 13]. Из указанных кишлаков наиболее крупные располагались в верхних частях магистралей и являлись наиболее древними.

Каждые четыре кишлака, имевшие свои наименования, выступали еще под общим названием. Таковы группы кишлаков Димишк [1, стр. 114], Миянкоу, известный и как Гуркау, Балхиен, прежде называвшийся Заафранчи [3, стр. 60]. Другие селения, возникшие позднее, хотя также объединялись одним общим названием, но были менее крупны и располагались ниже первых групп. К ним относились кишлаки Валакандоз, Чортут, Чархин, Пчакчи и т. д. Остальные кишлаки, образовавшиеся лишь примерно лет 100—150 тому назад, также составляли группы, однако общим названием они не были объединены. При этом среди перечисленных кишлаков группы из четырех селений, независимо от времени их возникновения, наличия или отсутствия общего названия, представляли собой одну сельскую общину.

Среди местного населения каждая община имела два названия: *караказан* — черный котел и *казаншерик* — товарищи по котлу. Крестьяне каждого караказана выбирали одного человека, который ведал делами своей общины. С помощью кишлачных старейшин он следил за чисткой оросительных каналов (магистральных, своих шах арыков и кишлачных), за водоемами в кишлаках, за очередностью поливов, за севооборотом на полях, за куплей-продажей земель, за общественными котлами и т. д. Этот выборный староста группы кишлаков, т. е. сельской общины, назывался *элди джугуртаги*, т. е. «человек, состоящий на побегушках у народа». Официально он был известен как *элликбоши*, т. е. пятидесятник.

Каждая община имела два общественных котла различных размеров, известных под несколькими названиями: *казаказан*, *туй*¹⁰ *казан*, *джурт казан*¹¹. Большой котел вмещал один батман риса, т. е. 8 пудов, или 148 кг, второй был поменьше. Эти котлы приобретались на средства всех домохозяев, входивших в одну сельскую общину. Сбором денег, покупкой и доставкой котлов ведал элликбоши. За сохранностью котлов в общине следили женщины. Ими пользовались все члены на одинаковых правах, ни в какую другую общину свой казан нельзя было отдавать. Котлы оставляли обычно в том доме, где последний раз ими пользовались. Котлы употреблялись для приготовления плова и шурпы на свадьбах, поминках; их брали на сайли, женщины в них варили *сумалак* — весеннее ритуальное блюдо (густой кисель из солода

¹⁰ Туй — свадьба. В описываемых районах туйем называли не только девичью свадьбу, но и торжества, устраивавшиеся по поводу обрезания мальчиков, и похороны, и поминки.

¹¹ Джурт — общество, круг родственников, родина.

специально пророщенной пшеницы). На новый год (конец марта) большой котел ставили в мечеть и в нем соединяли семь различных блюд, приготовленных хозяйками дома. Затем, разогрев еду в казане, разливали ее в чашки и подавали каждому из собравшихся на эту новогоднюю общую трапезу — *джил оши*¹².

Вскоре после новогодней общественной трапезы в общинной мечети крестьяне приступали к коллективным работам по очистке ирригационной системы

Каждая община выставляла людей в соответствии с долями воды, отпускаясь в ее шах арык в период введения очередности в водопользовании. Здесь воду измеряли «парой волов» — *куш*, т. е. количеством воды, необходимым для полива посевов на участке, вспаханном парой волов за весенний период посевов. Один куш воды разделяли на восемь *бюнтуруков*¹³, т. е. на восемь частей, и за каждую из этих частей на общие работы давали одного человека. Исходя из этого расчета община Миянкоу за 5 кушей воды посылала 40 человек, община Балхиен за 6 кушей — 48 человек, Карасыйрак за 5 кушей — 40 человек, Чархин за 12 кушей — 96 человек, Валакандоз за 12 кушей — 96 человек и т. д.

В случаях же разрушений каналов или головных сооружений на восстановление их выходили все трудоспособные мужчины независимо от количества получаемой общиной воды. Участок магистрального канала от его начала до отделения от него первого общинного канала шах арык мирабы распределяли между общинами.

Шах арык чистили крестьяне одной общины, затем они разделялись на группы и переходили на свои кишлачные арыки. Мелкие каналы, подводившие воду на наделы отдельных хозяйств, очищались всеми членами семьи. Если же наделы были очень мелкие, то их хозяева, чтобы получить свою долю воды, также объединялись для совместной очистки канала.

Работами на магистральных каналах руководил *мираб* — распределитель воды по общинным шах арыкам, назначавшийся в волостном управлении и там же получавший плату. Ему помогали элликбоши. Последние совместно с кишлачными представителями следили за общими работами на шах арыке и кишлак арыке. Они же открывали воду для полива отдельных наделов крестьян. За свой труд элликбоши получал натурой от крестьян во время «поднятия тока» *хирмон кутарганда*, т. е. из доли урожая любой полевой культуры.

Планировка полевых земель крестьян соответствовала расположению их домов внутри кишлака, т. е. соседи в кишлаке являлись соседями и по земельным наделам в поле. Однако уже в начале XX в. это положение все больше стало нарушаться из-за продажи земель русским и таджикам, закупки земель у разорявшихся хозяев новой, зародившейся в период хлопкового ажиотажа торгово-ростовщической прослойкой в самом кишлаке и, наконец, из-за выдачи замуж девушек в другие караказаны. Тем не менее в Нижнем Даргоме соответствие между расселением крестьян в кишлаке и расположением их наделов в поле сохранялось в большой степени вплоть до образования здесь колхозов.

Соседское право на покупку земли — *шафи хаки* — в дореволюционном кишлаке — общеизвестный факт в этнографии. Оно существовало и в рассматриваемом районе. Хозяин, вознамерившийся продать свою

¹² Д ж и л — год; о ш — еда.

¹³ Б ю н т у р у к — ярмо.

землю, сначала обращался к соседям «с четырех сторон». Однако в изучаемом районе этим не ограничивались. В случае отказа четырех соседей купить землю он спрашивал «турт хамсояннинг оркасини», т. е. «следующих за их спинами соседей», и так обходил весь свой кишлак. После этого землевладелец сообщал о своем намерении элликбоши. Последний доводил до сведения домохозяев всей общины. Если не было желающих, то элликбоши шел к элликбоши той соседней группы, с которой они были *туйдаш*¹⁴, т. е. откуда обязательно приглашали на свои свадьбы определенное число людей. Если земля была больших размеров, то о ее продаже сообщалось даже думу — главе сельского общества.

Соблюдение этих правил было важным не только для соседей, но и для нового хозяина, ибо впоследствии при ведении своего хозяйства и пользовании водой он тесно будет связан с другими жителями этого кишлака.

Кишлачные земли под загородные усадьбы покупали русские чиновники (гражданские и военные) и самаркандские таджики, в основном ремесленники. Земли русских сосредоточивались среди земель мангытов среднего и нижнего течения Ертешар арыка, т. е. в Чархинской и Синчинской группах, и на Демишк арыке, ближе к Балхиенской группе. Усадьбы таджиков входили в найманские группы кишлаков (Катта-Карасыйрак, Миянков).

Как русские, так и таджики, живя летом на своих загородных участках, старались приобщаться к жизни населения кишлаков: посылали во время праздников в мечети фрукты из своих садов, участвовали в общественных работах (чистка *хаузов* — водоемов, ремонт мечетей, восстановление оград вокруг священных мест — *мазарат*, кладбищ — *куинди* и т. д.), причем русские обычно давали деньги, таджики — продукты или какие-либо строительные материалы и всякий раз добавляли: «Биз хам казанларингизга шерик», что означало: «Мы также принадлежим вашему котлу».

Свои орошаемые земли крестьяне в первую очередь делили на *очик* — открытые и *курик* — загороженные, которые имели много разновидностей. На «открытых» землях, т. е. полях, крестьяне сеяли зерновые, бобовые, маслянные культуры, хлопчатник, овощи, дыни, арбузы и некоторые другие. По жнивью на полях выпасали скот до Новогоднего праздника (конец марта). После нового года элликбоши объявлял об окончании пастьбы скота на возделывавшихся землях. Поэтому крестьяне прекращали выпускать скот на поля и «привязывали его на колышки». С этого времени каждая община нанимала *подачи* — пастуха для пастьбы коров, за овцами смотрели дети. Богатые хозяева, если у них не было своих детей, договаривались с теми (но в своем казаншерике),

¹⁴ В описываемом районе туйдашами назывались соседние сельские общины, обязанные приглашать друг друга на свои свадьбы. Отношения туйдаш существовали только между двумя сельскими общинами, каждая из которых с другими не имела подобной связи. Несколько иное положение было на правом берегу Акдарьи в Ярбашинской волости. Здесь также две соседние общины считали друг друга туйдаш. Однако каждая из них была туйдаш еще с одной соседней общиной. Таким образом, здесь одна сельская община находилась в отношениях туйдаш с двумя общинами, т. е. туйдашами являлись одновременно три общины. Свое приглашение в туйдаш караказаны посылали его элликбоши. Последний сам выбирал, кого послать к соседям, при этом он учитывал близость родства с устроителями торжества. Число приглашенных зависело от материального положения «хозяина свадьбы» — *туйнинг эгаси*. Приглашение же выражалось так: 5—6..тавок туйга, т. е. им предоставлялось 5—6 свадебных блюд. Иными словами, приглашалось 15—18 человек, ибо одно блюдо с основным угощением, пловом, ставили перед тремя гостями.

у которых были мальчики лет 7—10, брали их себе в услужение и поручали им пасти овец и охранять посевы. За работу сначала давали лишь еду и одежду. По достижении 12-летнего возраста *мучал* — мальчик становился *йетим бола*¹⁵ — мальчик-прислужник и ему начинали выплачивать небольшую сумму, обычно составлявшую четвертую часть платы взрослого человека — работника йетима.

По всем магистральным каналам каждый крестьянин независимо от достатка разделял свои поля на три неравных клена. Самый большой участок отводили под озимые, которые мало поливались (1—2 раза), раньше созревали и не требовали дополнительных работ. После снятия урожая одну часть этого клена занимали вторыми посевами — джугарой и кукурузой, другую часть — арбузами и дынями. Второй клен засевали хлопчатником. Вторые культуры и хлопчатник необходимо было окупивать, часто поливать, и все они созревали осенью. Посевы первого клена крестьяне называли *ак* — белые, второго клена — *кук* — зеленые. Третий клен отводили под пар — *шудгар*. Размеры полевых кленьев различались по отдельным караказанам. На землях узбекских групп кишлаков пара было больше, чем в других, хотя и более удаленных от Самарканда.

Большинство членов сельской общины размеры кленьев оставляли без изменений, они изменяли лишь расположение посевов и пара на своих наделах¹⁶. При выборе культуры каждый крестьянин учитывал не только свои возможности, но и планировку полей своих соседей. Это согласованное землепользование существовало во всей общине, но в отдельных кишлаках оно практиковалось систематически¹⁷. Крестьяне, соседи по землям (а обычно они были соседями и в кишлаках), старались одинаковые культуры посеять на смежных участках и паровые кленья сосредоточивали по мере возможности в один массив¹⁸. В результате такой согласованности крестьяне каждой общины в первую очередь экономили воду.

Очередность в водопользовании между общинами, а внутри них между кишлаками и отдельными хозяйствами устанавливалась примерно со второй половины мая до августа. Введение очередности поливов вызывалось недостаточностью воды именно в то время, когда необходимо было поливать все растения одновременно всем хозяйствам. Решение этого вопроса регулировалось правильным соотношением культур, требующих поливов, различных по количеству и по времени. Кроме того, максимальному использованию воды способствовало и соглашение между соседними крестьянами сосредоточивать одинаковые культуры на смежных участках.

Со времени введения очередности эликбоши и один-два аксакала, старейшины данного кишлака, начинали следить за пользованием воды.

¹⁵ *Йетим бола* — ребенок-сирота. Йетимом называли годовых рабочих, нанявшихся на сельскохозяйственные работы в селениях; в городах они выполняли домашние работы, смотрели за скотом.

¹⁶ Существование подобного согласованного распределения угодий отмечено в ряде мест Самаркандской области [см. 8, 14].

¹⁷ Об общинном землепользовании в горных районах Бухарского ханства см. [6; 7].

¹⁸ Здесь, как видно, крестьяне имели землю в одном месте, каждый из них разделял ее на кленья. Однако в ряде районов земля одного хозяйства разделялась на участки, расположенные в разных местах, в результате чего вся земля общины оказывалась разделенной на ряд больших участков [см. 8, 14]. При этом, как мы выяснили, в Шахрисязском оазисе, в Дагбитской волости Самаркандской области к каждому селению вода протекала по трем общим каналам. По-видимому, эта система каналов и отражала подобно распределение угодий в общине.

Они разрешали открывать *кулок*¹⁹ крестьянам, если их земли располагались первыми по течению²⁰ или поливавшиеся посеы непосредственно примыкали к арыку кишлака. Дальше вода протекала с одного клина на соседний, поливая одинаковые культуры. При таких поливах и очередности не было необходимости каждому крестьянину открывать свой кулок на кишлачном арыке, что позволяло сберечь воду от напрасного поглощения ее сухим руслом арыка.

В зависимости от размеров земли и особенно засеянных клиньев крестьяне объединялись для поливов в группы (в основном бедняки). Так как доля воды и время поливов определялись размером земли, то, разумеется, для небольших участков приходилась очень незначительная часть кишлачной воды, которой можно было пользоваться в ограниченное время. Тем не менее для полива даже маленького клочка земли, да еще в короткий срок, требуется определенный напор воды. Поэтому бедняки постоянно составляли группу, чтобы образовать одну большую долю воды, количество которой, а следовательно и сила течения позволяли бы обеспечить полив земли. Члены такой группы уступали всю долю каждому в отдельности; в результате этого все успевали полить свои посевные наделы в установленную для их кишлака очередь. Такие водные объединения крестьян существовали не только в низовьях ирригационных систем, но и в их верховьях. Однако причины возникновения подобных групп в них были различные. В низовьях существование их объяснялось недостатком воды, а в многоводных верховьях — более значительной социальной дифференциацией²¹.

Сосредоточение сходных посевов на одинаковых клиньях помимо выгоды в пользовании объединенной кишлачной водой давало крестьянам ощутимую пользу и в организации полевых работ, и в дополнительном использовании земли для других целей. В течение года крестьяне каждого кишлака постоянно в различных формах помогали друг другу. Для вспашки полей несколько семейств объединялось в группу — *альгоу*²². Обычно эти семьи являлись соседями по земле, имевшими по одному волу (таких здесь было большинство), они составляли одну воловую упряжку. Количество членов альгоу зависело от конфигурации земель, от необходимости иметь запасных волов. К ним мог присоединиться крестьянин, у которого не было рабочего скота. Этот крестьянин сначала пахал землю своим компаньонам за пользование скотом, затем переходил на свой участок. Иногда в альгоу объединялись крестьяне разных селений, но обязательно из одной общины. За скотом крестьяне обращались и к своим соседям по дому в кишлаке, т. е. они пользовались своим соседским правом. Но на основании этого пра-

¹⁹ Место, где вода из арыка поступает на поле.

²⁰ В других районах полив начинался с земель, расположенных внизу канала. Объясняли это тем, что в противном случае нижние земли могли остаться без воды, которая уменьшалась обычно к концу срока очередности пользования ею; кроме того, увлажнение сухого русла кишлачного арыка происходило за счет воды нижних хозяйств, что считалось несправедливостью. Так как каждый хозяин открывал воду на свой участок непосредственно из общего арыка, то и не отмечался пропуск воды с земель одного хозяина на землю другого, как это делали крестьяне Нижнего Даргома.

²¹ Объединение крестьян с целью получения необходимого для полива количества воды отмечено во многих районах, где существовала очередность в водопользовании: в низовьях Зеравшанской долины, к западу от Бухары, в северо-восточной части долины, в Южной Фергане [см. 11, 12].

²² Альгоу считается супрягой, когда два крестьянина, имевшие по одному волу, объединяли их для составления одной упряжки и по очереди пахали свои земли [10, стр. 705]. Из другого определения альгоу — форма отработок за временное пользование скотом зажиточных [5, стр. 86].

ва просителю давали упряжь только на один день, полагая, что получивший не шадит, не кормит волов и якобы говорит: «На два дня не даст (быков), за один день не сдохнут» (Икки кунга бермас, бир кунга улмас).

Работы по подготовке земли к посеву пшеницы и по ее выращиванию выполнялись каждой семьей самостоятельно.

Для жатвы крестьяне устраивали помочи — *хашар*, приглашая всех соседей. На помочи мог быть приглашен и не сосед: зачастую оказывалось, что устроитель хашара прежде в чем-то ему уже помогал, и он теперь оплачивает свой долг или же на хашар он пришел с тем, чтобы в будущем иметь возможность просить хозяина помочь ему.

Работа крестьян на жатве, как и некоторые другие виды помочей, не оплачивалась. Однако хозяин помочей должен был хорошо кормить всех участников. Сообща работали и на току — *хирман*, для которого старались отвести как можно меньше земли. Поэтому крестьяне, имевшие смежные участки с одинаковыми культурами, устраивали один общий ток на данный сезон. Обмолот зерна производили по очереди, помогая друг другу. Число участников зависело от величины пшеничного клина, наличия рабочих рук в семье владельца поля. Обычно сначала обращались к соседям, с которыми имели смежный участок. На границе кишлачных земель в таких хашарах участвовали крестьяне нередко из двух-трех кишлаков этой общины. Кормил тот крестьянин, зерно которого обмолачивали.

Во время жатвы или после ее окончания в поле появлялись собиратели колосьев, падавших на землю, — *мошокчи*. Это были в основном дети и старики; они ходили по полям не только своего кишлака, но и по другим, однако только своей общины.

Наконец, на поля, с которых снят урожай — *ангор* и собраны колосья, все хашарчи выпускали свой скот, хотя бы на несколько дней. При этом старались, чтобы он ходил по всем полям. Пастьба скота на полях была важна не только для использования трав, но и для внесения удобрения.

Не менее важным являлись помочи и по обработке джугары, кукурузы и хлопчатника. В отличие, например, от Ферганской долины на Зеравшане крестьяне почти все полевые культуры, за исключением арбузов и дынь, высевали вроссыпь и поливали способом затопления. Для этого поле разбивали на пал — мелкие прямоугольные участки, отделенные друг от друга валиками. Трудность обработки этих культур заключалась не только в частых окучках, но и в необходимости хорошей нивелировки поверхности, чтобы вода протекала по всему палу и равномерно орошала все растения.

Это была трудная и сложная работа, и с ней не всякий мог справиться. Особенность этих хашаров заключалась в том, что здесь созывали не просто соседей или односельчан, а тех крестьян, которые были как бы специалистами по окучке. Они проживали разбросанно во всех кишлаках и ходили на работу друг к другу и к тем людям, которые их об этом просили; но и тогда не выходили из своей общины. Приглашения поступали по существовавшей очередности, которая, как правило, обуславливалась очередностью поливов. Среди участников хашара по окучке молодых было больше, чем людей пожилого возраста. Численный состав их не оставался постоянным; работающих насчитывалось больше всего на первых двух, наиболее ответственных окучках. Смотря по обстоятельствам, эти люди разбивались на группы и расходились по кишлакам, причем одна группа могла состоять из людей разных кишлаков, но обязательно из одной общины. Помогавшие в окучке джуга-

ры и хлопчатника также работали за питание, но все старались их кормить особенно хорошо.

Во втором десятилетии XX в. начинают вознаграждать труд участников помочей. В узбекских кишлаках их стали одаривать сначала за окучку джугары, посевы которых занимали значительные площади, затем и за хлопчатник. Обычно в декабре после окончания всех полевых работ, когда богатеи рассчитывались со своими рабочими (чайри-корами, йетимами), когда в кишлаках мужчины уже договаривались об устройстве мужских собраний — *гаштак*, нескольким участникам помочей по окучке делали подарки от имени жителей кишлака, других одаривали в следующие годы. Подарок вручал почтенный старик на каком-либо большом собрании: семейных празднествах, во время пятничных молитв. Первое время подарки были крупными (например, халаты, одеяла), и потому их давали немногим. Впоследствии одаривали уже большее число людей, но лишь тибетейками, поясными платками, рубашками и т. д. Все эти вещи заранее готовили женщины каждого кишлака.

В 30-х годах стали давать подарки всем участникам хашара, но только одного вида. Это было удобнее во многих отношениях: и подарки изготовлять было легче, и никто не оставался в обиде.

Осенью срезание стеблей джугары и кукурузы и обломка их головок и початков также выполнялись помочами, но в этих работах большей частью участвовали соседи по землям со своими семьями. Мужчины срезали стебли, женщины тут же отламывали головки. На току работали только мужчины: молотили, провеивали, ссыпали зерно в специальные мешки и перетаскивали в амбары, в кишлаки.

Из многих полевых работ, требовавших быстрого выполнения, только на сбор хлопка не созывали помочи. На эту работу нанимали сборщиков даже из других мест. Сборщики были в основном женщины, и их, как и во всей Зеравшанской долине и Фергане, называли *чинакчи*, или *чиначи*, т. е. собиратели. За свою работу они в конце каждого дня получали плату натурой или деньгами (в Фергане только деньгами).

Помочи созывали также для сбора и сушки винограда. Работавших кормили, как и на других хашарах, но при уходе хозяин давал им с собой еще виноград.

Не меньшее значение имели и женские хашары. Они также разделялись на несколько видов в зависимости от выполнявшихся на них работ. Женские помочи были связаны со сбором шелковичных коконов, с обработкой шерсти, хлопка (чистка, взбивание, прядение), с изготовлением некоторых свадебных подарков.

Самые ранние помочи женщины созывали весной (май) — *пилла*²³ *хашар* для сбора шелковичных коконов. О необходимости приступить к очищению коконов от колючек, веток, которые специально накладывались на червей в последней стадии их кормления, объявляла одна из женщин, пользовавшаяся доверием остальных и считавшая, что она не сглазит урожай. К сбору коконов все приступали примерно в одно время. Для сбора коконов женщины разделялись на группы, количество последних соответствовало домам, выкармливавшим червей. Численность же женских групп определялась количеством коконов, которое высчитывали из первичного веса шелковичных червей. Все работы завершались примерно за неделю-полторы. Хозяйка обычно обслуживала работающих: подавала женщинам ветки с коконами, убирала их, встречала вновь прибывших, угощала. По окончании выборки коконов.

²³ П и л л а — шелковичный кокон.

кроме обычного кормления работающих в каждом доме обязательно готовили специальное «женское» блюдо — молочную кашу из риса — *ширбиринч*, считавшуюся едой покровительницы женщин.

Выкармливание червей являлось, по общему мнению, *савоб* — богоугодным делом, поэтому во всех домах старались хотя бы немного выкормить их, чтобы иметь повод приготовить ритуальное блюдо. Поэтому некоторые хозяйки, хотя и не имели червей, тем не менее обязательно готовили в своем доме ширбиринч и угощала группу женщин, выбиравших коконы по соседству, или же для этой цели ставили *казан* там, где работали сборщицы.

Небольшие группы женщин собирались по очереди в разных домах для очистки хлопка от семян, взбивания ваты и намотки ее. Эти помочи назывались *кичик хашар* — малые помочи, или *халодж хашар* — помочи с халоджи²⁴. В них участвовали женщины одного селения.

Для прядения ниток созывались *катта хашар* — большие помочи, или *чарх хашар*²⁵. На эти помочи приходили женщины в основном также одного кишлака, но обязательно приглашали одну-двух ближайших родственниц из других кишлаков своей общины. Обычно родственница приглашала и своих соседок. Такие собрания превращались как бы в большие приемы гостей, и женщины готовились к ним заранее. Не каждый дом в кишлаке устраивал ежегодно *катта хашар*. Число таких устройств зависело от различных обстоятельств. В некоторых домах воздерживались от созыва этих помочей из-за отсутствия запасов продуктов, или из-за продолжавшегося траура, или из-за предстоящих семейных торжеств (выдачи замуж дочери, женитьбы сына, обрезания мальчика). Они ограничивались приглашением небольшого количества людей.

Придя в дом, женщины рассаживались в комнате вдоль стен; в центре хозяйка расстилала скатерть и ставила угощение. Вскоре после этого начинали прядь на своих *чархах*, которые женщины приносили с собой. Во время работы женщины распевали песни шуточного и любовного характера, а в конце дня устраивали своего рода соревнования на быстрейшее окончание работы. День завершался песнями и танцами.

Небольшой хашар, называемый *пахта сузан*²⁶, устраивали для взбивания ваты в доме просватанной девушки. Он созывался тогда, когда родственницы жениха приносили в дом невесты вату для одеял, халатов, которые входили в ее приданое.

Для организации и проведения свадеб требовались помощь и участие всей общины. Роль общины заключалась в том, что часть ее членов оказывала материальную помощь, предоставляя брачующимся недостающие средства: деньги, какие-либо вещи и даже продукты; другие участвовали в приготовлениях продуктов, угощений, в организации приема гостей и обслуживании их.

На кишлачном малом совете назначался распорядитель свадьбы — *туй боши*. Таковым обычно был один из ближайших родственников семьи устроителя свадьбы, нередко *таго* — дядя по матери родителей или дядя (по матери) жениха и невесты. Он следил за приготовлением приданого невесты, за поступлением подарков и продуктов, обещанных стороной жениха.

²⁴ Название инструмента для отделения семян от ваты.

²⁵ Название ручной прядки. Обычно женщины приходили на хашар со своим инструментом.

²⁶ П а х т а — хлопок; с у з а н — растягивать.

Наконец, с завершением всех необходимых приготовлений к свадьбе собирался совет сельской общины. На него приходили обязательно элликбоши, распорядители свадеб (должных состояться в течение определенного периода) и их устроители или хозяева свадеб — *туй эгаси*, несколько стариков — *аксакалов* от каждого селения общины. На общинном совете определялась степень готовности к своим свадьбам и в соответствии с этим назначались время проведения большой свадьбы и очередность в пользовании общинными котлами. Одновременно выделялись специальные люди — *пайкал*, которые должны были приглашать на свадьбу членов своей общины и членов соседней туйдаш общины, причем, оповещая своих, пайкал проходил по всем четырем кишлакам общины и выкрикивал «ёппасйга туйга», т. е. «все на свадьбу» (к такому-то). В туйдаш общине же он передавал приглашение элликбоши, указав, на сколько блюд следует рассчитывать, а кого послать персонально — определял сам элликбоши. Гостей, которых приглашали из туйдаш караказана, заранее распределяли по домам соседей, односельчан; устанавливались обязанности членов общины по приему и обслуживанию всех гостей; приглашали поваров, пекарей, мясника и др.

В день свадьбы члены общины в соответствии со своими обязанностями, указанными на совете, находились в доме, где происходила свадьба, и выполняли все распоряжения руководителя: часть людей выходила на дороги для встречи особенно почетных людей и гостей из другой общины; часть занималась устройством гостей в домах, назначенных для них; другие помогали поварам, пекарям, третьи следили за подачей и распределением угощений, четвертые принимали подарки от прибывших гостей и готовили им ответные и т. д. Причем все это проводилось среди мужчин и женщин отдельно. После окончания свадьбы в одном доме общественные котлы увозились женщинами из другого дома, где должна состояться свадьба.

* * *

Изложенные нами материалы, касающиеся некоторых вопросов землепользования и обеспечения водой, организации труда, отдельных сторон бытовых и общественных связей крестьян, не могут в достаточной мере характеризовать сельскую общину Нижнего Даргома. Эти материалы освещают лишь одну, хотя и очень важную, сторону сельской общины — организационную, хозяйственно-общественную деятельность коллектива, основанную еще на ряде пережитков общинных отношений. Определяющей же чертой жизни сельской общины, в особенности начиная с XX в., стало возникшее растущее социальное неравенство ее членов. Одним из показателей этого процесса является обезземеливание крестьян. Здесь следует отметить некоторую этнографическую деталь. Социальное расслоение и число безземельных в узбекских кишлаках (0,9—5%) было меньше, чем в таджикских и арабских (3—17%) [9]. Объясняется это, по всей вероятности, в первую очередь видом занятий, а не перенаселенностью, как это утверждают сами крестьяне.

В занятиях крестьян узбекских кишлаков основное место занимало полеводство, в котором преобладали зерновые, менее товарные культуры. Таджики же занимались садоводством, огородничеством; кроме того, среди них были развиты ремесла. На положение крестьян арабских кишлаков большое влияние оказывало занятие скотоводством и торговлей. Соответственно узбекские крестьяне были меньше связаны с внешним миром, существовавшая большая хозяйственная взаимопо-

мощь в полеводстве создавала общую поддержку, благодаря чему здесь крестьяне были больше привязаны к своей земле.

Крестьяне, лишившись земли в своем кишлаке, уходили на заработки. Они нанимались в качестве различных сроковых рабочих — *мардикоров*²⁷, *деволкашей*²⁸, *йетимов*²⁹ и *уракчи*³⁰. Большая часть узбеков, спускавшихся с предгорных кишлаков, например Сазаган Джам и др., становилась издольщиками — *чайристорами*³¹ и нередко сельскохозяйственными рабочими — *уракчи, йетими*. Они приходили в Самарканд к началу весеннего праздника *Афросиаб-сайл*³². Здесь они получали от нанимателей задатки, которые в праздничной суете вскоре растрачивали, и становились должниками. Бедняки из долинных кишлаков обычно шли наниматься непосредственно в дома соседних баев, а не на Афросиаб-сайл.

Жнецов — уракчи нанимали для жатвы зерновых только на неполивных землях. По-видимому, это не случайно. Размеры неполивных посевов, расположенных далеко от места жительства крестьян, были довольно большие по сравнению с поливными. Поэтому крестьяне были вынуждены прибегать к найму жнецов. Последним платили зерном. Его вес соответствовал весу семян, посеянных на данной площади, что было характерно для всей Средней Азии. На поливных землях зерновые жали большей частью сами крестьяне, устраивая помочи.

Сельскохозяйственные рабочие, а также рабочие по возведению глинобитных стен были выходцами в основном из ургаджи — ургенцев. Посредниками на скотных базарах — *даллол* и перекупщиками скота — *гоуджаллоб*, (*куйджаллоб*) являлись большей частью арабы. В качестве издольщиков — *каранда*³³, работавших в садах, в основном выступали городские таджики³⁴.

Обезземеливание крестьянской массы в караказанах шло одновременно со скупкой земель богатыми людьми; это две стороны одного и того же явления — расслоения крестьянства и разложения общины. По экономическим материалам 1917 и 1920 гг. можно судить, что процесс поляризации к этому времени значительно активизировался. Как показывают этнографические исследования, наряду со старыми сельскими богатеями в кишлаках появились представители новой, торговой буржуазии, также скупавшей земли.

Крупных землевладельцев, расцвет хозяйства которых падал на середину XIX в., в кишлаках называли *дехканами*. Система их полеводства соответствовала системе караказана, и у них не было оснований нарушать существовавшую норму соотношения земли и воды при поливах посевов. Они также нередко обращались к односельчанам, созывая хашары для полевых работ, и в известной мере еще отвечали своим од-

²⁷ *Мардикор* — сельскохозяйственный поденный рабочий, нанимавшийся на краткосрочные полевые работы.

²⁸ *Деволкаш* — рабочие — специалисты по возведению глинобитных стен.

²⁹ *Йетим* — сельскохозяйственный рабочий, нанимавшийся сроком на год; выполнял полевые работы, ухаживал за скотом. За работу получал по договоренности деньги, еду, одежду (независимо от урожая).

³⁰ *Уракчи* — жнец.

³¹ *Чайрикор* — издольщик, получавший долю урожая с полевых культур, еду, одежду.

³² *Афросиаб-сайл* — новогодний весенний праздник, во время которого устраивалось большое народное гулянье на древнем городище Афросиаб, расположенном в северо-восточной части Самарканда.

³³ *Каранда* — издольщик, работавший в садах; получал плату из доли урожая.

³⁴ Такое же положение отмечено нами и в районе Шахрисябза (верховья Кашкадарьи).

носельчанам, посылая на их хашары или членов семьи, или своих издольщиков. Чаще всего они давали продукты или посылали еду, приготовленную в доме. Безусловно, подобная плата не компенсировала труд участников созывавшихся дехканами хашаров, но патриархальность в кишлаке в том и заключалась, что дехканина осуждали лишь тогда, когда он присылал на их хашары слишком мало продуктов. В хозяйстве дехкан значительную роль играли издольщики чайрикоры.

Рубеж XIX—XX в. характеризуется крупными и важными событиями в области сельского хозяйства Средней Азии, которые вызвали значительный подъем производительных сил края. Введение денежного налогообложения крестьян, завершение постройки Среднеазиатской железной дороги, связавшей эту область с Россией, усиление внедрения хлопчатника — все это обусловило широкое развитие торговли. С усилением торговли и хлопковой политики рабочая сила становилась более необходимой и в полеводстве самих крестьян. Увеличение посевов хлопчатника вызывало значительные перемены и в системе полеводства и организации работ. Ведение хозяйства по старинке, без учета рынка и торговых отношений, становилось невозможным.

Нередко крестьяне, даже богатые земледельцы, продолжавшие вести хозяйство по старинке, стали разоряться. Их земли распродавались часто с аукциона и нередко без ведома соседей и элликбоши, так как это происходило в результате требования оплаты векселей, предъявлявшихся городскими богачами, ростовщиками и даже самаркандскими банками. Немало таких земель скупалось и русскими чиновниками. Продажа земли бедняками контролировалась соседями, однокишлачниками, поэтому при нарушении добрососедских отношений она происходила поспешно и тайно, ночами. Значительную часть земель у разорявшихся как богатых, так и бедных крестьян скупали кишлачные богатеи — *бой дехкан, саудагар дехкан*; в кишлаках их называли *гушнахур*³⁵. Они вырастали на основе предпринимательства, барышничества и спекулятивной торговли.

В деятельности этих новых богатеев торговля и барышничество играли более важную роль, чем занятие земледелием. Последнее обстоятельство отвлекало их от ведения полевых и других сельскохозяйственных работ. По мере накопления средств организацию земледельческих работ бой дехкан — гушнахур поручал членам семьи или приказчикам — *саркор*. Кроме того, в соответствии с требованиями нового рынка гушнахуры на своих землях первыми и больше других расширяли посевы хлопчатника, что приводило их к нарушению водной нормы, издавна установленной для зерновых культур. Становилось правилом, что гушнахуры не только получали воду первыми независимо от расположения их земель на кишлачном арыке, но и расходовали воду больше, чем им полагалось в соответствии с размерами их земель и системой местного полеводства.

В дальнейшем они стали меньше созывать односельчан на помочи, так как возделывание на больших площадях хлопчатника требовало много рабочих рук, да и обработка хлопчатника не совпадала со сроками других сельскохозяйственных работ у соседей. Кроме того, сами гушнахуры считали работу, выполненную помочами, некачественной, поэтому они постепенно переходили к найму годовых и других временных рабочих. В результате эта социальная категория бой дехкан, или саудагар дехкан, подрывая хозяйственные связи с односельчанами, способствовала дальнейшему ограничению общинных отношений в деревне.

³⁵ Гушнахур в переносном смысле — жадный, завистливый, насильник.

Таким образом, в результате образовавшейся тесной экономической и политической связи Средней Азии с Россией в конце XIX — начале XX в. усилилась социальная дифференциация крестьянства. Развитие имущественного неравенства выражалось, с одной стороны, в увеличении числа безземельных, а с другой — в возникновении крупных земельных хозяйств, являвшихся представителями новой, нарождавшейся буржуазии. Она занималась не только земледелием, но и торговлей. Земледельческое хозяйство характеризовалось расширением площадей под товарной культурой в полеводстве, преобладанием наемного труда и увеличением товарных отношений. Эта новая группа богатых сельских землевладельцев все больше игнорировала интересы односельчан, первой порывая, таким образом, хозяйственные связи с ними и способствуя нарушению еще сохранявшихся некоторых пережитков общинных отношений.

Значение общинных пережитков было двойное. Общее водопользование и очередность поливов, согласованное распределение пахотных земель, широкое распространение коллективных работ — все это помогало крестьянам лучше использовать земли и свой труд. Вместе с тем эти пережитки играли отрицательную роль. Община мешала дальнейшему развитию системы полеводства, распространению новых культур, приемов агротехники. Кроме того, она создавала среди крестьянства иллюзию общности интересов всех членов общины и тем самым подавляла развитие классового сознания. Как старые дехканы, так и новые, гушнахуры, различными способами старались обязать и подчинить своих соседей себе. Для этой цели они использовали не только свое экономическое влияние, но и сохранявшиеся в кишлаках общинные традиции.

1. Бартольд В. В., К истории орошения Туркестана, СПб., 1914.
2. Вирский И. М., Волости Зеравшанского округа, СПб., 1874.
3. Вяткин В. Л., Материалы к исторической географии Самаркандского вайаята, — «Справочная книжка Самаркандской области» (СКСО), Самарканд, вып. VII, 1902.
4. Гребенкин А. Д., Таджики. Узбеки, — «Русский Туркестан», вып. 2, М., 1872.
5. Джамалов О. Б., Социально-экономические предпосылки сплошной коллективизации сельского хозяйства в Узбекистане, Ташкент, 1950.
6. Кисляков Н. А., Патриархально-феодалные отношения среди оседлого населения Бухарского ханства в конце XIX—начале XX в., М.—Л., 1962.
7. Кисляков Н. А., Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло, М.—Л., 1936.
8. Лыкошин Н. С., Чапуллуцкая волость Ходжентского уезда, — СКСО, вып. VIII, 1906.
9. «Материалы Всероссийской переписи населения 1920 г.», ч. 1, вып. IV, V, Самарканд, 1924.
10. «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I, М., 1962.
11. «Современный кишлак Средней Азии», вып. I, Ташкент, 1924.
12. «Современный кишлак Средней Азии», вып. V, Ташкент, 1925.
13. «Списки населенных мест Узбекской ССР», вып. II, Самарканд, 1926.
14. Чертов И. В., Дагбитская волость. Данные экономического исследования 1892 — 1893 гг., — СКСО, вып. IV, 1896.

М. В. Воробьев

НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЧЖУРЧЖЭНЕЙ

В некоторых научных кругах все еще распространены привычные, но устаревшие концепции, касающиеся этнической истории чжурчжэней и их культуры. Даже известные авторы солидных трудов иногда отстаивают тезис о позднем образовании чжурчжэньской народности — не ранее X в. [27, стр. 144], чрезмерно архаизируют хозяйство, общество и культуру X—XI вв. [16, стр. 305], называют чжурчжэней варварами [30, стр. 67—69], а их возвышение относят исключительно за счет военной удачи [19, стр. 140], преувеличивают роль китайской культуры и этноса в расцвете и упадке чжурчжэньской государственности и культуры в XII—XIII вв. [20, стр. 194; 23, стр. 230], объясняя упадок их государственности прежде всего разлагающим действием китайской ассимиляции и аккультурации на «варварское» общество [28; 29, стр. 46—47], считают монгольское нашествие в середине XIII в. концом культурно-этнической истории чжурчжэней, а прошлое Маньчжурии, Приамурья и Приморья в XIV—XVI вв. лишенным культурного значения [12, стр. 55].

Подобные взгляды сложились вследствие неточной оценки роли китайской цивилизации и этноса в формировании культур и народностей Дальнего Востока. С одной стороны, традиционным для исторической науки ряда стран Дальнего Востока и для многих европейских ученых является отождествление китайской культуры с дальневосточной. В результате изучение культуры некитайских стран и народов иногда ведется под углом зрения китайской цивилизации и применительно к ней. С другой стороны, простое наличие «китаизмов» в изучаемых культурах иногда служит поводом признать последние несамостоятельными, китаизированными. Этому немало способствуют отсутствие или бедность оригинальной литературы у ряда народностей Дальнего Востока и неизбежное ограничение в основном старыми китайскими источниками, не свободными от тенденциозности. Все это относится и к истории изучения чжурчжэней¹.

¹ Подобные взгляды иногда имеют под собой и более глубокие идеологические и политические основания. См. критику концепций Эберхарда, Фэрбэнка и в особенности Витфогеля о «регенеративных» изменениях в традиционном китайском обществе, вызванных вторжениями [2, стр. 31], и китаецентристских взглядов ряда китайских ученых, в частности, оценки китайских завоеваний как культуртрегерских [4, стр. 6—7].

Этноним «чжурчжэни» (китайские варианты — «ньючжи», «ньючжэнь») был известен киданям и китайцам с первой половины X в. («Синь удайши»), но, по более позднему источнику («Цзинь чжи»), в правление танского Тай-цзуна (627—649) чжурчжэни уже торговали на пограничных рынках конями и приезжали к китайскому двору. Китайский историк Ма Дуань-линь считает первой датой их появления в Китае годы кайхуан (581—600) династии Суй [25, стр. 428]. Однако, как сообщает корейский автор, уже восьмой этаж девятиэтажной пагоды храма Хваннюса, построенной в 553—566 гг. в Корее, был посвящен распространению буддизма у некоего народа ньюиди; по-видимому, это были ньючжи [11, стр. 71]. Китайские источники тех лет почти не делают различия между племенами чжурчжэней и мохэ. Это подтверждает культурную и этническую связь чжурчжэней с племенами мохэ, а также с их родичами — сумо и бохайцами: род ваньянь — будущий царский род и ядро народности чжурчжэней — принадлежал к сумо и переселился в Маньчжурию из Кореи (с бывших бохайских земель).

Формирование чжурчжэньской народности началось с середины VI в. и полностью завершилось в первой четверти XI в. Одновременно с этим этнонимы «чжурчжэньские мохэ» и «мохэ» уступили место на страницах корейской летописи «Корёса» этнониму «чжурчжэни» [7, из. 4]. В X—XI вв. чжурчжэни являлись главным культурно-этническим компонентом Восточной Маньчжурии, Приморья и Приамурья, причем часть их размещалась на землях Ляо («мирные», или «культурные», чжурчжэни), а часть — в Северо-Восточной Маньчжурии, Приморье и Корее («немирные», или «дикие», чжурчжэни). Восточные роды «немирных» чжурчжэней уже тогда отличались самобытностью и независимостью [9, стр. 191—219].

Источники, составленные монголами и китайцами, в частности «Цзиньши» и другие, архаизируют образ жизни чжурчжэней в X—XI вв. [17, цз. 1]. Фактически основную роль в хозяйстве чжурчжэней в этот период играло скотоводство, а в конце XI в. и земледелие. На развитие скотоводства указывает выплата пени, приданого, калыма, дани скотом. В целом у чжурчжэней того времени существовало многоотраслевое хозяйство, но речные племена занимались рыбной ловлей, обитатели прибрежных и горных долин — скотоводством и коневодством, население лесных массивов — охотой, жители южных равнин — обработкой земли. В соответствии с основным видом хозяйства отдельные роды вели полукочевую (скотоводы и охотники) или оседлую (рыболовы и земледельцы) жизнь. В X—XI вв. чжурчжэни прошли путь от обитания в кибитках, землянках и шалашах до строительства поселков с постоянными наземными жилищами, отапливаемыми канами, возведения городищ, дворцовых строений простого типа в постоянной ставке племенного вождя в Шанцине. Культура чжурчжэней в X—XI вв. была вполне самобытной. Именно чжурчжэни впервые широко применили манки при охоте на оленей, отопление горячим воздухом (т. е. кан, который попутно использовался и как лежанка, и как стол). Они создали особую религиозную систему — шаманизм. К исконным чжурчжэньским обычаям относятся левират, обряд поклонения солнцу, небу, ритуальное поранение лица в знак глубокой скорби, ношение кос мужчинами.

В X—XI вв. чжурчжэни находились на довольно высокой ступени первобытнообщинного строя. Общеплеменной союз «немирных» чжурчжэней в середине XI в. вступил в стадию военной демократии. По преданию, правитель Шилу ввел постановление, обязательные для всех племен, Угунай заложил основы армии, Хэлибу объединил почти все «немирные» чжурчжэньские роды. К началу XII в. общеплеменной союз

перерос в «варварское» государство [8] и закономерно встал вопрос об освобождении «мирных» сородичей, входивших в состав киданьской империи Ляо. Первые успехи — формального отделения от Ляо и провозглашения в 1115 г. династии Анчун или Айсин (кит. Цзинь или Да Цзинь) — чжурчжэни добились с относительно небольшими силами в несколько тысяч человек (и это действительно выглядит простой военной удачей), но полное уничтожение империи Ляо было достигнуто лишь к 1125 г. Быстрому возвышению чжурчжэней содействовали общий упадок киданьского общества, отложение многочисленных подвластных киданям народностей, видевших в чжурчжэнях своих избавителей, поддержка со стороны империи Сун. Но все эти факторы были бы для чжурчжэней бесполезными, если бы они не создали «варварское» государство, опирающееся на военизированную сельскую общину из представителей сложившейся народности, сильной своей этнической монолитностью, единством культурных традиций, общностью интересов в борьбе с заклятыми врагами — киданями. Совпадение факторов социального переустройства с активными процессами этнообразования дало чжурчжэням огромную позитивную силу, обеспечившую им победу сначала над Ляо, а потом — над Сун [3].

В момент вторжения в Китай, т. е. в начале XII в., чжурчжэни в культурном отношении отнюдь не были «варварами», не могущими воспользоваться завоеванными и уничтожавшими на своем пути все, что выходило за рамки непосредственного потребления, как это в XIII в. часто делали монголы. Благодаря длительным контактам с бояйцами, корейцами, киданями и китайцами чжурчжэни еще в Маньчжурии соприкоснулись с существенными сторонами дальневосточной культуры. Вторгшись в Китай в 1126—1127 гг., они захватили в Кайфыне, отобрали и вывезли сутры, книги философского и научного содержания, карты провинций и списки населения, планы дворцов и храмов, ксилографические блоки, астрономические и музыкальные инструменты, церемониальную и религиозную утварь, медные сосуды, оружие. Они также захватили и заставили на себя работать врачей, аптекарей, астрономов, гадателей, конфуцианских ученых, преподавателей, художников, ювелиров, ткачей, резчиков, кузнецов, корабельщиков, танцоров и певиц и т. п. Выбор трофеев свидетельствовал о том, что завоеватели ставили цель использовать материальные, культурные и людские ценности [22, стр. 10—11].

В период развернутого государственного и культурного строительства в XII—XIII вв. чжурчжэни, разумеется, пользовались достижениями киданей, корейцев и китайцев. Так, при создании государственного аппарата чжурчжэни применяли готовые китайские формы: организацию двора, министерств и ведомств, титулатуру и табели о рангах и т. п. Но в эти формы они вкладывали свое содержание, соответствовавшее потребностям чжурчжэньского государства. Дворцовое министерство оказалось менее громоздким. Военное министерство совершенно не походило на китайское. Министерство казны ведало податями и сборами иного типа, чем в Китае. Территориальное деление страны отличалось от китайского (в особенности оригинальная система пяти столиц). Функции, порядок назначения и состав чиновничества были иными. Цзиньские кодексы сохраняли многие элементы обычного права (пеню, разрешение на левират и на выделение из чжурчжэньского хозяйства сына при жизни отца) и ввели принцип национальной подсудности.

Полного подражания здесь и не могло быть, так как социальный строй чжурчжэней в XII в. сильно отличался от сунского общества. «Варварское» государство эволюционировало в военное раннефеодаль-

ное, а с середины XII в. — в централизованную бюрократическую монархию. В основе чжурчжэньского общества лежали военизированные сельские общины мэнъянь и моукэ, которые являлись экономической и военной базой правительства. После завоевания Северного Китая часть общин была расселена среди китайцев. Общины и должны были, по мнению правительства, в силу своей монолитности мирными средствами обеспечить покорность китайского населения. Налог с членов общин исчислялся не с надела, а с упряжки рабочего скота [14, стр. 136—139]. Став полностью оседлыми земледельцами, чжурчжэни добились значительных успехов в добыче черных и цветных металлов [10]. Они отливали собственную разменную монету, впервые широко использовали государственные ассигнации [5].

Большим событием в культурной жизни чжурчжэней явилось создание собственной письменности. В 1119 г. были созданы «большие письма», а в 1138 г. — «малые». Эту письменность стали преподавать во всех школах, ее обязаны были знать все чиновники. В столицах и в 22 округах существовали школы, в которых для переводческой, преподавательской и чиновничьей деятельности одновременно готовилось до трех тысяч одних только чжурчжэней, состоявших на полном обеспечении сельских общин. С 1172 г. было введено обязательное изучение чжурчжэньского языка и письменности в сельских общинах, а также среди чиновников — кандидатов на должности. Неграмотные лишались права наследовать звания главы мэнъянь и моукэ. Чжурчжэньский язык становился государственным языком обширной империи, успешно выдерживая поток китайской лексики.

Примерно с 1164 г. на чжурчжэньский язык стали усиленно переводиться лучшие китайские философские и исторические сочинения: «Уцзин», труды философов Мэнцзы, Лаоцзы, Янцзы, Моцзы, «Сиханьшу» (по-видимому, «Цяньханьшу»), «Таншу». Чжурчжэни делали переводы трудов не только конфуцианцев — всемогущих в Китае, но и представителей иных философских школ. Известно сравнительно мало переводов буддийской литературы. Не ограничиваясь переводческой деятельностью, чжурчжэньская наука создала немало самостоятельных трудов по различным отраслям знаний, к сожалению, почти все они погибли. Таких работ насчитывалось не менее 400. Это комментарии к китайским философским произведениям (в особенности к «Ицзин», «Шуцзин», «Чуньцю», «Сышу»), труды по чжурчжэньской письменности, китайским рифмам и тону, летописи чжурчжэньских императоров, общие истории киданей и чжурчжэней, географо-этнографические описания, руководства по обрядам и церемониям, каталоги древней утвари, книги по медицине, астрономии, летосчислению, календари и т. д. Существовала оригинальная художественная литература, представленная сборниками стихов, пьес. В стране были построены астрономические обсерватории, книгопечатни, больницы. Чжурчжэньская архитектура создала собственный стиль пагод (под влиянием киданьских и танских образцов), оригинальный тип городищ — с ронделями на земляных стенах, с воротами, защищенными барбаканами или захабами, прямоугольных на равнинах и свободной формы на сопках. Чжурчжэни изготавливали своеобразную керамику и черепицу, детали архитектурно-декоративного убранства, бронзовые зеркала и пр. [1; 18].

Старый семейный строй со второй четверти XII в. претерпел некоторые изменения. У чжурчжэней получили распространение смешанные браки. Зачастую эти браки заключались в Китае с китайками без прекращения старого брака в Маньчжурии. Еще большее число китайок стало наложницами и рабынями в домах чжурчжэньской знати и

воинов. Смешанные браки в Северном Китае поощрялись цзиньским правительством, которое преследовало цель «умиротворения» китайцев. С этим был связан обычай перемены фамилий, иногда выдаваемый за одно из очевидных свидетельств ассимиляции чжурчжэней. Этот обычай возник у чжурчжэней как акт полуритуальный в период похода на Кайфын: удачливые чжурчжэньские военачальники, боясь мести духа врага, меняли свои фамилии. В то же время чжурчжэньские императоры жаловали своим приближенным китайские фамилии в знак победы над Китаем. Несколько позднее чжурчжэньские переселенцы в Северном Китае сами стали менять свои фамилии на китайские. Но уже в 1129 г. пожалование китайских фамилий прекратилось, а в 1173 г. всем самовольно принявшим китайские фамилии было велено восстановить чжурчжэньские [26, стр. 1102, 1114—1116].

Традиционное поклонение небу и духам природы, обряды, связанные с шаманизмом, продолжали бытовать среди рядовых чжурчжэней. Наряду с этим в эпоху Цзинь распространились буддизм и даосизм, пользовавшиеся неустойчивым успехом среди чжурчжэньской знати. Культ великого предка династии — Тай-цзу, обряд жертвоприношения духам императорских предков один раз в пять лет или один раз в три года, моления Конфуцию, в честь четырех сезонов были приняты императорским домом Цзинь в целях своего возвеличения.

Погоня за предметами роскоши, увлечение игрой в шашки и шахматы, музыкой и танцами, чаепитием, литературой и поэзией, одеждой и украшениями на китайский манер — все это было характерно для богачей и знати. Они же возводили грандиозные здания — жилые и административные. В то же время жизнь рядовых чжурчжэней оставалась весьма скромной. Даже в огромной Красноярской крепости у г. Уссурийска (Приморье) рядовые ее обитатели жили в небольших глинобитных хижинах без черепичных крыш, но с воздушным отоплением в виде кана и пользовались простыми железными орудиями труда и оружием, чугунными котлами и бытовой глиняной посудой, сделанной на месте.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что китайская культура и этнос не разрушили культурной и этнической самобытности чжурчжэней в государстве Цзинь, хотя и оказали на них определенное воздействие. Кроме внутренней устойчивости чжурчжэньской культуры и этноса здесь имела место и сознательная национально-охранительная политика цзиньского правительства (и прежде всего императора Шичзуна), проявившаяся во всех областях жизни чжурчжэньского общества: в хозяйстве, в семейной и общественной сфере, культуре, просвещении, языке и пр. [31].

Чжурчжэньская культура в свою очередь оказала весьма ощутимое влияние на Китай, даже на его южные районы. В китайский язык проникло много чжурчжэньских слов. Чжурчжэньские песни, танцы и музыка пользовались известностью в Китае. Пожалуй, наиболее ярко это воздействие сказалось на обычаях и одежде китайцев. Именно чжурчжэни впервые привили китайцам обычай ношения кос. Чжурчжэньские одежды получили широкое распространение, особенно из тканей фиолетового и малинового цветов [24]. Ряд элементов чжурчжэньской культуры проникал в Китай стихийно, другие насаждались чжурчжэнями сознательно, как, например, язык и просвещение, некоторые виды одежды и ношение кос. В подвластных Цзинь землях все делопроизводство велось на чжурчжэньском языке, за исключением судебного разбирательства, где допускалось применение китайского языка. Южносунские императоры, учитывая воздействие чжурчжэньской

культуры и этнического элемента, стремились воспрепятствовать ему путем перенесения китайской столицы далеко на юг, запрета поездок китайцев в Цзинь, сношений с чжурчжэнями, строгой охраны границы и т. д. [21, стр. 703—704].

Таким образом, чжурчжэни и их культура сохранили свою жизнеспособность в XIII в., и не культурная китаизация и этническая ассимиляция чжурчжэней привели к разгрому их империи. Здесь действовали политические и социально-экономические причины, на анализе которых мы не останавливаемся.

Военный разгром государства Цзинь отнюдь не означал исчезновения культурно-этнической общности чжурчжэней, как это иногда считают [12, стр. 55], хотя она и лишилась многих своих достижений. Уже при императоре Хубилае введение административного деления в разоренных и покоренных районах Маньчжурии содействовало возрождению чжурчжэньских поселений (в 1292 г. — в Фууй, в 1295 г. — в Чжаочжоу и т. д.). После изгнания монголов новой китайской династии Мин удалось распространить свое влияние на некоторые области Маньчжурии. На землях чжурчжэней были организованы три военных округа — Хайси, Цзяньчжоу, Ежэнь, начальниками которых были назначены чжурчжэньские вожди. Сами округа официально наделялись широкой автономией, а фактически были почти независимыми [13]. В этих округах сохранялись старые племенные порядки и обычное право. Вожди и старейшины чжурчжэней носили цзиньские звания. Чжурчжэни сохранили привычный хозяйственный уклад, многие традиции XI—XII вв., родной язык и письменность, о чем свидетельствует знаменитый Тырский памятник, поставленный в низовье Амура в 1413 г., на котором одна из надписей выполнена малыми чжурчжэньскими письменами. Это означает, что чжурчжэньский язык и письменность употреблялись в XV в. и в низовьях Амура — на окраине или даже за пределами исконно чжурчжэньских земель. Чжурчжэньская письменность преподавалась в маньчжурских школах до второй половины XVII в. В середине XV в. наметилась новая этническая и политическая консолидация чжурчжэней (в округе Цзяньчжоу), которая привела к возникновению народности маньчжуров. Оказывая активную помощь корейцам в войне с японцами, чжурчжэни демонстрировали великолепное умение ездить верхом, стрелять из лука с коня, строить крепости и города — все то, чем они славились и в XII в. [6, стр. 402—408]. Один из начальников округа Цзяньчжоу — Нурхацзи — сумел вновь объединить чжурчжэней (теперь известных под наименованием маньчжуров) и в 1616 г. образовать государство, которому дал название Цзинь, желая подчеркнуть преемственность с чжурчжэньской империей.

Как видим, этническая история чжурчжэней восходит по меньшей мере к середине VI в.; в X—XI вв. у них уже существовало многоотраслевое, частично товарное хозяйство. На этой базе сложились народность и государственность чжурчжэней; их военная мощь оказалась лишь закономерным следствием этих процессов. Чжурчжэни создали свою собственную высокую культуру и вступили в контакт с дальневосточным миром [15, стр. 41]. Их государство рухнуло под напором превосходящих сил монголов, и одновременно пришли в упадок и многие сферы культуры. Но многое сохранялось в продолжение нескольких веков, пока жив был чжурчжэньский народ, а потом стало достоянием их потомков. Ведь чжурчжэни оказались весьма стойким этническим организмом: они не только образовали основу маньчжурской народности, но и участвовали в складывании других тунгусо-маньчжурских племен (в частности, нанайцев).

1. Аргудяева Ю. В., Чжурчжэньская черепица (по материалам археологических разведок 1960 г.),— «Материалы по истории Сибири: Древняя Сибирь, вып. I. Археология и этнография Дальнего Востока», Новосибирск, 1964.
2. Березный Л. А., Проблема развития средневекового китайского общества в современной американской буржуазной историографии,— «Вестник Ленинградского университета», № 20, Л., 1963, вып. 4.
3. Воробьев М. В., Этнос в средние века (на материале этногенеза чжурчжэней),— «Доклады отделений и комиссий ГО СССР», вып. 3, Л., 1967.
4. Вяткин Р. В. и Тихвинский С. Л., О некоторых вопросах исторической науки в КНР,— «Вопросы истории», М., 1963, № 10.
5. Ивочкина Н. В., Начало выпуска денег в чжурчжэньском государстве Цзинь,— «Сообщения Государственного Эрмитажа», № 29, Л., 1968.
6. «История Сибири», т. I, Л., 1968.
7. «Корёса» (История династии Корё), Пхеньян, 1962—1963 (на кит. яз.).
8. Кычанов Е. И., К вопросу о ранней государственности у чжурчжэней,— «Труды Дальневосточного филиала СО АН СССР», сер. ист., т. VI, Владивосток, 1968.
9. Ларичев В. Е., Тайна каменной черепахи. Документальная повесть об одном археологическом поиске, Новосибирск, 1966.
10. Ленюков В. Д., Производство и обработка металлов у чжурчжэней в XII веке (По материалам исследований Шайгинского городища), автореферат, Владивосток, 1971.
11. Ли Е Сон, Очерки истории корейского искусства (Чосон мисулса кэё), Пхеньян, 1955 (на кор. яз.).
12. Люй Чжэнь-юй, Краткая история народов Китая (Чжунго минцзу цзяньши), Пекин, 1951 (на кит. яз.).
13. Мелихов Г. В., Установление власти монгольских феодалов в Северо-Восточном Китае — «Татаро-монголы в Азии и Европе», М., 1970.
14. Миками Цугио, Чжурчжэнь эпохи Цзинь (Кин-дай дзёсин-но кэнкю), Токио, 1937 (на яп. яз.).
15. Окладников А. П., Тунгусо-маньчжурская проблема и археология,— «История СССР», 1968, № 6.
16. «Очерки истории Китая. С древности до „опиумных войн“», пер. с кит., М., 1959.
17. «Цзиньши» (История династии Цзинь), сост. То Кэ То и др. при династии Юань, Шанхай, 1936 (на кит. яз.).
18. Шавкунов Э. В., Культура чжурчжэней Приморья по материалам археологических раскопок 1960—1965 гг.,— «Труды Дальневосточного филиала СО АН СССР», сер. ист., т. VII, Владивосток, 1967.
19. Cordier H., Histoire générale de la Chine, vol. 2, Paris, 1920.
20. Grousset R., The Rise and Splendour of Chinese Empire, Berkeley — Los Angeles, 1959.
21. Haneda T., La civilisation chinoise et les dynasties barbares du Nord de la Chine,— «Recueil des oeuvres posthumes de Toru Haneda», vol. 1, Kyoto, 1957 (на яп. яз.).
22. Hsü Ping-ch'ang, Notes on the Epitaph of the Wan Yen Hsi Yin of the Chin Dynasty,— «Shihhsueh chihk'an (Historical Journal)», vol. 1, № 1, Peiping, 1926 (на кит. яз.).
23. Latourette K. S., The Chinese. Their History and Culture, New York, 1957.
24. Liu Ming-shu, The Culture of the Liao and Chin in its Southward Movement During the Sung,— «Chungkuo wenhua yenchin huik'an (Bulletin of Chinese Studies)», vol. VI, Chengtu, 1946 (на кит. яз.).
25. Ma Touan-lin, Ethnographie des peuples étrangers à la Chine,— «Atsuma Gusa», fasc. 11, Genève, 1876.
26. Mikami T., Die Belebungsbevegung der Jortschen-kultur in Mittel-Chin-Zeitalter,— «Shigaku zasshi», Tokyo, 1938, Bd 49, № 9 (на яп. яз.).
27. «An Outline History of China», Peking, 1958.
28. Tao Jing-shen, The Jurchen in Twelfth Century China: a Study of Sinification. Thesis, Indiana University, 1968.
29. Toyama G., Studies in History of Chin Dynasty, Kyoto, 1964 (Oriental Research Series, № 13) (на яп. яз.).
30. Tsién Pö-tsan, Chao Siun-tcheng, Hou Houa. Histoire générale de la Chine, vol. 2, Paris, 1920.
31. Yao Tsung-wu, The Policy of Emperor Shi-tsung of the Kin Dynasty with Regard to the Adoption of Chinese Culture and Preservation of the its Ancestral Customs by its Own People,— «Bulletin of the College of Art, Taiwan University», 1952, № 4 (на кит. яз.).

Т. К. Шафрановская

КОНЕЦ СИБИРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ И. П. ФАЛЬКА И ЕГО ЗАПИСКИ

На заседании Конференции (Общего собрания) Петербургской Академии наук 15 апреля 1771 г. обсуждалось грустное известие. Рисовальщик Николай Дмитриев, находившийся в составе экспедиции П. С. Палласа, лишился рассудка. Было решено отозвать его, а Палласу направить другого рисовальщика.

Несомненно, в этой связи на заседании прозвучали голоса нескольких академиков, рекомендовавших вызвать из экспедиции также и профессора ботаники Иоганна Петера Фалька. По его рапортам и письмам очевидно, что он страдает «припадками гипохондрии» и не может руководить экспедицией, находящейся в трудных условиях. Было предложено приостановить работу экспедиции, а некоторых спутников Фалька направить к Палласу.

Конференция не приняла решения по обсуждаемому вопросу и о своих предложениях доложила директору Академии наук В. Г. Орлову [2, стр. 13, 15 апреля ст. ст. 1771 г.]¹.

Директор заявил, что Фалька надо отозвать в Петербург, что же касается его спутников, то о судьбе их следует еще подумать.

Предложение директора не получило одобрения некоторых ученых. Они считали, что решение о возвращении Фалька может окончательно подорвать его душевные силы. По их мнению, Фальк должен сам сделать выбор: продолжать путешествие или же вернуться в Петербург. Именно так было написано секретарем Конференции письмо Фальку, одобренное на заседании Общего собрания [2, стр. 14—15, 18 апреля 1771 г.; 2, стр. 17, 2 мая 1771 г.].

Напомним в нескольких словах о фактах, связанных с пребыванием Фалька в экспедиции. Он родился в 1725 г. в Швеции (в провинции Вестерготия) и обучался медицине в Упсала. Впоследствии Фальк стал доктором медицины и профессором ботаники в Упсальском университете². В годы учения Фальк некоторое время был домашним учителем в доме Карла Линнея, что помогло его занятиям по естественной исто-

¹ Числа месяца и год, приводимые в круглых скобках, соответствуют дням заседаний Конференции Академии наук. Страницы отсылают к изданию «Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год», в котором опубликованы протоколы 1771—1785 гг.

² И. П. Фалька в России называли профессором, но он не был официально избран академиком или адъюнктом Петербургской академии наук.

рии и особенно по ботанике. Знаменитый ученый рекомендовал Фалька на место директора Аптекарского ботанического сада в Петербурге. В 1769 г. Фальк стал руководителем экспедиции Академии наук, направлявшейся по маршруту: Астрахань — Оренбург — Челябинск — Тобольск — Барнаул — Томск — Екатеринбург — Казань.

Экспедиция Фалька выступила в путь в 1769 г. — больше двухсот лет тому назад. На основе данных протоколов Конференций Академии наук в данной статье мы пытаемся воссоздать картину последних дней экспедиции и трагической смерти Фалька, а также рассмотреть документальные материалы, связанные с изданием его записок с описанием путешествия, им проделанного. Протоколы Конференции были составлены на немецком и французском языках в 1771—1785 гг. секретарем Конференции — академиком, физиком Альбрехтом Эйлером (сын Леонарда Эйлера).

23 июня 1768 г. на заседании Конференции Академии наук всеми присутствовавшими были подписаны инструкция и план путешествия Фалька. В протоколах Конференции последовательно и довольно подробно изложено, какие именно сообщения поступали в Академию наук от руководителя экспедиции.

24 марта 1769 г. Фальк покинул Москву и двинулся через Коломну в Сызрань. С самого начала экспедиции Фальк не сообщал регулярно о ее продвижении и о своей деятельности. 9 октября 1769 г. на заседании Конференции секретарю было предложено сделать запрос о его местопребывании и о том, чем он занимался летом. Академии наук часто приходилось пользоваться сообщениями других — Л. Ю. Крафта, П. С. Палласа, чтобы знать что-либо о путешествии Фалька, Так, Логин Юрьевич Крафт, тогда еще адъютант, позднее известный физик, академик, встретился с Фальком в Сызрани 15 февраля 1770 г. В своем письме 30 ноября 1770 г. Крафт сообщил кое-какие сведения о путешествии и занятиях Фалька. В письме от 25 февраля 1771 г. Крафт снова писал о Фальке. 16 апреля 1771 г. на заседании Конференции читался рапорт П. С. Палласа. В нем было сказано, что из-за плохого состояния здоровья Фальк не писал писем Палласу и последний ничего не знал о судьбе его экспедиции. Только 18 октября 1771 г. Паллас смог с уверенностью сказать, что Фальк прибыл 13 августа 1771 г. в Оренбург.

Однако Фальк вел очень успешные сборы коллекций по естествознанию, которые он, пользуясь любой возможностью, посылал в Петербург.

13 ноября 1769 г. члены Конференции и директор Академии ознакомились с присланными Фальком костями ископаемых животных и минералами (к ним была приложена опись). Многие экспонаты были очень редкими и поражали своей красотой. Фальк, прекрасно знавший ботанику, присылал много семян.

20 июня 1770 г. Академия ознакомилась с новыми коллекциями, собранными Фальком. Чучела птиц и зверей были плохо набиты, что нередко имело место в связи с трудными условиями работы на месте. Академику И. Гертнеру (ботанику) было поручено тщательно ознакомиться с образцами солей и соленых почв. 23 августа 1770 г. снова были получены от Фалька два ящика. В них также были чучела зверей, коллекции насекомых, семена. Перед одним из заседаний члены Конференции осматривали даже живых зверей (серну и двух кабанов), доставленных из экспедиции Фалька со специальным курьером. Зверей временно поместили в квартирах академиков.

25 апреля 1771 г. в Академии наук стало известно из письма

Г. Ф. Миллера о том, что Фальк 10 апреля прибыл в экспедицию Палласа. Фальк сначала собирался работать в этой экспедиции, но вскоре изменил свое решение и отправился в самостоятельное путешествие по Сибири через Тару и Барабу [2, стр. 16—17, 29 апреля 1771 г.]. 14 апреля 1771 г. в Академию наук было послано письмо и самим Фальком. Он извинялся за свое молчание и ссылаясь на болезненное состояние. К письму был приложен план путешествия Фалька на текущий год [2, стр. 20, 13 июня 1771 г.]. Вскоре от Фалька были получены семена. Их передали в Ботанический сад Академии наук, помещавшийся в то время на месте Измайловского сада наших дней [2, стр. 25, 11 июля 1771 г.]. 21 июня 1771 г. Фальк написал рапорт о ходе экспедиции. Он жаловался, что перемежающаяся лихорадка задержала его в Челябинске. Фальк хвалил И. И. Георги, совершившего ряд самостоятельных экскурсий³. Со временем можно направлять Георги и в дальние поездки. К рапорту был приложен список собранных образцов из области естествознания. Они были посланы Фальком в Академию с солдатом [2, стр. 29, 19 августа 1771 г.].

Письмо секретаря Конференции с предложением вернуться в Петербург застало Фалька в Барнауле. Ответ был написан 23 декабря 1771 г., т. е. с большим запозданием. Возможно, конечно, что Фальк находился в пути и письмо из Петербурга было им получено не сразу. Ответ Фалька был спокойным. В нем подчеркивалось желание действовать в соответствии с указаниями Академии наук.

Болезнь Фалька, а в особенности то, что его спутники были рассеяны в разных местах, задержала его возвращение в Петербург. Он рассчитывал совершить обратный путь ближайшей весной. Фальк направил Георги с двумя студентами в Красноярск к Палласу, как это предусматривалось Академией. Другие же спутники, которые не понадобятся Палласу, должны были вернуться в Петербург вместе с Фальком. В Барнауле Фальк собирался завершить описание горных разработок, которые он наблюдал на Урале. Затем Фальк думал направиться через Кузнецк в Томск. Там он предполагал дожидаться распоряжения — каким путем возвращаться в Петербург [2, стр. 42—43, 23 декабря 1771 г.].

После этого на протяжении нескольких месяцев известий от Фалька не поступало. Только 30 января 1772 г. на заседании Конференции было прочитано письмо Георги из Барнаула (20 декабря 1771 г.). В нем было сказано, что Фальк не может выехать в Томск из-за болезни [2, стр. 46, 30 января 1772 г.]. Из Красноярска П. С. Паллас прислал рапорт, написанный 22 февраля 1772 г. В числе других сведений Паллас сообщал, что значительную часть собранных им коллекций по естествознанию он намерен выслать вместе со студентом Вальтером, который собирался вернуться в Петербург вместе с Фальком [2, стр. 57, 18 мая 1772 г.]. Поэтому Паллас откомандировал к Фальку студента Вальтера с пятью ящиками с естественноисторическими коллекциями. На заседании Конференции были прочитаны два письма Палласа. Одно из Красноярска и второе из Иркутска от 16 марта 1772 г. Паллас сообщал, что Георги с тремя студентами из экспедиции Фалька присоединились к его отряду. Сам же он вместе с Георги отправится в Иркутск [2, стр. 59, 8 июня 1772 г.]. Снова с большим запозданием было получено письмо самого Фалька, написанное 15 ноября 1772 г.

³ В 1770 г. Академия наук послала в экспедицию Фалька И. И. Георги, химика по специальности. Это было вызвано ухудшением здоровья Фалька.

Фальк жаловался на свою болезнь. Она задерживала его возвращение. Фальк надеялся воспользоваться первым санным путем и отправиться в Петербург [2, стр. 76, 14 декабря 1772 г.].

22 февраля 1773 г. в Академии наук были получены от Фалька два ящика с материалами и семенами. При приемке все сверялось с описью. В это же время из экспедиции Палласа были доставлены интересные экспонаты — чучело головы носорога, небольшие звери, шкуры, минералы, предметы, найденные в сибирских древних могилах. В своем большинстве все эти вещи были переданы в Кабинет естествознания [2, стр. 82—83, 22 февраля 1773 г.].

В письме из Казани, написанном 18 января 1773 г., Фальк продолжал жаловаться на свое болезненное состояние, которое задерживало его возвращение. Фальк просил разрешения совершить поездку для восстановления здоровья на несколько недель на теплые воды недалеко от Кизляра. Ему так хотелось попасть на воды, что он готов был отказаться на время поездки от полагавшегося ему жалованья. Академия наук разрешила поездку на теплые воды с сохранением жалованья, в чем не отказала бы ни одному из академиков в подобном случае [2, стр. 87, 22 марта 1772 г.]. В письме из Казани 30 мая 1773 г. Фальк благодарил за предоставленную ему возможность провести лечение на водах. Он сообщал еще, что хотел совершить поездку в Кизляр водным путем и начать ее в самые ближайшие дни [2, стр. 97, 8 июля 1773 г.]. Следующее письмо Фалька было получено 27 сентября того же года. Различные затруднения задержали его поездку в Кизляр. Обстоятельства не давали ему возможности двинуться в путь раньше чем через несколько дней. Фальк просил Академию наук не ставить ему в вину, если он не вернется в Казань в намеченный срок [2, стр. 102, 27 сентября 1773 г.]. Затем было получено письмо из Царицына, написанное 14 ноября 1773 г. Фальк сообщал о возвращении из Кизляра. Пребывание на теплых водах принесло ему значительное облегчение. Фальк предполагал сразу же продолжить путь в Казань [2, стр. 110, 16 декабря 1773 г.].

Последнее письмо Фалька из Казани, датированное 4 февраля 1774 г., было прочитано на заседании Конференции 10 марта 1774 г. Фальк писал, что возобновившиеся припадки болезни помешали намечавшемуся возвращению его в Петербург [2, стр. 119, 10 марта 1774 г.].

В начале 1774 г. Георги прибыл в Казань. В это время Фальк был целиком во власти одолевшей его болезни. С декабря месяца он не покидал постели. Вся его еда ограничивалась высушенным хлебом, широко распространенным у шведов. Они называют его «кнеке брот». Фальк съедал несколько ломтиков в полдень, размачивая их в чае. Слабый чай не поддерживал сил. В это время к нему еще приходили друзья. Потом он отказался видаться с ними. Исключение было сделано только для Георги. С ним Фальк делился своим горем — подлинным и воображаемым.

31 марта 1774 г. перепуганный охотник Фалька прибежал к Георги. Немедленно Георги пришел на квартиру Фалька и нашел его мертвым, лежащим возле кровати. Фальк застрелился, оставив записку. Она свидетельствовала о его безумии. В ней ничего не было сказано о мотивах самоубийства. Бумаги Фалька были тщательно сохранены. Они содержали наблюдения по географии, естественной истории, этнографии, различные филозофские высказывания и свидетельствовали о широте его научного кругозора и исключительной доброте.

Надо сказать, что, несмотря на свою болезнь, Фальк прилагал огромные усилия для продолжения успешной работы экспедиции. Воз-

можно, что Фальк не торопился возвращаться в Петербург, так как ему хотелось закончить начатые во время экспедиции наблюдения.

5 мая 1774 г. секретарь прочитал полученное на его имя письмо Георги (написано 3 апреля 1774 г.). Письмо содержало печальное известие: профессор Фальк в припадке черной меланхолии покончил жизнь самоубийством. В нем говорилось также о мерах, принятых Георги по сохранению имущества Академии наук, находившегося в распоряжении покойного. С письма была снята копия для передачи в Комиссию Академии [2, стр. 127, 5 мая 1774 г.].

Вскоре было получено второе письмо Георги (написано 10 апреля 1774 г.). В нем Георги сообщал о состоявшихся похоронах Фалька.

О самоубийстве Фалька имеются сведения также у Пьера Никола Шантро (путешествовавшего по России в 1788—1789 гг.). В своих записках «Путешествие философское, политическое и литературное, совершенное в России в 1788 и 1789 гг.» [5] Шантро писал, что И. П. Фальк был болен страшной болезнью, затронувшей его интеллект, из-за чего ему пришлось прекратить научные наблюдения и путешествие. Болезнь Фалька проявлялась в припадках страшной меланхолии (гипохондрии). Припадки усилились во время путешествия, когда Фальк оставался часто в одиночестве и в малонаселенных местах. Одиночество не успокаивало больного, а, наоборот, способствовало развитию его болезни.

Вскоре после смерти Фалька Конференция была оповещена (16 мая 1774 г.) о распоряжении Екатерины II: весь состав экспедиций вместе с возглавляемыми их академиками должен вернуться в Петербург. Причиной такого распоряжения явилась не только трагическая смерть трех ученых — С. Г. Гмелина, Г. М. Ловица и И. П. Фалька, но и полыхавшая на юге страны крестьянская война, возглавляемая Пугачевым [2, стр. 129, 16 мая 1774 г.].

14 июля 1774 г. в присутствии членов Конференции осматривались ящики с вещами Фалька, присланные Георги из Казани в сопровождении студента Барданова. Имущество, принадлежавшее Академии наук и лично покойному, было передано в Комиссию при Академии⁴. Один из ящиков был заполнен костями ископаемых животных, переданными Палласом Фальку для отправки в Петербург. В других находились семена. Последние были переданы академику И. И. Лепехину для академического Ботанического сада.

Из ящиков были отобраны предметы, предназначавшиеся для Кабинета естествознания: кости ископаемых животных, превосходные образцы минералов, чучела зверей, коллекции насекомых и заспиртованных пресмыкающихся, а также растений, среди которых встречались очень красивые и редкие. Каталога экспонатов не было. Составление его было поручено нескольким академикам.

Книги, бумаги, счета и все остальное, что предстояло передать в Комиссию Академии, сложили в три ящика, причем в один из них поместили рулон географических карт, полученных Фальком из Академии во время его путешествия [2, стр. 141, 14 июля 1774 г.].

Академику И. И. Лепехину поручили составить каталог различных семян, собранных Фальком. Такой каталог Лепехин представил на заседании Конференции 22 августа 1774 г. [2, стр. 145, 22 августа 1774 г.].

⁴ Канцелярия Академии наук была своеобразным органом управления Академии в первых десятилетиях ее существования. Вся административная и хозяйственная деятельность находилась в ее ведении. В 1766 г. Канцелярия была упразднена. Ее функции были переданы в новый коллегиальный орган управления, названный Комиссией Академии наук.

В одном из ящиков Фалька академиком Я. Я. Штелином была найдена большая тетрадь. Ее оставили в архиве Конференции⁵. Академику Э. Лаксману было поручено ознакомиться с рукописями Фалька, привести их в порядок и о результатах доложить Комиссии Академии наук. Он должен был составить каталог минералов, растений и животных [2, стр. 147, 5 сентября 1774 г.].

6 ноября 1774 г. состоялось внеочередное заседание Конференции. На нем кроме четырех академиков — П. С. Палласа, Э. Лаксмана, И. И. Лепехина и А. И. Лексея, назначенных для разбора бумаг, присутствовал секретарь Конференции. Академики рассматривали бумаги очень внимательно. Они обнаружили прежде всего рукописи с монгольскими и тангутскими письменами. Секретарь предложил показать их на очередном заседании Конференции и затем передать в Библиотеку Академии. Комиссия отобрала все бумаги и счета, относившиеся к расходам экспедиции [2, стр. 157—158, 6 ноября 1774 г.].

7 ноября на очередном заседании Конференции секретарь сообщил о состоявшемся накануне разборе бумаг Фалька. Конференция постановила передать монгольские и тангутские рукописи в Библиотеку Академии наук. В Комиссию же Академии наук передавались все бумаги и счета, относившиеся к расходам экспедиции. В распоряжение Комиссии переходили и все бумаги и вещи, принадлежавшие Фальку лично. Ей же предстояло еще решить, принадлежат ли Академии два изображения идолов, оказавшиеся в ящиках.

В материалах Фалька были найдены записки Георги, сделанные им во время путешествия с Фальком. По поводу их возникла оживленная дискуссия: надо ли возвращать эти записки Георги или же оставить в архиве те из них, которые Георги привел в порядок и которые представляли интерес для Э. Лаксмана. В конце концов решили наложить академическую печать на эти бумаги и сохранить их в Архиве Конференции до полного завершения дискуссии.

Однако в протоколе было отмечено, что некоторые академики рекомендуют передать Лаксману все материалы для написания истории экспедиции. Существовало и другое мнение: Лаксману следует предоставить только те бумаги, которые написаны рукой Фалька. Георги имеет полное право получить и публиковать результаты своей работы [2, стр. 158, 7 ноября 1774 г.].

Директор Академии наук С. Г. Домашнев (назначен директором в 1775 г.) предложил академикам Лаксману, Лепехину и Гильденшtedту просмотреть все материалы и сообщения о путешествиях Фалька, Н. П. Рычкова и С. Г. Гмелина и выбрать из них самые интересные открытия и наблюдения [2, стр. 405, 8 апреля 1779 г.]. Подготовленные материалы предполагалось перевести на русский язык и опубликовать в новом академическом журнале⁶.

Лаксман, уехавший из Петербурга, вернул в Архив Конференции ящик Фалька с бумагами, наблюдениями, заметками и рисунками. Секретарь и Георги составили новую инвентарную опись, которая не сов-

⁵ При Академии наук имелось два архива. Первый из них — Архив Конференции, основанный в 1728 г., хранил протоколы научных заседаний, научную переписку и т. п. Второй — Архив Комиссии (прежде Канцелярии) — содержал хозяйственную, деловую переписку, денежные документы, дела по приглашению на работу. Архив Фалька, тщательная регистрация его материалов являются примером архивного делопроизводства XVIII в., сохранившего в целости и в определенном порядке ценнейшие документы, связанные с деятельностью Академии наук в XVIII столетии.

⁶ Можно предположить, что речь шла о журнале, печатавшемся на русском языке, «Академические известия». Журнал начал выходить в 1779 г.

падала с первой [2, стр. 497, 5 октября 1780 г.]. Можно считать, что Лаксману ничего не удалось сделать по редактированию и подготовке к печати записок Фалька. Задача по приведению в порядок разрозненных листков, написанных Фальком, была не из легких. Поэтому в новом журнале Академии наук не удалось опубликовать даже часть из них. На заседании Конференции 4 декабря 1780 г. С. Г. Домашнев поручил адъюнкту Георги (его избрали адъюнктом в 1776 г.) редактирование записок покойного профессора Фалька. Предполагалось опубликовать из записок все то, что представляет научный интерес. Архиву Конференции было предложено передать Георги бумаги Фалька, предварительно пронумеровав их, чтобы ничего не могло потеряться или оказаться замененным другими материалами. После нумерации это было бы видно даже при беглой проверке [2, стр. 504, 4 декабря 1780 г.].

14 февраля 1782 г. Георги сообщил на заседании Конференции, что он ознакомился с бумагами Фалька.

Кроме того, Конференция просила Комиссию Академии выдать Георги для той же цели безвозмездно карты Московской губернии и Крыма.

Георги было разрешено получить под расписку гербарий Фалька, хранившийся почему-то в Библиотеке. Протокол об этом передали С. К. Котельникову, ведавшему Библиотекой [2, стр. 552—553, 27 сентября 1781 г.].

23 января 1783 г. на заседании Конференции рассматривалось заявление Георги о повышении его в должности. В заявлении, между прочим, было сказано: «Кроме различных работ мне была еще поручена очень сложная доработка сообщений о путешествии покойного Фалька» [2, стр. 645, 23 января 1783 г.].

Трудность работы по подготовке к изданию записок Фалька подтверждает В. Ф. Гнучева: «Просмотр сохранившихся в Архиве АН записей Фалька, сделанных им во время путешествия, убеждает в правоте Георги, утверждавшего, что обработка их была очень затруднительной. Они написаны на отдельных листах карандашом и по первому впечатлению не обладают никакой связанностью изложения» [1, стр. 107]. 26 февраля 1784 г. профессор Георги (в 1783 г. он был избран академиком) просил для работы над редактированием рукописей Фалька две карты Сибири, приложенные к книге И. Э. Фишера «Sibirische Geschichte von der Entdeckung Sibiriens» etc. Конференция поручила секретарю просить об этом Е. Р. Дашкову, в 1783 г. назначенную директором Академии наук [2, стр. 727, 1 марта 1784 г.].

29 апреля 1784 г. секретарь сообщил на заседании Конференции от имени отсутствовавшего по болезни Георги, что редактирование записок покойного Фалька закончено. Можно начинать печатать их с середины следующего месяца. Хорошим граверам следует передать для работы рисунки, находившиеся в рукописи Фалька. Окончательно решить вопрос о напечатании записок должна была Е. Р. Дашкова [2, стр. 471, 29 апреля 1784 г.].

Приблизительно через месяц, 24 мая 1784 г., Георги подготовил для передачи в типографию Академии наук рукопись под названием: «Des Hrn. Prof. Johann Peter Falcks Reisen durch Russland. Erste Abtheilung, welche die Geschichte und Vorfälle der Reise zur Uebersicht der bereisten Gegenden enthält» [4, Bd 1].

Через год, 10 марта 1785 г., Георги представил на рассмотрение Конференции предисловие и оглавление записок Фалька, которые в ближайшее время должны были выйти из печати [2, стр. 805, 10 марта

1785 г.]. 23 мая 1785 г. Георги в отчете Конференции сообщил, что первый том записок покойного Фалька вышел, а второй полностью отредактирован и подготовлен к печати. Георги сдал по списку все бумаги, рукописи, рисунки и гербарий Фалька, которыми он пользовался. Конференция передала их архивариусу И. И. Унгебадэру. Гербарий поступил в Кабинет естествознания, а рукописи и рисунки были депонированы в Архиве Конференции [2, стр. 816, 23 мая 1785 г.]. Таким образом, был закончен кропотливый труд по изданию записок И. П. Фалька, содержащий ценные географические, историко-этнографические данные о Сибири, а также сведения о флоре, фауне и минеральном царстве тех мест, которые Фальк посетил во время своего путешествия.

1. Гнучева В. Ф., Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках, М.—Л., 1940.
2. «Протоколы заседаний Конференции Академии наук с 1725 по 1803 год», СПб., 1900, т. III.
3. «Собрание полное ученых путешествий по России, издаваемое Академией наук по предложению ее президента. С примечаниями, изъяснениями и дополнениями», СПб., 1818—1825, т. VI. Записки путешествия академика Фалька, ч. 1, 1824, т. VII. Заключающий в себе дополнительные статьи к запискам путешествия академика Фалька, ч. 2, 1825.
4. Falk I. P., Beiträge zur topographischen Kenntniss des Russischen Reiches (Publ. par I. G. Georgi), SPb., 1785—1786. Erster Band, welcher die Geschichte seiner Reise von den Jahren 1768 bis 1773 zur physikalischen und politischen Erdbeschreibung etc. enthält, 1785. Zweiter Band, welcher Beiträge zur Mineral — und Pflanzengeschichte enthält, 1786. Dritter Band, welcher Beiträge zur Thierkenntniss und Völkerbeschreibung enthält, 1786.
5. Chantreaux P. N., Voyage philosophique, politique et littéraire, fait en Russie, pendant les années 1788 et 1789, Paris, 1794.

М. Ф. Чигринский

РАННИЕ ГОЛЛАНДСКИЕ ИЗВЕСТИЯ О ПИНПУ — АБОРИГЕНАХ ТАЙВАНЯ

Аборигены острова Тайвань, гаошань, традиционно делятся на две группы: пинпу, или шуфань — «варвары равнины», «цивилизованные варвары», и собственно гаошань, или шэнфань — горцы «грубые», «неподчиняющиеся варвары». Такое деление перекочевало из китайских источников в научную литературу [7, лл. 8—9; 12, стр. 603—609; 14, стр. 114—116; 16, л. 5; 20, стр. 95—97; 24, стр. 23].

Горные племена, до сих пор в большей степени сохранившие свой язык, обычаи, обряды, изучались и изучаются антропологами, этнографами, географами [5, лл. 1—80; 6, стр. 100—108; 10, стр. 59—63; 13; 15; стр. 339—359; 18; 19; 26; 27, стр. 125—140; 32].

О пинпу — жителях равнины — сведения более скудные, так как они были постепенно ассимилированы проникавшими еще с IX в. на Тайвань китайцами. К настоящему времени большинство их обычаев и обрядов заменено китайскими. Поэтому особенно интересны материалы по этнографии и географии Тайваня, содержащиеся в отчетах миссионеров и чиновников Нидерландской Ост-Индской компании, побывавших на острове во время голландского господства (1624—1662 гг.) [25; 29, стр. 1—25; 34, стр. 210—251]. Особое место среди свидетельств этого рода занимают отчеты двух миссионеров — голландца Г. Кандидиуса и шотландца Д. Райта. Написанные независимо друг от друга, они позволяют воссоздать картину жизни почти исчезнувшей группы племен¹.

Г. Кандидиус (1597—1647) дважды бывал на Тайване: в 1627—1631 и 1633—1637 гг. Он изучил язык туземцев и играл видную роль в политике христианизации пинпу, проводившейся голландскими властями. О Д. Райте известно только, что он посетил Тайвань после Г. Кандидиуса. Больше никаких сведений о нем найти не удалось [25, стр. 2; 27, стр. 144; 31, стр. XLV].

Полный текст отчета Г. Кандидиуса, впервые изданный в 1637 г. в Германии, был затем включен в многотомное «Собрание путешествий Ост-Индской компании» [27, стр. 144; 34, стр. 210—251]. Сведения, сообщаемые Г. Кандидиусом и Д. Райтом, опубликовали Иоан ван Кампен и Константин Нобель в своем сборнике материалов о голландско-ки-

¹ К пинпу относятся племена: кетагалан, кавалан, таокас, пазехе, бабуса, хоаней, сао, папора, сирайя, макатао [27, стр. 128].

тайских отношениях в XVII в. [29, стр. 1—25]. Этими же источниками, правда без ссылок, пользовался известный историк Нидерландской Ост-Индской компании Ф. Валентайн в работе над своим исследованием [37, стр. 38—41].

Английский этнограф прошлого века Р. Свинху использовал фрагменты из этих отчетов в своей работе [36, стр. 12—16]. В 1903 г. другой английский ученый, В. Кемпбелл, полностью издал записи Г. Кандидиуса, Д. Райта и документы Нидерландской Ост-Индской компании о Тайване [25].

На Г. Кандидиуса и Д. Райта неоднократно ссылались европейские, американские, китайские и японские ориенталисты [20; 22, стр. 3—15; 23, стр. 1—13; 27, стр. 144—145; 28, стр. 16—17; 31, стр. 262—286].

Данные этих миссионеров о Тайване стали известны в России в XVIII в.² [2, стр. 253—265; 3, стр. 116—122; 4, стр. 572].

Голландцы появились на Тайване в 1624 г. после навязанного ими Китаю соглашения [26; стр. 140—143]. Климатические условия острова, его богатая флора и фауна понравились европейцам. Правда, позднее они несколько разочаровались. Землетрясения, ливни, тайфуны, налеты саранчи осложняли жизнь в новой колонии. Сохранилось любопытное описание тайваньской саранчи: «На шеях у нее одинаковые воротнички, как у пикинеров, а на голове нечто похожее на соломенные шляпы... солдат» [29, стр. 28]. Животный мир Тайваня таил в себе немало загадок. Особое удивление у голландцев вызвал чешуйчатый муравьед³, которого окрестили тайваньским чертом. Черт имел «один локоть длины и пять дюймов ширины. Тело... чешуйчатое, как у рыбы. Когда голоден, высовывает язык и, как только замечает муравьев, втягивает их. Он добродушен, его напрасно называют чертом» [29, стр. 9]. Никогда ранее не встречавшие лосей голландцы, и в частности Г. Кандидиус, называли их лошадьми с большими рогами⁴ [34, стр. 209].

Но самое большое впечатление на голландцев произвела встреча с туземцами — высокими людьми, «полувеликанами» с темно-коричневой кожей, большими глазами, плоскими носами, без бород. Примечательны были уши островитян — «большие, длинные, висящие до половины груди» (вероятное преувеличение). Волосы туземцы связывали в узел или распускали до плеч. Растительность на лице и на теле они полностью выщипывали. Женщины отличались малым ростом, полнотой, коричнево-золотистым цветом кожи [29, стр. 12].

Европейцев пинпу встретили приветливо и произвели на них хорошее впечатление. Г. Кандидиус, воспринимавший аборигенов, с точки зрения миссионера, как «дикарей», вынужден был отметить их высокие моральные качества. «В основном они мягкие, добрые, верные. Очень хорошо принимают голландцев... если и те соответственно себя ведут. Ничего не прячут, не пытаются скрыть. Находят вещь другого и приносят домой...держат слово...вплоть до того, что скорее умрут, чем предадут кого-нибудь из своих» [34, стр. 212].

Судя по сообщениям Г. Кандидиуса и другого миссионера, Д. Гревюса, пинпу говорили на одном языке, однако каждая деревня имела свой диалект [34, стр. 211; 30, стр. 6—10]. Д. Райт, напротив, явно преувеличивая, утверждал, что жители соседних деревень не понимали друг друга без переводчика. Письменности у туземцев не было.

² Без упоминания авторов.

³ Чешуйчатый муравьед — *Manis longicauda* [33, стр. 77—78].

⁴ Современник Г. Кандидиуса португалец Ф. Семедо также сообщает о лосях на Тайване.

Основой хозяйства жителей равнины являлось мотыжное земледелие. Наиболее распространенные сельскохозяйственные культуры — злаковые, главным образом рис, и бобовые. Земледелием, рыболовством, ловлей крабов, добытием устриц занимались женщины. Они же производили вспашку общинного поля под руководством мужчины — «старейшины поля»⁵ [19, стр. 213; 29, стр. 24—25]. Кроме того, каждый мужчина и каждая женщина обрабатывали свои индивидуальные участки. Техника земледелия находилась на крайне низком уровне. Посевы риса, например, располагались неравномерно. Отсюда частые переосевы и нарушения всего ритма сельскохозяйственных работ. Пинпу не знали серпов и пользовались ножевидной пластиной, которой можно было срезать по одному колоску. Все это приводило к тому, что запасы делались не более чем на год. Иногда продовольствия не хватало до нового урожая, несмотря на исключительное плодородие почвы [34, стр. 213].

По мнению Г. Кандидиуса, здесь можно было бы прокормить еще сто тысяч человек [34, стр. 213].

Главное мужское занятие — охота. Охотились мужчины коллективно, маленькими группами — по двое-трое — и индивидуально. В коллективной охоте участвовали все мужчины общины. Изредка объединялись охотники двух-трех соседних общин. Существовало две разновидности коллективной охоты. В первом случае охотничьи партии вооружались длинными, в человеческий рост, копьями и использовали собак. В другом случае применялись силки. Охота с копьями выглядела следующим образом. К древку копья неплотно пригонялся стреловидный наконечник, снабженный тремя-четырьмя крючьями. К нему привязывали веревку с колокольчиком. Спустив собак, обступали зверя и метали копья. Если раненое животное кидалось в чашу, охотники по звуку колокольчика находили добычу. Силки делались из ротанга, бамбука, кокоса. Ловушку устанавливали в районе перемещения оленьих стад. Петлю прижимали куском дерева к земле. Попавшегося оленя добывали копьями [34, стр. 218].

Основная пища пинпу — рис, таро, просо. Мясо ели редко. Приготовлением пищи занимались женщины. Рис ежедневно молотили, сушили и варили на костре. Посудой служили котлы и сосуды, сделанные из глины, бамбука, дерева. Ели руками или скорлупой кокосовых орехов. Внутренности животных и рыбу засаливали не очищая. Охотники ели мясо еще не остывшего животного. Плод убитой самки съедали со шкурой и шерстью — это считалось деликатесом [34, стр. 216—219].

Вкус излюбленного напитка пинпу — мазакхау — напоминал голландцам испанские и рейнские вина. Его делали женщины. Хорошо прожаренный кусок рисового теста выплевывали в горшок и заливали водой. Верхний слой напитка был прозрачен, а нижний напоминал кашу [29, стр. 3—4].

Ремесло у пинпу, как и других тайваньских племен в XVII в., еще не отделилось от земледелия. «Нет у них ремесел и искусств, — свидетельствует Д. Райт, — но каждый делает то, что нужно» [29, стр. 12]. Посуду, одежду и оружие туземцы изготавливали в основном сами. Лодки выдалбливали из дерева.

Деревня пинпу — компактное поселение, разбитое на кварталы. В каждом квартале насчитывалось 12—14 семейных домов и один мужской дом [34, стр. 238—239].

Судя по данным миссионеров, деревни Южного Тайваня не имели

⁵ Тяглового скота на Тайване не было до прихода голландцев.

укреплений. В других районах острова Д. Райт встречал укрепленные поселения, обнесенные деревянными стенами. Вдоль стен были высажены толстые деревья, между которыми оставался узкий извилистый ход. По обеим его сторонам делались канавы, предназначенные для подслушивания. В некоторых местах Северного и Центрального Тайваня стены дополнялись бамбуковыми башнями. Поэтому никто не мог подойти к поселению незаметно. На ночь вход закрывали толстыми бревнами. На этом завале устанавливали длинные шесты, неподвижные у основания, загнутые и слабо закрепленные с другой стороны. При прикосновении конец шеста освобождался и сбивал того, кто его задел [29, стр. 17].

Строительство домов происходило в январе, во время сухого сезона. Стены делали из дерева и бамбука, крышу из соломы. Строение воздвигали на насыпном фундаменте из глины в шесть футов высотой. Общая высота постройки — двадцать-тридцать футов. Поднимались по приставной лестнице. Двери были в каждой стене. У богатых — по две двери с каждой стороны. Д. Райт утверждает, что каждые пять лет дома сносились и воздвигались новые [29, стр. 14].

Дома пинпу держали оружие, предметы труда и обихода. Спали на оленьих шкурах [24, стр. 6].

О ношении одежды у пинпу до прихода европейцев источники дают противоречивые сведения. По словам Д. Райта, они совсем не знали одежды [29, стр. 12]. Г. Кандидиус говорит, что мужчины ходили обнаженными только три месяца в году. Женщины же одевались всегда [34, стр. 212]. Одевание мужчин состояло из куска белого полотна, доходившего почти до колен и перекинутого через плечо так, что половина груди была открытой. В талии ткань перехватывалась пояском. На ноги надевали «мокасины» из шкур животных. Женская одежда — блузка с короткими рукавами, юбка до колен, передник, на голове — «двойные китайские шелковые платки с концами узла, торчавшими в разные стороны». Они ходили босиком, но голени обертывали такими же платками. Зимой аборигены одевались в шкуры животных [29, стр. 12].

Пинпу украшали свое тело с малых лет. Мужчины растягивали уши большими бамбуковыми подвесками, напомилавшими европейцам тарелки, искусно вырезанные и украшенные. В мочку уха вставляли разноцветные раковины. На шею надевали коралловые ожерелья, на руки — металлические браслеты, а на ноги — браслеты из белых раковин. За поясом прикрепляли изогнутую трубку с красным флажком, возвышавшимся над головой. По праздничным дням мужчины носили головной убор из петушиных перьев и медвежьей хвостики на ногах. Женщины предпочитали костяные кольца, браслеты из металла, бамбука, оленьего рога, бусы из стекла и камешков [34, стр. 233—234].

У пинпу существовал обычай татуировки. После появления голландцев они выкалывали на груди изображения латинских букв [21, стр. 36].

Судя по сообщениям Г. Кандидиуса, общественный строй населения юго-западной равнины Тайваня характеризовался наличием соседско-родовой общины. Община являлась единым хозяйственным, политическим и военным целым. Общинники, достигшие пятидесяти лет, выселялись на общинное поле. Они получали участок, на котором строили хижину. В деревню старики приходили только по праздникам [34, стр. 238—239]. Другие источники ничего об этом не сообщают. В общине существовала круговая порука. Так, во время пожара каждый односельчанин был обязан помочь пострадавшему. Если кто-нибудь отказывался, у него сжигали дом [29, стр. 17].

В личной собственности общинника находились орудия труда, предметы потребления, оружие, земельный надел, головы убитых врагов. Жилище, вероятно, составляло собственность рода или семьи.

К XVII в. в общине уже существовало имущественное неравенство. Об этом говорят, например, размеры свадебного подарка. Бедный жених дарил невесте три-четыре кольца, два-три комплекта верхней одежды, такое же количество нательного белья. Богатый посылал своей избраннице в два-три раза больше верхней одежды, нательного белья и колец. Кроме того, в его подарок входили такие ценные вещи, как отрезы китайской ткани, оленьи шкуры, собачья шерсть [34, стр. 233—234].

Особенность обмена у пинпу в том, что он происходил только между общинниками и иностранцами. Они меняли шкуры и мясо животных на японские кинжалы и китайскую мануфактуру. С появлением голландцев старейшины стали закупать европейское платье.

Голландцы внесли еще одно новшество — работорговлю. У одного из местных племен они покупали детей, в основном мальчиков.

Высшая власть у пинпу осуществлялась народным собранием. Оно избирало совет старейшин, состоявший из двенадцати человек старше сорока лет. Состав совета обновлялся каждые два года. После окончания срока службы бывшим членам совета выщипывали волосы на висках и макушке [34, стр. 225—226]. Г. Кандидиус рассказывает о деятельности совета: «Власть этих советников⁶ не такова, что они могут выполнить предложенное. Когда случится что-то особенное, они должны собраться, чтобы обсудить и решить, как и что сделать. Собравшись, приглашают всех жителей деревни... выдвигают все за и против ...пока не уговорят всех. Все всегда происходит в большом порядке... Они выслушивают даже противоположные мнения» [34, стр. 227].

Совет старейшин являлся также и высшим юридическим органом. Тюрем и телесных наказаний у островитян не было. Преступлением считалось нарушение религиозных норм. Штраф брали рисом, мясом, шкурами, вином. Воровство, убийство, супружеская измена официально не рассматривались как преступления. В этих случаях действовал обычай мести. За воровство или убийство отбиралась часть имущества и следовал поединок. За измену муж отбирал у соперника двух-трех свиней [34, стр. 230].

Существенный недостаток информации о семейно-брачных отношениях у островитян в том, что она исходит только от Г. Кандидиуса, писавшего с позиций христианской морали. Проверить его данные полностью не удалось. Если исходить из отчета этого миссионера, то получается, что брак в роде пинпу был экзогамен, в общине — эндогамен. С проникновением иностранцев появились смешанные браки. Допускались половые отношения до брака. В семнадцать лет юноша отпускал волосы ниже мочки уха и мог «заниматься любовью». То же делала девушка, достигшая половой зрелости. Женился мужчина в двадцать один год. Сватовством занимались кровные родственники жениха. Они относили свадебный подарок родителям или подругам невесты. Принятие подарка означало согласие на брак. Г. Кандидиус рисует типичную картину дислокального брака: «Женщина отправляется жить в дом к мужчине, но у себя остается работать, есть и спать. Также и муж остается в своем доме, но ночью, как вор, пробирается к жене в дом. Он не может произнести ни одного слова или зажечь лучину и должен немедленно ложиться в темноте. На рассвете...он обязан мол-

⁶ Старейшин голландцы называли советниками.

ча встать и крадучись тихонько удалиться. Женщина имеет свою землю, данную ей родичами, и обрабатывает ее для пропитания. Остается жить вместе с родственниками. Точно так же и каждый мужчина занимается своим делом. Так что ни муж жене, ни жена мужу ничего не дают» [34, стр. 235—236]. Поскольку хозяйственная ячейка не создавалась, семья легко распадалась по инициативе любой из сторон. Свадебные подарки оставались, как правило, у жены. Они отбирались, если жена совершала тяжелые проступки: била мужа или он заставлял ее при нарушении супружеской верности. В таких условиях полиандрия и полигиния были обычным явлением. Г. Кандидиус сообщает, что, хотя супруги и не соблюдали взаимной верности, они тщательно скрывали существование внебрачных связей, опасаясь мести. Это противоречит его собственным утверждениям и позднейшим китайским источникам. Последние о мести даже не упоминают [21, стр. 36—36б].

Г. Кандидиус утверждает, что женщине разрешали рожать первый раз только в тридцать три года. В письме генерал-губернатор Нидерландской Ост-Индской компании Я. П. Куну он сообщает, что женщины делали 15—16 аборт до рождения ребенка. Жрицы выдавливали плод ногами [25, стр. 94; 34, стр. 236—237]. Так регулировалась рождаемость.

Дети до трех-четырех лет жили у матери. Затем мальчики уходили к отцу, который помещал их в мужской дом. Здесь мальчик включался в братство сверстников «Саар Кассиёуанг» (Saar Cassioüang). В мужском доме постоянно жили холостяки, а женатые мужчины имели право ночлега. Тут же хранились головы убитых врагов [34, стр. 231]. Источники не дают более подробных сведений о роли мужских домов в жизни пинпу⁷.

По представлениям аборигенов Тайваня, окружающий мир был полон духов. Между предметами и явлениями существовали мистические связи. Отдельные вещи обладали магической силой. Поэтому люди стремились добиться расположения сверхъестественных сил, использовать их в своих интересах. Отсюда распространение у пинпу магии, гадания по сновидениям, ритуальных жертвоприношений. Так, к порою дома приступали только если приснится короткий бамбук. Иначе работа откладывалась. Затем приносили в жертву свинью. Коллективной охоте также предшествовало толкование снов и мантика — охотники наблюдали за полетом птицы айдак (Aydak): если она летела навстречу им, начинали охоту. В противном случае возвращались домой [29, стр. 17].

Особое место в ритуале тайваньских племен занимала охота за головами. Европейцы и китайцы, воспринимавшие внешнюю сторону дела, рассматривали ее как войну. Исследователи давно пересмотрели эту точку зрения [6, стр. 104; 13, стр. 77—78]. Основные мотивы такого вида охоты связаны с особенностями первобытного мышления. Пинпу считали, что духи предков благосклонны к тому, кто принесет им в жертву голову врага. В споре или в случае ложного обвинения между враждующими сторонами завязывалась схватка. Правда оставалась на стороне победителя, ибо духи всегда покровительствуют правому. Мальчик рассматривался как взрослый мужчина только после того, как ему удавалось добыть голову. Поскольку это делалось по достижении совершеннолетия, можно говорить о своеобразном обряде инициации. Охота за головами практиковалась также в порядке кровной мести, медицинской магии, для получения разрешения на брак. Она служила ут-

⁷ Китайцы сообщают также о женских домах [21, стр. 36—36б].

верждению социального статуса. Герой пользовался наибольшим почетом и уважением в обществе. Миссионеры дали подробное описание охоты за головами. Охотник вооружался коротким копьем с накрепко пригнанным двукрючным наконечником. К другому концу копия привязывали веревку, которую воин сжимал в правой руке. «Захватив врага крюком, он подтягивал его к себе, а левой отрубал голову» [29, стр. 17]. Самых храбрых и опытных воинов избирали таматава (tamatava) — начальниками военных отрядов. Приблизившись к вражескому селению, отряд разделялся на две группы. Одна из них отвлекала внимание противника. Приняв ее за основные силы, вражеские воины выходили из деревни, чтобы отбить нападение. В это время вторая группа врывается в деревню, истребляя всех подряд. Захватив три-четыре головы, отряд уходил. Ночь обеспечивала успех. Чтобы не рисковать, охотники за головами часто нападали на стариков, живших на общем поле, или на отдельные дома. В этом последнем случае тропу, ведущую к дому, преграждали заостренным тростником. Преследуемый наткнулся на тростник и тяжело ранил себе ноги [34, стр. 223].

Охота за головами не всегда заключалась в нападении на чужую деревню. Она зачастую велась в своей общине между воинами разных отрядов. У пинпу захват головы не являлся обязательным требованием охоты на человека. Достаточно было любой части человеческого тела [34, стр. 224]. Любопытен факт, рассказанный Г. Кандидиусом, об участии в одной из таких охотничьих экспедиций китайцев⁸. Вероятно, пинпу использовали их для обмана противника. Так поступили жители деревни Соуланг при нападении на о-в Люцююй (Тючен), где проживало какое-то низкорослое племя, торговавшее только с китайцами. Соулангцы переоделись в китайскую одежду, вместе с настоящими китайцами сумели обмануть одного из островитян. Его заманили в джонку и разрезали на куски [34, стр. 224].

Возвращение в деревню с головами, руками, ногами врагов превращалось в триумф. Победителям устраивали торжественную встречу с песнями, танцами, благодарственными молитвами, жертвоприношениями. Каждый считал за честь угостить героя лучшей пищей и вином. В течение пятнадцати дней с ними никто не смел разговаривать в официальном тоне. Головы торжественно носили по деревне. Было два способа изготовления черепов. Один способ — срезали мягкие части, второй — варили голову целиком. Череп водружали на шесте возле дома победителя либо, как указывалось выше, отправляли в мужской дом. В случае пожара их выносили в первую очередь, вместе с оружием, «ибо трофеи они ценят более, чем мы — золото», — пишет Г. Кандидиус [34, стр. 225].

Д. Райт уверяет, что во время охоты за головами туземцы брали пленных и отпускали их. Это мало согласуется с общепринятыми представлениями об охоте за головами. Пинпу считали, что душа пленника умирала. Пленный совершал символический обряд похорон своей души. Душу олицетворял кусок материи, имевшийся у каждого воина. «Они выкидывают свои куски материи и хоронят их, как самих себя...приносят жертвы жрицам и обращаются к ним с мольбою от имени умерших своих душ, объясняя, что они не перебежали к врагу, не изменили, не предали» [29, стр. 17].

Миссионеры подробно рассказывают о похоронах у туземцев Южного Тайваня. Тело покойного мумифицировали копчением. Затем мумию поднимали на высокий помост. Через три года ее закапывали в

⁸ По-видимому, речь идет о китайцах, проживавших в одних общинах с пинпу.

собственном доме. Похороны сопровождалась причитаниями, плачами, жертвоприношениями, танцами, молитвами [34, стр. 240—242].

Наряду с тем, что магией, гаданием, инициальной мог заниматься каждый общинник, у пинпу имелись профессиональные жрицы и знахарки. Жречество у аборигенов Тайваня не отделилось от шаманства. Жрицы — инибс (inibs) — устраивали жертвоприношения, руководили ритуалом. В представлении туземцев инибс обладали большей магической силой, чем знахарки. К заболевшему вызывали знахарку. Если состояние больного не улучшалось, обращались к жрице. После соответствующих заклинаний жрица мечом изгоняла «дьявола» (вероятнее, злого духа) из дома больного. Тяжелобольного поднимали петлей вверх, а потом быстро бросали вниз, чтобы ускорить смерть и «облегчить страдания».

О религии пинпу миссионеры писали много. Однако, будучи ортодоксальными христианами, они исходили из скопившихся догматических представлений. Поэтому многие явления ими неверно понимались и истолковывались. Духи предков, духи-хозяева, божества обозначались одним понятием — боги. Поэтому воссоздать реальную картину трудно.

Можно предположить, что имевший место у пинпу дислокальный брак отразился в существовании у божеств супружеских пар. Оба бога-супруга не отделялись в сознании аборигенов друг от друга. Им поклонялись одновременно, так как по силе они были равны. Самое почетное место в пантеоне отводилось Тамагисанчаку и Такарупаде. Олицетворяя мужское и женское начало мира, они покровительствовали урожаю и красоте. «Богам» — покровителями медицины считались Тагеталлаг и Тагисикель, войны — Тапалят и Тававопли. Только дух зла Сарифей не имел жены.

Обращает на себя внимание предание о том, что Сарифей родился человеком. Односельчане травили его за уродливую внешность. Тогда «боги» взяли юношу на небо. Оттуда Сарифей мстил людям, насылая на них болезни и напасти. Чтобы избежать козней Сарифея, местные жители отмечали «великий пост» — Қариянг — с двадцатью тремя табу.

У пинпу насчитывалось семь праздников. Из них четыре или пять (в источнике неясно) связаны с земледельческим культом. Отмечавшийся в апреле Тупаупыйлахкканг предшествовал полевым работам. Июньский Выборланг Варлоо посвящался борьбе с сорняками, пожарами, змеями. В июле — Сикарнярьян, во время которого мужчины просили о защите от врагов, а женщины — о сохранении урожая. В сентябре праздновали Лингоуг, связанный со сбором урожая. На октябрь падало два праздника: Пиньянг — праздник стариков и Итаоуанганг — праздник воинов. Подробности ноябрьского эротического праздника Караулауханг миссионеры не сообщают [29, стр. 18—23].

Материалы XVII в. говорят, что у пинпу была культура, элементы которой прослеживаются у гаошань, народов Индонезии, Малайзии, Филиппин, Микронезии, Полинезии [1, стр. 71; 8, стр. 44—46; 9, стр. 1—4; 11, стр. 61; 17, стр. 60—62; 22, стр. 2—5; 23, стр. 1—12].

1. Бартон Р. Ф., Использование мифов как магии у горных племен Филиппин, — «Советская этнография», 1935, № 45.
2. Дюгальд Ж. Б., Географическое, историческое, хронологическое описание Китайской империи, СПб., 1775.
3. «Историческое и географическое описание Китайской империи», М., 1789.
4. «История о завоевании Китая манжурскими татарами, сочиненная г. Воже де Брюнем», М., 1788.
5. Кюнер Н. В., Горные племена Формозы (вторая редакция), — Архив ИВАН ф. 91, оп. 2.

6. Кюнер Н. В., Коллективные охоты у формозских племен (у племени атайял),— «Советская этнография», 1937, № 2—3.
7. Кюнер Н. В., Народы острова Тайвань,— Архив ЛО ИЭ, ф. 8, оп. I, ед. хр. 90.
8. Маретин Ю. В., Община и ее типы в Индонезии, М., 1964.
9. Маретина С. А., Дом холостяков у народов Юго-Восточной Азии,— «IV научная конференция по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии (тезисы)», Л., февраль 1972, стр. 44—47.
10. Мольтрехт А., Четыре месяца зоологической и этнологической работы среди дикарей Центральной и Южной Формозы,— «Известия русского географического общества», т. II, СПб., 1916.
11. «Народы Австралии и Океании», М., 1956.
12. «Народы Восточной Азии», М.—Л., 1965.
13. Невский В. А., Материалы по говорам языка цоу, М.—Л., 1935.
14. «Очерки общей этнографии. Зарубежная Азия», М., 1959.
15. Позднеев Д. М., Заметки о Формозе,— Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 590, оп. 36.
16. Позднеева В., Остров Формоза или Тайвань,— «Известия Всесоюзного географического общества», т. LXI, вып. II, 1930.
17. Ревуненкова Е. В., Шаманизм и шаманский комплекс в Малайе и Индонезии,— «IV научная конференция по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии (тезисы)», Л., февраль 1972, стр. 60—62.
18. Стратанович Г. Г., Некоторые данные по этнографии амэй «гаошань»,— «Советская этнография», 1958, № 5.
19. Стратанович Г. Г., К вопросу о путях переселения племен «гаошань» на о. Тайвань,— «Советская этнография», 1962, № 4.
20. У Ч жу а н д а, Тайвань, М., 1959.
21. Гуцзинь тушу цзичэн (Собрание древних и современных картин и книг), т. XXI, цз. 1109, Шанхай, 1936 (на кит. яз.).
22. Лянь Хэнь, Тайвань тунши (Всеобщая история Тайваня), т. I, Шанхай, 1947 (на кит. яз.).
23. «Тайван такасагодзоку кэйто сэдзоку но кэнкю» (Изучение генеалогии аборигенов Тайваня), т. I, Тайхоку, 1935 (на яп. яз.).
24. «Хуанцинчжигунту» (Альбом данников династии Цин), Бянь 2, цз. 3, 1751 (на кит. яз.).
25. Campbell R. W., Formosa under the Dutch, London, 1903.
26. Chen Kang Chai, Taiwan Aborigines, Cambridge (Mass), 1967.
27. Chia-min Hsieh, Taiwan-ilha Formosa, London, 1964.
28. Davidson J. W., The Island Formosa, London — New York, 1903.
29. «Gedenkwürdige Verrichtung der Niederländischen Ost-Indischen Gesellschaft in dem Kaiserreich Taising oder Sina, durch ihre zweyte Gesandtschaft an den Unterkönig Singlamong und Feldherren Taising-Lipoi. Ausgeführt durch Joan van Kampen und Constantin Nobel; wobei alles dasjenige was auf dem Sinischen Seestrande und bey Tajowan, Formosa, Aimuy und Quemuy, unter dem Beschlaber Balthasar Bort, im 1662 und folgenden Jahre vorgefallen erzählt wird. Als auch die dritte Gesandtschaft an Konchi, Sinischen und Ost-Tartarischen Kaiser, verrichtet durch Pieter van Hoorn. Hierbey ist gefüget eine ausführliche Beschreibung des gantzen Sinischen Reichs und ist durchgehendes das gantze Werk mit viel schönen Kupferstücken gezieret», Amsterdam, 1674.
30. Gravius D., Aan den Godvruchtigen en Bescheydenen Leser,— «Memoirs of the Faculty of Literature and Politics Taihoky Imperial University», Taihoky, 1939.
31. Imbault-Huart C., L'île Formose, Paris, 1898.
32. Ischii Siinji, The Island Formosa and its Primitive Inhabitants, London, 1916.
33. Mackey G. L., From far Formosa, Edinburg — London, 1900.
34. «Relation de L'état de l'iles, Formose, Ecrite par George Candidius, Ministre du S. Evangile, envoyé dans cette, Ilse pour la propagation de la Foi Chrétienne»,— «Recueil des voyages», Rouen, t. IX, 1725.
35. Semedo F. A., The History of That Great and Renowned Monarchy of China, London, 1655.
36. Swinhoe R. S., Notes on the Ethnology of Formosa, London, 1863.
37. Valentyn F., Beschryvinge van Tayouan, of Formosa,— «Zaaken van den Godsienst op het Eyland Java, Als ook een Beschryving van het Nederlandsch Comptoir in Suratte, En van de levens der Grootte Mogols, Mitsgaders een Verhaal der Zaaken van China. Nevensen Beschryving van't Eyland Formosa ofte Tayouan, en de zaaken dar toe behoorende; Waar achter gevoegt zyn des Schryvers Uyt en t'Huys — Reyzen», Deel. IV, S. II, Dordrecht — Amsterdam, 1726.
38. «Verwaerloosde Formosa», Amsterdam, 1675.

К. Рыбу, Е. Лубо-Лесниченко

ОГЛАХТЫ И ЛОУЛАНЬ

(Две группы древних художественных тканей)

Материалы из Оглахтинского могильника, расположенного в 60 км к северу от Минусинска, на правом берегу Енисея, имеют важнейшее значение для изучения культуры населения Южной Сибири в Таштыкский период (II в. до н. э. — V в. н. э.). Случайно открытый местными жителями в начале нашего столетия, этот могильник был обследован в 1903 г. известным сибирским археологом А. В. Адриановым [1]. Его находки были введены в научный оборот Г. П. Сосновским [10] и А. Таллгреном [24] и приобрели широкую известность [3, стр. 220—225; 4, стр. 100—114]. Спустя 63 года после работ А. В. Адрианова, в 1969 г., этот могильник вновь был изучен советским археологом и историком Сибири Л. Р. Кызласовым¹. Материалы его экспедиции в настоящее время проходят реставрацию в Государственном Эрмитаже и готовятся к публикации².

Благодаря исключительной сухости почвы и благоприятным климатическим условиям в могильнике сохранились вещи, изготовленные из таких нестойких материалов, как дерево, кожа, мех, ткани. Существенное место среди находок в Оглахтах занимают полихромные узорные шелковые ткани. Так, в раскопанной А. В. Адриановым могиле № 1 подобная ткань обтягивала чучело головы [24, стр. 74, рис. 5]³ и другая ткань покрывала берестяной туесок [10, стр. 36; 24, стр. 85; рис. 22]. Другой туесок, обтянутый полихромной шелковой тканью, был обнаружен в могиле № 2 [24, стр. 85, рис. 23]⁴. Во время раскопок 1969 г. Л. Р. Кызласовым в могиле № 4 (Оглахты VI) был найден колчан из оленьей кожи, обшитый по краю шелковой тканью, составленной из нескольких фрагментов. Кроме того, кусочки ткани были обнаружены при реставрации куклы-манекена № 1 в могиле № 2. Фрагмент полихромной ткани также находится на «голове» куклы № 2 могилы № 4.

Ознакомление с орнаментацией и техникой этих тканей свидетельствует о том, что они были изготовлены в далекой Ханьской империи

¹ Авторы выражают глубокую благодарность Л. Р. Кызласову за предоставленную возможность работать над материалами его раскопок.

² Ко времени написания этой статьи вышло краткое предварительное сообщение о раскопках [17].

³ По сведениям, полученным от Л. Р. Кызласова, ткань хранится в Красноярском музее.

⁴ Следует отметить, что в Оглахтах, кроме узорных, было обнаружено и несколько гладких безузорных тканей.

{II в. до н. э.—II в. н. э.), на что уже обращали внимание Г. П. Сосновский и А. Таллгрэн [10, стр. 38—39; 24, стр. 82—86].

Находки на территории Южной Сибири ханьских тканей наряду с бронзовыми зеркалами и монетами отражали развитие внешних связей таштыкцев, входивших во II—I вв. до н. э. в гуннский союз племен [4, стр. 100—114]. Прошедшие далекий путь шелковые ткани высоко ценились местным населением. Об этом свидетельствует стремление использовать как украшения даже самые маленькие кусочки тканей.

Изучение узорных шелковых тканей, обнаруженных в Оглахтах, облегчается тем обстоятельством, что в настоящее время известно более пятидесяти полихромных узорных тканей ханьского периода. Эти ткани были найдены в основном или в районе трассы Великого шелкового пути (Лоулань, Ния, Эдзин-Гол, Лобнор, Дуньхуан), куда они попадали с торговыми караванами, или на территории Сибири и Монголии (Ноин-ула, Ильмовая падь, Оглахты), куда они проникали прежде всего в виде дани или подарков. Особо следует упомянуть могильник Ноин-ула (Северная Монголия), датированный началом нашей эры [26, стр. 28—31 яп. текста; 7]. Во время раскопок 1925 г. П. К. Козлов обнаружил там пятнадцать различных типов шелковых полихромных тканей ханьского времени. Эти ткани хранятся в Государственном Эрмитаже [6]. Другим важным центром находок ханьских тканей является известный могильник в Лоулане, обследованный А. Стейном во время его экспедиции 1913—1916 гг. и датированный им I в. до н. э.—II в. н. э. [21, vol. I, стр. 227]. Коллекция лоуланьских тканей, состоящая примерно из 25 различных типов, находится в Национальном музее Индии в г. Дели [15].

Характерной особенностью всех дошедших до нас полихромных шелковых тканей ханьского времени является то, что у них одинаковая техника изготовления. Как об этом уже писал один из авторов этой статьи: «Узор у них вырабатывается основами. Уточные нити всегда одноцветны и выполняют лишь две вспомогательные функции: связывают основные нити и проходят между работающей и неработающей основами, что позволяет, меняя основы, ткать узор... Нить основы проходит над тремя нитями утка, спускаясь под одну. На лицевой стороне ткани находится одна основа, остальные выходят на изнанку» [6, стр. 12]. Эта специфическая техника, возникнув, по-видимому, в глубокой древности [6, стр. 28—29], существовала в Китае до VII—VIII вв. н. э. [20; 25]. Обследованные нами оглахтинские ткани не представляют исключения, и все они изготовлены в этой технике⁵.

Среди узорных тканей, обнаруженных А. В. Адриановым, наше внимание прежде всего привлекает найденная в могиле № 2 ткань, покрывающая туесок. Она состоит из двух фрагментов (размеры 12 × 10,5 см и 9,5 × 10 см; рис. 1, 2). Ткань выполнена тремя основами темно-коричневого, светло-коричневого и темно-синего цветов. Орнамент ее состоит из облачных лент, соединенных с фигурами в виде волот с загнутыми зубцами. На лентах помещены различные звери, и в промежутках между ними вытканы иероглифы в стиле «лишу». На большем фрагменте сохранилось три иероглифа («и», «шоу» и «да») и на меньшем — два иероглифа («и» и «цзы»).

Поиски аналогий оглахтинской ткани заставляют нас обратить внимание на группу тканей из находок в Лоулане, схематическая прорисовка орнамента которых приведена А. Стейном [21, vol. III, pl. XLII,

⁵ В этой технике выполнен самый древний из известных нам образцов шелковых полихромных тканей, обнаруженный в Пазырыке и датированный V в. до н. э.

ЛС. I.06]. Детальное изучение этой группы, проведенное нами в Национальном музее (г. Дели), показало, что она, в свою очередь, распадается на три подгруппы, отличающиеся между собой раскраской, деталями орнамента и формой написания иероглифов.

Аналогия или, точнее сказать, полная тождественность оглахтинской ткани обнаруживается у серии фрагментов типа ЛС. I.06. У них одинаковое количество основ той же самой раскраски, одинаковая плотность нитей основы (120—130 на 1 см), а также полное совпадение всех деталей орнамента и формы написания иероглифов. Столь полное сходство заставляет утверждать, что оглахтинская ткань и лоуланьские фрагменты являются частями двух кусков одной и той же ткани.

Кроме Лоулани ткань, аналогичная оглахтинской, была обнаружена при раскопках, проводимых в 1959 г. в Ния. Как можно судить по описанию и иллюстрации (к сожалению, плохого качества), по своим техническим данным, орнаменту и надписи она также очень близка к ткани из Оглахтов [13, стр. 47, 59—62]. Ценность этой находки увеличивается тем, что ткань из Ния сохранилась в полную ширину.

Как уже упоминалось выше, в 1969 г. Л. Р. Кызласов в могиле № 4 обнаружил кожаный колчан, окаймленный полихромной шелковой тканью. Эта ткань состоит из пяти сшитых вместе фрагментов, общая длина которых составляет 31,3 см и ширина — от 1,6 до 2,4 см (рис. 3). Четыре фрагмента представляют собой части одного и того же куска ткани. На них можно различить части облачной ленты с завитками и иероглифы («дэн» и «гао» на фрагменте № 1, «гао» и «мин» на фрагменте № 2 и «хай» на фрагменте № 5). Фрагмент № 4 по техническим особенностям и окраске отличен от остальных. На нем также заметны остатки облачной ленты и иероглифы «шоу» и «вэй» (?).

Близкую аналогию четырем вышеупомянутым фрагментам дает ткань ЛС.08 из Лоуланя [21, vol. III, XLII]. Как лоуланьская, так и оглахтинская ткани выполнены тремя основами четырех цветов (темно-синий, светло-коричневый, беж и зеленый) и имеют одинаковую плотность нитей основы (138—144 на 1 см).

Детали орнамента и надпись оглахтинской ткани находят себе полное соответствие из ткани ЛС.08.

Ткань, покрывающая туесок из могилы № 1, раскопанной А. В. Адриановым (размер 15 × 10,5 см), выполнена двумя основами и имеет узор в виде светло-желтых квадратиков, образующих ромбы. В центре ромба — квадрат, составленный из пяти квадратиков. Фоновая основа образует полосы зеленого, синего, коричневого и других цветов [4, стр. 85, рис. 23]. Тождественный орнамент находится на ткани ЛС.01 из Лоуланя [21, vol. III, pl. XXXV].

Орнамент частично сохранился еще на двух фрагментах тканей из Оглахтов. Один из них, обнаруженный на одежде (кукла № 1, могила № 2, Оглахты VI, разм. 9 × 3,5 см), выработан двумя основами темно-синего и желтого цветов. На нем заметны детали узора в виде сильно стилизованных зооморфных форм и фантастических животных (рис. 4). Близкой аналогии этой ткани мы не знаем. Частично сохранившийся на оглахтинской ткани фантастический зверь с длинным хвостом и птичьей лапой близок к животному на лоуланьской ткани ЛС. II.01. [21, vol. III, pl. XXXVI].

Ткань на голове куклы (размер 4,5 × 4 см) также выработана двумя основами: одна из них, светло-песочного цвета, образует узор, другая — фоновые полосы светло-желтого, синего и кирпичного цветов. На ткани сохранились части облачной ленты и изображения зверя, по-

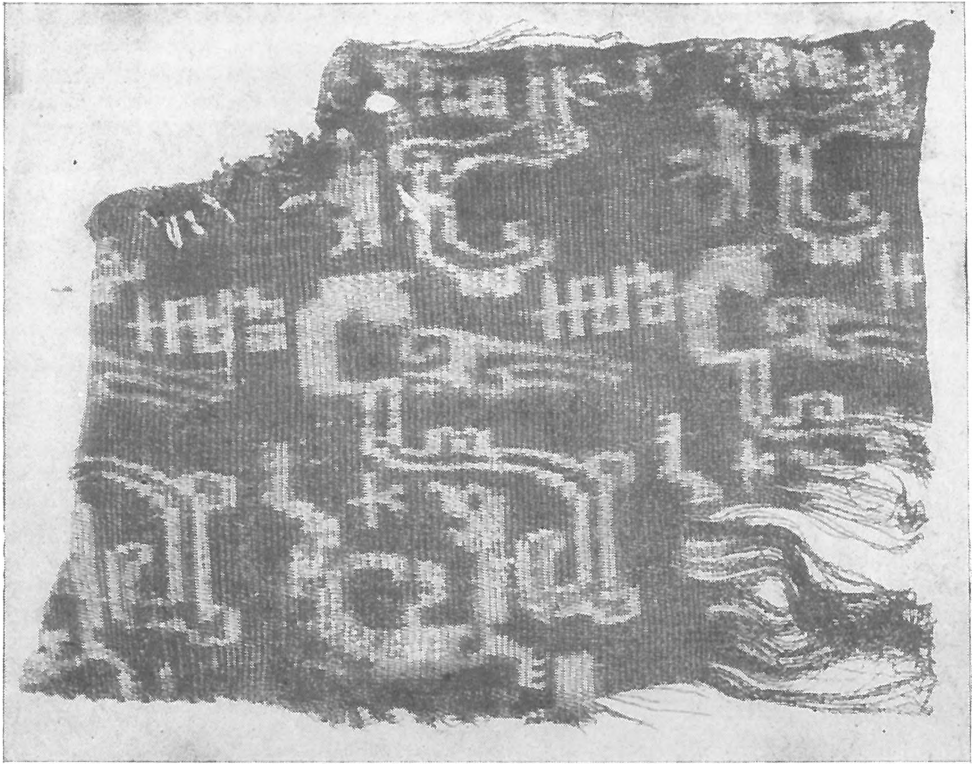

Рис. 2

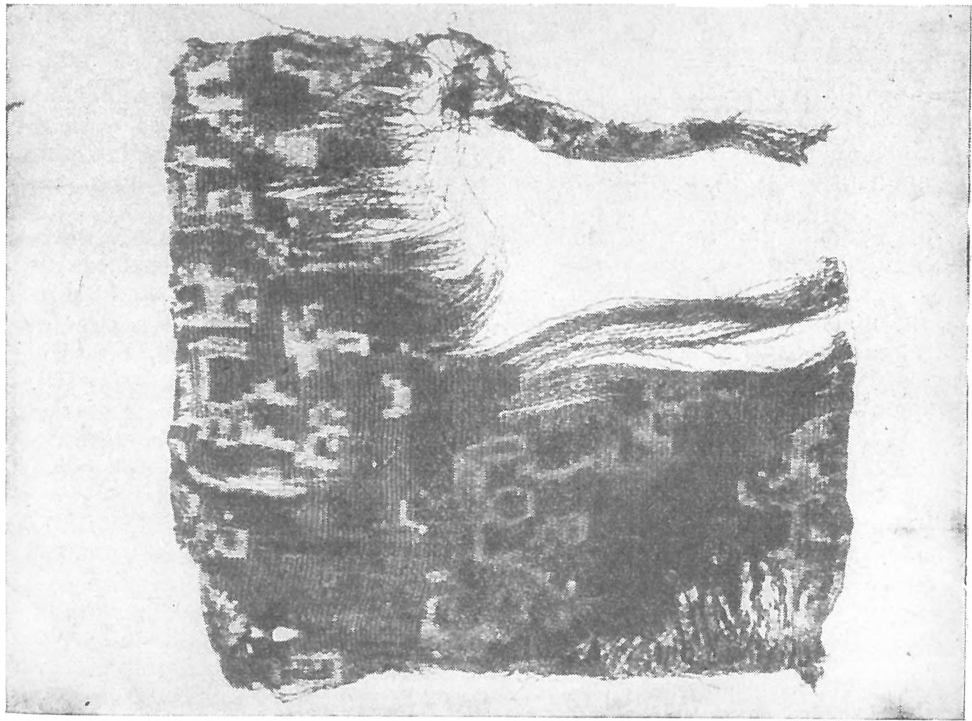

Рис. 1

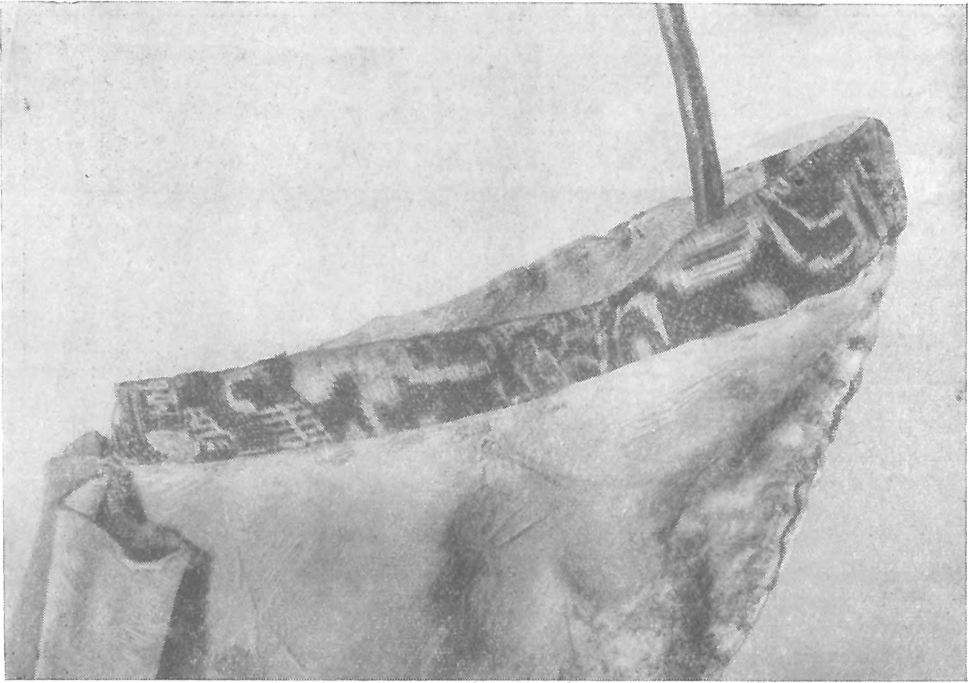

Рис. 3

хожего на собаку. Характерным признаком этой ткани является малый раппорт рисунка по основе, равный всего лишь 2,6 см.⁶

Таким образом, приведенные выше аналогии свидетельствуют о несомненной связи или, лучше сказать, родстве, существующем между оглахтинскими и лоуланскими тканями. Вместе с тем следует отметить, что материалы из другого крупного центра находок ханьских тканей — Ноин-улы — подобного сходства не дают.

Прежде чем как-то объяснить это любопытное явление, необходимо осветить связь между Лоуланем и Ноин-улой, с одной стороны, и остальными центрами находок тканей — с другой.

Раскопки в Ильмовой пади (Бурятская АССР) производились Г. П. Сосновским в 1928—1929 гг. Среди находок, датированных им I в. н. э., было обнаружено большое число кусков шелковой полихромной ткани [11, стр. 60—61, рис. 2; 6, стр. 37, табл. XXIV], которая по своим техническим качествам и рисунку близка к ткани ЛС.03 из Лоуланя, о чем уже писали авторы этой статьи совместно с Г. Виалем [19, стр. 25—96].

Во время раскопок, проводимых Синьцзянским музеем в районе древнего города Ния в 1959—1960 гг., были обнаружены три различные полихромные шелковые ткани, датированные периодом Восточной Хань (I—II вв. н. э.) [13, табл. I (цветная), II—III]. Одна из них, как уже упоминалось выше, аналогична оглахтинской ткани из могилы № 1 (раскопки Адрианова) и ткани ЛС.1.06 из Лоуланя.

В 1934 г. в нижнем течении р. Кумдарьи неподалеку от Лоуланя работала шведская археологическая экспедиция под руководством

⁶ Среди находок, сделанных Л. Р. Кызласовым, имеются еще пять фрагментов четырех различных полихромных тканей с неразличимым рисунком.

Рис. 4

Ф. Бергмана. Среди трех полихромных тканей, обнаруженных этой экспедицией, ткань 34:46 тождественна ткани LC.07 из Лоуляня [23, стр. 125—138; табл. 19 (a—d); 21, vol. III, pl. XXXV, XLII].

А. Стейн во время Второй экспедиции в Центральную Азию (1906—1908 гг.) производил обследование ханьских погребений I—II вв. н. э., расположенных близ Дуньхуана. При раскопках им были обнаружены фрагменты полихромных шелковых тканей трех различных типов. Одна из них (Т.XVa [21, 002a] имеет близкое сходство с тканями LC.0.31 и LC.V.017 из Лоуляня [22, vol. IV, pl. LV; 21, vol. III, pl. XXXV, XLII].

Единственным исключением являются находки в районе р. Эдзин-Гол (Внутренняя Монголия), сделанные в 1930—1931 гг. Ф. Бергманом и датированные I—II вв. н. э. Обнаруженные им четыре узорные полихромные ткани аналогий среди известного нам материала не имеют [23, стр. 115—125, pl. 16—18].

В результате проведенного сравнения можно сделать следующий вывод. Все известные нам полихромные шелковые ткани ханьского времени представляется возможным разделить на две большие группы.

Первая из них — Лоуланьская, которая наряду с материалами из Лоу-лани включает в себя почти все известные находки из других центров: Оглахтов, Ильмовой-пади, Нии, Кумдарьи, Дуньхуана (исключение составляет лишь маленький эдзин-голский комплекс). Другая группа — это материалы из Ноин-улы, стоящие особняком и не имеющие аналогий ни в одном из перечисленных выше пунктов.

Пытаться объяснить это явление разницей в датах не представляется возможным, так как все находки укладываются в хронологическом отношении с I в. до н. э. по II в. н. э. Единственно возможное, на наш взгляд, предположение состоит в том, что ткани лоуланьской и ноин-улинской групп происходят из различных центров производства. Как уже говорилось, ноин-улинские ткани из погребений гуннских шаньюев были, по всей видимости, присланы в дар гуннам китайским двором [2]. Императорские мастерские, поставлявшие ткани для двора, находились в Сяньи (совр. провинция Шаньдун) и в Чанъяни [6, стр. 13; 14, стр. 462]. Со значительной долей уверенности мы можем утверждать, что ноин-улинские ткани были выработаны в этих знаменитых мастерских древности. Вероятно, этим же можно объяснить присутствие в Ноин-уле таких уникальных образцов, как жертвенная ткань с орнаментом «фу фу», тканей с изображением пейзажа и священных птиц, рыбок и т. д. [6, табл. V, VIII, XI, XIV].

Что касается тканей лоуланьской группы, то она, как нам кажется, является продукцией других, скорее всего частных, мастерских и, возможно, других центров, как, например, Шу (современная Сычуань).

Прежде чем анализировать орнамент и давать перевод тканых надписей, представляется уместным привлечь данные «Е чжун цзи» — «Записок из столицы Е», составленных в период Цзинь (317—420 гг.) Лу Фэем. В «Записках из столицы Е» рассказывается о деяниях Ши Ху (Тайцзу У-ди, 335—349 гг.), правителя Позднего Чжао (319—350 гг.) — одного из эфемерных государственных образований на территории Северного Китая. Одна из историй, помещенных в «Записках», рассказывает, какие типы узоров тканей производились в то время в столице Чжао. Этот текст содержит самое раннее из дошедших до нас описание орнаментальных тканей, встречающееся в китайских письменных источниках. Приведем его полностью: «Ткацкий приказ находился в Среднем дворцовом управлении. Среди полихромных тканей там изготовляли [ткани] с большой [надписью] „подняться на вершину“ [„дэн гао“], с малой [надписью] „подняться на вершину“ [„дэн гао“], с большой [надписью] „талант блестящ“ [„мингуан“], с малой [надписью] „талант блестящ“ [„мингуан“], с большим [изображением] горы Бошань, с малым [изображением] горы Бошань, с большим [изображением] кизиловых побегсв, с малым [изображением] кизиловых побегов, с большим [изображением] драконов-цзяолун, с малым [изображением] драконов-цзяолун, полихромные ткани с узором из виноградных побегов, полихромные ткани с пятнистым орнаментом, полихромные ткани с изображением фениксов и птиц «чжуняо», полихромные ткани с узором «тао» (в виде птичьих голов?), полихромные ткани с орнаментом в виде персиковых косточек, а также белые репсовые ткани, желтые репсовые ткани, зеленые репсовые ткани, пурпурные репсовые ткани, шу'ские репсовые ткани. Работа была искусной, и изготовляли их во множестве, всех наименований перечислить было невозможно» [5, стр. 8].

Сведения, приведенные Лу Фэем, написаны на сто с лишним лет позже падения Ханьской империи. За это время в китайском орнамен-

тальном искусстве появились новые мотивы, пришедшие с Запада. К этим мотивам прежде всего следует отнести орнамент из виноградных завитков, упомянутый в «Записках». Вместе с тем большинство названных мотивов продолжают ханскую традицию.

Среди разнообразных типов орнамента на первое место Лу Фэй ставит изображения священной горы Бошань, а на второе — узоры в виде кизилowych побегов. Отождествление первой категории, упомянутой Лу Фэем, по-видимому, не вызывает сомнения. Названием «Бошань» в ханское время обозначалось стилизованное изображение даосского рая в виде облачных лент, реально существующих и фантастических существ [18, стр. 174—198; 6, стр. 44—46]. К категории «бошань» принадлежит весьма значительное число известных нам ханских тканей. Так, среди примерно сорока различных типов тканей из Лоуланя и Ноин-улы их число составляет 13. Сюда же из находок в Оглахтах следует отнести и ткань с туюска из могилы № 1, ткань с колчана из могилы № 4, а также фрагмент на голове куклы.

Несколько сложнее отождествить вторую группу орнамента в виде «кизилowych» или «терновых» завитков, упомянутых Лу Фэем. В связи с изучением тканей, обнаруженных в Ния, Ся Най высказал предположение, что под этим обозначением скрывался широко распространенный в ханское время тип орнамента в виде листа, образованного волютами с отходящими от него отростками [13, стр. 59]. Иногда этот мотив изображался вместе с облачной лентой. Как и последние, этот орнамент имел зооморфное происхождение, представляя собой далеко зашедшую стилизацию «птицы-дракона» [6, стр. 39—40]. В ханское время его происхождение было забыто, и он стал рассматриваться как растительный орнамент, имеющий благовещное значение и прогоняющий злые влияния [13, стр. 59—60]. По распространенности этот орнамент занимает второе место после облачной ленты. Об этом может свидетельствовать тот факт, что в находках из Лоуланя и Ноин-улы он представлен шестью образцами. К этой же категории следует, по-видимому, отнести и фрагмент ткани из одежды куклы из могилы № 2.

Характерной особенностью списка Лу Фэя является то, что он наряду с перечислением распространенных орнаментов упоминает и надписи, игравшие важную роль в орнаментации ханских тканей. Начиная с них классификацию, он в каждом случае дает лишь два иероглифа, которые должны были раскрыть смысл надписей и должны были быть понятны его современникам. К счастью, понять содержание этих надписей нам помогает имеющийся в нашем распоряжении материал. Как уже отмечалось, тканую надпись, начинающуюся с иероглифов «дэн гао», упомянутых Лу Фэем, содержат ткань LC.08 из Лоуланя и ткань, окаймляющая колчан, из Оглахтов. На лоуланьской ткани имеется шесть иероглифов, на оглахтинской — четыре (первые три и шестой иероглиф). Поскольку ткань LC.08 имеет в ширину около 15 см, т. е. менее трети полной ее ширины⁷, то мы вправе предположить наличие в надписи еще нескольких, не дошедших до нас иероглифов. Сохранившаяся ее часть переводится следующим образом: «Подняться на высокую вершину и наблюдать весь мир»⁸. Расшифровать скрытый смысл этой надписи помогает глава «Тянь гуань» из «Записок историка» Сыма Цяня. В одном из разделов этой главы рассказывается о

⁷ В ханское время ширина полихромных тканей была равна приблизительно 50 см [6, стр. 18—20].

⁸ Иероглифы «Гао мин» мы перевели как «высокая вершина» и «сыхай» (досл. «четыре моря») как «мир». См. Марахаси [9, т. XII, стр. 13213; т. III, стр. 2280—2281].

звездах и благоприятных и неблагоприятных знамениях на небе и их влиянии на жизнь государства. Далее текст говорит: «Что касается благовещих светил, то это светила, обладающие добродетелью „дэ“. Внешний вид их изменчив. Появляются они в государстве, следующим истинному пути — „дао“. При этом всегда наблюдают облака. Смотрят вверх и наблюдают их. На триста-четырееста ли вокруг — ровная поверхность. Если наблюдать во время заката, то [можно видеть] на две тысячи ли. Поднимаются на высокую гору и наблюдают их. Внизу прилегающие земли простираются на две тысячи ли» [12, цз. 27, стр. 434].

Из текста Сыма Цяня ясно, что в ханьское время эта надпись имела важное ритуально-магическое значение, что и заставило Лу Фэя в перечислении поставить ее на первое место.

Лоуланьские находки позволяют расшифровать и другой тип тканых надписей, упоминаемых «Записками из столицы Е». На двух тканях (ЛС.И.07а и ЛС.И.011) встречается надпись, состоящая из четырех иероглифов: «Чан лэ мин гуан» — «[Пусть Ваша] радость будет постоянной и [Ваш] талант блестящим» [16, стр. 1046]. Два последних иероглифа этой надписи совпадают с иероглифами, упомянутыми Лу Фэем.

Анализируя примерно 13 известных нам тканых надписей ханьского времени [16, vol. III, стр. 1045—1046; 13, стр. 58—59; 8], мы видим, что по смыслу их достаточно четко можно разделить на две группы: надписи благопожелательного характера, составляющие большинство (десять надписей), и надписи, имеющие религиозно-магический смысл (три надписи). Подобную классификацию их проводит и Лу Фэй, давая по одной, самой важной, по его представлению, надписи из обеих групп.

Надпись на оглахтинской ткани, покрывающей туесок, из могилы № 1, как уже упоминалось, сохранилась лишь частично. Полностью эта надпись восстанавливается на фрагментах аналогичной ткани из Лоуланя, и она же наблюдается на ткани из Ния. Полностью эта надпись переводится следующим образом: «Годы [Ваши да] продолжатся, пусть [Ваше] долголетие увеличится, пусть [у Вас] будут сыновья и внуки». Таким образом, видно, что это типичная благопожелательная надпись. Интересно отметить, что среди известных нам тканых надписей она является самой распространенной. Кроме упомянутых выше тканей из Оглахтов, Лоулани и Ния она встречается на лоуланьской ткани ЛС.И.03, имеющей отличный орнамент [21, vol. III, pl. XXXIV, 16, стр. 2046].

В заключение мы хотим высказать надежду, что введение в научный оборот новой и интересной группы древних орнаментальных тканей из Оглахтов позволит продвинуть еще на шаг наше представление об этом важном виде дальневосточного художественного ремесла.

1. Адрианов А. В., Оглахтинский могильник. Иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь», 1903, № 249, 254.
2. Бернштам А. Н., Гуннский могильник Ноин-ула и его историко-археологическое значение, — «Известия АН СССР, Отделение общественных наук», 1937, № 4.
3. Киселев С. В., Древняя история Южной Сибири, М.—Л., 1949.
4. Кызласов Л. Р., Таштыкская эпоха, М., 1960.
5. Лу Фэй, Е чжун цзи (Записки из столицы Е), Шанхай, 1937.
6. Лубо-Лесниченко Е., Древние китайские шелковые ткани и вышивки V в. до н. э.— III в. н. э. в собрании Государственного Эрмитажа, Л., 1961.
7. Лубо-Лесниченко Е., Китайские лаковые изделия из Ноин-улы, — «Труды Государственного Эрмитажа», т. X, 1969.
8. Лубо-Лесниченко Е., Надписи на китайских шелковых тканях периода Хань в Государственном Эрмитаже, — «Эпиграфика Востока», XIII, 1960.

9. Марахаси, Дай канва дзитэн, Токио, 1956 (на яп. яз.).
10. Сосновский Г. П., О находках Оглахтинского могильника,— «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 7—8.
11. Сосновский Г. П., Раскопки Ильмовой пади,— «Советская археология», VIII, 1945.
12. Сыма Цянь, Шицзи (Исторические записки), Шанхай, 1958 (на кит. яз.).
13. Ся Най, Синьцзян синь фасяньди гудай сычжипинь ци цзинь хэ цысю (Древние шелковые изделия: камки, полихромные ткани и вышивки, недавно обнаруженные в Синьцзяне), — «Каогу сюэбао», 1963, № 1 (на кит. яз.).
14. Цзань Бо-цзянь, Чжунго шиган (Краткая история Китая), т. 2, Шанхай, 1947 (на кит. яз.).
15. Andrews F. H., Descriptive Catalogue of Antiquities Recovered by Sir Aurel Stein During his Explorations in Central Asia, Kansu and Eastern Iran, Delhi, 1935.
16. Giles L., Chinese Characters on Figured Silks,— в кн. A. Stein, Innermost Asia, Detailed Report of exploration in Central Asia, Kansu and Eastern Iran, Oxford, 1928, vol. II.
17. Kyslassow L., Das Grabmal am Jenissey, Ideen des Exacten Wissens, 8/71.
18. Laufer B., Chinese Pottery of the Han Dynasty, Leiden, 1909.
19. Riboud K., Loubo-Lesnitchenko E., Vial G., A Comporative Study of two Similar Han Documents,— «Bulletin de liaison du Centre International d'Etude des textiles anciens», Lyon, 1968, № 28.
20. Riboud K., Vial G., Tissus de Touen-huang, Paris, 1970.
21. Stein A., Innermost Asia. Detailed Report of Exploration in Central Asia, Kansu and Eastern Iran, vol. I—III, Oxford, 1928.
22. Stein A., Serindia. Detailed Report of Exploration in Central Asia and Westernmost China, vol. I—IV, Oxford, 1921.
23. Sylvan V., Investigations of Silk from Edsen-gol and Lob-nor, Stockholm, 1949.
24. Tallgren A. M., The South Siberian Cemetery of Oglakty from Han Period, Eurasia Septentrionalis Antiqua, vol. XI, Helsinkin, 1931.
25. «Textiles of Shosoin», Tokyo, 1965, vol. I—II.
26. Umehara S., Studies of Noin-ula Finds in North Mongolia, Tokyo, 1960.

В. Б. Блэк

НЕКОТОРЫЕ ПАМЯТНИКИ ИСКУССТВА ЗАКАВКАЗЬЯ ЭПОХИ РАЗВИТОЙ БРОНЗЫ

(Первая половина и середина II тысячелетия до н. э.)

Во II тысячелетии до н. э. в Закавказье на основе культуры III тысячелетия до н. э. окончательно оформилась культура эпохи бронзы. В это время в Закавказье продолжало интенсивно развиваться скотоводство. У племен, владевших большими стадами и месторождениями меди, сосредоточились значительные материальные богатства, которые дали им возможность вести широкий обмен не только с соседними племенами, но и со странами Передней Азии. О процессе резкого имущественного расслоения, а также о высоком уровне изобразительного искусства можно судить по роскоши и богатству некоторых погребений.

Особенно типичны богатые курганы, открытые в 40-х годах XX в. Б. А. Куфтиным в Триалетском районе Грузии. Захоронения эти представляют собой индивидуальные погребения вождей племени, которое, вероятно, стояло во главе союза племен.

В них были найдены расписные глиняные сосуды и много предметов, сделанных из драгоценных металлов: кубки, навершия для «штандартов», редкие образцы оружия, украшения в виде завитков, булавки.

Все изделия отличают зрелость устоявшихся, выработанных форм и большая пластическая насыщенность, весомость. Это относится почти ко всем предметам: сосудам с плавным изгибом широких плечиков и общей выверенно-найденной формой, к серебряным и золотым кубкам и украшениям. Везде крупные объемы, мягкость переходов одной формы в другую, их живая полнокровность. Это говорит о глубокой народности культуры, давшей подобные памятники, о ее расцвете, о том, что мастера работали непосредственно, с полнотой живого чувства и в то же время обладали значительными навыками и сложившимися древними традициями.

Триалетские курганы не составляют в Закавказье исключение. В 1948 г. Б. Б. Пиотровским было исследовано обнаруженное при строительстве богатое захоронение в г. Кировакане Армянской ССР, в разномобразном погребальном инвентаре которого также было открыто много художественных изделий. Как и в Триалети, в кироваканском погребении было найдено много предметов из драгоценных металлов и керамических сосудов.

В числе грузинских и армянских находок имеются очень типичные для эпохи и выразительные по художественному облику глиняные сосуды с росписью черной краской по красному ангобу, сосуды с беловато-желтым ангобом, покрытые черно-бурой росписью. Сделаны они в форме больших кувшинов без ручек или с двумя маленькими ручками на плечиках и предназначались для хранения воды и зерна. Строгие формы, уверенный, точный расчет в нанесении легкого орнамента, уравновешенность отдельных компонентов росписи, гармоничное распределение ее по форме кувшинов — все это говорит о высоком мастерстве неизвестных народных гончаров. Отдельные экземпляры достигают значительных размеров, более полуметра в высоту, свидетельствуя об умении достичь высоких художественных результатов в изделиях разных масштабов.

Сосуды с поверхностью, ангобированной красным, имеют роспись в виде треугольников, которые сбегают вниз по плечикам. Иногда они оканчиваются вытянутой петелькой, похожей на каплю. Внутри углы заполнены волнообразными или зигзагообразными линиями, которые изображают струи воды. Между некоторыми треугольниками беглыми движениями кисти нарисованы птицы, очень схематичные, с большими грузными телами, маленькими головками на длинных шеях и короткими ногами, а иногда изображения свастики (очевидно, солярные знаки). У этой группы сосудов в цветовом их решении доминирующим является основной красный тон ангоба, не густой, очень теплый, ровно, без переходов покрывающий всю поверхность. Заключенные в углы волнообразные линии и схематичные фигурки птиц воспринимаются как легкий, ажурный узор, нанесенный на приглушенно-теплый, как бы излучающий это тепло фон. Мягко изгибающиеся линии узора, так же как и прямые линии, образующие основные контуры треугольников, проведены свободно и уверенно.

Роспись сосудов с поверхностью, которая покрыта желтовато-белым ангобом, исполнена черно-бурой глянцевитой краской. Мотивы росписи: округлый меандр, спиральные волоты, извилистые и ломаные линии, шахматные поля и солярные символы (диски, концентрические кольца, розетки и т. п.). Сосуды эти не менее, если не более впечатляющи, чем сосуды с красным ангобом. Очень красивы, например, композиции на двух из них. На одном по средней части тулова и плечикам извивается змееобразная полоса, заполненная волнистыми линиями, а между изгибами помещены круги, будто зажатые кольцами змеино-го тела. Это ощущение особенно сильно в связи с прекрасной прорисовкой мощного, как бы движущегося по кругу орнамента.

На втором, таком же большом кувшине с округлым туловом роспись нанесена в виде трех орнаментальных полос. Средняя, самая широкая, заполнена двумя рядами крупных завитков-волот. Непринужденно прорисованные, сочные, темные завихрения, как гребни волн, вздымаются и ниспадают по всей окружности. Ни один из них не повторяет другой с абсолютной точностью, так как выведены они, очевидно, на глаз, без предварительной разметки. Все вместе они создают захватывающий ритм бесконечного движения, который столь свойствен росписи лучших образцов керамики Древнего Востока [4, рис. на стр. 50, 52 и 55].

В росписи этих сосудов беловато-желтый, кремоватый тон ангоба служит только сдержанным фоном для интенсивно выступающих на нем коричневатых-черных деталей орнамента. Здесь ясно видна иная исполнительская манера, чем в орнаментации красноокрашенных сосудов с черной росписью: отсутствует наивно-выразительный лаконизм

росписей кувшинов первой группы, композиции усложняются, крупные орнаментальные элементы сочетаются с измельченными. Создается впечатление, что они выполнены более изощренными в своем искусстве мастерами, хотя сдержанная динамика, характерная для закавказского искусства в целом, свойственна росписи сосудов обеих групп. Расписная керамика триалетско-кировкаканского типа обнаружена по всему Закавказью: в Азербайджане у Кизил-Ванка, во многих местах Армянской ССР (например, в могильнике у селения Кафтарлу, на западном склоне горы Арагац, в районах Артика и Эчмиадзина). Самое восточное место ее находки — селение Зурнабад в Нагорном Карабахе [2, стр. 37].

Наиболее типичными образцами изделий из драгоценных металлов, открытых в триалетских курганах, являются два: серебряное ведерко и серебряный кубок (высотой 11 см, диаметром 9 см), украшенные чеканными рельефными изображениями. Оба они пока что представляют собой уникальные находки и имеют параллели среди других закавказских памятников только в чисто стилистическом отношении.

Кубок массивен, твердо стоит на округлой ножке. Впечатлению монолитности способствует в большой степени и сама техника его изготовления — он выкован, вытянут из цельного куска серебра. На тулове вычеканены изображения, которые охватывают его двумя поясами: на верхнем — процессия из 23 человеческих фигур, а на нижнем — девять оленей-самцов с тяжелыми рогами и безрогих самок. Как и весь сосуд в целом, формы отдельных фигур отличаются лаконизмом и ясностью. Переданы характерные контуры и пропорции животных, реальные соотношения отдельных частей человеческих фигур. Внутри контуров легкой чеканкой по рельефно выступающей поверхности нанесены главные детали одежды, черты лиц людей и выделены основные части тел животных.

Самый низ тулова кубка, от ножки, занимает пучок обобщенно трактованных широких плоских листьев. Такой прием встречается в искусстве Древнего Востока, и в частности в шумерском искусстве [см. 5, стр. 1551, фиг. 959]. Верх сосуда обрамлен орнаментальной полосой, разделенной вертикальными двойными линиями на участки, заполненные косой штриховкой, расходящейся в разные стороны. Это завершение зрительно оттеняет главный по смыслу верхний пояс: drobный ритм орнамента контрастен мерно-спокойному чередованию крупных фигур шествия.

Фигуры верхнего пояса связаны единым сюжетом: все они движутся в одну сторону, по направлению к фигуре, которая сидит на троне без спинки, стоящем на возвышении. Перед этой фигурой изображены трехногий жертвенник, большой сосуд на высокой ножке, какое-то священное растение и два длиннохвостых животных, может быть собаки. Очевидно, фигура, занимающая центральное место, — божество или лицо, возглавляющее процессию. В правой, поднятой руке оно держит чашу. Такие же чаши или кубки несут в правой руке и все участники процессии. Сцена на верхнем фризе кубка, несомненно, связана с культовой церемонией. Это подтверждается странным искажением черт лиц участников процессии, которые при внимательном рассмотрении оказываются масками, сочетающими антропоморфные черты со звериными. Ритуальный маскарад дополняется подвешенным к поясу каждого длинным и пушистым звериным хвостом [1, стр. 30—31]. Вероятнее всего, здесь представлена магическая церемония: изготовление и раздача священного напитка «жизни» или «бессмертия», связанного с культом божества плодородия.

Принцип размещения фигур на одном фризе, где последовательно разворачивается повествование, а также принцип равноголовия чрезвычайно характерны для искусства всего Древнего Востока. Перечисленные же моменты позволяют с полной определенностью говорить о связях грузинского памятника с искусством Передней Азии, в частности хетто-хурритского круга. В то же время такие композиции в большом количестве встречаются на бронзовых поясах, керамике и деревянных повозках с территории самого Закавказья.

Изображения на серебряном ведерке в стилистическом отношении несколько иные. Ведро дошло в худшем состоянии, чем кубок: сохранилась только одна его сторона, и то не полностью. Поэтому лишь предположительно можно судить об общем решении композиции. Поддавшаяся реставрации часть ведерка густо покрыта профильными фигурами животных среди кустов и деревьев. Здесь козлы, серны, козули, олени двух видов и кабаны, крупные взрослые звери и детеныши. В груди некоторых торчат наконечники стрел: вероятно, передана сцена охоты. Очевидно, на утраченной половине были фигуры людей-охотников. Изображения животных и растений нанесены в более свободной, непосредственной манере, определяющей то тонкое эстетическое обаяние, которое исходит от этого произведения. Однако манера основана не на одной лишь интуиции мастера: в кажущемся на первый взгляд беспорядочном размещении фигур при чуть более внимательном рассмотрении читается определенный, продуманный строй. Животные спокойно идут вправо и влево, щиплют листья с деревьев или кустов, лежат, подогнув под себя ноги. Но кажется, что в нижних рядах больше крупных, а сверху — маленьких лежащих зверей, что как будто замедляет общий ритм. При очень небольшом размере изображений и естественной при этом некоторой обобщенности передано в основном контуром, но очень тонко главное, характерное в облике животных разных пород — черта, определяющая стиль всех изображений животных на плоскости и в круглой пластике в искусстве Закавказья II тысячелетия до н. э.

Живость и пластическую мягкость фигурам животных придает и нанесенная на их тела внутри общего контура фигур гравировка в виде насечек, полосок, которые расположены или елочкой, или просто рядами, косой штриховкой. Разнообразие в размещении этих линий на разных частях тела и на разных фигурах создает живописную игру светотени и придает композиции в целом большую декоративность.

Все животные, идущие и лежащие, изображены в профиль, с глазом в фас. Это элемент условности, характерный почти для всех рельефных изображений Древнего Востока. Но то, что фигуры зверей распределены по поверхности без каких-либо регистров, в поворотах вправо и влево и одни над другими, создает общее ощущение колеблющейся, движущейся массы.

Еще большее композиционное «упорядочение» заключенных в строгие рамки двух полос фигур оленей и людей на кубке — свидетельство более строгой организации композиций, связанной, очевидно, с ее культовым назначением. Можно также предположить, что кубок относится к несколько более позднему времени, чем ведро.

Кроме тех предметов, о которых речь шла выше, несущих на себе изображения животных и людей, хотя и обобщенные в какой-то мере, но исполненные (особенно звери) живости и наделенные большой характерностью (позы, движения, силуэты), имеются еще изделия, украшенные фигурами схематизированными, превращенными в символы и скомпонованными по геральдическому принципу, когда две фигуры

противостоят друг другу. Ко второй группе можно отнести золотую чашу из Кировакана и золотой штандарт из Триалети. Подобные памятники позволяют говорить об определенной канонизации изобразительных принципов в закавказском искусстве на протяжении II тысячелетия до н. э. В них проявляется культура с многовековыми традициями, в частности, традициями изготовления изделий из металлов. Еще раз следует указать на то обстоятельство, что и они имеют многочисленные стилистические параллели среди закавказских памятников II и первой четверти I тысячелетия до н. э.

Самобытная культура Закавказья, хотя и развивалась в рассматриваемую эпоху в близкой взаимосвязи со странами Древнего Востока, успела достичь к этому времени и самостоятельного высокого уровня развития: в ней уже оформились определенные эстетические принципы и нормы их выражения в искусстве, представленном художественным ремеслом. Так, на ведерке и кубке — всюду большая четкость общих контуров фигур, лишь слегка выступающих над фоном, и живописная игра светотени благодаря проработке всех фигур гравировкой (особенно на ведерке). Контурные же тел животных на предметах, относящихся ко второй группе, изображены нечетко и поэтому немного расплывчаты. Они также выбиты изнутри, выпуклые, но равномерно одутловаты, без разнообразных переходов одной формы в другую. Орнаментально-схематичная гравировка на телах этих зверей, разбивая их на основные части, только подчеркивает общий декоративно-символический характер их трактовки.

Для группы предметов из драгоценных металлов, обнаруженных в Триалети, очень типичен также кубок из червонного золота, украшенный сканью, зернью и вставками — пастой, имитирующей бирюзу, и светло-розовым сердоликом. Декорация стенок кубка была изготовлена отдельно в виде вырезанной крупными спиральными волутами золотой аппликации [3, стр. 361, 362, 367]. Сдержанный динамизм силуэтов волут, монументальность их обобщенных форм и декоративность общего облика кубка — стилистические черты, свойственные многим образцам керамики, круглой пластики из бронзы и гравированным композициям на бронзовых поясах Закавказья II тысячелетия до н. э.

В нескольких курганах Триалети были открыты колесницы с четырьмя колесами (около 1,5 м в диаметре), сплошными, долбленными из дуба и с вертикально поднимающимися стенками кузова. Подобные деревянные колесницы были найдены в Шумере, в двух погребениях урского некрополя (первая половина III тысячелетия до н. э.). В этих аналогиях можно видеть лишь стадийное, а не временное сходство. На территории Закавказья колесницами с совершенно такими же, как в Шумере, колесами продолжали пользоваться, как подтверждают находки, много позже и на обширной территории.

Так, кроме Триалети хорошо сохранившиеся четырехколесные и двухколесные повозки второй половины II тысячелетия до н. э. были обнаружены на западном побережье оз. Севан у селения Адиаман, а затем в Лчашене.

Особенно важными для характеристики закавказского искусства эпохи являются декорация в виде резных панно на задних и передних досках ряда повозок. Нагнетенный ритм орнаментальных композиций из элементов в виде так называемой бегущей спирали, мерная торжественность размещения фигур козлов на других панно повозок из Лчашены, выразительный лаконизм форм голов быков на раме одной повозки из Триалети доказывают широту применения отмеченных выше

изобразительных средств, норм передачи окружающей действительности.

Искусство скотоводческих племен Закавказья эпохи Триалетских и Кироваканских курганов стояло на таком уровне развития, что вполне оправданно утверждение о местном происхождении значительной части открытых предметов. Уже существовали очень разветвленные отрасли художественного ремесла: ткачество и ковроткачество (найлены шерстяные нитки двух сортов — толстые пушистые и очень тонкие, плотные), гончарное ремесло, о характерных образцах которого речь шла выше, и изготовление предметов из различных металлов, начиная от бронзы и кончая драгоценными. Были уже известны литье,ковка, паяние, различные сплавы (меди, бронзы, серебра, золота), чеканка, штамповка.

Находки в богатых и рядовых могильниках на широкой территории Закавказья полностью подтверждают только что сказанное. В инвентаре каждого погребения имеются в большом количестве металлические предметы, составляющие декорацию одежды, а также являющиеся украшениями рук и головы — бляшки, пояса, браслеты, спиральные подвески и булавки для волос, фибулы и т. п.

Произведения искусства местных мастеров шли на потребу местному же населению, а также, что вполне возможно, и на вывоз в соседние районы Закавказья и в страны Передней Азии в ходе очень развитого межплеменного обмена. Они позволяют говорить как о единстве закавказской культуры с другими переднеазиатскими культурами, так и о ее большом, ярком своеобразии.

1. Амирانشвили Ш. Я., История грузинского искусства, т. I, Тбилиси, 1950.
2. Гуммель Я. И., Крашеная керамика в долине Ганджа-Чая, — «Известия Азербайджанского филиала АН СССР», 1939, № 5.
3. Тавадзе Ф. Н. и В. Ф. Баркая, Из истории обработки металлов давлением по археологическим материалам Грузии, — «Советская археология», 1954, XX.
4. Флиттнер Н. Д., Культура и искусство Двуречья и соседних стран, М.—Л., 1958.
5. Contenau G., Manuel d'archéologie orientale, vol. 3, Paris, 1931.

А. А. Быков

МОНЕТЫ РАШАДДИНА, УЙГУРСКОГО ПОВСТАНЦА

I

В нумизматических собраниях встречаются иногда своеобразные медные монеты, дальневосточные по форме, ближневосточные по надписям, которые еще не привлекли к себе должного внимания. Обычно они не отличаются хорошей сохранностью, и, может быть, этим и их относительной редкостью объясняется, что за их изучение никто серьезно не брался. Пишущему эти строки известно всего два упоминания о них в литературе.

Р. Хёрнле, имевший, видимо, только одну такую монету, считал находящиеся на ней надписи персидскими и изобразил их следующим образом [17, стр. 22, табл. II, № 23]:

Лиц. ст. اشيد غازي راشيدین خان.

Об. ст. ضرب دار السلطنة كوجا.

Автор отметил, что надписи читаются не полностью, а над словами دار السلطنة «по-видимому» имеется дата — 1283 г. х., соответствующая 1866/67 г. н. э., или «второму году восстания Яакуб-бека², что сходится с цифрой 2 на реверсе». Р. Хёрнле прибавляет еще, что монета «чеканена» в недавние времена независимости мусульманского Кашгара, но что он затрудняется идентифицировать правителя, названного на лицевой стороне.

Второе издание такой монеты, судя по изображению неплохо сохранившейся, принадлежит знатоку китайской нумизматики Рихарду Шлэссеру, которому чутье подсказало, что монета представляет значительный интерес. Он вспомнил об этом любопытном, лично ему принадлежавшем экземпляре, описывая замечательное Дорстенское собрание китайских монет (до второй мировой войны находившееся в Вёрле в Вестфалии), и воспроизвел ее лицевую сторону [18, стр. 110, табл. 20, № 134]. Говоря о китайских монетах для Восточного Туркестана, Р. Шлэссер писал: «По этому поводу может быть также упомянут один чрезвычайно своеобразный и полный очарования экземпляр („ein reizvolles Stück“), который тоже относится к этой области (т. е. к Восточному Туркестану.— А. Б.), но принадлежит мусульманскому повстанцу Яакуб-беку, который в 70-х годах прошлого века руководил большим восстанием и выпустил собственные монеты. Внешне сохра-

¹ Из текста Р. Хёрнле следует, что в данном месте опечатка: вместо арабской цифры «٦» следует читать «٢».

² Автор ссылается на работу Беллью и Форсайта о миссии в Яркенд в 1867 г. (ошибочно указан 1837 г.), которой не оказалось в доступных мне библиотеках.

няющие форму китайских чохов („Käsch“. — А. Б.), эти монеты на лицевой и оборотной стороне носят чисто турецкую надпись» [18, стр. 110]. Из приведенной Р. Шлэссером транскрипции видно, что он, так же как Р. Хёрнле, читал легенду оборотной стороны, но совершенно иначе воспроизвел надпись, находящуюся на лицевой стороне.

Лиц. ст. Ghazi Raschid Khan. Sanat 2³.

Об. ст. Zarb dar al-Sultanat Kuja⁴.

Выпуск таких монет Р. Шлэссер отнес к 1864 г. Чтение легенды оборота у обоих авторов не вызывает, конечно, никаких сомнений. Все же остальное — причисление монет к выпускам Йакуб-бека и легенда лицевой стороны, особенно в чтении Р. Шлэссера, остается совершенно непонятным.

Захватчик, а не повстанец, Йакуб-бек появился в Восточном Туркестане в 1865 г. Дата давно принята всеми исследователями, как историками, так нумизматами, и никак не согласуется с указанным Р. Шлэссером 1864 г. и его чтением — «sanat 2» (год 2-й), равно как и с мнением Р. Хёрнле, также понимавшим «двойку» как обозначение года. Прочитанная Р. Хёрнле на лицевой стороне доступного ему экземпляра дата 1283 г. х., в наличии которой он вполне основательно сомневался, не более как аберрация, которая объясняется плохой сохранностью монеты.

На экземпляре, изображенном Р. Шлэссером, под словом, которое он принимал за конец легенды и читал как «sanat» (سنة — год), достаточно ясно видны две точки, но нет ни одной над ним. Основываясь на этой диакритике и на графике слова, где последняя буква без всякой натяжки воспринимается как ا, а не как اء или اء, слово нельзя читать иначе как سيد (господин, государь). С него и следует начинать легенду, как поступил Р. Хёрнле. Знак над этим словом действительно похож на арабскую «двойку» ۲, только с очень короткой вертикальной чертой.

В имени хана Р. Шлэссер почему-то оставил непрочитанными две последние буквы — ن،, хотя к первой из них относятся две точки, находящиеся под буквой ا имени, которое, следовательно, может читаться только как راشدین (Рашаддин). Написание راشدین передано Р. Хёрнле неправильно и объясняется, вероятно, либо опечаткой (лишнее ۲ после ش), каких несколько в тексте Р. Хёрнле, либо недостаточной сохранностью данного места легенды.

Монеты такого вида не имеют никакого отношения к Кашгарскому ханству, следовательно, и к Йакуб-беку, а «двойка» — к дате, что будет показано в дальнейшем.

Как хорошо известно, Йакуб-бек чеканил только золотые «тилла» и серебряные «тенга», на которых имя Йакуб-бека не значится. Вместо него всегда назван турецкий султан 'Абд ал-'Азиз, суверенитет которого добровольно признал Йакуб-бек, надеясь на помощь Турции в своей борьбе с Китаем. При таких обстоятельствах едва ли может быть речь о том, чтобы Йакуб-бек разрешил кому-либо из своих сподвижников ставить свое имя на монетах, хотя бы и медных, да к тому же китайских по форме⁵.

³ «Гази Рашид-хан. Год 2-й».

⁴ «Чекан державного города Куджа» (Куча.— А. Б.).

⁵ Что касается меди, то в качестве разменной монеты, может быть, и во времена Йакуб-бека в Кашгарском ханстве ходили своеобразные толстые, медные монеты городского выпуска без даты, имеющие характерную мидалевидную форму и одно-стороннюю надпись: «Кашгар», исполненную в высоком рельефе арабским шрифтом.

Таким образом, вся легенда лицевой стороны, написанная почерком типа та'лик, гласит: ⁶سید غازی راشدین خان.

В основном собрании восточных монет Государственного Эрмитажа подобных экземпляров не имеется. Но за долгие годы работы в Отделе нумизматики такие монеты несколько раз приходилось видеть среди материалов отдела, еще не подвергшихся детальной обработке. К сожалению, обычно монеты были слабой сохранности, не позволявшей с уверенностью прочесть что-либо, кроме места их выпуска — Куча, которое также определено обоими названными учеными. Случай уделить этим интригующим монетам более пристальное внимание представился осенью 1969 г., когда в связи с инвентаризацией несистематизированных и неопределенных дальневосточных монет бывшего собрания Азиатского музея Академии наук СССР Н. В. Ивочкиной было обнаружено 12 таких монет. Сохранность большинства экземпляров оказалась хорошей, и это позволило отметить два различных типа монет Рашаддина, из которых каждый был представлен шестью экземплярами.

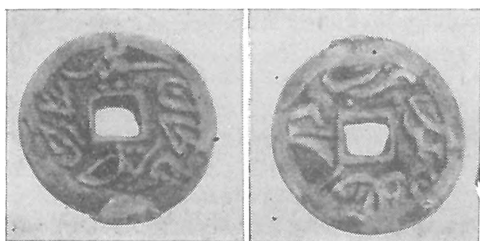

Рис. 1

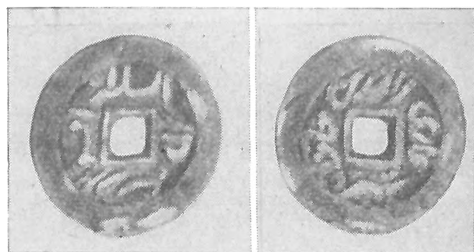

Рис. 2

Тип. I.

Лиц. ст. ⁶سید غازی راشدین خان

Об. ст. ⁷ضرب دار السلطنه كوجا

(Рис. 1).

Замечания требует необычная форма имени хана на этих монетах. В отличие от монеты, изданной Р. Шлессером, на которой совершенно отчетливо виден ¹ после ^ر, на всех шести экземплярах эта буква находится под лигатурой ^{شد} и срослась с ней (см. рис. 1).

Тип. II.

Лиц. ст. ⁸سید غازی راشدین خان

Об. ст. ⁹ضرب دار السلطنه اقسو

(Рис. 2).

На всех монетах данного типа слово Рашаддин написано как на изданном Р. Шлессером экземпляре из Кучи — с хорошо видимым ¹ после ^ر. Вообще надписи на монетах из Аксу в каллиграфическом отношении значительно лучше исполнены, чем на выпущенных в Куче. На одной из них они даже не лишены изящества (рис. 3).

⁶ «2. Государь победитель Рашаддин-хан».

⁷ «Чекан державного города Куджа» (Куча.— А. Б.).

⁸ «Государь победитель Рашаддин-хан».

⁹ «Чекан державного города Аксу. 2».

Привыкшим к мусульманским именам в их классической арабской форме странным может показаться имя хана — Рашаддин. Напоминая хорошо известный лакаб — رشيد الدين, оно является не чем иным, как стяженной формой этого прозвища. Принадлежит оно уйгурскому ходже местного, восточнотуркестанского «черногорского» толка ислама,

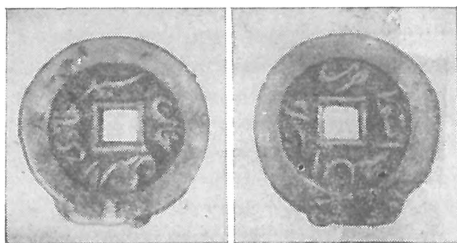

Рис. 3

ставшему во главе восстания, поднятого дунганами в Куче в 1864 г. Именно в таком виде — راشدين (Рашаддин) — лакаб, существуя в уйгурском народном языке, проник и в уйгурскую письменность. В «Та'рих-и Эминие», сочинении уйгурского муллы Мусы, сына муллы 'Айсы ('Исы) из Сайрама, посвященном истории кашгарских владетелей, лакаб главы кучинского восстания встречается неоднократно, однако не имеет устойчивой орфографии. В большинстве случаев пишутся два слова — راش الدين [13, стр. 46₁₀, 48₈, 10, 49₂ снизу, 54₇, 8, 11 и др.], но иногда значит, как на монетах, сугубо стяженная, разговорная форма — راشدين [13, стр. 25₃, 44₆]. Стяжения такого рода характерны для уйгурского языка. В «Та'рих-и Эминие» читаем прозвище другого уйгурского деятеля того времени, названного здесь, — حام الدين (Хам ад-дин) вместо حميد الدين (Хамид ад-дин) [13, стр. 57₂, 11, 13, 17, 62₁₇, 63₄, 56₁, 10 и др.].

Диалектическая форма имени правителя на монетах, как в данном случае, — чрезвычайно редкий, если не единственный пример в истории денежного обращения мусульманского Востока. Вне всякого сомнения, имя главы кучинского восстания умышленно названо на монетах так, как оно звучало в уйгурской народной речи. Целью этого было подчеркнуть уйгурское происхождение Рашаддина и тем привлечь в ряды восставших основное население этой части Восточного Туркестана — уйгур. Тем более это имело смысл, что среди дунган, начавших восстание, находились лица, носившие и мусульманские, и полукитайские, и чисто китайские имена. Трех таких дунган — Шам сад-дина халифу, Ма Шур-ахуна и Ма Луна — упоминает Д. И. Тихонов в статье о восстании 1864 г. [14, стр. 157]. Рашаддин — диалектическая форма, но монета сугубо официальный документ власти, и имя правителя, на ней обозначенное, и есть то, с каким он должен войти в историю.

Д. И. Тихонов отмечает, что, возглавив восстание, Рашаддин принял титул «Хан ходжа» [14, стр. 158]. Так он назван дважды в «Та'рих-и Эминие» [13, стр. 25₃, 54₇₋₈] и, вероятно, в тех уйгурских источниках, которыми мне не удалось воспользоваться. Но во всех других случаях автор «Та'рих-и Эминие» называет Рашаддина по-разному: «хан» [13, стр. 48₈, 52₂ снизу], «шейх» [13, стр. 48₁₀], чаще — «ходжа» [13, стр. 44₆ снизу, 46₁₀ (خواجم), 49₂ снизу (خواجه)] — если это не описка или опечатка вместо خواجم и др.], как всякого другого политического деятеля, происходящего из уйгурских духовных кругов. В небольшой анонимной уйгурской рукописи, в основном посвященной Яакуб-беку, Рашаддин упоминается только два раза и очень скромно — Рашаддин хан (راشدین خان) [12, стр. 1₁₀, 15₁]. Из всего этого можно заключить, что в уйгурской среде Рашаддина величали различно, что и

отразилось в источниках. Сам он, как показывают монеты, в качестве официального титула избрал более пышную формулу — «Сейид Гази хан»¹⁰. Любопытным отголоском ее является один раз встречающаяся в «Та'рих-и Эминие» — «Хан Гази Ходжа»¹¹ [13, стр. 54₁₁].

Другое важное сведение, о котором сообщили монеты из собрания Азиатского музея, — существование второго монетного двора Рашаддина — Аксу. До восстания 1864 г. в ряде городов Восточного Туркестана, в том числе в Куча и Аксу, действовали китайские монетные дворы, основанные при Цяньлуэ непосредственно после завоевания (1759 г.). Таким образом, создавать новые Рашаддину не было надобности. Население в течение столетия было уже знакомо с китайскими цянями, медной или бронзовой литой монетой с квадратным отверстием, и Рашаддин не стал изобретать чего-либо нового. Он воспользовался и внешним видом китайских монет и китайской техникой — литьем. Заменить пришлось только формы для отливки монет, надписи на которых содержали бы его имя и титул, а также указание на место выпуска монет на местном наречии. Грубое исполнение надписей на большинстве монет Кучи точно свидетельствует об их спешном выполнении.

Говоря о монетных дворах Рашаддина, нельзя обойти некоторые особенности в написании их названий на монетах. Вместо Куча (كوجا) всегда значится Куджа (كوجا), как повелось с уйгурских обозначений на первых китайских цянях, отлитых в этом городе [19, № 16]¹². В упоминавшейся анонимной уйгурской рукописи Института востоковедения АН СССР во всех случаях написано كوجا и только один раз كوجا, что, видимо, объясняется опiskой [12, стр. 1₁₁]. В уйгурском произношении разницы, в сущности, нет никакой. Не раз уже отмечалось, что *джим* в уйгурских словах читается как *чим* [10, стр. 35; 7, стр. 6].

Слово Аксу, как известно состоящее из двух тюркских слов — *Ақ* (белый) и *سو* (вода), на монетах Рашаддина обычно пишется без *мадды* над *алефом* и с буквой *сйн* вместо *сād* (اسو) так же, как в анонимной уйгурской рукописи Института востоковедения АН СССР [12, стр. 2₃, 8₁₀, 4₁₁, 12 и др.]. Профессор В. М. Насилов отмечает неустойчивость орфографии ряда уйгурских слов, в том числе *سو — سو* [9, стр. 18]. К ним следует также присоединить и *كوجا — كوجا*.

В «Та'рих-и Эминие» в слове Куча часто стоит *джим* вместо *чим*, а Аксу пишется через *сйн* и очень редко с *маддой* над *алефом*. Как писал сам автор, трудно сказать. По замечанию В. В. Бартольда, казанское издание «Та'рих-и Эминие» изобилует опечатками, перечисление которых заняло отдельную брошюру в двадцать четыре страницы, к сожалению отсутствующую в библиотеке ЛО ИВАН СССР [2, стр. 0195, прим. 1].

Невыясненным остается пока значение арабской цифры «два» (۲), логически не связанной ни с каким словом легенд на описанных двух типах, на каждом из которых она занимает другое положение. На монетах из Кучи «двойка» поставлена в начале легенды лицевой стороны над словом *سید* («сейид»), а на выпущенных в Аксу — на обороте монет в самом конце легенды после обозначения монетного двора.

¹⁰ «Государь победитель, хан».

¹¹ «Хан победитель, ходжа».

¹² В уйгурском языке существуют два названия этого города: «Куча» и, видимо, более старое «Кучар» [ср. 3, стр. 276]. В настоящей статье принято первое, как обозначенное на всех географических картах.

Выше было показано, что цифра не имеет отношения ко времени восстания Йакуб-бека, но она не датирует и монеты Рашаддина. Как только он стал верховным руководителем дунгано-уйгурского восстания, одним из первых мероприятий, укрепляющих его политическое положение, должно было быть осуществление монетной регаллии. Задача была облегчена и ускорена наличием в Куче и Аксу монетных дворов, оборудованных китайским правительством задолго до восстания. Несомненно, это обеспечило Рашаддину возможность выпустить собственные монеты в ближайшее время после прихода к власти, т. е. еще в 1864 г. Дата, указанная Р. Шлессером, в таком понимании оказывается справедливой.

На встреченных до сих пор монетах Рашаддина нет никаких иных цифр, кроме указанной «двойки», и, думается, их не окажется и на других экземплярах. Заимствовав многое из монетного дела Китая, Рашаддин не подумал о датировке монет, которая отсутствует на огромном большинстве китайских монет. С древнейших времен в Китае укоренился обычай косвенной датировки монет по названному на них девизу правления. Роль последнего на монетах Рашаддина выполняет лакаб (прозвище) уйгурского ходжи.

Прецеденты точной датировки китайских монет были, но они не могли оказать влияния на тип монет Рашаддина. К его времени в самом Китае давно был забыт опыт Южной Сун (1127—1279) [3, стр. 23] отмечать на монетах год их отливки, а также несколько точно датированных выпусков при поздних Юанях (XIV в.) [3, стр. 26]. Обозначение года на монетах снова появилось в Китае именно в Восточном Туркестане, однако позднее и только на серебре, выпущенном после ликвидации государства Йакуб-бека под воздействием занесенных им среднеазиатских традиций [3, стр. 36—37]. Трудно также предположить, чтобы образцом послужили крайне редкие серебряные «танка» конца XVIII — начала XIX в., изготовлявшиеся в Китае для Тибета [3, стр. 32—33], и тем более не цянй, отлитые в Аксу с обозначением 8 г. периода Даогуан (1828 г.) в память подавления восстания уйгурского ходжи Джахангира [3, стр. 33].

Арабская «двойка» на монетах Рашаддина должна иметь какое-то другое, недатирующее значение.

Пожалуй, можно было бы еще подумать о связи загадочной «двойки» с начертанием слова Аксу на некоторых китайских цянях, отлитых в этом городе. На них число и расположение точек в слове Аксу — пяти вместо двух, помещенных не над буквой *каф*, а между

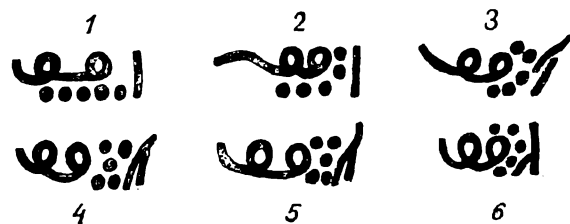

Рис. 4

ней и *алефом*, и форма и положение *мадды* по отношению к *алефу* показывают, что китайские монетчики понимали и *мадду* и точки как украшения и поэтому весьма вольно обращались с ними (см. рис. 4). Так, *мадда* если не отсутствует — что бывает, впрочем, редко — то лишь на более ранних цянях XVIII — начала XIX в. имеет надлежащий ей вид и положение. К середине XIX в. *мадда* в виде короткой слегка выгнутой вверх черты оказывается опущенной слева от *алефа* и сросшейся с ним в его средней части в одно начертание, которое почти ничем не отличается от перевернутой арабской «двойки» ۲.

Можно подумать, что уйгурский мастер, готовивший формы для монет Рашаддина, помня это начертание, не решился отбросить непонятную ему «двойку» и поместил ее в конце слова. Однако это предположение опровергается уже тем, что «двойка» обозначена и на монетах Рашаддина, выпущенных в Куче, появившихся почти на полтора месяца раньше, чем повстанцы заняли Аксу [14, стр. 164].

Остается предположить, что «двойка» обозначает двойной номинал.

Восточный Туркестан получил кратные номиналы сразу после китайского завоевания. Уже в 1759 г. на монетном дворе города Уши были выпущены цяни двойной стоимости [1, № 381; 3, стр. 72, табл. XVI, № 130]. В самом Китае кратные цяни в то время не обращались, но отливка их иногда практиковалась в древности и в средние века. Производство двухцянневых монет в Восточном Туркестане, насколько известно, больше не повторялось. Выпуск их, видимо, следует рассматривать как уступку какому-то местному денежному счету, существовавшему в Восточном Туркестане до китайского завоевания. Изучение восточнотуркестанских монетных находок, как происходящих из раскопок, так и случайных, помогло бы решить вопрос, с какими монетами связан этот счет.

Но едва ли стоит связывать с монетами Уши 1759 г. появление двойного номинала, осуществленного в Кучинском ханстве более чем через столетие.

Ч. Ч. Валиханов, посетивший Восточный Туркестан в 1857 г., в описании своего путешествия дал подробный обзор монет, обращавшихся там в самом начале второй половины XIX в. То были хокандские и бухарские золотые (*тилла*) и серебряные (*тенга*), китайские ямбы и медь (*цяни*) [4, стр. 480—482]. Особый интерес представляет сообщение Ч. Ч. Валиханова о том, что медные монеты образца китайских цянней ходили двух сортов — «да чан» (кит. «да цянь» — большой цянь.— А. Б.) и «чау чан» (кит. «сяо цянь» — малый цянь.— А. Б.) — и соответственно назывались местным населением «2 пула» и «1 пул» [4, стр. 480]. Думается, не должно подлежать сомнению, что в этих уйгурских названиях снова отразился более привычный для народа денежный счет.

К сожалению, Ч. Ч. Валиханов не оставил хотя бы самого краткого описания этих китайских монет. Решить теперь, каковы они были, очень трудно, учитывая разнообразие неполноценных китайских выпусков в периоды Сяньфэн (1851—1861) и Тунчжи (1862—1874). Огромные количества этих монет, отлитых из бронзы и железа, наводнили центральные и восточные провинции Китая и могли проникать также на крайний запад страны. Однако наиболее распространенными из всех монет, выпущенных цинским правительством с 1759 до начала 1860-х годов в Аксу и Куче, судя по собранию Государственного Эрмитажа, были монеты в 1 и 10 цянней. Различать их не составляло трудности для уйгур, не знавших китайской грамоты. На десятицянневых монетах стоит один из самых простых китайских иероглифов 十 («ши» — десять), одноцянневые монеты не носят никакого обозначения номинала.

Отнюдь не настаивая на непреложности такого объяснения, можно предположить, что именно этим наиболее ходовым монетам и были присвоены наименования «да чан» и «чао чан», которым уйгурское население дало названия «2 пула» и «1 пул» в соответствии с более привычным ему счетом.

Вес экземпляров, составляющих каждую из названных двух групп,

очень неодинаковый¹³. Однако средний вес одноцаневых и десятицаневых монет в пределах одного правления оказывается или одинаковым, или отличающимся совсем незначительно. То же приходится сказать о размере монет. Разница их диаметров настолько невелика, что почти неощутима на глаз — от 24 до 27,5 мм. Такое отсутствие стандартов объясняется, видимо, несовершенством техники производства. При ручном способе изготовления форм трудно, конечно, достигнуть одинаковой глубины и одинакового диаметра гнезда. Но и самая небольшая разница в глубине и размере их, естественно, приводила к различной толщине и величине отлитых монет, что больше всего отражалось на весе. Одинаковые обозначения одних и тех же номиналов на монетах, отличавшихся немного размером, а иногда очень значительно весом, показывают, что китайцы не обращали внимания на эти различия. Учитывалось, видимо, лишь количество монет, отлитых из определенного веса металла. При таких обстоятельствах номиналы являлись довольно условным понятием.

Сравнивая вес монет Рашаддина и выпущенных китайским правительством в Аксу и Куче, легко заметить одну общую для них черту — неодинаковость веса, вызванную отмеченными техническими причинами. Нельзя при этом забывать, что особенно резкие колебания в весе монет Рашаддина, доступных для изучения, зависят также от их сохранности, далеко не всегда удовлетворительной. Поэтому вряд ли будет большой ошибкой рассматривать вес только экземпляров хорошей сохранности, каковыми являются весящие 4 г или больше.

Монетный двор Куча

5,15; 4,52; 4,05; 3,80; 3,80; 3,56¹⁴; 3,81; 3,79¹⁵; 4,02; 3,73; 4,35¹⁶; 4,05; 3,73; 3,33; 4,03; 3,81; 3,12; 2,64; 3,20¹⁷.

Монетный двор Аксу

4,59; 4,34; 4,01; 3,93; 3,88; 3,46¹⁸.

Средний вес их — 4,31 г, другими словами, весьма близкий к среднему весу десятицаневых китайских монет. Не одинаков тоже и размер монет Рашаддина; среди изучаемых лишь две незначительно больше и меньше этой нормы — 27 и 24,5 мм¹⁹. Таким образом, оказывается, что монеты Рашаддина хорошей сохранности не отличаются ощутимо от китайских монет в 10 цаней. И нет ничего невозможного,

¹³ Монетный двор Аксу. Период Цяньлун. 1 цань — 4, 15; 4, 75; 4, 86; 4, 28; 3, 61; 4, 87; 4, 37; 4, 21; 3, 73; 7, 40; 6, 95; 4, 41; 4, 30; 4, 29 (№ 3379, 3380, 11262—11273); *средний вес* — 4, 72. 10 цаней — 4, 66 (№ 11261). Период Даогуан. 1 цань — 4, 81; 5, 45 (№ 3415, 11985); *средний вес* — 5, 13; 10 цаней — 4, 96; 5, 10; 4, 96; 7, 22; 5, 09; 5, 70; 5, 07; 4, 50; 4, 78; 4, 48; 3, 49 (№ 3416—3420, 11978—11983); *средний вес* — 5, 31. (Период Сянь фэн, 1 цань — 5, 25 (№ 3440). 10 цаней — 5, 42; 5, 12; 5, 09 (№ 12008—12010); *средний вес* — 5, 21. Период Тунчжи. 10 цаней — 4, 50; 4, 50; 5, 51; 4, 35 (№ 3551, 3552, 12042, 12043); *средний вес* — 4, 72.

Монетный двор Куча. Период Цяньлун. 1 цань — 4, 42; 4, 36; 3,69; 3,22 (№ 11292—11295); *средний вес* — 3, 92, 10 цаней — 4, 49; 4, 25 (№ 11290, 11291); *средний вес* — 4, 37. Период Даогуан. 10 цаней — 4, 16 (пост. 583/21). Период Сянь фэн. 10 цаней — 4, 43; 5, 08, 3, 61 (№ 3453, 12013, 12014); *средний вес* — 4,37. Период Тунчжи. 10 цаней — 4, 51 (№ 12044).

¹⁴ Отдел нумизматики Государственного Эрмитажа (далее — ОН), № 12150—12155 (бывш. собр. Азиатского музея).

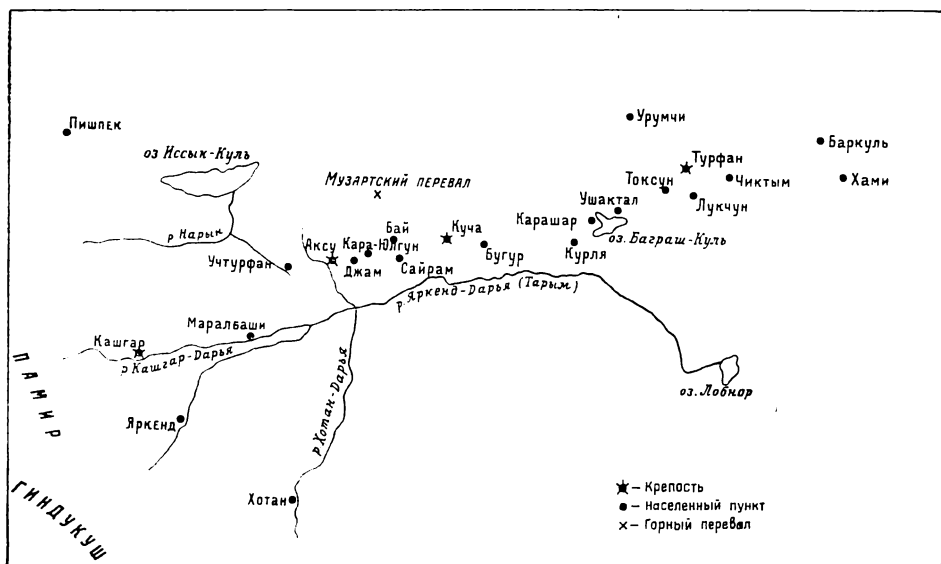
¹⁵ ОН, поступление 583/21.

¹⁶ ОН, № 5593—5595 (бывш. собр. Е. А. Пахомова).

¹⁷ Отдел Востока Государственного Эрмитажа (далее — ОВ), № Ку 747—754 (бывш. собр. М. Березовского, составленное в 1905—1907 гг.).

¹⁸ ОН, № 12156—12161 (бывш. собр. Азиатского музея).

¹⁹ ОВ, № Ку 750; ОН, поступление 583/21.

Схематическая карта населенных пунктов, упомянутых в статье

что такие же, как они, по величине и весу монеты Рашаддина и по ценности были приравнены к ним и назывались «2 пула», что и отмечено находящейся на монетах арабской цифрой «два» (۲)²⁰.

II

О дунгано-уйгурском восстании 1864 г., которым руководил Рашаддин, писали в разной степени подробно многие русские и зарубежные авторы. Сохранились и хроники местных уйгурских современников и даже участников восстания, каким был мулла Муса, автор «Та'рих-и Эминие» [2, стр. 0189]. Сведения всех этих источников, как европейских, так и уйгурских, собрал и критически сопоставил Д. И. Тихонов в 1948 г. [14, стр. 155—172]. Новые данные сообщают монеты Рашаддина, остававшиеся ранее не опознанными. Имеет смысл поэтому кратко повторить здесь историю восстания, дополнив ее сведениями, полученными благодаря монетам, существование которых само по себе является значительным фактом в развитии восстания и биографии Рашаддина.

Восстание началось в понедельник ночью, 1 мухаррама 1281 г. х. (6 июня 1864 г.), в год мыши²¹. В Куче выступила толпа дунган, вооруженная самодельным оружием, кетменями, топорами, палками, к которой присоединились уйгуры, возглавляемые Алиар-беком. Призыв начать войну за веру быстро охватил мусульманское население города.

²⁰ Приняв большую благодарность Н. В. Ивочкиной, по моей просьбе составившей список весов всех китайских монет Эрмитажа, отлитых в Восточном Туркестане, очень облегчивший мне работу над этим вопросом.

²¹ Писавшие о восстании 1864 г. сообщают разные даты его начала. Д. И. Тихонов, исследовавший этот вопрос, остановился [14, стр. 157] на дате, отмеченной автором «Та'рих-и Эминие» [13, стр. 34₁₃₋₁₄ и 54₁₂₋₁₃], но повторил данное им неправильное указание года по звериному циклу («год змеи») и дня недели («суббота»). Ошибку уйгурского автора исправил академик В. В. Бартольд [2, стр. 0189, прим. 1]. О переводе дат см. также у Л. В. Черепнина [15, табл. XXV, 1].

Небольшой китайский гарнизон частью разбежался, частью был перебит, а резиденция китайского чиновника захвачена. Организовать новое городское управление было предложено оказавшемуся в Куче бывшему хакиму Яркенда Ахмат-беку. Однако он отказался, убоявшись китайского императора, за что и был убит, как и кучинский хаким Мухаммад Курбан-бек, который не примкнул к восстанию. Временно был назначен правителем некий Шахриар Халифа. Принять титул хана и возглавить движение предложили находившемуся в то время в мазаре Арш ад-дина потомку ходжей «черногорского» толка ислама Рашид ад-дину (Рашаддин), и последний принял это предложение [14, стр. 158].

Приступив к правлению в начале июня 1864 г., Рашаддин не замедлил организовать в Куче отливку монет со своим именем и присвоенным себе официальным титулом — «Сейид Гази хан».

После свержения китайского господства большую пользу извлекли крупные уйгурские феодалы, занявшие все высшие посты. Выиграли и торговцы, избавившиеся от зависимости китайских ломбардов. Крестьяне и трудовой люд, принявшие на себя главную тяжесть борьбы, не добились полного освобождения. Но и они сразу почувствовали облегчение: отпала задолженность китайским ростовщикам и тяжелые налоги, шедшие на содержание китайской администрации и китайского войска [14, стр. 159].

Приняв верховную власть, Рашаддин призвал все население Кашгарии примкнуть к священной войне. Но феодалы, захватившие власть в Кашгаре, Яркенде и Хотане, отказались признать его главенство. Особенно сильное сопротивление Рашаддин встретил со стороны хакима Кашгара, принадлежавшего к враждебной «черногорцам» религиозной группировке «белогорцев». Встретив вооруженный отпор в ряде других населенных пунктов, Рашаддин принужден был действовать силой. Ввиду недостатка военного снаряжения в Куче были организованы мастерские, на которых местные мастера, кузнецы и солевары изготовляли оружие и порох [14, стр. 158—159].

Стремясь привлечь на сторону восстания население Джунгарии, Рашаддин в первую очередь постарался изгнать китайцев из Аксу. Победа далась не без труда, несмотря на то что легко были заняты Сайрам, Бай и Джам, а войско, насчитывавшее первоначально 190 человек, из которых было 150 уйгур, быстро росло. Мулла Муса отмечает, что в Бае пришлось даже уговаривать народ не присоединяться к отряду [14, стр. 162]. Расчет Рашаддина, поместившего свое имя на монетах именно в этой народной уйгурской форме, был правильный.

Серьезное препятствие кучинцы встретили под Кара-Юлгуном. Китайское войско, состоявшее из части гарнизона Аксу и уцелевших защитников Сайрама и Бая, под начальством Саид-бека, брата кашгарского хакима, ночью напало на спящий лагерь кучинцев. Многие были убиты и взяты в плен, другие бежали в степь, значительная часть территории была отвоевана китайцами. Уйгурские авторы расходятся в деталях этого поражения повстанцев, в численности войск обеих сторон и в именах военачальников, но одинаково признают неудачной попытку Рашаддина овладеть Аксу с первого раза²². После разгрома кучинцев под Кара-Юлгуном Рашаддин без промедления организовал второй поход на запад под командованием своего младшего брата Джамал ад-дина, участника первого похода. Быстро вернув Сайрам и Бай, Джамал ад-дин ушел на север к Музартскому пере-

²² Все эти версии переданы Д. И. Тихоновым в его статье [14, стр. 162—163].

валу, где занялся обучением и подготовкой войска. Подавив затем упорное сопротивление небольшого китайского гарнизона в Джаме, Джамал ад-дин направился в Аксу, но снова под Кара-Юлгуном принужден был принять бой с китайской пехотой. Командовал ею по-прежнему Саид-бек, но на этот раз победили кучинцы. Почти все китайцы были перебиты, Саид-бек через Аксу, где находилась его семья, бежал обратно в Кашгар, а Джамал ад-дин без боя занял мусульманскую часть города. Укрывшиеся в крепости китайцы, не выдержав осады, подорвали себя на пороховых складах, чем и завершилось присоединение Аксу 12 сафара (17 июля) того же, 1281/1864 г. [14, стр. 164]. Таким образом, и первые монеты, выпущенные Рашаддином в Аксу, следует отнести к тому же, 1864 г.

Пока шло завоевание Аксу, небольшой отряд кучинцев занял Музартский перевал и тем самым защитил области повстанцев от большого войска, направлявшегося из Илийской долины на помощь китайцам Восточного Туркестана. Это позволило кучинцам уже через два дня после взятия Аксу начать дальнейшее продвижение на запад к сильной крепости Учтурфан. Несмотря на то что небольшой отряд, высланный против повстанцев, и население города перешли на их сторону, крепость сдалась только после второго приступа. Китайцы погибли, взорвав пороховой погреб. Однако присоединение Учтурфана было завершено лишь после разгрома местных уйгурских феодалов, осадивших город вместе с окрестным населением, а после поражения бежавших в Или и Кашгар [14, стр. 164—166].

Завершив освобождение Западной Джунгарии, Рашаддин снарядил поход на Яркенд. Из Аксу и Учтурфана выступили два отряда общей численностью 6500 человек, включая 2500 конных учтурфанцев. В Маралбаши к ним добровольно примкнул местный гарнизон в 2 тыс. человек. Когда войско подошло к Яркенду, оказалось, что в результате восстания власть здесь уже захватили дунгане. Поход на Кашгар, предпринятый 12 джумада I (13 октября), закончился неудачей. Отряд вел Хатиб-ходжа, уже раньше показавший себя плохим военачальником. Севернее Кашгара местное население доставило к нему Саид-бека, бывшего хакима Аксу, бежавшего оттуда в Кашгар и теперь отправленного китайцами в Кульджу за помощью. Но этим и кончились успехи. Хаким Кашгара, узнав о приближении повстанцев, сообщил им, что вместе с войском перейдет на их сторону. Когда же они подошли к городу, их встретил боем поджидавший отряд Садык-бека. Якобы для переговоров о сдаче Садык-бек завлек Хатиб-ходжу в свой лагерь и продержал его до тех пор, пока тот не согласился за большую награду вернуться в Учтурфан [14, стр. 166—167].

В течение всех описанных событий, как и дальше, Рашаддин оставался в Куче, так как одновременно с изгнанием китайцев из западных городов он снарядил поход на восток и должен был следить за событиями на обоих фронтах. Руководить войском он поручил одному из своих младших братьев — Исхак-ходже. Передовой отряд, преодолев сопротивление китайцев в селении Бугур, привлек на сторону восстания местных дунган. Город Курля был взят без боя. Население его добровольно примкнуло к повстанцам. Но дальнейшее продвижение их к Кашгару было задержано, так как китайцы разрушили переправы. Исхак-ходжа решил идти в обход оз. Баграш-Куль с юга и внезапным нападением уничтожил большое китайское войско, находившееся в Ушак-тале. Конный китайский отряд, вышедший из Турфана, был окружен кочевниками калмыками и пригнан к Исхак-ходже. Узнав из письма, найденного у пленных, что китайское правительство

выслало против него крупные военные силы, Исхак-ходжа разделил свой отряд на три части и сразу с трех сторон напал на китайцев. Соппротивление их удалось преодолеть. Мусульманское население радостно встречало освободителей и везде присоединялось к ним. Богатые трофеи помогли кучинцам справиться с 10-тысячным войском китайцев, вышедшим им навстречу из Карашара, после чего город оказался в их руках. Подойдя к Турфану, Исхак-ходжа обнаружил, что местные дунгане, истребив много китайцев, осадили крепость. Предвидя долгую осаду — крепость пала через четыре месяца, — Исхак-ходжа направился к Хами, но потерпел поражение под Чиктымом и отступил к Турфану. Отсюда он пошел на Токсун, а затем на Лукчун и Баркуль. Но среди местного населения преобладали китайцы, и присоединение этих городов потребовало немало усилий и времени. Тем не менее войско повстанцев росло, так как мусульмане охотно присоединялись к нему. Когда Исхак-ходжа был занят ликвидацией небольших укреплений, прибыли представители Хами и, выразив покорность Рашаддину, взяли сами свергнуть китайскую власть. Исхак-ходжа выступил по направлению к Хами 18 зульхидже (4 мая) 1282/1866 г., имея в своей армии около 16 тыс. человек [14, стр. 160—162].

Пока Исхак-ходжа победоносно продвигался на восток, прибывший из Средней Азии Йакуб-бек успел овладеть Кашгаром. Вскоре он отнял у кучинцев Яркенд, Маралбаши и другие ближайшие населенные пункты. Местное население легко подчинялось ему. Имея обеспеченный тыл и включив в свое войско местную конницу, Йакуб-бек стал готовиться к походу на Аксу и Кучу. Когда до Джамал ад-дина дошли вести о намерениях Йакуб-бека, он предложил Рашаддину выступить, не ожидая прихода противника. Большое войско, численностью 26 тыс. человек, собранное, по сведениям муллы Мусы, в Куче, Аксу, Учтурфане и окружающих селениях, во главе с Джамал ад-дином заняло Яркенд. Чтобы скрыть от Йакуб-бека свой дальнейший маршрут, Джамал ад-дин обогнул район Кашгара с востока и подошел к городу с северной стороны. Но Йакуб-бек разгадал маневр. Обойдя Кашгар еще севернее, он оказался в тылу кучинского войска. Численное превосходство его не смутило Йакуб-бека. Он отвлек внимание кучинцев нападением небольшого отряда, а затем ударил по ним главными силами своего войска. Несмотря на отчаянное упорство дунган, опасаясь окружения, Джамал ад-дин отступил и вернулся в Яркенд. Предательство Нийаз-бека, помощника яркендского хакима, бывшего тайным агентом Йакуб-бека, помогло последнему добить кучинцев и взять город. Хитростью Йакуб-бек заманил к себе хакима Хотана и, казнив его, занял этот город. Обеспечив себе таким образом тылы, Йакуб-бек направил свой удар непосредственно на столицу повстанцев. Последние силы их в количестве 30 тыс. человек не могли сдерживать напора врага. В июле 1867 г. город пал, а Рашаддин, пытавшийся бежать, был взят в плен и казнен [14, стр. 167—170].

Сбросить китайское иго Рашаддину в значительной степени помешала внутренняя рознь уйгур, основанная на соперничестве двух религиозных группировок в их среде. Йакуб-бек же был далек от этой борьбы и сумел найти поддержку каждой из них. Он был молод, когда появился в Кашгаре, к тому же, вероятно, обладал известным личным обаянием. Популярность его была очень велика в народе, который звал его «бадаулетом», т. е. счастливецом, и сложил о нем ряд песен. Интересно, что в одной из них, точнее, в песне о Бек-баче, сыне Йакуб-бека, дважды говорится о монетах [11, стр. 7, 15, 26—27]. В начале первого куплета: چاقا فلى اوتمايدور

«Деньги чака (т. е. «чохи» — цяни.— А. Б.) перестали обращаться».

آق تىنكە سى پرتىنكە

«Белая тенга (т. е. серебряная монета Йакуб-бека.— А. Б.) это — деньги».

В начале второго куплета:

چاقا فلى كۆل بولدى

«Деньги чака стали прахом».

Музыкальный фрагмент песни «Деньги чака стали прахом». Записано на нотном стане в тональности ре мажор и 2/4 такта. Текст песни под нотами:

ЧА - КА ПУ - ЛИ - И ÖТ - МАЙ - ДУ(Р) АК ТАН - ГЕ СИ - И БИР ТАН - ГА

ЧА - КА

ПУ - ЛИ - И КÜЛЬ БОЛ - ДИ

Чрезвычайно любопытен прием, использованный уйгурскими народными певцами: в песне упоминанием о монетах сообщается об изменившемся политическом положении в стране.

III

К сказанному остается прибавить, что дунгано-уйгурское восстание 1864 г. не является совершенно обособленным событием в истории Восточного Туркестана. После захвата Китаем Джунгарии (1757 г.) и Кашгарии (1759 г.) крайняя западная провинция китайской империи не переставала быть постоянно бурлящим котлом. Введение в городах китайской администрации и китайских гарнизонов, китайской налоговой системы и китайских монет, отлитых в местных городах, и даже переселение некоторого числа маньчжуров, монголов и солон из других провинций Китая не могли задуть стремления уйгур и дунган к свержению китайского господства.

Уже через пятнадцать лет после завоевания уйгуры восстали в Учтурфане против маньчжурского правителя Су Чэна и поддерживавшего его местного хакима 'Абдулла-бека. Оба были убиты восставшими, которые пытались поднять население и других городов. Но уйгурские феодалы не вняли призыву, испугавшись направленных из Пекина войск. После двухмесячной осады город был взят китайцами (1764 г.). Массовое избиение и выселение оставшихся в живых в Или [16, стр. 551] не убили в уйгурском народе тяготение к свободе, а лишь отложили дальнейшие попытки. Борьбу с «неверными» продолжили дунгане северо-западной части Центрального Китая, затаившие вражду к маньчжурам со времени их вторжения в Китай. Дунганское восстание в провинции Цинхай в 1781 г., возглавленное Сусышисанем было жестоко подавлено императорскими войсками, которые сожгли лес с засевшими в нем повстанцами. Через два года восстали дунгане

в провинции Ганьсу. Руководивший ими дунганин Тянь У был убит в первой же стычке, однако повстанцы нанесли поражение высланному против них карательному отряду, но не могли долго сопротивляться и все были перебиты (1783 г.) [16, стр. 552—553]. В 1826 г. снова восстали уйгуры Восточного Туркестана, подстрекаемые английскими агентами. Во главе них стоял Джахангир-ходжа. Пользуясь поддержкой Англии, он захватил Кашгар, Янгихисар, Яркенд и Хотан и разбил китайский карательный отряд, но не выдержал напора нового войска, присланного правительством Даогуана, и бежал в Среднюю Азию. В конце 1827 г. ему снова удалось овладеть Кашгаром, однако вскоре он погиб от вражеской руки под Аксу. «После этого, — пишет проф. Шан Юэ, — сопротивление уйгур никогда не прекращалось» [16, стр. 552]. В нумизматике восстание Джахангира-ходжи отмечено китайскими памятными монетами в 5 и 10 цяней, отлитыми в Аксу в 8 г. периода Даогуан (1828 г.) в память победы над восставшими [1, № 416 и 417; 3, стр. 33 и 73, табл. XVII, № 132, 133].

Великое Тайпинское восстание (1850—1864 гг.) потрясло весь Китай и вызвало антиправительственные выступления китайских мусульман. В конце 1855 г. в юго-западной провинции Китая Юньнань, в значительной степени заселенной приверженцами ислама, волнения рудокопов вылились в большое крестьянское восстание, которым руководило мусульманское духовенство. Священная война против «неверных» привела к образованию в г. Дали мусульманского государства, возглавленного неким султаном Сулейманом, которого охотно поддерживала Англия ввиду близости своих индийских владений. Султанат продержался до начала 1870-х годов, когда цинскому правительству после нескольких месяцев осады удалось взять Дали и казнить султана. Победители отправили в Пекин двадцать четыре корзины с ушами повстанцев и заспиртованную голову Сулеймана [6, стр. 78].

В северо-западных провинциях Внутреннего Китая, Шэньси и Ганьсу, в 1862 г. вспыхнуло крупное восстание дунган, которые в 1868 г. потерпели поражение в Шэньси в связи с изменой дунганских феодалов. Это поражение выдвинуло выдающегося дунганского революционного деятеля Мухаммада Аййуба Биянху [см. 5, стр. 27—54]. Он вступил в борьбу в середине 1869 г. и после поражения в Шэньси с уцелевшими повстанцами ушел в Ганьсу. Отдельные успехи, достигнутые повстанцами героической ценой, не могли привести к окончательной победе из-за измены ряда руководителей восстания (1870 г.). Биянху, прозванный народом «Даху» (Великий тигр), тем не менее не оставил начатого дела. Терпя измены и военные неудачи, он вступил в Восточный Туркестан, где в Хами ему удалось одержать победу над императорским войском (1872 г.). Здесь, чтобы вместе противостоять общему врагу, Биянху присоединился к Йакуб-беку, который после разгрома Рашаддина и падения возникшего одновременно с Кучинским ханством дунганского государства в Урумчи (1872 г.) сделался единоличным хозяином Восточного Туркестана. Относясь к Биянху как к вассалу, Йакуб-бек передал ему Урумчи. Гуансюй (1875—1908), вступив на престол, решил сразу восстановить господство Китая в Восточном Туркестане и направил туда крупное войско. Биянху, не дождавшись помощи, обещанной Йакуб-беком, принужден был оставить Урумчи (1876 г.) и ряд других городов Джунгарии, в которых не сумел утвердиться. Он прибыл в Кашгар в конце 1877 г., уже после смерти Йакуб-бека, и перешел границу России вместе с несколькими тысячами дунган,

прося предоставить всем им убежище, что и было выполнено. Цинское правительство с настойчивостью, достигавшей дерзости, неоднократно требовало выдачи Биянху, квалифицируя его как разбойника. Генерал-губернатор Туркестанского края генерал-адъютант К. П. Кауфман и военный губернатор Семиреченской области генерал-лейтенант Колпаковский с ведома Министерства иностранных дел неизменно отвечали отказом как из человеколюбия, так и по тактическим соображениям, учитывая отношения с мусульманами Средней Азии. Русское командование сумело предотвратить убийство Биянху, подготавливавшееся китайской стовой, и сообщило о заключении его под стражу, чего на самом деле не было. Биянху умер в Пишпек Семиреченской области (ныне г. Фрунзе) в 1882 г. Предусмотрительные родственники тайно похоронили Биянху во дворе дома, в котором он жил. Действительно, мнимая могила его на кладбище вскоре была разрыта желавшими надругаться над его прахом, но в ней оказалось чучело.

Из всего сказанного явствует, что восстание, возглавленное в 1864 г. Рашаддином, было лишь одним из звеньев в борьбе уйгур и дунган за освобождение от китайского владычества.

Как знать, может быть, суждено еще нумизматам встретить монеты Далийского султаната или Урумчинского государства, подобно тому как были обнаружены монеты Рашаддина.

1. Алексеев В. М., Описание китайских монет и монетовидных амулетов, находящихся в Нумизматическом отделении Императорского Эрмитажа, СПб., 1907.
2. Бартольд В. В., Таарих-и Эмэние. История владетелей Кашгарии, сочинение муллы Мусы, бен мулла Айса, сайрамца, изданная Н. Н. Пантусовым, Казань, 1905. Рецензия («Записки Восточного Отделения Русского археологического общества», т. XVII, 1906).
3. Бьков А. А., Монеты Китая, Л., 1969.
4. [Валиханов Ч. Ч.], Сочинения Чокана Ченгисовича Валиханова под редакцией Н. И. Веселовского, — «Записки Отделения этнографии Русского географического общества», т. XXIX, СПб., 1904.
5. Думан Л. И., Биянху — вождь дунганского восстания 1862—1877 гг., — «Записки Института востоковедения АН СССР», т. VII, М.—Л., 1939.
6. Ефимов Г. В., Очерки по новой и новейшей истории Китая, [М.], 1951.
7. Катанов Н. Ф., Предисловие к «Материалам к изучению наречия таранчей илийского округа», вып. VI, Казань, 1901.
8. Корнилов, Кашгария или Восточный Туркестан. Опыт военно-статистического описания, Ташкент, 1903.
9. Насилов В. М., Грамматика уйгурского языка, М., 1940.
10. Пантусов Н. Н., Война мусульман против китайцев, вып. II, Казань, 1881.
11. Пантусов Н. Н., Материалы к изучению наречия таранчей Илийского округа, вып. VI («Стихотворения о Якуб беке, государе Кашгарии, и событиях его времени»), Казань, 1901.
12. Рукопись ЛО ИВАН СССР — С 57 (на уйгурском языке).
13. Таарих-и Эмэние. История владетелей Кашгарии, сочинение муллы Мусы, бен мулла Айса, сайрамца, изданная Н. Н. Пантусовым, Казань, 1905.
14. Тихонов Д. [И.], Восстание 1864 г. в Восточном Туркестане, — «Советское востоковедение», вып. V, [1948].
15. Черепнин Л. В., Русская хронология, М., 1944.
16. Шаньюэ, Очерки истории Китая, М., 1959.
17. Hoernle A. R., A Collection of Antiquities from Central Asia, pt I, — «Journal of the Asiatic Society of Bengal», vol. LXVIII, Pt I. Extra number 1, 1899.
18. Sch l ö s s e r R., Chinas Münzen, Wörl in Westfalen, 1935.
19. Weyl A., 3-sprachige chinesische Münzen, welche für Ost-Turkestan geschlagen sind, Berlin, 1882.

С. Е. Яхонтов

О КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Генеалогическая классификация языков Китая и Юго-Восточной Азии сталкивается со значительными трудностями. Принято считать, что наиболее надежным признаком родства языков являются материальные совпадения в морфологии. Между тем во многих языках интересующего нас района морфология в обычном смысле этого слова практически отсутствует.

Изолирующие языки можно классифицировать по особенностям их фонетического и грамматического строя, например по наличию или отсутствию тонов или правилам порядка слов. Но такая классификация не является генеалогической. Вопреки довольно широко распространенному мнению о родстве языков нельзя судить на основании их типологических признаков. Например, в языке хма (или цян) одни из диалектов имеют тон, другие — нет, а между тем они, конечно, родственны между собой. Языки мяо и яо, родство между которыми никто не подвергает сомнению, имеют не вполне одинаковый порядок слов.

Можно, далее, обратиться к лексике. Однако в принципе любое слово может быть заимствовано. Наличие регулярных фонетических соответствий не поможет нам выделить слова исконно родственные, так как при массовых заимствованиях соответствия устанавливаются и между неродственными языками; например, они есть между китайским и «сино-японским» (китайским слоем японской лексики). Кроме того, нередко в языках, между которыми предполагается отдаленное родство, мы обнаруживаем лишь очень ограниченное число общих слов или корней — в лучшем случае две-три сотни, в худшем — несколько десятков, а при малом числе примеров легко можно принять за закономерность случайное совпадение.

Однако, хотя любое слово в языке теоретически может иметь иноязычное происхождение, вероятность этого для слов с разным значением различна. Чаще всего заимствуются слова, связанные с культурой; другие области лексики (например, названия частей тела или состояний погоды) почти не содержат элементов, пришедших со стороны.

Поэтому, если мы хотим узнать, являются ли лексические совпадения между двумя языками результатом общего происхождения или исторических контактов, мы должны выяснить, к каким смысловым категориям преимущественно относятся эти общие слова, имеют ли они отношение к культуре.

Нельзя, Впрочем, заранее исключить и возможность того, что часть сближаемых слов, а может быть, и все они — это не более чем слу-

чайные совпадения, но естественно ожидать, что слова, случайно похожие друг на друга, будут равномерно разбросаны в языке, не образуя ясных группировок. Если же сравниваемые слова составляют пары или серии (*солнце — луна, огонь — вода — земля, глаза — уши — нос, лошадь — корова — овца, железо — медь — серебро — золото*), близость их не может быть случайной. Кроме того, слова, сохраняющиеся от общего древнего источника, по большей части относятся к числу наиболее частотных, в то время как слова похожие могут обозначать и редкие, несущественные понятия.

Ниже эта методика будет в качестве опыта применена, во-первых, к вьетнамскому и, во-вторых, к тайским языкам.

Относительно родственных связей вьетнамского языка существует две основные теории. Согласно одной из них, предложенной А. Масперо [см. 7], вьетнамский входит в состав тайской группы. Другая, в настоящее время развиваемая А. Одрикуром [см. 5; 6], объединяет вьетнамский с мон-кхмерскими языками. Эта вторая точка зрения обоснована гораздо убедительнее, хотя первая как будто бы более распространена.

Тайские языки (независимо от того, включается ли в их число вьетнамский или нет) обычно считают более или менее близкородственными китайскому. Существует и другая теория, принадлежащая П. Бенедикту, объединяющему тайские языки с индонезийскими в одну семью, называемую им аустро-тайской [см. 4]. А. Одрикур также возражает против сближения тайских языков с китайским; однако аустро-тайскую гипотезу, кажется, активно защищает только сам ее автор.

Итак, рассмотрим смысловые группы, на которые распадаются слова, общие для интересующих нас пар языков.

Следует сказать, что рассмотрение глаголов и прилагательных сравниваемых языков не дает ясных результатов. Их оказывается очень трудно распределить по семантическим группам. Кроме того, среди них почти нет слов, обозначающих наиболее существенные, жизненно важные понятия. Может быть, стоит отметить, что в тайских языках слова *taai* 'умереть' и *kin* 'есть' имеют соответствия в индонезийских языках, а вьетнамское *cêt⁵* 'умереть' — в мон-кхмерских¹. Количественно во вьетнамском языке в три раза больше глаголов с тайской этимологией (65), чем с мон-кхмерской (22); глаголы составляют почти половину всех вьетнамско-тайских параллелей А. Масперо. Тайские глаголы чаще тяготеют к китайскому (40), чем к индонезийским языкам (17). Среди прилагательных и наречий вьетнамского языка 17 имеют соответствия в тайских и 11 — в мон-кхмерских языках; тайско-китайских соответствий среди прилагательных 17, тайско-индонезийских — 8. Но количество совпадающих слов само по себе для нас не существенно.

Числительные вьетнамского языка имеют мон-кхмерское происхождение, числительные тайских языков — китайское. Однако можно показать, что во втором случае мы имеем дело с заимствованием, относящимся к началу нашей эры.

В дальнейшем мы ограничимся рассмотрением существительных и местоимений.

Материал по вьетнамскому языку заимствован у А. Масперо [см. 7].

Вьетнамские слова, имеющие мон-кхмерские соответствия:

Время и погода: *ngai²* 'день', *nam¹* 'год', *zô⁵* 'ветер', *müa¹* 'дождь', *sâm⁵* 'гром', *song⁵* 'волны'.

Земля, рельеф, ландшафт: *dât⁵* 'земля', *sông¹* 'река', *hoi⁵* 'ручей'.

¹ Здесь и ниже транскрипция упрощена; тон обозначается цифрами.

Стихии и вещества: *lūa*³ 'огонь', *nūōk*⁵ 'вода', *da*⁵ 'камень', *vōi*¹ 'известь', *miđi*⁵ 'соль'.

Человек — возраст и родство: *kon*¹ 'ребенок', *traai*¹ 'мальчик', *cau*⁵ 'внук'.

Части тела и лицо: *cān*¹ 'нога', *mat*⁶ 'лицо' (и *mat*⁵ 'глаз' — вариант того же корня), *mui*⁴ 'нос', *kam*² 'подбородок', *tok*⁵ 'волосы'. К этой же группе можно отнести *mo*³ 'клюв'.

Животные: *gāu*⁵ 'медведь', *khaai*⁵ 'тигр', *tran*¹ 'удав', *sok*⁵ 'белка', *cit*¹ 'птица', *ka*⁵ 'рыба', *gūđi*² 'муха', *miđi*⁴ 'комар', *cāi*⁵ 'вошь'.

Растения и их части: *lua*⁵ 'рис (растение)', *trāu*² 'бетель', *biđi*³ 'тыква', *traai*⁵ 'плод', *rē*⁴ 'корень', *la*⁵ 'лист', *mang*¹ 'росток бамбука'.

Культурные термины: *non*⁵ 'шляпа', *den*² 'лампа', *vong*² 'кольцо', *kap*⁶ 'щипцы'.

Местоимения: *do*⁵ 'тот', 'там', *ke*³ 'те, кто'.

Список вьетнамских слов, имеющих мон-кхмерское происхождение, далеко не полон. Однако я еще раз хотел бы подчеркнуть, что для решения вопроса о родстве языков важно не количество примеров, а семантические группы, которые они образуют.

Перейдем теперь к словам тайского происхождения.

Время и погода: *mua*² 'время года', *mok*⁵ 'туман'.

Земля: *nui*⁵ 'гора', *dōng*² 'поле', *rāi*⁴ 'поле в горах', *vung*⁴ 'лужа'.

Вещества или материалы: *ci*² 'свинец', *nga*² 'слоновая кость'.

Человек: *bō*⁵ 'отец', *nang*² (обращение к женщине).

Части тела: *bung*⁶ 'живот', *lūng*¹ 'спина', *đi*⁵ 'зад', *kō*³ 'шея', *bi*¹ 'икра ноги'.

Животные: *siđt*⁶ 'крыса', *da*¹ 'куропатка', *ba*¹-*ba*¹ 'мягкая черепаха', *ga*² 'курица', *meu*² 'кошка'; сюда же можно отнести слово *đūk*⁶ 'самец животного'.

Растения: *gaau*⁶ 'рис (зерно)', *twaai*⁵ 'чеснок', *mon*¹ 'таро', *siđi*⁵ 'банан', *kaam*¹ 'апельсин'; сюда же можно отнести *ni*⁶ 'бутон'.

Культурные термины: *kim*¹ 'игла', *ngan*⁶ 'крючок', *caak*⁶ 'веревка', *zo*² 'силос', *na*⁵ 'арбалет', *dua*⁴ 'палочки для еды', *nong*¹ 'корзина для веяния', *vaai*³ 'материя', *be*² 'плот', *raau*² 'загородка', *mo*³ 'шахта', *ban*⁵ 'хлеб', *rūđi*⁶ 'вино', *dom*⁵ 'лучинка для зажигания огня'.

Отвлеченные понятия: *viêk*⁶ 'работа', *ka*⁴ 'цена', *nō*⁶ 'долг', *tōt*⁵ 'конец', *ngon*⁶ 'кончик, острие', *tiêng*⁵ 'звук'.

Существительные, не образующие групп: *lō*⁴ 'дыра', *kaam*¹ 'болезнь рта', *fān*¹ 'экскременты'.

Названия совокупностей: *đoi*¹ 'пара', *cum*² 'пучок, связка'.

Местоимения: *no*⁶ 'этот'.

Сопоставления тайских и китайских слов приводится по Р. Шейферу [см. 8], тайских и индонезийских — по П. Бенедикту [см. 1; 2; 3; 4]. Часть приводимого ими материала вызывает сомнения. Р. Шейфер использует не реконструированные формы, а лексику современного тхайского (сиамского) и лаосского языков, в отдельных случаях также шанского, диой (чжуанского) и других, поэтому некоторые из его слов специфичны для того или иного конкретного языка и едва ли восходят к общетайскому состоянию. П. Бенедикт в ряде случаев объединяет слова, имеющие фонетически очень мало общего между собой; например, тайское *pla* 'рыба' и индонезийское *iwak* 'рыба' возводятся к общему аустро-тайскому корню *pla(i)wak*. Поэтому для дальнейшего исследования использованы не все слова, рассматриваемые обоими авторами.

Среди тайских слов, которым Р. Шейфер находит китайские параллели, отобраны только те, которые представлены и в тхайском (сиам-

ском) и в лаосском языках; если в ¹одном из них слово отсутствует, оно берется лишь при условии, что представлено также в чжуанском. Тем самым отбрасываются слова, имеющие очень узкое распространение. Сложнее принципы отбора тайско-индонезийских слов. В большинстве случаев тайское слово фонетически близко второму слогу соответствующего индонезийского. Поэтому наиболее надежными фонетически считались такие соответствия, как тайское *mot* и малайское *semut* 'муравей', тайское *rūat* и тагальское *surot* 'клоп'. Принимались и такие примеры, где начальный согласный тайского слова соответствовал начальному согласному первого, а не второго слога его индонезийского соответствия или сочетание согласных в тайском соответствовало одновременно двум согласным в индонезийском. Наконец, отбирались такие пары, в которых тайское слово фонетически близко началу, а не концу индонезийского при условии, что последнее кончается гласным или *h*, т. е. такие, как севернотайское *pūn* (сек *pul*) и индонезийское *buluh* 'шерсть, волосы на теле'. (Это и два предыдущих сопоставления отсутствуют в статьях П. Бенедикта, они приведены здесь лишь как иллюстрация принципов отбора слов.) Несколько сопоставлений было отвергнуто по семантическим соображениям.

Даже при этих ограничениях нельзя быть уверенным в том, что все этимологии, предлагаемые в используемых работах, правильны. С другой стороны, можно найти совпадающие слова, которые в них не вошли. Но это не существенно, потому что для нас важно не каждое отдельное слово само по себе, а общее впечатление, общий характер распределения отождествляемых слов по основным семантическим группам.

Тайские слова с китайскими соответствиями образуют следующие группы.

Время и погода: *γūn* 'ночь', *hmook* 'туман'.

Земля: *dung*¹ 'поле', *aaui*¹ 'залив', *daang* 'дорога'.

Вещества и материалы: *khaang* 'плавленное железо', *doong* 'медь', 'золото', *ngūn* 'серебро', *thaan*¹ 'древесный уголь', *nga* 'слоновая кость'.

Человек: *pu*¹ 'дед', *ta* 'отец матери', *naang* 'женщина'; сюда же можно отнести *jaang*¹ 'ремесленник'.

Части тела и лицо: *eeu* 'поясница', *kha* 'бедро', *phiu* 'кожа', *keem*² 'щека', *ta* 'глаз', *lin*² 'язык'.

Дикие животные: *tho* 'заяц', *lin*¹ 'панголин (ящер)', *a* 'ворона', *khai* 'дикий голубь', *kop* 'лягушка', *gei* 'креветка', *phūng*² 'пчела'.

Домашние животные: *ngua* 'корова', *ma*² 'лошадь', *jaang*² 'слон', *meei* 'кошка', *kai*¹ 'курица', *haan*¹ 'гусь'.

Растения: *ja* 'чай', *thua*¹ 'бобы', *man* 'ямс', *laang* 'бетель', *graam* 'индиго'.

Культурные термины: *tang*¹ 'табуретка', *aang*¹ 'кувшин', *siam* 'мотыга', *giim* 'щипцы', *aan* 'седло', *na*¹ 'арбалет', *ga* 'канга, колодки', *maan*¹ 'занавеска', *saam* 'шпилька', *kaau* 'клей', *hlau*² 'вино', *chaang* 'амбар', *deen*¹ 'алтарь', *hnangsū*¹ 'книга'.

Отвлеченные понятия: *di*¹ 'место', *hliam*¹ 'угол', *ʔban*² 'кусочек', *siang* 'звук', *ga*¹ 'цена', *gau* 'начало', *ʔyaang*¹ 'вид, образец'.

Не входят в определенную группу: *gan* 'палка', *gam* 'кусочек, глоток', *sa*¹ 'осадок', *fun* 'грязь'.

Рассмотрим далее тайско-индонезийские соответствия. При сравнении тайских (ниже «т.») и индонезийских (ниже «ин.») слов следует иметь в виду, что тайская система гласных более богата. Общетайский имел, по-видимому, шесть гласных: *a*, *e*, *o*, *ū*, *i*, *u*, каждый из которых мог в закрытом слоге быть долгим и кратким. Тайскому *ū* в индонезийском

соответствует *a*, иногда *u*. Далее, общетайский имел дифтонги *üa*, *ia*, *ua*, которым в индонезийском соответствовал одиночный гласный — *a*, *i*, *u*. Тайским дифтонгам типа *ai*, *au* также часто соответствуют индонезийские одиночные гласные *i*, *u*. Что касается конечных согласных, то тайское слово не может кончаться на *r*, *l*, *t'*. Конечный *l* существовал в тайских языках еще сравнительно недавно, но затем почти повсеместно перешел в *n*.

Небо и погода: т. *wan* 'день', ин. *wari* 'день', 'солнце'; т. *'blüan* 'луна', ин. *bulan*; т. *'daau* 'звезда', ин. *a(n)daw* 'солнце'; т. *fon* 'дождь', ин. *ä(m)bun* 'роса' (в тагальском 'мелкий дождь').

Земля: *'din* 'земля', ин. *tanäh*; т. *na* 'рисовое поле', ин. *bäna* 'низменность, затопляемое место'; т. *thüan*¹ 'лес', ин. *hutan*; т. *hron* 'дорога', ин. *dalan*.

Стихии: т. *nam*² 'вода', ин. *danum*; т. *vai* 'огонь', ин. *apuy*.

Человек, возраст и родство: т. *luuk* 'ребенок', ин. *anak*; т. *'dek* 'ребенок', ин. *dikih* 'маленький'; т. *pu* 'дед', ин. *ä(m)pu* 'дед, внук'.

Части тела: т. *hrua* 'голова', ин. *hulu*; т. *gring* 'тело', ин. *daging* 'тело, мясо'; т. *doong*² 'живот', ин. *bä(n)täng*; т. *hlang* 'спина', ин. *balakang*; т. *mü* 'рука', ин. *lima*; т. *'ba*¹ 'плечо', ин. *baça*; т. *kha* 'бедро', ин. *paha*; т. *hmooi* 'волосы вокруг половых органов', ин. *kumit* 'борода'.

Лицо: т. *ta* 'глаз', ин. *mata*; т. *'dang* 'нос', ин. *ig'ung*; т. *paak* 'рот', ин. *babah*; т. *van* 'зуб', ин. *ipän*; т. *lin*² 'язык', ин. *dilah*; т. *çang* 'подбородок', ин. *baçang*.

Анатомия и физиология: т. *lüat* 'кровь', ин. *ðaçah*; т. *poot* 'легкие', ин. *put'uh* 'сердце'; т. *khi*² 'экскременты', ин. *tahi*; т. *tot* 'газы в животе', ин. *ä(n)tut*.

Животные: т. *süa* 'тигр', ин. *pusa* 'кошка'; т. *nok* 'птица', ин. *manuk* 'домашняя птица'; т. *hooi* 'раковина', ин. *t'igay*; т. *daak* 'пиявка', ин. *lintah*; т. *hrau* 'вошь', ин. *kutu*. С этой группой связаны также: т. *klet* 'чешуя', ин. *kulit* 'кожа'; т. *rang* 'гнездо', ин. *t'arang*.

Растения и их части: т. *laang* 'арека', ин. *pinang*; т. *nga* 'кунжут', ин. *länga*; т. *hroom*² 'индиго', ин. *taçum*; т. *hwaai* 'ротанг', ин. *uway*; т. *hret* 'гриб', ин. *kulat*; т. *'blok* 'цветок', ин. *bulak*; т. *pli* 'почка', ин. *upih*; т. *plüak* 'кора', ин. *u(m)pak*.

Культурные термины: т. *rüa* 'лодка', ин. *parahu*; т. *tu* 'дверь', ин. *pintu*; т. *khem* 'игла', ин. *daçum*; т. *'bet* 'рыболовный крючок', ин. *ka-wit* 'крючок'; т. *püün* 'стрела', ин. *panah*; т. *gan* 'рукоятка', ин. *t'angkal*; т. *peen* 'доска', ин. *papan*; т. *'büa* 'яд', ин. *tuba* 'яд для глушения рыбы'; т. *hlau*² 'вино', ин. *laru* 'средство для очистки бродящих жидкостей'.

Трудно отнести к определенной группе следующие существительные: т. *sük* 'враг', 'война', ин. *mu(n)t'uh* 'враг'; т. *klaang* 'середина', ин. *täläng*; т. *luuk* 'нечто круглое', ин. *käluk* 'изгиб'.

Местонимения: т. *ku* 'я', ин. *aku*; т. *mai~müng* 'ты', ин. *kami* 'вы'; т. *ni*² 'это', ин. *ini*.

Некоторые семантические категории представлены во всех четырех приведенных выше списках слов. Другие характерны только для части списков, причем лексические связи между вьетнамским и мон-кхмерскими языками имеют такой же характер, как между тайскими и индонезийскими, в то время как вьетнамско-тайские связи аналогичны тайско-китайским. Так, для первых двух пар (вьетнамский — мон-кхмерские и тайские — индонезийские) характерны наиболее употребительные слова, по значению связанные с небом («день~солнце», «луна», «звезда», «дождь», «ветер»), слова «земля», «вода», «огонь», названия частей лица

(хотя названия частей тела вообще есть во всех четырех списках), частей растений, некоторые обобщенные названия классов животных («птица», «рыба») и, наконец, местоимения. В двух других списках особенно много культурных терминов; значительное место в них занимают также названия металлов, домашних животных, культурных растений, отвлеченных понятий. Все это — слова, сравнительно легко заимствуемые.

Итак, мы имеем дело с двумя ясно различающимися типами совпадений между языками. Естественно предположить, что они соответствуют двум типам исторических связей между языками — контактам и генетическому родству. Наличие во вьетнамском общих слов с тайскими и в тайских — с китайским, судя по значениям этих слов, может быть результатом контактов. Напротив, типичные совпадения в лексике вьетнамского и мон-кхмерских, тайских и индонезийских языков естественнее объяснить генетическим родством. Иначе говоря, судя по семантике слов, имеющих соответствия в других языках, вьетнамский входит в мон-кхмерскую, а не в тайскую семью; тайские же языки родственны не китайскому, а индонезийским.

1. Benedict P. K., Austro-Thai,— «Behavior Science Notes», 1966, vol. I, № 4, pp. 227—261.
2. Benedict P. K., Austro-Thai Studies: 1. Material Culture,— «Behavior Science Notes», 1967, vol. 2, № 3, pp. 203—244.
3. Benedict P. K., Austro-Thai Studies: 3. Austro-Thai and Chinese,— «Behavior Science Notes», 1967, vol. 2, № 4, pp. 275—336.
4. Benedict P. K., Thai, Kadai and Indonesian: a New Alignment in Southeastern Asia,— «American Anthropologist», 1942, vol. 44, № 4.
5. Haudricourt A.-G., La place du vietnamien dans les langues austroasiatiques,— «Bulletin de la Société Linguistique de Paris», 1953, t. 49, fasc. 1, pp. 122—128.
6. Haudricourt A.-G., The Limits and Connections of Austroasiatic in the Northeast,— «Studies in Comparative Austroasiatic Linguistics», London — The Hague — Paris, 1966, pp. 44—56.
7. Maspero H., Études sur la phonétique historique de la langue annamite,— «Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient», 1912, t. XII, № 1.
8. Shafer R., Introduction to Sino-Tibetan, pt 1, Wiesbaden, 1966.

А. Г. Шпринцин

КИТАЙСКИЙ НОВЫЙ АЛФАВИТ (ЛАТИНИЗАЦИЯ), ДИАЛЕКТЫ И ОБЩЕЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

Под реформой письменности обычно понимают ряд неодинаковых по своему значению и объему действий: начиная от отдельных поправок или изменений, вносимых в данную систему графики либо орфографии, вплоть до полной замены существующей графической системы другой, более приемлемой. Сюда же нередко относят, хотя, строго говоря, неправомерно, и создание письменности для бесписьменных до этого народов.

Сказанное относится и к Китаю, где реформа письменности (*wenzi gaige*), во всяком случае деятельность в этой области в период 1949—1965 гг., включала: а) упрощение графики существующей системы письма путем введения иероглифов упрощенного начертания; б) замену сложных и необычных знаков в написании местных географических названий более простыми и привычными; в) создание системы фонетического письма пока что со сравнительно ограниченными задачами; г) создание самостоятельных систем алфавитного письма для национальных меньшинств Китая.

Вместе с тем реформа китайской письменности характеризуется по меньшей мере двумя отличительными особенностями. Во-первых, в этом случае конечным результатом должен был быть переход не от одной системы звукового письма к другой, типологически такой же, а от письма идеографического к письму звуковому, алфавитному. Во-вторых, в ходе своего многовекового существования китайская иероглифическая письменность способствовала выработке, развитию и сохранению письменно-литературного китайского языка, справедливо называемого иероглифическим и абсолютно несовместимого с алфавитным письмом. Борьба против этого книжного языка и за создание письменно-литературного языка на основе разговорного являлась существенным элементом китайского языкового развития по меньшей мере в течение всех лет XX в. В специальной литературе, в том числе и в советской, этот процесс освещен сравнительно полно, и в данном случае мы обращаемся к одному из его частных аспектов, а именно к вопросу взаимоотношения китайского народно-разговорного языка с алфавитным письмом.

Известно, что современный китайский разговорный язык распадается на ряд диалектов, а иероглифика, где с каждым отдельным знаком может быть соотнесено несколько диалектных вариантов его чте-

ния, является в этом смысле как бы наддиалектной письменностью. Возражая против перехода на алфавитное письмо, противники этой реформы прежде всего ссылались на существование китайских диалектов, для которых, как они утверждают, иероглифика является естественным и единственно возможным средством междиалектного письменного общения, поддерживающим сложившееся письменно-языковое единство, которое при переходе на алфавитное письмо неизбежно будет разрушено.

Не касаясь сейчас существа этой аргументации (унифицирующая роль иероглифики, объединяющей лишь меньшинство владеющих ею, весьма условна), согласимся с тем, что диалектное дробление китайского языка действительно является важнейшим фактором, подлежащим учету при переходе на алфавитное письмо, о чем свидетельствует история создания различных проектов китайского алфавита. Как и в других языках, в китайском диалекты различаются прежде всего и главным образом фонетически, и проблема произносительной базы возникала уже в тех случаях, когда алфавиту отводилась чисто служебная, подсобная роль по обозначению чтения иероглифов. Однако еще большее значение приобретает проблема диалектов там, где имеется в виду не транскрипция, а самостоятельная и полноценная система алфавитного письма. Такое всеохватывающее по выполняемым функциям алфавитное письмо может и, как правило, должно передавать живую китайскую речь. спрашивается: какую именно?

Этот вопрос возник при всех многочисленных попытках, предпринятых в конце XIX и первой половине XX в., применить алфавитное письмо к китайскому языку. Из истории создания китайских алфавитов можно установить две тенденции в решении данного вопроса: 1) алфавит, назначение которого — способствовать распространению просвещения, прежде всего грамотности, базируется на местном диалекте [проекты Лу Гань-чжана (1892 и 1906 гг.), Лао Най-сюаня (1905 г.), Чжу Вэнь-сюня (1906 г.) и др.]; 2) алфавит базируется на унифицированной произносительной норме, имея своим назначением обучение этой норме и ее распространение в качестве общенациональной [проект Ван Чжао (1906 г.), а также два алфавита, непосредственно предшествовавшие латинизированному алфавиту (1931 г.): *чжу-инь цзыму* (1918 г.) и *гоуй ромацзы* (1928 год), с которыми обычно сопоставляют китайский латинизированный алфавит, созданный в 1931 г.]¹.

Так, при разработке национального по графике транскрипционного алфавита *чжу-инь цзыму*, функция которого ограничивалась обозначением чтения иероглифов, наибольшие споры вызвал вопрос о том, какое именно произношение надлежит передавать этим алфавитом.

Следующий по времени алфавит уже на латинской графической основе имел (как показывает его название *gwoyeu romatzyh*, романизированный алфавит для национального языка) своим назначением обучение произносительной норме общекайтайского национального языка.

Создатели латинизированной письменности 1931 года исходили из необходимости передавать алфавитным письмом главнейшие диалекты китайского языка.

Наконец, одной из основных функций утвержденного в 1959 г. государственного алфавита (транскрипции), так называемого *hanyu pin-*

¹ Из 28 проектов алфавита, составленных в Китае в период 1892—1910 гг., 11 были рассчитаны на различные диалекты, а 10 — на так называемый мандаринский язык гуаньхуа [см. 20, 54—57].

jin fang'an, является служить письменным средством распространения единой общекитайской языковой нормы — *путунхуа* (*putonghua*).

Таким образом, перед реформаторами китайской письменности вставали два принципиальных вопроса:

1. Является ли диалектная раздробленность китайского языка непреодолимым препятствием для распространения в Китае алфавитного письма?

2. Если алфавитизация принципиально возможна, то должна ли она осуществляться путем создания отдельных алфавитов для различных групп диалектов или же следует ориентироваться на единую и общую для всей страны систему звукового письма, базирующуюся на единой и общей для всех произносительной норме?

В настоящей статье рассматривается, как решались эти вопросы, главным образом образом второй из них, при разработке и распространении так называемого китайского нового латинизированного алфавита. Этому следует предпослать замечания, поясняющие обстановку, в которой происходила латинизационная деятельность.

Термин «латинизация китайской письменности» вошел в употребление в двух значениях — узком и широком. В узком значении под «латинизацией» понимается созданный на основе латинской графики китайский алфавит, проект которого разработал в 1928—1930 гг. видный китайский политический и общественный деятель Цюй Цю-бо. Теоретические основы предлагаемой реформы письменности для современного китайского языка, системе графических обозначений и слогонаписаний Цюй Цю-бо изложил в опубликованных в Москве работах, в которых впервые по-китайски и по-русски было зафиксировано название «чжунго латинхуады цзыму» — «китайская латинизированная азбука» [см. 3].

В широком понимании термин «латинизация» обозначает совокупность теоретических основ самого алфавита и практических действий по его распространению. В этой связи необходимо отметить следующее.

В начале 30-х годов, когда Цюй Цю-бо выступил со своим проектом, в Советском Союзе проводилась большая работа по созданию алфавитов для бесписьменных до этого народов и по переходу на более простую систему письма народов, пользовавшихся в это время сложной и трудной для усвоения графикой. Надо полагать, что опыт этой работы, бесспорно известный Цюй Цю-бо, был одним из факторов, побудивших его заняться составлением алфавита для китайского языка.

В годы, когда Цюй Цю-бо разрабатывал и опубликовал свой проект китайского латинизированного алфавита, в разных районах Советского Союза проживало несколько десятков тысяч китайцев, эмигрировавших в свое время из Китая в Россию в поисках заработка. Кроме того, в Москве, Хабаровске и Владивостоке проживало довольно много китайских политических эмигрантов из гоминьдановского Китая. Этим объясняется то, что в работе по совершенствованию проекта Цюй Цю-бо участвовали как видные представители китайской революционной интеллигенции, находившиеся в политэмиграции в СССР, так и специалисты-китаеведы из научно-исследовательских институтов Москвы и Ленинграда.

В силу указанных обстоятельств первая конференция, утвердившая алфавит и правила орфографии, состоялась в 1931 г. во Владивостоке, а практическая деятельность по распространению утвержденного алфавита (организация обучения и выпуск учебной литературы) началась среди китайских трудящихся, проживавших в СССР, и осуществлялась силами местного китайского актива и молодых советских китаистов. При этом следует иметь в виду, что, по мысли Цюй Цю-бо и его по-

следователей (У Юй-чжан, Линь Бо-цуй, Сяо Сань и многие другие). Латинизированный алфавит с самого начала был рассчитан на его применение в Китае, чем, в частности, и объясняются специфические особенности графической системы китайского алфавита, допущенные в качестве исключения из общих правил Всесоюзным центральным комитетом нового алфавита при утверждении китайского алфавита для применения в Советском Союзе [см. 6].

В Китае первые сведения о латинизации распространились в 1932—1933 гг., когда была опубликована статья Сяо Саня о работах, проводившихся в СССР, но лишь в 1934 г., с получением в Китае из Советского Союза латинизированных изданий, принципы латинизации стали известны в сравнительно широких кругах китайской интеллигенции, передовые слои которой сочувственно встретили алфавит и активно способствовали его распространению в стране [см. 11, 171—173].

Не имея возможности останавливаться подробнее на истории появления и распространения латинизации в Китае, подчеркнем одно важное обстоятельство. В Китае был воспринят и в течение как минимум пятнадцати лет (1934—1949) применялся именно алфавит, утвержденный на владивостокской конференции. Никакие изменения не были внесены ни в графические обозначения, ни в названия алфавита (*латинхуа чжунго цзы* 'латинизированный китайский алфавит' или *латинхуа синь вэньцзы* 'латинизированная новая письменность'), под которыми эта система известна в истории создания китайского алфавитного письма.

Выше уже упоминалось, что из многих проектов китайского алфавита, составленных в первой трети XX в., непосредственное отношение к латинизированному алфавиту 1931 года имели два алфавита — *чжу-инь цзыму* и *гоуй ромацзы* (романизация). О *чжу-инь цзыму* и романизации писал в своей работе Цюй Цю-бо [см. 3, стр. 7 и 18], а о романизации и латинизации как исходных элементах принятой в 1958 г. официальной транскрипции говорилось на сессии Всекитайского собрания народных представителей, утвердившей эту транскрипцию в качестве общегосударственной [см. 2, стр. 22, 23, 48]. Вместе с тем необходимо отметить, что между романизацией и латинизацией имелись существенные различия, обусловленные прежде всего функциональным различием этих двух систем.

Романизация, разработанная в 1926—1928 гг., т. е. непосредственно перед публикацией проекта алфавита Цюй Цю-бо, имела ограниченную и подсобную задачу — фиксировать произносительную норму, в известной мере искусственную, так называемого китайского национального языка — *гоуй* и распространять эту норму, в частности, путем обозначения алфавитом чтения нероглифов. Задачей латинизации являлось распространение грамотности среди широких масс китайского народа, поднятие их культурного и политического уровня.

Этими функциональными различиями определялись два существенных отличия латинизации от романизации: во-первых, простота латинизированной орфографии в противоположность исключительно трудной орфографии романизации, осложненной необходимостью обозначать в написании слога присущую ему тональность (естественно, в системе *гоуй*); во-вторых, в отличие от романизации, ориентировавшейся на одну и единую произносительную норму, латинизированный алфавит создавался как самостоятельная и полноценная система письма, фиксирующая китайский народно-разговорный язык, который характеризуется наличием диалектных вариантов.

Это обстоятельство осознавалось уже в самом начале работы по латинизации китайской письменности, когда наряду с правилами, опреде-

являвшими принципы графики и орфографии китайского латинизированного алфавита, были сформулированы и принципы чисто языковые, определявшие основы той языковой политики, которую надлежало осуществлять при проведении латинизации. Такие принципы наметил еще в 1928—1929 гг. Цюй Цю-бо, изложивший свои взгляды по этому вопросу в самом общем виде в брошюре, вышедшей в 1930 г. [см. 3, стр. 8 (китайский текст) и стр. 19 (русский текст)], и более подробно в специальном разделе обстоятельной статьи, датированной 1931 годом, но опубликованной много позже и, к сожалению, оставшейся в 30-х годах неизвестной деятелям движения за латинизацию [см. 19, 651—682]².

Формально языковые принципы латинизации были зафиксированы в ряде пунктов (4, 7, 8, 9, 10, 11) резолюции, принятой в 1931 г. на Первой конференции по латинизации [см. 12, 9—11]. По вопросу о языковой базе латинизации суждения конференции были чересчур категоричными и сводились в общем к следующему:

1. Конференция высказывается против движения за единый государственный язык — *гоуй* и против использования одного какого-либо китайского диалекта в качестве общеязыкового государственного стандарта (§ 9 резолюции).

2. Конференция считает, что в современном китайском языке можно, ориентируясь на различия в произношении, выделить следующие пять диалектных групп, территориально охватывающих: Север Китая, провинцию Гуандун, провинцию Фуцзянь, отдельные районы провинций Цзянсу и Чжэцзян, провинцию Хунань и частично Цзянси. Каждая из этих диалектных групп должна иметь свою самостоятельную письменность (имелся в виду вариант общего латинизированного алфавита для данного диалекта.— *А. Ш.*), с тем чтобы на ее основе свободно развивать культуру (§ 9 резолюции).

В основе принципов, сформулированных на Первой конференции, лежала идея о последовательном демократизме намечаемой реформы китайской письменности. Алфавит вводится для быстрее распространения грамотности, без которой невозможен рост культурного уровня и политической сознательности широких народных масс. Если же овладение алфавитной грамотностью сопряжено, как этого требовала романизация, с изучением незнакомой для населения ряда районов Китая речи при исключительно сложной системе ее алфавитной записи, то в плане своих конечных задач алфавитизация теряет всякий смысл.

Исходя из этого, а также из марксистского тезиса о недопустимости какого бы то ни было принуждения при решении вопроса о языке обучения, сторонники латинизации отвергали систему романизации, где алфавитная грамотность предполагала владение общеобязательной языковой нормой, которую этот алфавит фиксирует. Нельзя при этом забывать и социально-политический аспект проблемы: романизованный алфавит утвердилось как обязательный для преподавания во всей стране реакционное чанкайшистское правительство, подавлявшее революционную борьбу китайского народа и развернувшее войну против советских районов Китая.

Как уже отмечалось, недостатками языковых принципов, принятых на Первой конференции по латинизации, являлись их схематичность и чрезмерная категоричность. Вопрос о языке междиалектного общения на конференции не ставился. Им не занималась и Комиссия по латини-

² По-видимому, эта статья вышла в свет лишь в 1938 г. вместе с другими работами Цюй Цю-бо по вопросам языка и письменности [см. 4, 160, прим. 11].

зации при Институте востоковедения АН СССР, придерживавшаяся тех же принципов, какие приняла конференция. Вопросы диалектной письменности не разрабатывал и Дальневосточный комитет нового алфавита, избранный на конференции. Последнее объясняется тем, что практика распространения китайского латинизированного алфавита в СССР не выдвигала диалектологических проблем, так как китайские эмигранты в СССР почти все без исключения были выходцами из районов распространения диалектов северокитайской группы (Шаньдун, Хэбэй, Северо-Восточный Китай), произношение которой и отражал латинизированный алфавит³.

Иное дело в Китае, где сразу же после ознакомления с китайским латинизированным алфавитом (1934 г.)⁴ проблема отражения в алфавитной письменности диалектной речи стала одним из основных вопросов, обсуждавшихся в связи с латинизацией. Этому способствовало еще одно важное обстоятельство. Дело в том, что движение за распространение в Китае латинизированного алфавита совпало — и, видимо, не случайно — с движением за дальнейшую и широкую демократизацию современного письменного языка, за еще большее его приближение к формам живой речи и создание литературного языка широких народных масс, так называемого тогда *дачжунъюй* (или *дачжунъюйвэнь* — букв. 'письменный язык широких масс').

Естественно, что в дискуссии о *дачжунъюй* рассматривались конкретные пути развития языка широких масс, в частности его материальной базы (общекитайский язык — *путунхуа* — и отдельные диалекты) и письменной формы выражения (иероглифика и алфавитное письмо). Сторонники всемерного использования в *дачжунъюй* китайского народно-разговорного языка были, разумеется, сторонниками широкого использования местных диалектов Китая вплоть до создания на них самостоятельной литературы. Поскольку же многие элементы народно-разговорного языка не имели иероглифического выражения, то проблема диалектов еще в одной точке соприкасалась с проблемой алфавитизации⁵.

³ В сущности говоря, язык изданной в СССР литературы на китайском алфавите отражал то, что сейчас принято называть *путунхуа* (общепонятный язык). В основу произносительной нормы был положен пекинский диалект, но не в его чистом виде, а с учетом таких, например, особенностей шаньдунских диалектов, как различение двух серий мягких среднеязычных согласных: *ki—ci; gi—zi; xi—si*.

⁴ Возникшее в Шанхае Общество по изучению китайской латинизированной письменности (*Чжунвэнь латинхуа яньцзю хуй*) составило сборник материалов по латинизации: «Латинизированная письменность для китайского языка. Теория, принципы, проекты» [21]. Сборник, куда частично вошли и материалы, полученные из Советского Союза, в том числе и выдержки из резолюции Первой конференции по латинизации, за период с апреля 1935 по июнь 1936 г., вышел четырьмя изданиями общим тиражом 5 тыс. экземпляров. По данным Ни Хай-шу, эта книжка вышла в Шанхае шестью изданиями общим тиражом 9 тыс. экземпляров, не считая переизданий в Пекине, провинции Ганьсу и в других местах [см. 16, стр. 174].

⁵ О дискуссии о *дачжунъюй* нам уже приходилось писать в 1936 г. в рецензии на сборник, содержащий разнообразные (*in extenso*, в выдержках и в библиографических справках) сведения о многих сотнях статей, опубликованных в ходе дискуссии. В дополнение к данным, приведенным в этой давней рецензии, укажу еще на двухтомник, содержащий 85 дискуссионных статей по этому же вопросу [см. 9]. Здесь следует также упомянуть изданный в 1949 г. в Шанхае объемистый (582 страницы, формат 25×16 см, убористый шрифт) сборник, содержащий материалы о китайской латинизированной письменности, опубликованные за 20 лет, начиная с 1929 г.; 152 полных и в извлечениях текста, составляющих сборник, расположены в хронологическом порядке и сгруппированы по девяти разделам, из которых третий (стр. 79—124) имеет подзаголовок «От дискуссии о *дачжунъюй* и до пропаганды и распространения латинизированного алфавита» [13].

Главное, однако, заключалось в том, что и движение за развитие языка широких масс и движение за создание алфавитного письма исходили из потребности поднять культурный уровень народа, и прежде всего ликвидировать неграмотность.

Эта потребность стала особенно настоятельной в середине 30-х годов, когда в ответ на агрессию японского империализма в Китае поднялось так называемое движение сопротивления агрессору, за спасение страны от гибели (*кан-жи цзю-ман юньдун*). Успех движения во многом зависел от роста политического сознания народных масс, от эффективности разъяснительной и пропагандистской работы. Наиболее действенным средством этого являлась легкая в усвоении система письменности и понятная для масс речь, представленная диалектами.

Поэтому распространение в Китае нового алфавита характеризовалось, в частности, созданием ряда вариантов этого алфавита применительно к отдельным диалектам. Автору настоящей статьи известны по меньшей мере четыре изданных в эти годы учебных пособия по латинизации для пекинского [17], шэньсийского [18], шанхайского [23] и амойского [22] диалектов. Число разработанных в эти годы (опубликованных и неопубликованных) проектов латинизированных алфавитов для различных диалектов Китая значительно превышает названную цифру. Ни Хай-шу, известный историк движения за латинизацию, в своей работе «Краткая история движения за алфавитное письмо в Китае» приводит перечень 13 проектов алфавита для следующих городов и провинций страны: Шанхай, Сучжоу, Гуанчжоу, Чаочжоу (Сватоу), Сямэнь (Амой), Фучжоу, Вэньчжоу, Нинбо, Уси, Хубэй, Сычуань, Гуанси и для языка Хакка [см. 16, 142—143].

В другой работе того же автора, «Очерки по латинизированной китайской письменности», описаны в главнейших чертах (перечень графем, начальные согласные-инициали, гласные окончания-финали, особенности орфографии слога) проекты алфавитов для следующих диалектных групп и отдельных диалектов: Северокитайская группа (*Бэй-фанхуа латинхуа*), Цзянсу-Чжэцзянская группа (*Цзяннаньхуа латинхуа*), Гуандунская группа (*Гуандунхуа латинхуа*), Южнофуцзянская группа (*Миньнаньхуа латинхуа*), диалект Вэньчжоу в провинции Чжэцзян и Чаочжоу (Сватоу) в провинции Гуандун [см. 15, стр. 42—61]. В особом разделе «Материалы для чтения» [15, стр. 72—102] приведены в алфавитном и иероглифическом написании тексты на северном, цзянсу-чжэцзянском и гуандунском диалектах, а в конце книги дан обстоятельный указатель чтения иероглифов в северокитайском, цзянсу-чжэцзянском и гуандунском произношении [см. 15, стр. 124—204].

Наконец, библиографическое приложение к упоминавшемуся выше сборнику материалов по латинизации за двадцать лет [см. 13, стр. 554—567] содержит 220 названий разнообразной литературы, изданной в 1935—1948 гг. Из этого числа более 50 названий, т. е. одна четверть, приходится на публикации, связанные с алфавитной письменностью для диалектов.

Из приведенных данных видно, что в движении за распространение латинизированной письменности в Китае большое внимание уделялось вопросу о фиксации алфавитом диалектной речи.

Сказанное выше о функциональных различиях между латинизированным алфавитом и алфавитом *гоюй ромацзы* объясняет и то, почему в Китае сторонники латинизации, выступая за оформление в алфавитном письме диалектной речи, относились отрицательно к так называемому движению за общегосударственный китайский язык (*гоюй юнь-*

дун). Было бы, однако, недостаточным ограничиться одной этой констатацией, так как в Китае 30-х годов, где создание письменности для диалектов являлось насущной задачей, схематическая формулировка соответствующих пунктов резолюции Первой конференции по латинизации (см. выше) получила существенное дополнение и развитие. В литературе первых лет распространения латинизации в Китае наряду с обоснованием отрицательной оценки движения за *гоюй* мы находим и позитивное рассмотрение проблемы общекитайского языка, путей его развития и взаимоотношения с местными диалектами.

Так, изданное в феврале 1936 г. Пекинским обществом по изучению новой письменности «Введение в новую письменность» [17] начинается с обширной теоретической статьи, которую можно считать программным документом, так как она воспроизводится и в других изданиях по латинизации.

В статье, состоящей из 12 разделов, рассматриваются главные аспекты китайской алфавитизации, конечно, в том числе и языковые, например: каким условиям должна удовлетворять новая письменность; новая письменность и так называемые тоны; новая письменность и китайские диалекты; движение за единый государственный язык [см. 17, стр. 6—13].

Не отвергая в принципе возможности образования и развития общекитайского языка, авторы статьи (сторонники латинизации) возражали против принудительного распространения этого языка во всех диалектных районах Китая. Причину неудачи так называемого движения за общегосударственный единый китайский язык (*гоюй юньдун*) авторы статьи усматривали в том, что это движение с самого начала пошло по неправильному пути, в том именно, что участники движения за единый язык не учитывали общественно-экономических условий, обеспечивающих развитие языкового единства, а хотели навязать это единство, заставляя все население страны учиться пекинскому диалекту и пользоваться специально созданным для этого романизированным алфавитом.

Наоборот, только латинизация, учитывающая реальность существования диалектов, указывали авторы статьи, при надлежащих социально-экономических условиях и при направленных действиях, способствующих прогрессивному развитию, обогащению и взаимопроникновению диалектов, сможет обеспечить формирование подлинно единого языка.

Подобные высказывания не были единичными, случайными. Они содержались и в других китайских публикациях того времени, например в работе Е Лай-ши (после образования КНР — видный деятель Комитета по реформе китайской письменности) «Очерки по латинизации» [см. 10, 30—35, глава «От диалектов к единому языку»].

Характеризуя достоинства латинизации, Е Лай-ши считал исключительно существенным то, что она опирается на разговорный язык. Латинизация не транскрибирует иероглифы, а служит средством выражения современной живой речи современного населения страны. Передаче латинизированным алфавитом подлежат диалекты разных районов Китая, с тем чтобы множество людей, еще говорящих в настоящее время на диалектах, могло без труда и быстро освоить эту письменность и свободно пользоваться ею. В упомянутой выше главе работы Е Лай-ши изложены взгляды сторонников латинизации, которые, обобщенно говоря, сводятся к следующему:

1. Реальная языковая ситуация сегодняшнего дня (имеется в виду 1935 г.) состоит в том, что в Китае еще не сложился общекитайский

язык и его окончательное оформление, как такового, потребует известного времени.

2. Создание латинизированной письменности для отдельных диалектов не означает распада китайского языка. Иероглифика отнюдь не объединяет китайский народ по языку, ибо иероглифы читаются, как правило, по местному произношению. Иероглифика не является и общей для всего народа письменностью, ибо такая общность имеет отношение лишь к небольшому числу людей, владеющих иероглификой, тогда как более 80% населения Китая неграмотно и тем самым остается вне такого в достаточной мере условного единства.

3. Исходя из того, что диалектное дробление является наследием феодальной раздробленности, противники латинизации утверждают, что создание письменности для диалектов означает консервацию, закрепление пережиточных, феодальных явлений. Этот довод не состоятелен. Различия диалектов в первую очередь состоят в различиях произношения, и это реальный факт. Что же касается словарного состава, то латинизация означает устранение всего отсталого, сугубо местного при одновременном широком восприятии положительных элементов разных диалектов и всемерной интернационализации словаря.

4. Диалектная раздробленность Китая обусловлена не только социально-историческими причинами, но также и самим фактом существования иероглифической письменности, препятствующей широкому письменному общению населения разных районов и тем самым препятствующей взаимовлиянию диалектов и созданию в конечном итоге в достаточной мере общего нового языка. Нет сомнения в том, что следует всемерно способствовать процессу слияния диалектов и выработки общего языка. Вопрос лишь о том, как достичь этого.

5. Единственным средством заполнить пропасть, разделяющую диалекты разных районов страны, является всемерное развитие отдельных диалектов и ускорение процесса их взаимовлияния. Иероглифика не способна обеспечить этот процесс, и только алфавитная письменность может быть письменностью для отдельных диалектов, а тем самым в недалеком будущем и для общекитайского языка.

Аналогичных взглядов придерживался инициатор создания китайского латинизированного алфавита Цюй Цю-бо. Еще в 1930 г. в изданной в Москве на китайском и русском языках работе «Китайская латинизированная азбука» Цюй Цю-бо, возражая тем, кто полагал, будто «из-за введения звуковой азбуки население в различных частях страны будет не в состоянии понимать друг друга и придется создать много разновидностей алфавита...» [3, 12], писал: «Во-первых, если местные наречия весьма сильно отличаются друг от друга, то все равно нет возможности насильно привести их к единству и надо будет создавать для них отдельную письменность; во-вторых, в настоящее время в Китае уже выработался общераспространенный жаргон (*пугунхуа*), который на первых порах может служить критерием для общего языка во всей стране» [там же].

Более подробно Цюй Цю-бо развил свою концепцию в статьях, написанных им по возвращении в Китай, в 1931—1932 гг., но впервые опубликованных, по-видимому, только в 1938 г., а затем вошедших в виде двух обширных разделов — «Лунь вэньсюэ гэмин цзи юйянь вэньцзы вэньти» («О литературной революции и вопросах языка и письменности») и «Синь чжунго вэнь цаоань» («Проект новой китайской письменности») — во второй том собрания сочинений Цюй Цю-бо [см. 19, 593—704 и 705—851].

В статье о так называемой романизации Цюй Цю-бо обосновывает

точку зрения, согласно которой алфавитизации подлежит прежде всего так называемый общепонятный китайский язык — *путунхуа*, а затем, и лишь в необходимых случаях, также и местные диалекты. Будучи последовательным сторонником распространения современного общекитайского письменного языка, развивающегося на основе разговорного, Цюй Цю-бо придавал особое значение тому, чтобы эти процессы протекали естественно, соответствовали общественным потребностям и не были принудительными. «Лишь теперь, когда экономическое развитие связало ранее почти разобщенные районы страны, появилась возможность формирования в общем взаимопонятного для населения различных провинций языка *путунхуа*. Широкое развитие (распространение.— *А. Ш.*) такого языка вплоть до его унификации является естественным процессом; его невозможно навязать, проводя политику общего государственного языка *гоюй*. Общепонятный язык *путунхуа* вырастает из потребностей общественной жизни, науки и политики в языке общего пользования. Вместе с тем на современном этапе экономического развития Китая еще не окончательно сформировался подлинно общекитайский рынок, и поэтому повседневная жизнь населения различных мест и районов страны протекает в достаточной мере обособленно, а язык — это предмет повседневной жизни, не поддающийся унификации, предлагаемой начетчиками из институтов... Проведение политики общего письменного языка означало бы принятие одного пекинского диалекта в качестве общегосударственного стандарта и подавление развития всех прочих диалектов. Это политика реакционная и к тому же неосуществимая» [19, 654—655].

Какой же следует избрать путь? По мнению Цюй Цю-бо, «самое в настоящее время подходящее — это создать на основе естественно развивающегося общепонятного языка *путунхуа* новую общекитайскую алфавитную письменность. Вместе с тем можно в необходимых случаях и на основе этого же алфавита создавать фонетическое письмо для гуандунского, цзянсу-чжэцзянского, фуцзяньского диалектов... Именно здесь пролегал путь развития народной культуры» [19, 655].

В предисловии к работе «Проект новой китайской письменности» Цюй Цю-бо писал, имея в виду функции алфавита, что «новая китайская письменность для языка *путунхуа* будет письменностью, применяемой во всем Китае, а письменность для местных диалектов будет специализированной письменностью для населения данного района. Новую общекитайскую письменность следует считать главной письменностью, а письменность для Шанхая, Пекина, Гуанчжоу и т. д. следует рассматривать как подсобную письменность» [19, стр. 646].

Вводя термин «путунхуа» и отвергая название «гоюй» в смысле общеобязательного государственного языка, Цюй Цю-бо подчеркивал: «Этот общепонятный китайский язык *путунхуа* не следует называть *гоюй* и вот почему. Во-первых, диалектизмы разных мест должны в случае необходимости найти себе место в произведениях на *путунхуа*, что будет еще больше способствовать отражению подлинной жизни. Во-вторых, диалекты разных районов, например Кантона, Фуцзяни, Цзянсу-Чжэцзяна, должны иметь право на самостоятельное существование, их нельзя принудительно унифицировать. В настоящее время следует писать только на языке *путунхуа*, не пользуясь диалектами или говорами. Возникнет ли в будущем необходимость создания еще письменности и литературы на общепонятном гуандунском языке или же других местных диалектах, все это будет определяться степенью социально-политического развития разных районов и общей обстановкой» [19, стр. 646].

Взгляды Цюй Цю-бо на вопросы развития китайского языка и письменности в обобщенном виде можно свести к следующему: 1) отрицание *гоуй* как обязательного государственного языка; 2) признание права отдельных диалектных групп иметь свое алфавитное письмо; 3) признание необходимости естественно развивающегося и распространяемого демократическим путем общепонятного китайского языка; 4) практическое решение вопросов функционирования общего языка и диалектов должно осуществляться в соответствии с общей обстановкой и конкретными условиями того или иного района.

Как видим, в оценке языковой ситуации в Китае 30-х годов взгляды Цюй Цю-бо (1931 г.) близки к взглядам современных советских языковедов, полагающих, что в подобных случаях ориентация на чисто структурные элементы недостаточна и что «дифференциация „языка“ и „диалекта“ должна базироваться на совокупности историко-культурных, общественно-политических, функциональных и структурных признаков» [8, 194; см. также: 7] ⁶.

Следует заметить, что в решениях Первой конференции по латинизации нашли отражение главным образом первые два тезиса Цюй Цю-бо. Это, надо полагать, объясняется не только краткостью формулировок решений конференции, но и тем, что, рассматривая вопрос о едином языке, конференция учитывала опыт единственного тогда социалистического государства, где каждый имел возможность писать и читать на языке, на котором он думал и разговаривал. К тому же алфавит и орфография, принятые конференцией, фактически фиксировали то, что Цюй Цю-бо называл *путунхуа* — общепонятным китайским языком.

Недостатком формулировок по вопросам языка в резолюции Первой конференции по латинизации помимо их краткости было то, что резолюция резко противопоставляла общелитературный язык (т. е. *гоуй*) диалектам, исходя из безоговорочного отрицания первого и абсолютного признания второго. Резолюция не учитывала возможности иного, принимающего во внимание конкретные условия решения, приемлющего и то и другое: алфавитизацию на диалектной основе для поднятия культуры народных масс, для распространения грамотности, для политического просвещения, с одной стороны, и распространение общепонятного языка, обуславливающее широкую демократизацию последнего как по составу, так и по методам освоения, — с другой.

При распространении латинизированного алфавита в Китае его сторонники обратили внимание на неполноту резолюции Первой конференции, связывая это, между прочим, и с тем, что у самого Цюй Цю-бо не были разработаны вопросы о необходимых связях *путунхуа* и диалектов, об их взаимовлиянии и взаимодополнении в процессе совместного развития (см. доклад Ни Хай-шу на учредительном собрании Шанхайской ассоциации содействия новой письменности [15, 214—231]).

В настоящей статье проблема общекитайского языка и диалектов рассматривается применительно к ограниченному отрезку времени (30-е годы) и к ограниченной теме — алфавитное письмо. Однако представляется целесообразным хотя бы в нескольких словах охарактери-

⁶ В середине 30-х годов с расширением и усложнением практической работы по латинизации стала очевидной неполнота кратких формулировок Первой конференции. В частности, в 1936 г. автор этих строк в рецензии на сборник материалов по языковой дискуссии в Китае, касаясь статей, в которых рассматривались вопросы использования в языке широких масс — *дачжунъюй* — местных диалектов, отмечал, что «использование одних только лингвистических данных для безоговорочного выделения народно-разговорного языка ряда районов Китая в ряд отдельных языковых групп, конечно, неправильно и недостаточно» [5, 178].

зовать состояние проблемы в последующие годы. В 1958 г., почти через тридцать лет после публикации работ Цюй Цю-бо и начала работ по латинизации, сессия Всекитайского собрания народных представителей КНР утвердила проект фонетической транскрипции, предназначенный в первую очередь для распространения по всей стране *путунхуа*. В документах, представленных сессии, подчеркивалось, что распространение *путунхуа* вовсе не означает ликвидации диалектов, которые будут существовать в течение длительного периода и которые надо изучать для общения с местным населением [см. 2, стр. 12 и 39]. Тем не менее алфавит был утвержден только для *путунхуа*, а диалекты как были, так и остались бесписьменными. Их функция ограничена лишь устным общением. Небезынтересно отметить, что хотя алфавитизация отдельных диалектных групп китайского языка в КНР не была проведена, однако устная информация и пропаганда широко пользовались диалектной речью. Как свидетельствовал в 1966 г. известный китайский диалектолог проф. Ли Жун, в уезде Вэньлин провинции Чжэцзян программа радиовещания помимо передач центрального (Пекин) и провинциального (Ханчжоу) радио включала, как правило, и передачи на местном диалекте [см. 13, 95—96].

На русском языке

1. Комиссия по латинизации китайской письменности, К вопросу о латинизации китайской письменности,— «Записки ИВАН СССР», т. I, Л., 1932.
2. «О реформе китайской письменности. Сборник материалов», Пекин, 1958.
3. Цюй Цю-бо (Страхов), Китайская латинизированная азбука, М., 1930.
4. Шнейдер М. Е., Творческий путь Цюй Цю-бо, М., 1964.
5. Шпринцин А. Г., Сборник материалов по языковой дискуссии в Китае,— «Библиография Востока», вып. 10, Л., 1936.
6. Шпринцин А. Г., Из истории китайского нового алфавита,— «Народы Азии и Африки», 1961, № 6.
7. Ярцева В. Н., Языки мира — проблемы описания и классификации,— «Вестник АН СССР», М., 1971, № 10.
8. Ярцева В. Н., Соотношение территориальных диалектов в разных исторических условиях,— сб. «Энгельс и языкознание», М., 1972.

На китайском языке

9. «Дачжун юйвэнь луньчжань» («Дискуссия о письменном языке широких масс»), т. 1—2, сост. Сюань Хао-пин, Шанхай, 1934 (сборник статей).
10. Е Лай-ши, Латинхуа гайлунь (Очерки по латинизации), Шанхай, 1935.
11. Е Лай-ши, Синьвэньцзы цзэньян бэй цзешао дао чжунго лай (Как новая письменность стала известной в Китае),— «И цзю сы цзю нянь вэньцзы гайгэ луньвэнь цзи» («Сборник статей по реформе китайской письменности за 1949 г.»), Шанхай, 1950.
12. «Латинхуа чжунго вэньцзы пиньинь хо сефа данькаошу. Орфографический справочник латинизированной транскрипции китайских иероглифов», М., 1932.
13. «Латинхуа чжунго цзы юньдун 20 нянь луньвэньцзи» («Сборник материалов о движении за латинизацию китайской письменности, опубликованных за 20 лет»), сост. Ни Хай-шу, Шанхай, 1949.
14. Ли Жун, Гуаньюй фаньянь яньцзю вэй нунцунь фууди исе ицзянь. И чжэцзян шэнь вэньлин сянь фаньянь дяоча вэй ли (Диалектологические исследования на службе деревне. Некоторые соображения на примере изучения диалектов уезда Вэньли пров. Чжэцзян),— «Чжунго юйвэнь», 1966, № 2.
15. Ни Хай-шу, Латинхуа синьвэньцзы гайлунь (Очерки по латинизированной новой письменности), Шанхай, 1949.
16. Ни Хай-шу, Чжунго пиньинь вэньцзы юньдун ши цзянь бьянь (Краткий очерк истории движения за алфавитное письмо в Китае), Шанхай, 1950.
17. «Синь вэньцзы жумэнь». Бэйпин синь вэньцзы яньцзюхуй чубань («Введение в новую письменность», издание Пекинского общества по изучению новой письменности), Пекин, 1936.

18. То м у, Бэйфан синь вэньцзы (Новая письменность для севернокитайских диалектов), Шанхай, 1936.
19. Ц ю й Ц ю -б о, Вэньцзи (Собрание сочинений), т. 2, Пекин, 1959.
20. Ч ж о у Ю -г у а н, Ханьцзы гайгэ гайлунь (Очерки по реформе иероглифики), изд. 2, Пекин, 1964.
21. «Чжунгохуа сефа латинхуа. Лилунь, юаньцзэ, фанъань» («Латинизированная письменность для китайского языка. Теория, принципы, проекты»), 1-е издание, Шанхай, 1935; 2-е, дополненное издание, Шанхай, 1936; 4-е издание, Шанхай, июнь 1936.
22. «Сямэньхуа синь вэньцзы жумэнь — Eṃngwe Sṃ Munli Lipmng» («Введение в новую письменность для амойского диалекта»), Шанхай, 1936.
23. «Zonqxehe sṃ wenz c'ukiq k'urep» («Букварь на новом алфавите для шанхайского диалекта»), Шанхай, 1936.

А. Н. Зелинский

ИДЕЯ КОСМОСА В БУДДИЙСКОЙ МЫСЛИ¹

Индийская мистика систематизирована самими индийцами с замечательной тонкостью и вполне логично, так что изучение ее естественно укладывается в формы вполне рациональные

(Ф. И. Щербатской) [37, IV]

Уже полтора столетия буддизм привлекает пристальное внимание русской и европейской науки, причем в силу географического положения России ее контакт с миром буддийской культуры всегда носил особенно тесный характер. Народы Бурятской АССР и Монгольской Народной Республики до сих пор являются хранителями традиций буддизма, наложившего свой неизгладимый отпечаток на культурное развитие значительной части Азии. Споры о том, в какой мере буддизм является религией или философией, и по сей день не сходят со страниц серьезных исследований, но не об этом пойдет речь в настоящей статье, посвященной тому аспекту буддизма, в котором с наибольшей полнотой отразились все существенные черты этого учения. Речь идет о буддийском космосе в широком смысле этого слова как о мировоззрении, объединяющем человека и вселенную в одно неразрывное целое и включающем в себя понятия микро- и макрокосма в средневековом значении этих терминов. Поэтому религиозно-философская концепция буддизма представляет собой такую систему, разные аспекты которой связаны в единую структуру, расчленяемую в процессе исследования. Как космология буддизм — это иерархическая система миров, объединяющая вселенную в сложное многоединство, как психология — это теория интегративных уровней сознания или классификация состояний человеческой психики, как мифология — это система персонифицированных эманаций безначального космического принципа и, наконец, как сотериология — это учение о «спасении». Все указан-

¹ Основные положения настоящей работы были доложены автором на занятиях IV Летней школы по вторичным моделирующим системам в Тарту (21 августа 1970 г.), на Всесоюзной конференции индологов в Институте востоковедения АН СССР в Москве (10 декабря 1970 г.) и на состоявшемся там же 2-м Симпозиуме по проблемам культуры древней и средневековой Индии, посвященном теме «История буддизма» (14 декабря 1971 г.) [7]. См. также нашу предварительную публикацию на эту тему, где дана графическая модель буддийского космоса [5].

ные аспекты буддизма могут быть объединены в понятии «буддийского космоса» как целостного выражения главных черт этого мирозерцания, получившего свое воплощение в той совокупности духовных и материальных ценностей, которую принято называть буддийской культурой.

В стремлении охватить наиболее существенные стороны этой системы мы исходили из того, что при поставленной задаче и выбранном масштабе исследования совокупность буддийских представлений о мире, сохранившихся в письменной и устной традиции, может быть адекватно выражена системой содержащихся в них понятий, которые, в свою очередь, могут быть сведены к группе основополагающих принципов, представляющих собою «архетипическую модель» изучаемой культуры. Попытка создания такой модели помимо интереса с точки зрения сравнительного изучения космологических и сотериологических концепций прошлого оправдывается, на наш взгляд, стремлением более целостного научного видения, без которого буддология при современной специализации наших знаний в этой области грозит иногда превратиться в науку о «буддизмах» как о системах отдельных текстов. Не менее рискованной представляется и другая крайность, когда при поверхностном знакомстве с материалом приходят порой к парадоксальным выводам, объявляя, например, буддизм системой атеизма, нигилизма и негативизма. Для того чтобы при решении поставленной задачи избежать указанных крайностей, следует выбрать своего рода «средний путь», который позволит, с одной стороны, не оказаться раздавленным обилием материала, а с другой — избежать преждевременных обобщений, построенных на недостаточной информации. Являясь первым опытом в указанном направлении, настоящая работа, естественно, не может претендовать на исчерпывающее освещение всех затронутых в ней вопросов, связанных прямо или косвенно с проблемой буддийской космологии. Основная трактовка большинства разбираемых ниже положений дана в русле традиции ленинградской буддологической школы академика Ф. И. Щербатского.

* * *

Буддийский космос не тождествен космосу древнегреческой мысли, так как натурфилософская основа носит в нем условный характер. Центр внимания в буддизме перенесен с мира явлений на внутренний мир личности, в то время как внешний мир рассматривается прежде всего как функция ее психических процессов, проецирующих в сознании иллюзию мирового круговорота (микрокосм — сансара), причем сами эти процессы, в свою очередь, выступают как отражения некоторых «метапсихических» явлений или онтологических универсалий (макркосм — нирвана), не поддающихся, с точки зрения буддистов, рациональному исследованию. В основе этих процессов лежит понятие *Дхармы (Dharma)* как изначального космического принципа и *дхарм* как элементов бытия, множественность которых создает тот пестрый и вечно меняющийся «ковёр жизни», который именуется в буддизме «поток сознания» (*santāna*) [26; 81].

В законченном виде концепция буддийского космоса была сформулирована в конце кушанской эпохи (III—IV вв. н. э.)² махаяническим направлением ваджраяны, оказавшим позднее большое влияние на буддийскую традицию в Тибете. Сущность этой концепции не выходила из главного руслу махаяны и сводилась к идее внутреннего метало-

² О роли кушан в генезисе махаяны см. работы А. Н. Зелинского [4; 6; 90; 91].

гического единства буддийского микро- и макрокосма (т. е. сансары и нирваны), образующего «психокосмическую» систему буддизма, которую можно условно называть буддийским космосом.

Предлагаемая здесь трактовка буддийского космоса исходит из закономерностей, логически выводимых из основных положений буддизма, принимаемых за самоочевидные носителями этой традиции. В ее основу положены два кардинальных принципа буддизма: представление о «колесе бытия» (*bhava-caakra*), подчиненном непреложному закону рождения и смерти³, и «колесе закона» (*dharm-caakra*), следуя которому можно найти выход из нескончаемого круга «переволщений». Оригинальная трактовка этих двух положений по сравнению с их обычной интерпретацией заключается в том, что оба они представлены в настоящей работе как органически связанные между собой модели буддийского микро- и макрокосма в строго последовательной иерархии их внутренней структуры. При таком подходе «колесо бытия» может дать представление не только о «двенадцатичленном законе причинности» (*dvādaśāṅga-pratityasamutpāda*), но и обо всех «трех мирах» (*Trailokya*) буддизма с их основными подразделениями, соответствующими уровням сознания и ступеням созерцаний, а «колесо закона» помимо идеи «восьмичленного святого пути» (*āryaṣṭāṅgikamārga*) может включить в себя все исходные положения догматики и мифологии буддизма. Изображения «колеса закона» и «колеса бытия» являются непременной принадлежностью буддийских храмов в Монголии и Тибете; однако если первое символизируется двумя ланями обоого пола, возлежащими по его обе стороны и внимающими учению Будды, то второе обычно изображается в виде владыки демонов Мары, держащего в открытой пасти и когтях двенадцатичленный круг «печальных переволщений». Последняя символика отражает главное положение буддизма о том, что «все существующее преходяще, наполнено страданием и лишено реальности» (*Anityam Dukkhhaṃ Anātmaṃ*). Бытие мира и жизнь отдельной личности есть единый круговорот, происходящий в сознании и имеющий своей главной причиной неведение (*avidyā*), носящее космический характер и являющееся главным двигателем мирового процесса. Активное проявление этого неведения есть карма как творческая сила, управляющая мирозданием и рождающая тот необратимый причинно-следственный ряд, ступени которого проходит все, подверженное рождению, старости и смерти. Но даже смерть не означает освобождения от пут бытия, ибо, следуя буддийской концепции «метемпсихоза», весь ужас жизни заключается в ее бесконечном повторении, как возведении страдания одной жизни в бесконечную степень. Поэтому освобождение заключается в полном выходе из мирового круговорота, что достигается особыми заслугами, приобретаемыми не только праведными делами и соответствующей религиозной практикой в настоящей жизни, но и в ходе бесчисленных предыдущих переволщений. Эти положения характерны не только для буддизма, но и для большинства направлений древней индийской, да и не только индийской, мысли⁴, но именно буддизм свел их в систему, получившую на многие века универсальное значение для носителей этой культурной традиции [56].

³ Это понятие символизирует динамическое состояние космоса или, точнее, «хаоскосмоса» в его непрерывном становлении.

⁴ Ср. «колесо бытия» (κόκλος γενέσεως) орфиков или идею метемпсихоза Эмпедокла, у которого душа «меняет дорогу скорбей в каждом новом своем воплощении» [33, стр. 293]. Ср. также аналогичное выражение в послании ап. Иакова (3, 6), на что в связи с буддизмом впервые обратил внимание А. Шопенгауэр [78, стр. 409], а позднее отмечал П. Флоренский [34, стр. 442].

Мы начнем анализ с «колеса бытия» и с его «перводвигателя», т. е. «космического неведения»; с него начинается отсчет тех двенадцати «нидан», или факторов существования, на которые буддизм делит мировой круговорот. Факторы эти следующие: 1. *Avidyā* — «неведение», имеющее характер мирового космического закона и заключающееся в первую очередь в признании реальности эмпирического индивидуального «Я», проецирующего мир как связь причин и следствий, заключенных во временно-пространственную схему (символ — слепая женщина); 2. *Samṣkāra* — «энергия кармы», т. е. (в данном контексте) та непогашенная энергия причинно-следственного ряда минувшего цикла, которая выступает в роли «двигателя» настоящего (символ — гончар за работой)⁵; 3. *Vijñāna* — «сознание», имеющее два аспекта: в плане индивидуального «Я» оно проявляет себя в каждой нидане двенадцатичленного цикла изменяющейся стороной вихревого психического потока; в плане универсального «Я» оно должно рассматриваться как центральная нидана всего цикла⁶. Наконец, в плане биопсихического становления личности оно соответствует моменту зачатия, когда происходит вспышка индивидуального сознания и создаются потенциальные возможности будущего развития человека (символ — обезьяна)⁷; 4. *Nāmarūpa* — «имя и форма», т. е. появление в первоначальном субстрате личности духовного и материального аспектов (нечувственного и чувственного) (символ — люди в лодке); 5. *Āyatana* — «органы чувств», т. е. возникновение пяти органов чувств и интеллекта как шестого интегрирующего начала (символ — пустой дом с шестью окнами); 6. *Sparśa* — «соприкосновение», т. е. вступление сознания в контакт со своими органами чувств. На эту нидану падает также и рождение человека (символ — поцелуй возлюбленных); 7. *Vedanā* — «ощущение» как проявление эмоционального аспекта, связанного с чувством приятного, неприятного и безразличного у ребенка (символ — стрела, ранившая человека в глаз); 8. *Trṣṇā* — «жажда», т. е. страсть к жизни, одной из сторон которой является пробуждение полового чувства (символ — человек, опьяняющийся вином); 9. *Upādāna* — «привязанность». Под последней имеются в виду стремления к разного рода иллюзорным, с точки зрения буддизма, целям (символ — человек, собирающий плоды); 10. *Bhava* — «становление», т. е. полный расцвет иллюзорной жизни, как погружение в омут бытия, и создание своими поступками, вплоть до самой кончины, предпосылок новой кармы (символ — обнявшиеся супруги или птица, высиживающая яйца); 11. *Jāti* — «рождение», т. е. фактически «новое рождение», как начало нового жизненного круговорота, совпадающее с «сознанием» или третьей ниданой нашего цикла (символ — мать с младенцем); 12. *Jarāmaraṇa* — «старость и смерть» как продолжение и развитие нового жизненного цикла (символ — старик или человек, несущий умершего на сожжение)⁸.

⁵ Ср. распространенную суфийскую символику горшечника и гончарного круга.

⁶ Ср. определение сознания, данное К. Юнгом, как «отнесенность психических содержаний к нашему «Я», поскольку «Я» ощущает эту отнесенность, как таковую» [40, стр. 29].

⁷ Изображение обезьяны, прыгающей с ветки на ветку, символизирует «хаотическое сознание», не способное к устойчивому сосредоточению.

⁸ Следует подчеркнуть, что «будущая жизнь» (XI—XII) трактуется как сжатое выражение первых пяти нидан «настоящей жизни», где XI нидана соответствует III, а XII является сжатым выражением четырех последующих; также и «прошлая жизнь» (I—II ниданы) есть сжатое выражение трех последних нидан «настоящей жизни» (VIII—X), причем I нидана соответствует VIII и IX нидане, а II является повторением X ниданы. Наиболее подробный разбор двенадцатичленного цикла в отечественной литературе см., например, у А. Д. Позднеева [20], О. О. Розенберга [26] и Б. Д. Дандарона [3]. Ср., например, этот же разбор у Такакусу [83].

Описанный нами цикл охватывает настоящее, прошедшее и будущее личности. Под «настоящим» имеются в виду восемь нидан (III—X), охватывающих жизнь человека от его зачатия до смерти; под «будущим» подразумеваются две ниданы (XI—XII), как повторение первоначального цикла, но уже на ином кармическом уровне; и, наконец, под «прошлым» имеются в виду две первые ниданы (I—II), с которых начался весь интересующий нас процесс. Однако ниданы нельзя рассматривать только во временной последовательности биопсихических состояний условной личности, поскольку все они являются лишь разными сторонами единого вневременного принципа сознания, лежащего в основе всей разбираемой нами системы.

В связи с разобранным нами циклом встает естественный вопрос: почему буддийское «колесо бытия» разделено именно на 12 частей?⁹ Это деление вряд ли носит случайный характер и, по-видимому, связано с астрономическими представлениями буддистов и системой их календаря, построенного на двенадцати лунных месяцах, которые у буддистов Тибета символизируются двенадцатью животными азиатского звериного цикла, связанными, в свою очередь, с каждой из указанных нидан.

Помимо трактовки двенадцати нидан в их временной последовательности прошедшего, настоящего и будущего мы также можем проследить характер той «кармической» причинно-следственной связи, которая пронизывает весь этот цикл. Эта связь выражается в форме так называемых «пяти кармических причин» и «пяти кармических следствий». «Пять причин у нас было в прошлом, пять плодов мы пожнем в настоящем» [47, стр. 59],— говорит Буддхагхоша в «Висудхимагго». Пять кармических причин соответствуют I—II и VIII—X ниданам цикла, а пять кармических следствий—III—VII ниданам. Однако в это классическое определение нами внесено следующее уточнение: пять кармических причин можно разделить дополнительно на «карму творимую» (VIII—X ниданы) и «карму сотворенную» (I—II ниданы), что выражает важнейшую идею буддизма, которую можно назвать принципом кармической свободы воли. Сущность этого принципа вытекает из двуаспектности самой идеи кармы в буддизме. С одной стороны, карма как груз прошлого (сотворенная карма) неотвратимо формирует поток настоящего (последствия кармы); но, с другой— карма как свободная энергия настоящего (творимая карма) участвует в формировании будущего¹⁰. С этой точки зрения последние три ниданы «настоящего» (VIII—X), падающие на сознательную жизнь личности, следует признать важнейшими, ибо именно здесь может проявиться та «кармическая свобода воли», которая позволяет в известный момент рассеять неотвратимость причинно-следственного ряда, что является необходимым условием сотериологического процесса в буддизме.

Однако идея буддийского микрокосма (т. е. сансары), представленного «колесом бытия», не ограничивается биопсихологической трактовкой «двенадцатичленного закона причинности», так как непосредственно связана с космологическими представлениями буддизма. В основе последних лежит идея иерархической треструктуральности бытия, разделенного на «мир грубых форм» (*kāma-dhātu*), «мир тонких форм»

⁹ Весьма любопытно, что древнетибетская религия бон, заимствовав у буддизма его «12 нидан», ввела в свой вариант «колеса бытия» тринадцатую нидану, поместив ее между X и XI ниданами буддийского цикла [49, стр. 224].

¹⁰ Ср. классификацию кармы у Б. Л. Смирнова на «творимую карму, зреющую и зрелую» применительно к системе санхья [29, стр. 96—97].

(*rūpa-dhātu*) и «мир, лишенный форм» (*arūpa-dhātu*)¹¹. Подобное трехчленное деление вселенной по вертикали (небо — воздушное пространство — земля) можно встретить в древнейших космологических спекуляциях, восходящих к так называемому «шаманскому комплексу» [31]. Переосмысленное в плане этических и духовных категорий, оно выступает у гностиков, неоплатоников, а также у ряда раннехристианских и средневековых мыслителей как трехчастное деление микрокосма человеческой личности на «телесное» (σῶμα) «душевное» (ψυχή) и «духовное» (νοῦς) [63, стр. 122; 45, стр. 174]. Но только в буддизме идея указанной триады вырастает в сложную космологическую систему, связанную с сотериологическим аспектом этого учения.

Для того чтобы органически связать «двенадцатичленный закон причинности» с космологией буддизма, мы должны включить в традиционное понятие «колеса бытия» не только «мир грубых форм», но и все «три мира» (*Trailokya*) буддизма в иерархической соподчиненности их уровней, идущих от периферии к центру системы. Это дает нам основное членение буддийской вселенной на шесть сфер «мира грубых форм», четыре сферы «мира тонких форм» и четыре сферы «мира, лишенного форм». Следует отметить, что шестая сфера «мира грубых форм», т. е. сфера «богов» (*deva*), является весьма популярной в буддийской мифологии, поскольку ее первый уровень служит местопребыванием так называемых «Четырех Махарадж» (*Catur-Mahārāja*), ориентированных по странам света, хранителями которых они являются¹². Не меньший интерес представляет последний уровень четвертой сферы «мира тонких форм», где помещается «обитель блаженных», т. е. буддийский рай Сукхавати (*Sukhāvati*). Одна из любопытных особенностей последнего заключается в том, что он, так же как и предыдущие сферы, должен рассматриваться как место временного пребывания на пути к нирване как конечному освобождению; поэтому процесс духовного самоусовершенствования в буддизме не ограничивается и этой областью¹³. С психологической точки зрения рассмотренные нами «три мира» буддизма являются не чем иным, как детально разработанной классификацией различных психических состояний условной личности, движущейся к поставленной цели по «лестнице» своего собственного сознания¹⁴. Ступени этой лестницы именуются в буддизме терминном «дхьяна» (*dhyāna*), а движение сознания по соответствующим «дхьяническим уровням» [17] более всего соответствует понятию «лестницы» как последовательных этапов духовного восхождения. С прохождением последней, четвертой дхьяны «мира, лишенного форм», сознание созерцателя достигает кульминационной точки в центре «колеса бытия», соответствующей в мифологическом плане вершине «мирового древа» как оси вселенной (*axis mundi*), пронизывающей все три ее сферы

¹¹ Ср., например, также «три неба» в космологической системе Оригена и особенно Григория Нисского [19, стр. 128, 310—320].

¹² Шестая сфера «мира грубых форм», т. е. область «богов» (*deva*), подразделяется, в свою очередь, на 6 иерархических уровней, в то время как лежащий над ней «мир тонких форм» колеблется в различных школах буддизма в пределах от 17 до 21 уровня [13; 62; 23; 65]. Виды сознания по ступеням транс «мира тонких форм» и «мира без форм» подробно разобраны (согласно Висуддхимагго) Б. В. Семичовым [28].

¹³ См. аналогичную трактовку рая у Оригена как временного состояния на пути к полному возвращению всего сущего к своему первоисточнику (*ἀποκατάστασις*).

¹⁴ Касаюсь этого вопроса, О. О. Розенберг отмечал, что «в противоположность мистическим созерцателям в Европе буддисты сумели практически переживания созерцания строго систематизировать и заключить в схему то, что на первый взгляд, казалось бы, схематизации не поддается» [26, стр. 241].

вплоть до горы Меру включительно¹⁵. Здесь личность полностью выходит из круга перевоплощений и вступает в состояние «инобытия». Психологически это состояние будет соответствовать сознанию архата в хиньяне и бодхисаттвы в махаянической системе буддизма. Одним из распространенных наименований такого состояния в махаянической литературе будет санскритский термин *buddha-bhūmi*, что соответствует тибетскому *sañs-rgyas-kyi-sa* и весьма близко в семантическом отношении греческому *θειωσις*¹⁶.

Движение через рассмотренные три сферы или «три мира» разделяется в буддизме на пять этапов, общих для всех его направлений. Применительно к махаяне этот путь (в школе парамитаяны) еще дополнительно разбивается на десять «бхуми» (*bhūmi*), т. е. десять ступеней бодхисаттвы, который, пройдя их все, жертвует собственным спасением и остается в миру из сострадания ко всему живущему. Эти десять ступеней бодхисаттвы с соответствующими десятью трансцендентальными добродетелями (*pāramitā*) четко коррелируются с внутренними уровнями десяти сфер существования (*dhātu*) «трех миров», если за нулевую точку отсчета принять «сферу людей» (*nara*), лежащую на четвертом уровне «мира грубых форм» [42, стр. 107—110; 69, стр. 18].

Еще один аспект тройственного членения буддийской вселенной связан с иерархией трех типов сознания, отражающих три уровня постижения реальности: уровень нравственности (*śīla*), уровень сосредоточения (*samadhi*) и уровень мудрости (*prajñā*). Однако достижение последнего, высшего уровня сознания немислимо без предварительного прохождения его низших этапов. Поэтому, по остроумному замечанию буддистов, «сосредоточение без нравственности подобно дому без фундамента» [48, стр. 18]. Это трехчленное деление можно сопоставить также с тремя типами психического развития личностей — низшим, средним и высшим, причем, по «Ламриму», к первой категории относятся люди наивно-реалистического миропонимания, не задающиеся вопросом о смысле существования, ко второй — пришедшие к пониманию, что жизнь есть страдание и что необходимо личное спасение, и, наконец, к третьей — те немногие, достигшие решимости жертвовать собою ради блага других [36, стр. XXIV].

* * *

Для того чтобы сформулировать представление о буддийском макрокосме, включающем в себя понятие нирваны одновременно с главными аспектами догматики и мифологии буддизма, мы обратились к идее уже упомянутого «колеса закона» (*dharmacakra*). Эта идея раскрывается в понятии «восьмичленного святого пути» (*āryāṣṭāṅgikamārga*) как квинтэссенции религиозно-этнической стороны этого учения и как развитие положений, заключенных в «четырех благородных истинах» (*catvāriāryasatyāni*) буддизма: истине страдания (*duḥkhasatya*),

¹⁵ Вершина этой горы приходится на второй уровень шестой сферы «мира грубых форм». Следовательно, применительно к нашей трактовке «колеса бытия» вся гора Меру может рассматриваться как усеченный конус, мысленным продолжением которого будут служить более высокие уровни буддийского космоса. Ср. идею Вавилонской башни как связи земли с небом [71, стр. 204—205].

¹⁶ Однако тонкая разница между этими двумя понятиями заключается в том, что буддизм в отличие от христианства не ставит психологических и догматических пределов идее полного тождества субъекта и объекта сотериологического процесса. В то время как, например, в восточнохристианской традиции эта идея ограничивается тождеством на уровне «энергии» (*δύναμις*), не поднимаясь до уровня «сущности» (*οὐσία*).

истине причины (*samudayasatya*), истине освобождения (*nirodhasatya*) и истине пути (*margasatya*). Ступени этого пути следующие: 1) истинное воззрение (*samyagdr̥ṣṭi*), 2) истинное помышление (*samyaksamkalpa*), 3) истинное слово (*samyagvāk*), 4) истинное дело (*samyakkarmānta*), 5) истинная жизнь (*samyagājīva*), 6) истинное стремление (*samyagyūna*), 7) истинная память (*samyaksmṛti*), 8) истинное созерцание (*samyaksamadhi*)¹⁷. Осуществление этих восьми ступеней свидетельствует о завершенности сотериологического процесса в буддизме; отсюда вытекает важнейшая роль «колеса закона», которое иногда изображается как символ буддийского макрокосма с сакральным слогом ОМ в своем центре. Последнее наводит на мысль о том значении, какое может иметь для предлагаемой интерпретации буддийского космоса этот сакральный слог наряду с тремя другими слогами известной буддийской мантры ОМ МАНИ ПАДМЕ ХУМ (ОМ MAṆI PADME HŪM), получившей широкое распространение в странах буддийской культуры¹⁸. Для уяснения этого вопроса мы обратились к малоизвестной, но наиболее универсальной трактовке этой формулы, которая сохранилась в традиции буддийской школы ваджраяны или «алмазной колесницы» — одного из главных направлений тибетского буддизма [46; 7].

Следуя этой традиции, мантру ОМ МАНИ ПАДМЕ ХУМ можно рассматривать как тетраграмму, состоящую из четырех слогов, каждому из которых придано глубокое символическое значение и которые в своей совокупности представляют в своеобразном закодированном виде основную идею буддийского космоса. Первый слог, ОМ, выступает в роли творческого принципа, т. е. своего рода буддийского «Логоса», который, будучи непознаваем по своей природе, является первоначалом всякого творчества и созидания. Эта идея творческого слова появилась в индийской мысли еще в Упанишадах, но только буддизм придал ей систематическое значение, введя в рамки своей догматики. Последний слог, ХУМ, органически связан с первым, но его значение иное. Если ОМ символизирует универсальный принцип единства, то ХУМ выражает эту же идею, но уже развернутую во множественности пяти творческих «мудростей». Таким образом, если ОМ есть «Логос» буддизма в потенции, то ХУМ есть его актуализация, подобно тому как звук струны есть выявление заложенной в ней способности к звучанию. Однако этим не исчерпывается главный смысл интересующей нас тетраграммы, которая в совокупности всех своих четырех слогов оказывается тесно связанной с теорией буддийской «Троицы» (*Trikāya*) как центральной концепции всей махаянической догматики [87; 64; 52; 79].

Согласно этой концепции, исторический Будда выступает как изначальная сущность бытия, имеющая три «ипостаси»: 1. «Космическое тело Будды» (*Dharmakāya*) как недифференцированный первопринцип сущего, лишенный свойств и определений; 2. «Блаженное тело Будды»

¹⁷ Следует подчеркнуть, что для буддистов «совершать созерцание означает внутренне восчувствовать частью или целиком смысл того, что подлежит созерцанию» (Дхармамитра) [36, стр. 72]. Поэтому не случайно Будда, по преданию, противопоставил «восьмеричному праведному пути» «восьмеричный грешный путь», построенный на отрицании всех положений первого (Majjhima-Nikāya) [70, стр. 181—182]. В этой связи ср. остроумное замечание Якоби о том, что «человек должен знать, куда хочет подняться, прежде чем ставить лестницу» [58, стр. 272].

¹⁸ Эта формула, высеченная в VIII в. н. э. на каменных валунах у оз. Иссык-Куль, была обнаружена в 1964 г. и описана автором настоящей статьи [8; 22]. Есть данные о том, что эта формула имеет хождение и среди идейных противников буддизма — приверженцев древнетибетской религии бон, которые произносят ее в обратном порядке слогов [88, стр. 150].

(*Sambhogakāya*) как его духовная субстанция в своей преображенной небесной форме; 3. «Явленное тело Будды» (*Nirmāṇakāya*) как его историческое земное бытие, облеченное в призрачные рамки материи. Эта сотериологическая концепция, возникшая в эпоху Кушан (I—IV вв. н. э.), сразу отделила буддизм от всех прочих религиозно-философских систем Индии с явно выраженной антиперсоналистической тенденцией¹⁹ [6].

Связь интересующей нас тетраграммы ОМ МАНИ ПАДМЕ ХУМ с концепцией буддийской «Троицы» заключается в следующем: слог ОМ выступает символом «Космического тела Будды», слог МАНИ выступает в роли «Блаженного тела Будды», а слог ПАДМЕ выступает в значении «Явленного тела Будды». Что же касается последнего слога ХУМ, то он олицетворяет так называемое «Алмазное тело Будды» (*Vajrakāya*), которое выступает одновременно в роли интеграла трех ипостасей буддийской «Троицы» и «пяти мудростей» буддийского макрокосма²⁰. Упомянутые «мудрости» являются женскими аспектами пяти дхьяни-будд, ориентированных по странам света и эманулирующих из пятого, центрального дхьяни-будды мандалы, или психокосмограммы, представляющей собой наглядное и символическое изображение космических сил как психических процессов [86; 57; 53; 80, стр. 231; 55]. Пятый дхьяни-будда, в свою очередь, в ряде ведущих направлений буддизма считается эманацией так называемого Предвечного Будды, или Ади-Будды (*Ādi-Buddha*), который обычно персонифицируется под наименованием того дхьяни-бодхисаттвы, чей дхьяни-будда занимает центральное место в мандале²¹. В тибетских мандалах, посвященных центральным божествам буддизма, это место получает дхьяни-будда Вайрочана («Лучезарный») — в школе нинмабы, и дхьяни-будда Акшобхия («Неколебимый») — в школе гелукпы и гарджубы, которым соответствуют Ади-Будда Самантабhadра («Всеблагой») и Ади-Будда Ваджрадхара («Держатель ваджры»). Весьма популярным в Центральной Азии и на Дальнем Востоке следует признать древний культ Самантабhadры (тиб.: Кунту Занпо), который под наименованием Махавайрочаны («Будды Великого Солнца») хорошо известен в японской буддийской школе Сингон. Поскольку Ади-Будда мандалы и соответствующий ему дхьяни-будда являются не чем иным, как персонификацией «Космического тела Будды», то на мысленной схеме буддийского макрокосма они займут места во внутренней части центрального круга мандалы как первопричина сущего. Женская ипостась Ади-Будды олицетворяется в идее «Премудрости» (*Prajñāpāramitā*) или «космического сознания» (*dharmadhātujñāna*), разделяющегося на четыре эманации: 1) мудрость зеркальная (*ūdarśajñāna*), 2) мудрость всеединства (*samatājñāna*), 3) мудрость рассудка (*pratyavekṣajñāna*), 4) мудрость творчества (*krtyānusthānajñāna*). Эти «мудрости» и соответствующие им дхьяни-будды должны рассматриваться в двух планах: 1) в

¹⁹ Более подробно об этой концепции см. в нашей статье «Кушаны и махаяна» [16].

²⁰ Кроме того, три первых слагаемых этой тетрады могут также символизировать универсальные принципы «Тела» (Kāya), «Слова» (Vāc) и «Мысли» (Citta), которые в обычных случаях символизируются слогами ОМ, АṂ, НОМ. Поливалентная семантическая нагрузка указанной мантры выражается еще и в том, что на уровне сансары каждому из ее шести слогов соответствует один из будд шести сфер «мира грубых форм» (kāma-dhātu), что отвечает буддийской идее очищения самых глубинных слоев профанического существования.

²¹ Здесь мы сталкиваемся (в мифологической оболочке) с принципом так называемой «положительной обратной связи», когда следствие рождает свою причину и система получает обусловленность от себя же самой.

хроногенной последовательности пяти эонов, образующих так называемую «бхадракальпу» (т. е. «счастливую кальпу» из пяти дхьяни-будд); 2) во вневременном единстве каждого из указанных эонов или космических периодов²². Эти четыре эманации, или четыре потока «космического сознания», вместе со своим центральным источником являются теми пятью космоургическими силами, синтез которых символизирует рассмотренный нами выше сакральный слог ХУМ²³.

* * *

Итак, мы выполнили вторую нашу задачу, дав представление о внутренней структуре буддийского макрокосма. Нерешенной осталась последняя и самая важная проблема: как объединить идеи буддийского микро- и макромира в одну универсальную модель буддийского «психокосмоса»? Решая ее, мы исходили из центрального положения буддизма о сущностном единстве сансары и нирваны и о том месте, которое занимает в этом единстве принцип сознания. Ключ к пониманию этого принципа заложен в третьей нидане двенадцатичленного цикла, т. е. в самой нидане сознания (*viññāna*), роль которого в буддизме можно в какой-то мере сопоставить с постоянным лучом кинематографа, на фоне которого проецируется во временно-пространственной схеме бесконечная лента иллюзорного бытия²⁴. Однако существенная особенность буддийского принципа, не укладывающаяся в рамки нашего упрощенного образа, заключается в том, что в каждом кадре нашей мысленной ленты, т. е. в каждом моменте сознания, будет присутствовать весь его временной ряд с настоящим, прошедшим и будущим, где каждое мгновение (*kṣana*), взятое по отдельности, будет представлять ту же идею вечности, что и их совокупность²⁵. Таким образом, сознание в буддизме выступает в роли такого всевременного единства, которое несколько не исключает порядка, отражаемого временным течением вещей. Исходя из этого, мы объединяем буддийский микро- и макрокосм (т. е. сансару и нирвану) именно на этой третьей нидане двенадцатичленного цикла, выражающей фундаментальный принцип этой системы, лежащий в основе теории буддийского «метемпсихоза», который мы называем законом сохранения психической энергии или принципом «инвариантности сознания». Развитие этой идеи школой йогачар привело их к концепции «сознания-универсума» (*ālayaviññāna*), обращенного одной стороной к иллюзорному и переходящему миру явлений, а другой — к вечному и всеобъемлющему принципу, отождествляемому в махаяне с нирваной или «Космическим телом Будды» [82; 59]. Здесь особенно четко выявляется роль сознания

²² Такое рассмотрение позволяет учитывать и эсхатологический аспект буддийской космологии, непосредственный анализ которого выходит за рамки настоящей работы.

²³ Заслуживает внимания, что данная буддийская космогоническая схема типологически близка к диаграмме вселенной древнемексиканской «мандалы» [27].

²⁴ Мысль о кинематографическом характере мышления была впервые высказана А. Бергсоном [41] и применительно к буддийской теории мгновенности использована Ф. И. Щербатским [39, стр. 22].

²⁵ Эта идея «атома времени» (*kṣana*), длительность которого иногда исчисляется буддистами в одну биллионную часть сверкания молнии, получила в школе йогачар свое философское толкование в понятии «мгновенной точки духовной реальности» (*svalakṣana*), которую можно рассматривать как проекцию вневременного абсолюта (*samānyalakṣana*) в призрачный мир явлений. В системе Дигнаги, согласно Ф. И. Щербатскому, «она представляет дифференциал, из которого благодаря процессу интеграции строится все наше познание» [82, стр. 141].

как своеобразного «мезомира», через который осуществляется связь между двумя планами буддийского космоса²⁶. Этот мезомир можно также уподобить своего рода «линзе сознания», тем более что сравнение сознания со стеклом различной прозрачности можно встретить в буддийской литературе [1, стр. 314, 325]. В соответствии с предложенной трактовкой сознание в буддизме окажется расположенным на пересечении двух планов бытия, образованном частичным совмещением буддийского микро- и макрокосма²⁷. Развивая далее наши сопоставления, следует добавить, что образованная этим пересечением двояковыпуклая «линза сознания» может рассматриваться как состоящая из двух частей, находящихся по отношению друг к другу в положении зеркальной симметрии и символизирующих пять интегральных частей индивидуального и космического сознания.

Составляющие индивидуального сознания именуются в буддизме скандхами (*skandha*) и представляют собой скопления психических элементов — дхарм (*dharma*) определенной констелляции. Этих скоплений, или групп, насчитывается в буддизме пять: группа чувственного (*rūpa*), группа ощущений (*vedana*), группа представлений (*samjñā*), группа кармических сил (*saṃskārā*) и группа сознания (*viññāna*), причем последнее выступает в роли их интегратора. С указанными группами психических элементов коррелируют пять групп вещественных элементов (*dhātu*), которые можно рассматривать как другой аспект перечисленных выше скандх. Эти элементы суть: «вода» (*ap*), «земля» (*prthivī*), «огонь» (*tejas*), «ветер» (*īraṇa*) и «эфир» (*ākāśa*), причем последний играет в этом перечне ту же объединяющую роль, как и группа сознания по отношению к остальным скандхам²⁸. Таким образом, интегральные части индивидуального сознания, представленные психическими и физическими аспектами буддийского микрокосма, являются не чем иным, как отражением этих же самых принципов, действующих на макрокосмическом уровне, где они выступают в роли дхьяни-будд и их «мудростей»²⁹ [54].

Учение о четырех элементах, свойственное древним системам индийской мысли, носило для средневекового мировоззрения универсаль-

²⁶ Ср. роль «сперматического логоса» (*λόγος σπερματικός*) у Филона Александрийского [9] или двойственное положение «Софии» (*Σοφία*) в системе Валентина и ряда других гностиков [66, стр. 77—76, 18].

²⁷ Разумеется, что только наглядным образом такого частичного совмещения проблема единства микро- и макрокосма не исчерпывается, ибо, по существу, речь здесь идет не просто о совмещении, а о той сопряженности сансары и нирваны, которую можно рассматривать как некое «металогическое единство», выходящее за пределы двойственности между «тождеством» и «различием» в их обычном логическом смысле [35, стр. 234—235] (ср. имманентно-трансцендентный характер «экзотерической» и «эзотерической» сферы абсолютного сознания в трактовке Е. Н. Трубецкого) [32, стр. 62—66]. Для характеристики двуединства эмпирической и абсолютной сферы буддизм ваджраяны выработал оригинальный термин *sahaja*, который Г. Гюнтер переводит как «co-nascent» [50, стр. 277], «to be born together» [51, стр. 378] и «coemergence» [75, стр. 9—10], т. е. «совозникновение» или «вместерождается».

²⁸ С указанными элементами коррелируют следующие «пять грехов» (*kleśa*), или отрицательных потенций сознания: ненависть (*dveṣa*), гордость (*māna*), страсть (*rāga*), зависть (*irśya*) и неведение (*avidyā*) как их общий источник [согласно традиции нанмабы]. В школе гелукпы и гарджубы таким «общим источником» является ненависть (*dveṣa*).

²⁹ Ср. основной тезис известного гностического трактата «Tabula Smaragdina» («Изумрудные Таблицы»), приписываемого Гермесу Трисмегисту: «Quod est superius est sicut quod est inferius et quod est inferius est sicut quod est superius, ad perpetranda miracula rei unius» [77]. («То, что сверху, как то, что внизу, и то, что внизу, как то, что сверху, для того, чтобы совершать чудеса одного и того же»).

ный характер³⁰. В западной части Ойкумены, от Эмпедокла до Декарта, оно оставалось основой любых натурфилософских построений, причем пятому элементу (т. е. эфиру) неизменно отводилась решающая роль как своего рода «первоматерии» (*prima materia*) или «мировой души» [60]. Последняя точка зрения господствовала и у стоиков, которые были современниками становления и развития буддийской доктрины. Однако именно в буддизме эта алхимическая идея квинтэссенции, или «пятой сущности», получила свое максимальное развитие и совершенно оригинальное преломление, связанное с сотериологическим аспектом этого учения. Это не мировой эфир (*ākāśa*) и не пятисоставное сознание (*viññāna*), взятые по отдельности, а синтез того и другого, очищенный от «пяти грехов» и поднятый на макрокосмический уровень, т. е. единство пяти дхьяни-будд и их «мудростей», символизируемое сакральным слогом «ХУМ». В соответствии с принципами тибетской йоги³¹ [44, стр. 200] этот синтез осуществляется за счет слияния активной жизненной энергии сознания (т. е. пяти скандх) как манифестации солнечного мужского начала со скрытой жизненной силой подсознания (т. е. пяти элементов) как проявления лунного женского аспекта бытия. Динамическая полярность этих начал в своем преодоленном и сублимированном плане олицетворяет единство сострадания (*karuṇā*) и мудрости (*prajñā*) как вечных принципов сущего. Осуществление этих принципов соответствует полному выходу из всех трех сфер сансары и переходу в совершенно иное измерение, характеризующееся понятием буддийской нирваны.

Все вышесказанное в своей опозитизированной форме передано в следующих словах Чандракирти: «Когда божественные будды вступают в преисполненную блаженством нирвану, где исчезает всякая множественность, они становятся подобны царственным лебедям, свободно парящим в воздушном течении, рожденном двумя их крылами — крылом сострадания и крылом мудрости» [82, стр. 209].

Одновременно описанный нами процесс выхода из «круга перевоплощений» может рассматриваться и как выход из пространственно-временного мира, ибо время и пространство для буддизма являются величинами относительными. «Если время существует только по отношению к объектам, — говорит Нагарджуна, — то откуда возьмется время вне объектов. Мы отрицаем бытие объектов, тем более существование времени» [38, стр. 80—81]³². Но если мир объектов можно рассматривать как физический аспект пяти скандх, объединяемый в по-

³⁰ С этой же концепцией можно столкнуться и в христианской патристике (Григорий Нисский, Симеон Новый Богослов и др.), и в натурфилософии ислама (Авиценна) [67]. Эта же теория известна в своей китайской модификации, где место эфира занимает земля, а место земли и воздуха — железо и дерево [68 стр. 250].

³¹ Заслуживает внимания, что тибетская буддийская йога в отличие от йоги Патанджали имеет дело не с семью, а с пятью психическими центрами (чакрами) человека, четко связанными с каждым из пяти разобранных элементов. С сакральным характером этого числа связано также пятичленное членение ступы, а также принцип древнеиндийской и китайской пентатоники. Ср. роль пяти планет в китайской космологии, а также в системе Калачакра («Колесо времени») [61], связанной, по-видимому, с древнеавилонскими астрономо-астрологическими теориями, принимающими «пять» за число небесного мира.

³² Первая часть этого высказывания Нагарджуны роднит буддийское восприятие времени с относительным временем Эйнштейна. См. в связи с этой проблемой интересное высказывание Л. Н. Гумилева [2, стр. 152—153].

Согласно точке зрения буддистов, «все три мира, а также и три времени существуют только в идее» [1, стр. 309]. Мысль о субъективном характере времени как формы психологического восприятия человека была присуща неоплатоникам и составляла основу учения о времени у Августина (*Confessiones*, XI; *De Civitate Dei*, XI, 5—6).

нятии мирового пространства, то мир времени будет представлять их психическую сторону как функцию процессов, протекающих в самом сознании. Поэтому время признается буддизмом, но как смена душевных явлений, что является особенно характерным для философии йогачар. Таким образом, если для буддийского микрокосма, т. е. сансары, пространство и время сохраняют свой относительный смысл, то на макрокосмическом уровне нирваны пространство превращается в свою противоположность, т. е. в «пустоту» (*śūnya*), а время — в «отсутствие времени» (*kālo nāsti*) или в вечность³³. Последняя выступает в махаяне в роли вневременного, но хроногенного, т. е. времярождающего фактора, персонификацией которого является Ади-Будда³⁴.

Исходя из сказанного эволюция и инволюция, т. е. «развертывание» и «свертывание», буддийского космоса могут быть мысленно представлены как единый процесс сознания, заключающийся в дивергенции и конвергенции женского и мужского начала, взятого в аспекте пространства-времени буддийского микро- и макромира³⁵. Этот процесс можно представить себе как эманацию пяти лучей «космического спектра» (так как каждый дхьяни-будда отождествляется с лучистой энергией особого цвета)³⁶, которые, пройдя сквозь «линзу сознания» (*ālayavijñāna*), рассеиваются во времени на пять скандх и пять элементов «профанического бытия», но, будучи собраны в фокус, т. е. сублимированы в ходе сотериологического процесса, вновь претворяются в пять дхьяни-будд как в свое зеркальное отражение. Завершенность этого двуединого процесса символизируется в ваджраяне изображением двойной крестообразной самвры (*viśvavajra*), олицетворяющей биполярность буддийского «психокосмоса», взятого во вневременном единстве составляющих его субстанций.

В стремлении логически обосновать «механизм» подобного процесса, йогачары развили идею об элементе, или «зерне абсолюта» (*gotra*), как единственной реальной сущности, присутствующей в иллюзорном мире явлений [76]. Именно благодаря скрытой энергии этого начала оказывался возможным «катарсис» (*κάταρσις*) как трансформация пяти скандх и «восьмисоставного сознания» (*ālayavijñāna*) в три тела и «пять мудростей» буддийского макрокосма. «Нет ни одного существа, которое не обладало бы мудростью Татхагаты. И только по причине суетных мыслей и привязанностей все существа не осознают этого»³⁷ [72, стр. 594], — свидетельствуют известные слова из «Аватамсака-сутры» — одного из главных произведений йогачар, относящегося к IV—

³³ Ср. известное определение Платона о том, что время есть «подвижный образ вечности» (Тимей, 37D).

³⁴ Роль Ади-Будды как безначального времени отчетливо выступает в тантрической системе Калачакры (Kālacakra), связанной, по мнению Ю. Н. Рериха, с иранским зерванизмом, где время является абсолютным началом мира [25, стр. 159].

³⁵ О том, что в буддийском макрокосме существует своя иерархия пространственно-временных отношений, свидетельствуют зонология буддизма с его концепцией 1000 будд, а также элементы мессанизма, связанные с циклической эсхатологией и чаением Майтрен.

³⁶ Метафизическая символика света получила особенное развитие в направлени ваджраяны, которая исходила из положения о бесцветности концептуальных построений сознания по сравнению с ослепительной яркостью интуитивного постижения реальности [43]. Согласно Цзонхаве, мгновенная интуиция абсолютной истины есть мистическое видение «ясного света» (*ābhāsvara*, тиб.: 'od gsal), благодаря которому происходит очищение сансары [85, стр. 349]. Ср., например, роль мистического света в суфизме или споры о «фаворском свете» в Византии XIV в. [14].

³⁷ Ср. вывод Николая Кузанского (1410—1461) о том, что «разум не может ничего постигнуть, что не было бы уже в нем самом в сокращенном и ограниченном состоянии» [15, стр. 79].

V вв. н. э. Последовательное раскрытие в себе элемента этой «мудрости» будет свидетельствовать о преодолении тех кармических импульсов, которые проецируют в сознании иллюзию мирового круговорота, что можно определить как прозрение или отсекование ложных корней сознания, главным из которых является неведение (*avidyā*).

Таким образом, проблема упорядочения космоса в буддизме сводится к упорядочению сознания и связана с уменьшением хаотичности сознания в сторону повышения его организованности, что позволяет говорить об указанных процессах в понятиях, связанных с теорией информации³⁸. Нам представляется, что буддийское учение сводится не только к «определенной реорганизации информации в целом» [24, стр. 199], но именно к такой ее перестройке, в ходе которой качественная характеристика последней будет неуклонно возрастать. Если это так, то «профаническое» существование, характеризующее в буддизме «миром грубых форм», будет соответствовать хаотическому сознанию, причем состоянию его максимальной неупорядоченности, или нулевому сосредоточению, будет отвечать сфера адов, т. е. самая нижняя из шести его сфер. И наоборот, сублимированное сознание, характеризующее «миром, лишенным форм», будет соответствовать максимальному сосредоточению, пределом которого будет полный выход из всех «трех миров» сансары в мистериальное пространство буддийского макрокосма³⁹. Противопоставленность указанных полюсов сознания можно сравнить с идеей П. Флоренского о противостоянии энтропии («Логоса») энтропии («Хаосу»). В контексте этой мысли интересное сопоставление Ф. И. Щербатским нирваны хинаянистов с состоянием максимальной энтропии вряд ли будет правомерно. Нирвана в хинаяне, так же как и в махаяне, является, с точки зрения буддизма, пределом упорядоченности сознания совершенно независимо от того, что понимается разными школами под «небытием», открывающимся по ту сторону этого предела⁴⁰. Само же движение к последнему должно происходить квантообразно, по соответствующим интегративным уровням и сопровождаться уменьшением энтропии по мере восхождения к вершине лестницы «трех миров» сансары, где мысленные векторы пространства и времени как бы сходятся в одну точку⁴¹. Здесь, с подавлением «броуновской компоненты», энтропия в «дхармовом поле сознания» станет равной нулю, символизируя «безэнтропийный вакуум» или «пустоту» (*śūnyā*) всех составляющих его дхарм как переход этих квантов психики в качественно иное, сверхорганизованное состояние⁴². Однако сама возможность такого процесса должна быть обусловлена теоретической предпосылкой о наличии в самом сознании постоянного источ-

³⁸ В этой связи уместно вспомнить, что Норберт Винер находил возможным трактовать энтропийную тенденцию природы как «негативное зло» или «несовершенство» в августиновском понимании последнего [89].

³⁹ Таким образом, переход в это новое измерение возможен лишь через «опустошение» (*κένωσις*) эмпирического сознания, выступающее в буддизме как идея жертвы. Одновременно это будет выходом и из временных параметров, поскольку кривая энтропии может рассматриваться как симметричная относительно направления времени, положительный вектор которого направлен в сторону возрастания энтропии [73].

⁴⁰ Во всяком случае, с точки зрения махаянистов, нирвана есть динамическое состояние максимальной духовной активности [44, стр. 144—145].

⁴¹ В этой связи нельзя не вспомнить мысль Тейя де Шардена о том, что пространство — время необходимо конвергентно по своей природе, поскольку содержит в себе и порождает сознание [84].

⁴² Это будет той кристаллизацией сознания, символом чего в буддизме виджраяны выступает «алмазное тело» (*vajrakāya*) как олицетворение духоносной или преобразенной материи.

ника отрицательной энтропии⁴³, т. е. идеей асимметричности сознания как целого, выраженной в буддизме через идею сансары и нирваны. В этом аспекте нирвана может рассматриваться как своего рода «антимир», тенью или отражением которого будет весь мир явлений. «Все видимое творение является лишь отражением» [82, стр. 211], — говорит Чандракирти буддийский мыслитель VII в. н. э. С идеей о том, что феноменальное бытие есть отражение бытия абсолютного, можно столкнуться уже в Упанишадах, где нередко идет речь о небесном и земном вариантах «мирового древа» как о двух зеркальных брахманах, причем небесный брахман в противоположность земному символизируется мифологическим образом дерева, растущего корнями вверх. С аналогичным сравнением можно столкнуться, например, и в Бхагаватгите, что свидетельствует об универсальности подобных образов⁴⁴ [11, стр. 332; 30, стр. 132]. Дантовское противостояние эмпирии остальному мирозданию, как своего рода «непространства» — пространству, также относится к числу подобных противопоставлений, особенно типичных для средневековой модели мира, где вещи оцениваются не их собственной преходящей ценностью, а значительностью того, что они собой представляют как отражение некоторых идеальных принципов, имеющих абсолютное значение в традициях данной культуры [17, стр. 475—476].

Применительно к предлагаемой трактовке буддийского космоса этот принцип симметрии может получить четкое геометрическое выражение как противопоставление абсолютного бытия (нирвана) бытию эмпирическому (сансара), как своему зеркальному изомеру, имеющему для нашей работы особенно важное значение, поскольку в нем может быть представлена в сжатом виде вся структура буддийского микрокосма. При этом следует подчеркнуть, что последовательные членения этой структуры отражают не просто линейный ряд каких-то неконтролируемых душевных движений, а различные уровни целенаправленного психического процесса, где движение со ступени на ступень есть спиралевидное разворачивание скрытых потенций сознания, представленное не одной мелодией, а сложной контрапунктической разработкой противоположных тем, борьбой положительных и отрицательных эмоций и психических импульсов. Этот процесс можно назвать столкновением центростремительных и центробежных тенденций сознания, ведущих с точки зрения буддизма к интеграции или дезинтеграции личности⁴⁵. В аспекте теории дхарм он должен заключаться в последовательном погашении их феноменальной активности, начиная с тех «квантов психики», которые, в первую очередь, способствуют ее неустойчивости. Количественное уменьшение этих элементов в «поле сознания» повышает его качественную характеристику, свидетельствуя о реорганизации последнего, как переходе на более высокий интегративный уровень. Поэтому тенденция экстенсивного сужения «профанической сферы» сознания связана с процессом интенсивного расширения его «сублимацион-

⁴³ О том, что вообще организованно мыслящий мозг работает вне «области Клаузуса», с убедительностью показано в монографии Н. И. Кобозева, который вводит понятие «антиэнтропии» применительно к психическим процессам [12].

⁴⁴ Ср. особенно понятие «симметрии» (*συμμετρία*) и «аналогии» (*ἀναλογία*) у Дионисия Ареопагита при рассмотрении им иерархии «земной» и «небесной» с тройственным членением каждой из них [74].

⁴⁵ Победа центростремительных тенденций над центробежными и есть то самое «укрощение мысли», о котором говорит Цзонхава [36, стр. 11]. Ср. аналогичный подход к этой проблеме в патристической литературе; так, например, у Иоанна Лествичника читаем: «Неослабно борись с мыслью своею; и когда носится она и туда и сюда, собирай ее воедино» [16, стр. 71—72].

ной зоны», и с концентрацией всего сотериологического процесса к некоторому универсальному всеединству, в роли которого в буддизме выступает «Трансфинитная мудрость» или Премудрость (*Prajñāpāramitā*), отождествляемая с нирваной или «Космическим телом Будды» (*Dharma-kāya*).

Таким образом, ведущее положение буддизма, которое может быть выражено в идее металоогического единства сансары и нирваны⁴⁶, как двух взаимозависимых структур, объединенных всеобъемлющим принципом сознания (*viññāna*), позволяет подойти к сущности тех процессов, которые лежат в основе этой концепции, проникнутой идеями «космопсихического коррелятивизма», когда эволюция каждого индивидуального сознания может рассматриваться как эволюция всего буддийского космоса.

Высокая степень организованности внутренней структуры буддийского мироздания позволяет применить к нему принципы моделирования, как сведения «сложного» к «простому» с сохранением всех пропорций системы. Осуществление этих принципов показывает, что буддизм, по своим центральным идеям, не является изолированным учением в кругу родственных ему космологических и сотериологических концепций прошлого; в то же время он выступает как единственная в своем роде система, где многовековое наследие религиозного опыта обобщено в такой универсальной форме, которая оказывается доступной научному и рациональному изучению. В рамках этой системы хинаяна может рассматриваться, как частный случай махаянической доктрины, получившей, в свою очередь, свое заключительное выражение в направлении ваджраяны или «алмазной колесницы». Это свидетельствует о том единстве буддизма, которое сохраняет это учение, несмотря на все разнообразие форм своего исторического существования.

1. Васильев В. П., Буддизм, его история, догматы и литература, ч. 1, СПб., 1857.
2. Гумилев Л. Н., Этнос и категория времени,— «Доклады Географического общества СССР. Этнография», Л., 1970, вып. 15.
3. Дандарон Б. Д., Элементы зависимого происхождения по тибетским источникам,— «Труды по востоковедению», Тарту, 1968, вып. 1.
4. Зелинский А. Н., Академик Федор Ипполитович Щербатской и некоторые вопросы культурной истории Кушан,— «Страны и народы Востока», М., 1967, вып. 5.
5. Зелинский А. Н., Буддийский «космос» в тибетской традиции (опыт моделирования),— «Центральная Азия и Тибет. Материалы к конференции», Новосибирск, 1972.
6. Зелинский А. Н., Кушаны и махаяна,— «Труды Международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в Кушанскую эпоху, т. 2, (в печати).
7. Зелинский А. Н., Место мантры «OM MANI PADME HUM» в космологической модели ваджраяны,— «Второй симпозиум по проблемам культуры древней и средневековой Индии, История буддизма», М., 1971, ИВАН СССР.
8. Зелинский А. Н. и Кузнецов Б. И., О некоторых буддийских памятниках Киргизии,— «Материалы по истории и филологии Центральной Азии», Улан-Удэ, 1968, вып. 3.
9. Иваницкий В. Ф., Филон Александрийский. Жизнь и обзор литературной деятельности, Киев, 1911.
10. «Источник Мудрецов. Тибетско-монгольский терминологический словарь буддизма». Подготовка текста, перевод и примечания Р. Е. Пубаева и Б. Д. Дандарона, Улан-Удэ, 1968.

⁴⁶ Согласно буддийской традиции одним из выражений этого единства может служить тибетская формула *sgid — zhi — tpuyat — pu'id* [10]. Философское содержание этого понятия выражено известным положением Нагарджуны о том, что «предел нирваны является и пределом сансары, они ничем не отличаются друг от друга». *Nāgārjuna, Mūlamadhyamikākārikās* [82, стр. 77].

11. Кагаров Е. Г., Мифологический образ дерева, растущего корнями вверх,— «Доклады АН СССР», Л., 1928, № 15.
12. Кобозев Н. И., Исследование в области термодинамики процессов информации и мышления, М., 1971.
13. Ковалевский О., Буддийская космология,— «Ученые записки, издаваемые Императорским Казанским университетом», кн. II, IV, 1835; кн. I, 1837.
14. Кривошеин В., Аскетическое и богословское учение св. Григория Паламы,— «Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н. П. Кондакова», VIII, Прага, 1936.
15. [Кузанский], Николай Кузанский, Избранные философские сочинения, М., 1937.
16. [Лествичник], Иоанн Лествичник, Лествица и Слово к Пастырю, М., 1869.
17. Лотман Ю. М., О метаязыке типологических описаний культуры,— «Труды по знаковым системам», IV, Тарту, 1969.
18. Максимов Е. Н., Влияние древнеегипетской религиозной литературы на гносис (рукопись), М., 1969.
19. Оксюк М. Ф., Эсхатология св. Григория Нисского, Историко-догматическое исследование, Киев, 1914.
20. Позднеев А., Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии, СПб., 1887.
21. Померанц Г. С., Европоцентрическая модель религии и «парадоксальные» религии Индии (буддизм и индуизм),— «Труды по востоковедению», Тарту, 1968, вып. 1.
22. По следам одной тибетской надписи,— «Природа», М., 1971, № 8.
23. Пубаев Р. Е., Буддийская космология в историческом труде Сумба-канбо «Древо созерцания»,— «Труды Бурятского института общественных наук Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР», Улан-Удэ, 1968, вып. 3.
24. Пятигорский А. М., О психологическом содержании учения раннего буддизма,— «Труды по востоковедению», Тарту, 1968, вып. 1.
25. Рерих Ю. Н., Избранные труды, М., 1967.
26. Розенберг О. О., Проблемы буддийской философии, Пг., 1918.
27. Семяка Е. С., Типологические схемы четырех- и восьмичленных моделей мира,— «III Летняя школа по вторичным моделирующим системам. Тезисы докладов», Тарту, 1968.
28. Семичов Б. В., Элементы сознания (по палийским первоисточникам),— «Труды Бурятского института общественных наук Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР», Улан-Удэ, 1968, вып. 3.
29. Смирнов Б. Л., Санхья и йога,— в кн. «Махабхарата», VII, ч. 2, Ашхабад, 1963.
30. Топоров В. Н., К предьстории двух архаичных концепций, III Летняя школа по вторичным моделирующим системам. Тезисы докладов, Тарту, 1968.
31. Топоров В. Н., К реконструкции некоторых мифологических представлений на материале буддийского изобразительного искусства,— «Народы Азии и Африки», М., 1965, № 3.
32. Трубецкой Е. Н., Метафизические предположения познания, М., 1917.
33. Трубецкой С. Н., Собрание сочинений, т. 3. Метафизика в Древней Греции, М., 1910.
34. Флоренский П., Столп и утверждение истины, М., 1914.
35. Франк С. Л., Об основах и пределах отвлеченного знания, Пг., 1915.
36. Цыбиков Г. Ц., Лам-рим чэн-по (Степени пути к блаженству). Сочинение Цзонкапы в монгольском переводе, т. I, Владивосток, 1913.
37. Щербатской Ф. И., Предисловие к кн.: Дармакирти, Обоснование чужой одушевленности с толкованием Винитадева, перев. с тибетского Ф. И. Щербатской, Пг., 1922.
38. Щербатской Ф. И., Теория познания и логика по учению позднейших буддистов, ч. 2, СПб., 1909.
39. Щербатской Ф. И., Философское учение буддизма, Пг., 1919.
40. Юнг К. Г., Психологические типы, Цюрих, 1929.
41. Bergson A., L'Evolution créatrice, Paris, 1907.
42. Conze E., The Prajñāpāramitā Literature, London, 1960.
43. Evans-Wentz W. Y., The Tibetan Books of the Dead, London, 1960.
44. Evans-Wentz W. Y., Tibetan Yoga and Secret Doctrine, London, 1965.
45. Frank A. D., La Kabbale ou la philosophie religieuse des Hebreux, Paris, 1889.
46. Govinda A., Foundations of Tibetan Mysticism According to the Esoteric Teaching of the Great Mantra OM MANI PADME HUM, New York, 1960.
47. Govinda A., The Psychological Attitude of Early Buddhist Philosophy, London, 1961.
48. Govinda A., Some Aspects of Stupa Symbolism, «Bulletin of the International Buddhist University Association», Calcutta, 1936, № 3.
49. Govinda A., The Way of the White Clouds, London, 1968.

50. Guenther H. V., Concept of Mind in Buddhist Tantrism,—«Journal of Oriental Studies», Hong Kong, 1958, vol. III, № 2.
51. Guenther H. V., Mantrayāna and Sahajayāna,—«2500 Years of Buddhism», New Delhi, 1956.
52. Guenther H. V., The Psychology of the Three Kāyas,—«Uttara Bharati», 1955, II, 1, July.
53. Guenther H. V., Tibetan Buddhism without Mistification, London, 1959.
54. «The Hevajra Tantra», Introduction and Translation by D. L. Snellgrove, pt 1—2, London, 1959.
55. Hoffmann H., Symbolik der Tibetischen Religionen und des Schamanismus, Stuttgart, 1967.
56. Horsch P., The Wheel: An Indian Pattern of World-Interpretation,—«Sino-Indian Studies», Santiniketan, 1957, vol. V, pt 3.
57. Hummel S., Zum Buddhistischen Weltbild, Leipzig, 1948.
58. Jacobi F., Werke, Bd III, Leipzig, 1816.
59. Jong J. W. de, The Absolute in Buddhist Thought,—«Essays in Philosophy presented to Dr. T. M. P. Mahadevan», Madras, 1962.
60. Jung C. G., Psychology and Alchemy,—The Collected Works of C. G. Jung, vol. 12, London, 1953.
61. «Kālacakra-Tantra and Other Texts», pt 1—2, ed. by Prof. Dr. Raghu Vira and Prof. Dr. Lokesh Chandra, New Delhi, 1966.
62. Kirfel W., Die Kosmographie der Inder, Leipzig, 1920.
63. Lossky V., Théologie mystique de l'Eglise d'Orient, Paris, 1944.
64. Masson-Oursel M. P., Les Trois Corps du Buddha,—«Journal Asiatique», Paris, 1913, t. I, № 3.
65. Matsunaga A., The Buddhist Philosophy of Assimilation, Tokyo, 1969.
66. [Matter M. J.], Histoire critique du Gnosticisme, et de son influence sur les sectes religieuses et philosophiques des six premiers siècles de l'ère chrétienne par M. Jacques Matter, t. I—III, Paris, 1843—1844.
67. Nasr S. H., An Introduction to Islamic Cosmological Doctrines, Cambridge, 1964.
68. Needham J., Science and Civilisation in China, vol. II, Cambridge, 1956.
69. Obermiller E. E., The Doctrine of Prajñāparamitā as Exposed in the Abhisamayālamkāra of Maitreyā,—«Acta Orientalia», 1933, vol. IX.
70. Oldenberg H., Buddha: sein Leben, seine Lehre, seine Gemeinde, Berlin, 1881.
71. Parrot A., Ziggurats et Tour de Babel, Paris, 1949.
72. Radhakrishnan S., Indian Philosophy, vol. 1, London, 1958.
73. Reichenbach H., The Direction of Time, Los Angeles, 1956.
74. Roques R., La notion de Hiérarchie selon le Pseudo-Denys,—«Archives d'histoire doctrinale et littéraire du Moyen Age», XXV—XXVI, Paris, 1951.
75. «The Royal Song of Saraha. A Study in the History of Buddhist Thought», Translated and annotated by Herbert V. Guenther, Washington, 1969.
76. Ruegg D. S., La théorie du tathāgatagarbha et du goṭra, Paris, 1968.
77. Raska J., Tabula Smaragdina, Heidelberg, 1926.
78. Schopenhauer A., Sämtliche Werke, Bd 6, Leipzig, 1891.
79. Sgam. po. pa., Jewel Ornament of Liberation. For the First Time Translated from the Original Tibetan and Annotated by Herbert V. Guenther, London, 1959.
80. Snellgrove D. L., Buddhist Himālaya. Travels and Studies in Quest of Origins and Nature of Tibetan Religion, London, 1957.
81. Stcherbatsky Th., The Central Conception of Buddhism and the Meaning of the word «Dharma», London, 1923.
82. Stcherbatsky Th., The Conception of Buddhist Nirvāna, Leningrad, 1927.
83. Takakusu J., The Essentials of Buddhist Philosophy, Bombay, 1956.
84. Teilhard de Chardin, Le phénomène humain, Paris, 1955.
85. Tucci G., Some Glosses upon Guhyasamaja,—«Mélanges chinois et bouddhiques», Bruxelles, 1935, vol. 3.
86. Tucci G., The Theory and Practice of the Mandala, London, 1961.
87. Vallee Poussin L., Studies of Buddhist Dogma: The Three Bodies of Buddha (Trikāya),—«Journal of the Royal Asiatic Society», London, 1906.
88. Waddel L., The Buddhism of Tibet or Lamaism, Cambridge, 1958.
89. Wiener N., The Human Use of Human Beings, London, 1950.
90. Zelinsky A. N., Academician Th. Stcherbatsky and Some Problems of the Cultural History of the Kushans,—«Countries and Peoples of the East», Moscow, (в печати).
91. Zelinsky A. N., The Kushans and Mahāyāna,—«Abstracts of Papers by Soviet Scholars, International Conference on the History, Archeology and Culture of Central Asia in the Kushan Period», Dushanbe, 1968.

Г. Г. Аннеткова-Шарова

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВОПРОСА
О ХАРАКТЕРЕ И ПРОИСХОЖДЕНИИ ДИОНИСИЙСКОГО КУЛЬТА
(Дионис в Греции и Малой Азии)**

Вакхические оргии, так ярко и полно изображенные в трагедии Еврипида «Вакханки» и в XXVI идиллии Феокрита, существовали в Греции задолго до Еврипида и тем более до Феокрита. Из описания Павсания мы узнаем об учреждении таинств в честь Диониса в Аркадии [20, 23,1; 25, 1—2], а мистерии Деметры, с которыми они перекликаются, получили распространение при Писистратидах, т. е. в VI в. до н. э. Известно также, что в этих мистериях Дионис фигурировал в качестве отрока Иакха, призываемого вакханками Еврипида.

В VII—VI вв. культ Диониса в Греции завоевывает особую популярность; И. М. Тронский [4, стр. 66—67] и Л. Ф. Лосев [2, стр. 153] объясняют это социально-экономическими процессами, происходившими в этот период в городах Греции: оттеснение с политической арены аристократии сопровождалось некоторыми религиозными реформами.

Олимпийские боги оказались объектом критики, а бог социальных низов Дионис стал завоевывать главенствующее место в греческой религии. Мифы, связанные с культом Диониса, содержат рассказы о борьбе, которую пришлось выдержать Дионису со своими противниками. Это навело исследователей на мысль об иноземном происхождении бога и его культа.

Оргастический культ столь характерен для некоторых стран Востока, что уже Геродот, заметивший близость Диониса к Озирису, приписывает культу Диониса египетское происхождение [13, 81].

Так как в социальной борьбе VII—VI вв. в Греции демократическое движение одержало победу, а культ Диониса шел снизу, то он установился и приобрел популярность, несмотря на то что оргиазм был чужд греческой религии и культу пришлось преодолеть сопротивление дельфийских жрецов, а потом претерпеть смягчающее влияние дельфийской религии.

Для него не было построено больших храмов, ему не приносили обычных жертв, как другим богам; он, как отмечает Виламовиц, был велик тем, что получило отражение в эпитете Диониса *λύσιος, λυαῖος* (Освобождающий): он податель вина, он освобождает душу [29, стр. 61]. Но не вино было главным освобождающим душу фактором. Чувство освобождения особенно явственно ощущалось поклонниками Диониса во время отправления вакхических оргий, когда они обходились без

вина. Эти оргии — «триетерии» происходили в середине зимы раз в два года. В «Вакханках» изображение триетерий грешит некоторой неточностью, так как Еврипид смешивает здесь воедино все оргиастические культы: из песен вакханок можно заключить, что культ Диониса ничем не отличается от культа Реи-Кибелы, фригийской Матери богов [10, 128 и сл.]; служители Реи корибанты являются и вакховыми служителями, так же как куреты (из культа критского Зевса) оказались отождествленными с сатирами. Доддс указывает, что в V в. азиатские иммигранты принесли в Грецию божественную пару Кибелы и Сабасия, они были объединены в одном культе с Дионисом и критской Реей, и этим объясняется смешение понятий у Еврипида [8, стр. XIX; 9, стр. 194].

Однако если согласиться с существующим мнением, что Еврипид написал «Вакханок» под впечатлением увиденного в Македонии, то возможно, что он неповинен в этом смешении, так как для Македонии переплетение греческих и восточных культов еще более характерно, чем для самой Греции. Все исследователи соглашались с тем, что в Македонии Еврипид мог видеть оргии в их более первоначальном виде, где они проходили интенсивнее, чем в Греции. Виламовиц считает даже, что сохранение македонских географических названий в «Вакханках» (Лидий, Аксий, Пиерия) говорит о том, что Еврипид впервые увидел там женский культ Диониса в его фракийской самобытности, так как в Элладе он давно изменился [29, стр. 123].

Но каково бы ни было влияние македонских впечатлений, элементы восточных культов уже раньше проникли в культ Диониса (у Эсхила он связан с культом фракийской богини Котито) [5, fr. 71], а в творчестве Еврипида Дионис и раньше фигурировал как сын Матери богов [11, fr. 586].

О триетериях сообщают разные греческие авторы, жившие после Еврипида. Так, Плутарх [23, 2] и Павсаний [21, гл. 32, стр. 5] рассказывают о хожении женщин в горы (*ὄρεβασία*) для празднования оргий, т. е. для бега и плясок в честь Диониса (*ὄρνια* — священный бег, *ὄρνεῖν* — исполняющие его) [29, 71]. Отсюда эпитет Диониса *ὄρειος* *ὄρέτιος* и т. д. [9, стр. 270 и сл.]. Об этих же *βαχχета* рассказывает и Диодор [7, гл. 4, 3]. О сходстве культа Сабасия с дионисийскими оргиями можно судить по описанию Демосфена, который высмеивал оратора Эсхина, вместе со своей матерью принимавшего участие в оргиях Сабасия и кричавшего «Эвоэ!» [6, гл. 313]. Из свидетельств этих и других авторов мы знаем, что оргии происходили в V—IV вв. и позднее в Фивах, в Аркадии, на Родосе, на Мелосе и т. п.

К сожалению, греческие авторы, жившие до Еврипида, сохранив варианты мифа о Дионисе, ничего не рассказали об обрядах. Их описание мы находим у более поздних авторов, и это затрудняет задачу установления времени возникновения культа.

Неотъемлемый признак дионисийского культа — чудеса, описанные и автором гомеровского гимна о Дионисе, и Еврипидом, и Платоном [22, гл. 534; 10, 623 и сл.], — свидетельствует о более поздней стадии религиозных представлений, нежели те, которые лежали в основе веры в олимпийских богов. Дионис — бог, соответствующий более развитым религиозным представлениям, как бы ни был он близок людям, как бы ни «приземляло» его рождение от женщины Семелы, — обладал атрибутом, поднимающим его над людьми, — способностью творить чудеса, тогда как гомеровские боги редко совершали поступки, недоступные сильному и хитроумному смертному. Боги Гомера больше похожи на людей, чем Дионис, но вместе с тем они «знают

свое место» и не ходят по земле. Дионис же, обладая величием и силой, не свойственными людям, сам приходил на землю и давал людям возможность сблизиться с ним; ведь во время вакхических оргий его поклонники становились «вакхами».

В этом был один из секретов его популярности. Олимпийские боги были далеко, и их невозможно было познать. Но трудно было не уверовать в божественность Диониса, испытывая непонятный и недосягаемый в обычной обстановке экстаз, всегда сильно влияющий на психологию не освободившихся от религии людей. В этом одна из причин быстрого распространения в Греции оргиастического культа.

Однако время возникновения и распространения в Греции этого культа и характер вакхических оргий до сих пор служат предметом обсуждения ученых. Мы склонны считать Диониса автохтонным богом Греции, культ которого приобрел оргиастический характер вначале в Азии, потом уже у себя на родине, в Элладе. (Таково объяснение самого Диониса — прологиста еврипидовской трагедии.)

Вплоть до 20-х годов XX в. в науке господствовала теория о фракийском происхождении Диониса и его оргиастического культа. Это объясняется тем, что во Фракии дольше всего сохранились древнейшие формы культа, носящего оргиастический характер.

Одним из сторонников этой теории был Эрвин Роде; по его мнению, культ приходит в Грецию во II тысячелетии до н. э. Эрвин Роде, ссылаясь на К. О. Мюллера, объясняет дионисийский оргиазм психологическими причинами. Нейстовое возбуждение вызывалось посредством пляски, потрясания головой, пронзительных криков в ночи с целью экстатического отрыва от самих себя и единения с богом. «В экстазе, — говорит Роде, — душа освобождается от телесных оков, соединяется с богом и забывает о будничных заботах» [27, стр. 260]. Эта мысль повторяется в работах многих ученых, даже стоящих в оппозиции к теории Роде. Тот факт, что главную роль в дионисийском культе играли женщины, служит Роде для подтверждения его психологической теории; он ссылается на возбудимость, силу воображения женщин и их склонность к повиновению. Теория Роде, ученика Шопенгауэра и друга Ницше, стала господствующей к концу XIX в.

Сам Ницше проводит аналогию между вакхическими оргиями греков и подобным явлением, бытовавшим в конце средних веков в Германии и других европейских странах, — плясками на праздниках св. Диониса и св. Витта [3, стр. 16 сл.]. Таким образом, он, как и Роде, объясняет религиозный экстаз субъективно-психологическими причинами, сравнивая его с эпидемией. Но характер культа греков, по его мнению, сильно отличался от характера оргиастических культов в Азии, так как везде была половая разнузданность. Грекам же это было чуждо.

Виламовиц-Меллендорф, будучи противником психологической теории Роде, все же во многом соглашается с ним. Он не сомневается в варварском происхождении Диониса и его оргий и утверждает, что родиной Диониса была именно Фракия. В Грецию же бог Дионис пришел не непосредственно из Фракии, а через малоазийские страны — Фригию и Лидию, что доказывается вакхической терминологией, именами (например, Семела — имя фригийской богини земли, Vakhos — лидийский эквивалент Диониса и т. п.). Самое же интересное, что Виламовиц относит проникновение культа Диониса в Грецию самое раннее к V в., а начало его эллинизации — к 700 г. [90, стр. 61], хотя азиатские греки поклонялись ему раньше. Виламовиц считает даже, что как бог вина Дионис заимствован греками у лидийцев, так

как автор «Одиссеи» не знает его как подателя вина [29, стр. 64]. Дионисийские мифы о сопротивлении богу (Пенфей, Ликург, Миниады, Орхомен и др.), по мысли Виламовица, свидетельствуют об иностранном происхождении Диониса [29, стр. 66].

Однако В. Отто правильно, на наш взгляд, возражает, что, будь Дионис богом иноземного происхождения, в литературе сохранились бы более явные следы вторжения чужого, иностранного.

Обаяние, притягательная сила нового бога была, по мнению Виламовица, в его демократическом характере: ведь если общение с другими олимпийцами осуществлялось только через жрецов, а в хорах пели и танцевали только избранные, то в служении Дионису это выпадало на долю всем, кто приходил к богу. Тут вслед за Роде Виламовиц повторяет, что экстаз заставлял людей подниматься над собственной личностью и освобождаться от связывающей повседневности [29, стр. 68]. Пробуждаясь, люди возвращались к обычным заботам с облегченной душой. Именно этим Виламовиц объясняет женский характер оргий: женщины жаждали духовного освобождения, так как в классическое время они были обременены у ионян и афинян тяжелыми работами и терпели всяческие унижения.

Виламовиц говорит далее, что в Грецию культ Диониса пришел отдельно от культа Великой матери богов, чьи оргии во Фригии носили дикий, оргиастический характер; этот последний культ глубоко не укоренился в Греции, и если у Еврипида вождь лидиянок объединяет оба, то этому причина — ощущение их подобия и необходимость обосновать применение кимвалов и тимпанов. Однако во времена Еврипида дикие оргии женщин существовали не везде; Еврипид смог их увидеть только в Пелле, в Македонии, — так он их и изобразил.

Хотя представление о фракийско-азиатском происхождении Диониса господствовало в науке, как было сказано, до начала 30-х годов нашего века, отдельные голоса об исконности в Греции его культа раздавались уже в начале века. Так, О. Группе, не будучи уверен, что культ Диониса занесен в Малую Азию из Беотии, а не наоборот, заявляет, однако, что, «без сомнения, греческие поселенцы перенесли его во Фракию».

Еще до выхода в свет работы Роде появилась теория, получившая развитие в XX в. и в известной степени сохранившая популярность по сей день, — теория, объясняющая дионисийское неистовство как ритуал, имеющий целью воздействовать на плодородие земли. Эта теория была обоснована такими исследователями, как Ф. Фойгт, А. Рапп и др. Вместе с теорией Роде о «развязывающем душу» энтузиазме она завоевала общее признание к 30-м годам. Преимущественное участие женщин в дионисийском богослужении объяснялось социально-историческими причинами: в самые ранние периоды развития земледелия обработкой земли занимались почти исключительно женщины, а культ Диониса — земледельческий культ.

Но в 1933 г. появляется книга, не похожая ни на какое другое исследование о Дионисе, — книга Вальтера Отто «Дионис. Миф и культ», о которой мы выше упоминали. Книга написана талантливо и содержит много ярких и оригинальных положений. Однако М. П. Нильссон считает, что выводы Отто должны взбудоражить исследователей и побудить их к пересмотру своего Handwerkzeug — набора ремесленных инструментов, ибо если этот набор негоден, то можно прийти не к научному анализу, а к пророчеству — так называет Нильссон книгу Отто в своей глубоко иронической рецензии на нее.

Действительно, при всей смелости и оригинальности выводов Отто нельзя не признать, что они подчас весьма произвольны. А так как теория Отто о происхождении Диониса и назначении его оргий находится в противоречии со всеми высказанными до него гипотезами, он всем им дает уничтожающую характеристику, начиная с Роде и кончая Нильссоном.

Отто считает несостоятельными как психологический подход в объяснении дионисийского экстаза, так и материалистическое его толкование. Отто старается показать, что основные положения теории «урожая» стоят в очевидном противоречии с важнейшими действиями культа. Основной аргумент против нее: площадь действий Диониса и вакханок была максимально удалена от полей — это были горы и лес. И еще: хороший урожай желателен каждый год, а триетерии праздновались раз в два года.

Вместе с тем Отто отмечает, что некоторые черты дионисийского обряда получили логическое толкование только у носителей теории «плодородия»: если Роде не умел объяснить причин растерзания и поедания сырого мяса, то Фойгт, замечая, что растерзываются только животные — воплощения Диониса, делает вывод: принося в жертву земле силу плодородия Диониса, люди передают ей плодотворящие возможности.

Однако и это объяснение Отто считает ошибочным. Ссылаясь на регулярно повторяющиеся в изобразительном искусстве сцены, он подчеркивает, что жертвами ритуального растерзания часто были животные, не указывающие ни на плодородие природы, ни на воплощения Диониса, а именно, жители дикой природы — олени и косули, а также медведи и волки.

Дионисийское состояние есть древнейший феномен жизни, говорит Отто. Оно отражает потрясение, переживаемое при рождении и вскармливании. Внутренняя разрушительная сущность дионисийского безумия — отголосок первобытных форм материнства, взрыв жизненной основы — *Lebensgründe*. Так как этот взрыв объявляет о себе из сокровеннейших глубин, то жизненное опьянение готово перейти границы восторга и проявиться в диких и жестоких формах [19, стр. 132]. Итак, праздником материнского начала объясняет Вальтер Отто преобладающую роль женщин в отправлении дионисийского культа.

Хотя гипотеза Отто изложена им как нечто установленное, но она осталась гипотезой и в течение многих лет не находила отзвука в работах других ученых. Такой крупный и умный исследователь дионисийского культа, как Э. Доддс, просто игнорирует Отто в своих работах. И все-таки есть у Отто ряд остроумных предположений и заключений, которые заслуживают пристального внимания.

Со свойственной ему смелостью он категорически отмечает все установившиеся теории миграции Диониса. Он не соглашается ни с фракийским происхождением Диониса, ни с фригийско-лидийским. Отто отвергает и теории многократного появления бога по морю из Малой Азии. Он не принимает и компромиссной теории Нильссона, по которой Дионис пришел сначала из Фракии, а потом, измененный под влиянием малоазийских религий, из Малой Азии [18, стр. 396 и сл.].

Даже отсутствие половой разнузданности на дионисийских празднествах греков Отто рассматривает как доказательство исконно матриархальной сущности обряда: эротический элемент остается на заднем плане, так как для женщин акт материнства значительнее, чем половой.

акт. Таким образом, и эта известная сдержанность дионисийства в Греции говорит, по мнению Отто, против теории иноземного происхождения культа.

Отто считает, что волнение, произведенное в Греции приходом Диониса,— это только новое пробуждение древней религии бога, известной в Греции еще во II тысячелетии; представления и ритуалы, связанные с именем Диониса, восходят к догреческому населению. Мифы же, которые мы считали свидетельством появления бога извне, являются только отражением его эпифании, а не перемещения культа [19, стр. 51 и сл.]. Отто ссылается при этом на литературные источники и показывает несостоятельность аргументации своих предшественников, толкующих эти источники неверно или делающих свои выводы на основании весьма скудных данных. Например, многими подтверждается, что *Vakhos* — лидийское слово. Но нельзя лидийское слово считать доказательством малоазийского происхождения Диониса. Оно могло войти в дионисийский культ позднее, при слиянии религий. Кроме того, нет оснований утверждать, что слово это не принадлежало догреческому народу, от языка которого сохранились многие названия дионисийского культа, например название горы Парнас и т. п. [19, стр. 58].

Аргументы Отто основаны на тщательном анализе текстов.

Надо сказать, что в науке все чаще раздаются голоса в пользу концепции Отто. Так, в 1956 г. венгерский ученый Карл Кереньи в статье о состоянии учения о родине дионисовой религии подтвердил правильность предположений Отто на основании новых археологических находок. Имя Диониса найдено в надписях во дворце Кносса, а также прочтено в критских письменах (пилосская таблица). Дионисийские элементы найдены и в кносском изобразительном искусстве: на сосудах с вином голова быка; женщины-жрицы изображены со змеями. Кереньи вновь вслед за Отто напоминает, что уже в «Одиссее» имя Диониса связано с именем Ариадны, т. е. с Критом. Таким образом, Диониса почитали на Крите уже во II тысячелетии. Был ли там этот культ исконным — это уже другой вопрос. Г. Жанмер решает этот вопрос следующим образом: критский культ Диониса во II тысячелетии был объединен с подобными культурами Малой Азии и севера Балкан, потом произошла его новая миграция.

Тот факт, что культ Диониса бытовал на Крите, подтверждается и существованием там Лабиринта, что установлено Пальмером, считающим царицей Лабиринта Ариадну.

Итак, Кереньи тоже противник теории фракийского происхождения Диониса. Появление ее он объясняет тем, что когда-то Наксос, самый «дионисийский» остров в древности (его второе название — Дионисия), был захвачен фракийцами, поэтому и считается, что фракийцы принесли культ в Грецию. В действительности же они не принесли, а заимствовали этот культ у жителей острова Наксос [15, стр. 55 и сл.].

Известно, что, по свидетельствам вазовой живописи и по описаниям обряда, Дионис прибыл в Грецию на корабле. По мнению Кереньи, он прибыл в Грецию с Крита.

Нет сомнения, что Э. Доддс, когда вышли его два исследования, в которых он дает свое объяснение дионисийским оргиям и Дионису, был знаком с работами Кереньи, не говоря уже о книге Отто. В 1959 г. вышла книга Доддса «Греки и иррациональное». Как было сказано, он игнорирует книгу Отто; тем не менее он отвергает теорию магического воздействия на плодородие земли теми же доводами, что и Отто: для урожая в других местах танцуют ежегодно, как ежегоден

сам урожай, говорит Доддс, и танцуют на полях, а не в горах [9, стр. 271]. Как и Роде, он проводит аналогию с танцами св. Иоанна и св. Витта в Европе XV—XVII вв., в которых толпа доходила до такого иступления, что людей, падавших в изнеможении (как в «Вакханках», ст. 136), затапывали до смерти. Для многих людей, считает автор, ритуальный танец — более убедительный религиозный опыт, чем какой-либо иной обряд. Им кажется, что они мускулами познают божество. Такой спонтанно возникающей массовой истерией объясняет Доддс происхождение дионисийского обрядового танца. Путем направления этой истерии в организованное русло (однажды в два года) был найден безвредный исход экстатической энергии. Эта энергия, подчиненная религиозной службе, вливается в мирное отправление обряда, изображенное в пароде «Вакханок», тогда как спарагмос, происходящий на Кифероне, — стихийный и потому опасный вакхизм [9, стр. 272].

Доддс возражает против толкования омофагии как подражания мифическому растерзанию и съедению бога: ритуал всегда старше мифа. Он объясняет омофагию верой в гомеопатический эффект мясной пищи: если хочешь иметь сердце льва — ешь льва, хочешь быть subtilным — ешь змею и т. п. Такие представления бытуют у многих народов. Значит, если хочешь быть как бог — ешь бога или его воплощение; надо съесть быстро и в сыром виде, пока не стекла кровь, так как кровь — жизнь и только так прибавишь к своей жизни жизнь бога [9, стр. 277]. Это надо делать тогда, когда бог появляется среди людей, а он появляется раз в два года в разных видах — растительном, животном, человеческом и поедается во всех видах.

Хотя Виламовиц считает такое толкование омофагии модернизированным, нам оно представляется наиболее убедительным: ведь еще Плутарх рассказывал, как женщины, одержимые Вакхом, бросаются на плющ — олицетворение Вакха, чтобы разорвать и проглотить его [25, гл. 112].

Те же мысли Доддс развивает в своем предисловии к изданию «Вакханок» 1960 г. Здесь он тоже говорит о происхождении Диониса, совершенно не упоминая новейших мнений на этот счет; он придерживается старой традиции, считая Диониса пришельцем в Греции, причем, по его мнению, культ Диониса пришел двумя независимыми путями — с азиатского берега через Наксос, Делос и Евбею и из Фракии через Македонию, Беотию и Дельфы. Нельзя точно датировать его приход, говорит Доддс, но думается, что это было несколько раньше, чем предполагает Виламовиц, т. е. до 700 г. до н. э.

Так же консервативен в решении вопроса о происхождении Диониса крупнейший исследователь греческой религии Мартин П. Нильссон. Во многих своих работах, написанных на протяжении более 40 лет, он настаивает на азиатском происхождении Диониса.

Тот факт, что трудно уяснить первоначальный облик бога, убеждает Нильссона в появлении его из двух стран (из Фракии и Малой Азии) в несколько разных обликах. С Дионисом пришел в Грецию и оргиазм, пробуждающий первобытные инстинкты, поднимающий человека над повседневностью и потому легко привившийся в Греции. В основе своей это фракийский бог; какие черты он приобрел в Греции, остается неясным [16, стр. 601].

То, что упоминание о Дионисе в греческой литературе, влечет за собой упоминание о менадах или описание вакхических оргий, служит Нильссону доказательством иноземного происхождения бога. По мысли ученого, на своей родине Дионис был многозначным богом, но,

когда культ переходит к другому народу, сохраняется наиболее яркая или необычная черта этого культа. В случае с Дионисом это оргиазм [16, стр. 568].

Нет сомнения, что Нильссон прав, критикуя Отто за его создание образа Диониса вне времени [16, стр. 154]. Но Нильссон не хочет замечать и сильных сторон исследования Отто, его логики и часто весьма убедительной аргументации. Нам кажется, что если вопрос о родине оргиазма до сих пор остается открытым, то вопрос о родине самого Диониса будет, очевидно, решен так, как решил его Отто: это автохтонный бог догреческого происхождения, ставший Вакхом при слиянии его культа с восточными оргиастическими культурами.

Правда, доказательством автохтонности является не матриархальный характер дионисийского культа, на который постоянно указывает Отто. В. И. Иванов тоже считал дионисийство матриархальным обрядом, но это не мешало ему считать его чужеродным в Греции. «Не на эллинской почве впервые возникла она,— говорит Иванов об оргиастической религии,— и не может быть в ядре своем выведена из условий исторического существования эллинских племен...» [1, стр. 257].

Но, перенося родину оргиазма в Азию, Иванов тем не менее считает Диониса греческим богом, занявшим место безымянного прадионисийского божества, в лице которого сливались боги различных азиатских оргиастических культов. [1, стр. 1—2].

Из Малой Азии Дионис принес с собой не только оргиазм, но и такие свои атрибуты, как львы, тигры, пантеры, осел. Азиатская река Тигр, по свидетельству Плутарха, получила свое название от одного из дионисийских мифов с участием тигра [24, гл. 24,1], пантера связана с экстастическим культом хеттидов; осел, эпизодически появляющийся в культе Диониса в эллинистическое время, ведет свое происхождение из фригийского культа [1, стр. 133].

Конечно, решение вопроса о характере дионисийства и о его происхождении требует специального и весьма углубленного исследования. Нам казалось не лишним сделать краткий обзор существующих на этот счет мнений. И мы склоняемся к мысли, что правильное решение было впервые найдено в V в. до н. э. Еврипидом, который устами своего Диониса высказывает простую и самую правдоподобную истину: Дионис родился в Греции, но был забыт у себя на родине и вернулся в свою страну только после того, как завоевал популярность и утвердил свой культ в Азии. И ему пришлось преодолевать сопротивление в Греции не потому, что он был там чужим, а потому, что он принес с собой чуждый Греции оргиазм.

1. Иванов В. И., Дионис и прадионисийство, Баку, 1923.
2. Лосев Л. Ф., Античная мифология, М., 1957.
3. Ницше Ф., Происхождение трагедии из духа музыки, СПб., 1903.
4. Тронский И. М., История античной литературы. Л., 1949.
5. Aeschylus. Fragmenta (H. J. Mette. Die Fragmente der Tragödien des Aischylus, Berlin, 1959).
6. Demosthenes. De corona.
7. Diodorus, Bibliotheca historica.
8. Dodds E. R., Euripides. Bacchae (Introduction). Oxford, 1960.
9. Dodds E. R., The Greeks and the Irrational. Berkeley—Los Angeles, 1959.
10. Euripides Bacchae.
11. Euripides. Fragmenta (A. Nauck. Tragicorum Graecorum fragmenta. 2 Auflage. Lipsiae, 1889).
12. Gruppe O., Griechische Mythologie und Religionsgeschichte, München, 1906.
13. Herodotus, Historia, liber 2.
14. Jeanmaire H., Dionysus. Histoire du Culte Bacchus, Paris, 1951.

15. Kerenyi K., De Herkunft der Dionysosreligion nach dem heutigen Stand der Forschung, Düsseldorf, 1956.
16. Nilsson M. P., Geschichte der griechischen Religion. 3. Auflage, München, 1967.
17. Nilsson M. P., Otto W. F. Dionysos (rez)—, «Gnomon», Bd 11, Hf. IV, 1935.
18. Nilsson M. P., The Minoan-Mycen Religion, London, 1927.
19. Otto W. F., Dionysos. Mythos und Kultus, Tübingen, 1933.
20. Pausanias, Graeciae descriptio, liber 8.
21. Pausanias, Graeciae descriptio, liber 10.
22. Plato. Jon.
23. Plutarchus, Alexander.
24. Plutarchus. De fluviis.
25. Plutarchus. Quaestiones Romanae.
26. Rapp A., Die Beziehungen des Dionysos-Kultus, Stuttgart, 1882.
27. Rohde E., Psyche, London, 1928 (translation).
28. Voigt F. A., Dionysus, Roschers-Lexicon I. Leipzig, 1884—1890.
29. Wilamowitz-Moellendorf U., Der Glaube der Hellenen, Berlin, 1932.

CONTENTS

The Oriental Commission of the Geographical Society of the USSR in 1965—1972 5

General Problems of Developing Countries

- M. S. Rozin*, On the Role of the Developing Countries in the Geography of World Economy 18
N. S. Babintseva, On the Importance of Small-scale Industries in the Industrialization of Developing Countries 24

Africana

- Y. D. Dmitrevsky*, African Natural Resources, Their Location and Evaluation (General Approach to the Problem) 41
A. D. Gozhev, The Map of African Natural Regions 54
I. N. Oleinikov, Old and Young Features of the Landscapes of Tropical Africa 56
M. P. Zabrodskaya, Main Typological and Regional Features of the Savannah Landscapes in West Africa 63
Y. D. Dmitrevsky, The Role of the Economico-Geographical Analysis in the Study of the Economic Problems of African Developing Countries 75
M. B. Gornung, The Importance of the Soviet Experience in the Study and Management of Natural Resources for the Developing Countries of Africa 81
Y. N. Gladky, On the Dynamics of the Development, the Structure and the Particularities of the Location of African Metal-working Industry 90
M. M. Golubchik, Some Traits of the Forest Resources Economy in African Countries 97
M. B. Rabinovitch, Jameson's Invasion in Transvaal in 1895. 113
B. A. Valskaya, E. P. Kovalevsky and the Egyptian Engineers in the Ural and the Eastern Sudan (Unpublished Data) 126
V. S. Yagya, The Changes in the Social and Class Structure of Modern Ethiopia 114

Asiatica

- I. V. Sakharov*, The Main Problems and Prospects Facing the Ethnogeographic Studies of India 157
V. A. Romodin, Some Historico-demographic Data on the Afghan (Pashto) Population of Afghanistan 169
S. A. Maretina, The impact of the natural environment on the economic life of Dayaks in Kalimantan 173
Y. V. Maretin, *S. A. Maretina*, Community of the Russian Old Settlers in Barguzin Valley, East Siberia (Field Study on the History of the Community) 183
E. A. Kreinovich, The Survivals of Group Marriage among the Nivkhs 224
R. Y. Rassudova, The Village Community in the Lower Darghom Basin of Zeravshan Valley (end of XIXth — beginning of XXth centuries) 234
M. V. Vorobyov, Some Disputable Questions of the Ethno-cultural History of the Jurchen 248
T. K. Shafranovskaya, The End of Siberian Expedition of I. P. Falk and His Notes 255
M. F. Chigrinsky, The Early Dutch Communications on the Pingp'u — the Taiwan Aborigines 263
K. Ribu, *S. I. Lubo-Lesnichenko*, Loulan and Oglakhty — Two Groups of Ancient Art Clothes 272

V. B. <i>Black</i> . Some Bronze Age Works of Art from Transcaucases (the First Half of the 2d Millennium B. C.)	282
A. A. <i>Bykov</i> . Coins of Rashaddin, an Uighur Insurgent	288
S. E. <i>Yakhontov</i> . The Classification of South—East Asian Languages	303
A. G. <i>Shprinzyn</i> . The New Chinese Alphabet (Latinization), Dialects and Common Literary Language	309
A. N. <i>Zelinsky</i> . The Idea of Cosmos in Buddhist Thought	322
G. G. <i>Anpetkova-Sharova</i> . The Present-day View on the Dionysian Cult and its Origin (Dionys in Greece and in the Minor Asia)	340

СОДЕРЖАНИЕ

Восточная комиссия Географического общества СССР в 1965—1972 гг. 5

Общие проблемы развивающихся стран

- М. С. Розин.* К вопросу о роли развивающихся стран в географии мирового хозяйства 18
Н. С. Бабинцева. О значении мелкого производства в ходе индустриализации развивающихся стран 24

Africana

- Ю. Д. Дмитриевский.* Природные ресурсы Африки, их размещение и оценка (Общая характеристика проблемы) 41
А. Д. Гожев. Карта природных областей Африки 54
И. Н. Олейников. О древности и молодости ландшафтов Тропической Африки 56
М. П. Забродская. Основные типологические и региональные особенности ландшафтов саванн Западной Африки 63
Ю. Д. Дмитриевский. Роль экономико-географического анализа в изучении экономических проблем развивающихся стран Африки 75
М. Б. Горнунг. Значение советского опыта изучения и освоения природных ресурсов для развивающихся стран Африки 81
Ю. Н. Гладкий. К вопросу о динамике развития, структуре и особенностях размещения африканской металлообрабатывающей промышленности 90
М. М. Голубчик. Некоторые черты хозяйственного использования лесных ресурсов стран Африки 97
М. Б. Рабинович. Вторжение Джемсона в Трансвааль в 1895 г. 113
Б. А. Вальская. Е. П. Ковалевский и египетские инженеры на Урале и в Восточном Судане (Неопубликованные материалы) 126
В. С. Ягья. Сдвиги в социально-классовой структуре населения Эфиопии в новейшее время 144

Asiatica

- И. В. Сахаров.* Основные задачи и перспективы в области изучения этногеографии Индии 157
В. А. Ромодин. Некоторые историко-демографические данные об афганском (паштунском) населении Афганистана 169
С. А. Маретина. Роль природной среды в хозяйственной жизни даяков Калимантана 173
Ю. В. Маретин и С. А. Маретина. Община у русских старожилов долины реки Баргузин, Восточная Сибирь (Полевые материалы к истории общины) 183
Г. А. Крейнювич. О пережитках группового брака у нивхов 224
Р. Я. Рассудова. Сельская община в бассейне Нижнего Даргома Зеравшанской долины (конец XIX — начало XX в.) 234
М. В. Воробьев. Некоторые спорные вопросы культурной и этнической истории чжурчженей 248
Т. К. Шафрановская. Конец Сибирской экспедиции И. П. Фалька и его записки 255
М. Ф. Чигринский. Ранние голландские известия о пинпу — аборигенах Тайваня 263

<i>К. Рибу, Е. Лубо-Лесниченко.</i> Оглахты и Лоулань (Две группы древних художественных тканей)	272
<i>В. Б. Блэк.</i> Некоторые памятники искусства Закавказья эпохи развитой бронзы (Первая половина и середина II тысячелетия до н. э.)	282
<i>А. А. Быков.</i> Монеты Рашаддина, уйгурского повстанца	288
<i>С. Е. Яхонтов.</i> О классификации языков Юго-Восточной Азии	303
<i>А. Г. Шпринцин.</i> Китайский новый алфавит (латинизация), диалекты и общелитературный язык	309
<i>А. Н. Зелинский.</i> Идея космоса в буддийской мысли	322
<i>Г. Г. Анпеткова-Шарова.</i> Современное состояние вопроса о характере и происхождении дионисийского культа (Дионис в Греции и Малой Азии)	340

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

вып. XV

Африка и Азия

Утверждено к печати Восточной комиссией Географического общества СССР

Редактор *М. Д. Панасьянц*. Младший редактор *К. А. Недорезова*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*. Технический редактор *Л. Ш. Бергславская*

Сдано в набор 13/IX 1972 г. Подписано к печати 5/II 1973 г. А-06597. Формат 70 × 108^{1/16}
Бумага № 1. Печ. л. 22. Усл. печ. л. 30,8. Уч.-изд. л. 30,29. Тираж 1700 экз. Изд. № 3066
Зак. № 1023. Цена 3 р. 36 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука». Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

